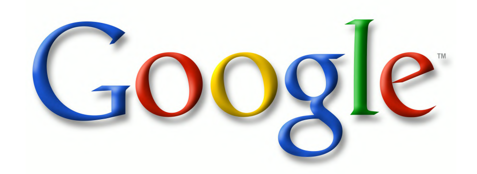
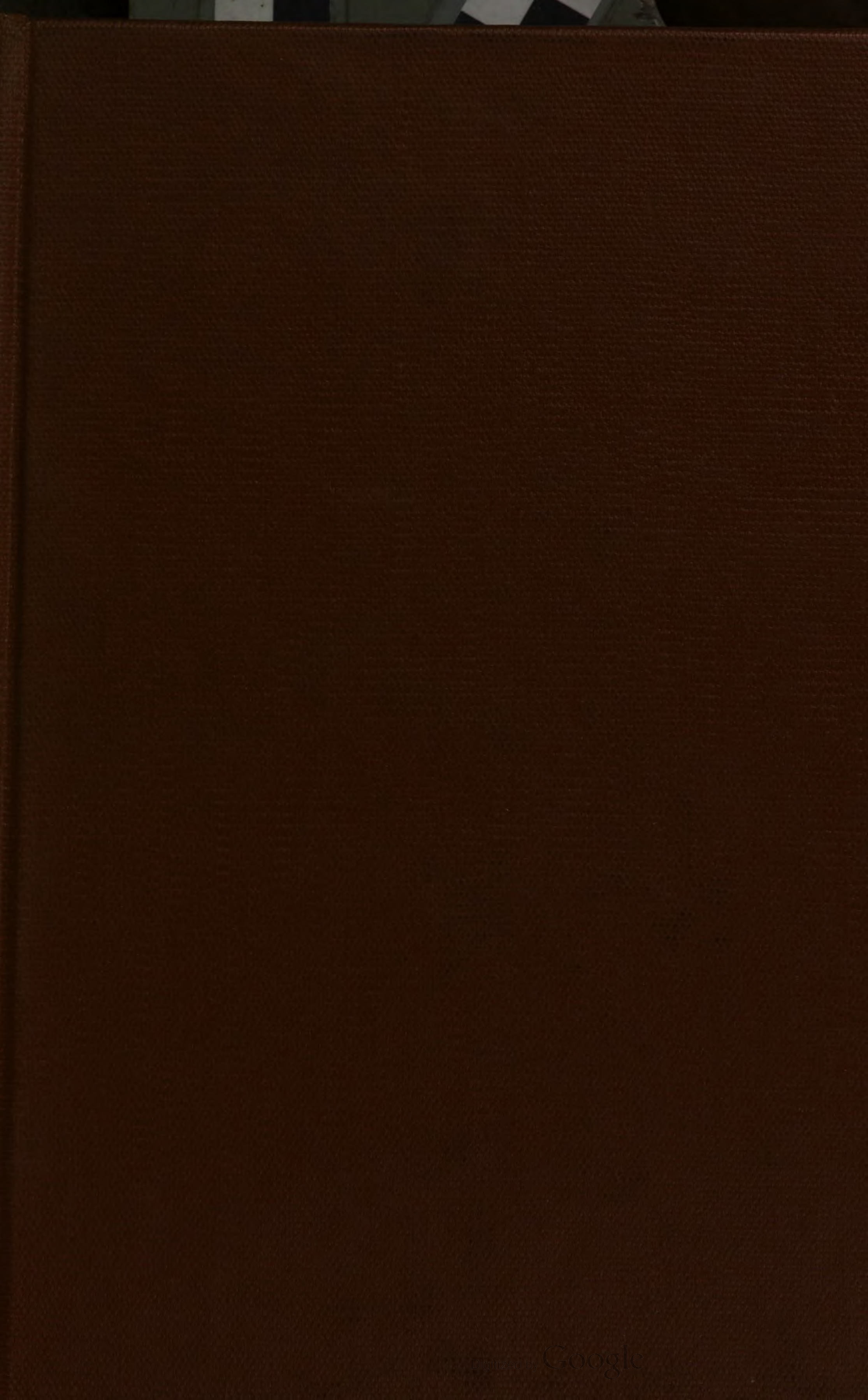

Google

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

Адресъ редакціи и конторы: уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.

ІЮНЬ. 1898.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 6.

СОДЕРЖАНІЕ.

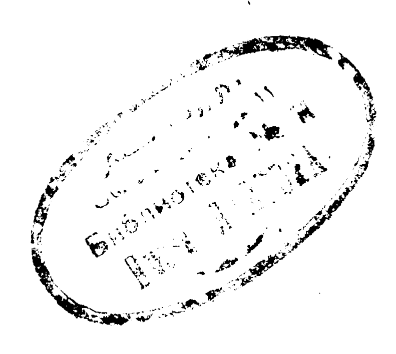
(*См. на оборотъ*).

ІЮНЬ. 1898.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

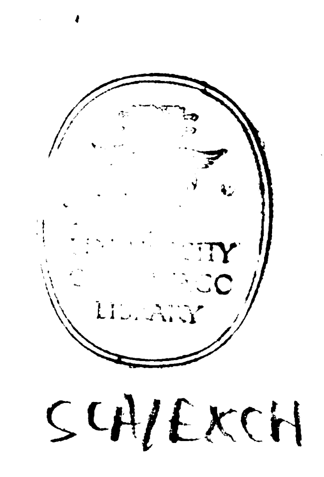
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 6.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1898.

Дозволено цензурою. Спб. 23 іюня 1898 года.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. на оборотѣ).

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловскимъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой и пересылкой **9 р.**, безъ доставки въ Петербургѣ и Москвѣ **8 р.**, за границу **12 р.**

Продолжается подписка на 1898 годъ

№№ 1 и 2 ВЫШЛИ ВТОРЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ въ конторѣ журнала—*уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы — *Никитскія ворота, д. Гагарина.*

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ только **40 коп.** съ каждаго годового экземпляра.

Подписка въ разсрочку отъ книжныхъ магазиновъ не принимается.

Редакторы: П. Быковъ, С. Поповъ.

шесть томовъ сочиненій

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство».

УДЕШЕВЛЕННОЕ

изданіе большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ листовъ каждый томъ, **съ портретомъ автора.**

Цѣна 2 р. за томъ.

СОДЕРЖАНІЕ I Т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

СОДЕРЖАНІЕ II Т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 5) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ. 7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

СОДЕРЖАНІЕ III Т. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его «новая наука». 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

СОДЕРЖАНІЕ IV Т. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4). О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ V Т. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника: I. Независящія обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные лбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Ціона, чреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ. XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ».

СОДЕРЖАНІЕ VI Т. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія. 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

Изданія редакціи журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО»:

С. А. Ан—скій. Очерки народной литературы. Ц. 80 к.
Н. Гаринъ. Очерки и разсказы. Т. I. Изд. второе. Ц. 1 р. 25 к.
Его же. Очерки и разсказы. Т. II. Ц. 1 р.
Его же. Гимназисты. Изъ семейной хроники. Изд. второе. Ц. 1 р. 25 к.
Его же. Студенты. Изъ семейной хроники. Ц. 1 р. 25 к.
С. Я. Елпатьевскій. Очерки Сибири. Изд. 2-ое. Ц. 1 р.
Вл. Короленко. Въ голодный годъ. Изд. третье. Ц. 1 р.
Его же. Слѣпой музыкантъ. Изд. шестое. Ц. 75 к.
Л. Мельшинъ. Въ мірѣ отверженныхъ. Записки бывшаго каторжника. Ц. 1 р. 50 к.
Н. К. Михайловскій. Сочиненія въ шести томахъ. Удешевленное изданіе большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ листовъ каждый томъ. *Съ портретомъ автора.* Ц. 12 р.
А. О. Немировскій. Напасть. Повѣсть изъ временъ холерной эпидеміи 1892 г. Ц. 1 р.
С. Н. Южаковъ. Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 50 к.
П. Я. Стихотворенія. Ц. 1 р.

Отъ конторы редакціи.

Контора редакціи доводитъ до свѣдѣнія гг. подчисчиковъ выписывающихъ журналъ съ разсрочкою подписной платы, что въ іюлѣ истекаетъ срокъ для окончательнаго разсчета за журналъ, и покорнѣйше проситъ при высылкѣ денегъ сообщать № своей подписки, означенный на печатномъ адресѣ, или прилагать самый адресъ.

Лицамъ, не приславшимъ къ выходу іюльской книжки полной доплаты до подписной суммы 9 руб., высылка журнала будетъ прекращена.

Подписчики, живущіе въ Москвѣ, во избѣжаніе лишнихъ хлопотъ и расходовъ по пересылкѣ денегъ, могутъ вносить доплаты въ отдѣленіе нашей конторы (Никитскія ворота, д. Гагарина), обязательно представляя печатный адресъ, по которому высылается журналъ изъ Петербурга.

НОЧНЫЯ ТѢНИ.

Очерки изъ жизни уѣзднаго городка.

I.

Стояла осень, когда батарея, въ которой служилъ Николай Чердынцевъ, двигалась походнымъ порядкомъ по направленію къ Коневцу, зимнимъ ея квартирамъ. Длинной черной лентой растянулись орудія съ конной прислугой. Пушки мягко громыхали колесами по пыльной дорогѣ и звенѣли цѣпями. Лошади, собранныя на мундштукахъ, пережевывали удила и брызгали бѣлою пѣной; всадники мѣрно покачивались въ глубокихъ сѣдлахъ. Красавецъ Угрюмый, выносной перваго орудія, шелъ, низко нагнувъ свирѣпую голову и чуть не волоча по землѣ длинной, густой и волнистой гривой, а соперникъ его по красотѣ—темнокараковый Аспидъ во второмъ орудіи тропотилъ, вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ, отфыркивался и косилъ лукавымъ, веселымъ глазомъ. Офицеры кучкой ѣхали впереди батареи, но капитанъ Сафонеевъ, плотный, приземистый мужчина лѣтъ сорока, лысый, но съ густой рыжеватой бородой и добродушнымъ лицомъ, то и дѣло безпокоился, останавливалъ лошадь, пропускалъ батарею мимо себя и покрикивалъ:

— Эй, четвертое, не вѣшать постромки... Голубевъ, ты мнѣ только натри спину лошади!..

— Ишь, разбираетъ его,—шептали солдаты, когда капитанъ на рысяхъ догонялъ голову колонны, но разговоры тотчасъ смолкали, потому что къ орудію подъѣзжалъ уже немолодой съ огромной окладистой бородой, съ серьгой въ ухѣ и суровымъ взглядомъ изъ подъ нависшихъ бровей вахмистръ Ершовъ. Ершова боялись и уважали даже болѣе, чѣмъ строгаго педанта капитана.

— Гавриленко,—вполголоса и басомъ говорилъ Ершовъ, подымая огромный кулачище и грозя узловатымъ, корявымъ пальцемъ,—ежели ты, стерьва, будешь постромки пущать, морду побью...

Онъ шпорилъ горячую, нервную кобылу Камелію и ѣхалъ впередъ.

— Хорошо, братцы, жить вахмистрамъ, — съ грустнымъ вздохомъ замѣтилъ «банникъ» Ерофѣевъ, а придурковатый и подслѣпый коноводъ Дунькинъ вдругъ широко раскрылъ свои узенькіе, всегда заспанные глаза, оглянулся кругомъ и не то улыбнулся, не то собрался заплакать.

— А у насъ, братцы, теперича на селѣ престо-олъ,—жалобно протянулъ онъ.

Надъ Дунькинымъ всегда смѣялись во взводѣ, но эти слова его не вызвали никакого саркастическаго замѣчанія. Всѣ вдругъ умолкли, задумались, и будто общій вздохъ пронесся изъ этой кучки людей. Всѣмъ вспомнились далекія родныя мѣста и далекіе родные люди, и интересы прежней вольной жизни, и тоска по этому далекому и родному...

А батарея все шла и шла, не убавляя хода. Изрѣдка бывали хорошія остановки, люди слѣзали, оглядывали копыта лошадей, расправляли усталыя спины. Потомъ въ головѣ колонны звучала труба, и снова всѣ садились и двигались, погромыхивая цѣпями орудій и металлическимъ приборомъ поводьевъ.

Жара начинала спадать; усталость одолѣвала. Хотѣлось скорѣе слѣзть съ надоѣвшаго сѣдла, прилечь, заснуть, а, главное, пообѣдать, напиться чаю. Но, вотъ, вдали изъ-за небольшого лѣска показывалась колокольня села, мѣсто ночевки, и батарея оживлялась. Громче слышались разговоры и веселѣе шли лошади... Радостно и нетерпѣливо протягивалась колонна, черезъ улицу, уходила въ сторону за строенія, дальше отъ дороги, устанавливалась въ «паркъ», выдѣляла часовыхъ къ орудіямъ и спѣшивалась. Квартирьеры вели взводы по сараямъ, очищеннымъ для лошадей, указывали кухню, гдѣ уже дымились въ котлахъ щи и кашевары рѣзали на деревянныхъ блюдахъ крошево.

Офицеры и солдаты радостно потягивались и спѣшили къ ѣдѣ и сну послѣ утомительнаго, долгаго перехода.

А на завтра люди опять качались въ сѣдлахъ, снова бѣжали передъ глазами отдыхающія обнаженныя поля, чуть желтѣющія остатками колосьевъ, поросшія мелкой кашкой, лебедой, полынью, конскимъ щавелемъ. Чуть зеленѣли озимыя поля, нѣжныя, стыдливыя, уже готовящіяся къ зимнему сну. Лиственныя рощи горѣли то блѣдной зеленью дубняка, то золотомъ березъ, то пурпуромъ осины. Изъ глубины лѣса шелъ ѣдкій, опьяняющій ароматъ опавшихъ и уже гніющихъ, влажныхъ листьевъ, умирающихъ травъ, переспѣвшихъ и гибнущихъ ягодъ.

Временами батарея скрывалась въ долу и оттуда снова подымалась на холмъ. Тогда взору представлялись огромныя пространства, изрѣзанныя полосами загоновъ, то черныхъ, то

чуть зеленѣющихъ, то бурыхъ, уже отслужившихъ за лѣто службу. На горизонтѣ, то здѣсь, то тамъ бѣлѣла сквозь рѣдѣющую листву садовъ сіяющая въ лучахъ солнца церковь, виднѣлись избы селеній. А тамъ, дальше сверкала между темной зеленью ольшанника свѣтлая рѣчка, змѣйкой извивавшаяся въ отвѣсныхъ берегахъ, расходилась вширь и сердито шумѣла подъ колесомъ преградившей ей дорогу мельницы, чуть видной изъ-за купъ навѣсившихся надъ водами ракитъ. И снова поля и поля, усталыя, изнеможенныя послѣ родовъ, дремлющія, покрытыя въ утренніе часы свѣтлой, холодной росой, унизанныя тенетами паутины. А надъ всей этой ширью горитъ уже слабѣющими лучами сентябрьское солнце среди блѣдной лазури осенняго неба.

II.

На восьмой день похода батарея входила въ Коневецъ. Какъ только она стала на отведенной ей площади, Чердынцевъ поспѣшно соскочилъ съ сѣдла, бросилъ поводья вѣстовому и пошелъ на отведенную ему квартиру.

— Старая, прошлогодняя,—радостно думалъ онъ о квартирѣ и, этотъ маленькій деревянный домикъ о трехъ окнахъ, выходящихъ на узенькую, глухую улицу, былъ ему теперь дорогъ и милъ. Съ тѣмъ же радостнымъ чувствомъ утомленнаго и голоднаго человѣка, дождавшагося возможности отдохнуть и насытиться, переодѣвался и мылся Чердынцевъ, сознавая себя какъ-то особенно бодрымъ и веселымъ.

— А для Кречета конюшню отвели здѣсь? — спрашивалъ онъ своего неуклюжаго, вѣчно сопящаго, постоянно бьющаго посуду и ломающаго неуклюжими пальцами самоваръ денщика Ѳедотова.

— Такъ точно, ваше благородіе,—громовымъ басомъ гаркнулъ Ѳедотовъ и, отъ усилія отвѣтить по всѣмъ правиламъ, качнулъ въ рукахъ тазъ и плеснулъ на полъ мыльной водой.

— Ишь ты подлый,—уже мягкимъ шопотомъ добавилъ онъ, какъ будто тазъ былъ виноватъ, а не онъ, Ѳедотовъ.

А Чердынцевъ уже въ сюртукѣ, свѣжій и бодрый, приглядывался къ себѣ въ небольшое зеркало, причесывалъ волосы и въ тысячный разъ составлялъ о своей наружности мнѣніе какого-то неизвѣстнаго третьяго лица. Онъ, очевидно, нравился этому третьему лицу, которое говорило такъ:

— Не красавецъ, разумѣется, нѣтъ, но очень, очень недуренъ. Ростъ не высокій, но хорошій, сложеніе чрезвычайно правильное; худощавое, но цвѣтущее лицо носитъ печать мысли, бородка клинышкомъ весьма краситъ это умное, энергичное лицо. А глаза, это одна прелесть...

Глаза у Чердынцева, дѣйствительно, были хороши, хотя въ нихъ мелькало повременамъ какое-то сухое выраженіе. Но это происходило отъ постоянно занимавшей Чердынцева мысли, что онъ, Николай Чердынцевъ, человѣкъ недюжинный, что онъ не чета своимъ однокашникамъ Ступову, Брауну, Клюшинскому и прочимъ, что онъ здѣсь въ Коневцѣ, въ армейской батареѣ лишь временно, что его ждетъ поприще широкое, дѣятельность видная, замѣтная. Онъ, Чердынцевъ, головой выше своихъ сверстниковъ и всегда зналъ это, да и сверстники всегда это понимали. Онъ съ первыхъ классовъ корпуса носился съ «идеями», вдумывался въ жизненныя явленія, создавалъ свои теоріи и чувствовалъ себя выше толпы, безсознательно подчиняя ее своему авторитету.

То же и еще въ большей степени повторилось въ военномъ училищѣ. Но здѣсь Чердынцева выдѣлили не только товарищи, но и преподаватели, и строевое начальство.

— Помните, черезъ два года опять къ намъ, но уже въ академію,—сказалъ ему на прощанье начальникъ училища. А инспекторъ классовъ добавилъ:

— Если не пріѣдете въ академію,—стыдно будетъ вамъ.

О, онъ пріѣдетъ; сомнѣваться въ этомъ нечего. Вотъ, не хорошо только то, что, вмѣсто обязательныхъ двухъ лѣтъ строевой службы, онъ просидѣлъ въ батареѣ цѣлыхъ четыре. Браунъ еще въ прошломъ году поступилъ въ академію, а Браунъ что? тупица и только прилеженъ до отвратительнаго...

При воспоминаніи объ этомъ Чердынцеву становилось нехорошо на душѣ, но онъ гналъ прочь отъ себя надоѣдливыя мысли, внутренно встряхивался и утѣшался. Что за бѣда, что потерялъ два-три года; онъ еще молодъ; всего-то ему двадцать пятый годъ идетъ. Спѣшить нечего. Недурно, вѣдь, тоже приглядѣться къ жизни провинціи; набрать этакихъ разныхъ замѣточекъ, наблюденьицъ... Нехорошо то, что дифференціалы, кажется, совсѣмъ забылись, но это все поправимо. Съ новаго года онъ садится за книжку, и конецъ этой спокойной, пріятной, но неподходящей ему жизни уѣзднаго глухого города. А до новаго года надо отдохнуть отъ лагерныхъ трудовъ.

III.

Онъ съ аппетитомъ пообѣдалъ въ городскомъ ресторанѣ, устало, но съ наслажденіемъ потянулся, закурилъ папиросу и сталъ раздумывать, какъ провести остатокъ дня. Все здѣсь въ Коневцѣ мило и знакомо ему; пріятно посидѣть у командира съ газетой въ рукахъ, пріятно залечь съ ногами на диванъ у фендриковъ Шторха и Кокина, еще пріятнѣе напиться

чайку у милѣйшей Калеріи Ивановны и поспорить съ ея мужемъ Казиміромъ Ивановичемъ и совсѣмъ пріятно просидѣть вечеромъ за картами. Но, въ сущности, все это вздоръ, всему этому можно отдаваться лишь временно... до новаго года. А затѣмъ книги, лекціи и съ будущей осени—въ академію!

Онъ заплатилъ за обѣдъ, вышелъ на улицу, съ удовольствіемъ оглянулся налѣво и направо и почти машинально побрелъ къ квартирѣ молодыхъ офицеровъ, которые поселились вмѣстѣ. Шторхъ и Кокинъ, юноши лѣтъ девятнадцати, двадцати, оба свѣжіе, жизнерадостные, сидѣли въ разстегнутыхъ сюртукахъ за шахматами и бутылкой коньяку. Оба поглаживали несуществующіе усы и старались кутить, глотая съ нѣкоторымъ отвращеніемъ коньякъ. Шторхъ, коренастый и плечистый, желалъ походить на лихого кавалериста-рубаку, держалъ себя развязно-угловато, носилъ рейтузы стариннаго покроя и сосалъ изъ длиннѣйшей трубки сквернѣйшій табакъ. Кокинъ, хорошенькій, какъ дѣвушка, видимо страдалъ, принуждая себя къ коньяку и папиросѣ, и все придумывалъ, какъ бы ему походить на взрослаго и не робѣть передъ старымъ вахмистромъ.

Чердынцевъ держалъ себя съ ними сухо-покровительственно и подавлялъ ихъ всѣмъ: и прекрасной верховой ѣздой, и знаніемъ уставовъ не хуже капитана Сафонеева, и умомъ, умѣньемъ вести серьезный разговоръ, стремленіемъ уйти изъ области мелкихъ служебныхъ интересовъ въ сферы общечеловѣческія. Фендрики глядѣли на него, какъ на образецъ, и безусловно подчинялись ему. Безъ уговора они признали его главой партіи, нѣсколько враждебной командиру, который держался капитана, вахмистра и старшаго писаря. Чердынцевъ съ молодыми офицерами представлялъ собою оппозицію, проповѣдывалъ необходимость полной корректности относительно солдатъ и строгой отчетности въ хозяйственныхъ операціяхъ батареи. Командиръ поглядывалъ на эту партію съ добродушной усмѣшкой: «Погодите, молъ, послужите-ка съ мое...»

Чердынцевъ посидѣлъ у фендриковъ, выкурилъ папиросу и направился къ полковнику. Чубинъ, высокій, все еще стройный, но уже почти совсѣмъ сѣдой человѣкъ, стоялъ посерединѣ залы и объяснялся съ вахмистромъ, когда пришелъ Чердынцевъ. Чубинъ молча, но выразительно указалъ гостю на приборъ съ кофеемъ и рядъ ликерныхъ бутылокъ и снова обратился къ Ершову. Раздѣливъ привычнымъ жестомъ свою огромную бороду на двѣ половины, онъ закинулъ ихъ за плечи, строго и нахмуренно поглядѣлъ на коренастаго, лысаго и теперь совершенно краснаго отъ натуги вахмистра и началъ суровымъ голосомъ:

— Ты, братецъ, женѣ воли не давай; я тебѣ говорю это

не въ шутку. На что это похоже? опять вѣстовому носъ въ кровь разбила. Что она за начальство за такое? Эдакъ я и вѣстового вамъ не буду давать...

Бронзовая, жилистая шея Ершова стала совсѣмъ багровой; пальцы быстро заходили у кантовъ рейтузъ.

— Я и то, вашскородіе, говорю ей: я тебѣ, говорю, самой морду побью; шельма ты, говорю, эдакая...

— Ну, да, какъ же! А выходитъ, что она тебя вчера въ Луневѣ выгнала изъ квартиры да всю ночь и продержала за воротами. А? неправда что-ль?

— Потому, вашскородіе, никакъ невозможно...—отвѣтилъ вахмистръ, сразу спустивъ тонъ.

— Что невозможно?

— Потому, одно слово—стрѣла.

Полковникъ огорченно махнулъ рукой.

— Ну, что вы тутъ подѣлаете? Солдатъ всѣмъ бы молодецъ, а съ женой самъ хуже бабы... Стыдно, братецъ...

— Потому, вашскородіе,—стрѣла. Я говорю ей: ты, говорю, Арина Матвѣвна, покорись, потому ты баба и понятіевъ въ тебѣ нѣтъ...

— А она тебя по шеѣ...

— Никакъ нѣтъ, вашскородіе... а только что, примѣрно, ухватомъ...

Чубинъ отпустилъ его, наконецъ, и подсѣлъ къ Чердынцеву, который уже налилъ себѣ кофею.

— А я васъ, Николай Сергѣевичъ,—сказалъ полковникъ,— опять думаю занять новобранцами. А?

— Что же,—дѣловито отвѣтилъ Чердынцевъ,—я съ удовольствіемъ. Только... дѣло вотъ въ чемъ: съ новаго года я сажусь за учебники. Пора и въ академію.

Чубинъ махнулъ рукой.

— Это мы давно слышимъ. Облѣнились, батенька, облѣнились...

Чердынцевъ вспыхнулъ отъ болѣзненнаго чувства, вызваннаго справедливымъ упрекомъ.

— Знаете,—слегка дрожащимъ голосомъ сказалъ онъ,— это можетъ и правда, но въ батареѣ я не останусь.

— Что же такъ?

— А чтобы совсѣмъ не облѣниться. Я, можетъ быть, къ лѣту совсѣмъ уйду со службы; въ отставку...

— Ну?

Чердынцевъ уже не могъ остановиться и не выдать своихъ сокровеннѣйшихъ мыслей.

— Я, можетъ статься, заграницу уѣду; въ университетъ.

— Экъ васъ!..

— Нѣтъ, право. Отчего бы и не такъ? Меня давно зани-

маетъ эта мысль. Это моя лучшая, святѣйшая мечта, Андрей Андреевичъ. Я еще въ корпусѣ мечталъ объ этомъ. Что киснуть-то здѣсь!

— Образованія хотите, такъ путь у васъ прямой—въ академію.

— Я и отъ артиллерійской академіи не прочь; техническія знанія тоже меня привлекаютъ. Я говорю только, что — конецъ моей лѣни! Либо туда, либо сюда, а здѣсь не останусь...

— Ну, давай вамъ Богъ...

Чердынцевъ посидѣлъ еще немного и простился съ Чубинымъ. Мысли Николая Сергѣевича витали далеко; онъ разсѣянно шелъ по улицѣ, а самъ представлялъ себя студентомъ цюрихскаго университета, блестяще оканчивающимъ курсъ чего-то; потомъ защищающимъ диссертацію, потомъ знаменитымъ профессоромъ, авторомъ цѣлой полки научныхъ трудовъ. Его имя гремитъ по всему міру; его біографіи печатаютъ въ журналахъ... Но мечты обрывались; онъ снова видѣлъ себя скромнымъ офицеромъ полевой батареи, стоящей въ глухомъ уѣздномъ городишкѣ, и ловилъ себя на желаніи пойти къ исправнику Гольченко, у котораго каждый вечеръ играли въ винтъ на двухъ, трехъ столахъ. А затѣмъ, въ сердцѣ шевелилось болѣзненное убѣжденіе, что онъ, Чердынцевъ, никуда не уйдетъ изъ этого, уже милаго ему Коневца, что онъ ни на что иное, болѣе высокое, не способенъ, что онъ пустоцвѣтъ.

— Нѣтъ, вздоръ, не можетъ быть, — рѣшительно сказалъ онъ,—я чувствую, я знаю, что созданъ для лучшаго... Нѣтъ, не заглохну здѣсь. Послѣ новаго года шабашъ. Книги и лекціи, книги и книги...

И чтобы поддержать въ себѣ это бодрое настроеніе, онъ не пошелъ къ исправнику, а направился на край города, гдѣ въ хорошенькомъ особнячкѣ жилъ уѣздный врачъ Казиміръ Ивановичъ Козинскій.

IV.

Козинскій, человѣкъ лѣтъ сорока семи, нѣсколько ожирѣвшій, круглый и полнокровный, по многимъ причинамъ считалъ себя передовымъ человѣкомъ въ Коневцѣ. Во первыхъ онъ былъ врачъ и когда-то, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, написалъ и напечаталъ какую-то спеціальную статейку; затѣмъ былъ подъ Плевной, гдѣ чуть не умеръ отъ тифа; затѣмъ очень мѣтко и зло критиковалъ коневецкіе порядки и нравы, умѣлъ собирать въ своемъ домѣ молодежь, преимущественно артиллеристовъ,

настраивать ихъ на дебаты, причемъ самъ игралъ роль вершителя споровъ. Но при всемъ томъ онъ въ рѣдкія «минуты самопознанія» съ грустью убѣждался, что онъ оконченный человѣкъ и что чрезмѣрно преданъ благамъ міра сего. Онъ до сихъ поръ былъ влюбленъ въ красавицу жену, былъ, не смотря на нерѣдкіе протесты возмущавшейся свободной воли, весь подъ ея вліяніемъ, чувствовалъ себя счастливымъ и спокойнымъ лишь подъ кровомъ своего хорошенькаго, уютнаго домика, въ кругу жены и шестилѣтняго сына Дани и предавался неизмѣнно чревоугодію. Медицину онъ давно забросилъ, не читалъ ничего, кромѣ газеты, наслаждался винтомъ и все больше и больше набиралъ тѣла. Его будирующій духъ отлично мирился съ округлыми, налитыми формами тѣла, съ лоснящимися розовыми, всегда выбритыми щеками Казиміра Ивановича, съ добродушными, все еще живыми и радостными его глазами.

Чердынцевъ очень любилъ его и охотно просиживалъ у него вечера, слушая разсказы Казиміра Ивановича, играя съ черноглазымъ Даней и чувствуя себя въ этомъ домѣ, какъ въ родной семьѣ. Тридцативосьмилѣтняя, высокая, полная и тоже добродушная Калерія Ивановна, казалось, не намѣрена была никогда стариться. Въ ея черныхъ густыхъ волосахъ не замѣтно было ни одного сѣдого волоса, на свѣжемъ, румяномъ лицѣ ни одной морщинки. Она была красавица, неувядающая, не признающая времени. Очень добрая и житейски мудрая, она умѣла окружить мужа такимъ довольствомъ, своеобразнымъ комфортомъ, что Казиміръ Ивановичъ понемногу совсѣмъ подчинился ей и уже не могъ шагу ступить безъ ея указаній, хотя и возставалъ наружно противъ деспотизма любящаго человѣка. Набожная, она заставила своего нѣсколько легкомысленнаго и насчетъ вѣры безпечнаго супруга ѣсть постное, когда это полагалось, ходить въ церковь и любить лампадки передъ образами. Безусловно признавая научный авторитетъ Казиміра Ивановича, она арестовала пріобрѣтенный послѣднимъ по случаю отличный человѣческій скелетъ, похоронила этотъ скелетъ и отслужила панихиду по рабѣ Божіемъ, «имя же его Ты, Господи, вѣси».

Чердынцева Калерія Ивановна очень любила, считала почти за родню и, видимо, отличала его между другими знакомыми. Но она же и бранила его за лѣность и всячески уговаривала идти въ академію.

— Помните,—сказала она, когда Чердынцевъ пришелъ къ Козинскимъ послѣ посѣщенія полковника,—я знать не хочу, чтобы вы оставались здѣсь дольше этой зимы.

— Помилосердствуйте,—шутливо отвѣтилъ Чердынцевъ,—дайте хоть отъ лагерей-то отдохнуть...

— Недѣлю, одну недѣлю...

— И больше ни-ни?

— Ни-ни. А тамъ за книгу; а въ гости только къ намъ и то два раза въ недѣлю...

— Экая вы жестокая, Калерія Ивановна.

Но онъ тутъ же началъ съ жаромъ увѣрять ее въ своемъ неизмѣнномъ рѣшеніи покончить съ безпечной и пустой жизнью, которую велъ до сего времени.

— Видите-ли,—хмуря лобъ и принимая серьезный видъ, говорилъ онъ,—я не жалѣю, что провелъ четыре года въ батареѣ. Я времени не тратилъ. Это только такъ казалось, будто я увлеченъ винтомъ да кутежами... Я, знаете-ли, много думалъ и наблюдалъ...

Потомъ онъ повѣдалъ Козинскимъ свои мечты о заграничномъ университетѣ, о томъ, что колеблется между университетомъ и академіей.

— Вотъ, какъ рѣшу этотъ вопросъ, тогда и конецъ моей безпутной жизни. Тогда увидите, что я умѣю идти къ цѣли...

Козинскій съ увлеченіемъ ухватился за мысль объ университетѣ и съ разгорѣвшимися глазами началъ убѣждать гостя остановиться именно на этомъ проектѣ. Но Калерія Ивановна только покачала сомнительно головой и улыбнулась.

— Ахъ, оставьте вы эти разговоры... Ужъ чего бы легче, казалось, повторить то, что учили, и идти въ академію, а и на это не хватаетъ силенки...

Чердынцевъ вспыхнулъ и разсердился.

— Какъ это не хватаетъ силенки? Это, Калерія Ивановна, слишкомъ поспѣшно сказано...

— Чего тутъ спѣшнаго... Вѣдь, третій годъ, другъ мой, сидите вы даромъ да баклуши бьете...

— И вовсе не баклуши. Почемъ вы знаете, чѣмъ я занимаюсь, что дома дѣлаю?..

— Лекціи, небось, читаете?..

— Можетъ и лекціи. Не лекціи, а повторяю вамъ: изучаю жизнь, людей, вдумываюсь въ окружающія явленія... Я, Калерія Ивановна, не изъ тѣхъ, которые успокаиваются на картахъ и водкѣ въ адмиральскій часъ и которые чувствуютъ себя счастливыми въ этихъ условіяхъ... Вы меня, я вижу, плохо еще знаете...

— Отлично знаю, лучше, чѣмъ вы сами себя... Ну, слушайте, вотъ вамъ мой сказъ: черезъ недѣлю извольте садиться за ваши книжки, а вдумываться въ разныя тамъ явленія оставьте...

V.

Но прошла недѣля, и другая, и третья, а Чердынцевъ все еще не исполнялъ приказа Козинской. Онъ былъ подавленъ словами Калеріи Ивановны, чувствовалъ въ этихъ словахъ почти презрѣніе къ нему и все думалъ о томъ, годенъ ли онъ на что нибудь, или нѣтъ; дѣйствительно-ли онъ выше толпы по духовнымъ дарамъ, или это многолѣтній его самообманъ, и съ ужасомъ думалъ иногда, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, не пригоденъ ни на что. Но эта послѣдняя мысль была такъ тяжела, что онъ гналъ ее прочь и подбадривалъ себя обѣщаніемъ:

— Послѣ Новаго года за книгу и шабашъ...

Стояла темная, но тихая и теплая осенняя ночь. Чердынцевъ сидѣлъ съ Кокинымъ на лавочкѣ у воротъ своей квартиры. Обоимъ было какъ-то особенно грустно и темно на душѣ. Кокинъ послѣ выпуска прибылъ въ батарею въ лагерь и съ коневцами знакомился только теперь.

— Да, Кокинъ,—съ легкимъ вздохомъ замѣтилъ Чердынцевъ:—вы здѣсь не засиживайтесь; черезъ два года идите непремѣнно въ академію. Здѣсь что, здѣсь болото. Вы на меня не глядите...

Кокинъ зналъ Чердынцева еще съ корпуса и издавна привыкъ благоговѣть передъ нимъ.

— Помилуйте,—горячо возразилъ онъ, — вѣдь, вы, вѣроятно, случайно только остались въ строю...

— Да, да,—поспѣшилъ отвѣтить Чердынцевъ, — у меня, знаете, были причины. Я нарочно не спѣшу. Вотъ, эту зиму позаймусь немного, а осенью и въ Питеръ. Да... Я, знаете, другое дѣло... Я еще посмотрю; можетъ и на академію-то плюну...

— Вы, Николай Сергѣевичъ, совсѣмъ иное дѣло; вы... однимъ словомъ, у васъ блестящая будущность...

Голосъ Кокина даже дрогнулъ отъ охватившаго его волненія. Но Чердынцеву именно теперь, послѣ этихъ прочувствованныхъ словъ молодого товарища стало какъ-то нехорошо на душѣ.

— Пустоцвѣтъ я, кажется,—съ горемъ подумалъ онъ.

На колокольнѣ медленно и томительно пробила полночь. Глухіе, унылые звуки ударовъ пронеслись по неподвижному воздуху и замерли въ отдаленіи. И снова была тишина. Только гдѣ то на дальней улицѣ однообразно журчалъ фонтанъ, навѣвая говоромъ своимъ дремоту.

Напротивъ квартиры Чердынцева стоялъ тоже трехъоконный маленькій домикъ восьмидесятилѣтняго старика, отставного

— Ну, еще бы! Стоитъ, точно архіерей, да креститъ свѣчами.

— Только этимъ, господинъ Чердынцевъ, и спасаюсь и градъ сей спасаю... Да-съ... Вамъ-то не видно, потому какъ вы еще юноши-съ, а мнѣ старику все видать-съ, все.

Чердынцевъ даже не нашелся съ отвѣтомъ, а Кокинъ торопливо спросилъ:

— Отъ кого же спасаете?

Вмѣсто отвѣта старикъ спѣшно всталъ, прошелъ въ спальную и, вернувшись съ зажженными свѣчами, подошелъ къ окну и началъ опять дѣлать ими кресты и что-то шептать.

Окончивъ свои таинственныя манипуляціи, онъ вернулся къ гостямъ, погасилъ свѣчи и сѣлъ.

— Что, опять спасли градъ сей?—сказалъ Чердынцевъ.

— По малости, господинъ поручикъ, по малости; сколь силъ моихъ малыхъ хватаетъ.

— Да вы отъ кого спасаете-то?

Старикъ помолчалъ.

— Отъ темныхъ силъ; отъ тѣней ночныхъ-съ, — уже совсѣмъ шопотомъ и проникновенно произнесъ онъ.

— Чтооо?—отъ ночныхъ тѣней? Это что за штука?

— Отъ бѣсовъ-съ, иначе сказать, отъ демоновъ...

— Аа! понялъ. Гдѣ же вы ихъ ищете?

— Непрестанно прибываютъ-съ, господинъ поручикъ Чердынцевъ; а особливо подъ базарные дни-съ. Потому у нихъ тоже въ эту ночь базаръ бываетъ.

— Гмъ. Торгуютъ?

— И сильно торгуютъ-съ. Днемъ-то неколи, вотъ они по ночамъ и заводятъ эту исторію-съ. Вотъ, извольте поглядѣть: во, во, во...—уже волнуясь, воскликнулъ онъ,—ишь, ишь, ползетъ, плыветъ бѣсовская сила. Тьфу, погань! аминь, аминь, разсыпься...

Онъ схватилъ Чердынцева за руку и, волнуясь, слегка дрожа и шепча какія-то заклинанія, тащилъ его къ окну.

— Видите, видите,—таинственно говорилъ онъ,—вона стелется по землѣ темная тучка, словно дымокъ какой. Вонъ, извивается... Глядите, глядите, вона сжалась, вонъ опять расползлась, растянулась... А, а, а... ишь ты... хвостомъ впередъ пошла; такъ и ползетъ, такъ и лижетъ по мостовой... Это все бѣсы, сударь, роями плывутъ, вьются...

На улицѣ такъ было темно, что глазъ съ трудомъ различалъ очертанія домовъ, а мостовой и совсѣмъ не было видно, но Чердынцеву, подъ вліяніемъ дрожащаго шопота старика, казалось теперь, что по мостовой тянется какая-то черная масса. Ему стало досадно на свою слабость, и онъ отошелъ отъ окна.

— Такъ это и есть бѣсы?... спросилъ онъ.

— Точно *они-съ*. Людямъ этого обычно не видно-съ, потому люди по ночамъ предаются сну-съ. А ежели кто изъ господъ ученыхъ, скажемъ, или изъ большого свѣта и бодрствуетъ за разными тамъ, скажемъ, науками-съ, либо въ увеселеніяхъ-съ, такъ совершаетъ это при свѣтѣ лампъ и канделябровъ-съ. А я теперича этимъ не занятъ-съ, ночь провожу во муракѣ-съ и достаточно пригляделся-съ.

— Послушайте,—перебилъ Кокинъ въ нѣкоторомъ волненіи,—а чѣмъ же *они* торгуютъ?

Старикъ лукаво засмѣялся въ темнотѣ.

— Душами-съ. Человѣчьими душами.

— Что вы?

— Да-съ. *Ихъ*, господинъ подпоручикъ, много-съ; одно слово, легіонъ. И всякіе межъ нихъ есть. Ну, иной, скажемъ, работящій и за недѣлю наберетъ душъ сверхъ урока-съ. Потому у нихъ тоже уроки-съ. Ну, а другой лѣнится, время проводитъ въ увеселеніяхъ... Подходитъ этта срокъ давать отчетъ, анъ, глядишь, и нехватка. Вотъ, и идетъ на базаръ покупать-съ... А прилежные продаютъ избытокъ-съ. Да-съ.

Гости совсѣмъ заинтересовались старикомъ.

— Такъ покупаютъ? И товаръ тутъ же при нихъ?

— При нихъ-съ. Такъ на столахъ на рынкѣ и разложенъ.

— Да много-ли на столѣ помѣстится душъ-то?

— А мало-ли, господинъ Чердынцевъ, мало-ли? Душа-то, государь мой, махонькая, тоненькая, вродѣ, какъ бы сказать, соленой севрюжины-съ. Вяжутъ штукъ по пяти мочалочкой-съ... Ежели подойти, такъ жалость беретъ. Стонъ этта идетъ по базару, тихій да жалостный... плачутъ-съ... А бѣсы вьются кругомъ, толкутся; шелестъ идетъ эдакой сухой, вродѣ будто какъ прошлогодній листъ на вѣтру... Темное дѣло, государи мои!

Онъ опять сорвался съ мѣста и бросился зажигать свѣчи. И опять крестилъ ими улицу и что-то шепталъ блѣдными губами.

— Берегитесь ночныхъ тѣней, государи мои,—заговорилъ онъ, ставя свѣчи на столъ,—страшное это дѣло. Охватятъ человѣка, обовьются вокругъ сердца и капутъ-съ...

— Ну, однако, мы засидѣлись,—сказалъ Чердынцевъ, вставая. — Прощайте, Порфирій Измаиловичъ, сторожите, сторожите насъ. Вы теперь, такъ сказать, изъ чести несете службу, безъ жалованья.

Старикъ опять не замѣтилъ насмѣшки и провожалъ гостей низкими поклонами.

Они вышли на темную улицу. Ночь охватила землю чернымъ объятіемъ, сдавила мракомъ, опечалила тишиной. Унылая, безпросвѣтная тьма облегла окрестность и грозила стра-

хомъ и тоской. Со всѣхъ сторонъ надвигались привидѣнія, каждый мимолетный звукъ таилъ угрозы. Гдѣ-то далеко, на другомъ концѣ города завыла собака, и вой ея еще усилилъ печаль ночи...

VII.

Обѣдня кончилась. На рынкѣ былъ поднятъ флагъ и базаръ начался. По главному направленію на прилавкахъ, прикрытыхъ отъ солнца полотняными навѣсами, размѣстились торговки яблоками, пряниками, леденцами. Въ проходахъ между столами груды арбузовъ вкусно глядѣли то свѣтло, то темнозелеными боками; арбузы одноцвѣтные, арбузы блѣдные съ одного бока и почти черные съ другого, арбузы полосатые. Потомъ тянулись лотки сырого мяса. Красныя груды разрубленной говядины съ синими жилами, съ разбитыми костями, съ желтоватымъ жиромъ непріятно поражали глазъ послѣ чистой свѣжести плодовъ. Въ промежуткахъ между лотками ютились торговки съ огромными чайниками горячаго сбитня, а напротивъ аппетитно глядѣли горы свѣжаго зарумянившагося хлѣба, папушниковъ съ темнокоричневой, твердой, какъ орѣховая скорлупа, коркой, калачей, французскихъ булокъ, кренделей.

Рынокъ заворачивалъ вправо и переходилъ отъ съѣстного къ красному товару. Толстые, аккуратно свернутые куски ситца сверкали всѣми цвѣтами радуги. Тутъ же рядомъ помѣщалась телѣга съ грудами картузовъ. Далѣе открывалась витрина валенокъ. Здѣсь стояли рядами недолговѣчные и мягкіе валенки-чесанки, далѣе твердые, какъ лубокъ, черные валенки, валенки бѣлые, валенки сибирскіе съ вышитыми на нихъ узорами. Длинный сухопарый продавецъ съ постнымъ лицомъ и жидкой козлиной бородой не старался даже заманивать покупателя: зима была на носу и товаръ говорилъ самъ за себя.

Еще поворотъ, прилавки кончились, и торговля производилась съ телѣгъ и прямо на землѣ. Сначала открывались ряды телѣгъ съ хлѣбнымъ товаромъ; за ними—кучи картофеля; его кожа, еще покрытая влажнымъ пескомъ, издавала особый ѣдкій запахъ сырости и земли. Потомъ начинался горшечный рядъ. Красные, глянцовитые горшки лежали на травѣ, сверкая на солнцѣ яркими боками. Межъ ними скромно ютились черныя съ лиловымъ оттѣнкомъ молочныя крынки, крупныя миски, пузатые жбаны были разставлены по всей лужайкѣ въ художественномъ безпорядкѣ.

На боковой широкой улицѣ, отдѣленной отъ главной площади питейными и чайными заведеніями, помѣщался конскій

рынокъ. Тамъ, привязанныя къ задкамъ телѣгъ, стояли, поводя робкими глазами, молодыя, приведенныя «съ низа» лошади, преимущественно жеребцы. Солидные мерина не обращали вниманія на суету рынка и жевали на досугѣ сѣно изъ телѣгъ. Большеголовыя, взъерошенныя крестьянскія лошаденки скромно притаились въ сторонкѣ, но вниманіе покупателей крестьянъ было обращено преимущественно на нихъ. Высокій, плечистый цыганъ въ двадцатый разъ пробѣгалъ передъ рыженькимъ невзрачнымъ мужиченкой робкаго вида и нерѣшительныхъ тѣлодвиженій и вертѣлъ передъ нимъ гнѣдого, длинноногаго и худого мерина, разбитаго на всѣ четыре ноги.

— Гляди, дядя, а дядя,—кричалъ онъ, сверкая бѣлками глазъ,—не конь,—вѣтеръ! Ей-Богу, самъ далъ шестьдесятъ съ бумажкой...

И въ двадцатый разъ подбѣгалъ къ мужиченкѣ, хваталъ его руку и билъ ладонью по его ладони.

— Молись Богу, дядя!.. Эхъ, и подарю же лошадку!..

Мужиченка робко, застѣнчиво оглядывался и чесалъ поясницу.

— Четыре красныхъ возьми.

— Четыре красныхъ! Самъ далъ шесть съ бумажкой.. Гляди, землю ѣсть буду...

Онъ нагибался и дѣлалъ видъ, что беретъ въ ротъ щепоть земли. Потомъ опять начиналъ вертѣть мерина и вскрикивать.

Среди этого товара, живого и мертваго, двигалась, суетилась, уговаривала, убѣждала, сердилась, зубоскалила и ругалась огромная толпа, почти исключительно крестьянскаго люда. Она двигалась, какъ огромная пестрыхъ красокъ змѣя, извивалась, корчилась, вытягивалась по прямой линіи, свертывалась въ стороны, возвращалась волнообразнымъ движеніемъ назадъ. Отъ этой тѣсносплоченной живой массы шелъ паръ и запахъ пота, дегтя и сивухи. Все чаще и чаще появлялись съ умиленными лицами пьяные, кое-гдѣ затягивалась и обрывалась пѣсня, и брань, отборная, ядовитая, круто осоленная, висѣла въ нагрѣтомъ воздухѣ. Двери трактировъ и пивныхъ хлопали чаще и чаще, все большее и большее число посѣтителей тѣснилось у залитыхъ, вонючихъ буфетовъ. Появлялись подвыпившія бабы. Торгъ и споры становились крикливѣе, азартнѣе. Въ насыщенномъ, густомъ воздухѣ стоялъ смѣшанный гулъ людскихъ голосовъ, ржанья лошадей, стука колесъ. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ, осиливая общій гулъ, раздались крики начинавшейся ссоры. Гдѣ то послышался довольно еще сдержанный возгласъ «караулъ», и полицейскій счелъ умѣстнымъ подать дребезжащій свистокъ. Надъ всей этой волнующейся и шумящей массой сіяло блѣдной лазурью осеннее небо, и кротко горѣло ослабѣвшими лучами октябрьское солнце.

Базаръ былъ въ полномъ ходу.

VIII.

Чердынцевъ шелъ по главному проходу, сторонясь отъ проѣзжавшихъ одна за другою телѣгъ, когда раздался громкій возгласъ «берегись», и въ толпу въѣхалъ старый, скрипящій по всѣмъ швамъ тарантасъ, запряженный парой худыхъ, костистыхъ лошадей. На козлахъ сидѣлъ, сгорбившись всѣмъ тѣломъ, мужикъ въ зеленой ситцевой рубахѣ и жилеткѣ и немилосердно дергалъ веревочными возжами, чмокая губами на лошадей. На заднѣмъ сидѣньѣ помѣщался человѣкъ лѣтъ тридцати съ надменнымъ, нахмуреннымъ видомъ, скуластый, курносый и узкоплечій. На головѣ этого человѣка была фуражка съ краснымъ околышемъ.

Поровнявшись съ Чердынцевымъ, сѣдокъ встрепенулся и схватилъ возницу за плечо.

— С...той!—крикнулъ онъ басомъ и сильно заикаясь,— Н...николай Сергѣевичъ, з...здравствуйте.

Онъ вылѣзъ изъ экипажа и пошелъ рядомъ съ Чердынцевымъ. Послѣдній только недавно познакомился съ этимъ господиномъ и теперь едва узналъ его; но затѣмъ вспомнилъ, что это пригородный помѣщикъ по фамиліи Колтуковъ, и дружелюбно подалъ ему руку.

— Вы меня н...не узнали?—заговорилъ Колтуковъ.

— Нѣтъ, узналъ,—поспѣшилъ отвѣтить Чердынцевъ.

— К...колтуковъ... В...василій Ивановичъ К...колтуковъ... Вы д...дворянинъ?

— Да.

— Очень п...пріятно. Я т...тоже дворянинъ.

— Вы служите?

— П...представьте: нѣтъ. Э...это, чортъ знаетъ, что у насъ за п...порядки! Желаю с...служить,—г...говорятъ: у васъ нѣтъ д...диплома. А на кой ш...шутъ мнѣ дипломъ? а?..

Чердынцевъ отвѣтилъ неопредѣленнымъ «гмъ», но Колтуковъ уже подхватилъ его подъ руку и велъ куда-то впередъ, неутомимо разсказывая о себѣ и о своемъ негодованіи на современные порядки. Онъ, Колтуковъ, нигдѣ не кончилъ курса, пытался держать экзаменъ на вольноопредѣляющагося, но экзаменаторы оказались мерзавцами, и Колтуковъ плюнулъ, обругался и ушелъ съ экзамена. Держалъ онъ потомъ экзаменъ на первый гражданскій чинъ, но и здѣсь коммиссія составилась сплошь изъ мерзавцевъ и начала придираться къ буквѣ ѣ. Но что, въ сущности, изъ того, что онъ, Колтуковъ, не имѣетъ никакого диплома? Онъ, Колтуковъ, дворянинъ, полонъ чести и желаетъ служить. Онъ нуждается въ службѣ, потому что у него на рукахъ старуха мать, а имѣніе не даетъ никакого дохода. Живутъ они на небольшую вдовью пенсію матери.

— П...предлагаютъ въ полицейскіе н...надзиратели... П... подлецы! Я чуть въ м...морду не съѣздилъ. Я, К...колтуковъ, столбовой и въ п...полицейскіе!..

Онъ воспрянулъ было духомъ, когда услыхалъ, что въ дворянахъ нуждаются. Онъ тотчасъ же потребовалъ отъ предводителя, чтобы его назначили земскимъ начальникомъ, но, представьте себѣ, опять та же пѣсня: нѣтъ образовательнаго ценза. Что же, лучше что ль будетъ, коли служить будетъ кое-кто, а настоящіе, столбовые, дѣды и прадѣды которыхъ сидѣли на землѣ, должны бездѣйствовать?

— Н...нѣтъ, скажите: к...куда мы идемъ? к...куда идемъ мы?

Мѣстные дѣятели, по его словамъ, сплошь и поголовно были глупцы или негодяи. Отечество въ опасности; вся сила теперь въ рукахъ чиновниковъ, приказныхъ.

— А о...они должны бы передо мной ш...шапку снимать.

Онъ такъ увлекся, что напалъ даже на Чердынцева.

— Вѣдь, вотъ в...вамъ, напримѣръ, не понять, чего н... надо Россіи.

— Я тоже дворянинъ,—улыбаясь, замѣтилъ Чердынцевъ.

— Н...ну, да, положимъ... а в...всетаки...

На крестьянское управленіе онъ давно махнулъ рукой. Тутъ безнадежно. Помилуйте, предводители, земскіе начальники ничуть не оправдываютъ возложенныхъ на нихъ надеждъ, а на верхахъ имъ мирволятъ. Тоска беретъ глядѣть, что происходитъ. Розгу почти вывели, увлекаются школами, сантиментальничаютъ, «вы» говорятъ мужику, чуть не цѣлуются съ нимъ. А мужику нужна строгость и строгость. О, Колтуковъ вовсе не звѣрь какой-нибудь; онъ любитъ мужика, болѣетъ душой за деревню, но строгость нужна съ мужикомъ.

— Я, его м...мужика, хама не оставлю; я п...первый его защитникъ. Но я его в...вздую, а онъ б...будетъ знать, что н...надо ухо держать в...востро.

Но теперь Колтуковъ опять воспрянулъ духомъ и окончательно отдался самовозвеличенію. О дворянахъ опять вспомнили; дворяне призваны, о нихъ заботятся.

— В... вотъ, я посмотрю, какъ мнѣ теперь о... откажутъ въ мѣстѣ. Я п... посмотрю. Нѣтъ, теперь ш... шалишь.

Онъ свернулъ съ площади и повелъ Чердынцева завтракать въ ресторанъ.

— Эй! ч... человѣкъ!—басомъ позвалъ онъ полового и развалился въ креслѣ.—К... карту да к... кучеру моему чарку в...водки. Ж... живо! братецъ...

Онъ жадно набросился на поданное ему блюдо и аппетитно уничтожалъ его, обсасывая ножъ и громко причмокивая толстыми губами. Когда завтракъ окончился, Чердынцевъ по-

пытался было уплатить за обоихъ, но Колтуковъ остановилъ его величественнымъ жестомъ:

— П... позвольте, я васъ пригласилъ.

Онъ бросилъ слугѣ кредитку и отмахнулъ сдачу:

— Н... на чай.

При прощаньи онъ долго жалъ руку Чердынцева и приглашалъ къ себѣ.

— В... вы, я вижу, благородный человѣкъ. М... милости просимъ въ м... мою хату; чѣмъ б... богатъ, тѣмъ и радъ.

Возвратясь домой въ свой маленькій, покосившійся на бокъ домикъ въ сельцѣ Колтуковкѣ, онъ разсказывалъ про новаго знакомаго матери, низенькой, сухой и сгорбленной старушкѣ:

— К... кажется, хорошій человѣкъ... М... мы съ нимъ сошлись...

Потомъ, покуривая у окна папиросу изъ сквернѣйшаго табаку, онъ опять возвратился къ любимой темѣ разговора:

— Н... нѣтъ, теперь мы посмотримъ; т... теперь увидимъ...

А старушка грустно кивала маленькой, сухой головкой и еще быстрѣе перебирала вязальныя спицы.

— Ахъ, Вася, Вася, скорбная твоя головушка.

Старушка не питала никакихъ иллюзій насчетъ Васи и мечтала лишь объ одномъ: не удастся ли его женить на богатенькой. Были виды на дочку городского протопопа, за которой сулили десять тысячъ. Но и тутъ являлось опасеніе: согласится ли Вася? онъ такой гордый!

А Вася ничего не видалъ, ни о чемъ не догадывался, погруженный въ мечты о лучшемъ будущемъ. Не одинъ годъ уже миновалъ надъ скромной, запущенной усадьбой, не принося никакого утѣшенія ея хозяину, но Колтуковъ все не унывалъ. Онъ попрежнему сидѣлъ въ старыхъ дѣдовскихъ креслахъ у окна, не замѣчалъ разрушенія, вѣявшаго надъ усадьбой, и все мечталъ. Маятникъ часовъ тихо отбиваетъ тактъ; за стѣной скребется мышь. Въ осенніе сумерки, въ зимніе вечера уныло шумятъ вокругъ дома густо разросшіеся вязы и липы; печалью вѣетъ кругомъ. Но Колтуковъ не замѣчаетъ печали. Онъ живетъ среди почета и власти.

Когда ему сказали однажды, что онъ не годится для просимаго имъ значительнаго мѣста, онъ съ величественнымъ жестомъ руки произнесъ:

— В... вы думаете, что я не гожусь; но я д... думаю иначе. Н... не забывайте: я о... опора отечества...

IX.

Пришли и миновали святки. Послѣ новаго года Чердынцевъ сдѣлалъ попытку сѣсть за учебники, но скоро съ ужа-

сомъ убѣдился, что для него исполнить данное самому себѣ слово страшно трудно. Голова не работала, мысли бѣжали куда-то впередъ, а при малѣйшемъ напряженіи челюсти раздвигались зѣвотой. А тутъ еще то и дѣло являлись искушенія въ видѣ приглашеній вечерами на винтъ. Но все же Чердынцевъ крѣпился и кое-какъ работалъ около двухъ мѣсяцевъ.

Близилась весна. Она чувствовалась въ воздухѣ, въ особомъ ласковомъ дуновеніи легкаго вѣтерка, въ нѣжныхъ тонахъ, появившихся на небѣ. На улицахъ появлялись лужи холодной, почти черной воды; со дворовъ свозили снѣгъ, набивали погреба льдомъ.

Въ природѣ вѣяло начинавшейся нѣгой и вмѣстѣ безпредметной грустью, тоской по чемъ то невѣдомомъ, но прекраснемъ. Роились смутныя, неопредѣленныя желанія, порывы, мечты и надежды. А ранними утрами и румяными вечерами съ колоколенъ неслись унылые, рѣдкіе и тягучіе звуки призывныхъ колоколовъ...

Чердынцевъ чувствовалъ, что рѣшительно не въ силахъ заниматься аналитикой и химіей. Послѣ недолгаго, но тягостнаго раздумья, онъ рѣшительно и безповоротно отложилъ книги до осени.

— Вотъ тоже выдумалъ я,—разсуждалъ онъ,—готовиться, когда весна на носу. Въ занятія надо втянуться, а это возможно только съ осени. Что дѣлать, пропущу годъ еще, да, вѣдь, черезъ это земля вверхъ дномъ не перевернется...

Въ первый же вечеръ послѣ этого рѣшенія онъ съ облегченнымъ сердцемъ пошелъ къ исправнику Гольченко съиграть въ карты и пояснилъ при этомъ Кокину:

— Хочу, знаете, еще отбыть лагери; вѣдь, это, быть можетъ, послѣдніе въ моей службѣ...

Но затѣмъ онъ опять сталъ чувствовать себя какъ-то безпокойно, тоскливо. Сонъ у него былъ тревоженъ и чутокъ; какая-то апатія овладѣвала имъ. Вечеромъ онъ выходилъ на улицу и, глядя на свѣтлую, такую радостную лазурь неба, на серебро вырѣзавшагося мѣсяца, думалъ о томъ, что ему грустно, какъ не бывало еще никогда.

— Всѣ счастливы, всѣ довольны,—думалъ онъ однажды,—одинъ я точно оплеванный какой хожу.

Онъ сѣлъ на лавочку передъ домомъ и съ неопредѣленной злобой наблюдалъ, какъ по широкой улицѣ носились въ щегольскихъ, легкихъ санкахъ на дорогихъ рысакахъ молодые купеческіе сыновья.

— Ишь носятся, ишь дѣлать-то имъ нечего,—злобствовалъ онъ,—хоть бы башку который сломалъ... Мерзавцы!..

Потомъ вниманіе его привлекли мѣщанки, которыя сидѣли въ шубкахъ почти у каждаго дома и ожесточенно грызли под-

солнухи. И это не понравилось ему. Ему казалась отвратительной та быстрота, съ которой зерна набирались въ ротъ, разгрызались и съѣдались. А скорлупа такъ и летѣла, такъ и летѣла.

Становилось все тише и темнѣй. Въ домахъ зажигались огни; городъ принимался за вечернія занятія. А мѣсяцъ подымался все выше и выше и сверкалъ оттуда серебромъ.

— З... здравствуйте,—произнесъ кто-то надъ ухомъ Чердынцева.

— А, мое почтеніе,—отвѣтилъ послѣдній, узнавъ Колтукова,—откуда и куда?

— И... иду домой...

— Пѣшкомъ?

— П... пѣшкомъ. Лошади, з... знаете, заняты, а т... тутъ недалеко; всего т... три версты... А я п... просто изъ себя вы-выхожу.

— Что такое?

— Эдакое с... свинство. О... обѣщали навѣрняка м... мѣсто; зовутъ, п... прихожу,—и что же?

— Ну?

— Х... хотите, говоритъ, въ к... казначейство, въ писаря?!. М... мерзавцы!.. Это я-то, я въ писаря?!.

— Но если нѣтъ другого мѣста?

Колтуковъ присѣлъ на лавку и въ волненіи раскрылъ на узкой, впалой груди старенькую енотовую шубу. Онъ тяжело дышалъ и заикался болѣе обыкновеннаго.

— К... какъ это? М... мнѣ, столбовому и м... мѣста нѣтъ!.. И... извините, я требую, я з... знать ничего не хочу!..

Онъ увлекся любимой темой и изливался въ жалобахъ на современные порядки. А Чердынцевъ, слушая его, думалъ о томъ, что и онъ, Николай Чердынцевъ, похожъ на Колтукова. Онъ, Чердынцевъ, тоже ждетъ отъ судьбы какого-то возвеличенія, сердится, негодуетъ, а заслужилъ также мало, какъ и этотъ жалкій Колтуковъ.

— Такъ и застряну здѣсь, въ этой дырѣ,—съ ужасомъ думалъ онъ.—Нѣтъ, ни за что! Это хуже смерти. Съ осени примусь за работу, выбьюсь на болѣе широкую дорогу...

— Пусть,—продолжалъ онъ,—киснутъ здѣсь тѣ, кому это сладко. Меня судьба должна вынесть наверхъ. Я не заурядный человѣкъ; я чувствую это...

Колтуковъ, окончивъ свои жалобы, простился и пошелъ заплетающимся неровнымъ шагомъ плохо развитого, болѣзненнаго человѣка, а Чердынцеву стало еще тоскливѣе на душѣ.

— Хотя бы въ карты сыграть, что-ли,—думалъ онъ, но чувствовалъ, что никакія карты не успокоятъ его. Онъ всталъ и машинально пошелъ по улицѣ безъ цѣли и намѣреній. Вдругъ,

шагахъ въ пяти отъ него раздался сдержанный плачъ, и чей-то озлобленный женскій голосъ началъ негромко браниться:

— Чтобъ те розорвало окаяннаго; чтобъ те печенка почернѣла!.. Ишь, мы-ста, да я-ста, а жена помирай,—наплевать. Не мила твоя рожа, глаза твои безстыжіе!.. Такъ бы и разразила подлеца!..

Чердынцевъ поравнялся съ сердитой женщиной и при свѣтѣ мѣсяца увидалъ, что это Анисья, мѣщанка, которая брала у него бѣлье въ стирку. Анисья стояла одна въ полуотворѣ калитки, и, прислонившись головой къ воротному столбу, отводила душу, пуская брань по воздуху.

— Кого это ты такъ?—спросилъ Чердынцевъ, останавливаясь и разглядывая женщину.

Анисья поглядѣла на него большими, теперь сердитыми глазами и залилась слезами.

— Ой, головушка моя побѣдная, ой, тошнехонько!..

— Кто тебя обидѣлъ, что съ тобой?

— Охъ, обидѣлъ, охъ обидушка смертная, непереносная!..

Чердынцевъ глядѣлъ на нее и думалъ о томъ, что женщина эта молода и хороша собой, чего раньше онъ почему-то не замѣчалъ. Она была невысока ростомъ, но прекрасно сложена. Лицо круглое, нѣжное, глаза темные, глубокіе.

— Да кто обидѣлъ-то?

— Да онъ, проклятой, онъ, мужъ.

— А,—равнодушно замѣтилъ Чердынцевъ и хотѣлъ идти далѣе, но Анисья продолжала уже озлобленно и безъ слезъ:

— Прибилъ да уѣхалъ. Въ Баку, подлый, уѣхалъ.

— Давно уѣхалъ?

— Да нонѣ. Надоѣла ты, говоритъ, мнѣ; по котельной, говоритъ, части пойду, а ты, говоритъ, хоть сдохни здѣсь.

— Что же вы ссорились что-ли?

— Какъ не ссориться, баринъ? Все-то онъ пьяный да охальный. Все-то изъ дому въ кабакъ тащитъ. Сердце не стерпитъ, тоже треснешь подлаго часомъ...

Ея мужъ былъ сапожникъ и, какъ бы въ подтвержденіе извѣстнаго представленія объ этомъ цехѣ, отчаянный пьяница.

Чердынцевъ опять хотѣлъ было идти, но опять почему-то удержался. Сердце его усиленно забилось.

— Такъ ты... какъ-же?—спросилъ онъ нетвердымъ голосомъ.

Анисья взглянула на него исподлобья.

— Да ужъ и не придумаю, что и дѣлать... Прямо сказать, хоть съ кузовомъ иди...

— А онъ-то, мужъ... на долго?

— А лѣшій его знаетъ, подлаго. Да онъ, можетъ, и вѣкъ не вернется. Найдетъ себѣ душеньку да и не вспомянетъ о женѣ...

Чердынцевъ помолчалъ въ нерѣшительности и вдругъ сказалъ, почти помимо своей воли:

— А ты, Анисья... Знаешь что... приходи-ка ко мнѣ...

Она сдѣлала видъ, что застыдилась, и даже прикрыла лицо рукавомъ.

— Вы, баринъ, скажете тоже...

— Нѣтъ, право, Анисья. Я, знаешь, сниму заднюю горницу для тебя; тамъ и жить будешь... Приходи ужо...

Она съ минуту думала, закрывшись локтемъ; потомъ прошептала:

— Ужъ приду...

Чердынцевъ быстро пошелъ по троттуару. На сердцѣ у него было и радостно, и тяжело. Легкая боязнь, легкіе укоры совѣсти, но поверхъ всего этого радость, жажда наслажденія, ожиданія новыхъ чувствъ...

Онъ вошелъ въ свой домъ и, не зажигая лампы, сѣлъ у окна. И ему показалось, вдругъ, что по улицѣ, едва освѣщенной свѣтомъ луны, медленно движутся, ползутъ тѣни. Это было лишь мгновеніе, но въ это мгновеніе сердце его сжалось мучительной, острой болью, и онъ не сознаЛъ, а почувствовалъ, что губитъ себя. Вслѣдъ за тѣмъ прихлынула волна молодого чувства, и минутный страхъ исчезъ.

Два дня позднѣе онъ снялъ у хозяевъ заднюю половину домика; тамъ поселилась Анисья и, повела хозяйство Чердынцева.

X.

Шторхъ купилъ новую лошадь и порѣшилъ отмѣтить событіе это жженкой и небольшимъ штоссомъ. Когда Чердынцевъ вошелъ къ нему вечеромъ въ день торжества, уже всѣ приглашенные гости собрались, и игра была въ полномъ ходу. Изъ гостей оказались на лицо Козинскій, Колтуковъ и два молодыхъ человѣка, считавшіе себя почему-то непремѣнными членами офицерскаго кружка,—Ардаліонъ Миловзоровъ и Жакъ Охапкинъ.

Миловзоровъ, мужчина лѣтъ двадцати восьми, огромнаго роста, съ узенькими безцвѣтными глазами, выдавшимися скулами и могучимъ басомъ былъ недоучившійся семинаристъ и издавна проживалъ въ Коневцѣ, сочиняя прошенія для мѣщанъ и крестьянъ или замѣняя при полиціи и управѣ кого-либо изъ заболѣвшихъ писцовъ. Ходилъ онъ всегда въ смазныхъ сапогахъ, черномъ, поношенномъ сюртукѣ и цвѣтной рубахѣ, былъ тупъ, флегматиченъ и сантименталенъ. Слабостью его было думать, что онъ необычайно нравится жен-

щинамъ, и онъ создавалъ въ умѣ невозможные романы, гдѣ игралъ первую роль, добивался и денегъ, и почета черезъ какую-нибудь свѣтскую даму, внезапно влюбившуюся въ него. Завѣтной мечтой его было попасть на службу въ полицейское правленіе и добиться мѣста надзирателя.

Съ офицерами онъ былъ почтителенъ и услужливъ и весьма гордился знакомствомъ съ ними.

Жакъ Охапкинъ былъ въ другомъ родѣ. Этотъ невысокій, худенькій, тоненькій двадцатилѣтній юноша, одѣтый чистенько, хотя и не богато, былъ бы очень недуренъ собой, еслибы не отталкивающее выраженіе его остренькаго съ непріятными, наглыми глазами лица. Въ батареѣ его не любили, но онъ не обращалъ на это никакого вниманія и къ нему понемногу привыкли. Онъ нигдѣ не служилъ и, повидимому, ничѣмъ не занимался, но деньги у него всегда водились, хотя и небольшія. Говорили, что онъ удачно играетъ въ карты и даже шуллерничаетъ, что къ нему относится благосклонно купчиха Сеньчукова, у которой былъ мужъ въ сумасшедшемъ домѣ и, наконецъ, догадались, что средства къ жизни доставляетъ ему его сестра, семнадцатилѣтняя Лизочка, которая жила отдѣльно отъ него и, занимаясь оффиціально шитьемъ, неоффиціально принимала у себя за извѣстное вознагражденіе гостей.

Чердынцевъ подсѣлъ къ Козинскому и Колтукову, которые прихлебывали у накрытаго стола уже простывшій чай. Огромный неуклюжій Ардаліонъ то и дѣло подходилъ къ закускамъ, стуча пудовыми сапогами, и хлопалъ рюмку за рюмкой. Шторхъ, Кокинъ и Жакъ сидѣли на другомъ концѣ комнаты за ломбернымъ столомъ. Шторхъ сосалъ угломъ рта толстѣйшую сигару и размашистыми движеніями металъ банкъ, ухарски подрѣзывая колоду и бормоча сквозь зубы ругательства по собственному адресу и по адресу картъ. Всѣмъ существомъ своимъ онъ старался походить на лихого офицера.

— Ахъ, ты, анаѳема,—говорилъ онъ, давая карту,—а я-то на каналью надѣялся... Ну, Шторхъ, держись, старичина; съ турками еще жарче будетъ... Что? убита? Ну, Шторхъ, и свинья же ты, братецъ; ты и дамамъ спуску не даешь, негодникъ...

Кокинъ проигрывалъ, волновался и все увеличивалъ ставки. Жакъ внимательно слѣдилъ за игрой, ставилъ изрѣдка и осторожно, и почти всегда выигрывалъ.

Остальнымъ гостямъ становилось скучно; вечеръ не удался. Подали ужинъ, выпили вина, оживились немного, но игроки снова сѣли за карты и снова было томительно скучно.

— Что вы какой сегодня пасмурный?—спросилъ Козинскій Чердынцева,

— Все я обдумываю кое-что,—отвѣтилъ Чердынцевъ.—

Видите ли, дѣло въ чемъ. Не лучше ли, не благороднѣе ли отказаться отъ всѣхъ высокихъ, заносчивыхъ мечтаній, отдаться невидной, скромной службѣ строевого офицера, помнить, что у тебя на рукахъ десятка три солдатъ, о которыхъ надо и должно заботиться хорошенько...

— Академія-то этому не помѣшаетъ...

— Академія что? академія вздоръ!

— Не совсѣмъ... А я вамъ вотъ что скажу: не годитесь вы для такой скромной дѣятельности...

Но Чердынцевъ и самъ это понималъ и говорилъ лишь для того, чтобы хоть какъ нибудь успокоить свою совѣсть. Ему стало еще тягостнѣе на душѣ.

Подали суповую миску и заварили жженку; игроки подошли къ столу. Первые же глотки горячаго напитка оживили гостей.

— Вы что тутъ начали про солдатъ?—обратился Шторхъ къ Чердынцеву,—теперь есть солдаты? что вы?

— А кто же?—наивно спросилъ Кокинъ.

— Кто? мужичье. Развѣ въ пять лѣтъ сотворишь солдата? Тѣ же мужики.

— А мужиковъ дррать!..—отозвался Жакъ.

Совершенно уже пьяный Ардаліонъ пробасилъ:

«Назови мнѣ такую обитель ...
Я такого угла не видалъ».

Чердынцевъ вдругъ вспыхнулъ и горячо заговорилъ.

— Нѣтъ,—говорилъ онъ,—не имѣете права, никто изъ насъ не имѣетъ права такъ говорить. Честенъ мужикъ, или безчестенъ, онъ наша дурная копія и больше ничего. Бейте зеркало за то, что оно отражаетъ дурную рожу. Себя будете бить.

— А мужика дррать...—повторилъ Жакъ.

Чердынцевъ бросилъ на Жака злобный взглядъ, а Колтуковъ, который до этой минуты молчалъ, поднялъ вдругъ руку и заговорилъ:

— Н... нѣтъ, вамъ хорошо говорить, а в... вотъ, мы, дворяне...

— Слушайте, Василій Ивановичъ,—перебилъ его Чердынцевъ,—здѣсь не вы одинъ дворянинъ...

— И я дворянинъ,—напыщенно отозвался Жакъ.

— Да н... нѣтъ, я не то. Вы всѣ с... сами по себѣ, а мы о... особенные...

— Какъ это особенные?—спросилъ Козинскій.

— А у н... насъ сердце болитъ; у насъ эдакая... какъ сказать...

— Идея,—подсказалъ Козинскій.

— В... вотъ, именно. Благодарю васъ.

Шторхъ счелъ умѣстнымъ обидѣться.

— Паазвольте. Это почему же вы себя выдѣляете?

Чердынцевъ сердито поглядѣлъ на него.

— Шторхъ, замолчите.

Шторху очень хотѣлось придраться и начать что-нибудь въ родѣ легкой ссоры, но онъ побаивался Чердынцева, который обращался съ младшими товарищами нѣсколько деспотически. А Чердынцевъ съ особеннымъ вниманіемъ и любопытствомъ обратился къ Колтукову:

— Такъ какая же у васъ идея?

Колтуковъ ничего не пилъ, но казался очень возбужденнымъ. Онъ обвелъ присутствующихъ разсѣяннымъ взглядомъ и началъ:

— Моя и... идея, великая идея... Я х... хочу с... служенія народу и... страданія.

— Почему же страданія?—спросилъ Козинскій.

— А потому что носить идею, это значитъ обречь себя на страданія.

Онъ старался пояснить свою мысль, но, въ концѣ концовъ, можно было понять лишь то, что общество представляется ему состоящимъ изъ двухъ неравныхъ половинъ. Одна—большая стремится начать пугачевщину; это мужики. Другая имѣетъ цѣлью не допустить пугачевщины; это дворяне.

— М... мы должны зажать кулакъ, н... натянуть возжи... А т... тутъ еще кричатъ о равноправіи, о ш... школахъ. Измѣнники! В... вѣшатъ такихъ! М... мужикъ проситъ, т... требуетъ розги...

— Причемъ же тутъ ваши страданія?—спросилъ Чердынцевъ.

О, его, Колтукова, не хотятъ понять. Какъ же не страданіе, если на плечахъ такое непосильное бремя, такая отвѣтственность? Но это ничего, онъ желаетъ страданія, желаетъ служить народу, держа возжи въ рукахъ.

— А т... тутъ предлагаютъ въ п... писаря!.. Измѣнники!..

— Ну вотъ, для писаря и не будетъ страданія,—вставилъ Козинскій.

О, его, Колтукова, опять не понимаютъ; онъ желаетъ страданія, онъ ищетъ его. Онъ дворянинъ и, все равно, ему надо день и ночь думать, заботиться о мужикѣ. Но разъ у него на плечахъ бремя заботы, надо и власть.

— А к... какая же власть у писаря? Это все ш... штуки новаго предводителя; это т... тайный агитаторъ, революціонеръ...

— Вы успокойтесь, Василій Ивановичъ,—мягко замѣтилъ Козинскій...

Нѣтъ, ему не до спокойствія, когда онъ знаетъ то, что знаетъ. У него, Колтукова, много враговъ, а предводитель Веретеевъ во главѣ ихъ. Представить только себѣ: хочетъ его, Колтукова, упрятать то въ полицейскіе надзиратели, то въ писаря! Это агитаторъ, тайный анархистъ! И онъ, Веретеевъ, понимаетъ, что не сдобровать ему и его присныимъ, если Колтуковъ добьется власти.

— Тогда я о...очень многихъ долженъ буду р...разстрѣлять...

— Ого!—воскликнулъ Чердынцевъ.

— Я н...не могу иначе. Мнѣ это о...очень тяжело, но не могу и...иначе.

Пусть не думаютъ, что онъ ищетъ жалованья. На святкахъ умерла его мать, а одному ему денегъ не надо. Онъ добивается власти, силы и это все ради...

— Я в...вотъ опять позабылъ это с...словечко.

— Идея?

— В...вотъ, именно. Благодарю васъ... Но х...хотите, я разовью мою мысль?

И онъ началъ развивать эту мысль. Онъ началъ съ того, что горько упрекнулъ Великаго Петра за нѣмецкіе кафтаны. О, какое зло заключалось въ этихъ кафтанахъ! У разныхъ тамъ англичанъ, венгерцевъ, турокъ своя одежда; у цыганъ, и у тѣхъ своя одежда, а у русскихъ непремѣнно должна быть нѣмецкая. Почему же такъ? Правда, говорятъ, что итальянцы ходятъ совсѣмъ безъ одежды и все ѣдятъ макароны, но что изъ этого? Къ чему намъ всякіе заграничные фокусы? Онъ, Колтуковъ, не допуститъ ни голыхъ итальянцевъ, ни макаронъ.

Шторхъ, Кокинъ и Жанъ опять играли въ карты, но Ардальонъ, совсѣмъ осовѣвшій отъ жженки, вдругъ обидѣлся на Колтукова.

— И чего вы корите насъ... макаронами?

— Н...нѣтъ,—горестно заволновался Колтуковъ,—меня н... не понимаютъ, н...но я поясню м...мою мысль.

Онъ опять говорилъ и выходило то, что дворяне ослабли духомъ, потеряли идею; черезъ это и происходитъ, что во главѣ ихъ могутъ появляться такія лица, какъ Веретеевъ. И кто его, Веретеева, избралъ въ предводители? Неужели дворяне? О, если такъ, то духъ бунта проникъ и въ ихъ среду, и Колтуковъ будетъ вынужденъ принять крутыя мѣры.

— Въ этомъ мое с...страданіе!—воскликнулъ онъ и вдругъ заплакалъ.

Козинскій подсѣлъ къ нему и обнялъ его за плечи.

— Голубчикъ, Василій Ивановичъ, что вы...

Колтуковъ оглянулся на него и взялся за голову.

— Я н...немного нездоровъ; г...голова что-то болитъ. Н... но позвольте, я поясню м...мою мысль.

И опять онъ говорилъ, и выходило совсѣмъ непонятное. Можно было догадываться изъ его словъ, что необходимо, чтобы мѣщане, купцы и крестьяне снимали передъ нимъ, Колтуковымъ, шапки. И это не потому, чтобы онъ жаждалъ почета, а ради идеи.

Если этого не будетъ,—все пропало. И тогда онъ, Колтуковъ, очень многихъ разстрѣляетъ.

— Вѣдь, вотъ, — замѣтилъ Козинскій, который, какъ и Чердынцевъ, внимательно приглядывался къ Колтукову,—человѣкъ смирнѣйшій и добрѣйшій; мухи не обидитъ, а тутъ, глядите каковъ... Вы, Василій Ивановичъ,—продолжалъ онъ еще къ Колтукову,—въ самомъ дѣлѣ что-то нездоровы. Видъ у васъ такой, какой-то...

— Н...нѣтъ,—отвѣтилъ Колтуковъ; — это ничего. Передъ в...великимъ шагомъ в...всегда нездоровится. Н...наполеонъ разстрѣлялъ принца Дюмурье въ Венсенскомъ б...бору и о... очень страдалъ. Всю ночь п...плакалъ...

Онъ сталъ понемногу успокаиваться и даже повеселѣлъ:

— Нервный припадокъ, а на чердакѣ пусто, — пояснилъ Козинскій Чердынцеву, когда они расходились по домамъ.

XI.

Весна подошла быстрыми шагами. Недѣли въ двѣ согнало почти весь снѣгъ; вскрылась рѣка; на поляхъ зеленѣли озими, еще спутанныя, покрытыя будто плѣсенью, дожидающіяся перваго дождя, чтобы умыться, прибраться, идти въ ростъ. Но погода, повидимому, надолго установилась ясная, солнце ярко горѣло и гнало остатки снѣга, залежавшагося въ оврагахъ, а въ синевѣ чистаго весенняго неба, замирая въ восторгѣ и упоеніи, звенѣли жаворонки.

Чердынцевъ окончательно порѣшилъ, что не имѣетъ силы заниматься лекціями въ такую пору года, сложилъ учебники на полку до осени и дѣятельно предался службѣ, подготовляясь къ недалекому уже походу въ лагери. Его радовало это предстоящее путешествіе, дающее столько новыхъ впечатлѣній, радовало, что онъ еще разъ приметъ участіе въ трудахъ и развлеченіяхъ лагерной жизни, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, на сердцѣ бывало временами особенно какъ-то тоскливо и страшно за самого себя.

— Тону я,—думалъ онъ иногда съ ужасомъ,—по самую шею ухожу въ болото, вонючее, мерзкое. И что хуже всего, нахожу его милымъ, дорогимъ...

У длинныхъ, обитыхъ желѣзомъ коновязей стояло сотни три лошадей. Въ тишинѣ погожаго, теплаго вечера слышался негромкій сухой шелестъ. Солдатскія руки подымались и мѣрно, слегка ударяя по тѣламъ лошадей, водили по шерсти щетками. То здѣсь, то тамъ стучали скребницами, вытряхивая накопившуюся грязь; раздавались негромкіе окрики на шалость лошадей, замѣчанія взводныхъ. Сытыя, отдохнувшія за зиму лошади снисходительно дозволяли чесать себя по спинѣ, шеѣ, даже между глазъ, даже по брюху. Послѣдняя операція нравилась, впрочемъ, не всѣмъ лошадямъ, и нѣкоторыя изъ нихъ раздраженно прижимали уши и нервно бросались изъ стороны въ сторону.

— Стой ты, верченая!—кричалъ Агаповъ на молодую кобылу Сваху, которая топала ногами и хваталась зубами за коновязь, не будучи въ силахъ вынести щекотанья по брюху жесткой щеткой. Пышный, толстоногій орудійный Колдунъ терпѣть не могъ, когда касались его густого, волнистаго хвоста и, поджимая задъ, грозилъ лягнуть.

— Ишь, шельма,—незлобно, спокойно, больше по служебному долгу ругалъ его ѣздовой Ѳокинъ, здоровенный рябой парень и, изловчившись, хваталъ хвостъ съ боку, притягивалъ къ себѣ и начиналъ разбирать руками.

— Чай, ты, братецъ, на службѣ,—добавлялъ онъ въ видѣ нравоученія.—Погоди, ужо продадутъ тебя,—ну, тогды ты вольный казакъ. А теперича какъ можно... Ну, стой, окаянный!..

Бѣлоногій, сумрачный Кавалеръ стоялъ неподвижно на крѣпкихъ, упругихъ ногахъ, безпрекословно дозволялъ суетливому, подвижному ефрейтору Семенову продѣлывать съ собой все, что тому было угодно, но сердито косилъ на него глазомъ, какъ будто хотѣлъ сказать: «Эхъ, кабы не дисциплина, ужъ показалъ бы я тебѣ Кузькину мать за то, что лѣзешь щеткой, куда не слѣдъ»...

Чистка подходила къ концу. Лошади хорошо понимали это и нетерпѣливо поднимали головы, настораживали уши и прислушивались, не будетъ-ли команды насчетъ торбъ.

И вдругъ вниманіе солдатъ было отвлечено. Они пріостановили чистку, повернули головы въ одну сторону, то озабоченно любопытные, то радостно оживленные. По пустынному плацу, вдоль коновязей, подъ жгучими взорами сотенъ глазъ, чувствуя на себѣ эти взоры, тронутая и возбужденная ими, шла кокетливой походкой хорошенькая, молодая дѣвушка Луша, горничная Козинскихъ.

Она подошла къ Чердынцеву, который задумчиво стоялъ у одного конца коновязей, и подала ему письмо.

—Баринъ прислали,—проговорила она.

Чердынцевъ все также задумчиво и разсѣянно пробѣжалъ глазами записку, которая приглашала его вечеркомъ на партію въ винтъ, кивнулъ головой Лушѣ и побрелъ поглядѣть овесъ.

А Луша, кинувъ въ сторону ближайшихъ солдатъ вызывающій взглядъ, поплыла обратно медленной, еще болѣе кокетливой походкой. Но передъ концомъ коновязей не выдержала, засмѣялась и побѣжала.

— Эхъ, дѣвушка!—раздались восклицанія.

— Лушенька, душечка!..

— Барышня, не спѣшите. Что больно прытки?..

Даже фейерверкера не утерпѣли и взялись за усы. Самъ степенный вахмистръ Ершовъ, не совсѣмъ счастливый супругъ Матвѣевны, и тотъ глянулъ искоса на Лушу, крякнулъ и замѣтилъ:

— Ишь ты фуфыра!...

Но сейчасъ же усиленно строго прикрикнулъ на солдатъ:

— Ну! захлопали глазами! А ты принимайсь, принимайсь...

XII.

Чердынцеву не хотѣлось дожидаться урочнаго часа, и онъ прямо съ плаца направился къ Козинскимъ. Хозяина онъ не засталъ дома; Казиміръ Ивановичъ отправился въ лавки взять къ ужину закусокъ. Калерія Ивановна была въ столовой и пересматривала ящики съ цвѣточными посѣвами.

— Ахъ, какъ хорошо, что опять весна,—мечтательно говорила она,—не знаю, какъ вы, а я просто перерождаюсь весной, даромъ, что старуха.

Но Чердынцевъ съ восхищеніемъ глядѣлъ на ея румяное, смуглое лицо съ темными, умными глазами, на ея могучую фигуру. Эта женщина въ полномъ разцвѣтѣ жизни казалась ему олицетвореніемъ силы и красоты.

— Глядите,—говорила она,—вонъ тамъ у меня уже поднялись лаки, флоксы, вербена. Вы любите вербену? Я ужасно люблю. Это что-то такое милое, и робкое, и нѣжное, точь въ точь молодая дѣвушка, которая удивленно и радостно глядитъ на Божій міръ... Но на что я обращу въ этомъ году вниманіе—это на левкои. Большая клумба вся будетъ въ нихъ. Левкои и левкои. А надъ ними, какъ опекунъ, раскинется рицинусъ. А? хорошо такъ?

— Отлично. А вербена-то куда же?

— О, вербенѣ тутъ не мѣсто. Она скромная, тихая. Она будетъ ютиться кустами по малымъ клумбамъ вмѣстѣ съ

флоксами, віолей, гвоздикой. Тамъ будемъ подбирать узоры, составлять краски. Всѣмъ этимъ цвѣтамъ надо дополнять другъ друга. Но царственные левкои хотятъ быть одни...

— Вонъ вы какой художникъ.

Она весело засмѣялась, потомъ вздохнула.

— Хорошо жить на свѣтѣ, Николай Сергѣевичъ.

Чердынцевъ вздохнулъ въ свою очередь, но печально.

— Эхъ, вы, молодежь!—воскликнула Калерія Ивановна,—туда же вздыхаетъ въ двадцать-то пять лѣтъ! Глядите на меня, я уже къ старости клонюсь, а не боюсь ничего, не вздыхаю. Хочу жизни и счастья и добиваюсь его.

— Ваша жизнь сложилась иначе.

— А ваша чѣмъ плохо складывается? Плохо, впрочемъ, и сами виноваты. Надѣлали глупостей, это вѣрно. Поправить-то, чай, еще можно? а?

Онъ только плечами пожалъ.

— Не знаю, право, можно-ли.

— Да, да, — задумчиво произнесла Калерія Ивановна,—какъ ни какъ, а ступили вы неосторожно и ножку попортили. Можетъ еще поправится дѣло. Головы не вѣшайте. Если есть время, верните себѣ свободу, развяжите себѣ руки... А то, знаете, пойдутъ дѣти,—совсѣмъ завязнете здѣсь, опуститесь, опошлитесь. Больше всего бойтесь пошлости.

Потомъ она добавила, будто про себя:

— А не удалась личная жизнь, и тутъ горевать нечего.

— О чемъ же и горевать тогда?

— Ни о чемъ. Что такое личное счастье и гдѣ оно? Поглядите, какъ хорошъ Божій міръ и мѣсто ли въ немъ вашему личному горю. Не удалась жизнь, — не думайте о себѣ. Думайте о другихъ; въ жизни другихъ, въ чужихъ печаляхъ и радостяхъ живите; несите свое сердце печальнымъ, тоскующимъ, о себѣ забывайте; сначала будетъ тяжело, за то потомъ, какъ легко, хорошо... Впрочемъ, что же это я? Еще все у васъ, Богъ дастъ, поправится. Отъ личнаго счастья отказываться тяжело, это я понимаю. Но тогда развязывайте себѣ скорѣе, скорѣе руки и бѣгите отсюда въ академію, въ университетъ, но бѣгите...

Пришелъ Козинскій, усталый отъ ходьбы, но радостный въ ожиданіи винта. Козинскій сѣлъ съ Чердынцевымъ въ неосвѣщенной столовой, а Калерія Ивановна зажгла лампу въ угольной—черезъ двое дверей отъ столовой, и сѣла съ Даней приготовлять его завтрашній урокъ. Хорошенькій румяный мальчикъ, смѣшно хмуря лобъ, водилъ пальцемъ по строкамъ книги и медленно разбиралъ прочитанное, вскидывая временами на мать большіе, черные глазки. А мать, проворно перебирая спицы вязанья, вполголоса поправляла его, слѣдя вни-

мательнымъ ухомъ за урокомъ. И такъ была она хороша въ эту минуту, что Чердынцевъ залюбовался на нее и на ребенка.

Козинскій, который, полулежа на диванѣ у противоположной стѣны, разсказывалъ что-то Чердынцеву, разсердился, наконецъ, видя, что гость его не слушаетъ.

— Что вы точно спите,—заворчалъ онъ,—я ему разсказываю про городского голову, а онъ и не слышитъ.

— Ну, васъ съ вашимъ головой, — шопотомъ отвѣтилъ Чердынцевъ,—вы подите-ка сюда лучше. Да тише, медвѣдь вы эдакій.

Козинскій на ципочкахъ подошелъ и тоже залюбовался картиной.

— А, вѣдь, прелесть,—шопотомъ проговорилъ онъ.

— Именно прелесть. Калерія-то Ивановна какая красавица!

— И мальчуганъ тоже.

— И мальчуганъ.

Козинскій пыхнулъ сигарой.

— А знаете,—полувопросительно сказалъ онъ,—я пойду поцѣлую Калерію Ивановну.

— Ну, ну, не смѣть. Нельзя.

Козинскій послушался, но съ нѣкоторымъ протестомъ.

— Вамъ нельзя, а мнѣ можно. Я мужъ.

— И вамъ нельзя. И чего вы лѣзете съ вашими поцѣлуями. Стоите-ли вы жены?

— Что же, я ничего... я стою.

— Никакой мужъ не стоитъ своей жены. Всѣ мы, мужчины, ужасная дрянь.

— Философствуйте.

Но Чердынцеву было больно на душѣ.

— Вотъ эти,—думалъ онъ,—тоже застряли въ коневецкой трясинѣ, да у нихъ хоть личная жизнь, у нихъ ребенокъ, который ихъ спасаетъ отъ пошлости, а я...

И ему вспомнилась его собственная обстановка, со всей безпорядочностью и холодомъ холостой жизни и съ располнѣвшей, обрюзгшей, сварливой Анисьей въ придачу.

— Охъ, надо, надо развязать себѣ руки,—думалъ онъ, — и бѣжать, выбираться на широкую дорогу, расширять свой кругозоръ. Съ осени все въ конецъ измѣняю.

— Вотъ что вы не женитесь?—перебилъ его мысли Козинскій.—Жениться хорошо.

— Какъ для кого.

— Бываютъ и неудачные браки. Но я удачникъ. Калерія Ивановна, знаете, хорошая женщина. Вотъ, я вамъ разскажу: это было въ 77 году. Стояли мы...

— Подъ Плевной, а она пріѣхала къ вамъ, больному. Знаю, слыхалъ...

— Да, да. И, знаете, не испугалась.

— Да развѣ женщина чего-нибудь испугается? Это мы съ вами струсимъ, а женщина никогда и ничего...

— Нѣтъ, я, вѣдь, тоже...

— Отстаньте, всѣ мы на одно копыто. Женщина не захочетъ сама лѣзть въ омутъ, а мы и видимъ передъ собой трясину да плюхаемся туда. У женщины всегда свѣтъ передъ глазами, а мы ужасная дрянь, безсильная, жалкая...

— Ну, нѣтъ, этого нельзя сказать... Я тоже...

Но въ это время пришла Луша зажигать лампы, и разговоръ прекратился.

XIII.

Чердынцевъ уѣхалъ въ лагерь, не «развязавъ себѣ рукъ», и не сдѣлалъ этого, вернувшись осенью въ Коневецъ. Онъ съ ужасомъ замѣтилъ, что развязать руки теперь труднѣе, чѣмъ когда-либо. Анисья была беременна. И, кромѣ того, какъ ни ясно сознавалъ Чердынцевъ, что онъ все глубже и глубже погружается въ тину, этотъ коневецкій мірокъ, эта жизнь беззаботная, праздная, вялая становилась ему все милѣе и милѣе.

Онъ холодѣлъ при этихъ мысляхъ и, чтобы успокоиться, съ лихорадочной поспѣшностью хватался за учебники; бывали дни, когда онъ сидѣлъ надъ ними съ утра до поздней ночи. Но это удавалось не всегда. Входила Анисья, располнѣвшая, неряшливо одѣтая, съ какимъ то озлобленнымъ выраженіемъ лица и начинала гремѣть посудой, убирая ее въ буфетъ, или искать ключей, причемъ не стѣснялась прерывать вниманіе Чердынцева:

— Миколай Сергѣичъ, ты что-ль ключи-то взялъ?

— Отстань! — сердито отзывался Чердынцевъ,—мѣшаешь только работать. Никакихъ я ключей не бралъ.

— Куды-жъ провалилися подлые? Оказія, братцы... Нѣтъ, и въ столѣ не видать... Ну, дѣла!.. Миколай Сергѣичъ, погляди не у тебя-ль въ столѣ?

Чердынцевъ едва удерживался отъ гнѣва.

— Говорятъ тебѣ, отстань и не мѣшай. Убирайся отсюда.

— Такъ вотъ и послушала тебя. Вишь, какой скипидаристый! Тоже работаю, говоритъ, а вся-то твоя работа плюнуть да растереть...

— Да уйдешь-ли ты, дурища, или нѣтъ?

Анисья начинала хныкать:

— И что ты тиранишь меня, мужнюю жену, что кровь мою сосешь?..

— Да говори толкомъ: чего тебѣ надо?

— Грамотѣ лѣтось вздумалъ учить. Да что я тебѣ далась на озорство-то? Да съ чего выдумалъ ты это?

— Да, вѣдь, ужъ давно оставилъ!

— И жила я молода, не тужила...

— Ну, и уходи домой, коли тебѣ у меня плохо живется.

— Ишь ты! Теперича уходи. Надсмѣялся да и гонитъ... А чижола-то я отъ кого?..

Чердынцеву хотѣлось бы вскочить и вытолкать эту бабу вонъ, но онъ помнилъ, что, во первыхъ, она женщина, а во вторыхъ, беременная женщина. Чтобы прекратить невыносимую сцену, онъ бралъ фуражку и уходилъ изъ дома. А Анисья злобно глядѣла ему вслѣдъ и шептала:

— Иди-ка, прохолодись маненько...

Но и идти ему было некуда. У Козинскихъ къ нему относились, хотя и дружелюбно, но, какъ онъ думалъ, немного презрительно. Отношенія къ молодымъ офицерамъ тоже начинали измѣняться. Еще Кокинъ продолжалъ быть къ нему почтителенъ, хотя далеко не по прежнему, а Шторхъ, тотъ явно стремился стать независимымъ и выказывалъ даже нѣкоторую враждебность. До Чердынцева доходили отзывы о немъ Шторха, какъ о неудачникѣ, дутомъ величіи, непризнанномъ геніи.

— Вотъ, поглядимъ,—говорилъ Шторхъ,—кто скорѣе попадетъ въ академію, онъ или я. Да-съ, мы еще поглядимъ.

И Шторхъ, дѣйствительно, готовился въ академію, но при этомъ увлекался и другого рода дѣятельностью. Онъ открыто примкнулъ къ партіи Чубина и Сафонеева, получилъ въ завѣдываніе дрова и кухню и чувствовалъ себя въ этой работѣ недурно.

— Я не юродивый, какъ Чердынцевъ, — говаривалъ онъ Кокину, оправдываясь въ перемѣнѣ своего образа мыслей,— жизнь-то настоящую, не фантастичную, чай, вижу...

Но и съ Кокинымъ было не благополучно. Этотъ румяный мальчикъ, худенькій и нѣжный, какъ дѣвушка, отдался за послѣднее время картамъ и разврату. Въ семейныхъ домахъ онъ почти не бывалъ и проводилъ свободное время, или со Шторхомъ, или у Лизочки, къ которой нерѣдко собирались ея подруги по профессіи изъ мелкаго мѣщанства. Въ этой сферѣ Кокинъ чувствовалъ себя очень хорошо, а въ связь съ Лизочкой вносилъ долю влюбленности.

Однажды онъ, сильно нетрезвый, обратился къ Чердынцеву съ горячей и слезной просьбой не гнушаться имъ, если онъ сдѣлаетъ рѣшительный шагъ.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Чердынцевъ, отрываясь отъ газеты.

— Николай Сергѣевичъ, я... намѣренъ жениться...

— На комъ?

— На Лизочкѣ... это... ангелъ.

— Кокинъ, безъ глупостей!

— Но почему же это глупости?.. Нѣтъ, я серьезно... Николай Сергѣевичъ, вы мнѣ другъ?

— Разумѣется; потому и говорю: безъ глупостей.

— Если другъ, то поощрите меня... «Когда изъ мрака заблужденья... онъ душу падшую»... Ну, чортъ... не помню... Словомъ... Да нѣтъ, вы мнѣ другъ?..

— Ну, да, да, только глупости выкиньте изъ головы.

— Коли другъ, выпьемъ на «ты».

— Это съ удовольствіемъ.

Они выпили и поцѣловались.

— Нѣтъ, ты не можешь себѣ представить, какъ я счастливъ,—говорилъ заплетающимся языкомъ Кокинъ,—какъ я блаженствую, что съ тобой на ты... Я тебя, Коля, ужасно люблю.

— Ну, ладно, ладно.

— Нѣтъ, ты постой, ты погоди... Видишь-ли, какъ бы мы зажили хорошо. Я, ты, Лизочка... Приходи тогда на цѣлый день и каждый часъ. Что мое, то твое. А? Я тебя ужасно люблю.

Онъ съ чувствомъ вздохнулъ, потомъ постарался сдѣлать строгое лицо и глядѣть вдумчиво, но началъ икать.

— Я знаю, что созданъ для семейной жизни... Мое назначеніе быть супругомъ и... отцомъ.

— Это прекрасно, но Лизочку изъ головы выкинь.

— Но почему же?.. Я тебя, другъ мой, не понимаю. То есть, зарѣжь меня, повѣсь, отрави, наконецъ, какъ Борджіа тамъ какой-то, а я не понимаю... Не постигаю, и конецъ...

— Тутъ и понимать нечего.

— Дружокъ, я долженъ, я рѣшился... А ты самъ знаешь, я въ рѣшеніяхъ твердъ, я кремень.

— Ну, снимай мундиръ.

— Коля, это жестоко. Нѣтъ, Коля, ты меня огорчилъ.

Онъ пришелъ въ чувствительное настроеніе и даже прослезился. На другой день Чердынцевъ зашелъ къ нему допытаться, дѣйствительно ли была у него мысль жениться на Лизочкѣ. Оказалось, что была, какъ признался Кокинъ, покраснѣвъ до ушей. Чердынцевъ долго и строго, какъ старшій братъ, говорилъ съ нимъ по этому поводу, но, выйдя отъ него, только грустно вздохнулъ. Онъ чувствовалъ, что и Кокинъ уже готовъ выйти изъ подъ его вліянія.

XIV.

Въ тяжеломъ раздумьи шелъ Чердынцевъ по улицѣ. Съ особенною ясностію представлялъ онъ себѣ картину своей собственной жизни. Зачѣмъ даромъ потрачено нѣсколько лучшихъ лѣтъ; гдѣ же мечты о жизни разумной, честной, посвященной наукѣ и людямъ? Жалкое прозябаніе въ глухомъ уѣздномъ городишкѣ: жизнь среди картъ, сплетенъ, связь съ чужой женой, необразованной, пошлой женщиной, связь чисто животная, грязная, отвратительная.

Ему стало вдругъ жалко себя до слезъ. Уйти надо скорѣе, безъ отговорокъ, безъ оглядки, радикально перемѣнить жизнь, пока еще не все потеряно, пока есть время. Но возможно ли что нибудь измѣнить, есть ли выходъ изъ этого положенія? И Чердынцевъ снова и снова начиналъ рѣшать вопросъ о томъ, имѣетъ ли онъ нравственное право бросить Анисью съ ея будущимъ ребенкомъ.

Онъ шелъ по улицѣ и не зналъ, куда ему уйти отъ собственныхъ мыслей, какъ бы забыться, почувствовать себя въ иной атмосферѣ. Былъ уже поздній вечеръ. Какая-то женщина вышла изъ переулка и пошла по тому же направленію, что и Чердынцевъ. Послѣдній, повинуясь все тому же желанію порвать нить угнетающихъ его мыслей, обратилъ вниманіе на эту женщину и, поровнявшись съ ней, заглянулъ ей въ лицо.

— Э, да это вы, Лизочка,—сказалъ онъ.

Лизочка повернула къ нему свое востренькое, печальное личико.

— Ахъ, здравствуйте

— Вы откуда и куда?

— Въ лавку ходила.

— Ну, такъ знаете что? Пойдемте ко мнѣ. Разопьемъ по пріятельски бутылочку мадеры, что ли. Вы любите мадеру?

Лизочка задумчиво поглядѣла на него.

— И вы такой же. Я думала вы одинъ изъ всѣхъ... солидный.

— Я-то? Нѣтъ, и я не солидный. Ну, что же, идемъ.

— Извольте-съ.

Онъ взялъ ее подъ-руку и направился къ своей квартирѣ. Онъ разомъ порѣшилъ въ умѣ, что ему очень весело и что всѣ мрачныя, унылыя мысли, тяготившія его, оставлены позади и больше не вернутся на сегодня.

Войдя въ комнату, Чердынцевъ заботливо усадилъ Лизочку на стулъ, зажегъ лампу, заперъ дверь въ заднюю половину дома, гдѣ жила Анисья, и вернулся къ своей гостьѣ. Она сидѣла передъ нимъ худенькая, тщедушная, все еще похожая

на недоразвившагося подростка, невиннаго, загнаннаго, запуганнаго.

— Лизочка, — сказалъ Чердынцевъ, сразу переходя на «ты»,—ты можетъ покушать хочешь?

Да, она хотѣла ѣсть. Ей часто хочется ѣсть. Братъ отбираетъ у нея деньги и кормитъ ее скудно.

Чердынцевъ отперъ шкафъ и вынулъ оттуда все, что нашелъ: мясо, сыръ, сардинки и бутылку вина. Лизочка жадно набросилась на ѣду и уничтожала ужинъ, хватая мясо прямо руками, маленькими, жалкими и не совсѣмъ опрятными. И вся она была маленькая, жалкая и не совсѣмъ опрятная. Ея простенькое и поношенное платье давно не чистилось и мѣстами было въ прорѣхахъ; голова плохо причесана, шея не мыта.

— Кушай, кушай,—съ возраставшей къ ней жалостью говерилъ Чердынцевъ, отрѣзывая ей сыра и наливая вина.

Она взглянула на него съ благодарной улыбкой и продолжала ужинъ, запивая ѣду глотками вина. Къ концу ужина блѣдное, малокровное лицо ея окрасилось легкимъ румянцемъ, а глаза немного заискрились.

— А я и не думала, что и вы... такой же,—проговорила она, отстранивъ отъ себя тарелку и вытирая ротъ.

— Какой такой же?

— Ну, какъ и всѣ мужчины здѣсь. Я думала вы меня никогда не позовете.

— А тебя всѣ зовутъ? Что, небось, Гольченку любишь.

Лизочка сдѣлала гримаску.

— Фу! онъ противный, старый.

— А ты молодыхъ любишь? Кокина, не правда-ль?

Она продолжала гримасничать.

— Нѣтъ, и онъ противный. Онъ все лѣзетъ съ сальностями.

Она вдругъ хихикнула и прикрыла лицо рукой.

— Ты чего смѣешься?

Она подумала немного, выпила еще рюмку и, нагнувшись къ Чердынцеву, сказала ему на ухо что-то про Кокина. Оказывалось, что этотъ румяный, безусый Кокинъ доходилъ до такого цинизма и грязи, что Лизочка, профессіональная распутница, тяготилась имъ.

— Вотъ, Шторхъ,—продолжала Лизочка,—это прелесть, орелъ кавалеръ.

— А еще кого любишь?

Она лукаво прищурилась.

— Еще?.. Васъ люблю.

А онъ все глядѣлъ на нее пристальнымъ, упорнымъ взглядомъ, такъ, что Лизочкѣ становилось неловко съ нимъ. Онъ за-

давалъ ей вопросы машинально и почти не слушалъ ея отвѣтовъ. Его мучило чувство жалости къ этой дѣвушкѣ-ребенку и обиды за нее.

— Послушай, Лизочка,—проговорилъ онъ,—и давно ты... такъ живешь?

Она было хихикнула, но потомъ не то опечалилась, не то испугалась. На одинъ краткій мигъ пронеслась передъ ней картина ея жизни, озарила душу сознаніемъ и скрылась, исчезла.

— Давно. Охъ, очень, очень давно.

— Да не можетъ быть! Вѣдь, тебѣ что? лѣтъ семнадцать, не больше.

Оказывалось больше. Ей уже минуло двадцать, но начала она свою дѣятельность четырнадцатилѣтнимъ ребенкомъ.

— Да кто же это толкнулъ тебя въ эту яму?

— Тетка. Я у ней жила въ N. Мы съ Жакомъ, вѣдь, сироты.

— Такъ что же, она продала тебя?

— Да. Купецъ одинъ сторговалъ.

— И ты жила у него?

— Нѣтъ, ходила только. А онъ спился да и померъ. Потомъ старикъ майоръ... Вотъ былъ противный!..

— Ахъ, ты бѣдная, бѣдная...

— А потомъ я хворала долго. А потомъ тетка померла, и мы съ Жакомъ переѣхали въ Харьковъ... Нѣтъ, не все. Года два такъ жила; а потомъ Жакъ сталъ сердиться, что я ничего не дѣлаю. Ну, я и опять...

— А въ школѣ ты была?

— Дѣвочкой ходила съ годъ въ городское училище...

Жалость давила сердце Чердынцева. Вотъ она, эта печаль земли, вѣчная незакрывающаяся рана.

— Бѣдная, ты, Лизочка, бѣдная... Послушай, скажи, неужели тебѣ не гнусно такъ жить?

— А тебѣ, чай, не гнусно со мной?

— За всѣхъ за насъ гнусно. И тошно, Лизочка.

— Тошно, а позвалъ меня. Дай-ка еще выпью.

Онъ налилъ ей вина, а самъ сталъ задумчиво глядѣть въ окно. Черная ночь угрюмо смотрѣла сквозь плохо занавѣшенное окно, и ея мракъ, казалось, хотѣлъ ворваться и въ эту слабо озаренную комнату. И Чердынцеву представлялось, что онъ оторванъ отъ дѣйствительности, что онъ унесся вмѣстѣ съ этой бѣдной, жалкой дѣвушкой въ самую середину мрака, что тѣни ночи окружили ихъ. Черной волной идутъ тѣни и несутъ невѣжество, пошлость, развратъ, отупѣніе, поворотъ человѣка къ жизни животной. Безконечная, непрерывная волна...

Лизочкѣ стало скучно.

— Послушай-ка, что я скажу про Гольченко...

Она подошла къ нему и сѣла было къ нему на колѣни, но онъ мягко отстранилъ ее.

— Нѣтъ, Лизочка, сядь вонъ тамъ лучше.

— Какой ты чудной,—проговорила она, потомъ поглядѣла на него своими наивными глазками и вдругъ расхохоталась.

— Ты словно тотъ... старый.

Онъ продолжалъ задумчиво глядѣть въ окно.

Лизочкѣ стало совсѣмъ скучно.

— Спать хочется,—сказала она, зѣвая, и заглянула въ сосѣднюю комнату, гдѣ была кровать Чердынцева.

— Да, да,—отвѣтилъ Чердынцевъ, вставая,—пора спать. Ну, иди себѣ съ Богомъ. Я провожу тебя до воротъ.

Онъ сунулъ ей въ руку какую-то ассигнацію, но Лизочка глядѣла на него удивленно:

— Идти?

— Иди, Лизочка, пора ужъ спать.

— А я думала... А деньги-то за что?

— Ну, за что?. ну, за бесѣду за нашу.

Она сконфузилась, покраснѣла и сразу перешла на «вы».

— Какой вы, право... Да не надо же денегъ.

— Ничего, ничего, возьми.

Она не могла опомниться отъ изумленія, машинально одѣлась, простилась и пошла. Дорогой она нѣсколько разъ принималась хохотать, но сейчасъ же переставала и задумывалась. А, придя домой, сѣла на постель, еще немного подумала и почему то поплакала передъ сномъ.

XV.

Небольшой домикъ Колтукова приходилъ въ совершенный упадокъ. Крыльцо перекосилось, ступени на немъ поломались. Въ комнатахъ вездѣ была пыль, грязь. Обои отстали и висѣли, какъ паруса; въ одномъ окнѣ стекло выпало и отверстіе было заткнуто тряпкой. Печи дали трещины. Слышался запахъ нежилого помѣщенія. Надворныя строенія тоже разваливались. Крыши обросли мхомъ, стѣны погнулись, двери не закрывались. А кругомъ на усадьбѣ осиливала растительность, заходя все дальше и дальше, заполняя тѣ пространства, куда прежде ее не пускали. Трава покрыла всѣ тропы, подошла къ крыльцу дома, взобралась на ступени, пробравшись сквозь щели ихъ. Запущенный, заглохшій, полный бурьяна садъ украсился березнякомъ, осиной, перекинулъ побѣги ихъ во дворъ, прошелъ молодыми деревцами по немъ. Березки дошли до конюшенъ, взбѣжали на старыя крыши погреба и амбаровъ.

Чувствовалось, что усадьба пустѣетъ, что родъ вымираетъ, и жадное царство растительности спѣшило занять освобождающееся мѣсто, какъ около безнадежно больного, не дожидаясь его кончины, начинаютъ хозяйничать нетерпѣливые наслѣдники...

Разъ подъ вечеръ Чердынцевъ, гуляя за городомъ, зашелъ въ эту запущенную усадьбу, но, не заставъ хозяина дома, направился по указанію старой и единственной прислуги Колтукова, кухарки Матрены, въ поле, къ вырубленной лѣсной площади. Небольшая роща, смежная съ боромъ предводителя Веретеева, послѣднее достояніе вымирающаго рода Колтуковыхъ, была весной вся сведена, такъ какъ Колтукову уже нечѣмъ оказывалось жить. Но съ тѣхъ поръ онъ полюбилъ ходить на поруби и цѣлыми часами просиживалъ тамъ, задумчивый, грустный. И теперь Чердынцевъ засталъ его тамъ.

Колтуковъ сидѣлъ на пнѣ, подперши ладонью голову, и не слыхалъ, какъ гость подошелъ къ нему. Онъ глядѣлъ на равнину порубей, печальный, угрюмый, какъ будто хотѣлъ уяснить себѣ значеніе совершеннаго здѣсь недавно страшнаго дѣла, истребленія сотенъ существъ, жившихъ своею особою жизнью, полныхъ недавно силы. Кругомъ тянулась равнина, покрытая пнями съ застывшимъ на нихъ сокомъ, будто кровью на разсѣченныхъ тѣлахъ.

Кое гдѣ, уныло свѣсивъ печальныя вершины, стояли одинокія, тонкія березы, будто скорбя надъ поверженными, убитыми товарищами и, словно изнемогая подъ бременемъ горя, согнулись стволами, ослабѣвшія, безсильныя. Вѣтеръ пробѣгалъ временами по равнинѣ, и вѣтви березъ трепетали, будто отрываясь отъ тяжелаго забытья, будто вспоминая съ содроганіемъ картины недавняго страшнаго дѣла.

А внизу между пнями все пространство порубей покрылось жаднымъ можжевельникомъ, кустами крушины, волчьей ягоды, жесткими, теперь, въ пору осени, уже почти сухими папоротниками, мелколистой черникой. Кое гдѣ виднѣлись еще неубранныя вершины, какъ головы, отдѣленныя отъ туловищъ, уже высохшія, съ застывшимъ сокомъ, кровью убитыхъ.

Это было огромное, неприбранное кладбище, мѣсто избіенія, носящее слѣды недавняго преступленія.

Птицы и звѣри, таившіеся нѣкогда въ глубинѣ лѣса, укрылись въ иныхъ мѣстахъ, и мерзость запустѣнія легла на поляну, доколѣ не исчезнутъ слѣды убійства и земля родильница не дастъ новыхъ побѣговъ на мѣстѣ, опустошенномъ рукой человѣка...

Чердынцевъ окликнулъ Колтукова, и послѣдній изумленно поднялъ голову, присматриваясь при свѣтѣ луны къ подошедшему, будто припоминая себѣ, кто этотъ человѣкъ и чего ему

надо. Наконецъ, припомнилъ и поднялся съ пня, на которомъ сидѣлъ.

— З... здравствуйте, — сказалъ онъ,—я не узналъ васъ. С... садитесь, вонъ пеньки... У... удобно...

Онъ сѣлъ, и гость послѣдовалъ его примѣру.

— Что вы тутъ подѣлываете? Мечтаете?—спросилъ Чердынцевъ.

Колтуковъ поднялъ голову и думалъ, морща лобъ отъ усилій мысли.

— Я т... тутъ, видите-ли, д... думаю. Я т... тутъ вынулъ п... послѣдній рубль и размѣнялъ его. Б... больше нѣтъ у меня ничего...

— Ну, еще наживете.

— Н... наживу? Нѣтъ, мнѣ и не н... надо ничего. Я д... доволенъ. А только здѣсь, на этой полянѣ м... могила рода К... колтуковыхъ...

— Э, полноте; что за мрачныя мысли? Вѣдь вы молоды, жизнь передъ вами открыта.

— В...вы думаете? А я д...думаю иначе.

Онъ умолкъ и задумался. Молчалъ и Чердынцевъ. Ночь подошла тихая, теплая. Въ недальнемъ лѣсу не шелохнулась ни одна вѣтка, а одинокія березы, стоявшія среди кладбища деревьевъ, будто погрузились въ тяжелое забытье.

— Я н...не горюю,—началъ опять Колтуковъ, глядя передъ собой на оголенное пространство.—Я н...не печалюсь. Мнѣ н...ничего не надо. Но родъ К...колтуковыхъ погибъ и не возродиться ему вновь.

— Полноте, что вы! Вотъ, погодите, женитесь, дѣти пойдутъ, вотъ и продолжится вашъ родъ.

— Н...нѣтъ, не мнѣ думать о женитьбѣ. М...мое назначеніе выше, с...святѣй.

— Именно? Какое же это назначеніе?

— Т...теперь я еще н...не могу говорить объ этомъ. Но я н...носитель великой идеи... Глядите, в...вотъ здѣсь была послѣдняя сила К...колтуковыхъ. М...меня заставили убить эту с...силу. Но тѣ, к...кто довели меня до этого, враги п...порядка и дворянства. И о...они поймутъ, н...наконецъ, что с...сдѣлали со мной. Я п...погибну, но родина скажетъ, что послѣдній изъ К...колтуковыхъ п...погибъ не даромъ...

— Послушайте,- сказалъ Чердынцевъ,—вы что то нехорошо говорите. Что это за мысли у васъ? Я васъ всегда считалъ за такого добраго и хорошаго человѣка.

Колтуковъ поглядѣлъ на него признательнымъ взоромъ, и голосъ его дрогнулъ, когда онъ отвѣтилъ ему:

— С...спасибо, большое с...спасибо. Вы меня п...поняли... Ну, пойдемте чай пить...

Они встали и направились къ усадьбѣ. За чаемъ Колтуковъ развеселился, оживленно разсказывалъ, какой славный и древній его родъ. Родоначальникомъ былъ выходецъ изъ Литвы при Василіи Темномъ.

— Симеонъ Дыгайло-К...колтукъ. Отъ него и...дутъ всѣ Колтуковы. При И...иванѣ Грозномъ насъ всѣхъ п...посадили на колъ. В...вотъ, оно что! А? Только и остался младенецъ Г...глѣбъ. О...отъ него опять пошли К...колтуки. В...вотъ, оно что!..

— Д-да,—сказалъ Чердынцевъ.

— Да. Только с...стойте. При Аннѣ И...ивановнѣ было всего два К...колтукова. Одному было л...лѣтъ семьдесятъ, а другому л...лѣтъ тридцать. Это К...кириллъ. Вотъ, Биронъ разсердился да К...кириллу и утопилъ. О...отлично. Т...только, хвать, старшій-то, Б...борисъ сталъ думать. Д...думалъ, думалъ да и женился. Женился да и р...родилъ себѣ Андрея. А? И опять живутъ К...колтуки.

— Вотъ, то-то и есть,—замѣтилъ Чердынцевъ,—а вы унываете. Вотъ, и вынырнете.

Колтуковъ сразу сталъ печаленъ.

— Н...нѣтъ. Тогда сила была, земля была. А теперь у меня в...всего тридцать десятинъ да и тѣ н...не родятъ... Н...нѣтъ, умерли К...колтуки, не жить больше К...колтукамъ.

XVI.

Когда Чердынцевъ, возвратясь въ тотъ вечеръ отъ Колтукова, собирался войти въ свою квартиру, изъ окна противоположнаго дома окликнулъ его Панфиловъ:

— Господину поручику Чердынцеву нижайшее...

— А, здравствуйте, — отвѣтилъ послѣдній, — заходите напиться чайку.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, господинъ поручикъ. Сочту за честь.

Онъ заторопился, наскоро заперъ окно и черезъ минуту былъ уже у Чердынцева, оживленный, съ лицомъ, озареннымъ какою-то таинственно-лукавою усмѣшкой, съ стеклянными, ничего не выражающими глазами, въ которыхъ жизнь, казалось, уже прекратилась.

Подали чай. Панфиловъ поспѣшно схватилъ свой стаканъ и принялся пить изъ блюдца, обжигаясь, морщась, но видимо блаженствуя. Онъ страстно любилъ чай, но дома не пилъ его изъ скупости.

— Ну, что же, продолжаете спасать градъ сей?—спросилъ Чердынцевъ.

— По силѣ возможности, господинъ поручикъ, по силѣ

возможности-съ. Да вы что изволите думать? Вѣдь, все истинная правда-съ.

Онъ поставилъ новый стаканъ чаю передъ собою, взялъ въ беззубый ротъ кусочекъ сахару, и, наклонившись впередъ къ собесѣднику, таинственно произнесъ:

— Ба-альшія силы облегаютъ городъ-съ. Даже до удивленія-съ.

— Полноте,—замѣтилъ Чердынцевъ,—что вы это, право, въ голову забрали.

— Истинная правда-съ, господинъ поручикъ, истинная правда. Все кругомъ облегли; сторожатъ-съ.

— А вы-то на что? Полицейскій, такъ караульте, пресѣкайте.

— Дѣлаю, что могу-съ. Вотъ, какъ догляжу-съ, такъ и гоню свѣщнымъ осѣненіемъ.

— Помогаетъ?

— Коли не помочь!

Онъ опять принялся за чай, и опять на лицѣ его играла загадочная улыбка безумнаго.

— Вотъ, тоже-съ недоволенъ я начальствомъ,—началъ онъ, допивъ стаканъ и принимая новый.

— Вона! а еще полицейскій.

— Да-съ, недоволенъ. Эдакъ никакъ невозможно поступать-съ.

— Что же такое?

— Послабленія-съ, несмотрѣніе. Начальство должно бдѣть, а оно попускаетъ-съ.

— Да что попускаетъ-то?

— А всякія вольныя мысли и поступки-съ. Наипаче мысли-съ.

— Хватили, однако. Какъ же мысли-то услѣдить?

— А услѣдить очень возможно-съ. Еще легче, нежели поступки-съ. Потому иной сдѣлаетъ и безо всякихъ мыслей-съ. Живетъ, живетъ человѣкъ да вдругъ и содѣлаетъ, что непотребно-съ. А ранѣе того и въ мысляхъ ничего не держалъ. Наипаче надлежитъ слѣдить за мыслями-съ.

— Хитрый вы человѣкъ, если и до мыслей добираться думаете.

— А вы что думаете-съ. Я все хочу докладную записку писать-съ на сей предметъ. Не знаю только, куда подать-съ. Господину губернатору недостаточно, потому онъ на одну только губернію; господину министру—ужъ очень высоко-съ; боязно, потому какъ я человѣкъ ничтожный-съ и всего лишь губернскій секретарь-съ. Нѣшто въ департаментъ въ какой? А?

— Хитро придумали, Порфирій Измаиловичъ, — сказалъ Чердынцевъ.

— Неправда-ли-съ?

— Только вы такой записки не подавайте.

— А что же-съ?

— Да какъ бы васъ того...

— Въ желтый домъ не посадили-съ?

— Вотъ, именно.

— Признаться, и самъ того опасаюсь. Возьмутъ да и запрутъ.

Онъ тревожно и скорбно задумался. Потомъ, вдругъ поднялъ голову, прислушался и взглянулъ на окно.

— А тѣни-то, тѣни плывутъ, прибываютъ, — шопотомъ и съ ужасомъ въ голосѣ проговорилъ онъ.

Это было такъ неожиданно, что Чердынцевъ невольно повернулъ лицо къ окну и тоже смотрѣлъ и слушалъ. И вдругъ кто-то застучалъ снаружи въ окно.

XVII.

Бесѣдовавшіе вздрогнули. Чердынцевъ вскочилъ и раскрылъ окно.

— Кто тутъ?—крикнулъ онъ.

— В...впустите п...пожалуйста,—послышался голосъ Колтукова.

Чердынцевъ вышелъ въ сѣни и черезъ минуту вернулся съ новымъ гостемъ. Колтуковъ былъ блѣденъ и какъ-то особенно растерянъ.

— Что съ вами? что такое?—спрашивалъ Чердынцевъ.

Но Колтуковъ долгое время не могъ ничего объяснить, хотя и говорилъ безъ умолку, странно заикаясь и путая слова. Потомъ онъ немного успокоился и пришелъ въ себя. Оказывалось, что онъ чего-то напугался, но чего—и самъ не могъ объяснить.

— К...кажется, вотъ, чего,—говорилъ онъ, — легъ я въ п...постель и с...свѣчу загасилъ. Н...ну, и и...испугался...

— Да чего же именно?—спрашивалъ Чердынцевъ.

Но точнаго отвѣта Колтуковъ не могъ дать. Онъ припоминалъ теперь, что ему показалось, будто кто-то сидитъ у него въ ногахъ постели, но что случилось дальше, какъ онъ выбѣжалъ изъ дома, какъ прошелъ двѣ версты до города,—всего этого онъ не помнилъ.

— Ложитесь-ка у меня спать,—предложилъ Чердынцевъ,—а то опять чего-нибудь напугаетесь. У васъ такъ мрачно въ домѣ.

Но Колтуковъ наотрѣзъ отказался. Онъ посидѣлъ еще немного, простился и пошелъ по направленію своей усадьбы.

Ночь была темная, мрачная. Мѣсяцъ давно закатился, и тучи обложили небо. Колтуковъ почти ничего не различалъ, но шелъ по знакомой дорогѣ увѣренно, задумчивый и печальный. Онъ прошелъ черезъ незапертую дверь въ убогое свое помѣщеніе, ощупью отыскалъ спички и зажегъ свѣчу. Потомъ присѣлъ на диванъ, служившій ему постелью и, вдругъ, съ удивительной точностью вспомнилъ все, что произошло съ нимъ сегодня и какъ онъ испугался. Онъ вспомнилъ, что вовсе и не ложился въ постель, а сѣлъ на диванъ, вотъ такъ, какъ сейчасъ, и почувствовалъ, что кто-то сидитъ съ нимъ рядомъ.

И вотъ, оказалось, что и сейчасъ кто-то сидитъ съ нимъ рядомъ и даже дотрогивается плечомъ до его плеча. Колтуковъ вскочилъ и, широко раскрывъ глаза, глядѣлъ на диванъ. Но свѣча, горѣвшая передъ тѣмъ на столѣ, куда-то исчезла. Теперь было темно и холодно, и вѣтеръ дулъ прямо въ лицо. И Колтуковъ догадался, что онъ вовсе не дома, не въ своемъ кабинетѣ, а въ полѣ, на дорогѣ и вглядывается въ ночную тьму.

— Ч...что за исторія?—прошепталъ онъ, вздохнулъ, оглядѣлся и медленно пошелъ дальше.

Мысли опять завертѣлись въ его головѣ, обрывочныя, но яркія и томительныя. Колтуковъ брался порой за голову обѣими руками и хотѣлъ остановить эти мысли, отдохнуть отъ нихъ. Но мысли все бѣжали и бѣжали и страшно утомляли его.

Онъ подошелъ къ самой усадьбѣ и съ интересомъ, но безъ особеннаго удивленія замѣтилъ, что домъ освѣщенъ. Онъ ускорилъ шаги и черезъ минуту входилъ въ комнаты. Тамъ были люди, которые молча, но внимательно оглядывали его и будто ждали, что онъ скажетъ имъ. Онъ не зналъ этихъ людей, даже не могъ хорошенько разглядѣть ихъ лицъ, но не удивился, что засталъ ихъ у себя, и прошелъ въ кабинетъ. Тамъ тоже горѣли свѣчи, а люди, бывшіе въ залѣ, вошли вслѣдъ за нимъ въ кабинетъ.

— Я васъ н...не знаю,—обратился Колтуковъ къ гостямъ и все старался разглядѣть ихъ, но не могъ. А они попрежнему молча и выжидательно стояли вокругъ него. Тогда онъ позабылъ про гостей и сталъ ходить по комнатѣ, а самъ все говорилъ. И это утомляло его, обезсиливало. А мысли попрежнему бѣжали и бѣжали. Наконецъ, онъ остановился и оглянулся вокругъ себя. И опять замѣтилъ, что онъ не въ кабинетѣ, а среди поля, гдѣ вѣтеръ шумитъ и знобитъ его тѣло Но и теперь онъ не удивился. Ему некогда было удивляться; онъ думалъ, ловилъ мысли и говорилъ, размахивая руками:

— Я п...погибну, но п...пусть. За то п...потомки скажутъ: онъ былъ в...великъ...—Онъ человѣкъ долга, и въ исполненіи

этого долга его счастье и радость. А: теперь ему суютъ деньги, все радужныя бумажки, цѣлыя кипы бумажекъ!.. Прекрасная женщина, красавица со жгучимъ взоромъ умоляетъ его оставить свое намѣреніе, отступиться отъ слова... Обнаженныя женскія руки обвились уже вокругъ его шеи; онъ ощущалъ теплоту тѣла этой женщины; онъ, строгій дѣвственникъ, постигалъ теперь прелесть женской ласки... Но вотъ. онъ опомнился, сдѣлалъ надъ собой усиліе и отступилъ назадъ.—В...вонъ, прочь!—крикнулъ онъ,—з...знаю тебя, н...не обманешь... И она исчезла, испарилась. А онъ опять былъ одинъ въ полѣ, и мысли вертѣлись въ его измученной головѣ.

XVIII.

Онъ смутно догадывался теперь, что страшно усталъ, что ноги перестаютъ слушать его. Машинально свернулъ онъ съ дороги, присѣлъ у корня большой придорожной березы и тотчасъ же позабылъ, гдѣ онъ и что съ нимъ. Вѣтеръ знобитъ его тѣло, холодная роса пронизывала сыростью, но онъ не замѣчалъ ничего. Въ головѣ его оказалось небольшое колесико, и оно вертѣлось со страшной быстротой, а онъ хотѣлъ остановить его и не могъ, и страшно мучился.

Онъ сидѣлъ лицомъ прямо къ востоку. И вотъ, мало по малу, окрестность стала переходить изъ черной въ сѣроватую; глазъ уже различалъ влажныя, дымящіяся туманомъ поля. Вѣтеръ затихъ, стало будто теплѣе, но мгла прохватывала тѣло влагой. А на краю неба бѣлѣло.

Прошло еще съ четверть часа, уже можно было свободно различать всю окрестность. Небо укрылось сплошною пеленой тучъ; востокъ чуть розовѣлъ занимавшеюся зарей; день начинался туманный и влажный.

Колтуковъ оторвался отъ мыслей и удивленно оглянулся. Потомъ медленно поднялся съ своего сидѣнья, не понимая, какъ онъ здѣсь очутился и зачѣмъ. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ него стояла его запущенная усадьба.

— П... почему это я н... не дома?—удивленно спросилъ онъ себя и направился къ воротамъ.

Онъ чувствовалъ теперь и сознавалъ, что озябъ и хочетъ спать. Но болѣе всего хотѣлось бы ему теперь напиться горячаго чаю, а чаю, между тѣмъ, не было. Вчера в..пили послѣдній. Колтуковъ прошелъ въ кабинетъ, съ отвращеніемъ снялъ съ себя намокшую одежду и легъ на диванъ, прикрывшись съ головой старымъ плащемъ, служившимъ ему вмѣсто одѣяла. Но ознобъ въ тѣлѣ почти не уменьшался. Колтуковъ дрожалъ, и все думалъ о томъ, какъ бы хорошо было теперь

напиться чаю. Весь самоваръ можно было бы выпить. Онъ сталъ засыпать, но, вдругъ, дрогнулъ всѣмъ тѣломъ и проснулся. Ему чудилось, что его опять обнимаютъ горячія женскія руки и чьи-то уста шепчутъ любовныя рѣчи. А онъ дожилъ до тридцати лѣтъ и никогда не слышалъ этихъ рѣчей, и никогда не зналъ женскихъ объятій...

Онъ съежился еще болѣе, подвернулъ плотнѣе плащъ и заснулъ тяжелымъ сномъ. Старуха Матрена раза три входила въ его комнату, но онъ все спалъ, издавая изрѣдка слабый стонъ во снѣ. Перешло за полдень, а онъ все еще спалъ.

И вдругъ онъ проснулся и сразу сѣлъ на постели, припоминая что-то и хмуря лобъ отъ напряженія мысли. Потомъ взглянулъ на часы, забезпокоился и сталъ торопливо одѣваться, не замѣчая, что одежда его еще не просохла.

— Ч... часъ пробилъ, п... пора,—прошепталъ онъ.

Онъ порылся въ комодѣ, отыскалъ тамъ что-то, затѣмъ вышелъ изъ дома и направился къ городу.

XIX.

У коневецкаго исправника Гольченко обѣдали члены уѣзднаго съѣзда и предводитель Веретеевъ. Послѣдній, молодой еще, серьезный человѣкъ молча доканчивалъ тарелку жирныхъ щей, прислушиваясь къ разговорамъ. Напротивъ него сидѣлъ товарищъ прокурора, два земскихъ начальника и городской судья, а сбоку членъ окружнаго суда. Самъ хозяинъ, сѣдой, толстый, страдавшій одышкой человѣкъ лѣтъ шестидесяти и кавалерійской наружности, помѣщался на концѣ стола противъ жены своей, худенькой старушки, постоянно вздыхавшей и вскидывавшей глаза къ небу.

Веретеевъ служилъ менѣе года, попавъ въ предводители нежданно для себя, изъ кандидатовъ. Онъ чувствовалъ себя въ этой должности далеко не увѣренно и все присматривался, не рѣшаясь еще дѣйствовать энергично, но въ душѣ уже опредѣлилъ, чего будетъ добиваться, особенно, если его выберутъ и на новое трехлѣтіе. Кое съ кѣмъ онъ уже дѣлился своими мечтами и чувствовалъ, что вокругъ него собираются, что уѣздъ начинаетъ просыпаться, поднимаются вопросы, проекты. На послѣднемъ земскомъ собраніи къ Веретееву отнеслись особенно почтительно; многіе старались выказаться передъ нимъ съ лучшей стороны, подымались вопросы, даже изъ тѣхъ, которые лѣтъ тридцать лежали подъ спудомъ. Заговорили про болѣе строгую отчетность управы, о школахъ, объ улучшеніи санитарнаго дѣла.

Затѣмъ Веретеевъ порѣшилъ про себя, что постепенно до-

бьется улучшенія состава земскихъ начальниковъ въ своемъ уѣздѣ. Земскій начальникъ въ деревнѣ большая сила, а тутъ, вотъ, этотъ смѣшной Колтуковъ пристаетъ, чтобъ его назначили кандидатомъ.

— Господа,—спросилъ Веретеевъ, дойдя до этого вопроса,—не слыхалъ ли кто про Колтукова? что онъ?

— Плохо ему приходится,—отозвался хриплымъ басомъ Гольченко,—ѣсть парню нечего.

Веретеевъ досадливо передернулъ плечомъ.

— Самъ виноватъ. Сколько я хлопоталъ за него. И вы, Кассьянъ Нилычъ, хотѣли принять его въ полицію, и въ казенной палатѣ могъ пристроиться. Такъ нѣтъ, обижается. Желаю, говоритъ, въ земскіе начальники.

— Это тогда хоть бѣги со съѣзда,—угрюмо замѣтилъ членъ суда.

Но исправникъ, добродушный и жалостливый человѣкъ, не соглашался съ нимъ. Почему Колтуковъ не годится? что образованія-то нѣтъ? Эка бѣда какая! И онъ, Гольченко, учился на мѣдныя деньги, а вотъ сидитъ же исправникомъ лѣтъ двадцать пять. Не больно уменъ этотъ Колтуковъ, правда,—да горшки-то, чай, не боги обжигаютъ. Вѣдь онъ не въ государственные люди просится, не въ посланники въ американскіе штаты.

— Пустое это дѣло нонче завелось, что подавай мнѣ всякіе дипломы. Коли ты ученый, такъ и иди по ученой части, а съ мужиками-то химіи не нужны...

Онъ даже немного разсердился и отвернулся. Онъ давно и съ честью сидѣлъ въ Коневцѣ исправникомъ, но дѣятельность свою ограничивалъ тѣмъ, что шелъ утромъ въ полицейское управленіе, гдѣ подписывалъ бумаги, не читая ихъ, но строго заглядывая въ глаза секретарю, потомъ проходилъ на базаръ и, остановившись передъ городовымъ, грозно хмурилъ густыя, щетинистыя брови и махалъ пальцемъ:

— Ты у меня, матушка, смотри...

Главною своею обязанностью онъ считалъ сборъ податей. Но и тутъ онъ, по старости и тучности, самъ не рѣшался ѣхать въ уѣздъ, а посылалъ становыхъ, которымъ любилъ, будто невзначай, говорить «ты».

— Ты, матушка, на старшинъ не полагайся: это прохвосты. Ты, матушка, больше самъ, самъ...

Но воспоминанія о былой его грозной дѣятельности въ должности пристава временами возвращались къ нему и тихою болью сосали сердце. Тогда онъ вызывалъ десятокъ другой неисправныхъ старостъ, грозной силой вылеталъ къ нимъ въ переднюю, и начиналъ такую художественно сложную ругань, что самъ дивился на себя.

— Это точно, вашскородіе,—замѣчалъ который нибудь изъ вызванныхъ,—народъ мы необнакновенный.

— Мы, вашскородіе, во-какъ стараемся.

— И радъ бы радостью, да хлѣбушка нонѣ не зародилось. Народъ пообился, вашскородіе. Вовсе нужда подошла...

Гольченко внимательно, но все еще хмуро выслушивалъ эти отвѣты. Потомъ выпрямлялся во весь свой громадный ростъ и грозно вскрикивалъ:

— Молчать! У меня ни-ни! у меня никакихъ!.. По военному!..

Потомъ поворачивался къ нимъ спиной и добавлялъ уже вполголоса:

—Идите, мерзавцы, на кухню... Чаю дадутъ...

Когда зашла рѣчь о Колтуковѣ, то за него вначалѣ стоялъ одинъ лишь Гольченко. Но къ концу обѣда мнѣнія измѣнились. Отчего бы, въ самомъ дѣлѣ, не назначить Колтукова въ пятый, освобождающійся участокъ? Что за бѣда, что Колтуковъ недоучка? А, можетъ, окажется, что онъ и ничего себѣ. Не ангеловъ же съ неба выписывать...

— Господа,—замѣтилъ Веретеевъ,—да онъ черезъ мѣсяцъ службы подъ судъ угодитъ.

— А можетъ и не угодитъ. Рекомендовать ему письмоводителя изъ старыхъ, опытныхъ дѣльцовъ, вотъ и дѣло съ концомъ.

Но находились и другіе голоса, которые утверждали, что надо же и о мужикѣ подумать. Служба не богадѣльня; нельзя совать всѣхъ убогихъ на отвѣтственныя мѣста.

— Идеалисты вы, господа,—съ сердцемъ замѣтилъ Гольченко,—а я полагаю такъ: нужна человѣку служба,—дай...

XX.

Какъ только обѣдъ окончился, хозяинъ тотчасъ же напомнилъ гостямъ, что золотое время даромъ уходитъ, и указалъ рукой на два уже приготовленныхъ ломберныхъ столика. Но Веретеевъ, къ крайнему прискорбію и даже негодованію Гольченко, наотрѣзъ отказался и ушелъ. Пока онъ одѣвался въ передней, одинъ изъ столиковъ былъ уже занятъ, карты розданы и городской судья объявилъ сразу три черви. Противники назначили четыре бубны, а товарищъ прокурора хотѣлъ было сказать пять безъ козырей, для чего поглядѣлъ на потолокъ, потомъ въ карты, потомъ строго въ лицо партнера, — какъ вдругъ положилъ карты на столъ, повернулся къ окну всѣмъ тѣломъ и сталъ слушать, затаивъ дыханіе. И тоже сдѣлали всѣ остальные гости.

— Что это такое?—воскликнулъ судья.

На улицѣ послышался дикій возгласъ, потомъ странный, поражающій въ этой мирной обстановкѣ звукъ и легкій стонъ.

Первымъ опомнился исправникъ. Съ неожиданной для его стараго, тучнаго тѣла легкостью вскочилъ онъ со стула и бросился на улицу; за нимъ поспѣшили его гости. А на улицѣ уже собирался народъ; изъ окрестныхъ домовъ выбѣгали люди.

Въ то самое время, какъ Веретеевъ выходилъ изъ дома исправника, по улицѣ медленно шелъ, опустивъ голову, блѣдный съ лихорадочнымъ взоромъ Колтуковъ, одѣтый въ старенькое, запыленное и полусырое еще пальто. Онъ тупо глядѣлъ въ землю, не замѣчая, что видомъ своимъ обращаетъ на себя вниманіе встрѣчныхъ. Но вдругъ онъ оторвался отъ задумчивости, и взглядъ его остановился на Веретеевѣ, который выходилъ съ крыльца дома исправника.

— В...вотъ, оно что!—произнесъ Колтуковъ и почти побѣжалъ къ Веретееву

Тотъ остановился и нѣсколько недовольнымъ взоромъ глядѣлъ на него.

— Здравствуйте. Вы что, поговорить хотите?—спросилъ онъ.

Но Колтуковъ вмѣсто отвѣта опустилъ руку въ карманъ, вытащилъ револьверъ и, страшно заикаясь, но какимъ-то грустнымъ голосомъ проговорилъ:

— А...а...анархисты!.. п...принужденъ...

И почти въ упоръ выстрѣлилъ въ Веретеева. Онъ выстрѣлилъ и тупо глядѣлъ, опустивъ руку, что происходило передъ нимъ. Веретеевъ схватился за лѣвый бокъ, отступилъ шагъ назадъ и прислонился къ стѣнѣ дома. Глаза его удивленно глядѣли на Колтукова, какъ будто онъ еще не понялъ, что такое произошло съ нимъ. А изъ-подъ пальцевъ руки, инстинктивно прижатой къ ранѣ, уже сочилась черно-красная кровь.

— Что вы? за что? — проговорилъ онъ и самъ удивился, какъ тихо и жалобно прозвучалъ его голосъ.

Колтуковъ не отвѣтилъ. Онъ попрежнему тупо глядѣлъ на свою жертву и изо всѣхъ силъ сжималъ рукоять револьвера. Въ это время выбѣжалъ изъ дома исправникъ, а за нимъ и его гости.

Колтуковъ даже не оглянулся, когда огромный, тучный Кассьянъ Нилычъ подбѣжалъ къ нему. Не оглянулся и тогда, когда пухлая, но мощная рука Гольченко схватила его за воротъ пальто.

— Ахъ, ты!.. у меня!.. въ городѣ!.. нѣтъ, матушка, шалишь,—хрипѣлъ исправникъ и изо всѣхъ силъ трясъ преступника.

Голова Колтукова безжизненно качалась направо и налѣво, но глаза его попрежнему безсмысленно глядѣли на Веретеева, а рука сжимала револьверъ. На мостовой и на троттуарѣ собирался народъ.

— По зубамъ-то его, вашскородіе; въ морду-то, въ морду,— послышался захлебывающійся отъ восторга голосъ Ардаліона Миловзорова.

— Гляди, ребята, онъ пальнетъ изъ ливольвера-то, — сказалъ чей-то благоразумный голосъ.

Гольченко, уже уставшій трясти Колтукова, слегка толкнулъ его въ руки подбѣжавшихъ городовыхъ.

— Обезоружить!—грозно крикнулъ онъ, отдуваясь.

— Вотъ, они, дипломы-то ваши! — укоризненно добавилъ онъ, неизвѣстно кому.

А Веретеевъ, между тѣмъ, все стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ, и никому не приходило въ голову поддержать его.

— Дайте руку,—прошепталъ онъ, наконецъ, слабѣя все болѣе и болѣе.

Тогда человѣкъ десять разомъ бросились къ нему, схватили его подъ руки и не знали, что дѣлать, куда его вести.

— Ко мнѣ, господа, ведите ко мнѣ,—распорядился Гольченко,—да доктора надо... Эй! бѣги кто-нибудь за Козинскимъ. Живо!.. Ахъ, матушка, вѣдь, вотъ, теперь протоколъ надо. Никоновъ!

— Есть!..—отозвался одинъ изъ городовыхъ.

— Преступника арестовать, а сюда сейчасъ же надзирателя.

Веретеева медленно вели къ крыльцу дома исправника. Но раненый слабѣлъ все болѣе и болѣе и мгновеніями терялъ сознаніе. Наконецъ, онъ собралъ послѣднія силы, поглядѣлъ потускнѣвшими глазами кругомъ и проговорилъ ослабѣвшимъ голосомъ:

— Домой... къ женѣ... Тамъ умереть...

Онъ потерялъ сознаніе и его понесли. А Колтуковъ все еще стоялъ на прежнемъ мѣстѣ и все также тупо глядѣлъ передъ собой. Его уже обезоружили и онъ не замѣтилъ этого.

— Ну, дѣла,—замѣтилъ Никоновъ, покачивая головой.

— Никоновъ, дружище, да ткни ты ему хоть разокъ въ морду,—снова и убѣдительно отозвался Ардаліонъ.

Толпа угрюмо шепталась, еще не рѣшаясь высказать приговора, ошеломленная, недоумѣвающая. Слышался глухой гулъ, словно въ пчелиномъ ульѣ.

Подошелъ спѣшнымъ шагомъ слѣдователь, которому дали знать. Онъ внимательно поглядѣлъ въ лицо Колтукова и, отвернувшись, тронулъ за рукавъ товарища прокурора.

— Тутъ нуженъ психіатръ, а не мы,—сказалъ онъ.

Ночныя тѣни охватили душу Колтукова. Бѣдный разумъ его былъ погруженъ въ безпросвѣтный мракъ.

XXI.

Веретеевъ скончался черезъ недѣлю, а еще три дня спустя его торжественно хоронили. Трагическая смерть эта взволновала не только Коневецъ, но и всю губернію; извѣстіе о происшествіи проникло въ печать и обсуждалось долго и горячо. Одна газета задала, между прочимъ, такой вопросъ: «что за таинственный законъ судебъ, по которому рука безумнаго ищетъ подняться непремѣнно на лучшихъ людей?..»

Но на вопросъ этотъ отвѣта не было. Похороны были не заурядные. Въ толпѣ, собравшейся проводить Веретеева къ послѣднему жилищу, замѣтна была подавленность. Чувствовалось всѣмъ, что совершилось нѣчто болѣе, чѣмъ уходъ съ земли одного человѣка, что обезсиленъ цѣлый уѣздный организмъ и что нужныя силы не скоро вернутся къ нему.

Но пробѣжалъ мѣсяцъ, и о Веретеевѣ уже перестали вспоминать. А еще немного позднѣе стали появляться голоса, которые осторожно, потихоньку, но настойчиво утверждали, что Колтуковъ сдѣлалъ полезное дѣло для уѣзда, убравъ со сцены Веретеева. Веретеевъ былъ вреденъ; Веретеевъ былъ не предводитель, а земецъ; послужи онъ дольше,—уѣздъ заплакалъ бы отъ него. Пошли бы всѣ эти школы, больницы, мосты, а тамъ библіотеки, ясли, пріюты. Раззореніе да и только. По старому-то, потихонечку лучше и приличнѣе...

Чердынцевъ пришелъ къ исправнику на званый вечеръ. Вездѣ въ комнатахъ уже стояли карточные столы и шла игра. Чердынцева записали пятымъ и онъ, оставшись временно безъ дѣла, молча обходилъ столы, приглядываясь то здѣсь, то тамъ къ игрѣ. Въ залѣ и кабинетѣ играли мужчины; въ гостиной стояли три столика для дамъ, а въ угольной помѣщался особый столъ для стуколки. Тамъ сидѣли Жакъ, Шторхъ, Кокинъ и двѣ дамы,—одна жена акцизнаго чиновника, немолодая, полная женщина и другая, дѣвушка, дочь новаго предводителя, только что окончившая институтъ и еще сохранившая институтскія манеры. Жена акцизнаго курила папиросу за папиросой и была невозмутимо спокойна. Институтка горячилась, краснѣла проигрывая и краснѣла выигрывая. Но за этимъ столикомъ дамы вообще мало волновались. За то при столикахъ съ винтомъ онѣ страшно нервничали. Болѣзненная, чахоточная жена судебнаго пристава краснѣла пятнами и, злобно сверкая лихорадочными глазами, доказывала партнеркѣ, что та совершила преступленіе, выйдя съ бубенъ.

— Воля ваша, Настасья Кирилловна, но такъ играть нельзя. Это криминалъ, криминалъ!..

А за другимъ столомъ молоденькая, хорошенькая блондинка съ растеряннымъ, глуповатымъ видомъ и почти плача старалась защититься отъ нападеній толстой, страдавшей астмой докторши.

— Да, вѣдь, я вамъ сбросила трефы?—допекала послѣдняя, упираясь грудью въ столъ и выпячивая впередъ негодующую голову.

— Сбросили, Надежда Петровна,—моргая хорошенькими, но теперь совсѣмъ безсмысленными глазками, отвѣчала блондинка.

— Пики и бубны у противниковъ? Да?

— Да, Надежда Петровна.

— Черви у васъ?

— У меня, Надежда Петровна.

— Такъ что же вы не сходили въ трефы?

— Да я ходила въ черви, Надежда Петровна.

— Ахъ, Богъ мой! да я вамъ показывала, или нѣтъ, трефы?

— Показывали, Надежда Петровна.

— Пики и бубны у нихъ?

— У нихъ, Надежда Петровна.

— Такъ зачѣмъ же вы ходили въ черви?

— Да у меня черви были, Надежда Петровна...

И все въ этой комнатѣ дышало лихорадкой игры; руки дрожали, сдавая и принимая взятки, глаза горѣли, дыханіе спиралось отъ страстнаго ожиданія ходовъ противника, отъ горячаго желанія выиграть, обремизить, записать больше, крупнѣй.

И мужчины горячились; то и дѣло слышалось, какъ одинъ доказывалъ другому, что съ нимъ играть невозможно, что онъ лапти плететъ. Но все же среди мужчинъ замѣчалось больше спокойствія. Временами раздавались шутки, смѣхъ. У дамъ и этого не было; волненіе отъ игры заходило такъ далеко, что и послѣ роббера играющія были, какъ во снѣ.

Чердынцева позвали играть, и онъ просидѣлъ четыре роббера, но игралъ разсѣянно, невнимательно, и партнеры сердились на него. Въ головѣ его носились грустныя мысли о самомъ себѣ. И вдругъ ему стало невыносимо тоскливо и гадко все то, что происходило съ нимъ здѣсь, за зеленымъ столомъ и дома, около совсѣмъ опошлившейся Анисьи. Онъ сдавалъ карты, объявлялъ игру, выслушивалъ партнера, а самъ все думалъ о своемъ положеніи. Неужели жизнь уже установилась, опредѣлилась? Неужели онъ, Чердынцевъ, ни на что болѣе не годенъ? Скоро новый годъ, а тамъ весна, тамъ

лагери. И опять пройдетъ годъ, и еще глубже засядетъ онъ въ трясину пошлости.

— Опустился я,—съ ужасомъ думалъ онъ и готовъ былъ вскочить и убѣжать отсюда.

— Ну-съ—возгласилъ Гольченко,—начинаемъ новый туръ. Берите, господа, карты.

Чердынцевъ сидѣлъ неподвижно, все еще подъ вліяніемъ мучившихъ его мыслей. Потомъ протянулъ руку и взялъ карту.

Онъ опять игралъ, но мысли его по прежнему вертѣлись вокругъ его былыхъ гордыхъ замысловъ и напоминали о томъ, какъ дѣйствительность несогласна съ мечтами.

— Нѣтъ,—думалъ онъ,—я выбьюсь на иную дорогу, я убѣгу изъ этой трясины. Здѣсь смерть, могила. Я не могу такъ жить.

И онъ открывалъ коронку отъ шестерки и радовался, что, кажется, будетъ шлемъ.

Онъ вернулся домой далеко за полночь, раздраженный, усталый. Его встрѣтила сгорбленная старуха сосѣдка, занимавшаяся повивальнымъ дѣломъ, и поздравила съ сыномъ. У Анисьи и Николая Чердынцева родился въ эту ночь здоровый, толстый ребенокъ. А Чердынцеву при этомъ извѣстіи такъ хотѣлось заплакать горькими, ядовитыми слезами отчаянія.

П. Булыгинъ.

Матеріализмъ и діалектическая логика.

Въ послѣднее время въ нашемъ обществѣ пробудился интересъ къ отвлеченнымъ философскимъ вопросамъ. Особенно посчастливилось при этомъ Гегелю и тѣмъ его ученикамъ (Марксу и Энгельсу), которые старались сочетать его діалектику, охватывающую области логики, теоріи развитія и методологіи, съ основами матеріалистической философіи.

Безспорно, объединеніе матеріализма съ такъ называемой «логикой противорѣчій» (Widerspruchslogik) является попыткой чрезвычайно оригинальной. Но врядъ ли въ этой же степени безспорна научная прочность такого объединенія. Намъ кажется, что матеріализмъ и діалектическая логика суть элементы, которые въ философскомъ отношеніи могутъ считаться несовмѣстимыми.

Доказательству этой мысли и посильному разбору самой діалектической логики на почвѣ марксистскаго матеріализма мы и посвящаемъ нижеслѣдующія страницы.

I.

Діалектика и логика.

Если діалектика, какъ ученіе о развитіи, имѣетъ еще кое что общее съ современными міровоззрѣніями, то она въ своей логикѣ сознательно идетъ въ разрѣзъ не только съ современными теоріями и гипотезами этой науки, но и съ тѣмъ, казалось бы, прочнымъ пріобрѣтеніемъ ея, которое установлено было еще Аристотелемъ и оправдывалось на каждомъ шагу, какъ въ области теоретическихъ и практическихъ наукъ, такъ и въ области повседневнаго житейскаго мышленія. Мы говоримъ о законѣ тождества, законѣ противорѣчія и законѣ исключеннаго третьяго, о тѣхъ верховныхъ законахъ всякой логики, по которымъ каждый предметъ равенъ самому себѣ, не противорѣчитъ самому себѣ и въ одно и тоже время не можетъ находиться въ двухъ противоположныхъ другъ другу состояніяхъ, не можетъ въ одно и тоже время и существовать и не существовать.

Всѣ эти три, логически тѣсно связанныхъ, закона, какъ бы ни

была мала ихъ методологическая цѣнность для научнаго изслѣдованія, имѣютъ ту, подъ часъ не лишнюю, заслугу, что указываютъ намъ границы, съ переступленіемъ которыхъ всякое правильное мышленіе дѣлается невозможнымъ. Но діалектическій методъ мышленія, тамъ, гдѣ онъ послѣдовательно проводится, не мыслимъ безъ отрицанія закона противорѣчія, а, стало быть, и двухъ другихъ верховныхъ законовъ логики. И мы это отрицаніе находимъ не только у Фихте, Шеллинга и Гегеля, которымъ такія вещи всетаки болѣе или менѣе къ лицу, но и у Маркса и Энгельса, прямо заявляющихъ, что «каждая вещь и существуетъ, и не существуетъ въ одно и тоже время» (Alles ist und ist auch nicht. AD. p. 5).

Именно благодаря нарушенію этого основного закона нашего мышленія, діалектика навлекла на себя такую массу нападокъ со стороны почти всѣхъ тѣхъ мыслителей не гегельянскаго лагеря, которые останавливались на гегелевской философіи. Имена Шопенгауэра, Ланге, Тренделенбурга, Ульрици, Экспера, Э. ф. Гартмана, Дюринга и пр., показываютъ, съ какимъ единодушіемъ философы различнѣйшихъ направленій протестуютъ противъ діалектической логики. Эта же сторона діалектическаго метода мышленія должна была привести къ тому, чтобы между приверженцами и противниками его были, такъ сказать, прерваны всякія философскія сношенія. Послѣ заявленій діалектиковъ, самымъ сѣрьезнымъ образомъ утверждающихъ, что «все существуетъ и не существуетъ», не діалектикамъ, на первый взглядъ, пожалуй, ничего не оставалось дѣлать, какъ только махнуть на нихъ рукой, какъ на сумасшедшихъ маніаковъ, нисколько не смущаясь тѣмъ, что къ числу этихъ «маніаковъ» одно время принадлежала вся передовая мыслящая Германія. Таковъ, по крайней мѣрѣ, выводъ, къ которому приходишь, читая горькія сѣтованія Эдуарда фонъ-Гартмана на приверженцевъ діалектическаго мышленія въ его, между прочимъ, очень хорошей книгѣ: «Die dialektische Methode». «Общее согласіе относительно господства закона противорѣчія, говоритъ Гартманъ, — вотъ тотъ минимумъ общей почвы, безъ которой никакіе споры не мыслимы. Но надъ этимъ предразсудкомъ, выросшимъ на почвѣ формальной логики, діалектикъ только насмѣхается. Нѣтъ, поэтому, никакой возможности спорить съ нимъ. Діалектикъ не пугается даже абсолютно невозможнаго: говоритъ же Гегель, что все невозможно («Alles its ein Unmögliches» IV. 203). И если вы поставите передъ нимъ рѣшительную альтернативу, діалектикъ перепрыгиваетъ вашу сѣть замѣчаніемъ, что истина не можетъ заключаться въ *одномъ* сужденіи, что діалектика не признаетъ формулы «либо либо», потому что для нея и законъ исключеннаго третьяго—давнымъ давно брошенный баластъ». (Hartmann, Die dial. Methode, 1869, p. 39).

Отсюда вытекаетъ, что «настоящаго діалектика никакимъ образомъ нельзя въ его сознанія довести до абсурда; ибо тамъ, гдѣ для всѣхъ людей начинается абсурдъ,—именно съ областью проти-

ворѣчій,—для діалектика лишь начинается область премудрости. Но спрашивается, есть ли какое либо другое средство доказать ложность какого нибудь утвержденія, кромѣ какъ приведеніемъ его къ абсурду, дѣлая изъ него такіе выводы, или представляя это утвержденіе въ такомъ видѣ, что результатомъ его непремѣнно является противорѣчіе? Только діалектикъ дѣлаетъ исключеніе изъ этого общаго правила. Для него, наоборотъ, пробный камень ложнаго, это—*отсутствіе* противорѣчія, а всеобщій формальный критерій истины лежитъ въ единствѣ противорѣчія съ тождествомъ, въ тождественности противорѣчивыхъ положеній и понятій. Мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, что всякое противорѣчіе, а стало быть, всякій вздоръ и безсмыслица признавались бы діалектикомъ за истину; однако—одно несомнѣнно, что его критерій истины не идетъ дальше требованія противорѣчій. А для того, чтобъ разобраться въ томъ, составляетъ ли какое либо противорѣчіе истину или чушь,—на это у діалектика нѣтъ формальнаго критерія».

Конечно, послѣдній упрекъ Гартмана, книга котораго вышла задолго до появленія работы Энгельса о Дюрингѣ, не можетъ касаться Маркса и его діалектической методологіи. Отказавшись, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ, отъ всякихъ апріорныхъ конструкцій, Марксъ можетъ признавать критеріемъ самую дѣйствительность, и то противорѣчіе будетъ истиной, которое на самомъ дѣлѣ имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности. Для такого критерія необходимы глаза да уши, да точные пріемы индуктивнаго изслѣдованія, при единственномъ условіи—не бояться противорѣчій, а, наоборотъ, ежечасно ихъ ожидать. Можно ли согласиться даже и на *такую* постановку діалектическаго метода и остались ли ей вѣрны сами Марксъ и Энгельсъ,—всѣ эти вопросы касаются діалектической методологіи и, стало быть, выходятъ изъ предѣловъ настоящей статьи, посвященной спеціально діалектической логикѣ.

Дослушаемъ, поэтому, жалобы Гартмана. «Помощью обыкновенныхъ логическихъ доказательствъ», продолжаетъ онъ, «никакъ не справишься съ діалектикомъ». Къ этому еще надо прибавить текучесть его понятій. Ибо другое непремѣнное условіе всякаго спора состоитъ въ томъ, чтобы оставаться при разъ принятомъ опредѣленіи, и если говорить объ А, такъ ужъ и думать объ А, а не о Б. Но для діалектика основное свойство А заключается въ томъ, чтобы быть въ тоже время и Б. И только что вы убѣдились, положимъ, что нанесли противнику пораженіе относительно А, какъ уже оказывается, что онъ давно ускользнулъ отъ васъ къ Б... Вполнѣ уяснить это отношеніе чрезвычайно важно. Не діалектику хочется, понятно, и на своемъ діалектическомъ противникѣ испробовать свои обыденные пріемы критики, и потому ему кажется удивительнымъ, что онъ ни на волосъ не подвигается впередъ, что онъ оказывается въ положеніи, въ какомъ находился бы человѣкъ, гоняющійся за призраками: только что онъ вогналъ призракъ въ уголъ

и хочетъ словить его, какъ тотъ уже хохочетъ надъ нимъ изъ другого угла». (Hartmann, ib, 43—44).

Жалоба Гартмана на такое досадное и смѣшное положеніе понятна и простительна. Не удивительно, поэтому, что критики «противорѣчивой логики» не задумывались надъ ея философскими обоснованіями и занимались, главнымъ образомъ, формально-логическимъ разборомъ отдѣльныхъ діалектическихъ тезисовъ, результатомъ чего явилось то открытіе, что діалектическіе законы и утвержденія идутъ въ разрѣзъ съ законами формальной логики, т. е. другими словами, что антилогичная діалектика есть діалектика, а не логика,—результатъ, который въ одинаковой степени могъ удовлетворить, какъ одну, такъ и другую изъ спорящихъ сторонъ.

Нельзя, конечно, отрицать, что подобная критика весьма полезна для дискредитированія діалектическаго метода мышленія. Надо же, наконецъ, убѣдиться въ томъ, что всѣ фактическія доказательства, которыми діалектикъ думаетъ подкрѣпить свои основоположенія, разлетаются въ прахъ, чуть только подвергаешь ихъ болѣе глубокому логическому анализу. Но съ другой стороны, намъ кажется, что ограничиваться при оцѣнкѣ діалектики одними только жалобами да доказательствами неправоты діалектиковъ, съ точки зрѣнія формальной логики, врядъ ли возможно, уже по одному тому, что вѣдь діалектическій методъ мышленія, съ его отрицаніемъ главнѣйшихъ законовъ логики, не съ неба свалился въ философію, и стало быть, «должна же быть какая либо причина» его существованія.

Несомнѣнно, что ни Фихте, ни Шеллингъ, ни Гегель, ни Марксъ никогда не показывали намъ, какимъ образомъ и почему они дошли до діалектическаго метода мышленія. Гегель проводилъ даже мысль о невозможности такихъ доказательствъ на почвѣ «метафизическаго», т. е. формально-логическаго мышленія. Несомнѣнно и то, что утвержденіе одного изъ новѣйшихъ поклонниковъ діалектики, будто Гегель нашелъ «das genetische Urwesen alles Denkens in den Tiefen des Geistes», т. е. «генетическую первосущность (мы чуть было не перевели: «просубстанцію») всякаго мышленія въ глубинахъ духа» *), что это утвержденіе имѣетъ какой-либо смыслъ только для такихъ же сторонниковъ діалектики, какъ онъ самъ.

Но не смотря на всю видимую необоснованность этого ученія, не смотря на всю его несостоятельность съ точки зрѣнія логики, оно имѣетъ свои достаточныя причины для своего появленія въ философіи и для своего господства надъ умами лучшихъ людей Германіи конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ.

Уже одно то обстоятельство, что такіе по истинѣ колоссальные умы, какъ Фихте, Шеллингъ и Гегель, такіе несомнѣнно крупные, трезвые мыслители, какъ Штраусъ, Марксъ и Лассаль,—если на-

*) Eugen Heinrich Schmitt. Das Geheimnis der Hegelschen Dialektik. Halle a. S. 1888, S. 93.

зывать только всѣмъ извѣстныя имена,—могли увлечься такимъ абсурднымъ ученіемъ, достаточно показываетъ, что мы здѣсь имѣемъ дѣло не съ безсиліемъ мысли и не съ капризами взбалмошнаго генія, а съ глубокими и серьезными доводами философскаго характера, значеніе которыхъ для созданія діалектики было, быть можетъ, не совсѣмъ ясно и для самихъ ея творцевъ и приверженцевъ.

Вотъ въ раскрытіи этихъ то *философскихъ предпосылокъ* и вліяній, приведшихъ въ своей совокупности къ діалектическому методу мышленія, и должна, по нашему мнѣнію, состоять задача всякаго, кто намѣренъ проникнуть въ «тайны гегелевской діалектики».

А такъ какъ эти доводы и вліянія существовали раньше «противорѣчивой логики», стало быть возникли на почвѣ нормальнаго человѣческаго мышленія, и только *своей совокупностью* дали въ результатѣ отрицаніе законовъ логики, то раскрытіемъ этихъ доводовъ и вліяній добывается тотъ «минимумъ общей почвы», который необходимъ для плодотворнаго разбора этого ученія.

Если окажется, что всѣ философскія предпосылки, необходимыя для обоснованія діалектики и на самомъ дѣлѣ приведшія къ ней, не могутъ подлежать никакому сомнѣнію, тогда волей-неволей приходится мириться съ неожиданными результатами, вытекающими изъ ихъ совокупности.

Если же окажется, что хоть одна изъ этихъ необходимыхъ предпосылокъ не вѣрна, мало вѣроятна или не вяжется, по крайней мѣрѣ, у матеріалистовъ послѣдователей діалектики, съ другими ихъ философскими ученіями, тогда добросовѣстный матеріалистъ-діалектикъ долженъ будетъ согласиться, что въ его ученіи пробита брешь.

II.

«Тайна гегелевской діалектики».

Основная мысль діалектической логики Маркса состоитъ въ томъ, что законы формально-логическаго мышленія, съ его верховнымъ принципомъ исключенія противорѣчій, имѣютъ только *относительную* цѣнность и что мы въ состояніи подняться на болѣе высокую ступень человѣческаго познанія, откуда существованіе внутреннихъ противорѣчій во всѣхъ міровыхъ явленіяхъ должно казаться чѣмъ то необходимымъ и даже само собою разумѣющимся. Рядомъ съ «обыденнымъ» мышленіемъ, мы имѣемъ еще и не обыденное, которое управляется совершенно другими законами, чѣмъ повседневная человѣческая мысль. Ибо и діалектикъ, конечно, не отрицаетъ, что наше «повседневное», «разсудочное» или «метафизическое» мышленіе вполнѣ подвластно формальной логикѣ и обязательно должно подчиняться закону противорѣчія, какъ своему верховному критерію. Онъ утверждаетъ только, что въ нашемъ разумѣ скрытъ познавательный процессъ, который заслоняется обыденнымъ логи-

ческимъ мышленіемъ. Законы этого высшаго познавательнаго процесса, постепенно раскрываясь передъ умственнымъ взоромъ мыслящаго человѣчества, только у Гегеля нашли свое полное развитіе, не смотря на ту мистическую форму, въ которую они были облечены этимъ мыслителемъ. Но послѣ крушенія идеалистической метафизики Марксу и Энгельсу удалось «*спасти*» эту «сознательную діалектику», очистить ее отъ мистическихъ формъ и перенести въ матеріалистическое пониманіе природы и исторіи. (AD. XIV—XV).

Такой взглядъ на вещи основанъ на убѣжденіи, что строеніе нашего разума заключаетъ въ себѣ *два различныхъ типа* организаціи,—логическій и діалектическій типъ. Причемъ логическій типъ, подчиняющійся законамъ формальной логики, доставляетъ намъ лишь одностороннее и *фиктивное* познаніе, тогда какъ діалектическій типъ, для котораго законы логики не писаны, въ состояніи вести насъ къ истинному взгляду на міръ.

Это убѣжденіе въ двойственности нашей познавательной способности присуще всѣмъ тѣмъ мыслителямъ, которые, въ большей или меньшей степени, придерживались діалектическаго метода мышленія. Такъ, напримѣръ, Декартъ, Спиноза, Фихте и Шеллингъ пріурочивали «высшія» формы мышленія къ «интеллектуальному созерцанію», Гегель отводилъ эту роль «діалектическому» разуму, который противополагался имъ *разсудку*, не смотря на то, что оба они стояли у него въ генетической связи. Точно также и Марксъ, и Энгельсъ признавали двѣ *формы* или два *метода* мышленія: метафизическій и діалектическій.

Вотъ этотъ-то принципъ двойственности организаціи нашего ума и составляетъ ту философскую предпосылку, которая въ состояніи сдѣлать діалектическую логику хоть нѣсколько правдоподобной. Въ самомъ дѣлѣ, становясь на такую точку зрѣнія, діалектикъ легко можетъ объяснить себѣ, почему люди, у которыхъ *другой*, высшій типъ организаціи ума еще заслоняется типомъ низшимъ, логическимъ,—почему этимъ людямъ діалектическіе законы кажутся чистѣйшимъ абсурдомъ.

Это происходитъ отъ того, что при исключительномъ господствѣ формально логической организаціи нашего ума, мы дѣйствительно не въ состояніи открыть внутреннія противорѣчія въ естественныхъ явленіяхъ, просто потому, что «разсудокъ» не въ состояніи «объять» эти противорѣчія. Но такая ограниченность разсудка не даетъ намъ права думать, что и весь міръ долженъ руководствоваться ею. Къ основнымъ свойствамъ логической мысли мы имѣетъ право относиться также скептически, какъ мы относимся, напримѣръ, къ свидѣтельскимъ показаніямъ нашихъ внѣшнихъ органовъ чувствъ. Наши органы чувствъ говорятъ намъ, напримѣръ,—и притомъ съ непреоборимой убѣдительностью говорятъ,—что солнце вертится вокругъ земли, а не земля вокругъ солнца. Съ такой же непреоборимой убѣдительностью говоритъ намъ и разсудокъ, что одна и та же вещь

не можетъ въ одно и то же время и существовать, и не существовать. Но это означаетъ только, что нашимъ органамъ внѣшнихъ воспріятій такъ же невозможно подняться на точку зрѣнія науки, какъ разсудку невозможно подняться до точки зрѣнія діалектическаго разума. Разсудокъ не въ состояніи освободиться отъ *своихъ субъективныхъ логическихъ законовъ* въ той же степени, въ какой органы внѣшнихъ ощущеній не могутъ отказаться отъ своихъ субъективныхъ звуковыхъ и зрительныхъ впечатлѣній. Но вѣдь послѣ долгихъ научныхъ изысканій, мы теперь мало довѣряемъ нашимъ «здравымъ человѣческимъ глазамъ». Мы аппелируемъ къ болѣе высокимъ инстанціямъ. Почему же намъ и здравому «человѣческому разсудку» не напомнить о его шесткѣ? — *Гляди же*, какъ земля вертится вокругъ солнца, какъ цвѣта суть вовсе не цвѣта, а только безцвѣтныя колебанія эфира!

— Нѣтъ, *видѣть* этого нельзя, это можно только мыслить!..

— Такъ мысли же, что А равняется «не А», что одна и та же вещь и существуетъ и не существуетъ въ одно и тоже время!

— Нѣтъ, *мыслить* этого нельзя, это можно только *знать*.

Такъ можетъ думать діалектикъ, и поэтому-то всѣ формально логическіе нападки на его доктрину должны были отскакивать отъ него, какъ отскакиваютъ отъ человѣка научно образованнаго всѣ доводы отъ «здравыхъ человѣческихъ глазъ», приводимые людьми, мало знающими.

Теоретико-познавательный дуализмъ, въ той или другой формѣ является, такимъ образомъ, *необходимой предпосылкой всякаго діалектическаго мышленія*. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы всякій теоретико-познавательный дуализмъ съ своей стороны былъ бы обязательно связанъ съ діалектическимъ мышленіемъ. Возможны теоретико познавательные дуалисты, которые тѣмъ не менѣе далеки отъ отрицанія законовъ формальной логики. Напомнимъ только о Кантѣ, который провелъ рѣзкую разницу между разсудкомъ и разумомъ, и въ тоже время признавалъ законъ противорѣчія высшей нормой нашего мышленія, не смотря на то, что значеніе формальной логики было сведено имъ къ теоретико-познавательному миниму.

Впрочемъ, въ системѣ Канта находятся многіе зародыши діалектическаго мышленія. Но его ученіе о непознаваемости «вещи въ самой себѣ» было почвой, абсолютно неблагопріятной для ихъ развитія. Не удивительно поэтому, что діалектическіе зародыши стали давать ростки чуть только скептицизмъ Маймона вытравилъ «вещь въ себѣ» изъ философской системы Канта. Уже у самого Маймона мы находимъ мѣста, гдѣ онъ говоритъ о тѣхъ условіяхъ, *при которыхъ «абсолютное я» должно мыслить противорѣчіе.* *) У Фихте это «абсолютное я» уже поступаетъ совершенно діалектически. Оно

*) См. S. Maimon. Versuch über die Transcendentalphilosophie, 1790, S. 153 и въ особенности стр. 249.

не боится противорѣчія и взираетъ на законы формальной логики, какъ на нѣчто низшее *производное*, которое должно подчиняться верховной компетенціи «абсолютнаго я». Въ еще большой степени это справедливо относительно Шеллинга, не говоря уже о Гегелѣ, у котораго логика противорѣчій является душею всей его системы.

Наша статья, не претендующая на то, чтобы вполнѣ исчерпать предметъ, разрослась бы слишкомъ далеко, если бы мы захотѣли остановиться на всѣхъ отдѣльныхъ мысляхъ Канта, которыя вліяли на развитіе діалектическаго метода мышленія.

Коснемся пока только тѣхъ выводовъ, которые были сдѣланы Гегелемъ изъ ученія Канта объ антиноміяхъ,—ученія, тѣсно связаннаго съ его теоретико-познавательнымъ дуализмомъ и изложеннаго въ главѣ, такъ и озаглавленной: «діалектика чистаго разума». Своимъ ученіемъ объ антиноміяхъ Кантъ хотѣлъ показать, какъ нашъ разумъ, чуть только онъ оставитъ область, доступную опыту и наблюденію, долженъ для одного и того же вопроса выставить съ одинаковой необходимостью два противорѣчащихъ другъ другу отвѣта. Міръ конеченъ и—не имѣетъ конца. Онъ имѣетъ творца—и не можетъ быть плодомъ творенія и т. д., и т. д. Кантъ хотѣлъ этимъ доказать, что рѣшеніе этихъ вопросовъ превышаетъ силы нашего разума, ибо сей послѣдній обязательно при этомъ запутывается въ противорѣчіяхъ. Но этотъ теоретико-познавательный выводъ Конта долженъ былъ пасть вмѣстѣ съ паденіемъ «вещи въ самой себѣ». Гегелю казалось даже страннымъ, чтобы разумъ не былъ въ состояніи познать безконечное. «Странный результатъ, говоритъ онъ, въ то время, когда безконечное есть разумное, говорить, что разумъ не способенъ познать разумное» (Logik Bd. I, S. 44).

Что же въ такомъ случаѣ Кантъ доказывалъ своимъ ученіемъ объ антиноміяхъ?

Не что иное, отвѣчаетъ Гегель, какъ то, что противорѣчіе есть «необходимое дѣяніе самого разума» (тамъ же). Ошибка Канта состояла, по мнѣнію Гегеля, вотъ въ чемъ. Онъ, т. е. Кантъ, не замѣтилъ, что «антиномія находится не только въ четырехъ предметахъ, выхваченныхъ изъ космогоніи, но *во всѣхъ* предметахъ *всѣхъ* родовъ, во всѣхъ представленіяхъ, понятіяхъ и идеяхъ» *). Отсюда видно также, что второй философской предпосылкой діалектической логики является тотъ кардинальный пунктъ всякой метафизики, по которому сущность вещей можетъ быть познаваема. Діалектическій методъ мышленія и считался у Шеллинга и Гегеля необходимымъ орудіемъ «спекулятивнаго разума», способнаго проникнуть въ тайны бытія.

Рядомъ съ теоретико-познавательнымъ дуализмомъ и ученіемъ о томъ, что сущность міра познаваема, дальнѣйшей важной предпо-

*) Encyklopädie. Изданіе Розенкранца, ст. 71, 72.

сылкой для «логики противорѣчій» является *натуръ-философскій монизмъ*, т. е. ученіе о томъ, что весь міръ, во всѣхъ своихъ частяхъ и явленіяхъ, состоитъ изъ одной и той же субстанціи. «Единое и все» элейцевъ,—вотъ гдѣ была колыбель діалектической логики. И все равно, будемъ ли мы, вмѣстѣ съ элейцами и Спинозой, противопоставлять міру явленій вѣчное «бытіе», или вѣчную «субстанцію», или же станемъ, вмѣстѣ съ Гераклитомъ и классической германской философіей, разсматривать міръ, какъ вѣчное возникновеніе, мы должны, съ точки зрѣнія монизма, разсматривать всѣ противоположности эмпирическаго міра, какъ нѣчто единое и нераздѣльное. Притомъ это единство міра должно лежать не *внѣ* эмпирическихъ противоположностей, но *внутри* ихъ, совершенно съ ними совпадая. Эмпирическія противоположности міра, которыя обыкновенному мышленію кажутся *противорѣчащими другъ другу*, должны явиться, при глубокомъ проникновеніи въ «суть» вещей, *совпадающими другъ съ другомъ*.

Матерія и духъ, покой и движеніе, пассивное и активное, простое и сложное, внѣшнее и внутреннее, свѣтъ и тьма, любовь и ненависть, причина и слѣдствіе, добро и зло, истина и ложь, красота и безобразіе, свобода и необходимость, законъ и случай, жизнь и смерть,—все это въ одно и тоже время тождественно другъ съ другомъ.

«Богъ есть день и ночь, зима и лѣто, война и миръ, сытость и голодъ», говоритъ Гераклитъ *).

Такой взглядъ вполнѣ совпадаетъ съ его изреченіемъ: «противоположное едино есть», или какъ Аристотель формулируетъ его мысль:—«Все существуетъ и не существуетъ въ одно и то же время».

Эригена, Николай изъ Кузъ и Джіордано Бруно, по крайней мѣрѣ по скольку они держались «принципа совпаденія противоположностей» («principium coincidentii oppositorum»), были монистами и въ то же время діалектиками. Да въ извѣстной степени и Спиноза, отецъ современнаго, т. е. *не* матеріалистическаго и *не* идеалистическаго монизма, былъ діалектикомъ, изреченіе котораго: «всякое опредѣленіе есть отрицаніе»—особенно подчеркивается Гегелемъ и Марксомъ. «Опредѣленіе не принадлежитъ къ бытію предмета, но скорѣе къ его *небытію*», говоритъ Спиноза вполнѣ діалектически» **).

*) Paul Schuster. Heraclit von Ephesus (Acta societatis filologicae Lps. Bd. III) S. 186. Фрагментъ 67. «Живое и мертвое, бодрствующее и спящее, молодое и старое, суть лишь проявленія одной и той же субстанціи, ибо что въ настоящее время составляетъ эту вещь, скоро сдѣлается той вещью и то, что въ настоящее время та вещь, въ свою очередь сдѣлается такою, какъ эта, ибо какъ изъ той же глины можно образовать фигуры и снова смять, и опять образовать и снова смять, и такъ по перемѣнно до безконечности, такъ и природа создала изъ той же матеріи сперва нашихъ праотцовъ, потомъ нашихъ отцовъ, а потомъ и насъ самихъ». Тамъ же, стр. 173. (Фрагментъ 59).

**) Переписка Спинозы (нѣмецкое изданіе Кирхманна, Berlin, 1871), стр. 176.

Надобно ли добавлять, что расцвѣтъ діалектики въ германской классической философіи былъ тѣсно связанъ съ идеалистическимъ монизмомъ? Этическій пантеистъ Фихте, у котораго міръ вышелъ, «какъ цвѣтокъ, распускающійся изъ сѣмени», по выраженію Гегеля, или «который выколдовалъ міръ точно изъ пустого орѣха», по мнѣнію Фридриха-Альберта Ланге, впервые въ германской философіи сочеталъ монизмъ съ діалектикой. Шеллингъ, Гегель и Марксъ шли лишь по его стопамъ *).

Всякій діалектикъ есть монистъ, но не всякій монистъ обязательно долженъ быть діалектикомъ. Естественному стремленію монизма къ діалектикѣ можно противодѣйствовать тѣмъ, что признать вмѣстѣ съ наивнымъ, не критическимъ мышленіемъ реальность времени и пространства. Если время и пространство въ самомъ дѣлѣ являются вѣчными реальными основами бытія, то тогда и монистъ ничего не можетъ имѣть противъ того, чтобы противоположныя свойства и явленія міра, какъ бы ни было велико ихъ внутреннее единство, могли различаться другъ отъ друга, либо по мѣсту, занимаемому ими въ пространствѣ, либо по времени, въ которомъ они выступаютъ наружу. Само собою разумѣется, что тутъ идетъ дѣло лишь о такихъ свойствахъ и явленіяхъ, которыя взаимно исключаютъ другъ друга, какъ напр. жизнь и смерть. Какъ бы ни были тождественны процессы, которые мы называемъ жизнью и смертью (а они могутъ быть тождественны, когда мы сводимъ ихъ, напр., къ одному и тому же роду движенія), но *тамъ,* гдѣ жизнь, и *покуда* жизнь, смерти нѣтъ *мѣста.*

Такимъ образомъ можно спасти законъ противорѣчія и вытекающій изъ него законъ исключеннаго третьяго, и одинъ и тотъ же предметъ не будетъ *въ одно и тоже время* «имъ самимъ и чѣмъ то другимъ». Поэтому къ самымъ важнымъ предпосылкамъ діалектической логики принадлежитъ также и ученіе объ *идеальности* времени и пространства, хотя бы въ томъ смыслѣ, въ какомъ это ученіе было изложено въ «трансцендентальной эстетикѣ» Канта, по которому время и пространство являются предварительными («апріорными») формами нашего «созерцанія»,—формами, присущими только нашей организаціи, но не примѣнимыми къ «вещи въ себѣ».

Оставляя въ сторонѣ философское значеніе этого взгляда и обращая вниманіе лишь на его психологическую основу, не трудно замѣтить слѣдующее, на нашъ взглядъ, весьма важное обстоятельство. Когда мы убѣждаемъ себя, что въ сущности пространства нѣтъ, мы безсознательно замѣняемъ наше представленіе о пространствѣ

*) О діалектическомъ монизмѣ у Гегеля см. его Логику т. I ст. 116—117, гдѣ доказывается, что Богъ, какъ «совокупность всѣхъ реальностей» обязательно долженъ заключать въ себѣ всѣ противорѣчія. Ибо реальность есть опредѣленіе, а «omnis determinatio est negatio» «Dieser Satz ist von unendlicher Wichtigkeit» говоритъ Гегель. Ср. также Маркса Kapital, I, S. 619 и Энгельса Anti-Dühring S. 145.

представленіемъ о «математической точкѣ», и когда мы говоримъ себѣ, что времени нѣтъ, мы также безсознательно сокращаемъ время до размѣровъ одного единственнаго мгновенія. Вотъ эта то психологическая замѣна времени и пространства «мгновенной точкой» и безконечно важна для діалектической логики.

Если весь міръ составляетъ только одну точку—мигъ и если всѣ противоположности и противорѣчія міра остаются въ своей конкретности, то эта «точка-мигъ» должна быть, разумѣется, полнымъ полна противорѣчій *).

Да сама «трансцендентальная эстетика» Канта должна была помогать выработкѣ того самаго метода мышленія, который столь не гармонируетъ съ его ученіемъ о непознаваемости вещи въ себѣ. Но не только ученіе о «трансцендентальной идеальности» времени и пространства, почти всѣ призрачныя стороны философіи Канта должны были внести свою долю, чтобъ обосновать призрачное царство діалектики. Отмѣтимъ лишь ту роль въ обоснованіи «діалектическаго» мышленія, которую играло его ученіе о категоріяхъ разсудка. Уже не говоримъ о томъ, что таблица этихъ категорій расположена у Канта трихотомически, по знаменитой тріадѣ тезиса, антитезиса и синтезиса,—обстоятельство, которое, какъ читатель догадывается, имѣло вліяніе на діалектическую методологію и діалектическую теорію развитія. Уже не говоря объ этомъ, легко понять, какъ ученіе Канта объ апріорности категорій разсудка и объ ихъ непримѣнимости къ сущности вещей должно было повліять на возникновеніе діалектической логики. Вѣдь разсудокъ, по Канту, представляетъ собою способность мышленія болѣе низкую, чѣмъ разумъ, и вѣдь къ «ограниченнымъ» категоріямъ этого разсудка принадлежатъ и такія, какъ реальность и отрицаніе, причина и слѣдствіе, бытіе и не бытіе, необходимость и случайность.

Не удивительно поэтому, если послѣдующіе философы и старались доказать, что разсудокъ, съ его категоріями, не можетъ служить указомъ «интеллектуальному созерцанію» или «умозрительному разуму», которые сорвутъ завѣсу съ тайнъ бытія, лишь только оставятъ точку зрѣнія «ограниченной рефлексіи», съ ея противопоставленіями такихъ понятій, какъ реальность и отрицаніе, бытіе и небытіе. Но если это такъ, то понятно, что эти противоположности не могутъ имѣть

---

*) Что Гегель признавалъ трансцендентальную идеальность времени и пространства, видно изъ слѣдующаго мѣста: Das Ding hat zwei Bestimmungen, erstlich «dieses» und zweitens das «Auch» zu sein. Das Auch ist dasjenige, was in der äusseren Anschaung als Raumausdehnung vorkommt». (Ср. Hegels Encyklopädie, ed. Rosenkranz. S. 213 и 216). Подробнѣе объ этой сторонѣ ученія Гегеля можно прочесть у Розенкранца въ его «Kritische Erlaüterungen des Hegelischen Systems» Königsberg, 1840 въ главѣ: «Probe eines Kommentars zu Hegels Lehre von Raum und Zeit». Но какже сочетать ученіе объ идеальности времени съ ученіемъ о конкретномъ развитіи, возможномъ только во времени? Отвѣта на этотъ вопросъ требуйте у самого Гегеля.

абсолютнаго значенія. Онѣ или совсѣмъ не играютъ никакой роли въ жизни субстанціи, какъ это думалъ Шеллингъ (и тогда сія послѣдняя дѣлается, по выраженію Гегеля, «ночью, въ которой всѣ коровы черны»), или же онѣ заключаются въ ней именно... какъ внутреннія противорѣчія, каковой выводъ и сдѣланъ былъ Гегелемъ. «Критика формъ разсудка, говоритъ онъ, имѣла результатомъ то, что эти формы не примѣнимы къ вещи въ самой себѣ... Но если онѣ не достаточны для вещи въ самой себѣ, то и разсудокъ не долженъ подчиняться ихъ господству. Вѣдь и онъ вещь въ себѣ, стало быть и онъ представляетъ нѣчто противорѣчащее самому себѣ» *).

Всѣ эти теоретико-познавательныя и метафизическія соображенія, обусловливающія діалектику, выступаютъ еще съ большей силой въ Гегелевской философіи, этой вершинѣ всякой метафизической мысли. Гегель, какъ извѣстно, видѣлъ внутреннюю природу каждаго предмета въ его логическомъ понятіи **). А такъ какъ понятіе есть «актъ мысли», то, стало быть, совокупность вещей или, что тоже, міръ долженъ имѣть свою внутреннюю сущность въ совокупности понятій, т. е. въ мышленіи. Отсюда—логическій пантеизмъ Гегеля, отсюда же его ученіе о томъ, что абсолютное понятіе, заключающее въ себѣ всѣ остальныя, есть душа міра, «die Seele der Welt» ***).

Насъ повело бы слишкомъ далеко, если бъ мы захотѣли подробнѣе показать, какъ всѣ философскія предпосылки діалектическаго метода мышленія должны были особеннымъ образомъ модифицироваться на почвѣ этой философіи.

Замѣтимъ только, что отрицаніе закона противорѣчій—этотъ центральный пунктъ діалектической логики — по необходимости должно вытекать уже изъ самаго значенія, которое Гегель придаетъ слову — «понятіе». Подъ этимъ терминомъ онъ понимаетъ не только *сумму* сходныхъ признаковъ, присущихъ какому либо роду явленій или вещей, но всю совокупность всѣхъ тѣхъ явленій и вещей, которая охватывается нами однимъ общимъ именемъ. Въ этомъ смыслѣ понятіе является не плодомъ абстрагирующей дѣятельности человѣческаго ума, но метафизической сущностью, лежащей внѣ человѣческаго мышленія и по необходимости заключающей въ себѣ не только сходные, но и всѣ остальные признаки явленій и вещей, даже и такіе, которые противорѣчатъ другъ другу.

«При философскомъ разсмотрѣніи дѣла, говоритъ Гегель, понятіе является главнымъ дѣломъ, субстанціей, подобной ростку, изъ котораго развивается все дерево... Такимъ образомъ понятіе содер-

---

*) Logik. I, S. 31. Что у Фихте и Гегеля выставлены другія категоріи, чѣмъ у Канта, нисколько не мѣняетъ самаго дѣла, т. е. отношенія этихъ мыслителей къ разсудочнымъ категоріямъ вообще.

**) «Die Natur eines Gegenstandes heist so viel als ein „*Begriff*“. Hegel's Pilosophie d. Gesch. (1837) S. 41.

***) Hegel. Phänomenologie d. Geistes (1832) S. 126.

жить въ себѣ *всю* природу предмета и само познаніе есть не что иное, какъ развитіе понятія, развитіе того, что въ немъ заключено» *).

Чтобы лучше уяснить себѣ значеніе этого опредѣленія для діалектической логики, возьмемъ какой нибудь примѣръ, ну, хотя бы понятіе треугольника, которое со времени Беркелея сдѣлалось уже школьнымъ примѣромъ въ логической наукѣ.

Если разсматривать понятіе о треугольникѣ только какъ абстрактное общее понятіе, то оно должно заключать въ себѣ лишь тѣ признаки, которые одинаково присущи всѣмъ треугольникамъ вообще; положимъ: три стороны и три угла. Тотъ фактъ, что имѣются равнобедренные и неравнобедренные, прямоугольные и тупоугольные треугольники, не можетъ быть принятъ во вниманіе при образованіи понятія о треугольникѣ вообще. Но если это понятіе охватываетъ собою не только признаки, общіе всѣмъ треугольникамъ, но и тѣ, которые присущи каждому треугольнику порознь, то метафизическій треугольникъ, треугольникъ-субстанція долженъ быть въ одно и тоже время и прямоугольнымъ и тупоугольнымъ, и равнобедреннымъ и неравнобедреннымъ, ибо всѣ эти признаки лежать въ немъ, какъ въ росткѣ, изъ котораго развивается все дерево. А если это такъ, то каждое общее понятіе должно заключать въ себѣ внутреннее противорѣчіе. «Каждое понятіе, говоритъ поэтому Гегель, представляетъ собою по существу *единство* различныхъ и различаемыхъ моментовъ, которые дѣлаются противорѣчащими другъ другу» **).

Но такъ какъ понятіе составляетъ природу каждаго предмета, то и каждый предметъ долженъ заключать въ себѣ внутреннія противорѣчія. «Всѣ вещи, говоритъ Гегель, противорѣчатъ самимъ себѣ» ***).

Вотъ, стало быть, въ чемъ, по нашему мнѣнію, заключается самое простое объясненіе «тайнъ Гегелевской діалектики», легшихъ въ основу философскаго марксизма.

III.

Философскія предпосылки діалектической логики у Маркса и Энгельса.

Если нашъ разумъ въ состояніи понять міровую «субстанцію»; если эта «субстанція» монистична и реализируется во всѣхъ противоположностяхъ и противорѣчіяхъ эмпирическаго міра, такъ что

---

*) Hegels Religionsphilosophie (1832) Bd. I, S. 33.

**) Logik, II, S. 72. Отсюда понятно также, почему Гегель въ простомъ различіи усматриваетъ уже противорѣчіе. Соотвѣтствующіе различные признаки одного и того же рода явленій (какъ, напримѣръ, прямоугольность, тупоугольность и т. д.) должны противорѣчить себѣ, будучи приписаны одному и тому же предмету. Срав. S. 71.

***) «Alle Dinge sind an sich selbst widersprechend» Logik, II, S. 67.

всѣ онѣ представляютъ собою не что иное, какъ проявленіе этой вѣчной единой сущности; если, далѣе, пространство и время, которыя могли бы разъединять противорѣчивыя и противоположныя явленія, на самомъ дѣлѣ лишь идеальные продукты, за которыми не скрывается никакая дѣйствительность; если, наконецъ, природу какого либо предмета надо искать въ его понятіи и каждое понятіе составляетъ своего рода «ἓν και πᾶν» (Единое и все) въ миніатюрѣ,—то изъ всего этого неминуемо должно вытекать, что мышленіе, основанное на категоріяхъ разсудка, съ его боязнью противорѣчій, должно быть отнесено къ низшему типу, результаты котораго не могутъ быть обязательны для болѣе глубокаго пониманія міра.

Можетъ ли формально-логическая критика, при такомъ положеніи дѣла, рѣшить вопросъ о діалектикѣ, даже если бъ эта критика была такой же блестящей, какъ у Тренделенбурга и Гартмана? Мы думаемъ: нѣтъ. Если оставить не тронутыми изложенныя нами философскія предпосылки діалектики, то чисто логическій разборъ ея рѣшительно не достигаетъ цѣли. И Гегель, понятно, не былъ ребенкомъ въ формальной логикѣ. Почти на каждой страницѣ, гдѣ мы находимъ его самые грубые проступки противъ общепринятыхъ законовъ мышленія, Гегель не стѣсняется привести и тѣ логическія возраженія со стороны «внѣшней рефлексіи», помощью которыхъ всякій можетъ легко распутать всѣ его софизмы. Иногда онъ ограничивается простымъ презрительнымъ кивкомъ въ ихъ сторону, но большею частію онъ не довольствуется только презрительной передачей доводовъ разсудочнаго мышленія, а старается въ нихъ же самихъ найти внутреннее противорѣчіе, причемъ, въ свою очередь, еще больше запутывается въ противорѣчіяхъ и софизмахъ. Все это оставляетъ странное—скажемъ болѣе—потѣшное впечатлѣніе, но все это лишь доказываетъ, что для Гегеля было бы несомнѣнно выгоднѣе, если бы онъ излагалъ свои взгляды въ пророчески догматическомъ тонѣ, не пускаясь въ борьбу съ «грубымъ разсудкомъ»: ибо сей «простой парень», не понимающій никакихъ высшихъ кунштюковъ, «въ домашней области своихъ четырехъ стѣнъ», какъ выражается Энгельсъ, прямо таки непобѣдимъ... Поэтому то гегельянцы поступали весьма разумно, когда отказывались отъ всякой полемики на почвѣ разсудочной логики и укрѣплялись по ту сторону закона противорѣчія.

Первое нападеніе со стороны противниковъ діалектики должно было быть направлено на ея философскія обоснованія, на тѣ мотивы, которые неминуемо должны были привести къ ней. И эта задача была дѣйствительно выполнена съ такой основательностью, которая не оставляетъ желать ничего лучшаго. И выполнилъ ее не тотъ или другой отдѣльный мыслитель, а вся исторія современной философской мысли, съ Гегеля до нашихъ дней. Фейербахъ разрушилъ до основанія гегелевское ученіе о понятіи. Современная

психологія и теорія познанія уничтожили пагубный дуализмъ разсудка и разума. Тѣ отсталыя стороны ученія Канта, которыми воспользовались діалектики, были въ достаточной степени разобраны и отвергнуты. Вопросъ о тождествѣ бытія и мышленія и познаваемости субстанціи сдѣлался еще болѣе острымъ, благодаря успѣхамъ физіологіи нервовъ. А монизмъ одинъ, принимаемый лишь какъ скромная гипотеза и подвергнутый контролю современнаго критицизма, вовсе не долженъ вести къ діалектической логикѣ.

Невольно поэтому является вопросъ: какимъ же образомъ «логика противорѣчій» могла найти себѣ послѣдователя и защитника въ такомъ крупномъ мыслителѣ, какъ Марксъ? Какимъ образомъ ею могъ увлечься тотъ самый Марксъ, который восторженно славословилъ Фейербаха за раскрытіе тайнъ гегелевской «системы» и *уничтоженіе діалектики понятій*? *) Тотъ самый Марксъ, который еще въ сорокъ пятомъ году въ слѣдующихъ краткихъ, но характерныхъ словахъ изложилъ свое мнѣніе о гегелевской философіи: «Эта поблекшая и овдовѣвшая гегелевская философія, писалъ онъ, есть и остается старой женщиной, которая краситъ и рядитъ свое до противной абстракціи исхудалое тѣло и разыскиваетъ себѣ по всей Германіи жениха» **). Какъ же онъ,—будучи такъ близокъ къ истинѣ,—могъ придти къ убѣжденію, что гегелевскую философію «нельзя просто устранить», что эту старую поблекшую вдовицу необходимо «критически преодолѣть», т. е., «отбросивъ ея внѣшнюю форму, воспользоваться ея внутреннимъ содержаніемъ»—сознательной діалектикой? ***).

Къ сожалѣнію, отвѣтъ на эти вопросы не входитъ въ рамки нашей настоящей работы. Теперь намъ важнѣе всего изслѣдовать, *какъ* Марксъ и Энгельсъ обосновываютъ свою діалектическую логику и удалось ли имъ вообще ее спасти.

Въ своей полемикѣ противъ Дюринга Энгельсъ многими примѣрами старается доказать справедливость діалектической логики. Но съ его доказательствами почти та же исторія, что съ доказательствами Гегеля, у котораго они въ большинствѣ случаевъ взяты. «Здравый человѣческій разсудокъ» не замѣчаетъ въ нихъ никакихъ особенныхъ трудностей, и когда онъ переводитъ на свой языкъ примѣры, выставленные противъ него, то подчеркиваемое противорѣчіе совершенно исчезаетъ и діалектическій выводъ остается ничѣмъ не обоснованнымъ. Съ этой стороной дѣла мы ниже познакомимся подробнѣе, а пока мы должны спросить себя: что сталось у Маркса съ тѣми философскими предпосылками, ко-

*) Marx und Engels. Die heilige Familie. Frankfurt a M. 1845. S 139.

**) «Sie ist und bleibt ein altes Weib, die verwelkte und verwittwete Hegel'sche Philosophie, die ihren zur wiederliechsten Abstraktion ausgedörrten Leib schminkt und ausputzt und in ganz Deutschland nach einem Freier umherschielt». ib. S. 16.

***) Cp. Anti-Dühring, S. XIV.

торыя необходимы для діалектическаго мышленія? Не были ли онѣ модифицированы *имъ*, будучи пересаженными на матеріалистическую почву? Не потеряли ли онѣ совсѣмъ возможность служить обоснованіемъ для логики противорѣчій?—Внимательное изученіе философскихъ взглядовъ марксизма приводитъ, какъ намъ кажется, къ тому интересному и важному выводу, что у Маркса не достаетъ многихъ философскихъ предпосылокъ, благодаря которымъ появленіе діалектики еще было понятно, и что, взамѣнъ этого, имъ восприняты другія философскія воззрѣнія, которыя дѣлаютъ діалектическую логику не только излишней и бездоказательной, но врядъ ли даже и возможной, не смотря на то, что въ его воззрѣніяхъ восприняты многія изъ тѣхъ предпосылокъ, о которыхъ мы говорили выше. Чтобы убѣдиться въ этомъ, прослѣдимъ судьбу этихъ предпосылокъ на почвѣ марксизма.

Прежде всего отмѣтимъ, что теоретико-познавательный дуализмъ былъ, какъ и слѣдовало ожидать, перенесенъ въ свою систему и Марксомъ. И онъ различаетъ два типа мышленія—«метафизическій» или, вѣрнѣе, формально логическій и діалектическій. Вотъ какъ Энгельсъ характеризуетъ отличительныя черты «метафизическаго» типа мышленія. «Для метафизика вещи и ихъ отпечатки въ мышленіи—понятія представляютъ собою разрозненные, прочные, неподвижные, разъ на всегда данные предметы изслѣдованія, которые должны быть разсматриваемы одинъ послѣ другого и независимо отъ другого. Онъ мыслитъ непосредственными противоположеніями. Его рѣчь состоитъ изъ да-да, нѣтъ-нѣтъ, что сверхъ того, то отъ лукаваго. Для него вещь существуетъ или не существуетъ. Для него предметъ не можетъ быть самимъ собою и въ тоже время чѣмъ нибудь другимъ. Положительное и отрицательное абсолютно исключаютъ другъ друга. Причина и слѣдствіе такъ же совершенно противоположны другъ другу. Этотъ образъ мышленія, прибавляетъ Энгельсъ, кажется намъ, на первый взглядъ, потому чрезвычайно вѣроятнымъ, что онъ представляетъ собою образъ мышленія такъ называемаго здраваго человѣческаго разсудка. Однако, этотъ здравый человѣческій разсудокъ, какимъ бы респектабельнымъ малымъ онъ ни былъ въ домашней области своихъ четырехъ стѣнъ, переживаетъ совершенно изумительныя приключенія, какъ только пускается въ широкій свѣтъ изслѣдованія, и метафизическій образъ мышленія, въ какихъ бы обширныхъ областяхъ, смотря по природѣ предмета, ни былъ законенъ и даже необходимъ, всегда долженъ, раньше или позже, натолкнуться на предѣлъ, по ту сторону котораго онъ впадаетъ въ односторонность, ограниченность, абстрактность и теряется въ неразрѣшимыхъ противорѣчіяхъ, такъ-какъ онъ изъ за отдѣльныхъ вещей не замѣчаетъ ихъ связи, изъ за бытія не видитъ возникновенія и исчезновенія, и изъ за покоя забываетъ движеніе, словомъ изъ за деревьевъ не видитъ лѣса». (Anti-Dühring, S. 7). Такъ поступаетъ метафизикъ. Ясно, что діалектикъ поступаетъ какъ

разъ наоборотъ. Онъ разсматриваетъ вещи только въ ихъ связи sub specie aeterni и мыслитъ исключительно синтезисами. Для него всякая вещь существуетъ и не существуетъ. Его рѣчь состоитъ изъ да—нѣтъ, нѣтъ—да и т. д.

Теоретико-познавательный дуализмъ, лежащій въ основѣ приведенной цитаты изъ Энгельса, играетъ въ системѣ Маркса ту же роль, что и въ другихъ діалектическихъ системахъ. Съ одной стороны онъ дѣлаетъ діалектическій методъ мышленія болѣе или менѣе правдоподобнымъ, а съ другой стороны онъ самъ является необходимымъ слѣдствіемъ отрицанія трехъ главныхъ законовъ логики. Ибо вся эта характеристика метафизическаго метода мышленія есть въ сущности не что иное, какъ краткая и красивая передача того, что выставлялось Гегелемъ противъ *закона тождества*, рѣчь котораго есть «да—да», «нѣтъ—нѣтъ», *закона противорѣчія*, для котораго вещь существуетъ или не существуетъ, и *закона исключеннаго третьяго*, по которому положительное и отрицательное абсолютно исключаютъ другъ друга.

Правда, приведенная характеристика не ограничивается косвеннымъ восхваленіемъ діалектической логики, но прихватываетъ еще и теорію развитія, такъ что на первый взглядъ можетъ показаться, что она страдаетъ нѣкоторой произвольностью конструкціи. Въ самомъ дѣлѣ. Возьмемъ, напримѣръ, такихъ мыслителей, какъ Кантъ, Ламаркъ, Дарвинъ, Спенсеръ, Геккель и т. д. По характеристикѣ Энгельса, мы должны назвать ихъ метафизиками. Ибо, по скольку они признаютъ законъ тождества, по стольку ихъ рѣчь состоитъ изъ да—да, нѣтъ—нѣтъ. По скольку они признаютъ законъ противорѣчія, по стольку для нихъ вещь либо существуетъ, либо не существуетъ. А по скольку они принимаютъ законъ исключеннаго третьяго, по стольку для нихъ положительное и отрицательное абсолютно исключаютъ другъ друга. И всѣ эти законы они признаютъ, потому что они, какъ и все остальное человѣчество, стоятъ на почвѣ логическаго мышленія. Они, стало быть, метафизики, и однако, никому не придетъ въ голову обвинять ихъ въ томъ, что они разсматриваютъ «вещи какъ разрозненные, прочные, неподвижные, разъ на всегда данные предметы для изслѣдованія». Что они этой своей измѣной метафизикѣ не обязаны Гегелю и діалектикѣ, что по части развитія природы Гегель стоялъ гораздо ниже естествоиспытателей своего времени, Энгельсъ прекрасно знаетъ самъ *). Можно, поэтому, спросить себя: зачѣмъ же Энгельсъ сваливаетъ въ одну кучу то, что не находится ни въ какой внутренней связи? Но этотъ вопросъ справедливъ только на первый взглядъ. На самомъ дѣлѣ Энгельсъ увѣренъ, что такая внутренняя связь между діалектической логикой и теоріей развитія существуетъ. Онъ убѣжденъ, что кто только признаетъ развитіе вообще, долженъ послѣдо-

*) Fr. Engels. Anti-Dühring. S. XVI.

вательнымъ образомъ дойти до отрицанія верховныхъ законовъ логики. Поэтому онъ на Канта, Дарвина и т. д. въ самомъ дѣлѣ смотрѣлъ бы не какъ на непослѣдовательныхъ «метафизиковъ», а скорѣе, какъ на непослѣдовательныхъ діалектиковъ, которые еще не дошли до сознанія того, что уже *одинъ фактъ* движенія переворачиваетъ вверхъ дномъ всѣ законы логики, такъ какъ рѣшительно идетъ въ разрѣзъ съ закономъ противорѣчія. Такой взглядъ на движеніе и развитіе, какъ и вся діалектическая логика, пересаженъ въ марксизмъ прямо изъ философіи Гегеля, какъ мы это покажемъ ниже. Теперь же, прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію другихъ философскихъ предпосылокъ діалектики, необходимо замѣтить, что и по части уступокъ, дѣлаемыхъ Энгельсомъ здравому человѣческому разсудку, онъ нисколько не расходится съ Гегелемъ. И Гегель не отрицалъ за «метафизическимъ» образомъ мышленія извѣстныхъ правъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ «разсудочное» мышленіе признавалось имъ даже необходимымъ. «Во всѣхъ областяхъ, говоритъ онъ, какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ, разсудокъ не долженъ отсутствовать. Ибо безъ разсудка мы не можемъ придти ни къ чему прочному и опредѣленному». Въ особенности же это справедливо, по Гегелю, для области практики, такъ какъ «для поступковъ существенно необходимъ характеръ, а человѣкъ характера есть человѣкъ разсудка, который, какъ таковой, имѣетъ опредѣленныя цѣли передъ глазами и преслѣдуетъ ихъ неуклонно» *). Стало быть, и по Гегелю «домашнія четыре стѣны» разсудка довольно таки обширны. Отсюда, между прочимъ, видно, какъ не правъ былъ Эдуардъ фонъ Гартманъ, когда онъ отъ діалектиковъ требовалъ, чтобъ они и въ области практики придерживались излюбленныхъ пріемовъ мышленія. «Если діалектикъ, говоритъ онъ, желаетъ пойти по тонкому льду или по тонкой перекладинѣ и соображаетъ о томъ, выдержитъ ли ледъ или перекладина его тяжесть или нѣтъ, останутся ли они цѣлы или провалятся, развѣ онъ дѣйствительно отвѣтитъ себѣ діалектическимъ синтезисомъ этой альтернативы? Не вѣрнѣе ли, что онъ скажетъ себѣ, внутренно думая по презрительному закону противорѣчія: «держать не значитъ провалиться, провалиться не значитъ держать. Будетъ держать, пойду, нѣтъ,—останусь». Изъ этого Гартманъ дѣлаетъ заключеніе, что «діалектикъ не можетъ жить. Онъ долженъ въ первый же день сломать себѣ шею и ноги, если только онъ не перестанетъ быть діалектикомъ и не будетъ устраиваться на практикѣ сообразно тому, что онъ отрицаетъ въ теоріи» **).

Доводъ Гартмана противъ діалектики *въ данномъ* случаѣ не попадаетъ въ цѣль именно потому, что діалектикъ, который замѣнилъ

---

*) Frantz und Hillert. Hegel's Philosophie in wörtlichen Auszügen. Berlin. (1843) S. 30.

**) Hartmann, l. c. S. 92.

разсудочную формулу «либо—либо» діалектической формулой «не только, но и», остается вѣренъ себѣ и въ этомъ случаѣ: онъ «не только» діалектикъ, «но и»—не діалектикъ,—послѣднее въ области практики. А это еще болѣе показываетъ, что послѣдовательный теоретико-познавательный *дуализмъ*, обязательно ведущій къ той или другой «двойной бухгалтеріи», не отъемлемъ отъ діалектики..

Рука объ руку съ теоретико-познавательнымъ дуализмомъ, у Маркса, какъ и у всѣхъ діалектиковъ, идетъ натуръ-философскій монизмъ, съ той только разницей, что онъ единство міра усматриваетъ въ его матеріальности, а не въ какой либо духовной или сверхъматеріальной субстанціи*). Но эта разница далеко не безразлична для философскаго обоснованія діалектической логики. Не смотря на то, что монизмъ, какъ мы видѣли, можетъ служить лучшимъ предрасположеніемъ къ отрицанію закона противорѣчія, *матеріалистическій* монизмъ, однако, представляетъ собою далеко не такую благопріятную для діалектической логики почву, какъ монизмъ идеалистическій. И это, главнымъ образомъ, потому, что многія изъ интересующихъ насъ философскихъ предпосылокъ теряютъ на почвѣ матеріализма свою доказательность, либо же должны получить такой смыслъ, который плохо вяжется съ діалектическимъ мышленіемъ.

Разсмотримъ сперва ученіе о познаваемости сущности вещей, которое является первымъ условіемъ для обоснованія того взгляда, что эта сущность полна внутреннихъ противорѣчій. Не трудно замѣтить, что ученіе о тождествѣ бытія и мышленія является гораздо менѣе обоснованнымъ на почвѣ матеріалистическаго монизма, чѣмъ на почвѣ монизма идеалистическаго. Что человѣческій *духъ* можетъ проникнуть въ тайны тѣсно связаннаго съ нимъ *міроваго духа*, идеалисту должно казаться яснымъ, какъ божій день. Но врядъ ли столь же яснымъ должно показаться *матеріалисту,* чтобы человѣческій *мозгъ*, какъ часть матеріи, обязательно долженъ былъ бы знать, что происходитъ въ другихъ частяхъ міровой матеріи. Правда, Энгельсъ переноситъ, уже знакомое намъ, разсужденіе Гегеля о познаваемости «безконечнаго» въ свою матеріалистическую философію и говоритъ, что, если мышленіе и сознаніе «суть продукты человѣческаго мозга», а самъ человѣкъ—«не болѣе, какъ продуктъ природы, развивающійся вмѣстѣ съ своей средой», то тогда «само собой разумѣется, что произведенія человѣческаго мозга, которыя въ послѣдней инстанціи, вѣдь, тоже продукты природы, не противорѣчатъ, а соотвѣтствуютъ другимъ ея явленіямъ» (AD. 22). Но тутъ, очевидно, все дѣло въ томъ, что называть соотвѣтствіемъ. II цилиндрическое зеркало, напримѣръ, представляетъ собою «продуктъ природы», быть можетъ еще въ болѣе «естественномъ» смыслѣ, чѣмъ сознаніе и мышленіе, а всетаки предметы, отражаясь въ

---

*) «Die Einheit der Welt besteht in ihrer Materialität». Engels, AD. S. 31.

немъ, до того искажаются, что если и въ нашемъ мозгу они являются въ такомъ же искаженномъ видѣ, то о соотвѣтствіи между мышленіемъ и бытіемъ врядъ ли еще можетъ быть рѣчь.

Такъ же мало выдерживаетъ критику и другой доводъ Энгельса противъ тѣхъ «капризовъ» критицизма и родственныхъ философскихъ теченій, которые «оспариваютъ возможность познанія или, по крайней мѣрѣ, исчерпывающаго познанія міра». Главное возраженіе противъ всѣхъ этихъ «капризовъ» Энгельсъ видитъ въ практической дѣятельности человѣка, въ экспериментальномъ опытѣ и промышленности. «Когда мы можемъ доказать—говоритъ онъ—вѣрность нашего пониманія какого либо естественнаго явленія тѣмъ, что мы его сами дѣлаемъ, что мы возсоздаемъ его изъ его условій и заставляемъ служить нашимъ цѣлямъ, то тогда Кантовской «вещи въ себѣ» долженъ наступить конецъ *)».

Энгельсъ, очевидно, забываетъ, что для послѣдовательнаго субъективиста въ теоріи познанія наши практическіе поступки и ихъ успѣхъ составляютъ такія же точно *представленія*, какъ и другія проявленія нашей жизни, проявленія, доказательность которыхъ была сведена къ нулю уже Декартомъ въ его возраженіяхъ противъ Гассенди. Для тѣхъ же, кто отрицаетъ возможность *полнаго* познанія міра, ссылка на практику недостаточно убѣдительна. Чтобы практически возпользоваться какой нибудь вещью, или даже создать эту вещь, вовсе не обязательно знать *всѣ* ея свойства. Достаточно, если намъ извѣстны отношенія нѣкоторыхъ ея свойствъ къ свойствамъ другихъ вещей, чтобы практически можно было воспользоваться ею для нашихъ цѣлей,—если только практическое господство надъ даннымъ предметомъ или явленіемъ вообще доступно намъ. Хорошая хозяйка, напримѣръ, можетъ употреблять бѣлокъ для приготовленія превосходнѣйшихъ пуддинговъ и всетаки не имѣть никакого понятія о замѣчательныхъ свойствахъ этого химическаго тѣла. Точно также для нея не составитъ никакихъ трудностей создать, напр., яйца «изъ ихъ естественныхъ условій». Для этого она должна только купить на рынкѣ эти «условія», въ видѣ пѣтуха и курицы. Пусть простятъ мнѣ этотъ нѣсколько грубый, но вполнѣ подходящій примѣръ. Развѣ ссылка на возможность создать химическимъ путемъ какое либо сложное тѣло имѣетъ большее теоретико-познавательное значеніе, чѣмъ ссылка на пѣтуха и курицу? Вѣдь сущность химическаго сродства намъ такъ же мало понятна, какъ и сущность сложнѣйшихъ проявленій жизни. Наконецъ, практическое господство надъ сложнѣйшими явленіями природы не рѣдко и въ животномъ мірѣ. Нѣкоторые муравьи, напримѣръ, «собираютъ яйца травяныхъ вшей, складываютъ ихъ въ особыя камеры и заботливо слѣдятъ за вылупливаньемъ молодыхъ насѣкомыхъ». Но развѣ кому нибудь придетъ въ голову вывести отсюда заключеніе, что муравьи

*) Fr. Engels. Ludwig Feuerbach. (1888). S. 18.

обладаютъ «исчерпывающимъ знаніемъ тѣхъ біологическихъ явленій, которыя они заставляютъ служить своимъ цѣлямъ»?

Какую бы роль практика ни играла въ теоріи познанія, ясно одно, что для доказательства тождества мышленія и бытія она является мало надежной опорой, и еще менѣе можетъ она служить въ качествѣ философской предпосылки для діалектической логики, просто уже по одному тому, что даже, по свидѣтельству самихъ діалектиковъ, какъ мы видѣли, практика антидіалектична. И если Гартманъ не имѣлъ права оспаривать, на основаніи практики, *возможность* діалектическаго метода мышленія, то, во всякомъ случаѣ, было бы еще болѣе страннымъ прямо или косвенно пользоваться ею для доказательства *необходимости* діалектики.

Такимъ образомъ, тождество бытія и мышленія является на почвѣ матеріалистическаго монизма далеко не доказаннымъ. А если это такъ, то и самъ этотъ матеріалистическій монизмъ можетъ имѣть лишь крайне гипотетическое значеніе. И если мы даже временно согласимся съ Гегелемъ и Энгельсомъ, что Кантовы «антиноміи» не только проявляются въ нашемъ разумѣ въ опредѣленныхъ случаяхъ, но присущи каждому акту нашего мышленія *), то и тогда мы не имѣемъ права умозаключать отъ противорѣчій, будто бы свойственныхъ нашему *мышленію*, къ господству противорѣчій въ самой природѣ. Ясно, стало быть, что матеріалистическая модификація ученій о монизмѣ и познаваемости міра дѣлаетъ ихъ плохими помощниками въ дѣлѣ философскаго обоснованія діалектической логики.

Но въ еще большей степени это справедливо для тѣхъ измѣненій, которымъ должно было подвергнуться въ марксистской философіи гегелевское ученіе о понятіи, лишь только Марксъ вмѣстѣ съ Фейрбахомъ сталъ признавать, что «духъ» является «продуктомъ матеріи **)».

Въ самомъ дѣлѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ Фейербахъ уничтожилъ діалектику понятій, для самого Маркса должно было сдѣлаться яснымъ, что понятія не составляютъ какой-либо метафизической субстанціи, существовавшей раньше явленій внѣ времени и пространства. Онъ долженъ былъ согласиться съ Фейербахомъ, что, «мышленіе надо объяснить изъ бытія, а не бытіе изъ мышленія» ***), принципъ, который, какъ извѣстно, игралъ выдающуюся роль и въ марксистской философіи исторіи ****).

Поэтому Марксъ подъ понятіемъ сталъ разумѣть не какое то мистическое зерно, которое заключаетъ въ себѣ всѣ вещи и явленія, но лишь «болѣе или менѣе абстрактный отпечатокъ дѣйствительныхъ вещей». Но понятіе, какъ плодъ абстрагирующей дѣятельности ума, имѣетъ совершенно другое значеніе для философскаго обоснованія діалектической логики, чѣмъ понятіе—субстанція; или,

---

*) Cp. Engels. Anti-Dühring S. 38.

**) Cp. Fr. Engels. Ludwig Feuerbach. S. 12—13 u. 21.

***) Das Denken ist aus dem Sein, nicht das Sein aus dem Denken zu erklären. L. Feuerbach. Werke Bd. II, (1846) S. 263.

****) Cp. K. Marx. Zur Kritik der politischen Oekonomie (1859) S. IV.

вѣрнѣе,—оно никакого значенія не имѣетъ, потому что заключаетъ въ себѣ не *всю* совокупность конкретныхъ вещей и ихъ конкретныхъ свойствъ, а только нѣкоторые ихъ признаки. Понятно, что при такомъ значеніи оно вовсе не должно заключать въ себѣ какія либо внутреннія противорѣчія. У Гегеля, напримѣръ, понятіе: «теперь» *должно* реализироваться то въ видѣ «дня», то въ видѣ «ночи», потому что день и ночь составляютъ противорѣчивые моменты, имманентнымъ образомъ присущіе понятію «теперь».

Но почему и марксистскія «понятія», которыя являются только абстракціей, всетаки должны нести въ себѣ духъ отрицанія, не позволяющій имъ пользоваться болѣе покойнымъ существованіемъ, этого съ точки зрѣнія Маркса положительно нельзя понять.

Мы, конечно, не хотимъ сказать этимъ, что понятія должны быть разсматриваемы, какъ «незыблемые, разъ на всегда данные объекты изслѣдованія». Какъ все въ мірѣ, и понятія имѣютъ свою исторію. Они развиваются во времени и, вмѣстѣ съ временемъ, породившимъ ихъ, постоянно мѣняютъ свое значеніе. Но это является вовсе не слѣдствіемъ внутреннихъ противорѣчій, а, какъ извѣстно, слѣдствіемъ гораздо болѣе естественныхъ причинъ. Когда мѣняются явленія или наши свѣденія о нихъ разростаются въ ширь и глубь, тогда и наши понятія, естественно, должны раньше или позже приспособиться къ новымъ явленіямъ и познаніямъ, уже не говоря о тѣхъ измѣненіяхъ, которымъ подвергается значеніе какого либо понятія, когда различные люди вкладываютъ въ него различный смыслъ. Но когда дѣло идетъ объ опредѣленномъ понятіи, въ опредѣленномъ его значеніи, то оно дѣйствительно должно остаться незыблемымъ и быть разъ на всегда даннымъ объектомъ для даннаго изслѣдованія, и «если говоришь объ—А, то и думай объ А, а не о Б». (Гартманнъ). Мы видимъ, такимъ образомъ, что марксистскій матеріализмъ вообще не представляетъ собою удобной почвы для діалектики. Его теорія познанія лишена непреложной убѣдительности. Его ученіе о понятіяхъ лишаетъ ихъ того внутренняго стремленія къ движенію, которое они неизбѣжно должны были имѣть у Гегеля. Наконецъ, его ученіе о времени и пространствѣ, какъ увидимъ сейчасъ, окончательно отнимаетъ у марксистской діалектики всякое подобіе философскаго обоснованія. Дѣло въ томъ, что, какъ всѣ матеріалисты, и Марксъ признаетъ, что въ природѣ имѣется «чистое» время и «чистое» пространство, вполнѣ независимыя отъ предметовъ и явленій, которыми они наполнены.

Время, и пространство, говоритъ Энгельсъ, суть основныя формы всякаго бытія и именно потому, что время не зависитъ отъ тѣхъ измѣненій, которыя происходятъ въ немъ, оно можетъ быть измѣряемо. Время, въ которомъ не происходитъ никакихъ измѣненій, и составляетъ «чистое», стало быть «истинное», «время, какъ таковое». То же самое справедливо и относительно пространства. *)

*) Мы считаемъ не лишнимъ привести всю выписку, на основаніи которой мы изложили взглядъ Энгельса на время и пространство: Die Grundfor-

Для того, чтобъ понять роль этого ученія въ дѣлѣ философскаго обоснованія діалектической логики, необходимо обратить вниманіе на то, что эта роль вовсе не такъ проста, какъ это кажется на первый взглядъ. Надо въ самомъ дѣлѣ въ значительной степени примириться съ діалектическимъ способомъ мышленія, чтобы принять это ученіе Маркса, во всей его *до аристотелевской* невинности. Реальное существованіе абсолютной пустоты («пустое» пространство) и непрерывное вѣчное теченіе абсолютнаго небытія («чистое» время), — развѣ это не чистѣйшее воплощеніе вещей, существующихъ и въ тоже время не существующихъ? Если хотятъ, поэтому, признать реальность времени и пространства не только какъ эмпирическихъ явленій, но и какъ метафизическихъ сущностей, независимыхъ отъ нашего созерцанія, то необходимо признать и ихъ діалектическій характеръ. Не взирая, однако, на то, діалектическая логика нисколько не можетъ воспользоваться этой условной уступкой, потому что діалектическій характеръ времени и пространства не только не въ состояніи обосновать діалектику предметовъ и явленій, но даже, наоборотъ, обозначаетъ собою уничтоженіе всякихъ внутреннихъ противорѣчій въ явленіяхъ времени и пространства. Если отдать время и пространство въ жертву діалектической логикѣ, то мы этой жертвой искупаемъ отъ внутреннихъ противорѣчій всѣ остальныя явленія міра. Это обстоятельство извѣстно было уже Фейербаху, который такъ же, какъ и Марксъ, считалъ время и пространство «существенными условіями», «формами разума и законами, какъ бытія, такъ и мышленія», но который воспользовался этимъ тезисомъ, чтобъ въ неподражаемо ясномъ анализѣ показать несостоятельность діалектической логики. «Существованіе явленій въ пространствѣ, вотъ *истина* логическихъ различій», говоритъ онъ. «Солнце не тамъ, гдѣ Меркурій, Меркурій не тамъ, гдѣ Венера, глазъ не тамъ, гдѣ ухо и т. д.» «Различному отводить различное *мѣсто, пространственно* отдѣлять, что качественно различно,—вотъ условіе всякой экономіи, даже умственной». А по отношенію ко времени Фейербахъ говоритъ: «Только время доставляетъ средство, помощью котораго можно въ одномъ и томъ же существѣ такъ объединить противоположныя и противорѣчащія свойства, какъ они бываютъ объединены въ дѣйствительности». (Werke, II, 332—335).

Стало быть, просто и ясно: одинъ и тотъ же предметъ не можетъ въ одно и тоже время быть имъ самимъ и чѣмъ нибудь

---

men alles Seins sind Raum und Zeit, und ein Sein ausser der Zeit ist ein ebenso grosser Unsinn, wie ein Sein ausserhalb des Raumes.. Nach Herrn Dühring existirt die Zeit nur durch die Veränderung, nicht die Veränderung in und durch die Zeit. „Eben weil die Zeit von der Veränderung verschieden, unabhängig ist", kann man sie durch die Veränderung messen, denn zum Messen gehört immer ein von dem zu Messendem verschiedenes (?). Und die Zeit, in der keine erkennbare Veränderungen vorgehen, ist weit entfernt davon, „keine" Zeit zu sein; sie ist vielmehr die „reine", von keinen fremden Beimischungen afficirte also die „wahre" Zeit, die Zeit „als solche". Anti-Dühring, S. 41—42.

другимъ именно потому, что противоположныя свойства, которыя мы приписываемъ одному какому нибудь предмету, отдѣлены другъ отъ друга во времени и пространствѣ.

Перечисленіе тѣхъ философскихъ воззрѣній марксизма, которыя имѣютъ положительное или отрицательное значеніе для діалектической логики, было бы не полно, еслибъ мы пропустили доказательство въ пользу логики противорѣчій, которое Энгельсъ черпаетъ изъ исторіи философіи. Онъ не на шутку убѣжденъ, что *всѣ* лучшіе мыслители и философы придерживались «логики противорѣчій» и что вся исторія философіи, особенно начиная съ Канта, стремилась къ тому, чтобы выработать этотъ излюбленный Энгельсомъ образъ мышленія. *) Полный разборъ этого довода отъ исторіи тѣсно связанъ съ разборомъ марксистскаго «историзма», лежащаго въ основѣ и марксистской методологіи. Къ сожалѣнію, это выходитъ за предѣлъ нашей настоящей статьи. Теперь мы должны ограничиться только нѣкоторыми замѣчаніями.

Во первыхъ, греческая философія *не* во всемъ ея объемѣ придерживалась діалектическаго мышленія. Собственно діалектическая логика господствовала лишь въ до сократовскомъ періодѣ философіи, главнымъ образомъ у Гераклита и софистовъ, значитъ въ такое время, когда философія еще невполнѣ уяснила себѣ основные законы человѣческаго мышленія. Тотъ, кто впервые выставилъ и обосновалъ логическій законъ противорѣчія, доказавъ его абсолютную необходимость для человѣческаго мышленія, былъ ни кто иной, какъ Аристотель, тотъ самый универсальнѣйшій умъ между греческими философами, бывшими поголовно природными діалектиками», который, по увѣренію Энгельса, «изслѣдовалъ существеннѣйшія формы діалектическаго мышленія» **). Да, изслѣдовалъ, чтобъ доказать ихъ шаткость, неосновательность и непригодность.

Во вторыхъ, возрожденіе діалектики въ классической философіи Германіи и стремленіе этой философіи къ діалектикѣ Гегеля абсолютно не можетъ быть доказательствомъ въ пользу вѣрности діалектической логики. Не забудемъ, что германская философія стремилась ко многому такому, чего, право, не стоило добиваться. Напомнимъ, напримѣръ, «абсолютъ» Гегеля.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что ни одна изъ философскихъ предпосылокъ, которыя легли въ основаніе гегелевской діалектики, не могутъ на почвѣ матеріализма a priori обосновать діалектическую логику Маркса.

Перейдемъ, поэтому, къ анализу двухъ другихъ путей, помощью которыхъ возможно обосновать вѣрность діалектической логики: во первыхъ, къ разсмотренію критики «метафизическаго» метода мышленія и во вторыхъ, къ разбору тѣхъ фактовъ, которыми Энгельсъ иллюстрируетъ и подкрѣпляетъ свои основоположенія.

Н. Г.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*) Ср. Anti Dühring S. XV—и 5.
**) AD. S. 5.

Разсказы Ричарда Гардинга Дэвиса.

Переводъ съ англійскаго

А. Рождественской.

I.

Ея первый дебютъ.

Первый актъ комической оперы «Султанша» только что кончился.

Она шла въ первый разъ и потому всѣ члены Лестеровскаго товарищества, начиная съ самого Лестера и кончая сыномъ прислуживающей въ уборныхъ горничной, испытывали мучительную тревогу и безпокойство. Трудно представить себѣ то лихорадочное возбужденіе, которое охватываетъ весь закулисный міръ во время перваго представленія какой нибудь пьесы. Объ немъ можетъ дать нѣкоторое понятіе только редакція какой нибудь газеты въ послѣдній вечеръ президентскихъ выборовъ, когда вывѣшенныя снаружи афиши ежеминутно смѣняются, толпа реветъ, редакторъ мечтаетъ попасть къ Сентъ Джемскому двору, если выборы пойдутъ, какъ слѣдуетъ, а прислуживающій въ редакціи малый готовъ прозакладывать свое мѣсячное жалованье, что этого никогда не случится.

Во время первыхъ представленій всѣ, имѣющіе хоть какое нибудь отношеніе къ театру, испытываютъ муки томительной неизвѣстности и ожиданія. Но Ванъ Бибберъ такъ спокойно подошелъ къ двери, ведущей на сцену, не забывъ кивнуть стоявшему около нея капельдинеру, какъ будто пьеса шла не въ первый, а въ сотый разъ, и антрепренеръ начиналъ уже мечтать о сто пятидесятомъ представленіи, а примадонна—дѣлать намеки насчетъ новыхъ костюмовъ. Растерянный капельдинеръ нерѣшительно взглянулъ на Ванъ Биббера, но тотъ хладнокровно прошелъ на сцену и съ удовольствіемъ вдохнулъ знакомый запахъ краски, пыли и горящаго газа.

Съ минуту стоялъ онъ, не узнавая, посреди этой суматохи и перекрещивающагося свѣта, своихъ старыхъ знакомыхъ, одѣ-

тыхъ въ новые костюмы. Наконецъ, онъ увидалъ посреди сцены режиссера Крипса. Засучивъ рукава рубашки и обливаясь потомъ, онъ неистово махалъ одной рукою кому то, стоявшему на подмосткахъ, а другою дѣлалъ знаки газовщику, подзывая его къ себѣ. Рабочіе уносили декораціи перваго акта и спѣшили приготовить все, что требовалось для второго. Они тащили расписанный квадратами холстъ, который долженъ былъ изображать мраморный полъ, двигали тронъ съ двумя ступеньками и прилаживали высокія, дрожащія ставни дворца, осыпая бранью всякаго, кто попадался имъ на дорогѣ.

— А, Ванъ Бибберъ!—воскликнулъ Крипсъ, смотря дикими, блуждающими глазами на знакомую, подходящую къ нему фигуру.—Ну, долженъ сказать вамъ, что изъ всѣхъ жителей Нью-Іорка вы одинъ только пробрались сюда сегодня. Но вамъ нельзя оставаться здѣсь... — Спускайте ниже — еще ниже! — крикнулъ онъ стоявшему на подмосткахъ рабочему.—Во всякое другое время—милости просимъ, но сегодня это положительно невозможно. Я не могу допустить этого. Мнѣ... А гдѣ же проходъ къ средней двери? Вѣдь я же говорилъ вамъ...

Ванъ Бибберъ посторонился, чтобы дать дорогу двумъ рабочимъ, которые тащили декорацію прямо на него, перешагнулъ черезъ свернутый коверъ и, пробравшись между взволнованными, перешептывающимися хористками, отворилъ дверь въ тихую уборную театральнаго свѣтила, Лестера.

Тотъ увидалъ его въ трюмо, около котораго сидѣлъ, и отчаянно взмахнулъ руками.

— Ну, что же? — воскликнулъ онъ. — Удалось намъ или нѣтъ? Сидятъ они на своихъ мѣстахъ или уже успѣли разбѣжаться?

— Здраствуйте, Джонъ,—сказалъ Ванъ Бибберъ театральному лакею, натягивавшему на Лестера сапоги. Потомъ онъ сѣлъ въ большое, стоявшее въ углу кресло и, вздохнувъ, снова приподнялся, чтобы закурить сигару у газоваго рожка, окруженнаго металлической сѣткой.—Все шло прекрасно,—продолжалъ онъ.—Въ случаѣ неудачи, я бы не пришелъ сюда. Вамъ нечего безпокоиться, если и остальное такъ же хорошо, какъ первый актъ.

Ванъ Бибберу былъ предоставленъ свободный доступъ за кулисы, и это вызывало множество толковъ и предположеній со стороны членовъ Лестеровскаго товарищества. Въ первый разъ появился онъ здѣсь годъ тому назадъ, въ жаркій лѣтній вечеръ и съ тѣхъ поръ рѣдкій день не заходилъ сюда. Сначала думали, что онъ заинтересованъ въ дѣлѣ, что онъ одинъ изъ тѣхъ богатыхъ, слабыхъ людей, такъ называемыхъ «ангеловъ», которые даютъ деньги на постановку новыхъ пьесъ. Но такъ какъ онъ никогда не заглядывалъ въ дырочку занавѣса, чтобы

сосчитать зрителей, не бѣгалъ ежеминутно узнавать о состояніи кассы и былъ одинаково невозмутимъ, проваливалась ли пьеса или, наоборотъ, имѣла блестящій успѣхъ, то это предположеніе было отброшено, какъ совершенно неосновательное. Примадонна и другія хорошенькія актрисы труппы тоже, повидимому, нисколько не интересовали его. Онъ не обращалъ на нихъ вниманія, не дѣлалъ никакихъ попытокъ сблизиться съ ними, и только за стѣнами театра удалось имъ узнать, что онъ за человѣкъ и какую роль играетъ въ обществѣ. Большую часть времени проводилъ онъ въ уборной Лестера, а когда тотъ уходилъ на сцену, курилъ и слушалъ разсказы о прошломъ театральнаго лакея, который обыкновенно одѣвалъ Лестера.

Вслѣдствіе этихъ таинственныхъ бесѣдъ съ Лестеромъ и строгаго вечерняго костюма Ванъ Биббера, нѣсколько напоминающаго одежду пастора, актеръ на вторыя роли прозвалъ его духовнымъ отцомъ свѣтила и увѣрялъ, что онъ приходитъ въ театръ только для того, чтобы налагать на Лестера эпитемью за его грѣхи. И въ этомъ была нѣкоторая доля правды. Лестеръ и Ванъ Бибберъ сошлись еше въ университетѣ, гдѣ Лестеръ, благодаря своему голосу и таланту, былъ главнымъ распорядителемъ при устройствѣ товарищескихъ спектаклей. А позднѣе, когда онъ поступилъ на сцену и родные отвернулись отъ него, не смотря на то, что онъ сталъ знаменитостью, (а, можетъ быть, именно благодаря этому), Ванъ Бибберъ зашелъ къ нему и нашелъ его такимъ же простымъ, добродушнымъ и искреннимъ, какъ и во времена «заварныхъ пуддинговъ». Лестеръ, съ своей стороны, очень обрадовался Ванъ Бибберу и, послѣ шумнаго общества своихъ собратовъ по искусству, съ большимъ удовольствіемъ слушалъ его спокойный голосъ и юношескія разсужденія о жизни и свѣтѣ. Ванъ Бибберъ добился большихъ привилегій: онъ могъ бранить своего друга, напоминать ему о серьезномъ значеніи артиста и—все равно, пріятно ли это было тому или нѣтъ—затрогивать его лучшія стороны. Мало по малу Лестеръ привыкъ цѣнить и случайныя замѣчанія своего товарища обо всемъ, касающемся театра, такъ какъ считалъ ихъ отголоскомъ публики. Даже самъ ветеранъ Крипсъ сталъ смотрѣть на Ванъ Биббера съ нѣкоторымъ уваженіемъ послѣ того, какъ тотъ сказалъ ему, что пурпурные костюмы легко превратитъ въ черные, наведя на нихъ красный свѣтъ.

Ванъ Бибберъ былъ утонченно вѣжливъ со всѣми членами труппы, но, разговаривая съ ними, ограничивался одними только общими мѣстами. Онъ нисколько не заблуждался на ихъ счетъ и понялъ ихъ лучше, чѣмъ сами они понимали себя. Женщины встрѣтили его радушно и улыбались ему, но мужчины были гораздо недовѣрчивѣе и стѣснялись его до тѣхъ поръ, пока не убѣдились, что онъ самъ застѣнчивъ, какъ молоденькая дѣвушка.

Тогда они сдѣлали его своимъ повѣреннымъ и, высказывая ему всѣ свои маленькія честолюбивыя стремленія, всю свою мелкую зависть другъ къ другу, наивно ожидали, что онъ передастъ ихъ слова Лестеру. Всѣ они были простые, веселые люди, и Ванъ Бибберъ находилъ ихъ общество гораздо интереснѣе своего клуба, гдѣ не было ни души, такъ какъ всѣ обычные посѣтители его разъѣхались. Сидя въ уборной Лестера, онъ съ удовольствіемъ прислушивался къ слабымъ, заглушеннымъ звукамъ музыки, доносившимся изъ за полуотворенной двери, и слѣдилъ за толпою спѣшащихъ на сцену хористокъ. Ему нравился разлитый въ воздухѣ возбуждающій запахъ кислорода и живописный безпорядокъ уборной, гдѣ парики, шпаги и таинственныя принадлежности гримировки лежали вмѣстѣ съ окурками сигаръ, газетами и театральными пьесами. И ему часто хотѣлось быть талантливымъ художникомъ, чтобы изобразить всѣ эти безсознательно граціозныя группы, которыя то были залиты яркимъ свѣтомъ, то терялись въ тѣни, падавшей отъ боковыхъ кулисъ. Подкрашенныя, одѣтыя въ фантастическіе костюмы молодыя дѣвушки то стояли, прислонившись къ голымъ кирпичнымъ стѣнамъ театра, то собирались вмѣстѣ и, обнявъ другъ друга, перешептывались между собою, то сидѣли въ сторонкѣ и что нибудь шили или читали такъ спокойно, какъ будто были у себя дома, а не рядомъ со сценой, откуда доносились аплодисменты публики. Онъ любилъ наблюдать за ними, когда онѣ кокетничали съ высокимъ пожарнымъ, отряженнымъ сюда изъ сосѣдняго пожарнаго депо, или съ кѣмъ нибудь изъ хористовъ; любилъ смотрѣть, какъ онѣ дразнятъ флегматичныхъ рабочихъ, которые, пользуясь свободнымъ временемъ, ложились на свернутый холстъ, чтобы заснуть хоть на минуту. Онъ даже прощалъ примадоннѣ, когда она улыбалась ему со сцены въ то время, какъ онъ смотрѣлъ на нее изъ за кулисъ, и съ своей стороны тоже улыбался ей, какъ будто ни онъ, ни она сама не знали, что ея улыбки были не для него, а для кого нибудь изъ болѣе интересныхъ лицъ, сидящихъ въ первомъ ряду. Мало по малу всѣ артисты привыкли къ нему и обращали на него такъ же мало вниманія, какъ и на самого режиссера, который бѣгалъ, шикая на всѣхъ, хоть на самомъ дѣлѣ никто не шумѣлъ, кромѣ него самого.

Шелъ второй актъ, когда Лестеръ, кончивъ свою роль, выбѣжалъ за кулисы и бросился въ уборную.

— Идите, идите сюда!—закричалъ онъ Ванъ Бибберу.— Теперь на сценѣ поютъ дѣти. Ступайте взглянуть на нихъ. Они чудо какъ хороши!

Ванъ Бибберъ положилъ свою недокуренную сигару и подошелъ къ боковымъ кулисамъ. Съ обѣихъ сторонъ толпились около нихъ артисты и артистки. Нѣкоторые стояли на колѣ-

нях, чтобы не заслонять сцены для тѣхъ, кто стоялъ сзади, а женщины приподнимались на цыпочки и, опираясь руками на плечи мужчинъ, подпрыгивали, чтобы лучше видѣть. Около рампы стояла примадонна, окруженная дѣтьми. Она что то пѣла, а они, подражая ея движеніямъ, хоромъ подтягивали ей своими высокими, чистыми голосами. Всѣ они держали себя немножко черезчуръ развязно и, повидимому, ни мало не сомнѣвались въ томъ, что понравятся Ванъ Бибберу. Но между ними было одно исключеніе. Этимъ исключеніемъ была самая маленькая изъ всѣхъ дѣвочекъ, совсѣмъ крошка, съ каштановыми волосами и черными глазками. Она была такъ мала, что каждый изъ зрителей смотрѣлъ прежде всего на нее, а разъ взглянувъ на нее, не хотѣлъ уже глядѣть ни на кого другого. Она не обращала никакого вниманія ни на что окружающее и смотрѣла на одну только хорошенькую примадонну, какъ будто была дома и стояла около рояля за урокомъ пѣнія. Все это, повидимому, казалось ей какой то новой игрой. Когда примадонна поднимала руки, она тоже поднимала свои, когда та дѣлала реверансъ, она тоже присѣдала, немножко спотыкаясь, и приподнималась какъ разъ во время, чтобы отбросить упавшіе на глаза локоны, взглянуть на улыбающуюся ей примадонну и отвѣтить ей веселой улыбкой, которая, какъ будто, говорила:—А, вѣдь, у насъ все идетъ отлично! Неправда ли? У нея были большіе, нѣжные глаза и двѣ прелестныя ямочки на щекахъ, а танцы и пѣніе привели ее въ такое возбужденное состояніе, что глаза ея блестѣли и смѣялись, а ямочки поминутно то углублялись, то пропадали, то снова появлялись. Она была такъ счастлива и смотрѣла такъ невинно, какъ будто было девять часовъ утра и она играла въ школу въ дѣтскомъ саду. Глаза всѣхъ зрителей были устремлены на нее. Женщины перешептывались, выражая свой восторгъ, а мужчины смѣялись и крутили усы, подталкивая другъ друга локтемъ и совѣтуя взглянуть на «эту крошку».

Артистки, смотрѣвшія на сцену изъ за кулисъ, не могли сдержать своего восторга и, осыпая дѣвочку похвалами, называя ее всевозможными, самыми нѣжными ласковыми именами, стали такъ шумѣть, что Крипсъ пересталъ улыбаться и, отвернувшись отъ сцены, взглянулъ на виновныхъ такъ грозно, какъ смотрѣлъ въ то время, когда пугалъ штрафами или звалъ на репетицію.

А когда актъ кончился и примадонна вмѣстѣ съ дѣтьми убѣжала за кулисы, вся зала загремѣла рукоплесканіями, которыя бросились Лестеру въ голову, какъ вино, и заставили дѣтей снова вернуться на сцену.

— Блестящій успѣхъ!—сказалъ Лестеръ, сдерживая свое волненіе:—Я зналъ, что эта дѣвочка очаруетъ ихъ!

Четыре раза заставила публика повторить эту сцену, а потомъ примадонна, Элиза Браутенъ, и дѣти, всѣ веселыя и счастливыя, снова появились за кулисами. Руки маленькой дѣвочки были полны цвѣтовъ. Дирекція театра предусмотрительно приготовила ихъ для примадонны, но и она, и капельмейстеръ были въ такомъ восхищеніи отъ маленькой дѣвочки, что отдали ихъ ей.

— Ну?—сказала миссъ Браутенъ, обращаясь къ Ванъ Бибберу и съ трудомъ переводя дыханіе.—Можетъ быть, вы будете такъ добры и скажете мнѣ, какая изъ артистокъ занимаетъ у насъ первое мѣсто? Примадонна я или нѣтъ? Отъ меня зависѣлъ успѣхъ пьесы или не отъ меня?

— Нѣтъ, не отъ васъ,—отвѣчалъ Ванъ Бибберъ.

Онъ отошелъ отъ миссъ Браутенъ и, розыскавъ прислуживающую въ уборныхъ горничную, попросилъ ее провести его къ маленькой дѣвочкѣ. Совсѣмъ сбившаяся съ ногъ горничная, бывшая, не смотря на это, въ такомъ восторженномъ состояніи, какъ будто сама была матерью всѣхъ игравшихъ на сценѣ дѣтей, отвѣчала ему, что всѣ они въ комнатѣ, гдѣ сложены бутафорскія вещи. Изъ нея сдѣлали уборную для дѣтей, чтобы имъ было свободнѣе.

Въ комнатѣ было шесть полуодѣтыхъ дѣвочекъ; но онѣ были слишкомъ малы, чтобы обращать вниманіе на небрежность своего костюма.

— Вотъ маленькая дѣвочка, сэръ!—возбужденно сказала горничная, гордая тѣмъ, что на ея долю выпало счастье свести вмѣстѣ двухъ такихъ замѣчательныхъ людей.—Ее зовутъ Магдалиной. Поговори съ этимъ джентльментомъ, Мади. Онъ скажетъ тебѣ, какой поразительный успѣхъ имѣла ты сегодня.

Мади сидѣла на подушкѣ трона, такого высокаго, что молодая женщина, снимавшая съ нея шелковые чулки и надѣвавшая вмѣсто нихъ шерстяные, могла дѣлать это, не нагибаясь. Женщина эта недовѣрчиво взглянула на Ванъ Биббера и недружелюбно покачала головою, а онъ поспѣшилъ отвернуться отъ нея и обратилъ все свое вниманіе на дѣвочку. Лицо молодой женщины принадлежало къ тому типу, который былъ слишкомъ знакомъ ему и не могъ интересовать его.

Онъ взялъ маленькую ручку Мади и, торжественно пожавъ ее, сказалъ:

— Очень радъ познакомиться съ тобою. Можно мнѣ сѣсть около тебя?

— Да, мадамъ... да, сэръ,—отвѣчала она.

Ванъ Бибберъ оперся на тронъ, подпрыгнулъ, сѣлъ рядомъ съ дѣвочкой и, вынувъ изъ петлицы цвѣтокъ, подалъ ей.

— Ну, что же нужно теперь сказать джентльмэну?—спросила горничная.

— Благодарю васъ, сэръ,—пробормотала Мади.

— Она не привыкла къ обществу джентльмэновъ, — замѣтила молодая женщина, надѣвавшая дѣвочкѣ чулки.

— Да, я вижу,—отвѣчалъ Ванъ Бибберъ и нерѣшительно остановился, положительно не зная, какъ бы ему поддержать разговоръ съ Мади. А между тѣмъ, ему хотѣлось поговорить съ этой дѣвочкой. Она интересовала его гораздо больше тѣхъ молодыхъ женщинъ, которыя болтали съ нимъ совершенно непринужденно и съ которыми онъ самъ не чувствовалъ ни малѣйшаго стѣсненія. На ящикѣ, стоявшемъ около трона, лежала кукла. Онъ взялъ и внимательно осмотрѣлъ ее.

— Это твоя кукла?—спросилъ онъ Мади.

— Нѣтъ,—отвѣчала она, показывая на одну изъ дѣвочекъ, которая была гораздо старше ея.—Эта кукла вонъ той маленькой дѣвоцки. Моя куколка... она умелла.

— Ахъ, какая жалость!—воскликнулъ Ванъ Бибберъ, немедленно же рѣшившись добыть утромъ новую.—Впрочемъ, бѣда не особенно велика. Вѣдь мертвыя куклы оживаютъ.

Мади пристально взглянула на него, а потомъ улыбнулась, и на щечкахъ ея появились ямочки. Она, повидимому, поняла его мысль и вполнѣ одобряла ее. Тогда Ванъ Бибберъ взялъ ея ручку въ свою и спросилъ, нравится ли ей быть великой артисткой и скоро ли начнетъ она волноваться изъ за того, что противный фотографъ до сихъ поръ еще не прислалъ пробныхъ карточекъ. Женщина, обувавшая Мади, удостоила улыбнуться, а сама Мади очень вѣжливо зѣвнула и закрыла глаза. Ванъ Бибберъ подвинулся къ ней поближе, чтобы она могла прислониться къ нему, и въ то время, какъ молодая женщина застегивала ея уморительно крошечные башмаки, дѣвочка прижалась къ нему и задремала, положивъ свою кудрявую головку на его плечо. Многіе относились къ Ванъ Бибберу съ такимъ же довѣріемъ, хоть и въ нѣсколько иной формѣ, но, не смотря на это, онъ вздрогнулъ отъ радости, когда почувствовалъ прикосновеніе дѣтской головки и теплой ручки, лежавшей въ его рукѣ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, его охватила глубокая жалость, которую онъ, впрочемъ, постарался заглушить, увѣряя себя, что, по всей вѣроятности, этой дѣвочкѣ живется хорошо и она вполнѣ счастлива.

— Посмотрите-ка на нее!—сказала горничная, замѣтивъ, что Мади закрыла глаза.—Всѣ другія дѣти такъ возбуждены, что не могутъ ни одной минуточки постоять спокойно, а она спитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, да еще послѣ такого блестящаго успѣха!

— Она совсѣмъ не привыкла къ этому,—отвѣчала молодая женщина.—Она не понимаетъ, въ чемъ тутъ дѣло, и считаетъ это игрой.

Сказавъ это, она вопросительно взглянула на Ванъ Биббера, котораго сочла за переодѣтаго агента общества попеченія о дѣтяхъ. Онъ только кивнулъ ей въ отвѣтъ, такъ какъ чувствовалъ себя совершенно неспособнымъ поддерживать разговоръ. Онъ задумался о судьбѣ прижавшейся къ нему дѣвочки, заглянулъ далеко въ ея будущее и представилъ себѣ, какъ омрачится красота ея свѣтлаго личика, въ которомъ было что то изящное и благородное, послѣ того, какъ она узнаетъ зло и будетъ бороться противъ искушеній. А въ то время, какъ онъ думалъ объ этомъ, черезъ отворенную дверь доносился до него голосъ поющаго на сценѣ Лестера, а потомъ раздались громкіе, хоть и заглушенные аплодисменты публики.

— Отецъ и мать ея тоже артисты?—тихо спросилъ Ванъ Бибберъ. Онъ боялся главнымъ образомъ не того, что потревожитъ дѣвочку, а того, что она услышитъ его слова.

— Да,—коротко отвѣчала женщина и, нагнувъ голову, стала расправлять на колѣняхъ театральный костюмъ Мади.

Ванъ Бибберъ дотронулся до головы дѣвочки и, замѣтивъ, что она спитъ, осторожно положилъ руку на ея локоны.

— И вы... вы ея мать?—спросилъ онъ, наклоняясь къ ней.

Онъ былъ почти увѣренъ, что не она мать этого ребенка — по крайней мѣрѣ, онъ надѣялся на это.

— Нѣтъ,—отвѣчала она, покачавъ головой.

— Кто же ея мать?

Женщина посмотрѣла на спящую дѣвочку, а потомъ подозрительно взглянула него.

— Ида Клэръ была ея матерью,—сказала она.

Какъ будто что то обожгло Ванъ Биббера при этихъ словахъ. Онъ отнялъ руку, которой обнималъ дѣвочку, и такъ быстро откинулся назадъ, что головка ея соскользнула съ его плеча. Мади проснулась и вопросительно взглянула на него. Онъ отвѣчалъ ей тревожнымъ, полнымъ глубокой жалости взглядомъ и, нѣжно прижавъ ее къ себѣ, снова положилъ ея головку на свое плечо. Дѣвочка сонно улыбнулась и тотчасъ же заснула.

— У кого же живетъ она теперь?—спросилъ Ванъ Бибберъ.

Этотъ вопросъ успокоилъ молодую женщину. Незнакомый джентльмэнъ не станетъ распрашивать ее, такъ какъ, очевидно, хорошо знаетъ исторію Мади.

— Она живетъ у меня,—отвѣчала она уже не такъ сдержанно, какъ прежде. — Я была актрисой въ одно время съ Идой и мы часто играли вмѣстѣ. Потомъ я оставила сцену и завела пансіонъ для артистовъ. Тутъ какъ разъ состоялся ея разводъ, и она пришла ко мнѣ. Она жила съ нами около года и, умирая, поручила мнѣ свою дѣвочку. Мы готовимъ ее для

сцены—я и сестра моя, Ада Дайеръ. Вы, навѣрное, слыхали объ ней? Судъ платитъ намъ за ея содержаніе, но очень мало. Я, впрочемъ, надѣюсь вознаградить себя за всѣ траты тѣми деньгами, которыя она будетъ получать за участіе въ представленіяхъ. Двѣ изъ этихъ дѣвочекъ тоже мои воспитанницы, но имъ далеко до Мади. Она танцуетъ и поетъ несравненно лучше ихъ и уже два года тому назадъ могла бы поступить на сцену. Я ждала до сихъ поръ только потому, что боялась вмѣшательства со стороны общества попеченія о дѣтяхъ. Оно могло отобрать ее у меня. Да, изъ этой дѣвочки выйдетъ великая артистка—она будетъ имѣть такой же успѣхъ, какъ и ея мать!

Ванъ Бибберъ былъ глубоко взволнованъ, но постарался скрыть свое волненіе.

— А ея отецъ?—нерѣшительно спросилъ онъ.—Развѣ...

— Ея отецъ? — воскликнула молодая женщина.—О, онъ думаетъ только о себѣ! Ужъ, конечно, мы не станемъ обращаться за помощью къ нему. Дѣвочка добьется успѣха и безъ него. И этого человѣка еще называютъ джентльмэномъ! Нечего сказать, хорошъ джентльмэнъ!—Тутъ она вдругъ остановилась и прибавила уже другимъ тономъ:—Можетъ быть, вы знакомы съ нимъ. Можетъ быть, онъ даже вашъ другъ?

— Да, я знаю его,—тихо сказалъ Ванъ Бибберъ.

Онъ продолжалъ сидѣть, обнявъ Мади, а молодая женщина подошла къ другимъ дѣтямъ и стала одѣвать ихъ для послѣдняго акта. Она сказала Ванъ Бибберу, что Мади не участвуетъ въ немъ—на сцену выйдутъ только двѣ дѣвочки побольше.

Нѣсколько времени сидѣлъ Ванъ Бибберъ, глубоко задумавшись. Потомъ онъ быстро поднялъ глаза, такъ же быстро опустилъ ихъ и наконецъ обратился къ молодой женщинѣ:

— Такъ какъ Мади не придется больше выходить на сцену, то не позволите ли вы мнѣ отвезти ее домой?—спросилъ онъ, стараясь говорить какъ можно равнодушнѣе и спокойнѣе.— Меня ждетъ здѣсь кэбъ. Я завезу ее къ вамъ, и ваша сестра или кто нибудь другой уложитъ ее въ постель. Посмотрите, какъ ей хочется спать!

— Да, Ада теперь дома, — нерѣшительно отвѣчала женщина.—Пожалуй, если хотите, можете отвезти ее домой.

И она дала ему свой адресъ. Онъ всталъ, взялъ на руки дѣвочку и вышелъ изъ комнаты. Примадонна была на сценѣ, а остальныя актрисы стояли за кулисами, дожидаясь той минуты, когда имъ нужно будетъ выходить. Но, какъ только показался Ванъ Бибберъ съ Мади, всѣ онѣ бросились къ ней и съ восторженными восклицаніями стали цѣловать ее.

— Оставьте ее,—сказалъ Ванъ Бибберъ, самъ не зная,

почему такъ непріятно дѣйствовали на него эти поцѣлуи,— не трогайте ее.

— Это почему?—спросила одна изъ молодыхъ дѣвушекъ, съ удивленіемъ взглянувъ на него.

— Она спала. Вы разбудили ее,—тихо отвѣчалъ онъ.

Но онъ чувствовалъ, что не это возмутило его. Выйдя на театральный подъѣздъ, онъ сѣлъ въ кэбъ, осторожно положилъ Мади въ уголокъ и, убѣдившись, что по близости нѣтъ никого, сказалъ извозчику:—Въ Берклей, пятое Авеню.—Кэбъ тронулся, и Ванъ Биббёръ, нѣжно приподнявъ дѣвочку, положилъ ее на колѣни и задумался, смотря на ярко освѣщенные магазины Брадуэя. Удастся-ли то, что онъ задумалъ? Онъ былъ далеко не увѣренъ въ этомъ и успокаивалъ себя только тѣмъ, что поддался одному изъ тѣхъ внезапныхъ, инстинктивныхъ побужденій, которыя почти никогда не обманывали его.

Черезъ нѣсколько времени кэбъ остановился. Швейцаръ сказалъ, что м-ръ Карюсерсъ дома, и Ванъ Бибберъ облегченно вздохнулъ. Отворившій ему дверь англичанинъ-лакей едва могъ скрыть свое изумленіе, увидавъ его, и молча смотрѣлъ, какъ онъ укладывалъ Мади на диванъ и прикрывалъ ее снятымъ съ вѣшалки пледомъ.

— Скажите м-ру Карюсерсу, что я желалъ бы поговорить съ нимъ,—сказалъ Ванъ Бибберъ,—но не упоминайте о томъ, что я привезъ сюда эту дѣвочку.

Мади все еще спала, и Ванъ Бибберъ, завернувъ газовый рожокъ, чтобы уменьшить свѣтъ, остановился, смотря на нее, въ то время, какъ лакей уходилъ доложить объ немъ.

— Пожалуйте, сэръ. Я провожу васъ,—сказалъ тотъ, вернувшись.

— Нѣтъ, вамъ лучше остаться здѣсь,—отвѣчалъ Ванъ Бибберъ.—Если она проснется, скажите мнѣ.

М-ръ Карюсерсъ стоялъ, опершись на каминъ, и въ ту минуту, какъ вошелъ его поздній гость, завязывалъ поясъ своего длиннаго, широкаго халата. Онъ, должно быть, уже собирался ложиться спать. Это былъ высокій, красивый мужчина. Темно-каштановые волосы его серебрились на вискахъ, усы уже совсѣмъ посѣдѣли, а на лицѣ замѣтны были слѣды слишкомъ бурно проведенной жизни или тяжелаго горя, а, можетъ быть, и того и другого вмѣстѣ. Даже теперь, не смотря на свободный домашній костюмъ, у него былъ видъ и самоувѣренное обращеніе джентльмэна или, по крайней мѣрѣ, свѣтскаго человѣка.

Въ роскошно убранной комнатѣ было много хорошихъ картинъ, прекраснаго фарфора и гравюръ. Окна были открыты, и при слабомъ свѣтѣ наполовину завернутыхъ газовыхъ рожковъ Ванъ Бибберъ могъ видѣть ряды уличныхъ фонарей,

темныя крыши домовъ Брадуэя и Авеню, лампочки Мадисонскаго сада и даже огни лодокъ на рѣкѣ. Грохотъ тяжелыхъ омнибусовъ и стукъ колесъ быстро несущихся кэбовъ доносился снизу.

Если м-ра Карюсерса и удивилъ такой поздній визитъ Ванъ Биббера, онъ ничѣмъ не выдалъ своего удивленія и пошелъ къ нему навстрѣчу, какъ будто поджидалъ его.

— Надѣюсь, вы извините мой костюмъ?—сказалъ онъ.— Такъ какъ сегодня было очень жарко, я раздѣлся раньше обыкновеннаго. Не хотите ли выпить чего нибудь?—прибавилъ онъ, показывая на столъ, на которомъ стоялъ графинъ, нѣсколько бутылокъ съ содовой водой и ваза со льдомъ. И, вынимая пробку изъ бутылки, онъ посмотрѣлъ на своего гостя, какъ бы ожидая, что тотъ объяснитъ ему причину своего посѣщенія.

— Нѣтъ, благодарю васъ,—отвѣтилъ Ванъ Бибберъ.—Да, сегодня очень жарко, — прибавилъ онъ, вытирая лобъ платкомъ.

М-ръ Карюсерсъ положилъ въ стаканъ кусокъ льду, налилъ въ него водки и содовой воды, подошелъ къ камину и, облокотившись на него, сталъ размѣшивать ледъ, пристально смотря на посѣтителя.

— Я былъ сегодня на первомъ представленіи «Султанши»,— тихо и нерѣшительно началъ Ванъ Бибберъ.

— А, это новая пьеса Лестера,—вѣжливо замѣтилъ м-ръ Карюсерсъ.—Ну, что же, имѣла она успѣхъ?

— Не знаю... да, кажется такъ, — отвѣчалъ Ванъ Бибберъ.—Я смотрѣлъ на нее не изъ зрительной залы. Въ ней участвовало нѣсколько дѣтей—совсѣмъ маленькихъ. Они пѣли, танцовали и имѣли большой успѣхъ. Одна изъ этихъ дѣвочекъ никогда еще не выходила на сцену. Это былъ ея первый дебютъ.

Онъ налилъ въ стаканъ содовой воды, выпилъ ее однимъ глоткомъ и сталъ вертѣть пустой стаканъ.

— Жалко смотрѣть на ребенка, котораго готовятъ къ такой жизни,—продолжалъ онъ, вопросительно взглянувъ на Карюсерса, который отвѣчалъ ему равнодушнымъ взглядомъ, видимо, нисколько не интересуясь этимъ предметомъ разговора.—Да, больно смотрѣть на это,—повторилъ Ванъ Бибберъ.— Другое дѣло, когда на сцену поступаетъ женщина или хорошо воспитанная молодая дѣвушка. Онѣ идутъ на это съ открытыми глазами и понимаютъ, что дѣлаютъ. Съ ребенкомъ не то. У маленькой дѣвочки нѣтъ выбора, согласія ея не спрашиваютъ, да она и не понимаетъ, въ чемъ тутъ дѣло. И мало по малу она привыкаетъ къ этой жизни и начинаетъ любить ее прежде, чѣмъ подростетъ настолько, чтобы понять, въ чемъ

заключается опасность. А тогда ужъ слишкомъ поздно. Мнѣ кажется, что и объ ней—объ этой маленькой дѣвочкѣ, имѣвшей такой блестящій успѣхъ—слѣдовало бы разсказать кому-нибудь, имѣющему право вмѣшаться и спасти ее, пока еще есть время. Я бы самъ охотно предупредилъ такого человѣка. Мнѣ было бы тяжело знать, что у меня былъ случай помочь ей и я не воспользовался этимъ случаемъ. Вы знаете, какую жизнь ведутъ эти женщины, какимъ искушеніямъ... — Ванъ Бибберъ остановился, какъ бы спохватившись, и поспѣшно добавилъ:—Каждый изъ насъ, мужчинъ, знаетъ, какова эта жизнь.

М-ръ Карюсерсъ слушалъ его, нахмуривъ брови и стиснувъ зубы. А когда тотъ кончилъ, пристально взглянулъ на него.

— Что все это значитъ? — спросилъ онъ. — Неужели вы пріѣхали ко мнѣ только для того, чтобы разсказать все это? Какое дѣло до этого вамъ или мнѣ. Зачѣмъ вы желали видѣться со мной?

— Изъ за ребенка.

— Какого ребенка?

— Вашего ребенка,—отвѣчалъ Ванъ Вибберъ.

Онъ ждалъ какой нибудь страшной вспышки и приготовился къ ней. М-ръ Карюсерсъ, конечно, разсердится и выйдетъ изъ себя. Онъ далъ ему для этого вполнѣ достаточный поводъ. Самъ же онъ обязанъ сдержаться и быть какъ можно терпѣливѣе и хладнокровнѣе, если желаетъ добиться чего-нибудь. Но ожиданія его не оправдались. Лицо м-ра Карюсерса не исказилось отъ гнѣва—оно было совершенно безстрастно. Не спуская глазъ съ своего стакана, онъ осторожно поставилъ его на каминъ и потомъ взглянулъ на Ванъ Биббера.

— Вы очень смѣлый молодой человѣкъ,—сказалъ онъ холодно, но очень вѣжливо.—Вы рѣшились заговорить о томъ, о чемъ не позволяютъ себѣ говорить со мною самые близкіе друзья—даже родные. Должно быть, они боятся, что это будетъ непріятно мнѣ. Они—какъ это ни странно—принимаютъ во вниманіе мои чувства и не рѣшаются затрогивать то, что нисколько не касается ихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ они полагаютъ, слишкомъ тяжело для меня. Вы смотрите на это иначе и смѣло высказываете свои взгляды. Васъ нисколько не смущаетъ то, что вы растравляете старыя раны. И вы явились сюда, нежданный и непрошенный, чтобы сказать мнѣ, какъ вы смотрите на мое поведеніе—чтобы дать мнѣ понять, что оно не согласно съ вашими взглядами, чтобы научить меня, какъ вести себя. А, между тѣмъ, я настолько старше васъ, что по годамъ могъ бы быть вашимъ отцомъ. Вы, вѣроятно, думаете, что мнѣ остается только поблагодарить васъ? Я, съ

своей стороны, смотрю на это иначе. Давно уже пришелъ я къ убѣжденію, что весь вредъ, все зло происходятъ главнымъ образомъ не отъ дурныхъ, испорченныхъ людей. Мы знаемъ, какъ держать себя съ ними, и съумѣемъ принять предосторожности и дать имъ отпоръ. Нѣтъ, глупцы съ своими добрыми намѣреніями несравненно вреднѣе. Ихъ не узнаешь, пока они не выскажутся, и такимъ образомъ зло бываетъ сдѣлано прежде, чѣмъ успѣешь предупредить его. Долженъ прибавить, что вы самымъ блистательнымъ образомъ доказали сегодня вѣрность моей теоріи и надѣлали въ одинъ вечеръ столько ненужнаго зла, что можете быть вполнѣ довольны. А теперь, — сурово сказалъ онъ, отходя отъ камина,—надѣюсь, вы извините меня, если я пожелаю вамъ спокойной ночи и попрошу васъ избавить меня отъ вашихъ посѣщеній до тѣхъ поръ, пока вы не станете старше, умнѣе и осмотрительнѣе.

При первыхъ словахъ м-ра Карюсерса, Ванъ Бибберъ вспыхнулъ, а потомъ сталъ блѣденъ и видимо сдерживался. Когда тотъ кончилъ, онъ не тронулся съ мѣста и, пересиливая свое волненіе, обратился къ нему.

— Не трудно назвать человѣка дуракомъ, — тихо сказалъ онъ.—Гораздо труднѣе выслушать это и не выбросить оскорбившаго человѣка за окно. Но я не вижу въ этомъ никакой пользы и, кромѣ того, мнѣ еще нужно сказать вамъ нѣсколько словъ. Я вполнѣ ясно понимаю положеніе, въ которое поставилъ себя, и не позволю себѣ забыться изъ за того, что вы сказали или еще скажете, пока не кончу. На это найдется время потомъ. Я знаю, что, придя сюда, поступилъ не такъ, какъ принято,—пожалуй, слишкомъ смѣло или глупо, если вамъ угодно, но дѣло слишкомъ серьезно, чтобы обращать на это вниманіе. Я поступилъ такъ, какъ желалъ бы, чтобы поступили со мной, если бы у меня былъ ребенокъ, гибнущій ребенокъ, и я бы не зналъ этого. Я былъ бы благодаренъ даже совершенно незнакомому человѣку, который захотѣлъ бы предупредить меня. Хорошо еще, — прибавилъ онъ, подвигая къ себѣ шляпу,—что на свѣтѣ много добрыхъ людей и безъ отцовъ. Иногда находится какая нибудь тетка, иногда дядя, а иногда, даже и въ наше время, какой нибудь благодѣтельный самаритянинъ.

Ванъ Бибберъ взялъ со стола свой цилиндръ и надѣлъ его на голову.

— Спокойной ночи!—сказалъ онъ и пошелъ къ дверямъ. Онъ уже дотронулся до ручки двери, когда м-ръ Карюсерсъ поднялъ голову и остановилъ его.

— Не можете ли вы подождать одну минуту, м-ръ Ванъ Бибберъ?—спросилъ онъ.

Ванъ Бибберъ тотчасъ же выпустилъ ручку двери. Каза-

лось, онъ надѣлъ шляпу только для того, чтобы ускорить развязку.

— Прежде, чѣмъ вы уйдете,—мрачно сказалъ м-ръ Карюсерсъ,—я долженъ... я хочу, чтобы вы поняли мое положеніе.

— О, все прекрасно,—беззаботно отвѣчалъ Ванъ Бибберъ, отворяя дверь.

— Нѣтъ, не все прекрасно. Побудьте здѣсь еще минуту. Я не хочу, чтобы вы ушли отсюда съ мыслью, что хотѣли оказать мнѣ услугу, а я не съумѣлъ оцѣнить ее. Я не желаю, чтобы вы считали себя оскорбленнымъ и непонятымъ. Такъ какъ вы уже сдѣлали мнѣ честь вмѣшаться въ мои личныя дѣла, вы, по крайней мѣрѣ, должны познакомиться съ ними поосновательнѣе. Мнѣ будетъ не особенно пріятно, если вы начнете толковать о моемъ поведеніи въ клубахъ или за чайнымъ столомъ съ молодыми женщинами, пока...

Ванъ Бибберъ съ трудомъ перевелъ дыханіе и сжалъ руки.

— Будь я на вашемъ мѣстѣ, я не сказалъ бы этого,—тихо проговорилъ онъ.

— Извините меня,—быстро сказалъ м-ръ Карюсерсъ.—Мнѣ не слѣдовало говорить этого. Я виноватъ и прошу васъ извинить меня. Вы заставили меня вынести слишкомъ многое, заведя такой разговоръ. Вамъ слѣдовало подумать о томъ, что онъ слишкомъ тяжелъ для меня. Но я вѣрю, что у васъ было хорошее намѣреніе. Я знаю, что вы джентльмэнъ, и готовъ признать, что вы дѣйствовали только необдуманно, подъ первымъ впечатлѣніемъ, и завтра же убѣдитесь сами въ своей ошибкѣ. Я никогда не говорилъ объ этомъ даже съ самыми близкими изъ своихъ друзей, а они слишкомъ деликатны, чтобы начать такой разговоръ. Вы считаете меня теперь какимъ то звѣремъ, и я не желаю быть до такой степени непонятнымъ. Въ каждомъ вопросѣ есть двѣ стороны, и вы увидите, что найдется нѣкоторое оправданіе даже и для меня.

Онъ снова подошелъ къ камину и, облокотившись на него, взглянулъ на Ванъ Биббера.

— Всѣ мои родные, всѣ мои друзья были противъ моей женитьбы,—продолжалъ онъ.—Вы, конечно, знаете это?.. Господи, да кто же не знаетъ со всѣми подробностями нашей жизни!—горько добавилъ онъ.—Объ этомъ безъ конца писали газеты, пользуясь тѣмъ богатымъ матеріаломъ, который мы, не скупясь, доставляли имъ, а публика, конечно, была въ восторгѣ и жадно читала ихъ... Я вырвалъ ее изъ той жизни, которую она вела, и женился на ней потому, что считалъ ее хорошей женщиной, нисколько не хуже тѣхъ, которымъ никогда не приходилось бороться за существованіе и жить своимъ трудомъ. Я надѣялся, что люди нашего общества, мои и ваши

друзья, примутъ ее и будутъ уважать, какъ мою жену. И чтобы дать этимъ любезнымъ, изящнымъ людямъ достаточно времени освоиться съ мыслью, что имъ придется относиться вѣжливо къ женщинѣ, бывшей до замужества актрисой комической оперы, я уѣхалъ съ нею за границу. Это началось въ Парижѣ. Что мнѣ пришлось вынести тогда, не знаетъ никто. А когда мы вернулись,—я не вернулся бы никогда, если бы она не принудила меня къ этому,—мнѣ приходилось быть благодарнымъ не ей, а моимъ друзьямъ. Это было у нея въ крови. Это было въ той жизни, которую она вела и къ которой мужчины, подобные мнѣ и вамъ, пріучили ее. А потомъ наступила развязка.

По лицу м-ра Карюсерса пробѣжала судорога, и онъ съ трудомъ сдерживалъ свое волненіе. Но Ванъ Бибберъ не видалъ этого: онъ стоялъ у окна и пристально смотрѣлъ на темныя крыши.

— Рѣдкой женщинѣ выпадалъ такой удобный случай начать новую жизнь, какъ ей послѣ ея замужества. Мнѣ, конечно, и въ голову не приходило сдѣлать изъ нея хозяйку или экономку. Она могла пользоваться всѣми удовольствіями, у нея было вдоволь денегъ, былъ домъ, въ которомъ она могла прекрасно устроиться и отдохнуть послѣ путешествій. И я былъ... и мужъ, который любилъ ее, какъ... однимъ словомъ, у нея было все, что только могутъ доставить горячая любовь, постоянная заботливость и деньги. Вы знаете, чѣмъ это кончилось.

Онъ взглянулъ на Ванъ Биббера, но тотъ стоялъ по прежнему, смотря въ окно.

— А послѣ развода,—она могла теперь жить, гдѣ угодно, съ кѣмъ и какъ угодно, не покрывая позоромъ имя горячо любившаго ее мужа,—я поклялся, что не увижу никогда ни ее, ни ея ребенка. И я не видалъ ее ни разу, даже когда она умерла. Я любилъ эту женщину, а она опозорила меня и разбила мое сердце... Я начиналъ уже привязываться къ ея ребенку и не хотѣлъ, чтобы и онъ обманулъ меня такъ же, какъ и его мать. Не только такой юноша, какъ вы,—рѣдкій мужчина пойметъ, сколько пришлось мнѣ вынести и перестрадать. Это можетъ понять только тотъ, кто прошелъ черезъ такія же муки и принужденъ былъ послѣ этого жить. Неужели же вы думаете, что я соглашусь еще разъ пережить все это? Нѣтъ, я не хочу заботиться объ этой дѣвочкѣ, не хочу любить ее, не хочу слѣдить, какъ будутъ развиваться въ ней животная натура и тщеславіе ея матери, и ждать, когда она докажетъ мнѣ, какъ сильна наслѣдственность и какой я дуракъ—жалкій, любящій дуракъ! Я не въ состояніи буду довѣрить ей. Съ тѣхъ поръ я не могъ положиться ни на одну

женщину, ни на одного ребенка, тѣмъ болѣе не довѣрюсь я ея ребенку. Эта дѣвочка умерла для меня, умерла также, какъ если бы была похоронена вмѣстѣ съ своею матерью. Мнѣ нѣтъ никакого дѣла ни до нея, ни до той жизни, которую она ведетъ. Я знаю, чѣмъ это кончится. Она только начала немного раньше, чѣмъ я думалъ, вотъ и все.

Онъ остановился и, отвернувшись отъ Ванъ Биббера, облокотился на каминъ и закрылъ лицо руками.—Я способенъ привязываться слишкомъ сильно, — сказалъ онъ, — и потому долженъ держаться въ сторонѣ. Я принимаю все черезчуръ близко къ сердцу. Есть люди, которые переживаютъ всевозможныя испытанія и забываютъ, и могутъ смѣяться. Я не могу.—Онъ подошелъ къ креслу и бросился на него.—Да, я любилъ мать этого ребенка до ея смерти,—воскликнулъ онъ.—Я любилъ ее послѣ того, какъ она умерла, и—Боже, помоги мнѣ!—я люблю ее и до сихъ поръ!

Онъ опустилъ голову и снова закрылъ лицо руками. Ванъ Бибберъ все еще стоялъ, смотря на огни, прорѣзывающіе ночную темноту. Его, повидимому, нисколько не тронулъ горячій взрывъ чувства, прорвавшійся, не смотря на сдержанность этого уже немолодого человѣка. На минуту наступило глубокое молчаніе. На этотъ разъ его прервалъ Ванъ Бибберъ.

— Внезапное побужденіе заставило меня придти къ вамъ, какъ вы совершенно вѣрно замѣтили,—началъ онъ.—Но я очень радъ, что видѣлся съ вами. По крайней мѣрѣ, я получилъ отъ васъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ и знаю теперь, какъ вы относитесь къ этой дѣвочкѣ. Въ то время, какъ вы говорили, — тихо продолжалъ онъ, — я думалъ... нѣтъ, еще раньше, когда я смотрѣлъ, какъ она танцовала около рампы, и не зналъ, кто она, я рѣшилъ отказаться отъ одной или двухъ изъ своихъ лошадей и позаботиться объ этой дѣвочкѣ. Забота о ребенкѣ важнѣе заботы о лошади. Кромѣ того,—прибавилъ онъ, краснѣя и смущенно улыбаясь,—говорятъ, что тому, кто спасетъ человѣческую душу, прощается много грѣховъ. Можетъ быть, и мнѣ хочется избавиться отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ. Я уже все обдумалъ и рѣшилъ увезти ее подальше отсюда и помѣстить въ семью моихъ фермеровъ — очень хорошую семью, гдѣ всѣ будутъ добры къ ней. Они не будутъ знать ничего объ ея прежней жизни, а сама она еще такъ мала, что скоро забудетъ все, выростетъ вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми и сдѣлается такою же, какъ они. А когда она станетъ постарше, я отдамъ ее въ школу... впрочемъ, теперь еще слишкомъ рано загадывать объ этомъ. Да, я сдѣлаю это,—продолжалъ онъ, какъ бы говоря самъ съ собою.—Отъ этой бывшей актрисы, хозяйки пансіона, легко будетъ откупиться деньгами, а Лестеръ не станетъ удерживать дѣвочку, если я попрошу

его. Да, такъ оно и будетъ. Можетъ быть, вы правы, что тутъ есть нѣкоторый рискъ, но я всетаки рискну.

Онъ вышелъ изъ комнаты и тотчасъ же вернулся, держа на рукахъ спящую Мади.

— Вотъ она!—сказалъ онъ, нѣжно смотря на нее. Онъ не глядѣлъ на отца, не замѣчалъ его и смотрѣлъ только на дѣвочку, лежащую у него на рукахъ.—Вотъ она,—повторилъ онъ.—Вотъ вашъ ребенокъ.—Онъ проговорилъ это такъ спокойно, такимъ довольнымъ тономъ, какъ будто Мади уже принадлежала ему. Онъ какъ бы совершенно устранялъ отца и предоставлялъ ему быть простымъ, безучастнымъ зрителемъ.

— Ее нужно будетъ немножко откормить, — весело продолжалъ Ванъ Бибберъ.—Какъ видно, ее не особенно хорошо содержали. Посмотрите, какъ она худа и истомлена!—Онъ осторожно приподнялъ голую ручку дѣвочки и обхватилъ ее большимъ и указательнымъ пальцемъ.—Да, она очень худа, сказалъ онъ.—Если бы лицо ея не было нарумянено, вы увидали бы, какъ ввалились у нея глаза. Вотъ сюда, въ это розовое пятнышко на ея щекѣ, поцѣловала ее сегодня Мэри Ванъ, а это слѣды отъ поцѣлуевъ Альмы Смантлей и этой хористки, Ли. Вы, можетъ быть, слыхали объ нихъ? Никогда уже больше не будутъ онѣ цѣловать ее. Изъ нея выйдетъ милая, отличная, прелестная дѣвушка—вѣдь такъ?—прибавилъ онъ, смотря на Мади, и приподнялъ ее повыше на свое плечо, такъ что ея личико дотронулось до его щеки.—Нѣтъ, въ ней нѣтъ ни малѣйшаго сходства съ ея матерью. У нея такіе же каштановые волосы, какъ у отца, такой же прямой носъ и тонко очерченные губы и подбородокъ. Да, она очень похожа на отца. Какъ жаль, что она выростетъ, совсѣмъ не зная его, что у нея не останется даже воспоминаній объ немъ, когда онъ умретъ. Она никогда не увидитъ его, никогда не будетъ говорить съ нимъ. Они, можетъ быть, случайно встрѣтятся когда нибудь на улицѣ и, не узнавъ другъ друга, разойдутся, какъ чужіе. Всю свою нѣжность, всю свою любовь отдастъ она тѣмъ простымъ, добрымъ людямъ, которые заботились объ ней въ то время, какъ она была маленькой дѣвочкой.

Мади пошевелилась, вздрогнула и проснулась. М-ръ Карюсерсъ и Ванъ Бибберъ слѣдили за ней молча, затаивъ дыханіе. Она приподняла голову, обвела глазами незнакомую комнату, остановила ихъ на минуту на лицѣ отца и тотчасъ же отвернулась. Потомъ, взглянувъ на Ванъ Биббера, она узнала его и, облегченно вздохнувъ и крѣпко обнявъ его шею рукою, довѣрчиво положила головку къ нему на плечо.

Крикъ ревности и боли вырвался изъ груди отца, и онъ вскочилъ съ мѣста.

— Отдайте ее мнѣ!—задыхаясь, проговорилъ онъ, выхватывая Мади изъ рукъ Ванъ Биббера.—Она моя!

Ванъ Бибберъ торопливо вышелъ изъ комнаты, осторожно притворивъ за собою дверь, и побѣжалъ по лѣстницѣ, перепрыгивая черезъ три ступеньки.

А черезъ часъ, когда англичанинъ-лакей вошелъ въ комнату, онъ увидалъ, что м-ръ Карюсерсъ еще не ложился. Онъ сидѣлъ въ темнотѣ около окна и смотрѣлъ на спящій городъ, держа на рукахъ ребенка.

— Постелите мнѣ здѣсь, на диванѣ, Джемсъ, — сказалъ онъ.—Моя дочь, миссъ Карюсерсъ, будетъ спать сегодня въ моей комнатѣ.

II.

Около тюрьмы.

Было около десяти часовъ вечера наканунѣ Рождества. Это страшно хлопотливый вечеръ для всѣхъ, а въ особенности для редакцій газетъ. Такъ и въ этотъ сочельникъ каждому изъ двадцати репортеровъ филадельфійской газеты было дано какое нибудь спѣшное порученіе, и всѣ они разошлись, кромѣ Конвея и Бронсона, которые сидѣли въ редакціи. До сихъ поръ они были лучшими друзьями въ мірѣ; но, такъ какъ редакторъ предложилъ написать рождественскую статью не Бронсону, а Конвею, то Бронсонъ почувствовалъ зависть, и отношенія ихъ стали нѣсколько натянуты. Я употребилъ здѣсь слово «статья» въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляется оно въ редакціяхъ. Тамъ называютъ статьею все, написанное для газеты, будь то некрологъ, отчетъ о публичной лекціи, отзывъ о театральной пьесѣ или описаніе уличной толпы и ярко освѣщенныхъ магазиновъ въ ночь подъ Рождество.

Конвей кончилъ свою статью уже полчаса тому назадъ, и ему давно слѣдовало бы послать ее редактору для того, чтобы тотъ обкарналъ и искалѣчилъ ее своимъ синимъ карандашомъ. Но, такъ какъ патронъ уже два раза заглядывалъ къ нимъ въ комнату, какъ бы посматривая, нельзя ли послать кого нибудь изъ нихъ съ какимъ то новымъ порученіемъ, то оба они—и Конвей, и Бронсонъ—прикидывались страшно занятыми и съ нетерпѣніемъ поджидали, не вернется ли кто изъ сотрудниковъ, чтобы выручить ихъ. Конвей уже въ двѣнадцатый разъ писалъ заключительный параграфъ своей статьи, а Бронсонъ добросовѣстно передѣлывалъ и тщательно отполировывалъ свою коротенькую замѣтку о никому неизвѣстномъ джентльмэнѣ, которому суждено было остаться въ такой же неизвѣстности и послѣ того, какъ будетъ напечатана эта замѣтка.

Редакторъ заглянулъ въ комнату въ третій разъ и вошелъ, скептически поглядывая на Бронсона и какъ бы оцѣнивая его.

— Вы пишете что нибудь очень нужное?—спросилъ онъ.

— Не особенно,—нерѣшительно отвѣчалъ Бронсонъ, чувствуя, что его мнѣнію не придадутъ большого значенія.

Конвей забѣгалъ карандашомъ по бумагѣ и, показавъ кончикъ языка, погрузился въ работу.

— Такъ если вы не очень заняты,—продолжалъ редакторъ,—я бы попросилъ васъ отправиться въ Мойамензинскую тюрьму. Сегодня ночью освобождаютъ Куина—знаете того, который ограбилъ банкъ. Онъ былъ приговоренъ къ шестилѣтнему заключенію, но, въ виду его слабаго здоровья и примѣрнаго поведенія, этотъ срокъ былъ сокращенъ. Вы найдете всѣ факты въ нынѣшнемъ утреннемъ номерѣ газеты. Если воспользоваться матеріаломъ, какъ слѣдуетъ, можетъ выйти очень интересная статья, какъ разъ подходящая для рождественскаго сочельника. Мнѣ кажется, вы съумѣете справиться съ этимъ.

Нѣкоторыя статьи появляются въ филадельфійской газетѣ съ такою же регулярностью, какъ и времена года. Въ первое теплое воскресенье весной тамъ непремѣнно есть статья, озаглавленная: «Первое воскресенье въ паркѣ». Она обыкновенно состоитъ изъ разговора съ стоящимъ въ паркѣ полисменомъ, который высчитываетъ, сколько народу перебывало здѣсь въ этотъ день, причемъ кстати упоминается о перекраскѣ сарая для лодокъ и о предстоящихъ концертахъ на открытомъ воздухѣ. Вы можете заключить статью легкимъ намекомъ на бывшихъ въ паркѣ блѣдныхъ, истощенныхъ дѣтей и—если это дешевая газета, которую читаютъ рабочіе,—нашихъ достойныхъ рабочихъ, которые такъ умѣютъ наслаждаться природой. При этомъ вы, конечно, не скажете ни слова о томъ, что эти достойные люди, вмѣсто того, чтобы идти въ церковь, сидятъ, окруженные яичной скорлупой, пустыми пивными бутылками и замасленными воскресными газетами на зеленой травѣ, за которую платятъ налоги не менѣе достойные, но не работающіе люди. Мѣсяцемъ позднѣе появляется «Самое жаркое воскресенье въ паркѣ». Тутъ вы увеличиваете на полторы тысячи человѣкъ число гуляющихъ, которое вамъ сказалъ полисменъ въ первый разъ, и придаете вашей статьѣ новый интересъ, приводя итогъ утонувшихъ во время купанья мальчиковъ.

Затѣмъ идетъ «Первая тоня рыбы въ Делаварѣ», а зимой «Первое катанье на конькахъ въ паркѣ». Къ этой же категоріи принадлежатъ и статьи, въ которыхъ вы передаете свой разговоръ съ какимъ нибудь антрепренеромъ театра, который, на вашъ вопросъ, хорошо ли идутъ его дѣла, обыкновенно отвѣчаетъ:—Великолѣпно, сэръ. Никогда еще не бывало такого блестящаго сезона,—и предлагаетъ вамъ даровой билетъ на дво-

ихъ. А передъ новымъ годомъ вы интервьюируете мѣстныхъ знаменитостей, выспрашиваете у нихъ, чего больше всего желаютъ они на новый годъ, и потомъ передѣлываете ихъ банальные отвѣты и стараетесь сдѣлать ихъ умными и блестящими. Для Рождества есть также свои спеціальныя статьи, въ родѣ той, которую только что написалъ Конвей, изобразившій нѣсколько уличныхъ сценъ, подходящихъ для рождественскаго сочельника.

Если вы напишете нѣсколько такихъ статей, вы убѣдитесь, что ихъ очень удобно писать, и не выходя изъ редакціи. Я, впрочемъ, знаю человѣка, который жестоко попался на этомъ. Онъ написалъ рождественскую статью при помощи старыхъ газетъ и календаря. Изъ газетъ онъ взялъ списокъ всѣхъ благотворительныхъ обществъ, жертвующихъ подарки на елки, а изъ календаря—фамиліи предсѣдателей и членовъ этихъ обществъ. Но такъ какъ онъ былъ не совсѣмъ твердъ въ томъ, что касалось религіозныхъ вопросовъ, то онъ включилъ въ списокъ и всѣ еврейскія общества. Тѣ, конечно, поспѣшили прислать въ газету опроверженія и были страшно возмущены тѣмъ, что ихъ считаютъ способными жертвовать подарки на елки или какимъ бы то ни было образомъ принимать участіе въ иновѣрномъ праздникѣ.

Но изъ всѣхъ этихъ пошлыхъ, пріѣвшихся, неблагодарныхъ статей самыми худшими были тѣ, въ которыхъ описывалось освобожденіе преступниковъ изъ Мойамензинской тюрьмы. Бронсону казалось, что ихъ постоянно выпускаютъ оттуда, и онъ не могъ понять, какимъ образомъ она до сихъ поръ не опустѣла. А редакторъ, какъ нарочно, каждый разъ обращался именно къ нему и просилъ его отправиться туда и посмотрѣть, какъ будутъ выпускать на свободу заключенныхъ. А такъ какъ ихъ обыкновенно выпускали въ полночь и они при этомъ не дѣлали ничего особеннаго, а только переходили черезъ улицу, въ ближайшій трактиръ, вмѣстѣ съ пришедшими ихъ встрѣтить друзьями, то тяжело приходилось человѣку, который сначала твердо рѣшался не отступать ни на іоту отъ истины, а кончалъ тѣмъ, что принимался фантазировать до тѣхъ поръ, пока воображеніе не отказывалось служить ему. И потому Бронсонъ, услыхавъ, что ему предстоитъ еще разъ имѣть дѣло съ преступникомъ и трогательно описывать сцену его освобожденія, потерялъ терпѣніе и возмутился.

— Я писалъ такія статьи не одинъ, а двадцать разъ,— мрачно и выразительно сказалъ онъ.—Я описывалъ Мойамензинскую тюрьму, озаренную луннымъ свѣтомъ; я описывалъ, какъ сверкаютъ на ея мрачныхъ стѣнахъ капли дождя; я описывалъ ихъ, покрытыми чистымъ, бѣлымъ снѣгомъ, который падаетъ одинаково и на невиннаго, и на преступника. Я застав-

лялъ страшно выть ищеекъ на тюремномъ дворѣ, а вѣдь вы прекрасно знаете сами, что тамъ нѣтъ никакихъ ищеекъ. Я заставлялъ выпущенныхъ на свободу преступниковъ клясться, что они начнутъ новую, честную жизнь, тогда какъ они и не думали ни о чемъ подобномъ. Я заставлялъ ихъ падать въ объятія рыдающихъ женъ, а между тѣмъ они говорили только:—Принесла табаку? Смерть какъ хочется покурить!—Нѣтъ, я не стану больше писать такихъ статей, а если и буду, то здѣсь, въ редакціи, потому что это рѣшительно все равно.

— О, да! Я полагаю, что будете,—спокойно замѣтилъ редакторъ.

— Замѣните меня кѣмъ нибудь другимъ,—настаивалъ Бронсонъ.—Поручите это человѣку, которому подобныя статьи еще не набили оскомины и который съумѣетъ сказать что нибудь новое.—При этихъ словахъ Конвей, отложившій карандашъ и съ улыбкой смотрѣвшій на Бронсона изъ за спины редактора, снова вооружился имъ и сталъ писать съ лихорадочною поспѣшностью.—Вотъ хоть бы Конвей,—продолжалъ Бронсонъ.—Онъ напишетъ великолѣпнѣйшую статью. Ему...

Редакторъ положилъ на конторку вырѣзку изъ газеты и вынулъ изъ кармана нѣсколько банковыхъ билетовъ.

— Вотъ статья о Куинѣ изъ утренней газеты, — сказалъ онъ.—Ее писалъ Конвей и она произвела впечатлѣніе. Нашлись добрые люди, которые не полѣнились заѣхать сегодня въ нашу контору, чтобы оставить нѣсколько денегъ на рождественскій обѣдъ Куина. Да, эта статья была очень недурна и, благодаря ей, они раскошелились на...—онъ сосчиталъ билеты—на 55 долларовъ. Отдайте ихъ Куину и посовѣтуйте ему забыть о воровскихъ отмычкахъ и начать новую жизнь. Эти деньги дадутъ вамъ возможность поговорить съ нимъ и, можетъ быть, онъ откроетъ вамъ какія нибудь новыя подробности относительно своего преступленія, или скажетъ что нибудь подходящее для рождественскаго номера. Ну, отправляйтесь же. Вы дулись цѣлый вечеръ изъ за того, что статья досталась не вамъ, а Конвею, а теперь, когда я даю вамъ возможность воспользоваться такимъ богатымъ матеріаломъ, вы тоже дуетесь. Подумайте только: человѣкъ, котораго выпускаютъ на свободу послѣ четырехлѣтняго заключенія, да еще въ рождественскій сочельникъ! Вы съумѣете сдѣлать изъ этого прекрасную, трогательную статью. Мнѣ иногда кажется, что вы пишете не объ арестантахъ, а объ умирающихъ гладіаторахъ.

Добросовѣснто трудившійся Конвей, замѣтивъ, что гроза прошла мимо, засмѣялся, дружески смотря на Бронсона, а тотъ сконфуженно улыбнулся ему, и они снова стали друзьями.

Принужденный сдаться, Бронсонъ рѣшилъ, по крайней мѣрѣ, поставить свои условія и добиться нѣкоторыхъ льготъ.

— Могу я взять кэбъ?—спросилъ онъ.

— Да,—отвѣчалъ редакторъ, взглянувъ на часы.—Теперь уже поздно, а типографія начнетъ работать чѣмъ свѣтъ. Имѣйте это въ виду.

— А можно мнѣ прислать рукопись съ извозчикомъ?—продолжалъ Бронсонъ. — Я напишу статью тамъ. Съ какой стати проѣзжать мнѣ опять черезъ весь городъ сюда?

— Нѣтъ, это невозможно, — рѣшительно отвѣчалъ редакторъ.—Извозчикъ можетъ потерять рукопись или напиться пьянымъ, или что нибудь въ этомъ родѣ.

— Такъ я возьму съ собой Галлегера, и онъ доставитъ ее сюда.—Галлегеръ былъ одинъ изъ мальчиковъ, прислуживающихъ въ редакціи.

Редакторъ мрачно взглянулъ на Бронсона.

— Не нуженъ ли вамъ еще какой нибудь знаменитый писатель, чтобы помочь вамъ создать типъ, и Конвей, которому вы могли бы диктовать? А, можетъ быть, вы не прочь и отъ горячаго ужина и потребуете, чтобы я послалъ его вслѣдъ за вами?

— Нѣтъ, мнѣ довольно одного Галлегера,—отвѣчалъ Бронсонъ.

Галлегеръ, уже совсѣмъ одѣтый, успѣлъ нанять кэбъ, когда Бронсонъ сошелъ съ лѣстницы и остановился на минуту закурить сигару.

— Въ Мойамензинскую тюрьму!—сказалъ Галлегеръ, пристально смотря на извозчика и горячо надѣясь, что тотъ изумится ихъ поѣздкѣ въ такое мѣсто и въ такой вечеръ. Но, къ его величайшему негодованію, извозчикъ равнодушно собралъ возжи, и Галлегеръ съ чувствомъ горькаго разочарованія сѣлъ въ кэбъ, протеръ замерзшее стекло и сталъ смотрѣть на прохожихъ, изъ которыхъ каждый несъ какой нибудь свертокъ. На тротуарахъ была страшная давка, а по улицѣ шли гуськомъ студенты-медики и клерки, играя на трубахъ. Всѣ дома были украшены гирляндами рождественской зелени, а магазины такъ ярко освѣщены, что на улицѣ было свѣтло, какъ днемъ, и Бронсонъ могъ свободно читать вырѣзку изъ газеты, которую далъ ему редакторъ.

— Зачѣмъ мы ѣдемъ туда?—спросилъ Галлегеръ.

Онъ пользовался большими привилегіями и, какъ кажется, они были предоставлены ему единственно только потому, что, въ случаѣ отказа, онъ не задумался бы взять ихъ самъ.

Несмотря на свой маленькій ростъ, Галлегеръ былъ силенъ и крѣпко сложенъ; несмотря на свой нѣжный возрастъ, онъ зналъ рѣшительно все, и это казалось очень забавнымъ,

за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда оказывалось, что онъ знаетъ больше васъ. Не было никакой возможности заставить его относиться съ уваженіемъ къ вашимъ годамъ, потому что ему было извѣстно все, относящееся до васъ, начиная съ числа строчекъ, на которое обкарнали вашу послѣднюю статью, до размѣра вашего скромнаго гонорара. При этомъ онъ отличался какой то наивной простотой обращенія и горячо сочувствовалъ всѣмъ, съ кѣмъ ему приходилось имѣть дѣло.

Когда онъ спросилъ Бронсона, зачѣмъ они ѣдутъ въ тюрьму, тотъ прочиталъ ему вслухъ вырѣзку изъ газеты.

— «Генри Куинъ,—читалъ онъ, — былъ приговоренъ къ шестилѣтнему заключенію въ Мойамензинской тюрьмѣ за ограбленіе второго національнаго банка. Такъ какъ въ теченіе всего нынѣшняго года онъ сильно хворалъ и, кромѣ того, отличался примѣрнымъ поведеніемъ во все время заключенія, то приговоръ былъ смягченъ, и его освободятъ сегодня. Куинъ служилъ въ банкѣ ночнымъ сторожемъ и, какъ выяснило слѣдствіе, былъ простымъ орудіемъ грабителей, которые воспользовались имъ для своихъ цѣлей. Онъ сознался въ сообщничествѣ съ ними, но заявилъ, что ничего не знаетъ о судьбѣ украденныхъ денегъ, которыхъ такъ и не нашли. Это было первымъ преступленіемъ Куина; до тѣхъ поръ онъ пользовался прекрасной репутаціей. Несмотря на то, что онъ женился незадолго до этого, семейная жизнь его была далеко не изъ счастливыхъ. Всѣ свидѣтели дали самые неблагопріятные отзывы о его женѣ и ея матери. Онъ почти никогда не бывалъ дома и часто заходилъ къ одной молодой дѣвушкѣ, которая, какъ полагаютъ, и была главной причиной его преступленія. Ему очень хотѣлось уѣхать отсюда вмѣстѣ съ нею, а такъ какъ денегъ у него не было, то онъ, чтобы добыть ихъ, согласился помогать грабителямъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, заявилъ онъ самъ на судѣ. Въ нашу газету поступило нѣсколько пожертвованій въ пользу Куина: Отъ М. К. — десять долларовъ, отъ Кэшъ—два доллара и отъ Мэри—три доллара».

— Не особенно важная птица!—презрительно замѣтилъ Галлегеръ.—Сдѣлалъ всего только одно преступленіе и добился освобожденія. То ли дѣло, если бы на его мѣстѣ былъ Кидъ Билли Портеръ или кто нибудь въ этомъ родѣ! — Галлегеръ имѣлъ сильное пристрастіе къ рецидивистамъ и смотрѣлъ на слѣдующій за ихъ именами длинный списокъ преступленій съ такимъ же уваженіемъ, съ какимъ смотрятъ другіе на буквы К. О. Б. (командоръ ордена Бани). Человѣкъ, согрѣшившій только разъ, не заслуживалъ, по его мнѣнію, никакого вниманія.

— Экая жалость!—печально прибавилъ онъ.—Значитъ, вамъ опять придется прохаживаться насчетъ ищеекъ? Вѣдь, такъ?

Бронсонъ сдѣлалъ видъ, что не слыхалъ этихъ словъ и, закрывъ глаза, притворился спящимъ, а Галлегеръ прислонился къ мягкой обивкѣ кэба и, устроившись насколько могъ комфортабельнѣе, тихонько засвисталъ. Черезъ полчаса Бронсонъ, уже на самомъ дѣлѣ задремавшій, проснулся отъ дувшаго ему въ лицо западнаго вѣтра. Дверца кэба была отворена. Около нея стоялъ Галлегеръ, а за нимъ поднимались сѣрыя стѣны тюремнаго замка.

Онъ смотрѣлъ настоящею тюрьмою, и при первомъ же взглядѣ на него вы убѣждались, что отсюда нѣтъ выхода, что всякая надежда потеряна для тѣхъ, кто попалъ въ него. Точно огромная средневѣковая крѣпость стоялъ онъ, окруженный со всѣхъ сторонъ высокою каменной стѣною, около которой расположилось нѣсколько бѣлыхъ домиковъ, мелкихъ лавченокъ и трактировъ. По угламъ его поднимались башни, какъ у крѣпости; онъ былъ украшенъ колоннами, какъ египетскій храмъ; но несравненно большее впечатлѣніе, чѣмъ онѣ, производила эта простая, грубая каменная стѣна, за которую не могъ проникнуть ни одинъ нескромный взглядъ, за которой были заключены люди, уже не принадлежащіе къ міру. И какъ могли выносить это зрѣлище тѣ, которые жили рядомъ съ ней! Казалось, легче было бы поселиться около кладбища, чѣмъ около этого мрачнаго зданія съ его таинственностью, безнадежнымъ отчаяніемъ и вѣчнымъ безмолвіемъ, съ его сотнями обитателей, которыхъ не видитъ и не слышитъ никто, хоть всѣ знаютъ, что они здѣсь.

Такое же впечатлѣніе произвелъ онъ, повидимому, и на Бронсона, не смотря на то, что ему часто приходилось бывать здѣсь. Онъ нахмурилъ брови и пожалъ плечами.

— Вамъ придется подождать насъ до 12 часовъ,—сказалъ онъ извозчику.—Побудьте гдѣ нибудь тутъ, по близости.

Бронсонъ и Галлегеръ вошли въ одинъ изъ трактировъ, который стоялъ какъ разъ напротивъ воротъ тюрьмы, и сѣли къ столу. Такъ какъ имъ приходилось ждать здѣсь до полуночи, то Бронсонъ, боясь, что хозяинъ будетъ недоволенъ, если они ничего не спросятъ, предложилъ Галлегеру заказать себѣ что нибудь на ужинъ. Тотъ очень охотно согласился и, предвкушая предстоящее угощеніе, весело улыбнулся, а потомъ взобрался на высокій стулъ и съ удовольствіемъ сталъ прислушиваться къ голосу хозяина, распоряжавшагося въ кухнѣ.

Было еще только одиннадцать часовъ, но такъ какъ въ редакціи ходило преданіе о томъ, что заключенныхъ выпускаютъ иногда и раньше полуночи, то Бронсонъ, взявъ газету, сталъ слѣдить изъ за нея за воротами тюрьмы. Около нихъ горѣли электрическіе фонари, и при ихъ яркомъ свѣтѣ выдѣ-

лялся каждый камень стѣны, а обледенѣвшіе тротуары казались какими то черными, сверкающими зеркалами. Круглые часы на церковной колокольнѣ были противъ Бронсона. Онъ часто взглядывалъ на нихъ, удивляясь, какъ медленно проходятъ минуты, и спрашивалъ себя, такъ ли же медленно тянутся онѣ для заключенныхъ, которымъ не видѣнъ циферблатъ.

Кончивъ свой ужинъ, Галлегеръ вышелъ на улицу и, вернувшись, сказалъ, что стало гораздо холоднѣе, что извозчикъ сидитъ въ трактирѣ и, по всѣмъ признакамъ, еще не пьянъ. Бронсонъ предложилъ ему еще разъ принести себя въ жертву и поужинать вторично для поддержанія торговли. Галлегеръ равнодушно согласился, замѣтивъ, что, пожалуй, съѣстъ что нибудь, такъ какъ ему все равно нечего дѣлать. Закусивъ во второй разъ, онъ снова исчезъ, а Бронсонъ опять принялся читать и перечитывать свою газету, всѣ надписи на стѣнахъ и вырѣзку, которую далъ ему редакторъ. Такъ прошло нѣсколько времени, и онъ хотѣлъ уже идти отыскивать Галлегера, какъ тотъ показался изъ за двери и махнулъ ему рукою. Бронсонъ тотчасъ же надѣлъ пальто, поднялъ воротникъ и вышелъ на улицу. Мальчикъ остановился на тротуарѣ и показалъ ему на какую то женщину, ходившую взадъ и впередъ около тюрьмы. Фигура ея была ярко освѣщена и отбрасывала рѣзкую черную тѣнь на ослѣпительно сверкающій снѣгъ.

— Эта молодая дѣвушка спрашивала меня, въ какія ворота выпускаютъ заключенныхъ,—сказалъ онъ. — Я отвѣчалъ, что не знаю, но могу привести къ ней одного молодаго человѣка, который объяснитъ ей все.

Бронсонъ остановился на минуту, раздумывая о томъ, выйдетъ ли изъ этого какой нибудь толкъ, а потомъ тихо перешелъ черезъ улицу.

Дѣвушка остановилась, какъ бы поджидая его, но не сказала ни слова.

— Вы, вѣроятно, ждете Куина? — спросилъ Бронсонъ. — Онъ выйдетъ оттуда, изъ тѣхъ зеленыхъ воротъ съ желѣзнымъ засовомъ.

Молодая дѣвушка не отвѣчала и подозрительно взглянула на него. Она была очень молода и красива, но лицо ея было блѣдно и истомлено, какъ будто она только что встала послѣ тяжелой болѣзни или была слишкомъ взволнована. Она, повидимому, принадлежала къ рабочему классу.

— Я тоже жду его, — прибавилъ Бронсонъ, чтобы успокоить ее.

— Да?—неопредѣленно сказала она.—А видались вы съ нимъ въ тюрьмѣ?—И, не дожидаясь отвѣта, она взволнованно

продолжала: — Мнѣ очень хотѣлось повидаться съ нимъ, но меня не пустили къ нему ни разу. Я жду здѣсь съ полудня. Мнѣ все казалось, что его выпустятъ раньше и я опоздаю. Вы навѣрное знаете, что онъ выйдетъ изъ этихъ воротъ? Мнѣ говорили, что тутъ есть другія, и я боялась проглядѣть его. Я ждала такъ долго. Вы его другъ?

— Полагаю, что такъ,—отвѣчалъ Бронсонъ.—Я жду его, чтобы дать ему денегъ.

— Да! У меня тоже есть деньги, только немного, — тихо проговорила молодая дѣвушка. Потомъ она снова подозрительно взглянула на Бронсона и отступила назадъ.—Но вѣдь вы не ея другъ?—спросила она.

— Ея? О комъ вы говорите?—воскликнулъ Бронсонъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—вмѣшался Галлегеръ.—Конечно, нѣтъ!

Дѣвушка успокоилась и, кивнувъ головою, снова стала ходить взадъ и впередъ около тюрьмы.

— О комъ это она говорила?—шопотомъ спросилъ Бронсонъ.

— Должно быть, о его женѣ,—нетерпѣливо отвѣчалъ Галлегеръ.

Дѣвушка прошлась нѣсколько разъ и опять подошла къ нимъ, какъ будто одиночество тяготило ее.

— Она теперь тамъ вмѣстѣ съ своею матерью,—сказала она, показывая на тюрьму.—Онѣ пріѣхали въ кэбѣ. А когда я спросила, можно ли мнѣ повидаться съ нимъ, сторожъ отвѣчалъ, что на это нужно разрѣшеніе. Должно быть, она не велѣла имъ пускать меня. Какъ вы думаете?—Она опять не дала ему времени отвѣчать. Ей слишкомъ долго пришлось ждать одной и разговоръ доставлялъ ей нѣкоторое облегченіе.—Сколько же у васъ денегъ?—спросила она.

Бронсонъ сказалъ ей.

— 55 долларовъ! — воскликнула она и горько усмѣхнулась.—А у меня всего только 15. Я была больна и могла скопить только ихъ, да еще 15 долларовъ, которые отослала въ газету.

— Такъ это вы... Развѣ вы посылали деньги въ газету?—спросилъ онъ.

— Да, я послала туда 15 долларовъ. Я боялась, что мнѣ не удастся поговорить съ нимъ и отдать ему деньги, если она будетъ тутъ. Вотъ я и послала ихъ въ газету отъ М. К., это начальныя буквы моего имени и фамиліи — отъ Мэри Кэшъ. Меня зовутъ Мэри. Мнѣ хотѣлось, чтобы онъ зналъ, что это я посылаю ему ихъ. А какими маленькими кажутся пятнадцать долларовъ сравнительно съ 55? Неправда-ли?—Она вынула изъ кармана небольшую пачку банковыхъ билетовъ и улыбнулась, смотря на нихъ. Руки ея были безъ перчатокъ, и

Бронсонъ замѣтилъ, что онѣ загрубѣли отъ работы и кожа на нихъ растрескалась. Дѣвушка разгладила билеты, положила ихъ одинъ на другой и снова улыбнулась.

Нѣтъ, ему нельзя будетъ описать эту дѣвушку. Такой типъ совсѣмъ не подходитъ для той статьи, которую поручилъ написать ему редакторъ.

Бронсонъ опустилъ руку въ карманъ и, вынувъ свои билеты, протянулъ ихъ ей.—Не хотите ли отдать ему и эти деньги?—спросилъ онъ.—Не все ли равно, отъ васъ или отъ меня получитъ онъ ихъ? Я во всякомъ случаѣ останусь здѣсь до полуночи и дождусь его освобожденія. — Дѣвушка застѣнчиво улыбнулась. Этотъ знакъ довѣрія, повидимому, тронулъ ее.—Нѣтъ, я лучше не возьму ихъ,—сказала она.—Мнѣ пріятнѣе отдать ему только тѣ, которыя я заработала для него сама.—Она замолчала и пристально взглянула на Бронсона.—Знаете ли вы, кто я?—почти съ вызовомъ спросила она.

— Да, я догадываюсь,—отвѣчалъ Бронсонъ.

— Конечно, догадаться не трудно, — сказала она.—Ну, такъ выслушайте же меня. Хотите вѣрьте, хотите нѣтъ,—она говорила такимъ тономъ, какъ будто онъ обвинялъ ее въ чемъ то,—но, клянусь Богомъ, что я тутъ не причемъ,—и она показала на тюрьму.—Я не знала, что онъ пошелъ на преступленіе изъ за меня до тѣхъ поръ, пока онъ не сказалъ этого на судѣ. Мнѣ и въ голову не приходило, что онъ задумалъ уѣхать отсюда со мною, хоть должна сознаться, что пошла бы за нимъ всюду, если бы онъ захотѣлъ. Я знала, что онъ привязанъ ко мнѣ, но никакъ не ожидала, что онъ такъ сильно любитъ меня. Его жена—она остановилась, какъ бы желая хорошенько обдумать свои слова и не быть пристрастной,—его жена, кажется, не умѣла обращаться съ нимъ. Она постоянно уходила въ гости или принимала гостей, не смотря на то, что онъ каждую ночь долженъ былъ сторожить въ банкѣ. Въ первое время послѣ свадьбы она тоже ходила туда и сидѣла вмѣстѣ съ нимъ, чтобы ему не было скучно. Но потомъ это надоѣло ей. Она очень любила общество и всегда была окружена мужчинами. А когда Генри сталъ выговаривать ей, она пришла въ страшную ярость. Послѣ этого у нихъ начались ссоры, въ которыя вмѣшивалась и ея мать, очень похожая на нее. А потомъ онъ познакомился со мной и изъ за этого начались сплетни. Каждый день заходилъ онъ ко мнѣ часовъ въ семь утра, возвращаясь домой изъ банка. Я жила тогда на мѣстѣ и въ это время обыкновенно готовила завтракъ въ кухнѣ. Онъ сидѣлъ со мною и я давала ему чашку кофе или чего нибудь другого. Вотъ какъ мы познакомились.—Она отвернулась и посмотрѣла вдаль.—Много неправды говорили про насъ,—продолжала она, взглянувъ на

Бронсона.—Я уговаривала его не приходить ко мнѣ и постараться сойтись съ женою, но онъ не соглашался и говорилъ, что любитъ меня больше, чѣмъ ее. Развѣ могла я измѣнить это? А потомъ онъ... потомъ его посадили сюда,—она показала на тюрьму,—а меня стали осуждать. Говорили, что я была за одно съ грабителями, что я уговарила его помогать имъ.—Она подняла голову, и Бронсонъ увидалъ, что по лицу ея пробѣжала судорога и глаза стали влажны. — Вѣдь это правдоподобно—неправда-ли?—спросила она, едва сдерживая рыданія. Съ минуту стояла она молча, смотря на тяжелыя желѣзныя ворота, а потомъ взглянула на слабо блестѣвшіе изъ за падающаго снѣга церковные часы. Было безъ четверти двѣнадцать.

— Когда онъ былъ осужденъ,—снова начала она,—я рѣшилась ждать его и накопить для него денегъ къ тому времени, какъ его выпустятъ. Кромѣ содержанія, я получала всего только три шиллинга въ недѣлю; но, не смотря на это, мнѣ удалось скопить къ прошлому апрѣлю сто тридцать долларовъ. А тутъ я заболѣла, и почти всѣ деньги ушли на лѣкарства и докторовъ. Мнѣ очень жаль было тратить ихъ на это, но я не хотѣла умереть, не увидавъ его. Правда, мнѣ иногда казалось, что ему будетъ лучше, если я умру. Тогда онъ получилъ бы всѣ накопленныя мною деньги и ему не пришлось бы выносить непріятностей изъ-за меня. Но я никакъ не могла рѣшиться на это. Три дня отказывалась я принимать лѣкарства, которыя прописывали мнѣ, а потомъ... потомъ не выдержала. Мнѣ такъ хотѣлось жить, жить для него! И всетаки я иногда думаю, что мнѣ слѣдовало бы умереть, а не стараться выздоровѣть. Какъ вамъ кажется?

Бронсонъ покачалъ головою и откашлялся, какъ будто собираясь сказать что-то, но не произнесъ ни слова. Онъ задумался о себѣ и о своей жизни. Испытаетъ ли онъ когда нибудь самъ такую сильную, горячую любовь? Полюбитъ ли его какая нибудь женщина такъ же беззавѣтно, какъ эта дѣвушка любитъ Куина? Ему стало тяжело, и онъ почувствовалъ себя жалкимъ и одинокимъ.

— Ну?—наконецъ спросилъ онъ.

— Ну, вотъ и все,—отвѣчала она. — Жена его жила все это время по прежнему, также принимала гостей, и всѣ жалѣли объ ней, всѣ сочувствовали ея горю. Годъ тому назадъ, когда Генри такъ сильно заболѣлъ, прошелъ слухъ, что она рѣшилась, въ случаѣ его смерти, выдти замужъ за Чарли Океса, кондуктора. Онъ постоянно бываетъ у нея. Черезъ тѣхъ, которые знакомы съ ней, я получала вѣсточки о здоровьѣ Генри. Да, меня не пускали къ нему, потому что она наговорила про меня всякаго вздора сторожамъ, но я всетаки

получала извѣстія о его здоровьѣ. Еще недавно онъ былъ очень боленъ. Гуляя по тюремному двору, онъ сильно простудился и у него сдѣлалось воспаленіе легкихъ. Вотъ почему его и рѣшили освободить. Говорятъ, онъ сильно измѣнился. Да и меня трудно узнать: я такъ похудѣла и ослабѣла послѣ болѣзни.—Она тихо провела рукою по лицу, какъ бы жалѣя о томъ, что красота ея прошла. У Бронсона защемило сердце, но онъ не рѣшился сказать ей, какъ прелестно и теперь ея исхудавшее личико. — Какъ вы думаете, узнаетъ онъ меня? Позволитъ она мнѣ поговорить съ нимъ?

— Не знаю,—коротко отвѣчалъ Бронсонъ. — Какъ же я могу рѣшить это?—Онъ былъ смущенъ и взволнованъ. Чѣмъ же кончится все это? Дѣвушка говорила, повидимому, правду, а между тѣмъ жена Куина была тамъ, около мужа, а сама она не имѣла на него никакихъ правъ и была тутъ лишней. Да, изъ этого ни выйдетъ ничего, кромѣ горя для нея самой и для другихъ.

— Пойдемте!—вдругъ сказалъ онъ.—Намъ лучше подойти поближе. Теперь безъ пяти минутъ двѣнадцать.

Дѣвушка поблѣднѣла и пошла впереди нихъ къ воротамъ тюрьмы. Она шла медленно и нерѣшительно, и Бронсонъ замѣтилъ, что она дрожитъ не то отъ волненія, не то отъ холода.

— Ну, быть бѣдѣ!—шепнулъ ему Галлегеръ.

— Молчи!—тоже шопотомъ отвѣчалъ Бронсонъ.

Они остановились въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ воротъ, около фонаря. Церковная колокольня была не видна отсюда и, когда Бронсонъ посмотрѣлъ на свои часы, дѣвушка бросила на него умоляющій взглядъ, но не сказала ни слова.

— Теперь уже недолго ждать,—мягко сказалъ онъ. Никогда не приходилось ему видѣть столько волненія и тревоги на такомъ молодомъ лицѣ. Онъ подошелъ къ ней.—Постарайтесь сдержаться,—проговорилъ онъ шопотомъ, чтобы его не услыхали сторожа, стоявшіе по ту сторону воротъ. — Не хотите ли опереться на мою руку?

Она молча покачала головою, но подвинулась къ нему поближе, какъ бы ища покровительства, и боязливо взглянула на ворота. И она, и ея спутники стояли такъ тихо, что до нихъ доносился каждый легкій звукъ. Они слышали слабый, едва замѣтный свистъ вѣтра, пробѣгающаго черезъ металлическую сѣтку, которая окружала горѣлку фонаря, слышали, какъ ударяются о камни мостовой льдинки, падающія съ края стѣны.

Наконецъ, медленно, томительно, какъ похоронный звонъ, раздался бой тюремныхъ часовъ. Но не успѣли они сосчитать и трехъ ударовъ, какъ весь городъ сразу ожилъ и загремѣлъ пушечной пальбой и колокольнымъ звономъ.

Мѣрно и торжественно зазвучалъ огромный колоколъ государственной палаты, пробуждающій столько славныхъ историческихъ воспоминаній, но другіе колокола заглушили его, и веселый, радостный звонъ разлился въ холодномъ воздухѣ отъ Кенсингтона до Скуайлькиля. Издали, изъ адмиралтейства, донесся глухой грохотъ пальбы, а изъ Делавара—звуки трубъ и роговъ съ буксирныхъ и перевозныхъ судовъ. Казалось, само небо дрогнуло и заколебалась, радостно привѣтствуя землю.

— Рождество!—сказалъ Галлегеръ, взглянувъ наверхъ съ какой то странной, робкой улыбкой.—Поздравляю васъ, сэръ,—прибавилъ онъ, кивнувъ Бронсону.

Да, Рождество наступило, и одно и то же настроеніе охватило всѣхъ. Его испытывала собравшаяся около адмиралтейства толпа, капитанъ и механикъ судна, окутаннаго ночнымъ туманомъ рѣки, заключенные въ тюрьмѣ, до которыхъ донесся веселый праздничный звонъ колоколовъ, и дѣти въ каждой семьѣ, спѣшившіе осмотрѣть свои чулки, лежащіе въ ногахъ постелей.

Ему поддались и стоявшіе около воротъ молодая дѣвушка, Бронсонъ и Галлегеръ — но не надолго. Около нихъ заскрипѣли отодвигаемые засовы, зазвенѣли ключи, щелкнулъ замокъ, и тяжелые ворота закачались и распахнулись. Два большіе фонаря съ рефлекторами, освѣщавшіе покрытый снѣгомъ тюремный дворъ, бросили на нихъ такой ослѣпительно яркій свѣтъ, что они невольно отступили назадъ, какъ будто сдѣлали что нибудь дурное и были застигнуты полисменами на самомъ мѣстѣ преступленія. Посреди двора стояла коляска, въ которой пріѣхали сюда жена Куина и ея мать, а кругомъ нея толпились тюремные сторожа въ своей синей съ золотымъ шитьемъ одеждѣ. Отъ зажженныхъ фонарей экипажа падалъ яркій свѣтъ и мѣшалъ разсмотрѣть сидѣвшихъ въ немъ. Лошади тихо двинулись къ воротамъ. Онѣ спотыкались и скользили, ступая на обледенѣлые камни, а потому извозчикъ, натянувъ возжи, сдерживалъ ихъ. Дѣвушка взяла Бронсона за руку и, крѣпко сжавъ ее, не спускала глазъ съ экипажа. Лошади поровнялись съ ними, проѣхали мимо и свѣтъ фонарей упалъ на ихъ спины и камни мостовой, а коляска осталась въ сравнительной тѣни. Это былъ четырехмѣстный крытый экипажъ съ откинутымъ верхомъ. Двѣ женщины сидѣли на дальнихъ мѣстахъ, а на двухъ ближнихъ стоялъ большой, сдѣланный въ тюрьмѣ, окрашенный въ черную краску гробъ.

Молодая дѣвушка дико вскрикнула. У Бронсона замерло сердце, а Галлегеръ низко опустилъ голову, какъ будто кто то ударилъ его сверху. Лошади пугливо прижались другъ къ другу; кучеръ, съ бранью и проклятіями, всталъ съ козелъ и

подошелъ къ нимъ. И какъ только остановился экипажъ, дѣвушка бросилась къ нему, обхватила руками крышку гроба и прижалась лицомъ къ ея краю, уже мокрому отъ падающаго снѣга.

— Генри! Генри! Генри! —простонала она.

Тюремный докторъ, лѣчившій Куина, умершаго за три часа до освобожденія, отдѣлился отъ спѣшившихъ въ тюрьму сторожей и торопливо подошелъ къ экипажу. Осторожно приподнялъ онъ молодую дѣвушку и тихо отвелъ ее въ сторону, а двѣ торжествующія женщины, купившія такой дорогой цѣной свою побѣду, поѣхали дальше.

. . . .

Бронсонъ отдалъ свою рукопись Галлегеру и велѣлъ ему отвезти ее въ редакцію. Войдя въ кабинетъ редактора, мальчикъ положилъ на конторку рукопись, вмѣстѣ съ пачкой банковыхъ билетовъ, и какъ разсказывалъ потомъ самъ патронъ, тотчасъ же повернулся, ни слова не говоря, и пошелъ къ двери.

— Это что такое? — спросилъ редакторъ, показывая своимъ карандашомъ на деньги, —развѣ онъ не взялъ ихъ?

Галлегеръ остановился и выпрямился, какъ бы собираясь разсказать съ подобающимъ эффектомъ все, что видѣлъ въ эту ночь; но, должно быть, сцена, которой онъ былъ свидѣтелемъ, произвела на него слишкомъ тяжелое впечатлѣніе, потому что онъ опять повернулся къ двери и смущенно пробормоталъ:

— Нэтъ, сэръ. Онъ... ему онѣ не нужны, сэръ!

Неурожаи хлѣба въ Россіи и продовольствіе населенія въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія.

IV.

1820-й, 1821 и частью 1822-й годы отмѣчены и для Новгородской губерніи сильными неурожаями хлѣбовъ.

1820-й годъ, какъ первый неурожайный, прошелъ благополучно; крестьяне имѣли еще кое-какіе запасы отъ прежняго года; на нихъ не тяготѣли еще недоимки; тѣ, у кого не хватало хлѣба, брали ссуды изъ небольшихъ запасовъ, хранившихся въ общественныхъ хлѣбныхъ магазинахъ, или занимали у болѣе зажиточныхъ односельчанъ.—Второй неурожайный годъ оказался уже болѣе тяжелымъ и по размѣрамъ неурожая, и по вліянію его на благосостояніе крестьянъ. Весна 1821 года началась въ Новгородской губ. «необыкновеннымъ разлитіемъ водъ, отъ котораго пострадали болѣе всего низменные уѣзды: Старорусскій, Новгородскій и Крестецкій; весна смѣнилась холоднымъ лѣтомъ съ частыми бурями, градомъ и безпрестанными дождями». Эти условія отразились весьма неблагопріятно на урожаѣ: хлѣбъ вышелъ очень плохой; мѣстами умолотъ былъ самъ 2 и 1, а мѣстами не возвращены и сѣмена. Кромѣ того, рожь вышла очень легка на вѣсъ; отъ постоянныхъ дождей зерно сильно промокло, покрылось ржавчиной и загнило. Въ Крестецкомъ и Валдайскомъ уѣздахъ въ хлѣбѣ встрѣчалась къ тому же значительная примѣсь рожковъ и еще какихъ-то ядовитыхъ зеренъ «овально-плоскихъ, немного менѣе сѣмянъ льна, темновато-желтоватаго цвѣта», но какихъ именно—врачебная управа и доктора не опредѣлили точно; примѣсь эта и плохое качество самой ржи оказались очень вредными для здоровья; употребленіе приготовленнаго изъ такого зерна хлѣба сопровождалось сильными болями въ головѣ, шатаньемъ ногъ, забытьемъ, похожимъ на опьяненіе, спячкой, а у нѣкоторыхъ, кромѣ того, рѣзью въ животѣ и судорогами; такое состояніе, смотря по количеству съѣденнаго хлѣба и заключавшихся въ немъ примѣсей, продолжалось отъ 3 до 10 дней, а слабость послѣ того продолжалась до 6 недѣль. Самый

вкусъ хлѣба былъ на столько непріятный, что его нельзя было ѣсть иначе какъ только съ молокомъ или съ похлебкою, или же съ примѣсью значительной части старой муки—ржаной или овсяной.

Но и такого хлѣба могло хватить не надолго. Въ Новгородской губерніи и въ хорошій урожай своего хлѣба хватаетъ не болѣе какъ на полгода, а въ неурожайный годъ, какимъ былъ 1821-й, хлѣба хватило меньше чѣмъ на полгода; уже въ сентябрѣ губернаторъ сообщалъ министру внутреннихъ дѣлъ, что вслѣдствіе плохого урожая крестьяне помѣщичьи и казенные не могутъ продовольствоваться своимъ хлѣбомъ; многіе отъ нужды стали продавать скотъ, а съ января или раньше необходимо будетъ пособіе отъ правительства. Губернаторъ называлъ въ числѣ нуждающихся уѣздовъ слѣдующіе пять: Новгородскій, Крестецкій, Старорусскій, Боровичскій и Валдайскій.

Министръ внутреннихъ дѣлъ раздѣлялъ опасенія новгородскаго губернатора, но такъ какъ завѣдываніе продовольствіемъ казенныхъ крестьянъ находилось въ рукахъ департамента государственныхъ имуществъ министерства финансовъ, то министръ внутр. дѣлъ передалъ донесеніе губернатора графу Гурьеву. Графъ Гурьевъ, подъ вліяніемъ нѣсколькихъ недавнихъ случаевъ, когда разсчеты мѣстныхъ властей о размѣрахъ неурожая и нужды признавались потомъ преувеличенными, принялъ какъ бы за правило не довѣрять ихъ донесеніямъ; поэтому и теперь, не довѣряя новгородскому губернатору, онъ затребовалъ отъ вице-губернатора самыхъ точныхъ и подробныхъ свѣдѣній о томъ, въ какихъ именно селеніяхъ и какое число казенныхъ крестьянъ и въ какой степени будутъ нуждаться въ продовольствіи, съ какого времени имъ слѣдуетъ начать выдачу этого продовольствія, и въ какомъ положеніи находятся въ каждомъ селеніи запасные хлѣбные магазины. Вице-губернаторъ донесъ, что въ его распоряженіи нѣтъ достаточнаго числа чиновниковъ, которыхъ онъ могъ-бы командировать для собиранія требуемыхъ свѣдѣній. Такъ какъ и изъ Петербурга чиновниковъ для собиранія такихъ свѣдѣній не присылали, а нужда въ хлѣбѣ усиливалась, то вице-губернаторъ, въ апрѣлѣ 1822 г., отправилъ въ Петербургъ одного изъ совѣтниковъ казенной палаты, который лично долженъ былъ изложить положеніе крестьянъ и степень ихъ нужды и указать на то, что собирать свѣдѣнія уже поздно, такъ какъ наступила весна, и у многихъ крестьянъ нѣтъ хлѣба для засѣва яровыхъ полей и нечѣмъ кормиться. Личныя объясненія совѣтника казенной палаты, вѣроятно, убѣдили графа Гурьева въ необходимости пособія, и онъ, чтобы не терять времени—минуя комитетъ министровъ, обратился 23 апрѣля прямо со всеподданѣйшимъ докладомъ, въ которомъ испрашивалъ высочайшаго разрѣшенія на отпускъ 150 тыс. руб. и на отправленіе въ Новгородскую губ. особаго чиновника «для удостовѣренія въ степени нужды» и для заготовленія необходимаго количества хлѣба.

Командированному на основаніи высочайшаго повелѣнія чиновнику особыхъ порученій Ковалевскому предписывалось тщательно провѣрить на мѣстѣ тѣмъ временемъ доставленные вице-губернаторомъ списки нуждающихся въ продовольствіи крестьянъ семи уѣздовъ, опредѣлить на основаніи этого исчисленія количество хлѣба, нужнаго для продовольствія самихъ крестьянъ и для засѣва яровыхъ полей, и затѣмъ приступить къ покупкѣ хлѣба и къ раздачѣ его заимообразно дѣйствительно нуждающимся крестьянамъ, которые не могутъ пріобрѣсти хлѣба собственными трудами; раздача должна быть произведена справедливо и безпристрастно, чтобы всѣ нуждающіеся получили поровну.

Переписка о командировкѣ чиновника въ Новгородскую губ. затянулась до конца апрѣля мѣсяца, такъ что время для яровыхъ посѣвовъ было уже почти упущено, а между тѣмъ посланному чиновнику, по прибытіи на мѣсто, нужно было сперва еще провѣрить и опредѣлить число нуждающихся крестьянъ и размѣры пособія имъ; а это дѣло требовало много времени, такъ какъ въ то время стояла полная распутица. Помимо этого нужно было закупить хлѣбъ, а въ Новгородской губерніи сдѣлать этого было нельзя, такъ какъ цѣна на хлѣбъ тамъ была высока и могла подняться еще болѣе при большихъ закупкахъ его въ казну. Приходилось закупать хлѣбъ въ Тверской губ., или ждать, пока прибудутъ хлѣбныя барки съ Волги по Мстѣ. Былъ еще одинъ выходъ—это обратиться въ провіантское вѣдомство и оттуда взять нужное количество хлѣба по казенной цѣнѣ, какъ это было сдѣлано для помѣщичьихъ крестьянъ. Къ послѣдней мѣрѣ и прибѣгъ прежде всего Ковалевскій. Онъ обратился 30 апрѣля къ министру финансовъ съ просьбою испросить у военнаго министра разрѣшеніе на отпускъ 8 тысячъ кулей ржаной муки изъ провіантскаго вѣдомства. Отвѣтъ и согласіе на эту просьбу присланы были только 30 мая. Между тѣмъ Ковалевскій, объѣзжая самые неурожайные и бѣдные уѣзды—Валдайскій, Крестецкій и Боровичскій—и видя у многихъ крестьянъ крайнюю нужду въ продовольствіи, не могъ такъ долго ожидать отвѣта и приступилъ къ закупкѣ хлѣба, пользуясь тѣмъ, что на Мстѣ явились первыя барки съ рожью, шедшія съ Волги; владѣльцы барокъ, получивши свѣдѣнія изъ Петербурга о высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ, подняли цѣны такъ, что Ковалевскому едва удалось закупить три барки ржаной муки въ количествѣ 3462 кулей по 22 руб. за куль въ 9 пудовъ (мѣстная рыночная цѣна была въ то время 25—27 руб. за куль ржаной муки и 10 р. 50 к.—12 руб. за куль овса). Кромѣ того, часть хлѣба (792 куля) была закуплена въ Вышнемъ Волочкѣ по 20 р. 68 к. за куль въ 9 пудовъ. Ковалевскій оказался человѣкомъ весьма добросовѣстнымъ; заботясь о выгодахъ казны, онъ изъ за того только, чтобы купить хлѣбъ нѣсколькими копѣйками дешевле за куль, отправляется для покупки его въ Вышній Волочекъ, а чтобы тамъ не

узнали, что онъ покупаетъ хлѣбъ отъ казны, и не подняли цѣнъ, является туда переодѣтымъ; затѣмъ, узнавши о появленіи барокъ съ хлѣбомъ на Мстѣ, онъ спѣшитъ туда и не даетъ времени владѣльцамъ барокъ узнать, что хлѣбъ закупается для казны, и что въ немъ имѣется крайняя нужда. Хлѣбъ дѣйствительно былъ купленъ по самой низкой для тѣхъ мѣстъ цѣнѣ, но Ковалевскій, не смотря на это, рѣшился на покупку его только въ крайности, не получая въ теченіе мѣсяца разрѣшенія на отпускъ провіантскаго хлѣба и опасаясь упустить единственныя барки съ хлѣбомъ, которыя плыли по Мстѣ въ Петербургъ. Получивши изъ Новгорода недостовѣрное извѣстіе, что хлѣбъ изъ провіантскаго магазина не будетъ отпущенъ, а, съ другой стороны, узнавъ, что барки съ хлѣбомъ ушли дальше по Мстѣ, Ковалевскій, по его словамъ, едва не получилъ удара. Пришлось гнаться за барками 75 верстъ. Только что хлѣбъ на баркахъ былъ закупленъ, пришло изъ Петербурга разрѣшеніе на отпускъ изъ провіантскаго вѣдомства 8 тыс. кулей муки по 20 руб. за куль. Изъ провіантскаго хлѣба Ковалевскій взялъ только часть. На покупку всего хлѣба вмѣстѣ съ издержками по перевозкѣ его было израсходовано 115.484 р. 48 коп.; на эти деньги закуплено было 47,720 п. 10 ф., или 5,302 куля 2 п. 10 ф. Средняя цѣна за куль 21 р. 43 коп.; за пудъ 2 р. 38 к., а фунтъ около 5¾ коп. Остальные 34,515 р. 52 коп. были возвращены не израсходованными *).

Купленнаго хлѣба, по разсчетамъ Ковалевскаго, должно было хватить до сентября мѣсяца, если назначить на каждую душу мужскаго п. по 1 пуду и на каждую душу жен. п. по ½ пуда муки въ мѣс.

Министръ финансовъ согласился во всемъ съ Ковалевскимъ; предложилъ, однако, ограничить срокъ выдачи хлѣба до 1 августа. Послѣдняя мѣра была очень неудобна, такъ какъ въ августѣ только начиналась новая жатва и крестьянамъ необходимо было имѣть готовый хлѣбъ, чтобы не отрываться отъ полевыхъ работъ въ поискахъ заработковъ на хлѣбъ.

Уже во время посѣва яровыхъ хлѣбовъ, весною, можно было предвидѣть, что положеніе казенныхъ крестьянъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ будетъ затруднительно, такъ какъ многіе не засѣяли и третьей части яровыхъ полей, а у многихъ они вовсе остались незасѣянными. Между тѣмъ 1822-й годъ оказался такимъ же неурожайнымъ, какъ и предыдущій. Ненастная осень 1821 года повредила озимые хлѣба, а жаркое и сухое лѣто 1822 г. было неблагопріятно для яровыхъ хлѣбовъ. Въ августѣ мѣсяцѣ губернаторъ доносилъ, что въ Крестецкомъ уѣздѣ у казенныхъ крестьянъ четы-

---

*) Уплата ссуды разложена была на крестьянъ на три года, а для ямщиковъ на 2 г., начиная съ 1823—(Полож. ком. мин. 25 Нояб. 1822 и 6 февр. 1823 г.).

рехъ вотчинъ хлѣбъ совсѣмъ не родился, а засѣянный на 1823 г. озимой хлѣбъ далъ плохіе всходы, такъ что крестьяне не только не могли уплатить подати, но и продовольствовать себя не были въ состояніи. Въ такомъ же положеніи находился и Старорусскій уѣздъ: и тамъ хлѣбъ частью не былъ посѣянъ вовсе, частью не далъ всходовъ, а если гдѣ и поднялся, то оказался съ большою примѣсью костреца, клопца, синца и другихъ сорныхъ травъ; вслѣдствіе этого уже въ августѣ мѣсяцѣ можно было указать 429 крестьянскихъ семей, которыя не были въ состояніи ни засѣвать полей, ни продовольствовать себя своимъ хлѣбомъ.

Впослѣдствіи неурожай обнаружился еще въ нѣсколькихъ уѣздахъ: Валдайскомъ, Боровичскомъ, Тихвинскомъ и Бѣлозерскомъ.

Губернаторъ и казенная палата считали поэтому необходимымъ тогда же, осенью 1822 года, оказать пособіе крестьянамъ деньгами или хлѣбомъ на обсѣвъ озимыхъ полей. Впрочемъ, представленіе губернатора и казенной палаты о необходимости пособія крестьянамъ теперь уже не были оффиціальными ходатайствами; съ 1 іюля 1822 года заботы о продовольствіи всѣхъ крестьянъ, какъ казенныхъ, такъ и помѣщичьихъ, и удѣльныхъ и вольныхъ землепашцевъ, на основаніи высочайше утвержденныхъ правилъ 14 апрѣля 1822 года, возложены были на особыя губернскія коммиссіи.

Казенныя палаты должны были собирать свѣдѣнія о нуждающихся казенныхъ крестьянахъ и доставлять эти свѣдѣнія въ коммиссіи продовольствія, ходатайствуя предъ ними о пособіи нуждающимся. Коммиссіи уже опредѣляли количество всѣхъ внутреннихъ запасовъ хлѣба въ магазинахъ и рѣшали, можно ли удовлетворить всѣ нужды имѣющимися запасами, или же слѣдовало обратиться за помощью къ правительству. Въ первое время, какъ и слѣдовало ожидать, вышли недоразумѣнія между прежними и новыми продовольственными органами. Казенная палата, тотчасъ по вступленіи въ силу новыхъ правилъ о продовольствіи, передала въ коммиссію продовольствія всѣ имѣющіяся у нея свѣдѣнія о состояніи казенныхъ крестьянъ, вѣдомости о нуждающихся крестьянахъ, о размѣрахъ необходимой на продовольствіе ихъ ссуды. Между тѣмъ губернаторъ по прежнему дѣла о продовольствіи казенныхъ крестьянъ передавалъ въ казенную палату и доносилъ о нихъ министру финансовъ. Послѣднему приходилось объяснять губернатору, что всѣ продовольственные вопросы онъ долженъ передавать на разрѣшеніе коммиссіи продовольствія. Но и послѣдняя не совсѣмъ еще ясно понимала свои обязанности и не особенно усердно принималась за исполненіе ихъ. Такъ въ концѣ сентября 1822 г. казенная палата сообщаетъ министру финансовъ, что губернскій прокуроръ, какъ членъ коммиссіи продовольствія, въ отвѣтъ на присланныя изъ палаты въ коммиссію свѣдѣнія о положеніи казенныхъ крестьянъ и необходимости пособія имъ, донесъ палатѣ, что коммиссія собралась всего одинъ разъ, 4 іюля, и, не принявши ника-

кихъ рѣшеній относительно своей дѣятельности, за отсутствіемъ въ ней многихъ членовъ, разошлась до половины сентября. Но и послѣ возобновленія своей дѣятельности, она не рѣшилась взять на одну себя продовольствіе казенныхъ крестьянъ, такъ какъ, по мнѣнію ея, всѣ свѣдѣнія о числѣ нуждающихся крестьянъ всѣхъ наименованій и о размѣрахъ пособія имъ должны доставлять въ коммиссію губернаторы и казенныя палаты, а кромѣ того, по высочайше утвержденному положенію комитета министровъ 26 іюля 1821 г., попеченіе о казенныхъ крестьянахъ возложено непосредственно на обязанность казенныхъ палатъ и вице-губернаторовъ. Поэтому коммиссія продовольствія и предлагаетъ палатѣ «согласно вышеупомянутымъ узаконеніямъ сдѣлать распоряженіе по поводу затруднительнаго положенія казенныхъ крестьянъ нѣкоторыхъ уѣздовъ, происшедшаго вслѣдствіе неурожая хлѣба». Казенная палата отвѣтила коммиссіи, что положеніе комитета министровъ 26 іюля 1821 года не имѣетъ уже силы послѣ изданія новыхъ правилъ 30 августа 1822 г. о продовольствіи всѣхъ крестьянъ и послѣ полученнаго палатою отъ министра финансовъ предписанія о передачѣ дѣлъ о продовольствіи казенныхъ крестьянъ въ коммиссію продовольствія.

Пока шли эти пререканія и пока новая коммиссія знакомилась съ своими обязанностями, — разрѣшеніе вопроса объ оказаніи крестьянамъ Старорусскаго и Крестецкаго уѣздовъ пособія все затягивалось, такъ что крестьяне нѣкоторыхъ вотчинъ Старорусскаго и Валдайскаго уѣздовъ стали обращаться, непосредственно или черезъ посредство нѣкоторыхъ лицъ изъ мѣстной администраціи, къ министру финансовъ съ усиленными просьбами о пособіи; указывая на безвыходность своего положенія, вслѣдствіе того, что мѣстное начальство, т. е. коммиссія продовольствія не предпринимала никакихъ мѣръ для оказанія имъ необходимой помощи.

Наконецъ, въ концѣ апрѣля 1823 г. получаются министрами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ донесенія новгородскаго губернатора о необходимости какъ можно скорѣе оказать значительныя пособія казеннымъ крестьянамъ Старорусскаго, Крестецкаго Валдайскаго уѣздовъ на засѣвъ полей и на продовольствіе. При этомъ губернаторъ сообщалъ, что такъ какъ ни онъ, ни казенная палата не имѣютъ средствъ для учрежденія необходимаго надзора за тѣмъ, чтобы не было злоупотребленій и чтобы отпущенный хлѣбъ былъ употребленъ на тѣ надобности, на которыя онъ назначенъ, то слѣдовало бы прислать изъ министерства финансовъ благонадежныхъ и довѣренныхъ чиновниковъ для раздачи хлѣба.

Позднее обращеніе за пособіемъ губернаторъ объяснялъ тѣмъ, что казенная палата не доставила будто бы въ коммиссію продовольствія, въ которой онъ былъ предсѣдателемъ, свѣдѣній о числѣ нуждающихся крестьянъ и о размѣрахъ пособія. Министръ финансовъ въ представленной имъ 5 мая 1823 г. запискѣ въ комитетъ

министровъ считалъ виновникомъ происшедшаго упущенія губернатора, а не казенную палату, которая могла собирать всѣ свѣдѣнія о числѣ нуждающихся и состояніи продовольствія только при посредствѣ нижнихъ земскихъ судовъ, а послѣдніе находились въ непосредственной зависимости отъ губернатора. Посылать чиновниковъ отъ себя министръ финансовъ считалъ несвоевременнымъ, такъ какъ они не могли бы уже во время собрать нужныя свѣдѣнія и провѣрить донесенія губернскаго начальства. Поэтому, и въ виду наступившаго уже времени посѣвовъ, министръ финансовъ предлагалъ отпустить въ распоряженіе губернатора 100 тыс. руб. съ тѣмъ, чтобы онъ оказалъ пособіе нуждающимся крестьянамъ овсомъ и ячменемъ для обсѣва полей, *если только не окончательно упущено время посѣва*. Уже послѣ представленія записки министра финансовъ въ комитетъ министровъ доставлены были новгородскимъ губернаторомъ свѣдѣнія о числѣ нуждающихся крестьянъ, о размѣрахъ ссуды имъ и постановленія коммиссіи продовольствія.

Число нуждающихся крестьянъ въ пяти уѣздахъ: Валдайскомъ, Старорусскомъ, Боровичскомъ, Тихвинскомъ и Бѣлозерскомъ казенная палата опредѣляла въ 32,405 душъ обоего пола; на каждую душу назначено было въ ссуду по 1 четверти овса. Полагая цѣну овса 13 руб. 50 коп. за четверть, весь расходъ опредѣлялся палатою въ 437,467 руб. Коммиссія продовольствія, состоявшая изъ губернатора, вице-губернатора, губернскаго и одного уѣзднаго предводителя дворянства, управляющаго, непремѣннаго члена и губернскаго прокурора, основываясь только на вычисленіяхъ палаты, согласилась, что указанная сумма дѣйствительно необходима, и постановила просить губернатора обратиться къ высшему правительству и испросить въ ссуду всю исчисленную сумму.

Министръ финансовъ, получивши представленіе губернатора и постановленія коммиссіи, снова вошелъ въ комитетъ министровъ съ запиской отъ 12 мая, въ которой указывалъ, что нельзя полагаться на представленныя губернаторомъ вѣдомости о числѣ нуждающихся крестьянъ и размѣрахъ ссуды, во первыхъ, потому, что губернаторъ прибавилъ отъ себя къ пяти нуждающимся уѣздамъ еще одинъ Крестецкій, о которомъ ни казенная палата, ни коммиссія продовольствія не упоминали, и во вторыхъ, странно было, что ни губернаторъ, ни коммиссія не упоминали вовсе о хлѣбѣ, который необходимъ былъ на продовольствіе самихъ крестьянъ *).

На основаніи этого министръ финансовъ настаивалъ на прежнемъ своемъ мнѣніи, соглашаясь, однако, признать сдѣланныя уже министромъ внутреннихъ дѣлъ распоряженія объ отпускѣ для продовольствія крестьянъ 110,665 руб. 77 коп., принадлежавшихъ къ

*) Коммиссія, вѣроятно, основывалась на точномъ смыслѣ предыдущаго представленія мин. финансовъ въ комитетъ министровъ о пособіи овсомъ и ячменемъ только на обсѣвъ полей.

капиталу запасныхъ магазиновъ, и 34,515 р. 50 коп., оставшихся отъ суммы, отпущенной на продовольствіе крестьянъ Новгородской губерніи въ предшествовавшемъ году. Такимъ образомъ вся ссуда крестьянамъ въ 1823 году составляла 145,181 р. Цѣнность этой ссуды нѣсколько возвышалась оттого, что закупка большей части овса (10 тысячъ четвертей) была сдѣлана въ провіантскомъ вѣдомствѣ, такъ что четверть овса по казенной цѣнѣ обошлась вмѣсто 13 руб. 50 коп. въ 9 руб. 50 коп.

Продовольственный вопросъ въ Новгородской губерніи подалъ министру финансовъ поводъ представить на разсмотрѣніе комитета министровъ слѣдующую общую мѣру по всѣмъ губерніямъ: дабы впредь высшее начальство, по упущенію времени, не было затрудняемо сомнѣніями, дѣйствительно ли необходима ссуда и слѣдуетъ ли произвести ассигновку, то подтвердить строжайшимъ образомъ коммиссіямъ продовольствія и особенно гражданскимъ губернаторамъ, чтобы они съ требованіями о пособіи, если гдѣ оно было необходимо, входили въ октябрѣ и не позже декабря мѣсяца, такъ какъ въ такомъ только случаѣ возможно было, удостовѣрившись въ дѣйствительной надобности ссуды посредствомъ командированія особыхъ чиновниковъ, принять заблаговременно мѣры къ закупкѣ хлѣба. Заботы объ этомъ касаются, говорится въ запискѣ, непосредственно губернаторовъ, потому что казенныя палаты должны собирать всѣ нужныя по этому предмету свѣдѣнія при посредствѣ нижнихъ земскихъ судовъ, а послѣдніе находились въ полной зависимости отъ губернаторовъ.

Представленіе министра финансовъ было одобрено комитетомъ министровъ и высочайше утверждено 22 мая 1823 года. Всѣ губернаторы извѣщены были циркулярными предписаніями. Послѣднія, однако, не исполнялись въ точности, такъ какъ ровно черезъ годъ въ маѣ 1824 года министръ финансовъ, получивши отъ казенныхъ палатъ и губернаторовъ представленія о недостаткѣ продовольствія у казенныхъ крестьянъ, входилъ опять въ комитетъ министровъ о подтвержденіи губернаторамъ и коммиссіямъ продовольствія предписанія 22 мая 1823 года, а въ случаѣ, представленіе о пособіи не сдѣлано въ назначенное время, между тѣмъ впослѣдствіи пособіе окажется необходимымъ, то издержки, которыя употребитъ тогда казна на пособіе, должны быть обращены ко взысканію съ тѣхъ, которые окажутся виновными въ недоставленіи въ свое время нужныхъ свѣдѣній.

Комитетъ министровъ согласился и съ этимъ представленіемъ: журналъ комитета получилъ затѣмъ и высочайшее утвержденіе (17 іюня 1824 года).

V.

Неурожаи 1820-го и 1821-го года коснулись и Смоленской губ. И здѣсь болѣе тяжелымъ для населенія оказался неурожай 1821 года.

Въ 1820 году неурожай обнаружился главнымъ образомъ въ Рославльскомъ уѣздѣ, нѣсколько менѣе въ Ельнинскомъ и Дорогобужскомъ уѣздахъ.

Изъ Рославльскаго уѣзда присылались въ Москву воззванія о помощи, подписанныя дворянами, сообщавшими, что голодъ сдѣлался въ этомъ уѣздѣ повсемѣстнымъ, цѣлыя селенія не имѣли дневного пропитанія, а многіе изъ крестьянъ дошли до полнаго разслабленія. Воззванія имѣли въ виду вызвать частную благотворительность. Московскій генералъ-губернаторъ, однако, не рѣшался сперва дать разрѣшеніе на открытіе подписки для сбора пожертвованій; подписка началась только послѣ разъясненія комитета министровъ, что «дѣлать благотворенія зависитъ отъ доброй воли каждаго и что поэтому генералъ-губернатору нѣтъ надобности принимать по этому дѣлу какія либо распоряженія».

Мѣстная администрація съ своей стороны принимала нѣкоторыя мѣры для поддержанія нуждающихся жителей. Не имѣя опредѣленныхъ правилъ отъ болѣе поздняго времени о мѣрахъ продовольствія жителей въ случаѣ неурожаевъ, смоленское губернское правленіе, подобно екатеринославской администраціи, обратилось къ старому закону, именно къ извѣстному Петровскому указу 10 февраля 1723 года, на основаніи котораго слѣдовало описать весь хлѣбъ, имѣющійся какъ у помѣщиковъ, такъ и у частныхъ хлѣбопромышленниковъ и крестьянъ и, въ случаѣ нужды, забирать у первыхъ остающійся отъ продовольствія ихъ собственныхъ крестьянъ хлѣбъ, а промышленниковъ заставить продавать хлѣбъ по такой цѣнѣ, чтобы они получали прибыли не болѣе 10 коп. на рубль. Для собранія свѣдѣній о хлѣбныхъ запасахъ правленіе учредило въ гор. Рославлѣ особую коммиссію подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства изъ уѣзднаго судьи, уѣзднаго земскаго исправника и почетныхъ дворянъ по приглашенію. Когда губернаторъ представилъ распоряженія губернскаго правленія министру внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубею, то послѣдній отмѣнилъ эти распоряженія, какъ несогласныя съ новѣйшими положеніями о свободной торговлѣ хлѣбомъ и объ обязанности каждаго помѣщика кормить только своихъ крестьянъ, какіе бы запасы хлѣба у него ни хранились, а комитетъ министровъ разъяснилъ, что указъ 10 февраля 1723 года не содержалъ въ себѣ положительнаго закона, а только временно принятыя правительствомъ мѣры по случаю бывшаго тогда голода.

Министръ внутреннихъ дѣлъ и комитетъ министровъ настаивали вмѣстѣ съ тѣмъ на строгомъ примѣненіи указа 23 февр. 1811 года

относительно обращенія въ казну тѣхъ имѣній, владѣльцы которыхъ отказывались прокармливать своихъ крестьянъ во время неурожая.

Денежное пособіе отъ казны министръ внутреннихъ дѣлъ предлагалъ оказать только мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ, имѣвшимъ не болѣе 30 душъ м. п. крестьянъ, въ размѣрѣ 150 руб. на каждую душу и съ уплатою ссуды и процентовъ въ теченіе 5 лѣтъ. Для этой цѣли предполагалось ассигновать на первый разъ 100 тыс. рублей, раздачей которыхъ и собираніемъ самыхъ свѣдѣній о нуждающихся помѣщикахъ должна была завѣдывать особая коммиссія (такъ называемая впослѣдствіи коммиссія продовольствія) въ Смоленскѣ изъ губернатора, вице губернатора, губернскаго предводителя дворянства и губернскаго прокурора.

О состояніи продовольствія казенныхъ крестьянъ не было еще получено точныхъ свѣдѣній, да крестьянъ этихъ не много и было въ Смоленской губерніи, сравнительно съ помѣщичьими крестьянами. По вѣдомостямъ, представленнымъ предводителями дворянства и губернаторомъ, помѣщичьихъ крестьянъ въ 7 нуждающихся уѣздахъ Смоленской губ. было 294.654 души обоего пола (за 3,486-ю дворянскими семействами), а казенныхъ крестьянъ въ тѣхъ же 7 уѣздахъ по ревизіи было 15,931 душа обоего пола, т. е. немного болѣе 5% всего числа крестьянъ. Такимъ образомъ, естественно, что главныя заботы правительства обратились на помѣщичьихъ крестьянъ и на самихъ владѣльцевъ ихъ.

Комитетъ министровъ журналомъ 30 августа и 5 апрѣля 1821 года утвердилъ предложеніе министра внутреннихъ дѣлъ, исключая самаго главнаго пункта предложенія—денежной ссуды по 150 руб. на душу. Отказъ въ ссудѣ комитетъ мотивировалъ тѣмъ, что раньше при тѣхъ-же условіяхъ отказано было въ денежной ссудѣ Черниговской губерніи. Министръ внутреннихъ дѣлъ настаивалъ на своемъ мнѣніи, указывая на то, что если Черниговской губерніи отказано было въ денежномъ пособіи, за то дозволено было дѣлать мелкопомѣстнымъ дворянамъ пособія хлѣбомъ и усиленъ былъ капиталъ черниговскаго приказа для выдачи ссудъ помѣщикамъ. Съ министромъ внутреннихъ дѣлъ согласились петербургскій военный генералъ-губернаторъ и министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; послѣдній, впрочемъ, прибавлялъ, что ссуда могла быть оказана и хлѣбомъ. Комитетъ остался при томъ же мнѣніи и послѣ доставленія министромъ внутреннихъ дѣлъ новыхъ свѣдѣній (5 апрѣля).

На положеніе комитета министровъ послѣдовала 20 мая 1821 года высочайшая резолюція: «по продовольствію Смоленской губерніи я согласенъ съ мнѣніемъ гр. Кочубея и приставшихъ къ нему членовъ». Предложенныя и высочайше утвержденныя мѣры продовольствія не могли быть, однако, приведены въ исполненіе, *такъ какъ было слишкомъ поздно.* Смоленская коммиссія продовольствія, не дождавшись рѣшенія вопроса, позаимствовала изъ бывшихъ въ

вѣдѣнія губернатора суммъ 25 тысячъ рублей и изъ нихъ употребила на пособіе помѣщичьимъ крестьянамъ 6,360 руб. 50 коп., а остальныя возвратила обратно и прекратила свои дѣйствія, за наступленіемъ лѣта и новой жатвы.

Заботы о продовольствіи казенныхъ крестьянъ комитетъ возложилъ на министра финансовъ, который поэтому поручилъ вице-губернатору и казенной палатѣ собрать свѣдѣнія о состояніи казенныхъ крестьянъ. Изъ донесеній вице-губернатора видно, что казенные крестьяне Рославльскаго, Ельнинскаго и частью Дорогобужскаго уѣздовъ имѣли нужду въ продовольствіи и въ обсѣмененіи яровыхъ полей. Казенная палата сначала просила министра финансовъ отпустить на покупку хлѣба деньги (111 тыс. р.), оставшіяся отъ покупки скота для раззоренныхъ непріятелемъ крестьянъ; но министръ финансовъ вмѣсто денегъ приказалъ обратить на пособіе крестьянамъ запасы хлѣба, хранившіеся въ запасныхъ магазинахъ. По всей губерніи такихъ запасовъ оказалось 6324 четв.; въ томъ числѣ озимого хлѣба 5547 четв., а ярового только 777 четв.: между тѣмъ въ послѣднемъ крестьяне болѣе всего нуждались; пришлось поэтому обратиться въ провіантское вѣдомство и позаимствовать у него 1784 четв. овса для засѣва полей. Уплата долга должна была производиться хлѣбомъ съ прибавкой на каждую четверть по гарнцу въ видѣ процентовъ. Числа нуждающихся крестьянъ и размѣровъ пособія каждому изъ нихъ изъ донесеній не видно, исключая Рославльскаго уѣзда, гдѣ нуждающихся крестьянъ числилось 149 душъ, имъ роздано было 100 четв. овса на обсѣвъ полей.

Въ Ельнинскомъ уѣздѣ казенные крестьяне обошлись хлѣбомъ изъ своихъ-же запасныхъ магазиновъ. Въ Дорогобужскомъ уѣздѣ казеннымъ крестьянамъ было отпущено на продовольствіе 1025 четв. ржи и 1784 четв. овса на обсѣвъ полей.

Урожай 1821 года оказался въ Смоленской губерніи такимъ же худымъ, какъ и въ предыдущемъ году, распространившись притомъ еще на нѣсколько уѣздовъ; послѣдствія этого неурожая сказались на жителяхъ тяжелѣе, чѣмъ въ 1820 году, такъ какъ у казенныхъ крестьянъ и помѣщиковъ въ теченіе минувшаго неурожайнаго года истощились прежніе запасы. Причины неурожаевъ были почти тѣже, что и въ предыдущемъ году: малоснѣжная зима, частыя оттепели, градобитіе, непрерывные дожди съ половины мая, вслѣдствіе чего хлѣбъ и не созрѣлъ во время.

Рославльскій и ельнинскій земскіе исправники, а за ними исправники и предводители дворянства еще пяти другихъ уѣздовъ уже въ августѣ и сентябрѣ доносили губернатору, что отъ повсемѣстныхъ дождей, наводненій, холодныхъ вѣтровъ и раннихъ заморозковъ урожай хлѣбовъ и травъ настолько въ плохомъ состояніи, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ уже въ то время нуждались въ продовольствіи; у многихъ не хватало хлѣба на обсѣмененіе полей;

вслѣдствіе этого въ Рославльскомъ уѣздѣ нѣкоторые продали свое имущество; а мелкопомѣстные дворяне не въ состояніи прокормить своихъ крестьянъ.

Для удовлетворенія нуждъ населенія этихъ уѣздовъ коммиссія просила, сверхъ раньше отпущенныхъ 50 тыс. рублей, еще 100 тыс. рублей для раздачи мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ находилъ, что, не смотря на всѣ затрудненія, которыя встрѣчаются при оказаніи пособія хлѣбомъ въ натурѣ, этотъ способъ помощи все же болѣе полезенъ и необходимъ при существующихъ условіяхъ. Распредѣленіе пособій и закупку хлѣба министръ предполагалъ возложить на открытую вновь коммиссію продовольствія въ Смоленскѣ; закупленный хлѣбъ долженъ храниться въ запасныхъ магазинахъ, по два въ каждомъ уѣздѣ; выдачу хлѣба производить только крестьянамъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ (имѣвшихъ менѣе 50 душъ). Возвратъ ссуды долженъ былъ производиться деньгами по казенной цѣнѣ въ теченіе пяти лѣтъ; ссуда владѣльцу обезпечивалась его имѣніемъ и крестьянами, считая каждую душу по 150 рублей. Наблюденіе за правильностью взноса возлагалось на казенную палату при содѣйствіи губернскаго правленія и предводителей дворянства. Относительно владѣльцевъ, имѣвшихъ болѣе 50 душъ, министръ внутреннихъ дѣлъ считалъ необходимымъ строго примѣнять упомянутый уже не разъ указъ 21 февраля 1811 года. Предположенія эти были представлены въ особой запискѣ въ комитетъ министровъ. Послѣдній дважды обращался къ разсмотрѣнію записки министра внутреннихъ дѣлъ. Въ засѣданіи 18 октября 1821 года комитетъ постановилъ, что покупка хлѣба и раздача его недостаточнымъ владѣльцамъ натурою поставила бы правительство въ большое затрудненіе и что сами владѣльцы могутъ лучше распорядиться продовольствіемъ своихъ крестьянъ, если имъ оказана будетъ денежная ссуда. Комитетъ полагалъ поэтому за лучшее обратиться къ тѣмъ мѣрамъ, которыя были уже высочайше утверждены 20 мая 1821 года.

Но такъ какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, а съ нимъ и министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія остались при прежнемъ мнѣніи,—т. е. чтобы оказать пособіе хлѣбомъ, а не деньгами, и министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ еще новую записку въ подтвержденіе своего мнѣнія, то комитетъ министровъ въ засѣданіи 25 октября вновь разсмотрѣлъ дѣло и призналъ, что положеніе крестьянъ нѣкоторыхъ уѣздовъ требуетъ особеннаго попеченія правительства и что способы продовольствія, количество ссуды и степень нужды лучше всего могутъ быть опредѣлены на мѣстѣ. Поэтому комитетъ полагалъ отправить въ Смоленскую губернію сенатора изъ московскихъ департаментовъ; послѣдній долженъ былъ рѣшить окончательно, слѣдовало-ли оказать пособіе хлѣбомъ или деньгами; въ томъ и другомъ случаѣ пособіе могло быть оказано только мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ.

Въ распоряженіе сенатора отпускалось на первое время 50 тысячъ рублей. Положеніе комитета было высочайше утверждено 31 окт.; и въ Смоленскую губ. назначенъ былъ сенаторъ Мертваго, въ его распоряженіе ассигновано было 250 тысячъ рублей.

Что касается казенныхъ крестьянъ, то главное попеченіе о нихъ, какъ и въ предыдущемъ году, возложено было на министра финансовъ, а послѣдній дѣйствовалъ черезъ казенную палату и вице-губернатора. Въ теченіе декабря 1821 года вице-губернаторъ доставилъ министру финансовъ свѣдѣнія о числѣ нуждающихся крестьянъ въ перечисленныхъ ранѣе шести уѣздахъ. По этимъ свѣдѣніямъ число казенныхъ крестьянъ, нуждавшихся въ продовольствіи, было 6,406 душъ муж. п. и 6,478 душъ жен. пола. Министръ финансовъ полагалъ въ теченіе $5^1/_2$ мѣсяцевъ съ 1 февр. по 15 іюля отпускать по 1 четверику ржи на душу въ мѣсяцъ; это составляло 8,857 чет. 6 чк., да на обсѣвъ полей для 5,623 душъ требовалось 5,623 четверти овса. Если считать среднюю цѣну четверти ржи—20 руб., а овса 10 руб., то приходилось на каждую мужскую душу по 24 руб. ссуды, а на каждую женскую по 14 руб. *) (всего на сумму 250 тысячъ руб.). При закупкѣ хлѣба и распредѣленіи пособій казеннымъ крестьянам количество ржи и овса нѣсколько измѣнилось: ржи куплено было всего 4,149 четв., а овса 12,834½ четв., четверть ржи обошлась отъ 17 р. 64 к. до 22 руб., а овса—отъ 8 р. 70 коп. до 11 руб., что составило сумму въ 190,870 руб., такъ что на каждую душу приходилось около 15 руб. 50 копѣекъ.

Впослѣдствіи сенаторъ Мертваго также представилъ вѣдомость о числѣ нуждавшихся дворянскихъ семействъ и ихъ крестьянъ. Изъ этой вѣдомости видно, что въ 7 неурожайныхъ уѣздахъ Смоленской губерніи владѣвшихъ крестьянами дворянскихъ семействъ было 3,486; за ними числилось 294,654 души обоего пола крестьянъ; изъ указаннаго числа дворянскихъ семействъ нуждалось въ ссудѣ 1,839 семействъ **) (1,482 семейства имѣли отъ 1 до 30 душъ и 357 сем. свыше 30 душъ); за ними было 106,221 душа обоего пола крестьянъ. Не нуждающихся семействъ было 1,647; за ними числилось 188,433 души обоего пола. Нуждающіеся дворяне составляли такимъ образомъ болѣе 52% всѣхъ дворянъ, а нуждающіеся помѣщичьи крестьяне составляли 36% всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ. Для продовольствія помѣщичьихъ крестьянъ испрашивалось 2.661,684 рублей, т. е. болѣе 25 руб. на каждую душу. Если даже не считать тѣхъ дворянъ, которые имѣли болѣе 30 душъ, то и тогда требовалось въ ссуду 787,034 руб. на 31,909 душъ крестьянъ обоего

*) Записка министра финансовъ, поданная въ комитетъ министровъ 27 января 1822 года.

**) На нихъ числилось долговъ и недоимокъ 1.830,417 руб.; т. е. почти по 1,000 рублей на семейство.

пола. Хозяйственное положеніе дворянъ Смоленской губерніи сенаторъ рисуетъ въ очень печальномъ видѣ: «мелкопомѣстныхъ дворянъ, нуждающихся въ продовольствіи—пишетъ сенаторъ—такъ много, что ассигнованная въ распоряженіе его сумма 250 тыс. рублей далеко недостаточна даже для владѣльцевъ, имѣвшихъ менѣе 30 душъ крестьянъ, считая по 50 руб. на каждую душу муж. пола, между тѣмъ необходимо было оказать пособіе очень многимъ владѣльцамъ, имѣвшимъ и болѣе 30 душъ». Что касается способа продовольствія, то сенаторъ предлагалъ выдавать ссуду и хлѣбомъ и деньгами, смотря по нуждѣ и по обстоятельствамъ, причемъ для облегченія дворянъ выдать имъ ссуду въ одинъ разъ, въ ближайшемъ городѣ и съ правомъ получать по довѣренности; за первый годъ процентовъ не брать, объявивъ, кромѣ того, дворянамъ, что государь императоръ, снисходя къ ихъ бѣдности, проценты за первый годъ жалуетъ имъ, а затѣмъ въ теченіе десяти лѣтъ они должны платить по 6%, выплачивая вмѣстѣ съ тѣмъ и капиталъ.

Если же кто не былъ бы въ состояніи уплатить ссуды и прежнихъ недоимокъ, то имѣніе такого владѣльца должно перейти по продажѣ къ другому владѣльцу. Такая мѣра, по мнѣнію сенатора, была бы полезна и для крестьянъ, и для самихъ владѣльцевъ ихъ. Крестьяне проданы будутъ болѣе достаточнымъ помѣщикамъ, которые поправятъ ихъ хозяйства и будутъ заботиться о нихъ, если не изъ человѣколюбія, то ради собственной пользы; а сами мелкопомѣстные владѣльцы, изъ которыхъ большая часть, по словамъ сенатора, «тунеядцы, воспитанные не лучше своихъ крестьянъ и по наслѣдственному праву не боящіеся строгости законовъ, примѣняемой къ простолюдинамъ, не достойны владѣть людьми, и для нихъ будетъ та польза, что, лишившись крестьянъ, они по необходимости станутъ служить».

Владѣльцамъ, у которыхъ было болѣе 30 душъ, сенаторъ считалъ необходимымъ оказать помощь потому, что если къ нимъ примѣнить строго указъ 21 февраля 1811 года, то правительству все равно придется отпускать значительныя суммы на продовольствіе крестьянъ въ имѣніяхъ, взятыхъ въ казну, а такихъ имѣній было очень много. Наконецъ, сенаторъ представилъ довольно большой списокъ дворянъ, которые, не имѣя ни крестьянъ, ни земли, нуждались въ продовольствіи для себя и своихъ семействъ. «Не имѣя права назначать имъ пособія—пишетъ сенаторъ—я не могъ не почувствовать жалости, видя этихъ тунеядцевъ, въ нищетѣ погибающихъ, а потому осмѣливаюсь просить оказать и имъ хотя бы небольшую денежную помощь безъ возврата, чтобы такимъ образомъ хоть принудительно поставить ихъ на путь, званію ихъ соотвѣтствующій».

По разсчету сенатора, ему нужна была сумма около 2.848,000 рублей.

Министръ финансовъ, по поводу донесенія сенатора Мертваго,

представилъ въ комитетъ министровъ слѣдующія свои соображенія относительно пособія дворянамъ: 1) пособіе слѣдовало оказать только мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ, имѣвшимъ не болѣе 30 душъ крестьянъ; на этотъ предметъ онъ соглашался отпустить, полагая по 50 руб. на каждую душу крестьянъ муж. пола, сумму въ 780.750 руб. изъ государственнаго заемнаго банка на основаніи правилъ этого банка о 8-ми-лѣтнихъ займахъ; если кому выдано было пособіе хлѣбомъ, то засчитать и это пособіе въ сумму 50 рублей; 2) относительно же владѣльцевъ, имѣвшихъ болѣе 30 душъ, министръ финансовъ полагалъ, что слѣдуетъ держаться уже состоявшихся положеній комитета министровъ, высоч. утвержденныхъ 20 мая и 31 окт. 1821 года, т. е. что къ нимъ слѣдуетъ примѣнить указъ 21 февраля 1811 года и безъ всякаго послабленія удалять ихъ, какъ неспособныхъ отъ управленія своими имѣніями, обращая послѣднія въ казенное управленіе и возлагая попеченіе о продовольствіи крестьянъ въ такихъ имѣніяхъ на коммиссію продовольствія.

Для этой надобности министръ финансовъ предлагалъ отпустить 100 тысячъ рублей. Одновременно министръ финансовъ внесъ въ комитетъ и другую записку о продовольствіи казенныхъ крестьянъ. Изложивъ комитету состояніе казенныхъ крестьянъ, указавъ количество нуждающихся крестьянъ и размѣръ испрашиваемой ссуды, министръ финансовъ ходатайствовалъ объ отпускѣ на пособіе казеннымъ крестьянамъ 250 тыс. рублей въ распоряженіе казенной палаты. Ссуда казеннымъ крестьянамъ должна быть произведена непремѣнно хлѣбомъ по той цѣнѣ, по какой онъ обойдется при покупкѣ съ доставкою; возвратъ ссуды разложить на два срока—15 декабря 1822 и 15 дек. 1823 г.

Комитетъ министровъ согласился со всѣми предложеніями министра финансовъ, прибавивъ съ своей стороны, что слѣдуетъ оказать пособіе и тѣмъ дворянамъ, которые не имѣютъ за собою крестьянъ, а иногда и земли. Комитетъ полагалъ отпустить имъ въ видѣ подаянія безъ возврата особо 50 тыс. рублей, поручивъ коммиссіи продовольствія раздать по своему усмотрѣнію наиболѣе нуждающимся дворянамъ названной категоріи, съ тѣмъ, чтобы на каждую душу приходилось отнюдь не болѣе 25 рублей. Государь императоръ 7 февраля утвердилъ положеніе комитета министровъ съ тѣмъ, чтобы «всѣ мѣры, въ журналѣ комитета заключающіяся, исполнены были на самомъ дѣлѣ во всей точности, что и возлагаетъ онъ на непосредственную отвѣтственность управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и министра финансовъ».

Утверждено было также представленіе министра финансовъ о пособіи казеннымъ крестьянамъ. Впослѣдствіи, однако, срокъ уплаты ссуды для казенныхъ крестьянъ былъ продолженъ на одинъ годъ вслѣдствіе особаго представленія министра финансовъ въ комитетъ министровъ отъ 18 ноября 1822 года. Отпущенная на продовольствіе казенныхъ крестьянъ сумма—250 тыс. рублей не была из-

расходована полностію: затрачено было всего 190,870 руб. остальные же 59,129 руб, возвращены въ казну. Вслѣдствіе этого министръ финансовъ счелъ нужнымъ заявить комитету министровъ, что представляемыя мѣстною администраціею требованія о ссудѣ не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, такъ какъ оказывается, что многіе крестьяне, просившіе ссуды, вовсе не нуждались въ ней; другіе, узнавши, что она выдается не безвозвратно, а съ обязательствомъ возвратить ее, отказались отъ нея, и наконецъ нѣкоторые нуждались въ ней больше, чѣмъ было заявлено. Послѣ того, какъ состоялось положеніе комитета министровъ о пособіи жителямъ 7 уѣздовъ Смоленской губ., получено было новое донесеніе сенатора Мертваго о томъ, что и въ Бѣльскомъ уѣздѣ оказалось 147 имѣній мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ съ 1,738 крестьянами муж. пола, нуждающимися не менѣе другихъ въ казенной ссудѣ; въ томъ же уѣздѣ, кромѣ того, оказалось 317 семействъ, не имѣвшихъ крестьянъ и нуждавшихся въ единовременномъ пособіи. По представленію министра внутреннихъ дѣлъ комитетъ министровъ согласился ассигновать 100 тыс. руб. на пособіе мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ и особо 7,500 руб. на безвозвратное пособіе дворянамъ, не имѣвшимъ крестьянъ *). Распредѣленіе пособій, какъ сказано, возложено было на особую коммиссію продовольствія въ Смоленскѣ. Сенаторъ Мертваго предложилъ снабдить коммиссію особыми правилами, которыя и были имъ представлены черезъ министра внутреннихъ дѣлъ въ комитетъ министровъ. Послѣ разсмотрѣнія въ комитетѣ 7 марта 1822 г. правила эти были высочайше утверждены, причемъ «Государю Императору угодно было, чтобы сенаторъ Мертваго, находясь въ Москвѣ, имѣлъ наблюденіе за точнымъ исполненіемъ сдѣланныхъ имъ по Смоленской губерніи распоряженій и чтобы изъ 50 тыс. рублей, пожалованныхъ для вспоможенія бѣднымъ дворянамъ, пособія выдавались по сдѣланному имъ разсчету безъ всякаго уменьшенія; если же суммы этой окажется недостаточно, то сенаторъ можетъ войти черезъ министра внутреннихъ дѣлъ съ представленіемъ объ ассигнованіи дополнительной ссуды; равнымъ образомъ, если и другихъ суммъ, отпущенныхъ на продовольствіе, не достало бы для удовлетворенія всѣхъ нуждающихся въ ссудѣ, то и объ этомъ сенаторъ могъ войти съ представленіемъ; поэтому сенаторъ долженъ былъ имѣть сношенія съ учрежденною въ Смоленскѣ коммиссіей и наблюдать за ея дѣйствіями».

Сенаторъ Мертваго, пользуясь высочайше даннымъ ему правомъ испрашивать дополнительныя пособія, въ началѣ мая 1822 г.

---

*) Журн. комит. 11 марта 1822 г., высочайше утвержд. 11 марта 1822 г. Ссуда безземельнымъ дворянамъ распредѣлена такимъ образомъ: уволеннымъ отъ службы чиновникамъ, ихъ женамъ, дѣтя[illegible] [illegible]довамъ шт.-офиц. класса 10-ти чел. по 25 руб., оберъ-офиц. класс [illegible]0 чел. по 20 р. унтеръ-офиц. чина 514 лицамъ по 15 р., не служащимъ дворянамъ въ числѣ 317 чел. по 10 руб.; итого 12.298 душамъ выдано 57.500 р.

обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ съ представленіемъ о необходимости назначить еще слѣдующія пособія: 1) по прошеніямъ, полученнымъ отъ 1,600 душъ дворянъ, не имѣвшихъ крестьянъ—23,260 руб.; деньги эти должны быть распредѣлены такимъ образомъ: одному штабъ-офицеру 25 руб.; 600 оберъ-офицерамъ—12 тыс. руб.; 249 унтеръ-офицерамъ 3735 руб.; 750 неслужащимъ дворянамъ 7500 руб.; 2) мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ, имѣвшимъ менѣе 30 душъ, въ дополненіе къ прежней суммѣ 780 тыс. руб., необходимо было еще отпустить 225,490 руб.; 3) для продовольствія крестьянъ тѣхъ имѣній, которыя взяты были въ казну отъ неисправныхъ владѣльцевъ, въ дополненіе къ прежней ссудѣ требовалось еще, по крайней мѣрѣ, 50 тыс. рублей и 4) сенаторъ считалъ необходимымъ оказать также какое-нибудь пособіе и нѣкоторымъ владѣльцамъ, имѣвшимъ болѣе 30 душъ.

Комитетъ министровъ, разсмотрѣвъ представленіе сенатора Мертваго, согласился съ первымъ и третьимъ пунктами его; а въ остальныхъ требованіяхъ сенатора отказалъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что въ государственномъ казначействѣ и въ банкѣ нѣтъ никакихъ свободныхъ суммъ и что самое пособіе было несвоевременно, такъ какъ время посѣвовъ скоро должно было окончиться. Предсѣдатель департамента экономіи и государственнаго совѣта при подписаніи журнала комитета министровъ прибавилъ, что онъ, съ своей стороны, полагалъ бы необходимымъ отпустить въ распоряженіе сенатора Мертваго хотя бы 30 тыс. руб. на прокормленіе до новаго урожая крестьянъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ *).

Положеніе комитета и особое мнѣніе предсѣдателя департамента экономіи были высочайше утверждены.

Послѣдствія двухлѣтнихъ неурожаевъ въ Смоленской губерніи не могли изгладиться быстро и потому, не смотря на сравнительно хорошій урожай 1822 года, многіе изъ помѣщиковъ снова обращались за ссудою въ коммисію продовольствія.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, получивши представленіе коммиссіи, предлагалъ оказать на первый разъ пособіе въ 5 тыс. рублей на обсѣмененіе озимыхъ полей. Но министръ финансовъ даже такое пособіе нашелъ излишнимъ, какъ въ виду поздняго времени для посѣвовъ, такъ и въ виду того, что правительство не можетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ.

VI.

Калужскій губернаторъ Омельяненко доносилъ министру внутреннихъ дѣлъ весною 1821 г., что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Мещовскаго, Козельскаго и Перемышльскаго уѣздовъ и почти повсемѣстно въ Жиздринскомъ и Малоярославецкомъ уѣздахъ казенные

*) Полож. ком. мин. 6 іюня 1822 г.

и помѣщичьи крестьяне терпятъ недостатокъ въ продовольствіи вслѣдствіе неурожая хлѣба въ 1819 и 1820-хъ годахъ; это обстоятельство вынуждало губернатора просить объ отсрочкѣ платежа податей за первую половину 1821 года; въ ожиданіи же разрѣшенія этой просьбы онъ предписалъ земской полиціи пріостановить до уборки новаго хлѣба взысканіе податей въ наиболѣе нуждающихся селеніяхъ. Комитетъ министровъ, на усмотрѣніе котораго внесено было представленіе губернатора, обратилъ вниманіе на то, что Калужская губернія даже и въ урожайные годы можетъ продовольствоваться своимъ хлѣбомъ не болѣе полугода, а на остальную часть года жители достаютъ себѣ средства разными промыслами; изъ этого же источника уплачиваютъ и подати, такъ что недостатокъ хлѣба въ нѣкоторыхъ уѣздахъ—случай обыкновенный въ этой губерніи, не требующій никакихъ особыхъ мѣръ со стороны правительства въ видѣ отсрочки податей и т. п.; поэтому губернаторъ, по мнѣнію комитета, не въ правѣ былъ по своему усмотрѣнію останавливать сборъ податей. Такое постановленіе комитета министровъ не получило, однако, высочайшаго утвержденія и въ засѣданіи комитета 14 іюня была объявлена резолюція государя императора, признававшая, что калужскій губернаторъ поступилъ основательно, пріостановивъ на время взысканіе податей съ нуждающихся поселеній, если только крайность положенія ихъ необходимо того требовала, а чтобы удостовѣриться въ дѣйствительности представленнаго губернаторомъ, министръ финансовъ могъ послать особаго чиновника и, если бы открылось, что особенной нужды останавливать взысканіе податей не было, тогда представить объ этомъ комитету министровъ и подвергнуть губернатора должной отвѣтственности. Исполняя высочайшее повелѣніе, министръ финансовъ отправилъ въ Калужскую губернію чиновника особыхъ порученій Шипулинскаго и поручилъ ему объѣхать всѣ казенныя селенія, упоминаемыя въ донесеніи губернатора. Шипулинскій въ теченіе мѣсяца объѣхалъ казенныя селенія пяти названныхъ выше уѣздовъ и представилъ министру финансовъ отчетъ, въ которомъ доказывалось, что нужда въ продовольствіи казенныхъ крестьянъ Калужской губерніи была не такъ велика, какъ представля[illegible]ее губернаторъ. Шипулинскій указывалъ, однако, что одна [illegible] волостей Жиздринскаго уѣзда, именно Бутчинская, состояв[illegible]я изъ села Бутчина съ шестью деревнями, дѣйствительно нужд[illegible] въ продовольствіи и въ облегченіи уплаты податей и недо[illegible]окъ, причемъ изъ данныхъ, изложенныхъ въ отчетѣ, открылась печальная картина крайняго разоренія и притѣсненій, испытываемыхъ крестьянами этой волости въ теченіе цѣлаго десятилѣтія.

Въ остальныхъ уѣздахъ, по донесенію Шипулинскаго, особой продовольственной нужды не оказывалось. Такъ, въ Мещовскомъ уѣздѣ указывалось на затруднительное положеніе казенныхъ кре-

стьянъ Клетинской волости. По собраннымъ свѣдѣніямъ выяснилось, что, по случаю неурожая 1820 года, нѣкоторые изъ крестьянъ дѣйствительно испытывали нужду въ хлѣбѣ и весною 1821 года вынуждены были подмѣшивать въ ржаной хлѣбъ овсяную и ячменную муку и конопляную избоину; 1821 г. урожай ржи у большой части крестьянъ былъ также плохъ, но яровые хлѣба — ячмень и овесъ были хороши. Послѣ засѣва полей въ 1821 году у крестьянъ осталось хлѣба только на мѣсяцъ или на два, послѣ чего они должны были ѣсть покупной хлѣбъ. Ревизовавшій чиновникъ находилъ, однако, что нужду этихъ крестьянъ нельзя было считать особенно большою, такъ какъ въ Калужской губ. своего хлѣба у крестьянъ даже въ урожайные годы хватало обыкновенно на полгода; въ остальную же часть года они покупаютъ хлѣбъ. Подсобнымъ промысломъ для нихъ служило главнымъ образомъ плотничество; отхожіе плотники шли отсюда въ губерніи: Харьковскую, Полтавскую, Кіевскую, Воронежскую и Смоленскую.

Такого же рода заключенія представлены были Шипулинскимъ и по отношенію къ посѣщеннымъ имъ селеніямъ Малоярославецкаго, Козельскаго и Перемышльскаго уѣздовъ, только въ уѣздѣ Жиздринскомъ (собственно въ Бутчинской вол. этого уѣзда) положеніе населенія представляется критическимъ. Двухлѣтній неурожай 1819 и 1820 годовъ заставилъ крестьянъ питаться хлѣбомъ невѣяннымъ, смѣшаннымъ съ овсяной и ячменной мукой и конопляной избоиной, а нѣкоторые въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ передъ новою жатвою примѣшивали къ хлѣбу ильмовый и дубовый листъ и щавель. Урожай 1821 года былъ также плохой— хуже, чѣмъ во всѣхъ другихъ уѣздахъ, вслѣдствіе слишкомъ низменнаго положенія уѣзда. Многіе крестьяне, вслѣдствіе недостатка хлѣба, стали даже ходить по міру и жить подаяніями. Бѣдствія крестьянъ начались однако гораздо раньше послѣднихъ неурожаевъ, именно еще въ 1812 году и постепенно довели ихъ до крайняго разоренія.

Во время отечественной войны Калужская губернія, какъ извѣстно, была одно время театромъ военныхъ дѣйствій; Бутчинская волость очень пострадала при этомъ, такъ какъ черезъ нее проходили войска и обозы изъ южныхъ и юговосточныхъ губерній къ Москвѣ: изъ Полтавской губ. прошло 12 полковъ казаковъ, изъ Рязанской и Харьковской — конное ополченіе; для проходившихъ войскъ у крестьянъ забрано было безъ денегъ, подъ росписки, большое количество хлѣба, сѣна и овса. Кромѣ того, постоянно проходили изъ разныхъ губерній обозы съ провіантомъ для войска; у бутчинскихъ крестьянъ отобрали за это время лошадей, телѣги, колеса, сани, дровни, веревки, хомуты и другія необходимыя вещи. Всѣ эти вещи забирались безъ денегъ и безъ росписокъ, но и по полученнымъ роспискамъ на забранные хлѣбъ, овесъ и сѣно крестьяне ничего потомъ не получили, хотя и представили росписки въ уч-

реждениую для разсчета съ крестьянами ликвидаціонную коммиссію. Всѣ росписки и квитанціи оказались задержанными въ жиздринскомъ земскомъ судѣ, а кто получилъ отпущенныя по этимъ роспискамъ деньги, осталось не выясненнымъ. Особенно тяжело отзывалось на хозяйствѣ крестьянъ отбираніе у нихъ подводъ съ лошадьми и людьми: крестьянскія семьи безъ работниковъ и лошадей не могли запахивать и засѣвать поля; сдѣланные же раньше частные и общественные запасы хлѣба быстро истощились. Кромѣ этихъ, такъ сказать, непредвидѣнныхъ повинностей, крестьяне одновременно должны были уплачивать усиленные прямые налоги деньгами и натурою; такимъ образомъ въ 1812 году на однѣ только военныя нужды было взыскано съ каждой души по 10 руб. на наемъ подводъ для доставленія въ армію провіанта, да натурой собрано было съ души по 1 п. 35 ф. сухарей (для послѣдней цѣли, впрочемъ, выдавалась изъ казны мука по 1 пуду на душу), по 1 пуду сѣна и деньгами на сѣно же по 1 р. 50 коп. съ души; кромѣ того, все общество должно было доставить 80 полушубковъ, 80 паръ сапогъ, 60 рубахъ и 540 паръ лаптей. Такія повинности крестьяне несли въ 1812, 13 и 14 гг., такъ что за три года съ нихъ было собрано на военныя нужды 39,753 р., не включая сюда уплаченныхъ ими обычныхъ податей. Необходимо имѣть въ виду при томъ, что тяжесть податей увеличивалась еще оттого, что въ 1812 г. отъ повальныхъ болѣзней умерло въ Бутчинской волости болѣе 70 человѣкъ работниковъ и за эти убылыя ревизскія души крестьяне должны были также платить всѣ повинности.

До 1821 года крестьяне платили всѣ подати исправно и, вѣроятно, успѣли бы поправить свое хозяйство, если бы была уплачена слѣдующая имъ денежная сумма за провіантъ и если бъ къ тяжестямъ прежнихъ податей и повинностей не присоединились новыя повиности, а главнымъ образомъ поборы своего сельскаго, а затѣмъ уѣзднаго и губернскаго начальства.

Въ 1817 году земскій исправникъ Суходольскій, по распоряженію губернатора, назначилъ съ крестьянъ особый сборъ по 3 руб. съ души на покупку пожарныхъ трубъ для охраненія собственности крестьянъ отъ несчастныхъ случаевъ, т. е. пожаровъ. Сборъ былъ произведенъ со всею строгостью; многіе крестьяне должны были брать деньги въ займы съ процентами, другіе продавали мелкій скотъ и домашнія орудія. Деньги шли прямо въ руки исправника, а на сколько правильное назначеніе получили они, видно изъ того, что въ 1820 году исправникъ былъ отданъ подъ судъ за растрату этихъ самыхъ денегъ и за другія дѣла.

Въ 1818 году былъ произведенъ новый сборъ съ крестьянъ якобы на устройство сельской почты. Крестьяне и раньше платили особый почтовый налогъ, но теперь исправнику Суходольскому понадобилось устроить почтовую станцію въ селѣ Бутчинѣ, лежавшемъ на пути изъ города Жиздры въ вотчину исправника, и вотъ

съ бутчинскихъ крестьянъ съ 1818 года производится новый сборъ по 1 р. 5 коп. да по четверти овса и по 10 фун. сѣна съ каждой души. Деньги эти, какъ и собранныя на пожарныя трубы, шли черезъ руки Суходольскаго и отдавались имъ почтарямъ не только Бутчинской, но и другихъ станцій.

Въ томъ же году, по распоряженію губернатора, производилось по всей губерніи исправленіе мостовъ, дорогъ и гатей; особаго сбора денегъ по этой повинности не полагалось, но между тѣмъ бутчинскимъ крестьянамъ и на этотъ разъ дороже другихъ обошлась поправка мостовъ. Исправникъ Суходольскій назначилъ сборъ на устройство мостовъ и гатей по 15 р. съ души. Крестьяне собрались на сходъ и рѣшили, что они лучше отбудутъ дорожную повинность натурою, чѣмъ деньгами. Волостной голова поѣхалъ къ исправнику и сообщилъ ему о рѣшеніи крестьянъ; исправнику не понравилось такое рѣшеніе: онъ избилъ на мѣстѣ волостного голову, а потомъ приказалъ привести къ себѣ двухъ бутчинскихъ крестьянъ, которые больше другихъ говорили на сходѣ противъ платежа денегъ; одного изъ нихъ онъ избилъ палкою, а другого— человѣка уже пожилого, наказалъ розгами и три недѣли продержалъ въ тюрьмѣ. Строгость исправника объяснилась тѣмъ, что онъ хотѣлъ взять на себя поправку мостовъ и гатей и за это собрать съ крестьянъ по 15 руб. съ души.

Кромѣ этихъ поборовъ, начиная съ 1812 года крестьяне платили извѣстную сумму на поставку рекрутъ, и при этомъ также не мало переплачивали. При взысканіи податей и другихъ сборовъ, крестьянъ, не имѣвшихъ возможности уплатить деньги, заставляли обыкновенно продавать скотъ, домашнія орудія, иногда и дома. Почти поголовная безграмотность бутчинскихъ крестьянъ отдавала ихъ на полный произволъ мѣстныхъ властей при сборѣ всякихъ податей и повинностей; волостные головы собирали деньги, но никакого отчета въ нихъ обществу не давали; одинъ за другимъ смѣнялись головы, денежные счеты ихъ запутывались и крестьяне не знали, за что они платили и сколько еще оставалось имъ платить. Когда-же у нихъ являлось сомнѣніе въ правильности сборовъ и они приносили жалобы начальству, то положеніе ихъ еще болѣе ухудшалось. Такъ въ 1816 году съ крестьянъ потребовали недоимки за 1812 годъ и 1813-ый, между тѣмъ, по разсчету крестьянъ, они заплатили не только все, что требовалось, но даже сверхъ мѣры; они отправили тогда повѣреннаго въ Калугу съ жалобою на несправедливые поборы; повѣренный ихъ былъ, однако, пойманъ на дорогѣ и отвезенъ въ земскій судъ, откуда его закованнаго препроводили въ тюрьму на 10 мѣсяцевъ. Этого было мало. Засѣдатель земскаго суда отправился въ село Бутчино и забралъ тамъ еще 37 человѣкъ, заклепалъ ихъ въ колодки и отправилъ въ земскій судъ; черезъ мѣсяцъ пріѣхалъ исправникъ и забралъ еще 30 человѣкъ; спустя нѣсколько времени всѣ крестьяне были отпущены и

съ той поры никто уже больше не требовалъ съ нихъ недоимки за 1812 и 1813 года.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что бутчинскіе крестьяне послѣ такого безвременья, продолжавшагося 10 лѣтъ, не могли вынести наступившихъ съ 1819 г. неурожаевъ, и въ 1821 году не могли ни платить подати, ни продовольствовать себя собственнымъ хлѣбомъ, да, кромѣ того, на нихъ накопилось недоимокъ 18,173 руб., что составляло около 12 р. 50 к. на душу, т. к. въ селѣ Бутчинѣ съ деревнями числилось 1.450 д. м. п. *). Въ 1819 г. бутчинскіе крестьяне взносили еше аккуратно подати и погашали часть недоимокъ, хотя сборы были обременительны. Въ теченіе года крестьяне с. Бутчина должны были взнести по 25 р. 20 коп. съ души. Въ причислявшихся къ селу Бутчину деревняхъ платежи были почти тѣ-же: въ дер. Лужницы съ каждой души приходилось по 24 р. 85 к., въ д. Зимницы по 23 р. 60 к., въ д. Гуличи по 26 р. 15 к., въ д. Синявкѣ по 16 р. 80 к., въ д. Ивашковичи по 26 р. 80 к., въ дер. Падерки по 21 р. 15 к. съ души.

Министръ финансовъ, получивши донесеніе Шипулинскаго о положеніи продовольственнаго дѣла въ Калужской губерніи, представилъ въ комитетъ министровъ докладъ, въ которомъ указывалъ на то, что крестьяне Калужской губ., какъ помѣщичьи, такъ и казенные, исключая села Бутчина съ деревнями, совсѣмъ не находятся въ такомъ положеніи, которое бы могло подать гражд. губернатору основательный поводъ пріостановить взысканіе податей безъ сношенія съ высшимъ начальствомъ и безъ всякой провѣрки съ своей стороны донесеній земскихъ судовъ о размѣрахъ неурожая. Далѣе, министръ финансовъ указывалъ на то, что крестьяне, по донесенію Шипулинскаго, большею частью продовольствовали сами себя и ни къ кому не обращались съ просьбою объ отсрочкѣ податей; къ тому же почти всѣ они уплатили сполна подати за первую половину 1821 года. Между тѣмъ губернаторъ вовсе не обратилъ вниманія на крайне-бѣдственное положеніе села Бутчина, нуждавшагося въ существенной помощи отъ правительства. Въ виду всего этого министръ финансовъ предлагалъ: обратить прежде всего вниманіе на противорѣчія въ донесеніяхъ гражданскаго губернатора и чиновника Шипулинскаго относительно размѣровъ голода; разслѣдовать строжайшимъ образомъ вопросъ о незаконныхъ поборахъ съ крестьянъ села Бутчина; отсрочить послѣднимъ уплату податей и устроить на 1,450 душъ мужского пола и столько женскаго, или всего на 2,900 душъ запасный хлѣбный магазинъ, полагая на каждую душу по $1^1/_2$ пуда ржаной муки въ мѣсяцъ, что въ 4 мѣс. должно было составить 17.500 пуд.; заготовленіе этихъ

*) Свѣдѣнія о положеніи Бутчинскихъ крестьянъ заимствованы изъ отчета чиновника Шипулинскаго, изъ доклада мин. финансовъ въ комитетѣ министровъ и изъ положеній послѣдняго.

запасовъ возложить на казенную палату. Кромѣ того, министръ финансовъ предлагалъ возложить на казенную палату и вице-губернатора обязанность наблюдать за состояніемъ продовольствія всѣхъ казенныхъ крестьянъ и, въ случаѣ нужды, принимать во время мѣры къ оказанію помощи. Комитетъ министровъ, разсмотрѣвши представленіе министра финансовъ, согласился со всѣми его предложеніями, а для разсмотрѣнія на мѣстѣ дѣла объ излишнихъ поборахъ съ бутчинскихъ крестьянъ положилъ назначить коммиссію изъ 3 членовъ, для чего должно было командировать по одному чиновнику отъ министерства финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи. Положеніе комитета было высочайше утверждено 31 дек. 1821 года. Въ теченіе весны и лѣта 1822 года коммиссія произвела порученное ей слѣдствіе и пришла почти къ тѣмъ же выводамъ, къ какимъ раньше пришелъ чиновникъ Шипулинскій, но выразила свои выводы въ болѣе мягкой и неувѣренной формѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ въ комитетъ министровъ заключенія коммиссіи въ такой формѣ: 1) Въ сборахъ съ крестьянъ дѣйствительно существовали злоупотребленія, но вслѣдствіе безпорядковъ въ счетахъ и запирательства прикосновенныхъ къ дѣлу головъ и земскихъ чиновниковъ, нельзя было привести все это въ надлежащую извѣстность; 2) двое изъ головъ—одинъ въ 1812, другой въ 1816 году отданы уже за злоупотребленія подъ судъ, но уѣздный судъ и палата освободили ихъ, основываясь на томъ, что крестьяне не представили достаточныхъ доказательствъ; 3) повѣренный, избранный крестьянами для принесенія жалобъ на излишнія взысканія, былъ такъ же подъ судомъ за побѣгъ и внушеніе крестьянамъ мысли о неплатежѣ недоимки; по приговору уголовной палаты содержался сперва въ тюремномъ заключеніи и сверхъ того двѣ недѣли въ смирительномъ домѣ; 4) коммиссія, находя, что крестьяне отвергаютъ въ нѣкоторыхъ предметахъ свои показанія, полагаетъ, что доказательства по этимъ дѣламъ недостаточны для постановленія рѣшеній; 5) въ 1817 году учрежденъ былъ единовременно сборъ на пожарные инструменты; часть этого сбора была растрачена, но впослѣдствіи пополнена. Оказавшіеся, по изслѣдованію губернскаго начальства, виновными въ растратѣ денегъ исправникъ и секретарь земскаго суда преданы суду. Что же касается до самого сбора, то управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ призналъ, что существованіе онаго при согласіи самихъ крестьянъ можетъ быть допущено; 6) что касается сельской почты, заведенной въ Бутчинской волости въ 1818 году, то по отзыву управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ существованіе ея могло быть дозволено съ тѣмъ только, чтобы и въ этомъ случаѣ, также какъ и въ предыдущемъ, въ дѣло о сборѣ денегъ и издержкахъ земская полиція ни подъ какимъ предлогомъ не вмѣшивалась; 7) смертность людей въ Бутчинской волости, уменьшивъ значительно противъ 6-й ревизіи число работниковъ въ семейст-

вахъ, безъ сомнѣнія, и самый платежъ податей могла сдѣлать для крестьянъ отяготительнѣе; 8) въ притѣсненіяхъ при взысканіи недоимки крестьяне обвиняютъ волостныхъ начальниковъ, которые дѣйствительно, какъ оказалось, продавали за недоимки имущества; 9) что касается того, что крестьяне забирались въ земскій судъ засѣдателемъ Селивановымъ и бывшимъ исправникомъ Суходольскимъ, то, за смертію перваго и по несознанію послѣдняго, а равно и по непредставленію крестьянами никакихъ доказательствъ, обстоятельства эти въ совершенную ясность не могли быть приведены.

Дѣло это, согласно высочайше утвержденному мнѣнію комитета министровъ, передано было въ сенатъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ поручено было министру финансовъ разсмотрѣть, что можно было сдѣлать для поднятія благосостоянія упомянутыхъ крестьянъ и предположенія свои довести до свѣдѣнія Государя черезъ комитетъ министровъ (Журн. комит. 17 февр. и 6 марта 1823 г.).

Между тѣмъ калужскій губернаторъ Омельяненко былъ уволенъ отъ должности и преданъ суду за самовольное пріостановленіе платежа податей. Государственный совѣтъ, который разсматривалъ дѣло о калужскомъ губернаторѣ, рѣшилъ это дѣло только въ 1828 году, причемъ Омельяненко, по силѣ манифеста 22 августа 1826 года, былъ оправданъ, а за энергическій образъ дѣйствій Омельяненка при сборѣ, въ бытность его губернаторомъ, податей и недоимокъ ему испрошено было высочайшее благоволеніе.

Въ донесеніяхъ же чиновника Шипулинскаго о размѣрахъ нужды крестьянъ въ хлѣбѣ найдены были нѣкоторыя противорѣчія; за подобныя противорѣчія, по мнѣнію государственнаго совѣта, слѣдовало бы сдѣлать Шипулинскому выговоръ, но въ силу того же манифеста 1826 года отъ выговора онъ освобождался.

(Окончаніе слѣдуетъ).

П. Шафрановъ.

ЛѢТНІЙ СЕЗОНЪ.

Картинки обыденной жизни.

Глава XI.

Было безъ десяти минутъ три. Въ пять минутъ можно было доѣхать до пароходной пристани. Дуся сидѣла въ гостиной и смотрѣла то въ окно, то на часовую стрѣлку. Прошло пять минутъ... Наконецъ пробило три... Еще оставалась надежда, что часы спѣшатъ. Но слезы уже подступали къ глазамъ Дуси, и она закрыла лицо руками, чтобы не видѣть ни окна, ни часовъ. Было ясно, что прогулка не состоится. Дуся хотѣла снять свое шелковое платье, какъ вдругъ подъѣхалъ извозчикъ... Дуся убѣжала въ спальню, чтобы скрыть слезы и вытереть смоченное ими лицо, а въ это время въ комнату вошелъ Черепановъ. Ольга также пріѣхала съ нимъ, но прошла чернымъ ходомъ на кухню.

Черепановъ былъ старинный знакомый Дуси, пріятель ея покойнаго отца. Онъ сохранилъ къ ней тѣ дружелюбныя и нѣсколько покровительственныя отношенія, которыя создались еще въ ту пору, когда онъ зналъ ее дѣвочкой.

Очень полный, невысокаго роста, съ длинными сѣдѣющими черными волосами, съ мягкими, нѣсколько расплывчатыми чертами лица, Черепановъ производилъ впечатлѣніе человѣка необыкновенно добродушнаго, какимъ онъ и былъ въ дѣйствительности, не смотря на болѣе чѣмъ двадцатилѣтнюю педагогическую дѣятельность въ качествѣ учителя гимназіи. Тяжело дыша, стоялъ онъ посрединѣ комнаты, спокойно протиралъ свои очки и ждалъ, когда прекратится сердцебіеніе.

— Скажите, пожалуйста, — сказала Дуся, выходя въ гостиную и холодно здороваясь съ гостемъ, — куда дѣвалась Ольга?

Блѣдная, съ растерянно унылымъ видомъ, она стояла съ опущенными руками и машинально смотрѣла въ окно.

— Скажите, голубушка, что вамъ вздумалось ѣздить съ этими господами?—спросилъ въ свою очередь Черепановъ.

Онъ говорилъ медленно и растягивалъ слова, на которыхъ хотѣлъ сдѣлать удареніе.

— Вѣдь тамъ,—продолжалъ онъ,—ни одного порядочнаго человѣка не будетъ.

— Эта дура все вамъ разсказала?

— Зачѣмъ же вы ее браните, голубушка? Она не виновата...

— Ради Бога, не придирайтесь къ словамъ! Я вовсе не расположена сегодня слушать наставленія...

— Вотъ вы и сердитесь, а я вовсе не дѣлаю вамъ наставленій. Я просто докажу вамъ, что ваша пароходная прогулка дрянь, а наша прогулка въ лодкахъ съ молодой, веселой компаніей много привлекательнѣе...

— Воображаю!.. Будутъ ѣсть воблу руками и тянуть «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ»... Удивительно весело!

Онъ покачалъ головой и продолжалъ:

— Я знаю, что вы славная и добрая и гнѣву вашему не вѣрю... Видите ли, голубушка, что я вамъ скажу: мнѣ очень не хотѣлось, чтобы вы участвовали въ этой сомнительной компаніи..

— Вы все еще обращаетесь со мной, какъ съ дѣвочкой,— сказала Дуся, но голосъ ея звучалъ мягче, и злое выраженіе въ глазахъ исчезло.

Вдругъ послышался стукъ быстро мчавшагося экипажа. Дуся бросилась къ окну; сѣрый рысакъ промелькнулъ и всталъ возлѣ крыльца, какъ вкопаный. Въ ту же минуту Плѣнниковъ быстро вбѣжалъ въ комнату съ большой коробкой въ рукахъ.

— Вы готовы? Отлично!—кричалъ онъ.—Надѣвайте шляпу!.. Пароходъ насъ ждетъ... Здравствуйте, Александръ Васильевичъ... Представьте себѣ, Авдотья Павловна, — кричалъ онъ вслѣдъ Дусѣ, которая убѣжала за шляпой,—что магазинъ былъ уже запертъ!

— Боже! Я совсѣмъ забыла...—воскликнула Дуся, возвращаясь со шляпой.

Лицо ея приняло испуганное выраженіе.

Между тѣмъ Плѣнниковъ, вынувшій изъ коробки сѣрый шелковый плащъ, держалъ его на готовѣ и ловко набросилъ на плечи Магориной.

— Какой вы милый!—сказала Дуся, когда они уже были въ передней.

Оба они забыли проститься съ Черепановымъ...

Пароходъ «Ермакъ», нанятый для прогулки, дѣйствительно ждалъ ихъ. Командиръ парохода, пріятель Плѣнникова, исполнилъ переданную ему по телефону просьбу, сочинивъ для нетерпѣливыхъ какую-то неисправность машины.

Впрочемъ, многіе думали, что ждутъ губернатора, который принималъ участіе въ прогулкѣ, но сидѣлъ въ тѣсномъ кружкѣ своихъ знакомыхъ внизу, въ отдѣльной каютѣ.

Военный оркестръ на кормѣ нижней полубы игралъ какой-то вальсъ, когда Дуся и Плѣнниковъ подъѣхали къ пристани.

Множество глазъ устремились на запоздавшихъ пассажировъ съ верхней палубы, гдѣ собралось большинство публики. Многіе кланялись Плѣнникову, и всѣ съ любопытствомъ разсматривали его даму, которой никто почти не зналъ въ этомъ обществѣ. Подъ наблюденіемъ столькихъ глазъ Дусѣ было и весело, и неловко. Сознаніе, что многочисленная публика (и не простая публика!) ждетъ ее, что цѣлый пароходъ былъ задержанъ ради нея, доставляло ей странное удовольствіе новаго, никогда еще неиспытаннаго ощущенія. Какъ только она взойдетъ на пароходъ, раздастся свистокъ, и пароходъ отчалитъ. Когда Дуся поднялась на верхнюю палубу, ей пришла въ голову ребяческая мысль: подойти къ капитану и сдѣлать царственный жестъ рукой, разрѣшающій поѣздку.

Это была послѣдняя вспышка сегодняшняго возбужденія. Какъ только пароходъ отчалилъ, какъ только Авдотья Павловна увидѣла незнакомыя лица кругомъ, она почувствовала усталость. Ей вдругъ захотѣлось остаться одной; захотѣлось какънибудь освободиться отъ необходимости быть обязанной человѣку, съ которымъ она была очень мало знакома. Кто онъ такой? Она ничего не знала о немъ. Здѣсь у него была масса знакомыхъ, но она ихъ не знаетъ совсѣмъ...

Авдотья Павловна стояла возлѣ капитанской рубки и смотрѣла на Волгу, вовсе нерасположенная любоваться ея красотами. Плѣнниковъ въ это время разговаривалъ шопотомъ съ командиромъ «Ермака». Онъ также вдругъ почувствовалъ нѣкоторую обременительность обязанностей кавалера Дуси, ни съ кѣмъ здѣсь незнакомой, и также усталъ отъ той неожиданной роли, которую взялъ на себя сегодня утромъ.

— Идите къ вашимъ знакомымъ,—сказала Дуся, какъ бы угадывая его мысли.—Мнѣ хочется побыть одной...

— Вы хорошо дѣлаете, что гоните меня къ тѣмъ скучнымъ обязанностямъ, которыя всегда приходится исполнять поневолѣ,—отвѣтилъ обрадованный Плѣнниковъ.

Однако, о своихъ обязанностяхъ кавалера онъ не забылъ.

— Позвольте, сказалъ онъ, — представить моего пріятеля, настоящаго моряка. — Федора Григорьевича Сомова. Если захотите одиночества, можете забраться въ его каюту.

Настоящій морякъ расшаркался, а Дуся, почти не замѣчая, съ кѣмъ она здоровается, подала ему руку.

— Еще и этому быть обязанной...—подумала она.

— Моя каютка въ вашемъ распоряженіи, сударыня! Вотъ ключъ, располагайтесь, какъ у себя дома...

— Благодарю васъ...—машинально сказала Дуся.

Плѣнниковъ церемонно откланялся. Дуся вспомнила, что она и его еще должна благодарить. Она улыбнулась ему и пожала руку. На мгновеніе ихъ взгляды встрѣтились. Какъ то жутко стало Дусѣ отъ его взгляда. Самоувѣренная, свободная отъ всякихъ колебаній жесткость обнажилась на мгновеніе въ его глазахъ. Онъ уже ушелъ и скрылся въ другой части парохода, а Дуся все еще стояла неподвижно, прислонившись къ стѣнкѣ капитанской рубки, подъ впечатлѣніемъ этого взгляда, отъ котораго ей страшно хотѣлось убѣжать отсюда... Когда капитанъ, отдавшій какое то приказаніе въ боковой рупоръ, снова вернулся къ ней, она чуть не сказала ему: «Спустите меня на берегъ!» Но пароходъ уже выплывалъ на средину рѣки.

— Гдѣ ваша каюта?—спросила Дуся.—Я очень устала и хочу отдохнуть, если вы позволите...

— О сударыня!..

Онъ самъ проводилъ ее до двери своей каюты. Дуся вошла туда и заперлась на ключъ. Какъ сильно хотѣлось ей въ эту минуту вернуться домой. Она вспомнила Черепанова, вспомнила, что забыла проститься съ нимъ, и чуть не расплакалась. Теперь она вдругъ почувствовала, что онъ ей близкій, родной человѣкъ. О, если бы онъ былъ здѣсь въ эту минуту! Она бросилась бы къ нему, обняла бы его и крѣпко поцѣловала эту лохматую голову...

— Какой онъ простой, — шептала она,—какой милый, добрый... какой деликатный... Голубчикъ Черепановъ... милый дорогой старый дядя Шура...

На капитанскомъ столѣ былъ подносъ, покрытый салфеткой. Дуся заглянула подъ салфетку и увидала тамъ нѣсколько кусковъ французской булки. Она была очень голодна, ей хотѣлось взять кусочекъ, но она не рѣшилась и сидѣла неподвижно, разсматривая тоненькіе ломотки. Вдругъ раздался стукъ въ дверь. Дуся вздрогнула, какъ воръ, пойманый на мѣстѣ преступленія.

Вошелъ лакей. Онъ принесъ цѣлый подносъ различныхъ закусокъ и бутылку токайскаго вина—ея любимое вино... Неужели это все для нея? Понятно, что это прислалъ Плѣнниковъ. Какъ онъ все помнитъ... А вотъ онъ и самъ... Идетъ и смотритъ на нее своими умными, веселыми глазами и такъ привѣтливо улыбается...

— Обѣдъ будетъ только въ 7 часовъ,—сказалъ, входя въ каюту, Плѣнниковъ.—Я боюсь уморить васъ съ голоду.

— Я въ самомъ дѣлѣ голодна,—виновато сказала Дуся.

— Вы позволите пригласить капитана?.. Мы съ нимъ вы-

пили водки, но, право, еще ничего не ѣли...—сказалъ онъ, приложивъ руку къ сердцу.

Завтракали втроемъ. Послѣ завтрака Дуся развеселилась. Ей захотѣлось гулять, видѣть публику, слушать музыку, смотрѣть на Волгу. Она вышла на палубу, опираясь на руку Плѣнникова, и теперь только почувствовала всю прелесть прогулки. Волга разлилась, какъ море; на луговой сторонѣ не видно было берега; зеленыя рощи росли въ водѣ; тучи разошлись и все было залито яркимъ свѣтомъ спускавшагося къ закату солнца. Легкій вѣтеръ приносилъ откуда то нѣжный ароматъ лѣса и травъ.

Дуся сѣла у борта и заглядѣлась на быстро убѣгавшую воду. Музыка играла мазурку.

— Какъ хорошо!—тихо сказала Дуся и положила руку поверхъ руки сѣвшаго рядомъ Плѣнникова.—Вы танцуете?

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— А мнѣ хотѣлось бы танцовать,—продолжала она.—Мнѣ давно не было такъ весело, какъ сегодня... Какъ я вамъ благодарна... Сколько вы для меня хлопотали... Странно, что мы такъ мало знакомы... Я васъ совсѣмъ не знаю... Разскажите какой вы?

Онъ улыбнулся и сказалъ:

— Зачѣмъ вамъ?

— Вотъ зачѣмъ...—не думайте, что я спрашиваю изъ пустого любопытства. Мнѣ хочется имѣть близкаго чековѣка, о которомъ бы я все знала и которому могла бы все разсказать...

— Развѣ вы не знаете, что близость между людьми возможна только до тѣхъ поръ, пока они ничего другъ о другѣ не знаютъ?

— Не говорите такъ,—сказала Дуся серьезно и сняла свою руку съ его руки.—Мнѣ кажется, что каждый человѣкъ могъ бы найти друга... Всего хуже одиночество.

— Одиночество не такъ дурно, Авдотья Павловна... Не пытайтесь никогда заглядывать глубоко въ душу человѣка и не ищите никогда прочной привязанности. Человѣкъ гораздо интереснѣе при поверхностномъ съ нимъ знакомствѣ, чѣмъ при близкомъ. Будьте съ нимъ, пока вамъ это занимательно, и тотчасъ же уходите, какъ только вамъ станетъ скучно... Мало ли людей на свѣтѣ?.. Въ каждомъ, повѣрьте мнѣ, найдется что нибудь любопытное. Пчела собираетъ съ цвѣтка только медъ. Если бы она заглянула въ него поглубже, то наглоталась бы горечи, отъ которой ее стошнило бы... Пчела умное созданіе. Она не засиживается никогда долго на одномъ цвѣткѣ...

— И вы поступаете также? Вы не вѣрите въ прочную привязанность?

— Никогда не встрѣчалъ ея. Да и что въ ней хорошаго? Однообразіе, скука...

— Вы испытали?

— О, да! Да и вы также...

Дуся взглянула на него удивленными глазами.

— Да, да... Не смотрите такъ. Согласитесь, что вы изучили душу и сердце Птахи также хорошо, какъ онъ ваше. Я убѣжденъ, что ни одно движеніе въ душѣ одного не проходитъ, не встрѣтивъ отклика въ душѣ другого... И что въ этомъ хорошаго? Скажите по совѣсти?

— Конечно, ничего... Но это потому, что мы не пара. Онъ смѣшной педантъ, а я живой человѣкъ; меня все волнуетъ, а онъ ко всему равнодушенъ... Впрочемъ, не хочу говорить о немъ. Не портите моего хорошаго настроенія. Лучше разскажите мнѣ про себя. Ваша жизнь должна быть очень интересна... Мнѣ бы хотѣлось пожить такъ, какъ вы: всюду побывать, все видѣть, имѣть массу знакомыхъ... много читать... Отчего вы не хотите разсказать о себѣ?

Онъ покачалъ головой.

— Я живу, какъ всѣ,—сказалъ онъ съ горькой ироніей.—Я такой же, какъ всѣ. Взгляните на собравшуюся здѣсь публику... Я—одинъ изъ нея.

— Неправда! Всѣ они не интересны, а вы интересны.

— Между нами только та разница, что я ихъ знаю, а они меня не знаютъ... И еще то, что они живутъ стихійно, а я сознательно. Во всемъ остальномъ—нѣтъ разницы.

Въ это время къ Плѣнникову устремился молодой чиновникъ, и, окинувъ взглядомъ Авдотью Павловну, спросилъ:

— Вы участвуете въ обѣдѣ?

Плѣнниковъ кивнулъ головой чиновнику и, взявъ ее подъ руку, перевелъ на капитанскую площадку, подъ лѣвымъ крыломъ парохода, къ маленькой скамеечкѣ, на которой можно было сидѣть только вдвоемъ. Отсюда видно было все общество, собравшееся на палубѣ. Оно разбилось на небольшія группы. Одни играли въ карты, другіе чинно сидѣли, слѣдя за ходомъ игры, третьи пили пиво, вино или прохладительные напитки; многіе слонялись по палубѣ безъ опредѣленныхъ занятій.

— Посмотрите, — сказалъ Плѣнниковъ, — на эту публику, которая пріѣхала веселиться. Что за унылыя физіономіи! У всѣхъ одна мысль: скоро ли, наконецъ, подадутъ обѣдъ. Этотъ экспансивный чиновникъ, который подбѣгалъ ко мнѣ, въ новенькой фуражкѣ съ кокардой, не утерпѣлъ, чтобы не заговорить объ обѣдѣ... Если бы я продолжалъ съ нимъ разговоръ, онъ распространился бы подробно о каждомъ блюдѣ, косилъ бы глазами на васъ и непремѣнно добился бы, чтобы я его вамъ представилъ. У него двѣ страсти: одна невинная — новыя фу-

ражки; онъ имѣетъ ихъ цѣлую дюжину и каждая отличается какой нибудь особенностью фасона... Вторая его страсть — сплетня... Онъ занимаетъ небольшую должность, но держится независимо и принятъ въ обществѣ, потому что у него есть родственникъ въ столицѣ. Онъ часто получаетъ письма изъ Петербурга. Тотъ день, когда онъ узнаетъ о какомъ нибудь новомъ увольненіи или назначеніи, для него праздникъ. Онъ знаетъ фамиліи почти всѣхъ губернаторовъ въ Россіи, всѣхъ губернскихъ предводителей, всѣхъ управляющихъ казенными и контрольными палатами и акцизными сборами...

— Зачѣмъ ему это нужно?—удивилась Дуся.

— Страсть! Вы доставили бы ему огромное удовольствіе, если бы сообщили какую нибудь пустяшную подробность изъ жизни бессарабскаго или воронежскаго губернатора. Анекдоты о директорахъ департамента и министрахъ онъ цѣнитъ на вѣсъ золота... За глаза всѣ смѣются надъ нимъ, но не избѣгаютъ его и съ жадностью выслушиваютъ отъ него «послѣднія извѣстія»... Кромѣ того, немножко его боятся... Онъ король сплетни и не щадитъ никого... Если ничего не знаетъ, то выдумаетъ... Лучше всего разсказать ему о себѣ все, тогда онъ доволенъ... И знаете-ли, его страсть заразительна.. Попробуйте поговорить съ нимъ, и вамъ непремѣнно захочется разсказать ему какой нибудь анекдотъ изъ жизни своего пріятеля... Онъ слишкомъ внимательно слушаетъ; это возбуждаетъ...

Дуся улыбнулась.

— Я также люблю сплетни,—сказала она.

— Всѣ ихъ любятъ... Это товаръ международнаго спроса. Но Ѳита—его кто-то прозвалъ Ѳитой—можетъ выдумать такую сплетню, что человѣку на улицу показаться стыдно... Ему нужно имѣть только самую маленькую черточку; въ крайнемъ случаѣ знать имя и фамилію... Я увѣренъ, что, если онъ знаетъ, кто вы, то разсказываетъ теперь Норову вашу исторію и всевозможныя подробности изъ вашей жизни...

— А тотъ вѣритъ?

— Норовъ мой коллега... Мнѣ объ немъ нельзя распространяться... Посмотрите, однако, какой онъ представительный, какъ прямо держитъ голову и какой у него многозначительный взглядъ... Онъ уже пріобрѣлъ капиталъ, почти не занимается практикой съ тѣхъ поръ, какъ женился на вдовѣ Парашкиной и трехъ стахъ тысячахъ въ Москвѣ. Теперь онъ предается невиннымъ развлеченіямъ, рисуетъ картинки, читаетъ Спинозу и стремится быть столпомъ общества... Его непремѣнно выберутъ у насъ городскимъ головой... Мальковъ очень поддерживаетъ его кандидатуру... Вонъ тотъ поджарый господинъ съ большимъ носомъ, что подошелъ къ Норову... Съ рыжей бородкой...

— Я знаю, онъ писатель...

— Писатель!.. Онъ просто маленькій мошенникъ, котораго никто не уважаетъ, потому что ему не удается сдѣлаться большимъ... Онъ продается, но не находитъ себѣ покупателя... Впрочемъ, отъ Норова ему что нибудь перепадетъ... Только онъ никогда не достигнетъ!.. Онъ мелкотравчатый... Онъ никогда не съумѣетъ быть настоящимъ, смѣлымъ, крупнымъ мошенникомъ, которому всѣ кланяются и жмутъ руки...

— Какой вы злой... А правда, что Норовъ переводитъ Байрона?

— Онъ переведетъ!..

— И еще... неужели онъ дѣйствительно присвоилъ чужія деньги?

— Что вы, Авдотья Павловна! Кто же такъ говоритъ? Ничего подобнаго! Онъ женился на вдовушкѣ, которая раньше, опасаясь какихъ-то формальностей, передала ему на храненіе бумаги умершаго мужа. Вдовушкѣ, правда, хотѣлось устроиться съ своимъ приказчикомъ Микишей, да дѣлать было нечего!.. Какъ видите, все было сдѣлано чисто. Она потомъ отъ него съ Микишей сбѣжала, но все устроилось по хорошему... Онъ далъ имъ двадцать тысячъ, устроилъ разводъ, и вдовушка теперь на Кавказѣ съ Микишей въ сектантскомъ бракѣ живетъ... А самъ онъ женихъ. Ему еще нѣтъ пятидесяти и онъ отлично сохранился. Я увѣренъ, что теперь онъ мечтаетъ жениться по любви... Онъ ухаживаетъ за губернаторской дочерью. Видите ее?.. Онъ подсѣлъ къ ней и они говорятъ о Бурже... Дѣвица красивая, породистая, но бѣдная... Смотрите, какая у нея прелестная головка... Царица!... Жить бѣдняжкѣ хочется, лѣта подходятъ опасныя... Какіе у насъ женихи? Ѳита единственный женихъ... Придется, пожалуй, пойти за Норова. Везетъ подлецу. Одна надежда, что можетъ быть въ этой величавой дѣвицѣ онъ найдетъ свою Немезиду, если влюбится...

— А вотъ женихъ!—воскликнула Дуся, кинувъ глазами на Рокотова, который только что появился на палубѣ.

— А, это бѣдный дворянинъ,—сказалъ Плѣнниковъ.—Вы видите, куда онъ подсѣлъ? Это фрейленъ Канъ... У нея кругленькій капиталецъ и мукомольная мельница. Она единственная дочь... Только старый нѣмецъ не выдастъ за Рокотова... Тамъ сидитъ молодой Ковалевъ... Вонъ тотъ румяный блондинъ, съ толстыми щеками, безбородый... Это женихъ настоящій. За этимъ столомъ сидятъ почти исключительно представители купечества... Или, какъ выражается Мальковъ въ своей газетѣ, новая культурная сила. Между ними нѣтъ буквально ни одного, богатство котораго не имѣло бы на себѣ слѣдовъ какого нибудь надувательства. Посмотрите, вонъ тамъ, рядомъ съ молодымъ Ковалевымъ сидитъ Сушковъ, аккуратно подстри-

женный купчикъ съ проборомъ на головѣ... Онъ спортсменъ... У него превосходныя рысистыя лошади... Высокая дама съ великолѣпнымъ бюстомъ, въ роскошной шляпкѣ изъ Парижа, стоющей пятьсотъ франковъ, это его жена. Онъ былъ приказчикомъ у извѣстнаго богача Лепехина въ маленькомъ городишкѣ и, пользуясь благосклонностью хозяина къ его супругѣ,—вотъ къ этой самой великолѣпной дамѣ,—обобралъ его въ самомъ прямомъ смыслѣ слова... Теперь онъ городской гласный и очень вліятельный банковскій дѣлецъ. Бѣдный дворянинъ Рокотовъ не даромъ такъ любезничаетъ съ его супругой... А вонъ другой бѣдный дворянинъ, сѣдовласый старецъ съ лицомъ патріарха, но со вставленными зубами. Онъ наливаетъ лимонадъ дамѣ въ черномъ платьѣ... Да вы его, вѣроятно, знаете?

Дуся отрицательно покачала головой.

— Очень мало,—сказала она.

— Это Саблинъ, бывшій помѣщикъ... Онъ близко сдружился съ купцами... Тамъ же сидятъ двѣ его дочери... Обѣ въ красивыхъ шляпкахъ...

— Про нихъ говорятъ что-то нехорошее...

— Не знаю, что вамъ говорили про нихъ, но что онъ торгуетъ ими, это я знаю. Конечно, онъ нашъ уважаемый, нашъ почтенный Аркадій Львовичъ, почетный членъ разныхъ благотворительныхъ обществъ и проч. Онъ отлично говоритъ по французски, у него прекрасныя манеры, и онъ обучаетъ купцовъ хорошему тону... Сушковъ всѣми силами старается подражать ему... Дочери его круглыя дуры, малограмотны и нигдѣ не учились... но обѣ красавицы, въ особенности старшая, Елена... Посмотрите, какое у нея матово-бѣлое оригинальное лицо. Про нее говорятъ, что она сложена, какъ Венера... Она ведетъ таинственный образъ жизни; ѣздитъ ежегодно въ Москву, въ Нижній-Новгородъ... Но никогда не бываетъ одна. Ее сопровождаетъ всюду двоюродная сестра Саблина... Это подрумяненная старуха въ черномъ шелковомъ платьѣ, которая и теперь сидитъ рядомъ съ ней и похожа на пиковую даму... На какія средства живетъ эта семья, неизвѣстно, но я знаю, что у дочери Елены прекрасной есть въ банкѣ на храненіи въ процентныхъ бумагахъ болѣе 50 тысячъ. Дѣлами красавицы завѣдуетъ старуха; она ведетъ переговоры, торгуется... Дѣло поставлено широко и тонко. Это не жалкая продажность, не голодное скитаніе по улицѣ, это вполнѣ организованная, капиталистическая промышленность...

—Господи, неужели это правда?—тихо сказала Магорина.

Облокотившись на перила капитанской площадки, она задумчиво смотрѣла на воду.

— Будьте увѣрены, что это только намекъ на правду... вся правда гораздо пикантнѣе...

Плѣнниковъ засмѣялся.

— Какъ вы можете смѣяться?—сказала Дуся серьезно.— Развѣ это смѣшно?

— Голубушка, не плакать же мнѣ! Я вѣдь все это давно знаю... Привыкъ.

— Какъ вы можете разсказывать такіе ужасы спокойно? Мнѣ просто страшно стало... И вы со всѣми этими людьми знакомы?

— Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ... Я говорилъ вамъ, что и я такой же...

— Ради Бога, не говорите такъ... Если бы я могла, я убѣжала бы отсюда. Правду сказалъ Черепановъ, что здѣсь нѣтъ ни одного порядочнаго человѣка...

— Благодарю васъ...

— Не шутите, Николай Евгеньевичъ... Мнѣ въ самомъ дѣлѣ страшно.

У нея дѣйствительно появилось выраженіе испуга на лицѣ. Глаза смотрѣли растерянно и безпомощно, какъ у человѣка, который не знаетъ, гдѣ ему укрыться отъ опасности. Она опустила руки на колѣни и смотрѣла то на Ковалева, то на дочь Саблина, то на Половинкина.

— Авдотья Павловна!—крикнулъ онъ, наклоняясь къ ней.

Дуся вздрогнула и опустила голову.

— Да вы въ самомъ дѣлѣ испугались. Что съ вами, голубушка?

— Какъ бы мнѣ хотѣлось уйти отсюда, — прошептала молодая женщина дрогнувшимъ голосомъ и, повернувшись къ водѣ, облокотилась на перила.

— Уйти?—повторилъ онъ.—Хорошо бы уйти, да некуда.

Онъ сказалъ это совсѣмъ другимъ тономъ. Въ его словахъ послышалось чувство не то горечи, не то гнѣва. Дуся невольно взглянула на него. Его лицо почти не измѣнилось. Онъ только приподнялъ голову, прищурилъ глаза и чуть-чуть улыбался, плотно сжавъ губы.

Нѣсколько времени длилось молчаніе.

Дуся опять облокотилась на барьеръ и слушала, глядя на сверкавшіе отъ солнца блестки воды.

— Они дѣлаютъ жизнь...—продолжалъ Плѣнниковъ.—Уйти отъ нихъ, значитъ, уйти отъ жизни... Здѣсь шумъ, движеніе, борьба страстей, правда,—темныхъ, гнусныхъ, но за то всетаки это жизнь... Если бы въ мертвой знойной пустынѣ вы увидѣли грязный потокъ, вы съ жадностью стали бы пить изъ него... Невозможно жить безъ звуковъ, безъ красокъ, безъ движенія, безъ сильныхъ волненій, безъ общества... Или нужно быть отшельникомъ, уйти отъ міра, запрятаться въ пещеру... Другого выхода нѣтъ. Наши добродѣтельные люди скучне

в безцвѣтны, и добродѣтель ихъ сѣренькая и скромная... Давеча на извозчикѣ вы мнѣ сказали, что васъ звалъ Черепановъ... Вы не пошли... Васъ тянуло сюда... Почему? Потому что тамъ унылая, сѣренькая добродѣтель и вяленая вобла, а здѣсь ароматы хорошихъ духовъ и яркіе цвѣты, и красивые фасоны платьевъ и шляпъ... Тамъ у всѣхъ лица удручены міровой скорбью, а здѣсь беззаботны и ни къ чему васъ не обязываютъ... Тамъ затянутъ заунывную пѣсню, а здѣсь играетъ хорошая военная музыка. Это внѣшняя сторона; но есть и внутренняя: здѣсь сила, а тамъ полнѣйшее безсиліе. Здѣсь эта кучка проходимцевъ, темныхъ людей и просто мошенниковъ и воровъ управляетъ всѣмъ въ городѣ и никого не боится... Сила тянетъ къ себѣ, а они сила... Глядя на нихъ со стороны, я съ удовольствіемъ подкатилъ бы подъ нихъ бочку пороху, даже рискуя взлетѣть вмѣстѣ съ ними; но попадая въ ихъ компанію, я живу, какъ они...

Плѣнниковъ всталъ, бросилъ потухшій окурокъ сигары въ воду и, прикоснувшись къ рукѣ Дуси, спросилъ особеннымъ, ласковымъ тономъ:

— О чемъ задумались, милая барынька?

Онъ перегнулся за перила и заглянулъ въ лицо Магориной. Глаза Авдотьи Павловны были наполнены слезами; слезы текли по щекамъ.

— Какая вы славная... Скажите, голубушка, о чемъ вы думаете? Скажите...

Дуся поспѣшно вытерла слезы.

— Не знаю...—также тихо отвѣтила она.—Мнѣ кажется, я ни о чемъ не думала... Но какъ то мнѣ стыдно и больно... Какъ то жалко чего то... Мнѣ вспомнилось, какая я была раньше и какая теперь...

— Не клевещите на себя,—шепталъ Плѣнниковъ, близко нагнувшись къ Дусѣ. — Вы чудеснѣйшій человѣкъ... Какое счастье видѣть васъ, быть съ вами, видѣть ваши чистые глаза... Какая радость сознавать, что есть человѣкъ, въ сокровеннѣйшую глубину котораго можно заглянуть безъ страха... Какъ вы близки, какъ дороги стали вы мнѣ... Дуся... Какъ я счастливъ, что нашелъ васъ..

Онъ сжалъ ея руку и поднесъ ее къ губамъ.

Между тѣмъ на палубѣ началось движеніе. Саблинъ ходилъ съ озабоченнымъ видомъ и приглашалъ обѣдать. Для тѣхъ, кто участвовалъ въ общемъ обѣдѣ по подпискѣ, столъ былъ сервированъ въ большой столовой перваго класса. Остальные устраивались, какъ хотѣли.

— Какъ, мы должны сидѣть со всѣми за однимъ столомъ?—воскликнула Дуся, тщательно вытирая остатки слезъ на лицѣ.—

Неужели намъ нельзя уйти отсюда? Я не хочу ихъ видѣть, слышать ихъ разговоры... Мнѣ все здѣсь противно...

— Успокойтесь, Авдотья Павловна... За нами идутъ...

Дѣйствительно, Саблинъ уже подходилъ къ нимъ.

— Авдотья Павловна! — воскликнулъ онъ, приподнимая руки. — Я такъ давно васъ видѣлъ, что не узналъ васъ... Здравствуйте!.. Все также юны и прелестны... Вы рѣдко показываетесь въ обществѣ... это вашъ единственный недостатокъ и даже преступленіе!.. Позвольте мнѣ, хозяину обѣда, проводить васъ къ столу... дорогую, рѣдкую гостью.

Онъ такъ почтительно поклонился, такъ убѣжденно говорилъ, съ такимъ достоинствомъ держалъ свою сѣдую голову, что Дуся не могла отказаться. Онъ импонировалъ ей своей величавой наружностью и, какъ это ни странно, но она была польщена тѣмъ, что Саблинъ поведетъ ее къ столу.

Въ то время, какъ она шла, опираясь на его руку, Саблинъ нагнулся къ ней и сказалъ:

— Съ вами хочетъ познакомиться князь Олконскій... Онъ большой цѣнитель красоты.

Въ душѣ Дуси вдругъ поднялась гордость.

— Вы не спросили меня, хочу ли я съ нимъ познакомиться,—сказала она, смягчая всетаки рѣзкость словъ улыбкой.

— Я именно и намѣревался спросить васъ, Авдотья Павловна,—отвѣтилъ Саблинъ.

Дусѣ показалось, что въ голосѣ его звучитъ насмѣшка надъ ея неудачной обидчивостью.

— Князь проситъ вашего позволенія, чтобы имѣть честь быть вамъ представленнымъ. Понятно, если вы не позволите...

Она совсѣмъ не могла разобрать: смѣется онъ надъ ней или говоритъ серьезно.

— Да вѣдь онъ меня никогда не видѣлъ...

— Онъ давно слышалъ о васъ,—лгалъ Саблинъ.—Сегодня я сказалъ ему, что вы здѣсь... Вы не замѣтили, конечно, а онъ выходилъ на палубу, чтобы взглянуть на васъ... Полюбоваться вами...—прибавилъ онъ шопотомъ.

Это была правда, и Дуся видѣла высокаго и тонкаго, какъ жердь, князя, который явился на палубу и нѣсколько разъ пристально взглянулъ на нее.

— Вы позволите?—спросилъ Саблинъ, пріостанавливаясь.

Они были уже у входа въ столовую.

— Мнѣ все равно,—небрежно отвѣтила Дуся.

Старый Саблинъ былъ слишкомъ опытный человѣкъ, чтобы повѣрить этой небрежности. Онъ не сомнѣвался, что вниманіе князя льститъ молодой женщинѣ.

— Николай Евгеньевичъ, идите же! — крикнула Дуся стоявшему на площадкѣ Плѣнникову.

Тотъ не спускалъ глазъ съ удалявшейся Дуси. Онъ любовался ея граціозной походкой, горделивымъ движеніемъ головы, когда она обратилась къ Саблину съ вопросомъ, прислушивался къ ихъ разговору и вдругъ, неожиданно для самого себя, подумалъ: «Зачѣмъ я привезъ ее сюда?»

Странное чувство зашевелилось въ его душѣ—не то жалость, не то раскаяніе, не то грусть. На мгновеніе имъ овладѣлъ порывъ братской нѣжности къ Магориной. Ему захотѣлось броситься за ней, оттолкнуть гнуснаго старика, увести Дусю въ какой нибудь укромный уголокъ, упасть передъ ней на колѣни и просить прощенія, и каяться...

Онъ вздрогнулъ, когда Авдотья Павловна позвала его.

— Иду!—крикнулъ Плѣнниковъ.

Онъ махнулъ рукой, какъ бы отгоняя прихлынувшія чувства, которымъ онъ давно пересталъ вѣрить...

Глава XII.

Черезъ пять дней послѣ прогулки на пароходѣ Авдотья Павловна съ дѣтьми переселилась въ деревню. Она собралась внезапно, въ одинъ день, никому ничего не сказала и уѣхала изъ города такъ, что никто изъ знакомыхъ не зналъ, куда она дѣвалась. Даже Зина не знала, что ея подруга уже въ Незлобинѣ. Авдотья Павловна съ увлеченіемъ отдалась деревенской жизни и обязанностямъ матери; она цѣлые дни проводила съ дѣтьми въ лѣсу, въ полѣ или на балконѣ. Почти ежедневно прибѣгали ребятишки съ букетами цвѣтовъ, съ птичьими яйцами, потомъ съ ягодами; незлобинскія бабы приносили цыплятъ, молоко, яйца. Словомъ, создалась извѣстная определенная атмосфера обязательныхъ отношеній и знакомствъ, которымъ Дуся охотно шла навстрѣчу. Она привѣтливо всѣхъ принимала, ни отчего не отказывалась, со всѣми вступала въ продолжительныя бесѣды.

Около трехъ недѣль прожила такъ Дуся, когда ее потянуло, наконецъ, повидаться съ подругой. Случилось такъ, что какъ разъ наканунѣ того дня, когда Магорина собиралась ѣхать на хуторъ Кариныхъ, Зина сама пріѣхала въ Незлобино.

Исполняя порученіе отца, она остановилась возлѣ дома Шаровыхъ и зашла къ Настѣ. Левъ Львовичъ нуждался въ ея услугахъ, вслѣдствіе неожиданнаго ухода Маши, и не хотѣлъ никого другого.

— Я приду къ вамъ, барышня, если мужъ отпуститъ, сказала Настя.

— Попроси его, Настя... Сдѣлай для меня это,—просила Зина.

— Ни за что бы не пошла, да мнѣ васъ жалко,—дрогнувшимъ голосомъ прибавила Настя.

Болѣзненный видъ Зины глубоко взволновалъ молодую женщину, которая хорошо знала, какъ тяжело живется ея бѣдной барышнѣ.

Зина сидѣла за столомъ, а Настя стояла напротивъ и смотрѣла на тонкія, блѣдныя руки барышни, которыми Зина машинально растягивала на столѣ свои черныя перчатки.

— Правда, я теперь стала гораздо слабѣе,—сказала Зина.—Но если ты будешь у насъ, мнѣ будетъ легче... Папа очень любитъ тебя... Онъ говоритъ, что только ты одна можешь ему угодить.

— Я знаю ихнюю любовь,—съ оттѣнкомъ раздраженія въ голосѣ сказала Настя, но тотчасъ же измѣнила тонъ.

Большіе, испуганно вопросительные глаза Зины съ темными кругами, доходившими почти до половины блѣднаго, худого лица, остановились на мгновеніе на Шаровой и заставили ее скрыть, готовое сорваться съ устъ, рѣзкое слово. Она продолжала шутливымъ тономъ:

— Можетъ быть я забыла, какъ ходить за ними... Не угожу пожалуй...

— Нѣтъ, онъ все такой же... Вотъ я такъ дѣйствительно не умѣю ему угодить,—отвѣтила Зина, слабо улыбаясь. — Я только раздражаю его.

— Тихи вы очень, барышня... Съ ними надо быть построже.

— Можетъ быть...—сказала Зина, поднимаясь.—Прощай, Настя... Если твой мужъ не согласится, я сама зайду просить его...

— Что еще выдумали, барышня!.. Еще вы его просить будете... Ужъ я сама упрошу...—Зина поцѣловала Настю и обѣ вышли на улицу.

— Мнѣ хочется пройтись,—сказала Зина. — Покажи мнѣ дорогу къ Авдотьѣ Павловнѣ. Мнѣ помнится, тутъ надъ прудомъ была тропинка прямо къ ней въ садъ.

Настя проводила ее до этой тропинки, а дальше Зина медленно пошла вдоль пруда, берега котораго далеко заросли камышемъ. Жаркій день приходилъ къ концу; солнце стояло близко надъ горизонтомъ, но въ нагрѣтомъ воздухѣ, надъ горячей землей было душно. Только когда тропинка спустилась въ тѣнь, подъ высокія, старыя ветлы, Зина легче вздохнула и пошла еще тише, прислушиваясь къ шелесту листьевъ.

Давно, давно, съ дѣтскихъ лѣтъ она не была на этой тропинкѣ и старалась припомнить теперь что нибудь знакомое изъ далекаго прошлаго, когда вмѣстѣ съ Дусей она бѣгала сюда тайкомъ отъ ея матери купаться въ прудѣ въ недозво-

ленное время. Оттого ли, что здѣсь все измѣнилось, или оттого, что она все забыла, но Зина долго не могла найти ничего знакомаго. Только старый плетеный заборъ изъ толстыхъ вѣтвей, черезъ который имъ приходилось перелѣзать, она узнала. Онъ лежалъ теперь на землѣ разбитый, истоптанный, полугнилой. За заборомъ начинался садъ, поднимавшійся къ самому дому. Садъ весь почти заросъ высокимъ бурьяномъ, но тропинка и здѣсь была чисто протоптана, потому что незлобинскія крестьянки ходили сюда къ барскому колодцу за хорошей водой.

Въ нижней части сада, неподалеку отъ пруда росла старая липа съ огромнымъ дупломъ внизу, у самой земли, въ видѣ ниши, въ которой была устроена маленькая скамеечка и гдѣ можно было спрятаться отъ дождя. Старое дерево не измѣнилось. Только стоявшіе подъ нимъ когда то столъ и скамьи пропали; даже самое мѣсто, гдѣ они находились, заросло папоротникомъ и чистотѣломъ. Однако маленькая скамеечка внутри ствола была на своемъ мѣстѣ и, утомленная прогулкой, Зина забралась туда, чтобы отдохнуть. Она слишкомъ скоро уставала, и даже эта маленькая прогулка оказалась выше ея силъ. Зина сѣла, немного согнувшись, плотно прижалась къ стѣнкѣ дупла и закрыла глаза. Было такъ тихо, что она слышала шорохъ насѣкомыхъ, копошившихся гдѣ-то въ старой корѣ. Зина страстно любила эту тишину въ природѣ и напряженно прислушивалась къ шелесту листьевъ и травы, къ жужжанію насѣкомыхъ, къ полету птицъ... Странное настроеніе овладѣвало ею; ей казалось, что какая то страшная тяжесть падаетъ съ ея плечъ и что она сливается съ природой, освобождаясь отъ человѣческаго существованія. И она могла долго пробыть въ такомъ состояніи, которое она называла умереть немножко...

Когда Зина открыла глаза, она увидѣла волшебную картину. Листья деревъ, освѣщенные снизу, горѣли яркимъ пурпуромъ; трава и воздухъ были залиты нѣжно-розовымъ свѣтомъ, и вода въ прудѣ сверкала темно-палевымъ золотомъ съ розовой эмалью. Зина замерла на мгновеніе и смотрѣла широко открытыми глазами, словно очарованная сказочной картиной. Она машинально вышла изъ липовой ниши, опустилась на колѣни, протянула впередъ сложенныя вмѣстѣ руки и, крѣпко сжавъ ихъ, приложила ко лбу... Ей хотѣлось въ это мгновеніе призвать сюда всѣхъ людей, показать имъ дивную красоту природы и заставить ихъ возродиться къ новой жизни. Но силы измѣнили ей; руки безпомощно упали, голова опустилась...

Дуся, игравшая въ саду съ дѣтьми, видѣла эту сцену; она притаилась, чтобы не испугать Зину. Но дѣвушка слышала

ея шаги, съ трудомъ поднялась съ колѣнъ и пошла навстрѣчу Дусѣ. Здороваясь съ Дусей, Зина сказала:

— Такъ хорошо... но я устала...

Дуся предложила ей руку, и подруги, молча, пошли къ дому.

Глава XIII.

Солнце зашло и румянецъ вечерней зари, быстро блѣднѣя, смѣнялся сумерками. Дѣти съ няней остались въ саду, а подруги расположились на балконѣ, гдѣ стояли широкій турецкій диванъ и большое кресло со множествомъ ящиковъ—старинные обитатели господскаго дома Незлобиныхъ. На полу были разбросаны въ безпорядкѣ дѣтскіе садовые инструменты, игрушки, куклы.

— Какъ я рада, что ты пріѣхала, — сказала Дуся.—Мы очень давно не видѣлись... Со мной случилась важная перемѣна...

Зина хотѣла сѣсть въ кресло, но Дуся потащила ее на диванъ и уложила тамъ.

— Ты любишь лежать,—рѣшила хозяйка.—Я сяду возлѣ тебя и будемъ разговаривать, какъ въ старину, т. е. я буду говорить, а ты будешь молчать и слушать... Ты всегда молчишь. Ты считаешь меня пустой болтушкой и потому никогда ничего не говоришь мнѣ... Я о тебѣ ничего не знаю... Ты думаешь, мнѣ это не обидно? Я больше всѣхъ людей на свѣтѣ люблю тебя и, ты думаешь, мнѣ не горько, что ты никогда не откроешь мнѣ свое сердце?.. Ты думаешь, что я не способна понять, не способна сочувствовать?..

Зина смотрѣла на загорѣвшее лицо подруги и внимательно вслушивалась въ новыя нотки, звучавшія въ ея голосѣ.

— Нѣтъ, Дуся, ты ошибаешься,—тихо сказала Карина.—Я молчу, потому что я больная... Всѣ мои мысли и чувства больныя... Онѣ покажутся странными, вздорными каждому здоровому человѣку...

— Ты говоришь ихъ травѣ, деревьямъ, тучамъ или звѣздамъ, но не живому человѣку...

— Съ живыми людьми должны разговаривать живые люди. А развѣ я похожа на живого человѣка?

Зина улыбнулась и ласково погладила темнокаштановые волосы Дуси, небрежно подхваченные лентой въ одинъ пучекъ. Зина распустила ленту, и волосы разсыпались пышными прядями.

Послѣднія слова Зины болѣзненно отозвались въ сердцѣ Дуси. «Бѣдная, ты въ самомъ дѣлѣ не похожа на живого

человѣка»—подумала Дуся. Она удержалась и не взглянула на подругу, но живо представила себѣ ея исхудавшее, смертельно-блѣдное лицо.

Нѣсколько времени подруги молчали.

— Скоро ли пріѣдетъ сюда твой новый знакомый?—спросила Зина.

— Совсѣмъ не пріѣдетъ... Мы разошлись!..

Дуся быстро поднялась съ дивана, прошлась по балкону, потомъ сѣла въ кресло и смотрѣла въ садъ. Но ей не удалось скрыть яркаго румянца, вспыхнувшаго на лицѣ, послѣ вопроса Зины.

— Какая же перемѣна случилась съ тобой, моя дѣвочка?—спросила Зина.

— Я отказалась отъ прежней жизни... Я сдѣлалась совсѣмъ другимъ человѣкомъ... Я навсегда переселяюсь въ деревню съ дѣтьми... Буду работать, заниматься хозяйствомъ, воспитывать дѣтей... Они были у меня совсѣмъ заброшены... Я хочу научиться быть хорошей матерью... Я поняла теперь все безобразіе, всю пустоту городской жизни; всю пошлость того круга людей, куда меня тянуло раньше... Ахъ, Зина!.. Мнѣ стыдно, такъ стыдно, что я не знаю, смогу ли даже тебѣ разсказать то, что было со мной за это время...

Дуся закрыла лицо руками, и опять нѣсколько времени длилось молчаніе.

— Не говори, если тебѣ тяжело,—сказала Зина.

— Тебѣ я должна сказать... Это мучитъ меня, давитъ... Ты не можешь представить себѣ, какая это грязь... Она засасываетъ, отравляетъ... она пропитана ядовитыми испареніями. Онъ протащилъ меня по этой грязи и рѣшилъ, что я его раба, вещь... Я возненавидѣла мужа изъ за того, что онъ смотритъ на меня, какъ на принадлежность своего домашняго хозяйства... и вдругъ этотъ человѣкъ... Ужасно больно!.. Меня потянуло къ нему...Мнѣ показалось, что онъ такъ не похожъ на всѣхъ, что онъ умный, тонкій... Ахъ Зина, Зина... Онъ такой же, какъ всѣ...

— Что у васъ произошло? Можетъ быть ты...

— Все произошло!..—перебила Дуся.—И все грязь!.. Слушай: три недѣли тому назадъ я пріѣхала домой вмѣстѣ съ Плѣнниковымъ изъ клуба въ два часа ночи... Мужъ не впускалъ меня... Ему хотѣлось, чтобы я его просила, унижалась передъ нимъ... Я уѣхала ночевать въ гостиницу, и Плѣнниковъ остался со мной...

Дуся вскочила съ кресла, подбѣжала къ Зинѣ, встала на колѣни и спрятала лицо въ ея платьѣ.

— Не презирай меня!.. Ради Бога, не презирай... Я не знаю, какъ все это случилось,—шептала она.

Зина нагнулась къ ней и поцѣловала ея голову.

— Не жалѣй меня... Не стоитъ...

Авдотья Павловна подняла голову, постояла на колѣняхъ съ опущенными глазами, облокотившись на диванъ.

— Какъ мнѣ было стыдно и больно!.. Мнѣ умереть хотѣлось на другой день... Все было такъ противно—и люди, и жизнь... Ничего въ ней нѣтъ... Ничего святого... Алчность и развратъ... это все, чѣмъ они живутъ... Это ихъ сила, это единственный двигатель въ ихъ жизни...

— Ты совсѣмъ ушла отъ мужа?—спросила Зина.

— Не знаю, право!.. На другой день я вернулась домой очень рано... Я не спала совсѣмъ... Я никого не могла видѣть... Даже на дѣтей мнѣ противно было смотрѣть... Я умирала отъ стыда... А Таха, какъ на зло, вдругъ проявилъ раскаяніе, сталъ просить прощенія и лѣзъ съ нѣжностями... Это была пытка! Я такъ закричала на него, что даже его деревянная душа почувствовала что то... Онъ оставилъ меня въ покоѣ... Цѣлый день я пролежала, запершись въ своей комнатѣ... Вдругъ передъ вечеромъ пріѣзжаетъ извозчикъ и привозитъ записку: «Жду васъ сегодня у себя въ 10 ч. вечера»...

Дуся вскочила, подошла къ столбу балкона, прижалась къ нему и стояла, отвернувшись отъ Зины.

— Какъ онъ смѣлъ такъ обращаться со мной?..—воскликнула она, послѣ короткаго молчанія, подходя къ Зинѣ съ высоко поднятой головой.—Скажи мнѣ, скажи: имѣлъ ли онъ право обращаться со мной такъ?.. Я поступила дурно... Я знаю... Но ему какое дѣло? Ему кто далъ право?.. Все мое расположеніе къ нему пропало въ одинъ мигъ... Грубое животное!.. Онъ вообразилъ, что я такая же первая встрѣчная, какъ всѣ... Этого я никогда не прощу ему... Никогда!

Дуся сѣла въ кресло; она откинулась на спинку и приложила къ головѣ ладони переплетенныхъ пальцами рукъ.

— Два чувства борются во мнѣ,—продолжала она, не мѣняя позы.—Хочется отомстить ему, унизить, заставить пресмыкаться передо мной... О, если бы я могла сдѣлать это!.. А другое... уйти отъ всего этого: жить въ деревнѣ, полюбить дѣтей... Не знаю, отчего у меня нѣтъ сильнаго материнскаго чувства?.. Какъ было бы хорошо!.. Мнѣ теперь очень нравится въ деревнѣ... Здѣсь всѣ такъ хорошо относятся ко мнѣ... Бабы говорятъ, что имъ стало веселѣй съ моимъ пріѣздомъ... Жаль только, что всѣ они страшно бѣдны... Эта бѣдность меня удручаетъ... Я не могу помочь имъ; у меня вѣдь также ничего нѣтъ, кромѣ моей Незлобинки... Если бы я была богата, если бы я могла сдѣлать, чтобы всѣмъ имъ жилось хорошо, я навсегда осталась бы въ деревнѣ...

— Ты продашь имъ Незлобино?—спросила Зина.

Дуся не отвѣтила, но встала съ кресла и сѣла на диванъ возлѣ подруги.

— Если бы я могла все отдать имъ!—тихо сказала она.— Помнишь, когда намъ было 13 или 14 лѣтъ, и мы пріѣхали изъ института... мы однажды лежали съ тобой на этомъ диванѣ и читали разсказы изъ жизни святого Франциска? Помнишь, какъ мы плакали, а я утѣшала тебя? Помнишь?

— Помню...

— Помнишь, ты поссорилась съ отцомъ... Ты требовала, чтобы онъ все роздалъ бѣднымъ.

— Помню... Онъ ударилъ меня нагайкой и заперъ въ темный сарай...

— А я подлѣзла къ тебѣ въ подворотню; принесла апельсинъ и кусокъ хлѣба... Ты не хотѣла ѣсть и послала меня за ножомъ и свѣчой... Я принесла ножъ и свѣчу, и спички... Ты вырѣзала двѣ палочки, сдѣлала изъ нихъ крестъ, поставила въ уголъ и зажгла свѣчу... Потомъ мы стали молиться. У тебя было такое блѣдное и серьезное лицо, что мнѣ стало страшно въ темномъ сараѣ. Я обѣщала тебѣ, что буду съ тобой ночевать, а потомъ испугалась... Я просила Бога, чтобы отецъ скорѣй выпустилъ тебя изъ сарая... И когда вечеромъ тебя выпустили, я приписывала это моей молитвѣ... Помнишь, потомъ, ты звала меня идти съ тобой пѣшкомъ въ Іерусалимъ? Ты хотѣла принести оттуда кусочекъ гроба Господня и дѣлать чудеса... Ты увѣряла, что каждый, кто прикоснется къ твоему кусочку, тотчасъ же преобразится...

Дуся долго еще говорила, вспоминая прошлое. На балконѣ стало совсѣмъ темно; няня вернулась съ дѣтьми изъ сада; Лиза спала у нея на рукахъ, а Володя тащилъ огромный пучекъ травы и цвѣтовъ. Дуся встала и ушла укладывать дѣтей. Зина осталась одна въ темнотѣ балкона.

Дуся и не подозрѣвала, какъ глубоко взволновали ея подругу разбуженныя воспоминанія дѣтства. Карина ничѣмъ не выдала своего волненія, потому что съ давнихъ поръ привыкла все таить въ душѣ. Зина чувствовала, что она не только не измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ стояла на колѣняхъ передъ самодѣльнымъ крестомъ въ темномъ сараѣ, но что теперь она еще сильнѣе, глубже сознавала мучительную тяготу жизни, давящую всѣхъ людей... Въ одномъ только произошла перемѣна: она не вѣритъ больше въ чудеса...

Голоса изъ комнаты прервали размышленія Зины.

— Володя, перестань!—послышался голосъ Дуси.

— Не хочу, не хочу, не хочу!—кричалъ Володя, злымъ и слезливымъ тономъ.

— Ты разбудишь Лизу!—гнѣвно сказала Авдотья Павловна.

Лиза, дѣйствительно, проснулась и стала плакать.

— Каторга съ ними!.. Господи, да перестань же, негодный мальчишка!—кричала уже выходя изъ себя Дуся.

— Сама перестань!—отвѣтилъ Володя.

Послѣ этого крики усилились и послышались шлепанцы, которыми мать смиряла сына. Плачъ дѣтей и гнѣвные окрики Дуси болѣзненно подѣйствовали на Зину. Она потихоньку спустилась съ балкона и ушла въ садъ. Она не могла слышать этихъ бьющихъ по нервамъ звуковъ, отвыкнувъ въ своемъ одинокомъ затворничествѣ отъ всего, что бываетъ въ обыденной жизни.

Между тѣмъ Дуся, повидимому, не на шутку принялась за своего сына, потому что онъ закричалъ не своимъ голосомъ на весь домъ. Зина закрыла уши и побѣжала по аллеѣ внизъ къ пруду и, страшно утомленная бѣгомъ, опустилась въ изнеможеніи на старый пень давно спиленнаго дуба.

Разсказъ Дуси объ ея приключеніи мало затронулъ Карину. Равнодушіе къ жизни, почти полное отрицаніе ея глубоко овладѣли душой дѣвушки, и житейскія явленія проходили, не задѣвая ее. Все жизнеустройство казалось ей сплошной нелѣпостью: однимъ нелѣпымъ случаемъ больше или меньше, не все ли равно... Развѣ отъ этого измѣнится общій порядокъ? Смыслъ жизни потерянъ, вотъ въ чемъ дѣло... Никто не ищетъ его, никто не хочетъ думать о немъ... Живутъ минутой... Только бы какъ нибудь осязать жизнь... Отдаются первому ощущенію, какъ насѣкомыя... Когда придетъ пророкъ, когда прозвучитъ отъ края до края, какъ божій громъ, его всевоскрешающій голосъ, тогда начнется жизнь настоящая... А теперь всѣ живутъ, какъ насѣкомыя, двигаются и шумятъ, ни о чемъ не думая... Ей понравилось это сравненіе; она прислушивалась внимательно къ жужжанію ночныхъ жуковъ въ воздухѣ и къ треску кузнечиковъ въ высокой травѣ.

Балконъ освѣтился. Авдотья Павловна, наконецъ, уложила дѣтей и звала Зину къ чаю. Зина вернулась и увидѣла стоявшаго возлѣ балкона кучера Василія, который пришелъ узнать, останется ли барышня ночевать здѣсь или уѣдетъ домой.

— Я совсѣмъ забыла,—сказала Зина—что привезла тебѣ изъ города письмо... Оно въ пальто въ колясвѣ...

— Я принесъ пальто, барышня,—сказалъ Василій.

Пальто уже лежало на балконѣ.

— Мы сейчасъ поѣдемъ, Василій,—сказала Зина и кучеръ ушелъ.

Дуся просила подругу переночевать, но Зина отказалась: она обѣщала отцу пріѣхать сегодня.

Пока Авдотья Павловна читала письмо, Зина пила чай.

— Ко мнѣ пріѣдутъ гости изъ Петербурга,—сказала Дуся.—Знаешь кто?

Зина молча взглянула на нее равнодушными глазами, безъ тѣни любопытства.

— Ты не будешь смотрѣть такъ спокойно, когда узнаешь...—подумала Дуся и сказала:

— Твой старый знакомый Гельгардъ...

Но Зина также спокойно смотрѣла на подругу; только легкій румянецъ появился на ея блѣдныхъ щекахъ.

— Сюда собирается цѣлая компанія,—продолжала Дуся... Ты всѣхъ знаешь... Поэтъ Мироновъ, Вѣрина съ дочерью и сыномъ и Гельгардъ... Помнишь молодого Вѣрина, который считаетъ себя геніемъ... Мать молится на него. Тебѣ непріятно, что Гельгардъ будетъ такъ близко?

— Нѣтъ, я писала ему еще зимой,—спокойно и просто отвѣтила Зина.—Странно, что вотъ уже нѣсколько дней, какъ мнѣ все кажется, что я должна скоро увидѣться съ нимъ...

— Ты хочешь его видѣть?

— Да.

Зина подошла къ Дусѣ, чтобы проститься съ ней. Магорина обняла ее, крѣпко поцѣловала и, удерживая за руку, спросила съ легкимъ упрекомъ въ голосѣ:

— Ты никогда не разскажешь мнѣ, что было между вами?

— Я и сама не знаю,—отвѣтила Зина.—Право, не знаю,—повторила она, замѣтивъ тѣнь обиды на лицѣ подруги.—Сколько я ни думала объ этомъ, я никакъ не могла понять, какъ все случилось... Не сердись, Дуся, на меня... Не сердись на меня...

Она притянула къ себѣ подругу и прижала голову Дуси къ своей груди.

— Слышишь, какъ бьется сердце?.. А чѣмъ оно бьется и зачѣмъ, я не знаю... Прощай!

Подруги разстались.

Глава XIV.

Сидоръ Ивановичъ Шаровъ согласился отпустить жену къ Каринымъ. Не хотѣлось разставаться молодымъ супругамъ, да нужда подобралась слишкомъ близко; вознагражденіе Настѣ назначено хорошее—шутка ли, по рублю въ день,—кромѣ того,—и это можетъ быть самое главное—Шарову приходилось собираться за Волгу на покосъ, и жалко было Сидору Ивановичу брать молодую жену на тяжелую работу, отъ которой Настя отвыкла.

Поѣздка Сидора Ивановича въ городъ, когда онъ возилъ

туда деньги для Авдотьи Павловны, увѣнчалась, по его мнѣнію, полнымъ успѣхомъ. Онъ узналъ, что дѣйствительно существуетъ участокъ № 16 и что изъ него можетъ быть отведена земля для крестьянъ переселенцевъ. Во всей деревнѣ никто не думалъ съ такимъ упорствомъ о казенной землѣ, какъ Шаровъ. Онъ еще два раза ходилъ въ городъ и узналъ, что участокъ № 16 находится въ предѣлахъ Досѣкинской волости, всего въ 40 верстахъ отъ Незлобина.

На другой день послѣ того, какъ Зина заѣзжала къ Шаровымъ, Сидоръ Ивановичъ вечеркомъ бесѣдовалъ со стариками въ пожарномъ сараѣ; онъ сообщилъ имъ всѣ добытыя свѣдѣнія и предлагалъ немедленно составить приговоръ и подать прошеніе куда слѣдуетъ.

Свѣдѣнія свои онъ получилъ очень длиннымъ и хлопотливымъ путемъ, черезъ знакомаго человѣка. У знакомаго человѣка, бывшаго сослуживца Шарова, была сестра, которая была замужемъ за разсыльнымъ земской управы; въ земской управѣ служила барышня, у которой жена разсыльнаго мыла бѣлье. Съ этой барышней Сидоръ Ивановичъ разговаривалъ, и она показала ему законъ и дала записку къ своему знакомому доктору, который подтвердилъ все то, что говорила барышня, и послалъ его съ своей запиской къ учителю гимназіи Александру Васильевичу. Этотъ послѣдній оказался самымъ свѣдущимъ и даже написалъ прошеніе по формѣ и посовѣтовалъ торопиться. При этомъ Шаровъ показалъ листокъ почтовой бумаги, на которомъ были начерчены какія то графы вдоль и поперекъ и былъ написанъ текстъ прошенія.

Обстоятельность разсказа Сидора Ивановича произвела нѣкоторое впечатлѣніе. Столько людей видѣлъ человѣкъ и всѣ говорили ему одно и то же, очевидно, дѣло это не совсѣмъ вздорное. Въ ту минуту, какъ всѣ молчали, устремивъ взоры на листъ почтовой бумаги, болтавшійся въ рукахъ Шарова, Быстровъ, все время сочувственно поддакивавшій писарю, вздумалъ воспользоваться благопріятнымъ моментомъ и выступилъ съ рѣшительнымъ видомъ впередъ. Онъ взялъ листокъ изъ рукъ Шарова и, приблизившись къ фонарю, осмотрѣлъ бумагу съ преувеличеннымъ вниманіемъ со всѣхъ сторонъ. Затѣмъ, возвращая листокъ писарю, онъ пожалъ плечами и сказалъ:

— О чемъ еще говорить?.. Пиши приговоръ!

— Погоди писать! — крикнулъ Никола плотникъ и также приблизился къ Сидору Ивановичу. — Ты скажи намъ, какая тамъ земля? Видалъ ли ты ее, какая она есть?

Это былъ вопросъ, о которомъ всѣ думали. Каждый спѣшилъ теперь предложить его въ той или иной формѣ, вслѣдствіе чего поднялся общій гулъ, въ которомъ ничего нельзя

было разобрать. Напрасно Быстровъ кричалъ своимъ визгливымъ голосомъ, что земли въ Досѣкинской волости хорошія; напрасно Сидоръ Ивановичъ убѣждалъ, что нужно торопиться подать прошеніе, а потомъ послать уполномоченныхъ осмотрѣть землю; имъ не удалось больше овладѣть общественнымъ вниманіемъ. Незлобинцы стали расходиться по два, по три человѣка, варьируя на разные лады всѣ выраженныя только что въ общемъ говорѣ сомнѣнія въ пригодности невиданной земли. Всѣмъ казалось страннымъ, что земля была такъ близко и оставалась свободной. Кромѣ того, производила впечатлѣніе и записка Магориной, о которой всѣ узнали.

— Знаемъ мы досѣкинскихъ,—говорилъ одинъ.—У самихъ земли нѣтъ.

— Они сыромятники... У нихъ земля плохая... Они кожи мнутъ,—пояснялъ другой.

— Кабы земля гожая была, не стала бы насъ дожидаться...

— Можно ли подписываться, не видѣвши земли?

— Иная земля хорошая, да воды нѣтъ.

И такъ далѣе. Мало по малу разошлись всѣ. Быстровъ плюнулъ и сердито сказалъ:

— Хуже нашего народа нигдѣ нѣтъ!.. Дурачье!.. Выгоды своей не понимаютъ...

Онъ опять пошелъ вмѣстѣ съ Шаровымъ.

— Составляй бумагу, да по дворамъ обойди,—совѣтовалъ Быстровъ.—Вѣрно я говорю, Сидоръ Ивановичъ. Знаю я народишко нашъ... Онъ на міру кричитъ, а дома съ нимъ что хочешь дѣлай, все подпишетъ...

Предложеніе Быстрова начинало соблазнять Сидора Ивановича.

— Главное дѣло,—озабоченно сказалъ онъ,—намъ нужно себя первыми заявить, чтобы другіе не захватили раньше насъ...

Какъ только Сидоръ вошелъ въ избу, Настя по лицу его угадала, что онъ потерпѣлъ неудачу. Она также была противъ переселенія и радовалась въ душѣ неудачѣ мужа. Глаза ея весело блеснули, когда она увидѣла недовольное лицо Сидора, но тотчасъ же она опустила ихъ и продолжала работать.

Сидоръ молча сѣлъ къ столу и, взявъ листъ чистой бумаги, занялся перенесеніемъ на нее той формы списка, которую принесъ изъ города. Довольно долго оба сидѣли молча, занимаясь своимъ дѣломъ и своими мыслями.

— Федоръ Васильевичъ говоритъ,—началъ Шаровъ,—что онъ согласенъ на казенный участокъ переходить...

— Вретъ онъ!—быстро сказала Настя.—Онъ у Горбушиныхъ мѣсто прикупилъ... Новую избу для сына будетъ ставить...

— Самъ сказалъ, чтобы его перваго въ списокъ писать...
— А другіе?—спросила Настя тревожно.
— Другіе не хотятъ.
— Кому охота!
— Охота не охота, а жить нужно.
— Живемъ и тутъ... Домъ поставили, истратились, да опять разоряться...
— Зачѣмъ разоряться, — отвѣтилъ Сидоръ, любуясь аккуратно разграфленной формой будущаго списка переселенцевъ. Мы домъ туда перевеземъ... Недалеко!..
— Куда туда?.. Самъ не знаешь куда!..—Настя, насмѣшливо улыбаясь, поглядѣла на мужа. Онъ ничего не отвѣтилъ и принялся за другой листъ бумаги. И опять оба долго молчали.

Ужинали тоже молча. Когда жена рѣзала хлѣбъ, Сидоръ попытался завести разговоръ въ оптимистическомъ тонѣ.

— На своей землѣ пшеницу посѣемъ... Калачей испечешь...
— Чѣмъ сѣять, раньше вспахать нужно,—замѣтила Настя, намекая на то, что у нихъ нѣтъ лошади.

Это было слишкомъ больное мѣсто... Ужинъ окончили молча; молча улеглись спать.

Глава XV.

Хлѣба въ этомъ году выросли роскошные. Давно хозяева не видѣли своихъ полей въ такомъ превосходномъ состояніи; радостно возбужденное настроеніе овладѣло всѣми. Во всей деревнѣ не было ни одного живого существа, которое не радовалось бы хорошему урожаю. Даже страшно отощавшія собаки, которыхъ, впрочемъ, на всю деревню послѣ голоднаго года не осталось и полудюжины, вѣчно голодныя, съ грязными клочками зимней шерсти, какъ-то особенно нервничали въ нетерпѣливомъ ожиданіи новаго хлѣба. Раскинувшись на солнцѣ, или скрываясь въ тѣни отъ его горячихъ лучей, собака вдругъ вскакивала, бѣгала по двору или выбѣгала на улицу, лаяла безъ всякой видимой надобности или, вытянувъ морду, сосредоточенно нюхала характерный запахъ зрѣющей ржи, приносимый вѣтромъ съ поля.

Въ Незлобинѣ и въ ближайшихъ селеніяхъ жатва обыкновенно начиналась около Петра и Павла. Въ этотъ день и еще наканунѣ въ большомъ базарномъ селѣ Досѣкинѣ была ярмарка и происходила наемка жнецовъ. Изъ Незлобина пришли наниматься Шаровъ, съ нимъ молодой парень Алеша, сынъ Петра Силыча и еще нѣсколько парней и дѣвушекъ изъ

многосемейныхъ дворовъ. Они съ вечера пришли въ Досѣкино, въ канунъ праздника; держались всѣ одной кучкой и ночевали подъ открытымъ небомъ вмѣстѣ съ огромной толпой пришлаго люда, собравшагося изъ многихъ отдаленныхъ губерній Россіи. Къ разсвѣту народу еще прибавилось. Всю ночь почти не смолкалъ глухой гулъ голосовъ многотысячной толпы; всю ночь подходили и подъѣзжали новыя партіи рабочихъ. Усталые люди, изъ дальнихъ мѣстъ, бросались какъ попало на землю и засыпали на короткое время тяжелымъ сномъ.

Съ первымъ блескомъ зари всѣ уже стояли на ногахъ. Вся обширная площадь была занята тѣсной толпой, которая представлялась какъ бы сплошной массой сросшихся вмѣстѣ людей. Большая проѣзжая дорога, проходившая вдоль лавокъ, трактировъ и постоялыхъ дворовъ, и двѣ узкія улицы, упиравшіяся въ площадь, также были заняты народомъ. Казалось, ни пройти, ни проѣхать не было никакой возможности черезъ эту толпу. А между тѣмъ съ восходомъ солнца подъѣзжали одинъ за другимъ въ разнообразныхъ экипажахъ наемщики жнецовъ, и толпа, колыхаясь, сбивалась еще тѣснѣе. Пріѣзжіе исчезали въ воротахъ постоялыхъ дворовъ, провожаемые сотнями глазъ.

Алеша первый разъ въ жизни пришелъ на наемку. Онъ съ жаднымъ любопытствомъ разсматривалъ толпу, поминутно толкая Сидора Ивановича, чтобы подѣлиться съ нимъ какимъ нибудь новымъ впечатлѣніемъ. Его вниманіе привлекала то группа татаръ съ ихъ оживленнымъ говоромъ, то невиданныя никогда коричневыя и бѣлыя свиты хохловъ и бѣлоруссовъ, то знакомые крестьяне изъ близкихъ къ Незлобину деревень одного прихода. Неподалеку отъ незлобинцевъ, совсѣмъ почти въ улицѣ, стояла группа крестьянъ изъ Пучина; Алеша тотчасъ же узналъ пучиновцевъ, хотя никого изъ нихъ не могъ бы назвать по имени. Вообще рабочіе изъ ближнихъ селъ нарядились по праздничному, съ тѣмъ, чтобы послѣ наемки сходить домой переодѣться. На нихъ были чистыя рубахи, новые картузы, новые сапоги и поддевки. Пришельцы изъ дальнихъ мѣстъ, при всемъ разнообразіи ихъ костюмовъ, имѣли то общее между собой сходство, что одежда у нихъ, почти у всѣхъ, состояла изъ однихъ лохмотьевъ.

— Много народу... Собьютъ цѣну!—сказалъ Сидоръ Ивановичъ, обращаясь къ Алешѣ.

Тотъ отвѣтилъ, стараясь подражать Шарову серьезностью тона:

— Господъ да приказчиковъ также много понаѣхало... Сказываютъ, всѣ постоялые дворы заняты...

— Это что!—сказалъ Шаровъ.—Главное дѣло народъ плохой... Видно—голодомъ шелъ... Ему только кусокъ хлѣба по-

кажи... помани его кашей, онъ за всякую цѣну пойдетъ. Иной сколько дней горячаго не хлебалъ.

— Смотри, смотри!—воскликнулъ Алеша, забывая свою солидность, и дернулъ Шарова за рукавъ.

Въ открытой коляскѣ, на тройкѣ въ дугу медленно пробирался по большой дорогѣ плотный старикъ въ военной фуражкѣ съ сѣдой, коротко подстриженной бородой.

— Кто такой?—спросилъ Алеша.

— Полковникъ... княжескій управляющій...—весело отвѣтилъ Шаровъ.—Про него говорили, будто онъ въ городъ за народомъ поѣхалъ... Этотъ одинъ тысячу человѣкъ возьметъ.

Появленіе полковника произвело сенсацію не только среди рабочихъ, но и среди нанимателей. Изъ оконъ постоялыхъ домовъ высунулись головы приказчиковъ, управляющихъ и мелкихъ владѣльцевъ; изъ нихъ многіе почтительно кланялись полковнику. Вѣсть о пріѣздѣ послѣдняго мгновенно разошлась по всей толпѣ; произошло замѣтное движеніе; самые дальніе тянулись впередъ къ улицѣ; многіе поднимались на пальцахъ, даже подскакивали, цѣпляясь за сосѣдей, чтобы хоть мелькомъ взглянуть на княжескаго управителя, полковника Матова.

Полковникъ, не выходя изъ коляски, которая остановилась по срединѣ улицы, также смотрѣлъ на толпу, кого то отыскивая глазами. Толпа сильно навалила къ его коляскѣ и какъ то сосредоточенно притихла. Всѣ ждали съ нетерпѣніемъ, какую цѣну объявитъ Матовъ, который былъ теперь главнымъ дѣйствующимъ лицомъ на наемкѣ. У большинства собравшихся здѣсь рабочихъ о Матовѣ, какъ нанимателѣ, составилось вполнѣ опредѣленное мнѣніе: онъ любилъ кричать, иногда даже дрался, но хорошо кормилъ и честно разсчитывался. Къ нему нанимались охотно, въ особенности, ближе его знавшіе, мѣстные люди. Другіе наниматели также знали, что, пока полковникъ не найметъ необходимое для него число рабочихъ, никто не станетъ наниматься къ нимъ. Понятно, съ какимъ вниманіемъ всѣ слѣдили за поведеніемъ полковника.

Между тѣмъ къ его коляскѣ подошли три приказчика, давно уже толкавшіеся въ народѣ. Когда онъ говорилъ съ ними, ближайшіе къ коляскѣ люди вытягивали шеи, стараясь услышать ихъ разговоръ. Но разговоръ продолжался недолго. Полковникъ всталъ, окинулъ взглядомъ толпу, стоя вынулъ изъ кармана портъ-сигаръ, закурилъ сигару, потомъ что-то сказалъ приказчикамъ, махнулъ рукой и снова сѣлъ, откинувшись на спинку коляски. Его приказчики вмѣшались въ толпу, и возлѣ нихъ въ разныхъ пунктахъ площади образовались тѣсно сплоченныя группы рабочихъ, съ напряженно тянувшимися въ одну сторону головами.

Въ это время въ узкой улицѣ, на углу которой лежали

телеграфные столбы, совершенно исчезнувшіе подъ народомъ, показалась бѣлая лошадь и бѣговыя дрожки.

— Дорогу, дайте дорогу!—издали кричалъ кучеръ.

Подъѣхавъ ближе, онъ самъ убѣдился, что требовалъ невозможнаго, и остановилъ лошадь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ толпы. Пріѣхавшій на дрожкахъ высокій плотный господинъ въ парусиновомъ пиджакѣ, въ бѣлой шапкѣ съ кокардой, съ краснымъ загорѣвшимъ лицомъ, съ коротко подстриженными усами и бородой былъ помѣщикъ Колѣновъ, усердный хозяинъ, жившій безвыѣздно круглый годъ въ своемъ имѣніи, близь деревни Пучино. Стоявшіе неподалеку пучиновцы узнали своего барина, сняли шапки и поздоровались съ нимъ. Колѣновъ не отвѣтилъ на привѣтствіе. Онъ всталъ съ дрожекъ и пробовалъ пробиться черезъ толпу, сердито покрикивая и расталкивая рабочихъ.

— Не торопись, баринъ, не пройдешь!—крикнулъ ему кто то изъ толпы.

Но этотъ окрикъ только больше раззадорилъ Колѣнова. Онъ сталъ расталкивать народъ еще энергичнѣе. Благодаря своимъ могучимъ плечамъ, онъ дѣйствовалъ вначалѣ не безъ успѣха и пробился въ толпу на нѣсколько саженей впередъ; но дальше всѣ его усилія оказывались безплодными, потому что народъ попался менѣе сговорчивый, отстаивавшій свое мѣсто болѣе энергично. Настойчивость и безцеремонность Колѣнова вызывали протесты среди окружающихъ; они еще плотнѣе сомкнули свои ряды, причемъ многіе громко выражали свое неудовольствіе.—Да ну тебя!—Чего толкаешься?—Откуда взялся такой?—Не видишь, некуда!—Что зря народъ давить?—раздавались вокругъ голоса.

— Вотъ дьяволы, черти анафемскіе!—закричалъ Колѣновъ, котораго тѣсно окружили со всѣхъ сторонъ, такъ что онъ задыхался отъ давки и всевозможныхъ испареній человѣческаго тѣла.

Онъ отказался отъ намѣренія пробиться дальше и хотѣлъ вернуться назадъ въ улицу, гдѣ стояла его лошадь, но молодые пучиновскіе ребята, находившіеся въ улицѣ и невидные Колѣнову, встали плечомъ къ плечу и не давали выхода въ улицу. Алеша и еще нѣсколько парней соблазнились этой игрой и, спустившись съ бревенъ, присоединились къ пучиновцамъ, чтобы выжимать масло изъ барина. Какъ только Колѣновъ замѣтилъ, что противъ него составился заговоръ, онъ страшно разсердился; лицо его побагровѣло, глаза налились кровью; онъ разразился непечатной бранью и ринулся впередъ съ такой силой, что разорвалъ цѣпь пучиновцевъ и вырвался на свободу. Какой то маленькій тощій старичокъ, случайно попавшійся на его пути, былъ съ такой силой отбро-

шенъ имъ въ улицу, что упалъ и больно ушибся головой объ ось дрожекъ Колѣнова.

— Убилъ старика!—сказалъ кто-то.

— Чѣмъ людей обижать, лучше бы деньги отдалъ за работу,—замѣтилъ другой.

— Кто тамъ говоритъ? Кому деньги? Выходи!—крикнулъ Колѣновъ, оглядываясь на толпу.

— Аль онъ денегъ не платитъ?—спросилъ высокій человѣкъ въ истрепанномъ картузѣ, съѣхавшемъ на затылокъ.

Онъ цѣлой головой возвышался надъ окружающими. Въ отвѣтъ на его вопросъ всѣ пучиновцы заговорили вмѣстѣ:

— Не заплатилъ!.. Мы траву косили... Не далъ разсчета! Два дня ходили къ нему!.. Недѣлю работали—ничего не получили... Не хочетъ платить!.. Что сдѣлаешь?..

Колѣновъ уже сидѣлъ верхомъ на дрожкахъ и приказалъ кучеру объѣхать площадь съ другой стороны. Но, услышавъ жалобы пучиновцевъ, онъ вскочилъ и подошелъ къ нимъ.

— Вы, мерзавцы, самовольно ушли съ работы!.. Я васъ, подлецовъ, въ жигулевку засажу!.. Скоты!

Онъ искалъ глазами знакомыхъ лицъ въ толпѣ. Степенный мужикъ изъ Пучина, въ хорошей поддевкѣ на плечахъ, съ окладистой черной бородой, вышелъ къ нему и, снявъ шапку, сказалъ:

— Мы, ваша милость, у васъ поденно работали... Мы на срокъ не становились...

— Врешь!.. Я говорилъ вамъ на уборку ржи оставаться... У меня хлѣбъ сыплется...

— Разговоръ точно былъ,—вмѣшался другой пучиновецъ помоложе,—а только согласія нашего на то не было, чтобы рожь жать...

— И объ цѣнѣ не уговорились,—замѣтилъ третій.

— Подлецы вы всѣ!—крикнулъ Колѣновъ, повернулся и сѣлъ на дрожки.

Человѣкъ десять пучиновцевъ пошли за нимъ до самыхъ дрожекъ, обнажили головы и, низко кланяясь, просили разсчета.

— Сдѣлайте божескую милость, ваше благородіе... Пожалѣйте... Сдѣлайте разсчетъ по совѣсти... Мы согласны работать... Уплатите, ваша милость, что слѣдуетъ,—говорили они, перебивая другъ друга.

— На базарѣ мнѣ, что-ли, съ вами разсчитываться? Приходите въ контору!—сказалъ Колѣновъ.

— Сколько ходили!.. Время ли ходить?.. Время нынче какое!.. Пожалѣйте, ваша милость... Намъ ровнымъ дѣломъ по два рубля слѣдуетъ... Мы всѣ тутъ...

— Мы еще посмотримъ, кому что слѣдуетъ, — отвѣтилъ Колѣновъ и крикнулъ кучеру: «Пошелъ!»

Онъ сидѣлъ верхомъ на дрожкахъ, спиной къ кучеру и не видѣлъ, что въ это время происходило впереди. Его лошадь была со всѣхъ сторонъ окружена народомъ; нѣсколько человѣкъ держались за оглобли, а высокій рабочій, не похожій на крестьянина, стоялъ передъ мордой лошади и держалъ ее подъ уздцы. Это былъ огромный человѣкъ въ рваномъ коломянковомъ пиджакѣ, накинутомъ поверхъ красной рубахи, въ дырявомъ картузѣ, чуть державшемся на затылкѣ.

— Посторонитесь, эй, дайте дорогу!—кричалъ кучеръ, подергивая возжами.

Лошадь безпокойно топталась на одномъ мѣстѣ. Со всѣхъ сторонъ раздавались крики.

— Тпру, стой!.. Отдай деньги...

— Заплати сперва...

— Вишь ловкій!..

— Не больно «пошелъ»... Постоишь! Сперва разсчетъ сдѣлай...

— Отдай денежки и ступай съ Богомъ...

Когда, оглянувшись, Колѣновъ увидѣлъ, что происходитъ впереди, онъ быстро пересѣлъ лицомъ къ кучеру, выхватилъ у него кнутъ и ударилъ лошадь со всей силой. Лошадь рванулась, шарахнулась въ сторону, взвилась на дыбы, потомъ стала пятиться назадъ и чуть не опрокинула дрожки. Но еще нѣсколько рукъ ухватились за нее и за дрожки, и она опять остановилась, дрожа и фыркая.

— Стопъ машина!—закричалъ стоявшій впереди высокій рабочій въ коломянковомъ пиджакѣ.

— Вонъ, мерзавцы!.. Сволочь!—кричалъ Колѣновъ, посинѣвшій отъ бѣшенства.

Онъ замахнулся кнутомъ на людей, державшихъ оглобли дрожекъ, но чья то рука вырвала у него кнутъ, что было встрѣчено общимъ смѣхомъ и новыми возгласами.

Колѣновъ выхватилъ изъ кармана револьверъ.

— Какъ собакъ перебью!—кричалъ онъ дикимъ голосомъ, разражаясь градомъ отборныхъ ругательствъ.

При видѣ револьвера, толпа притихла. Люди, державшіе оглобли, опустили руки. Тѣмъ не менѣе лошадь была плотно окружена со всѣхъ сторонъ народомъ, а стоявшій впереди рабочій не только не выпустилъ уздечку, но, отклонившись въ сторону, такъ чтобы его видно было Колѣнову, сказалъ:

— Стрѣляй!

Колѣновъ поднялъ руку; рабочій стоялъ, не дрогнувъ, и, не глядя на револьверъ, смотрѣлъ прямо въ лицо Колѣнову.

Вдругъ кто то ловкимъ ударомъ серпа выбилъ револьверъ изъ рукъ Колѣнова. Этотъ подвигъ былъ привѣтствованъ дружными криками толпы и новыми насмѣшливыми воскли-

ціями. Колѣновъ нагнулся за револьверомъ, упавшимъ на землю, но близко стоявшій Алеша Линяевъ уже схватилъ револьверъ, тотчасъ же передалъ его сосѣду, тотъ слѣдующему и т. д. Въ одно мгновеніе револьверъ очутился очень далеко отъ своего хозяина.

— Плати, баринъ, денежки. Раскошеливайся! — кричалъ коломянковый пиджакъ.

Между тѣмъ Колѣновъ вскочилъ съ дрожекъ, схватилъ Алешу за грудь и трясъ его во всѣ стороны.

— Ты чей? Говори, подлецъ!.. Говори, говори, говори!.. Задушу каналью...

Алеша извивался въ его рукахъ, стараясь освободиться. Коломянковый пиджакъ бросилъ лошадей и явился къ нему на помощь.

— Пусти парнишку, баринъ...—сказалъ онъ. — Онъ тебѣ не соперникъ... Давай со мной помѣряемся... Разступись, ребята!.. Мы съ бариномъ на поединокъ идемъ...

Колѣновъ выпустилъ Алешу и повернулся къ рабочему. Толпа раздвинулась и освободила маленькое пространство, въ которомъ на разстояніи двухъ-трехъ шаговъ лицомъ къ лицу стояли Колѣновъ и рабочій, — осматривая другъ друга. Это были соперники вполнѣ достойные одинъ другого. Оба высокіе, широкоплечіе, съ широкой грудью, съ огромными руками они могли постоять за себя въ рукопашномъ бою. Колѣновъ съ виду казался сильнѣе, потому что рабочій былъ худѣе его; но за то послѣдній отличался изумительнымъ спокойствіемъ, даже нѣкоторой веселостью. Онъ отдалъ свой серпъ ближайшему сосѣду, заложилъ руки за поясъ, чуть-чуть разставилъ ноги и стоялъ, улыбаясь, и смотрѣлъ на Колѣнова.

— Согласенъ, баринъ, аль нѣтъ?—спросилъ онъ.

— Разбойникъ!—отвѣтилъ Колѣновъ, окинувъ противника злобнымъ взглядомъ и, отвернувшись, направился къ дрожкамъ.

Но дрожки были отдѣлены отъ него непроницаемой стѣной народа. Онъ попробовалъ было пробиться, но его мгновенно окружили со всѣхъ сторонъ, такъ что ему невозможно было двинуться съ мѣста. Его дергали и толкали; вокругъ него раздавались крики, гиканье и свистъ. Поднялся невообразимый шумъ, въ которомъ, однако, можно было разобрать отдѣльные возгласы, составлявшіе основной мотивъ этой дикой фуги—въ нихъ выражалось требованіе денегъ, слѣдуемыхъ пучиновцамъ. Колѣновъ стоялъ съ плотно сжатыми приподнятыми кулаками, съ разставленными локтями, задыхаясь отъ бѣшенства. Онъ смотрѣлъ поверхъ толпы, готовый сокрушить всякаго, кто осмѣлится прикоснуться къ нему.

Трудно угадать, чѣмъ бы кончилась эта исторія, если бы

вниманіе толпы не было отвлечено въ другую сторону. Съ центра площади дошло сюда извѣстіе, что полковникъ Матовъ объявилъ рѣшительную цѣну и беретъ восемьсотъ человѣкъ на уборку ржи. Это была весьма значительная часть собравшихся въ Досѣкино рабочихъ, и толпа, набившаяся въ улицу, отхлынула къ центру, изъ котораго партія за партіей жнецы уходили съ площади въ самый большой постоялый дворъ, гдѣ должны были произойти окончательные переговоры. Въ это же время Колѣновъ увидѣлъ въ улицѣ ѣхавшаго верхомъ въ бѣломъ кителѣ урядника. Урядникъ ѣхалъ шагомъ въ сопровожденіи десятка крестьянъ, полицейскихъ десятниковъ съ бляхами на груди, пригоняемыхъ обыкновенно во время наемки въ Досѣкино изъ сосѣднихъ деревень для наблюденія за порядкомъ.

Урядникъ близко подъѣхалъ къ толпѣ и, приподнявшись въ стременахъ, смотрѣлъ на Колѣнова и на кричавшихъ крестьянъ, не понимая въ чемъ дѣло.

— Что смотришь? — крикнулъ ему Колѣновъ. — Разгони эту сволочь!.. Не видишь развѣ, что дѣлаютъ... разбойники... канальи!.. Хорошо вы за порядкомъ смотрите... Убьютъ человѣка, тогда являетесь... Возьмите ихъ мерзавцевъ, перепишите... протоколъ составьте!..

Между тѣмъ движеніе къ центру настолько усилилось, что увлекло стоявшихъ въ улицѣ рабочихъ. Колѣновъ очутился на свободѣ. Возлѣ него осталась только небольшая группа мѣстныхъ крестьянъ; всѣ пришлые устремились на площадь, кромѣ рабочаго въ коломянковомъ пиджакѣ. Онъ спокойно стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Колѣнова и, положивъ свой серпъ на лѣвое плечо, вынулъ изъ кармана клочекъ бумаги и занялся приготовленіемъ козьей лапки для табаку.

— Нельзя здѣсь курить!—строго сказалъ урядникъ, слѣзая съ лошади, и подошелъ къ Колѣнову.

Это былъ молодой человѣкъ чисто одѣтый, чисто выбритый, недавно поступившій въ урядники изъ писцовъ полицейскаго управленія.

— Позвольте узнать, что здѣсь произошло?—спросилъ онъ, приложивъ въ видѣ привѣтствія руку къ козырьку новенькой фуражки съ блестящимъ гербомъ Нагорской губерніи.

— Возьмите всѣхъ этихъ мерзавцевъ въ холодную!—отвѣтилъ Колѣновъ... Это разбойники... Они напали на меня цѣлой толпой... Вотъ этого возьмите!..

Онъ указалъ на рабочаго, вызывавшаго его на единоборство.

— Ты кто такой?—спросилъ урядникъ, подходя къ рабочему, на котораго ему приходилось смотрѣть задравши голову.

— Мѣщанинъ Кутейниковъ, Иванъ Васильевъ...—отвѣтилъ коломянковый пиджакъ.—А вотъ баринъ, неизвѣстно какъ его прозываютъ, денегъ рабочему народу не плотитъ... А по какому праву, позвольте у васъ узнать?..

Но урядникъ не хотѣлъ его слушать.

— Еще на кого вы указываете? — спросилъ онъ, снова обращаясь къ Колѣнову.

— Всѣ они подлецы!.. Всѣхъ берите... Всѣ пучиновскіе и другіе... Вотъ этотъ у меня револьверъ укралъ...

Колѣновъ указалъ на Алешу, который сердито взглянулъ на него и сказалъ:

— Вретъ онъ!

— Каковъ мерзавецъ! — воскликнулъ Колѣновъ, пожимая плечами.

Алеша повернулся и пошелъ по направленію къ бревнамъ, но, по знаку урядника, мужикъ съ бляхой догналъ его и взялъ за локти.

— Не трогайте мальчика!—сказалъ Шаровъ, стоявшій неподалеку и наблюдавшій за происходившей сценой.

— А ты кто такой?—спросилъ урядникъ.

— Я сельскій писарь изъ Незлобина.

— Тебѣ какое дѣло здѣсь распоряжаться?

— Я не распоряжаюсь... Это нашъ парень; онъ ни въ чемъ не виноватъ.

— Послѣ разберемъ, кто виноватъ. Ступай и ты съ нами, рѣшилъ урядникъ.

— Я самъ видѣлъ,—воскликнулъ Колѣновъ, указывая на Алешу, — какъ этотъ негодяй схватилъ мой револьверъ.

— Вотъ вашъ револьверъ,—сказалъ Шаровъ, показывая на телеграфные столбы, на которыхъ дѣйствительно лежалъ револьверъ Колѣнова.

— Отпустите мальчика,—прибавилъ онъ...—онъ со мной пришелъ...

— Скажите пожалуйста! Неужели? Съ тобой пришелъ!.. Хорошъ мальчикъ!—язвительно произнесъ Колѣновъ. — Негодяй!.. Это ты подкинулъ револьверъ,—воскликнулъ онъ, напирая на Шарова.

— Мнѣ вашего револьвера не нужно... Я по своему дѣлу на базаръ пришелъ,—сердито отвѣтилъ Шаровъ.

— Вы видите, каковъ народецъ? — сказалъ Колѣновъ, обращаясь къ уряднику.—Онъ при полиціи грубитъ, а безъ полиціи въ драку лѣзетъ...

— Я въ драку съ вами не лѣзъ...

— Молчать!—дикимъ голосомъ прогремѣлъ Колѣновъ, совсѣмъ надвигаясь на Шарова.

— Успокойтесь, господинъ,—солидно произнесъ урядникъ,

становясь между ними.—Я составлю протоколъ и все разъяснится.

— Ступайте! — скомандовалъ онъ, указывая рукой въ улицу.

Никто не двигался. Только Алешу два десятника повели или, вѣрнѣе, потащили, потому что онъ вырывался.

— Маршъ!—грозно повторилъ урядникъ.

Но всѣ стояли въ полномъ недоумѣніи. Нѣкоторые изъ присутствующихъ подошли послѣ и даже не понимали въ въ чемъ дѣло.

Между тѣмъ урядникъ потерялъ терпѣніе.

— Ведите ихъ!—крикнулъ онъ десятникамъ.

Тѣ кинулись всѣ вмѣстѣ къ мѣщанину Кутейникову.

— Я самъ пойду,—отвѣтилъ тотъ, отстраняя тянувшіяся къ нему и хватающія его руки.

Онъ спряталъ въ карманъ пиджака приготовленную козью лапку и послѣдовалъ за Алешей, котораго почти волокли по землѣ.

— Иди, парень, иди!—крикнулъ ему Кутейниковъ.—Чего боишься?.. Выпустятъ!..

Между тѣмъ урядникъ, возмущенный безтолковостью десятниковъ, быстро переходилъ отъ одного крестьянина къ другому, собственноручно повертывалъ ихъ лицомъ къ улицѣ и давалъ имъ надлежащее направленіе... Послѣ нѣсколькихъ такихъ наглядныхъ примѣровъ десятники поняли, наконецъ, что нужно брать всѣхъ стоявшихъ въ улицѣ. Они окружили группу человѣкъ въ пятнадцать и повели ихъ въ улицу, въ концѣ которой находилось волостное правленіе съ помѣщеніемъ для арестуемыхъ. Урядникъ верхомъ и Колѣновъ на дрожкахъ замыкали шествіе.

На базарной площади значительно порѣдѣвшая толпа разбилась на маленькія кучки. Въ центрѣ каждой изъ нихъ былъ какой нибудь мелкій наниматель. По всей площади шла наемка. Солнце поднялось высоко и жарко нагрѣло воздухъ, пропитанный тонкой пылью, взбитой ногами толпы.

Около полудня наемка была закончена; площадь опустѣла, только въ трактирахъ и на постоялыхъ дворахъ толпились нанявшіеся рабочіе. По всѣмъ дорогамъ изъ Досѣкина шли и ѣхали въ огромныхъ возахъ группы жницъ и жнецовъ съ косами и серпами, тщательно обмотанными старымъ тряпьемъ.

Часа черезъ два послѣ полудня на досѣкинскомъ базарѣ никого почти не осталось.

Арестованные Сидоръ Ивановичъ и Алеша вмѣстѣ со всѣми другими рабочими просидѣли подъ замкомъ до вечера, потому что урядникъ не имѣлъ времени заняться составленіемъ протокола. Вечеромъ же вмѣстѣ съ урядникомъ явился

приказчикъ Колѣнова съ предложеніемъ кончить дѣло миромъ. Всѣмъ арестантамъ предложено было наняться къ Колѣнову жать рожь на участкѣ, арендуемомъ имъ въ десяти верстахъ отъ Досѣкина, съ тѣмъ, чтобы сегодня же отправиться на этотъ участокъ. Цѣна была назначена та, по какой нанялъ рабочихъ Матовъ. Арестованные согласились. Они приняли бы и болѣе тяжелыя условія, потому что цѣлый день ничего не ѣли, а главное боялись будущей волокиты и потери рабочаго времени.

По приглашенію приказчика, изъ арестантской отправились прямо въ трактиръ. Возлѣ трактира уже стояла запряженная парой лошадей телѣга и бѣговыя дрожки приказчика. Въ трактирѣ, впрочемъ, произошло маленькое недоразумѣніе, вызванное мѣщаниномъ Кутейниковымъ. Выпивъ нѣсколько рюмокъ водки и поужинавъ, онъ вдругъ сталъ требовать составленія протокола. Онъ такъ шумѣлъ и бушевалъ, что урядникъ, сидѣвшій вмѣстѣ съ приказчикомъ на хозяйской половинѣ, посовѣтовалъ послѣднему не брать съ собой этого скандальника, съ чѣмъ приказчикъ охотно согласился.

Было совсѣмъ темно, когда рабочіе вышли изъ трактира и, размѣстившись въ телѣгѣ, уѣхали, сопровождаемые приказчикомъ.

Кутейниковъ остался въ трактирѣ. Онъ долго и убѣдительно доказывалъ двумъ сидѣльцамъ трактирщика незаконное обращеніе съ нимъ полиціи и требовалъ составленія протокола. Сидѣльцы терпѣливо его слушали до тѣхъ поръ, пока онъ не пропилъ всѣ деньги, какія у него были. Затѣмъ они выпроводили его на улицу и заперли трактиръ.

Мѣщанинъ Кутейниковъ побрелъ, пошатываясь, по пустынной площади и, потерявшись въ темнотѣ, вдругъ закричалъ громкимъ голосомъ:

— Протоколъ!

Ночные сторожа возлѣ лавокъ отвѣтили на это усиленнымъ стукомъ колотушекъ.

XVI.

Въ самый разгаръ жатвы, въ первыхъ числахъ іюня, Авдотья Павловна получила телеграмму съ извѣстіемъ, что гости пріѣдутъ 12 числа. Эта телеграмма такъ потрясла Магорину, какъ будто она раньше ничего не слыхала о намѣреніи Вѣриной пріѣхать въ Незлобино. Для пріема гостей требовалось множество мелочныхъ заботъ и приготовленій. Нужно было съѣздить въ городъ за покупками, а главное за деньгами, потому что ресурсы Дуси окончательно истощились.

Нужно было просить денегъ у мужа, выносить его упреки въ расточительности, унижаться... Не легко было теперь и въ городъ ѣхать. Всѣ крестьяне работали въ полѣ и никто изъ нихъ не согласился бы тратить рабочій день въ такое время. Самые древніе старики и старухи каждый день уходили въ поле. Совсѣмъ дряхлая няня Васильевна, отъ которой никто не ожидалъ такой прыти, объявила, что пойдетъ жать къ дочери, мужъ которой ушелъ работать на сторону, заложившись съ зимы. Пришлось отпустить няню. Даже Ольга вдругъ вспомнила деревенскую старину, захваченная общимъ настроеніемъ, и приставала къ барынѣ, чтобы та отпустила и ее. Но тутъ Авдотья Павловна окончательно разсердилась.

— Да вы всѣ съума сошли!—воскликнула она въ негодованіи.—Нянька ушла, мнѣ съ дѣтьми приходится возиться, гости пріѣдутъ изъ Петербурга, а ты что выдумала...

— Руки сами къ серпу тянутся,—оправдывалась Ольга.

И она не утерпѣла; сбѣгала однажды на зарѣ въ ближнее поле, гдѣ работала племянница Панфилова, Марья, и нажала десятокъ сноповъ. Послѣ этого у нея прошла охота жать; она слишкомъ ужъ отвыкла отъ деревенской работы и была довольна, что могла сослаться на гнѣвъ барыни, когда Марья потомъ приглашала ее въ поле.

Благодаря знакомству съ Марьей, выяснилось, что Панфиловъ можетъ свезти барыню къ Каринымъ на племянницыной лошади, а тамъ она попроситъ лошадей до города. Такъ и сдѣлали.

Дуся пріѣхала къ Каринымъ послѣ обѣда, разсчитывая переночевать у нихъ и раннимъ утромъ по холодку отправиться въ городъ. Стыдясь своихъ экипажа, лошади и кучера, которые были совершенно достойны другъ друга, она остановилась у воротъ усадьбы и прошла черезъ дворъ съ цвѣтникомъ, окруженнымъ кустами сирени, никѣмъ не замѣченная, прямо въ домъ. Въ домѣ было пусто, словно всѣ спали, забывъ затворить дверь. Дуся прошла залу, гостиную, столовую; нигдѣ никого не было, нигдѣ ни звука. Она заглянула на балконъ; и тамъ было пусто.

Вдругъ гдѣ то надъ самой головой Дуси раздался звонокъ. Это былъ электрическій звонокъ на балконѣ, проведенный изъ комнаты Льва Львовича. Въ ту же минуту изъ сада выбѣжала Настя и, не видя Авдотьи Павловны, прямо устремилась къ балкону. Дуся вернулась въ столовую.

Вся красная, запыхавшаяся отъ бѣга, Настя тихо вскрикнула, неожиданно увидѣвъ Магорину.

— Можно къ барину?—спросила Дуся.

— Сейчасъ доложу,—отвѣтила Настя и какъ то растерянно топталась на одномъ мѣстѣ.

— Они сейчасъ не одѣты видно,—сказала она, опуская глаза.—Пройдите къ барышнѣ на верхъ, пока что...

Но Дуся хотѣла раньше видѣть Льва Львовича; онъ любилъ, когда къ нему первому заходили, а ей нужно было расположить его въ свою пользу, чтобы онъ далъ ей лошадей въ городъ.

— Ты ему раньше доложи,—настаивала Авдотья Павловна,—я подожду...

Тогда Настя ушла. Магорина не сомнѣвалась, что Левъ Львовичъ сейчасъ же позоветъ ее къ себѣ, и пошла слѣдомъ за Настей, остановившись только возлѣ двери въ его комнату. Она тотчасъ же услышала хорошо знакомый голосъ Карина.

— Гдѣ Ипполитъ? Позови Ипполита... Нѣтъ, стой, не надо. Поди сюда... Вытащи эту подушку... Вишь какая розовенькая, румяненькая... Приподними меня... Миленькая какая...

— Тамъ барыня ждетъ...—сказала Настя сдержанно.

— Какая барыня?—сердито спросилъ Каринъ.

— Авдотья Павловна.

— Не хочу ее видѣть!—крикнулъ вдругъ Каринъ.—Зачѣмъ она явилась?.. Что ей здѣсь нужно?.. Пусть убирается вонъ... Ступай, скажи ей, пусть убирается вонъ изъ моего дома... Дрянь!

Авдотья Павловна была такъ изумлена этими словами всегда любезнаго, даже болѣе чѣмъ любезнаго Карина, что первое время просто оцѣпенѣла отъ изумленія. Грубое ругательство больно рѣзнуло ее по сердцу. Она потихоньку вышла въ переднюю, надѣла мантилью и, не отдавая себѣ отчета въ своихъ поступкахъ, вышла во дворъ. Она подумала, что Каринъ узналъ какъ нибудь про ея исторію съ Плѣнниковымъ. Ей пришла въ голову нелѣпая мысль, что Зина все разсказала отцу... Иначе, какъ объяснить этотъ неожиданный приливъ злобы?..

Она стояла по срединѣ двора, не зная что ей дѣлать.

— Не можетъ быть... Не можетъ быть... Не можетъ быть!.. чуть слышно шептали ея губы.

Она машинально остановилась, прислонившись къ бѣлой колоннѣ подъѣзда. Рыданія стѣснили ей грудь; самыя безнадежныя мысли приходили ей въ голову. Ей казалось, что весь городъ знаетъ объ ея позорѣ... Да, она отверженная, всѣ отвернутся отъ нея... ей нельзя будетъ показаться нигдѣ, чтобы всѣ не показывали на нее пальцами...

Въ это время Ипполитъ прошелъ мимо, позвякивая ключами, и даже не поклонился ей. Она съ ужасомъ взглянула на его черное цыганское лицо съ низкимъ лбомъ и широкими скулами. Было ясно, что Ипполитъ также все знаетъ...

Дуся быстро вошла въ домъ, бѣгомъ поднялась къ Зинѣ и, съ трудомъ удерживаясь отъ рыданій, вошла въ ея комнату.

Зина ничего не знала объ ея пріѣздѣ. Она лежала на диванѣ съ закрытыми глазами, съ перомъ въ рукѣ, погруженная въ глубокую задумчивость. Она даже не пошевелилась при входѣ Дуси и только открыла глаза.

Дуся остановилась по срединѣ комнаты, изумленная неподвижностью подруги, страшно испуганная выраженіемъ глазъ, смотрѣвшихъ на нее, какъ на чужого и совершенно незнакомаго человѣка.

— Пріѣхалъ Гельгардъ?—спросила Зина съ тѣмъ же выраженіемъ глазъ, которое Дусѣ показалось безуміемъ.

Голосъ Зины также звучалъ необыкновенно: она какъ будто говорила сама съ собой. Это былъ слабый шепотъ, и при этомъ губы ея двигались машинально, какъ будто она говорила во снѣ.

— Зина!.. Что ты? Что съ тобой?—воскликнула Авдотья Павловна, бросаясь къ подругѣ.

Она забыла свои подозрѣнія, схватила за руки Зину и старалась ее приподнять.

— Нѣтъ... Я полежу,—сказала Зина, проводя рукой по лицу, и глубоко вздохнула.

Казалось, что она теперь только сознательно отнеслась къ присутствію Дуси.

— Я очень устала сегодня... — продолжала она.—Сядь возлѣ меня...

Дуся сѣла. Зина повернулась на бокъ и положила обѣ руки на колѣни Магориной. Дуся вынула изъ ея плотно сжатой руки маленькую ручку изъ бѣлой кости съ нарисованными на ней фіалками.

— Я обрадовалась свободному дню, — продолжала Зина слабымъ голосомъ.—Сегодня я не выходила изъ своей комнаты... Отецъ запретилъ мнѣ показываться ему на глаза... Я цѣлый день писала.

— Что ты пишешь?

— Сама не знаю... Дневникъ не дневникъ, а такъ, разныя мысли... Мнѣ не съ кѣмъ говорить и я записываю то, что мнѣ приходитъ въ голову... Тогда я забываю обо всемъ и живу словно въ другомъ мірѣ...

Она вдругъ замолчала, какъ бы спохватившись, что сказала больше, чѣмъ хотѣла, и перемѣнила разговоръ.

— Ты не видѣла отца?.. Онъ тебя не приметъ...

Краска залила лицо Дуси; сердце болѣзненно сжалось, а холодныя руки сдѣлались влажными. Она всетаки утѣшала себя тѣмъ, что хоть Зина не измѣнилась къ ней.

— Онъ не приметъ тебя... Онъ всѣхъ насъ считаетъ заговорщиками... Тебя, меня и Петра Силыча, котораго онъ прогналъ... Онъ узналъ, что ты выдала незлобинцамъ обязательство непремѣнно только имъ продать землю, и страшно разсердился...

— Какимъ образомъ?—воскликнула Дуся, охваченная приливомъ радости.

Она вдругъ засмѣялась и, сложивъ вмѣстѣ руки Зины, крѣпко сжала ихъ своими обѣими руками.

— Настя нечаянно проговорилась,—отвѣтила Зина.—Она бѣдная такъ перепугалась, что хотѣла бѣжать отсюда...

— Петра Силыча жалко,—сказала Дуся.—У него огромная семья...

— Ты въ самомъ дѣлѣ дала имъ какую то бумагу?

— Да... Они давно просятъ... Только никакъ не столкуются между собой относительно покупки.

— Отецъ страшно разсердился... Онъ, впрочемъ, считаетъ главной виновницей меня. Онъ увѣренъ, что это я подговорила тебя сдѣлать ему на зло. Онъ самъ хотѣлъ купить твое имѣніе.

— Онъ говорилъ мнѣ... Я не думала, что это серьезно... Странный человѣкъ... Зачѣмъ ему мое имѣніе?

— Не знаю...

Нѣсколько времени подруги молчали. Дуся разсматривала блѣдныя, худыя руки Зины, перебирая ея длинные пальцы, а Зина лежала съ закрытыми глазами. Отблескъ заходившаго солнца освѣщалъ комнату розоватымъ свѣтомъ. Блѣдное лицо Зины, съ разсыпавшимися надъ нимъ тонкими вьющимися, свѣтлыми волосами, казалось выточеннымъ изъ мрамора, столько въ немъ было холода и неподвижности. При видѣ страшной худобы Зины, чувство жалости охватило Дусю, но свои заботы вытѣснили всѣ другія чувства.

— Я сегодня хочу переночевать у тебя,—сказала Авдотья Павловна и разсказала подругѣ о скоромъ пріѣздѣ гостей, о своемъ затруднительномъ положеніи... Пріѣдетъ-ли Гельгардъ, она не знаетъ. О немъ въ телеграммѣ ничего не говорится... Но и безъ него ихъ будетъ четверо... И даже неизвѣстно, будутъ ли они платить или просто пріѣдутъ на нѣсколько дней въ гости. Содержать пять человѣкъ не легко... Главное, время подошло такое, что у нея нѣтъ своихъ денегъ и дастъ-ли Таха, она вовсе не увѣрена... Онъ просто можетъ отвѣтить, какое мнѣ дѣло до твоихъ гостей...

Во время этихъ жалобъ вошла Настя и сказала, что баринъ проситъ Авдотью Павловну къ себѣ.

Зина открыла глаза; подруги переглянулись; Дуся покраснѣла.

— Не знаю, идти ли мнѣ?—сказала она, взглянувъ на Настю.

— Непремѣнно, барыня, идите! — отвѣтила Настя, также краснѣя.—Они очень васъ просятъ.

— Все равно, я пойду!—рѣшила Дуся, тряхнувъ головой, и быстро вышла изъ комнаты.

Настя осталась у Зины. Она взглянула на барышню, потомъ на стоявшій въ углу маленькій столикъ и сказала, укоризненно покачивая головой.

— Что это вы, барышня, ничего не покушали? Э-эхъ, какія вы! Кабы кушали больше, были бы здоровы.

Настя подошла къ столику, на которомъ стоялъ подносъ съ принесеннымъ ею обѣдомъ.

— Господи, даже не дотронулись... Все холодное... Я снесу разогрѣть, барышня?

Она схватила подносъ съ тарелками, но Зина остановила ее.

— Не нужно, Настя... Я поѣмъ такъ... Я люблю холодное...

Зина встала съ дивана, но была такъ слаба, что нѣсколько мгновеній не могла двинуться съ мѣста, какъ бы собираясь съ силами. На ней была бѣлая блуза съ широкими рукавами, перехваченная въ таліи чернымъ поясомъ. Настя взглянула на нее испуганными глазами. «Словно покойница»!—промелькнуло у нея въ головѣ. Она бросилась, чтобы поддержать барышню; но Зина прошла къ письменному столу безъ ея помощи, сѣла въ кресло, открыла боковой ящикъ стола и вынула оттуда длинную, тонкую золотую цѣпочку.

— Настя, возьми это себѣ...—тихо сказала Зина.—Мнѣ не нужно... Возьми... только спрячь хорошенько, чтобы не увидѣлъ отецъ или Ипполитъ... Подойди сюда... Я сама надѣну на тебя...

Настя стояла въ нѣсколькихъ шагахъ съ полными слезъ глазами. Въ отвѣтъ на приглашеніе Зины, она молча покачала головой.

— Почему ты не хочешь?.. Возьми... Ты сдѣлаешь мнѣ удовольствіе... Возьми отъ меня на память... Я скоро умру... Мнѣ ничего не нужно... Возьми, Настя, возьми!..—настаивала Зина.—Подойди ко мнѣ.

Настя смахнула слезы, катившіяся по лицу, и подошла къ столу.

— Я знаю,—продолжала Зина,—какъ много тебѣ приходится терпѣть отъ отца... Ты никогда мнѣ не жалуешься, но не думай, что я ничего не знаю. Я все знаю, все, все...

Она протянула руки съ цѣпочкой, чтобы надѣть ее Настѣ, но та отстранилась, и руки Зины безсильно упали на столъ. Цѣпочка свалилась на полъ. Настя подняла цѣпочку, положила ее на свое мѣсто и задвинула ящикъ стола.

— Что это я такъ ослабѣла сегодня,—сказала Зина, опуская голову на руки.—Вдругъ такая слабость сдѣлалась, что пальцемъ пошевелить трудно... Дай мнѣ вина, Настя...

Настя подошла къ маленькой этажеркѣ съ книгами, внизу которой былъ закрытый шкапъ.

— Вы бы покушали, барышня... Это вы отъ голода ослабѣли,—сказала она.

Вынувъ изъ шкапа бутылку, Настя чуть не уронила ее, увидѣвъ, что тамъ ничего нѣтъ.

— Барышня!—испуганно воскликнула она и больше ни слова не сказала.

Зина вздрогнула отъ этого возгласа. Она подняла голову и откинулась на спинку кресла. Легкій румянецъ выступилъ на ея худыхъ щекахъ.

— Дай мнѣ вина, — сказала она тихо, но твердымъ голосомъ.

— Больше нѣтъ, барышня, — отвѣтила Настя.—Ключи у Ипполита... Покушайте лучше, барышня. Я вамъ цыпленка подамъ...

— Дай мнѣ вина!—повторила Зина и при этомъ взглянула на Настю своими огромными глазами, лихорадочно блестѣвшими, страшными въ полусумеркахъ комнаты.

Настя вышла, словно загипнотизированная этимъ взглядомъ, и черезъ нѣсколько минутъ возвратилась съ бутылкой малаги.

— Я вамъ не дамъ вина, — рѣшительно заявила она, — если вы не покушаете!

— Хорошо, хорошо... Я непремѣнно поѣмъ. Дай мнѣ вина и цыпленка... Подвинь ко мнѣ столикъ и налей вина.

Настя исполнила ея требованіе. Зина залпомъ выпила большую рюмку малаги, потомъ наскоро съѣла нѣсколько кусочковъ цыпленка и еще выпила двѣ рюмки вина одну за другой, съ такой поспѣшностью, какъ бы боялась, что Настя отниметъ у нея вино. Настя стояла поодаль и молча смотрѣла на дѣвушку, сложивъ руки на груди.

Обѣдъ Зины не продолжался и пяти минутъ. Теперь она чувствовала себя гораздо сильнѣе. Она сама убрала бутылку въ шкапъ и стала искать свою ручку, не зная, куда ее дѣвала Дуся. Но въ комнатѣ было уже совсѣмъ темно.

— Зажги лампу, Настя... Я не могу найти пера,—сказала Зина.

— Господи! Неужели вы опять писать станете?—воскликнула Настя, всплеснувъ руками.

— Скажи Авдотьѣ Павловнѣ, что я легла спать... Постели ей въ гостиной внизу... Пусть она сегодня не приходитъ сюда.

— Вы бы спать легли, барышня... Ту ночь всю какъ есть не спали...

— Я лягу, лягу... Непремѣнно лягу... Мнѣ немножко еще нужно дописать... Только пусть Дуся не приходитъ сегодня...

— Вы опять всю ночь просидите...

— Что ты... Что ты! Какъ можно?.. Я лягу, непремѣнно лягу... Право!.. Вотъ увидишь, что лягу...

Когда Настя вышла, убравъ посуду, Зина проводила ее до дверей и тотчасъ же заперла дверь на задвижку.

Глава XVII.

Для пріема Авдотьи Павловны Каринъ устроилъ у себя театральную обстановку. Не смотря на то, что было еще довольно свѣтло, въ окнахъ его комнаты были спущены шторы, на столѣ горѣли четыре свѣчи, а въ углу на высокой цилиндрической тумбочкѣ была зажжена большая лампа съ розовымъ абажуромъ. Каринъ сидѣлъ въ креслѣ бокомъ возлѣ стола и смотрѣлъ на дверь. Когда Дуся вошла, они прямо встрѣтились глазами.

Никогда еще Авдотья Павловна не входила въ эту комнату съ такими странными чувствами, какъ сегодня. Необъяснимый страхъ, невольное сознаніе виновности и своего безсилія до такой степени захватили молодую женщину, что, уже подойдя къ двери, она задумывала убѣжать и, можетъ быть, исполнила бы свой замыселъ, если бы слышавшій ея шаги Левъ Львовичъ не окликнулъ ее изъ кабинета.

Каринъ былъ въ яркомъ персидскомъ халатѣ; его больныя ноги въ черныхъ, расшитыхъ золотомъ по бархату, туфляхъ лежали на маленькой скамеечкѣ съ мягкой подушкой, обитой золотистымъ шелкомъ. Другая такая же скамейка стояла рядомъ съ кресломъ. Худое, блѣдное лицо, сѣдые, длинные волосы, нахмуренныя брови и лихорадочно блестѣвшіе, злые глаза Карина еще болѣе испугали Авдотью Павловну. Она никогда не видѣла Льва Львовича въ такой странной обстановкѣ и, стоя возлѣ двери его кабинета, имѣла видъ преступницы, явившейся къ своему грозному судьѣ.

Смущенное выраженіе ея красиваго лица и боязливая нерѣшительность, съ какой она вошла въ комнату и остановилась у порога, смягчили гнѣвъ Льва Львовича. Онъ также никогда не видѣлъ Дусю такой смиренной и такой хорошенькой въ своемъ смиреніи. Онъ укоризненно покачалъ головой и молча нѣсколько мгновеній смотрѣлъ на Магорину.

— Закройте дверь!—сказалъ онъ.

Дуся повиновалась машинально.

— Садитесь здѣсь и разсказывайте, какое обязательство вы выдали вашимъ мужикамъ?

Дуся сѣла на маленькую скамеечку. Каринъ погладилъ ея волосы, поцѣловалъ въ лобъ и взялъ къ себѣ на колѣни ея руки. Дуся тотчасъ же почувствовала себя смѣлѣе и чистосердечно разсказала все Льву Львовичу.

— Каналья Линяевъ!..—воскликнулъ Каринъ. — Неблагодарная скотина!.. Я во всемъ довѣрялъ ему... Но все это вздоръ!.. Ваша записка не имѣетъ никакой силы... Я думалъ, вы что нибудь у нотаріуса сдѣлали... Значитъ кругомъ виноватъ Линяевъ... Подлый хамъ, который притворялся мнѣ преданнымъ. Я ему этого не забуду!.. А вы тоже хороши, Дуся! Не стыдно ли вамъ? Я считалъ васъ моимъ другомъ, а вы тайно отъ меня заводите сношенія съ мужиками... Не хорошо!.. Это не хорошо съ вашей стороны.

— Я не знала, Левъ Львовичъ, что вы серьезно...

— Ахъ, Дуся, Дуся!.. Я никогда не бросаю словъ на вѣтеръ: что я сказалъ, то свято. Сколько вы хотите за Незлобино?

— Какъ, сейчасъ?

— Сію минуту!.. Вы такая же измѣнница, какъ и всѣ. Нужно кончить дѣло, иначе вы дадите еще какую нибудь записку Ефанову...

— Но вы не знаете, Левъ Львовичъ... Я въ послѣднее время очень измѣнилась... Я хочу жить въ деревнѣ.

— Превосходно!.. Живите себѣ... Кто же вамъ помѣшаетъ? Я буду очень радъ...

Каринъ поцѣловалъ ея руку.

— Я оставлю усадьбу въ вашемъ полномъ распоряженіи— продолжалъ онъ. — Я буду къ вамъ въ гости ѣздить... Скажите, сколько вамъ даютъ эти канальи?

— Право, не знаю... Развѣ отъ нихъ добьешься толку... Они водятъ меня два года, а ничего не рѣшаютъ...

— И будутъ водить еще десять лѣтъ, потому что вы нянькитесь съ ними... Этихъ подлецовъ нужно въ бараній рогъ скрутить, а не цѣловаться съ ними... Я знаю, у нихъ все Линяевъ мутитъ... Это тонкая шельма... Хитрая бестія... Онъ вертитъ ими какъ хочетъ...

Каринъ съ трудомъ сдерживалъ приливъ гнѣва; руки его дрожали, голосъ хрипѣлъ; онъ закашлялся. Дуся осторожно отодвинулась отъ него.

— Можетъ быть вы не хотите мнѣ продавать, тогда другое дѣло, — злымъ, хриплымъ голосомъ продолжалъ онъ.— Только знайте, Авдотья Павловна, что если я у васъ не куплю, то и никто не купитъ... Я не позволю! Вы думаете, что какъ я

несчастный больной старикъ, прикованный къ мѣсту, безногій калѣка, такъ со мной можно дѣлать, что угодно?.. Можно обманывать, смѣяться, морочить... Ошибаетесь! Я весь уѣздъ держу въ рукахъ... Всѣ повинуются мнѣ, всѣ боятся меня, потому что я сила: у меня много денегъ...

Онъ произнесъ послѣднія слова, близко склонившись къ Дусѣ, и засмѣялся.

— Попробуйте пойти противъ меня!.. Попробуйте на меня пожаловаться,—продолжалъ онъ, посмѣиваясь.

Отъ его смѣха холодъ пробѣгалъ по спинѣ Авдотьи Павловны.

— Вы думаете, кто управляетъ уѣздомъ?.. Хе, хе!.. Вы воображаете можетъ быть, что разныя управы, управленія, предводители, съѣзды?.. Хо, хо! Я управляю! Я хозяинъ. Я, больной, забытый, безногій .. Кто противъ меня, тотъ узнаетъ... О, о!.. Пусть попробуетъ, пусть попробуетъ кто нибудь со мной бороться!.. Пусть попробуетъ!.. — повторялъ онъ, поднявъ сжатые кулаки и потрясая ими въ воздухѣ.

Онъ усталъ отъ злобы, отъ гнѣва, отъ этихъ движеній руками; онъ весь дрожалъ отъ слабости, весь метался на креслѣ, пока, наконецъ, въ полномъ изнеможеніи не затихъ, опустивъ голову и свѣсивъ руки.

— Мерзавцы... Мерзавцы...—бормоталъ онъ.—Они смѣются надо мной... издѣваются... послѣ вашей записки.

— Господи,—воскликнула Дуся, охваченная страхомъ и жалостью.—Какъ вы можете думать?... Такіе несчастные мужики, какъ мои... Что вы говорите, Левъ Львовичъ? Вы только себя понапрасну разстроиваете... Развѣ кто нибудь осмѣлится идти противъ васъ?..

Каринъ громко и часто дышалъ, съ какимъ то зловѣщимъ хрипѣніемъ, наполнявшимъ Авдотью Павловну паническимъ ужасомъ. Она однако преодолѣла себя, взяла дрожавшую руку Карина и ласково гладила ее своей рукой. Черезъ минуту онъ успокоился; гнѣвъ его прошелъ и силы вернулись. Онъ наклонился къ Дусѣ и спросилъ совсѣмъ спокойнымъ тономъ:

— Сколько же вы хотите за Незлобино?

— Голубчикъ, Левъ Львовичъ, сколько дадите!.. Я право не знаю... Вы все знаете лучше меня... Какъ вы рѣшите, пусть такъ и будетъ... Мнѣ такъ жалко, что вы безпокоитесь изъ за пустяковъ.

— Вы увѣрены, что я васъ не обману?.. Не боитесь, что я васъ ограблю?—спросилъ Каринъ.

— Конечно увѣрена!—съ искреннимъ порывомъ отвѣтила Магорина.—Зачѣмъ вамъ обижать свою бѣдную Дусю... Незлобино мое единственное достояніе... Вы знаете, что у меня ничего нѣтъ, кромѣ этого; что у меня двое дѣтей... Съ му-

жемъ мы не ладимъ... Онъ меня не любитъ... Я его также терпѣть не могу... Я совсѣмъ одна... У меня никого нѣтъ...

— Неужели онъ не любитъ васъ?.. Да послѣ этого онъ просто идіотъ!.. Не любить такую женщину!..

Онъ приподнялъ голову Дуси за подбородокъ и любовался ея кроткими, грустными, все еще немного испуганными глазами.

— А Плѣнниковъ?

— Не говорите о немъ... Я его презираю... Онъ такой же презрѣнный, какъ всѣ... Я давно раззнакомилась съ нимъ.

— Дуся!..

— Что?

— Вамъ дѣйствительно жаль меня?

— Мнѣ страшно тяжело видѣть, когда вы страдаете, дядя Лева...

— Ну, выслушайте меня со вниманіемъ и подумайте серьезно о томъ, что я вамъ скажу. Переѣзжайте ко мнѣ въ домъ... Возьмите дѣтей и живите у меня, какъ полная хозяйка дома...

Онъ откинулся на спинку кресла и ждалъ отвѣта. Дуся съ замирающимъ сердцемъ готовилась услышать это приглашеніе, хотѣла его, но, когда оно было произнесено, растерялась и не знала, что отвѣтить.

— Что же вы молчите?—спросилъ онъ.

— А мужъ?—тихо сказала Дуся.

— Вы его освободите отъ расходовъ.

— Но что будутъ говорить обо мнѣ, о васъ?

— Не все ли вамъ равно?.. Пусть говорятъ, что угодно...

— Нѣтъ, нѣтъ... Я боюсь сплетень... Мнѣ страшно будетъ показаться на улицу. Да и зачѣмъ вамъ брать на себя такую обузу... Дѣти будутъ васъ безпокоить...

— Это все вздоръ, Дуся... Я не могу жить одинъ. Мнѣ нужна женщина, женская ласка, женскій уходъ... Если вамъ жаль меня хоть немножко, останьтесь у меня... Все можно устроить... Если васъ пугаетъ фальшивое положеніе, я устрою разводъ и женюсь на васъ... Все, что у меня есть, достанется вамъ и дѣтямъ вашимъ...

— Неужели вы все это серьезно думаете?..

— Очень серьезно... У меня нѣтъ хозяйки въ домѣ, а домъ не можетъ быть безъ хозяйки. Я привыкъ къ открытой жизни и, конечно, могъ бы продолжать ее, не смотря на мою болѣзнь. Я люблю жизнь, люблю общество... Зимой мы переѣдемъ въ городъ, вы устроите домъ, мы будемъ жить открыто, и весь городъ будетъ у вашихъ ногъ... Вы будете богаты, независимы, вы будете первая въ городѣ...

Она отвѣтила шутливымъ тономъ.

— Нѣтъ, дядя Лева... Я не гожусь для васъ... У меня

гадкій характеръ... Я раздражительная... Я буду вѣчно ссориться съ вами.

— Если вы даже будете бить меня, то мнѣ будетъ лучше!—воскликнулъ Каринъ. — Ахъ, Дуся, Дуся... Если бы я могъ сейчасъ встать передъ вами на колѣни, я бы стоялъ у вашихъ ногъ до тѣхъ поръ, пока вы не согласились бы исполнить мою просьбу... Если бы вы знали, какъ мнѣ страшно одиночество; какъ мнѣ жутко, что возлѣ меня нѣтъ ни одного человѣка, который хоть немножко любилъ бы меня... Всѣ меня боятся, всѣ ненавидятъ... Вамъ не за что ненавидѣть меня... Я не сдѣлалъ вамъ никогда зла... Прежде я былъ гораздо лучше, чѣмъ теперь... Вы помните, что я былъ лучше? Не правда ли?

— Вы были добрѣе,—прошептала Дуся.

— Я во всемъ былъ лучше... Я сдѣлался хуже, потому что хорошіе люди отвернулись отъ меня, забыли меня. Только разные мерзавцы лѣзутъ ко мнѣ, чтобы выманивать у меня деньги... Я гнушаюсь ими, презираю ихъ, мнѣ противно слушать ихъ фальшивыя слова... И только ихъ зависимость отъ меня, только то, что я держу ихъ въ рукахъ, доставляетъ мнѣ удовольствіе. Только этимъ удовольствіемъ я и живу... Но мнѣ нужно съ кѣмъ нибудь раздѣлить его... Это большое удовольствіе... Вы не понимаете, какъ пріятно видѣть, что передъ тобой извивается презрѣнный человѣкъ, который тебя ненавидитъ. Слушать его лесть, принимать ухаживанія, видѣть его заботливость, слушать разспросы о здоровьѣ... Это хорошая игра актера... За нее не жаль заплатить... Тѣ, что разорились, имѣнія которыхъ перешли ко мнѣ, были плохіе актеры. Они не выдержали до конца своей роли и провалились. Ихъ не стоитъ жалѣть, какъ не стоитъ жалѣть плохихъ актеровъ... Вы увидите, какъ интересно смотрѣть на ихъ игру... Вы будете богаты... все мое будетъ ваше... Вѣдь я богатъ... Я очень богатъ...

— Мнѣ не нужно богатства,—дрожащимъ голосомъ прошептала Дуся.

Она сидѣла, подперевъ голову руками, и боялась взглянуть на Карина.

— Я не вѣрю, чтобы кому нибудь было не нужно богатство!—убѣжденно воскликнулъ Левъ Львовичъ.—У меня полмилліона и мнѣ некому его оставить...

— У васъ есть Зина...

— Несчастная идіотка! За ней нужно смотрѣть, какъ за безумной... Юродивая, которая больше нуждается въ уходѣ, чѣмъ я. Ее ограбитъ первый встрѣчный... А-а, если бы у меня была дочь, настоящая дочь, которая съумѣла бы понять своего отца! Но она не годится, она никуда не годит-

ся... Она съ дѣтства была юродивой... Ей также нужна ваша заботливость... Дуся, вы будете дѣлать все, что хотите, вы будете хозяйкой всего уѣзда, всей губерніи... Вашъ домъ будетъ центромъ власти, вліянія... Вы будете дѣлать много добра, много зла... все, что хотите. Скажите же, вы согласны? Скажите, Дуся? Скажите, да?

Онъ близко наклонился къ ней и взялъ ея руки. Дуся взглянула на него. Какой контрастъ былъ между его тихимъ, молящимъ, вкрадчивымъ шопотомъ и выраженіемъ его неподвижныхъ глазъ, въ которыхъ свѣтилась угроза и рѣшимость...

Дуся оцѣпенѣла отъ ужаса. Ей показалось, что, если она скажетъ хоть слово, противное желанію Карина, то онъ убьетъ ее. Испуганная фантазія рисовала ей невѣроятные ужасы. Ей представилось, что у него есть ядъ, которымъ онъ можетъ мгновенно отравить ее; что у него спрятанъ кинжалъ, которымъ онъ пронзитъ ей сердце, или что онъ схватитъ ее за горло и задушитъ своими жесткими, худыми пальцами. Она хотѣла закричать, но не могла; хотѣла вырваться, хотѣла бѣжать, но не могла пошевелиться... А онъ притянулъ ее къ себѣ, обнялъ и жадно цѣловалъ ея шею. Наконецъ, онъ освободилъ ее, обезсилѣвъ отъ страшнаго напряженія; руки его упали; онъ откинулся на спинку кресла, закрылъ глаза и громко, отрывисто дышалъ, хрипя и задыхаясь.

Дуся встала, но она еще боялась его и дрожала отъ страха.

— Можно мнѣ уйти?—спросила она, смиренно молящимъ тономъ, какъ будто она уже была его рабой.

Онъ загадочно улыбнулся, не открывая глазъ, и кивнулъ головой въ знакъ согласія. Дуся медленными шагами вышла изъ кабинета, также медленно, хотя ей хотѣлось бѣжать, прошла гостиную и столовую. Въ столовой она увидѣла Ипполита, который устанавливалъ посуду и закуски, приготовляя столъ къ ужину, но прошла мимо, не отвѣтивъ на его почтительный поклонъ. Спускаясь въ садъ по ступенькамъ балкона, Дуся подумала, что она тотчасъ же прогонитъ Ипполита, какъ только сдѣлается хозяйкой этого дома. Но она испугалась этой неожиданной мысли и, остановившись въ темной аллеѣ, закрыла лицо руками, словно отгоняя страшный призракъ.

Свѣжій воздухъ сада, послѣ душной, пропитанной запахомъ духовъ комнаты Карина, скоро возвратилъ ей спокойствіе и силы. Она прошлась по аллеѣ, вздохнула глубоко и сѣла на скамью, обдумывая предложеніе Льва Львовича. Прежде всего ей захотѣлось пойти и разсказать все Зинѣ, но она тотчасъ же отказалась отъ этой мысли. «Никому нельзя гово-

рить объ этомъ»,—рѣшила Авдотья Павловна. Она вдругъ почувствовала къ подругѣ недовѣріе, чуть ли не враждебность. Вѣдь Зина никогда не говоритъ ей своихъ секретовъ, съ какой же стати она будетъ знать все...

Дуся словно заразилась у Карина злобой къ людямъ, и всѣ злыя чувства поднялись въ ея душѣ. Она вспомнила свое унизительное приключеніе съ Плѣнниковымъ; вспомнила эту поѣздку на пароходѣ, обѣдъ съ незнакомыми людьми, которые относились къ ней съ насмѣшливой, снисходительной вѣжливостью и презирали ее въ душѣ за ея бѣдность; вспомнила Ефанова, которому все еще была должна, вспомнила обидную зависимость отъ мужа, попрекавшаго ее каждымъ рублемъ... Она возненавидѣла всѣхъ этихъ господъ, съ которыми познакомилась во время майской прогулки; она презирала ихъ, а между тѣмъ ей хотѣлось быть съ ними, блеснуть передъ ними своимъ богатствомъ, костюмомъ, обстановкой; заставить ихъ искать ея знакомства; захотѣлось видѣть ихъ у себя въ домѣ, слушать ихъ вульгарныя рѣчи, смѣяться надъ ихъ пошлыми любезностями... И отомстить Плѣнникову... Жить въ роскоши, являться въ блескѣ богатства всюду, гдѣ бываетъ онъ, и проходить мимо, не узнавая... О, какъ онъ будетъ пресмыкаться передъ ней!

Шаги Насти, сбѣжавшей съ балкона, прервали эту нить злорадныхъ размышленій. Авдотья Павловна увидѣла маленькую стройную фигурку Насти, промелькнувшей въ полосѣ свѣта, и вдругъ ей пришла въ голову мысль, отъ которой такъ сильно забилось сердце, что она не могла нѣсколько мгновеній откликнуться на призывъ Насти, приглашавшей къ ужину. «Онъ можетъ быть и Настѣ сдѣлалъ такое же предложеніе, какъ мнѣ»!—подумала Дуся, вспомнивъ подслушанный разговоръ. Вся гордость ея возмутилась. Она крѣпко прижала руку къ груди и нѣсколько секундъ просидѣла неподвижно.

— Но вѣдь я ему ничего не отвѣтила!..—прошептала она, облегченно вздыхая.—Какое счастье!..

Дуся встала, чувствуя себя свободной, сильной, готовой къ борьбѣ.

Она вошла въ столовую съ поднятой головой, съ вызывающей улыбкой на лицѣ и сказала, взглянувъ на Карина насмѣшливыми глазами:

— У васъ въ кабинетѣ страшная духота! Мнѣ чуть дурно не сдѣлалось... И до сихъ поръ еще у меня сердцебіеніе.

Каринъ сидѣлъ за столомъ, на своемъ обычномъ мѣстѣ и готовилъ тартинки съ икрой. Встрѣтившись глазами съ Магориной, онъ оставилъ свою работу, поглядѣлъ на Дусю не то съ удивленіемъ, не то съ вопросомъ и сказалъ тихо, почти шопотомъ:

— Вотъ вы какая!

— Да, вотъ этакая! — громко отвѣтила Дуся, тряхнувъ головой, и сѣла къ столу напротивъ Карина.

— Я для васъ хотѣлъ приготовить,—сказалъ Левъ Львовичъ,—а вы вошли и не могу... руки дрожать стали...

— Куда ужъ вамъ!—замѣтила Дуся.

Онъ положилъ на столъ обѣ руки и придерживалъ ихъ одну другой.

— Позвольте, лучше ужъ я для васъ приготовлю, — сказала Авдотья Павловна.

— Да, да, да... Голубушка моя, поухаживайте за мной... Только сядьте рядомъ, поближе ко мнѣ.

Дуся исполнила его желаніе. Въ это время Ипполитъ подалъ ужинъ и тотчасъ же удалился.

— Зиночкѣ подайте ужинать наверхъ,—сказалъ ему вслѣдъ Каринъ.

Дуся усердно угощала Льва Львовича и сама ѣла съ большимъ аппетитомъ. Она все время была въ приподнятомъ, боевомъ настроеніи. Она разсказала ему о своихъ хозяйственныхъ хлопотахъ и затрудненіяхъ, по случаю предстоящаго пріѣзда гостей; дѣлала шутливыя характеристики каждаго изъ нихъ, и мимоходомъ, безъ всякаго смущенія попросила на утро лошадей для поѣздки въ городъ.

Каринъ былъ очарованъ и побѣжденъ свободнымъ обращеніемъ и веселостью Дуси. Онъ смотрѣлъ на нее съ такимъ же точно выраженіемъ рабской покорности, какое полчаса тому назадъ видѣлъ на лицѣ Авдотьи Павловны. На ея просьбу о лошадяхъ, онъ только спросилъ, въ которомъ часу она хочетъ ѣхать; затѣмъ позвонилъ и приказалъ Ипполиту распорядиться, чтобы въ семь часовъ утра была подана коляска.

За ужиномъ ни одного слова не было сказано о томъ, что происходило въ кабинетѣ.

На другой день Дуся уѣхала, когда въ домѣ всѣ еще спали. Но когда она садилась въ коляску, Ипполитъ подалъ ей два пакета. Одинъ былъ на ея имя, другой на имя нѣкоего Филопитова, повѣреннаго по дѣламъ Карина.

Дуся вскрыла свой конвертъ, когда выѣхала изъ усадьбы на большую дорогу. Въ немъ было пять сторублевыхъ билетовъ и коротенькая записка, слѣдующаго содержанія: «Дорогое дитя мое, повидайтесь съ адвокатомъ, которому я пишу, и поручите ему войти въ сношенія съ вашимъ мужемъ относительно развода. Я васъ ни къ чему не обязываю, но хочу, чтобы вы были свободны и ни въ комъ и ни въ чемъ не нуждались. Вашъ любящій дядя Лева». Внизу было приписа «Прилагаю задатокъ за Незлобино».

— Значитъ все это случилось не во снѣ,—подумала Авдотья Павловна.

Неслышно катилась коляска по мягкой дорогѣ между темнозолотистыми полями созрѣвающей пшеницы, между свѣтложелтыми полями ржи, овса, ячменя, на которыхъ кипѣла жаркая работа подъ лучами уже начинавшаго припекать солнца. Во многихъ мѣстахъ возвышались ряды сложенныхъ крестами сноповъ.

Послѣ тревожно, почти безъ сна проведенной ночи, хорошо было ѣхать среди тишины и покоя полей, въ чистомъ воздухѣ, напоенномъ ароматами зрѣющаго хлѣба. Дуся усѣлась поуютнѣе на мягкихъ бархатныхъ подушкахъ коляски и, ни о чемъ не думая, дремала, закрывши глаза.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Е. Ганейзеръ.

Конецъ Шелаевской тюрьмы.

(Изъ міра отверженныхъ).

VI.

Слава Шелая. Увлеченіе писательствомъ. Каторжные мечтатели.

Имя Шелая далеко уже гремѣло по всей каторгѣ, для однихъ являясь грозою, для другихъ, напротивъ, какимъ-то земнымъ эльдорадо, чѣмъ-то вродѣ каторжнаго университета, изъ котораго желающіе могли выйти не только грамотными, но и чуть-ли не образованными людьми. Все лучшее, чѣмъ отличалась Шелаевская тюрьма, стоустая молва раздувала до невѣроятныхъ размѣровъ: ходилъ, напр., слухъ о томъ, что въ нашихъ рукахъ имѣется огромная библіотека, и что въ тюрьмѣ съ разрѣшенія начальства устроена настоящая, правильно организованная школа, лучшихъ учениковъ которой раньше срока выпускаютъ въ вольную команду; умственныя и нравственныя качества самихъ учителей пылкое воображеніе разсказчиковъ (т. е. уходившихъ изъ Шелая на поселеніе арестантовъ) рисовало въ самыхъ розовыхъ и лестныхъ для нихъ краскахъ, и, что всего удивительнѣе, въ числѣ этихъ безкорыстныхъ панегиристовъ оказывались нерѣдко субъекты, въ бытность свою въ тюрьмѣ, казалось, меньше всего дарившіе насъ симпатіями и дружбой. Но прошедшее всегда представляется въ преувеличенномъ освѣщеніи, и немудрено, что у людей, покидавшихъ, наконецъ, проклятую каторжную жизнь и шедшихъ на волю, сердце противъ воли размягчалось (хоть на короткое время), и фантазія начинала розыгрывать веселый танецъ. Само собой разумѣется, что панегиристы-разсказчики не забывали упоминать, тоже все преувеличивая, и о матеріальной помощи, которую мы оказывали кобылкѣ.

Въ результатѣ всего этого происходили, случалось, горестныя недоразумѣнія. Въ то время какъ большинство шелайскихъ обитателей денно и нощно рвалось всѣми силами мечты вонъ изъ душныхъ стѣнъ образцовой тюрьмы, въ какомъ-нибудь Стрѣтенскѣ, гдѣ производились раскомандировки шедшихъ въ рудники партій, нѣкоторые изъ арестантовъ сами умоляли начальство назначить ихъ въ Шелай. Просьбы эти иногда исполнялись, и вотъ злополучныхъ

мечтателей въ первые же дни по прибытіи къ намъ ожидало самое горькое разочарованіе: все хорошее, чѣмъ гремѣла и славилась наша тюрьма, оказывалось на дѣлѣ миніатюрнымъ до мизерности... Конечно, доходившее временами до трогательности стремленіе кобылки къ свѣту образованія кой-къ чему обязывало меня съ товарищами, и мы кое-что дѣлали въ этомъ смыслѣ, но все это было, въ концѣ концовъ, лишь незначительной, до обиднаго незначительной каплей въ огромномъ морѣ!

Нельзя съ другой стороны сказать, чтобы и всѣ рвавшіеся въ Шелай заслуживали симпатіи и безусловно стояли выше большинства каторги въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Разные и среди нихъ встрѣчались субъекты. Однажды въ нашъ рудникъ привезли бродягу изъ тѣхъ непомнящихъ ивановъ, которыхъ развозятъ по всѣмъ тюрьмамъ и показываютъ надзирателямъ и другимъ служащимъ въ надеждѣ, что кто-нибудь изъ нихъ признаетъ въ немъ бѣглаго каторжнаго. Шелайскіе надзиратели не признали его «своимъ», и въ ожиданіи отправки въ другой рудникъ, оригинальный гость посаженъ былъ, по обыкновенію, въ карцеръ. Кобылка, разумѣется, завела съ нимъ, немедля ни минуты, дѣятельныя сношенія, снабдила его табакомъ, а отъ него получила въ обмѣнъ разныя сенсаціонныя новости изъ жизни тюремнаго міра: тотъ «сорвался», другого «засыпали», третьяго «пришили»... Меня и моихъ товарищей новости эти мало, конечно, интересовали, хотя вся остальная тюрьма находилась въ большомъ волненіи. Но вотъ ко мнѣ подбѣжалъ съ крайне таинственнымъ видомъ парашникъ Милосердовъ и вручилъ какое-то письмо въ засаленномъ конвертѣ изъ сѣрой бумаги съ огромной, аляповато сдѣланной сургучной печатью.

— Что такое? Отъ кого это?—спросилъ я съ удивленіемъ.

— Изъ Александровской богадѣльни, отъ кого-то изъ вашихъ,—зашепталъ, оглядываясь, Милосердовъ,—этотъ, что на уличку-то привезенъ, передалъ. Сказываетъ, Проня чуть не отобралъ при обыскѣ, да, старая шельма, хитрѣе его оказался—успѣлъ спрятать. Пуще всего, говоритъ, берегся, чтобъ знаки не стерлись.

— Какіе знаки?

— А какъ-же! на конвертѣ то, смотрите, что цифири наставлено...

Конвертъ, дѣйствительно, испещренъ былъ разными непонятными іероглифами и цыфрами: 80—40—70—100—400—71—12—00—44 и т. д., послѣ чего значилось: «въ нихъ же заключается число 666». Тутъ же, вокругъ сургучной печати, латинскими буквами выведено было «Cum Deo», а на оборотной сторонѣ красовался удивительный адресъ: «Обществу русскаго Сацыала».

— Что за чепуха такая?—воскликнулъ я, пожимая плечами—и хотѣлъ было вернуть письмо, какъ не адресованное на мое имя, но почтальонъ замахалъ руками и такъ убѣдительно закричалъ: «Вамъ, вамъ!»—что я разорвалъ бумагу и прочиталъ въ ней буквально слѣдующее:

«Господа, покорнѣйше прошу подать руку помощи мнѣ, какъ погибшей овцѣ израилевой, заблудившей въ предѣлахъ императорскаго дому и жрицовъ. Мною принѣты мѣры о переводѣ къ Вамъ въ Шелай, но не могу никакъ вырваться. Смотритель имѣетъ полную тюрьму фискалъ и ему меня внушили остерегаться. Онъ позволяетъ себѣ морить Арестантовъ голодомъ и по нѣскольку дней, случалось, не выдаетъ на ужинъ сала, подобравъ себѣ шайку тюремныхъ Авантюристовъ, которые всѣмъ и управляютъ, и никто не смѣй сказать слова! Причиняетъ неспособнымъ тѣлесное наказаніе: Валентій Щаппъ съ традалъ порокомъ сердца и легкихъ, по причинѣ нанесенныхъ ударовъ его постигла Epoplecsia, почему вскорѣ и померъ. 14 іюля сего года я написалъ *Прошеніе* на имя Забайкальскаго *Г. Губернатора* въ темѣ нигилистическаго текса по поводу принести мнѣ желательно покаяніе за всю мою жизнь; но фискалы внушили г. Смотрителю, что я могу ему повредить, и онъ меня въ наручняхъ и кандалахъ около мѣсяца держалъ во тьмѣ Адовой, называемой карцеръ. И я изъятый по роду болѣзни, легкихъ и пороковъ сердца отъ тѣлеснаго наказанія, вызвалъ меня собманомъ въ контору и причинилъ мнѣ жестокія раны формѣнно на скамьѣ, а я имѣя форменныхъ два врачебныхъ свидѣтельства.

«И не имѣю никакихъ возможныхъ средствъ къ жизни, и недостаетъ моихъ физическихъ силъ и умственныхъ способностей соистезаться съ Вонпиромъ роду человѣческаго. Въ среду и пятницу отнялъ съ помощью Иванцовъ ужинъ, варятъ одинъ разъ въ сутки ничтожную кашицу.

«Я же правды не могу умолчать во вѣкъ, я въ силѣ соистезаться съ жизнью и смѣртью. Сколько мнѣ дали розокъ я не знаю потому что по третьему разу сѣкуціи лишенъ былъ чувствъ и сознаній; а когда пришелъ въ себя, то сказалъ Смотрителю что Вы изъ меня ничего никогда не можете извлечь въ свою пользу, а я прошу Васъ мое Прошеніе отправить по принадлежности, а меня перевести въ Шелай. Онъ мнѣ въ этомъ отказалъ. Прошу щедрую руку помощи отъ Вашихъ избытковъ, прощайте, будьте щастливы. Я, нынѣ Лаврентій Помякшевъ. Прошу отвѣтъ. У меня всѣ принадлежности письмоводства отобраны».

Отвѣта я, конечно, никакого не могъ дать на это странное посланіе; но въ душѣ моей невольно шевельнулся вопросъ: что если-бы подобный субъектъ добился своего и переведенъ былъ въ Шелай? Были-ль бы мы рады подобному другу и поклоннику?.. О смотрителѣ Александровской тюрьмы я кое-что слыхалъ, правда, и раньше, такъ что въ обличеніяхъ Лаврентія Помякшева, быть можетъ, и была доля истины, но чуялось въ тоже время, что исходятъ эти обличенія не изъ чистой души тоскующаго по правдѣ человѣка, а изъ болѣзненной страсти къ сутяжеству, доносамъ и всякаго рода интригамъ, страсти, дѣлающей этого рода людей одинаково ненавистными какъ начальству, такъ и товарищамъ. Случайно

этому человѣку пришлось стать во враждебныя отношенія къ смотрителю и принять образъ невиннаго страдальца; но съ неменьшимъ удобствомъ онъ могъ бы, вѣроятно, при другихъ обстоятельствахъ быть и однимъ изъ тайныхъ агентовъ этого самаго смотрителя, находиться въ числѣ тѣхъ «авантюристовъ», которыхъ онъ теперь обличалъ. И вотъ въ его кляузнической головѣ возникъ совершенно другой планъ: онъ пишетъ губернатору прошеніе «въ темѣ нигилистическаго текса», гдѣ выражаетъ желаніе принести покаяніе за всю свою жизнь и проситъ о переводѣ въ Шелай, быть можетъ, обѣщаясь фискалить тамъ на своихъ мнимыхъ друзей.

Примѣръ Шустера, написавшаго для меня свои мемуары, подѣйствовалъ между тѣмъ на шелайскихъ обитателей крайне заразительно, и въ скоромъ времени и я и Штейнгартъ съ Башуровымъ были буквально завалены всякаго рода рукописями въ стихахъ и прозѣ. Стиховъ писалось чуть ли не всего больше, и поэтами оказывались иногда такіе прозаическіе на видъ господа, что приходилось только руками разводить. Къ счастью или къ несчастью, большая часть этихъ стиховъ погибла, и я лишь смутно могу теперь припомнить, что они были главнымъ образомъ обличительно-описательнаго характера; лирика Медвѣжьяго Ушка была положительнымъ исключеніемъ. Впрочемъ, Медвѣжье Ушко давно уже не писалъ стиховъ, да къ удивленію моему, и вообще не выказывалъ теперь ни малѣйшаго желанія заниматься какимъ-либо родомъ писательства. Больше всѣхъ заваливалъ меня стихами Петинъ-Сохатый, и я долженъ отдать ему справедливость—въ нихъ было одно несомнѣнное достоинство: размѣръ всегда бывалъ выдержанъ, и риѳмы отличались достаточной звучностью; тѣмъ не менѣе я не разъ давалъ Сохатому откровенный совѣтъ бросить писать стихи. Петинъ обижался.

— Почему такъ? Развѣ риѳмой не отзываетъ?

— Нѣтъ, риѳма ничего себѣ,—объяснялъ я,—а только таланта у васъ нѣтъ.

— Какъ это такъ нѣтъ? Да задайте мнѣ, что хотите, въ стихахъ описать—завтра же будетъ готово!

— Вполнѣ вамъ вѣрю. Только это талантъ не поэтическій, а версификаторскій.

— Это что такое—сификаторскій? Что-нибудь бранное?

— Нѣтъ, не бранное.

И я пытался разъяснить Сохатому разницу между поэзіей и версификаціей; онъ очень разсѣянно выслушивалъ и, отходя прочь, объявлялъ:

— А я вотъ теперь такую штуку поднесу вамъ, что вы только диву дадитесь! Поймете тогда, что за человѣкъ Сохатый... Быть можетъ, вашего Пушкина аль Некрасова почище!

И однажды онъ подалъ мнѣ на лоскуткѣ бумажки слѣдующее стихотвореніе:

Пѣсня бѣглеца.

Славное море—священный Байкалъ,
Славный корабль—омулёвая бочка!
Ну, Баргузинъ, пошевеливай валъ,
Плыть молодцу недалёчко.
Долго я тяжкія цѣпи влачилъ,
Долго бродилъ я въ горахъ Акатуя,—
Добрый товарищъ бѣжать пособилъ,
Ожилъ я, волю почуя.
Шилка и Нерчинскъ не страшны теперь!
Горная стража меня не поймала,
Въ дебряхъ нетронулъ прожорливый звѣрь,
Пуля стрѣлка миновала;
Шелъ я средь ночи, средь бѣлаго дня,
Вкругъ городовъ озираяся зорко;
Хлѣбомъ кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой.
Славное море—священный Байкалъ,
Славный и парусъ—кафтанъ дыроватый...
Ну-жъ, Баргузинъ, пошевеливай валъ,
Слышатся бури раскаты.

Стихи эти, признаюсь, ошеломили меня.

— Да вы вѣдь въ самомъ дѣлѣ поэтъ, Петинъ!—воскликнулъ я, взглянувъ на Сохатаго, стоявшаго подлѣ и съ любопытствомъ слѣдившаго за выраженіемъ моего лица во время чтенія. Онъ густо покраснѣлъ, смущенно фыркнулъ и отошелъ прочь, ворча:

— А вы какъ думали? Дайте время—не то еще напишу.

— Ну-ка, ну-ка, что онъ тамъ такое написалъ? Прочтите-ка, мнѣ, Иванъ Николаевичъ,—подошелъ староста Годуновъ, услыхавшій мою похвалу. Съ Сохатымъ у него шли, какъ и у Лунькова, вѣчныя препирательства: одинъ другого то и дѣло уличалъ въ какихъ-нибудь продѣлкахъ или ошибкахъ. Этотъ Годуновъ, о которомъ не разъ уже мнѣ приходилось упоминать мимоходомъ,—мнилъ себя человѣкомъ, способнымъ въ какомъ угодно (даже самомъ образованномъ) обществѣ не ударить лицомъ въ грязь, а къ Сохатому относился всегда иронически, какъ къ молокососу, ничего еще не видавшему и не имѣвшему никакихъ основательныхъ свѣдѣній. И дѣйствительно, у него были кой-какіе резоны гордиться «образованіемъ»: гдѣ-то онъ прочелъ всѣ 29 томовъ русской исторіи Соловьева и всю всеобщую исторію Шлоссера, и если многое изъ прочитаннаго понималъ до нельзя своеобразно, то всѣ главные факты (какъ не разъ имѣлъ я случай убѣдиться) отлично помнилъ; мало того, для какой-то неизвѣстной мнѣ цѣли Годуновъ учился у меня нѣмецкой грамматикѣ, на память о чемъ до сихъ поръ еще хранятся въ моихъ бумагахъ писанные его рукой нѣмецкіе вокабулы и склоненія указательнаго мѣстоименія dieser, diese, dieses. Правда, при всемъ этомъ по русски писалъ онъ совершенно безграмотно, что давало Сохатому обильную пищу для всякаго рода

насмѣшекъ; но, какъ человѣкъ практической складки, Годуновъ признакомъ настоящей образованности считалъ не знаніе орѳографіи; уличенный пріятелемъ въ невѣрномъ правописаніи, онъ начиналъ поэтому, съ свойственнымъ ему самохвальствомъ, резонировать:

— Ну, ужъ это ты, братъ, девятилѣтнимъ мальчишкамъ оставь свою букву ять: тебѣ двадцать восемь, а мнѣ и всѣхъ сорокъ пять лѣтъ. Не въ буквѣ ять умъ человѣка заключается. А вотъ это, что у тебя пустая башка, а у меня кое-что заложено здѣсь, какъ и то, что я видалъ свѣтъ и людей, понимаю жизнь,—это, надѣюсь, вполнѣ подтвердятъ и оцѣнятъ люди, которые, братъ, повыше и поумнѣе насъ съ тобой!

Выразительный, полный достоинства взглядъ, который бросался при этихъ словахъ въ мою сторону, ставилъ меня порой въ самое щекотливое положеніе и заставлялъ, если не прямо принимать сторону Годунова, то отдѣлываться многозначительнымъ молчаніемъ.

Когда я прочелъ, по его просьбѣ, вслухъ «Пѣсню бѣглеца», Годуновъ всплеснулъ руками.

— И вы повѣрили, что эти стихи написалъ Сохатый? эта простокишная голова?

— Ну, а что-жъ, ты что-ли ихъ написалъ,—буркнулъ Сохатый, сверкнувъ телячьими глазами.

— И ты не краснѣешь, дубинища ты этакая? Ага, покраснѣлъ однако! Да вѣдь этой пѣснѣ, Иванъ Николаевичъ, по крайней мѣрѣ тридцать лѣтъ есть. Сохатый вашъ безъ штановъ еще бѣгалъ, когда я въ первый разъ въ Сибирь шелъ, и тогда уже я слышалъ эту пѣсню. Въ ней вѣдь о тѣхъ еще временахъ говорится, когда старый Акатуй гремѣлъ, и Кара не была еще въ такой славѣ!

Однимъ словомъ, Сохатый былъ изобличенъ въ литературномъ плагіатѣ и окончательно посрамленъ; пофыркавъ нѣкоторое время на Годунова, онъ, какъ настоящій софистъ, рѣшилъ занять другую позицію:

— Да развѣ я говорилъ Ивану Николаевичу, что я сочинилъ эти стихи? Я только сказалъ, что написалъ ихъ.

Но уже ничто не помогало: Луньковъ, Чирокъ и вся камера громко выражали удовольствіе по поводу блистательнаго провала Сохатаго, а Годуновъ побѣдоносно расхаживалъ, заложивъ за спину руки, и не уставалъ резонировать. Какое бы послѣ того стихотвореніе ни приносилъ мнѣ Сохатый, я прежде всего спрашивалъ: точно ли онъ самъ сочинялъ его..

Среди безчисленныхъ тюремныхъ стихотворцевъ отыскался даже одинъ декадентъ. А быть можетъ, это былъ символистъ—не мнѣ рѣшить столь тонкій вопросъ, я знаю достовѣрно одно только, что стихи этого поэта ставили меня каждый разъ положительно втупикъ, и я съ любопытствомъ вглядывался въ физіономію ихъ автора, желая узнать, смѣется онъ надо мной или нѣтъ. Но Коти-

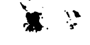
ковъ (такъ звали Шелайскаго Пеладана), очевидно, не смѣялся и самымъ серьезнымъ образомъ относился къ своимъ писаніямъ. Высокаго роста, худой, костлявый, съ скрюченной спиной и испуганно бѣгающими глазами на испитомъ, чахоточномъ лицѣ, лишенномъ всякой растительности, молчаливый и нелюдимый, это былъ вообще очень странный человѣкъ; товарищи нѣсколько даже побаивались его и считали сумасшедшимъ, хотя мнѣ случалось слыхать отъ него неглупыя вещи. Котиковъ подходилъ ко мнѣ обыкновенно на дворѣ тюрьмы, когда по близости не было никого изъ арестантовъ, и говорилъ, всегда робко озираясь по сторонамъ, почти шопотомъ. Онъ жаловался мнѣ на свои недуги (порокъ сердца), на то, что тюремныя стѣны давятъ ему мозгъ, грудь, а общество арестантовъ, чуждое всякихъ духовныхъ интересовъ, сводитъ его съ ума (на волѣ Котиковъ былъ, повидимому, мелкимъ чиновникомъ). Вообще ничего прямо безумнаго въ его разговорахъ со мной не замѣчалось; относительно же своихъ стихотворныхъ упражненій онъ успѣлъ сдѣлать мнѣ признаніе, что риѳмы не даютъ ему покоя,—«такъ и жужжатъ проклятыя, возлѣ самаго уха», и что въ минуты творчества ему кажется иногда, будто сердце его разрывается на части, и онъ вотъ-вотъ умретъ...

— Прочтите, пожалуйста! умоляющимъ голосомъ заканчивалъ Котиковъ свои признанія и, предварительно оглядѣвшись кругомъ, вынималъ изъ кармана листокъ махорочной бумаги, густо исписанный карандашомъ, и подавалъ мнѣ, а самъ торопился куда-нибудь улизнуть. Вскорѣ онъ выпущенъ былъ въ вольную команду, и я такъ и не успѣлъ разспросить его о смыслѣ и значеніи его странныхъ стиховъ. Одинъ изъ листковъ у меня сохранился, и я воспроизвожу его здѣсь съ буквальной точностью:

Достоевскій описалъ
Мертвыхъ домъ намъ въ прозѣ.
Я его переплясалъ:
Въ поэтичной—позѣ!
Представляю: мертвыхъ домъ
Въ наилучшемъ вкусѣ.
Смыслъ и рифма, блескъ и громъ
Въ чувственномъ—казусѣ!
Фантастическій герой,
Генеалъ искусства!
Съ дома мертваго второй
Воскресъ геній чувства.
Надъ героемъ герой тузъ!
Попралъ смѣрть, конфузы!..
Композиторъ: гимныхъ музъ!
Фортопьяно, музы!

А. Котиковъ.

Рядомъ съ поэтами-стихотворцами не уставали сочинять и прозаики. Среди нихъ не было, однако, ни одного беллетриста, и всѣ безъ исключенія занимались, подобно Шустеру, писаньемъ своихъ

біографій. Тотъ-же Петинъ-Сохатый представилъ мнѣ цѣлыхъ восемь тетрадокъ, въ которыхъ успѣлъ, впрочемъ, изобразить лишь свое раннее дѣтство. Между всѣми этими біографіями было одно общее сходство: авторовъ ихъ занималъ и мучилъ одинъ и тотъ же вопросъ—о причинахъ, толкнувшихъ ихъ на путь преступленія и разврата, и всѣ они одинаково скорбѣли о томъ, что не сумѣли или не могли жить честно, въ средѣ неиспорченныхъ, хорошихъ людей, и—что самое важное—отъ этой скорби, отъ этихъ думъ на меня вѣяло всегда несомнѣнной, глубокой искренностью...

Что же заставляло этихъ людей, спроситъ, быть можетъ, читатель, писать и заваливать меня своими писаніями? Этотъ вопросъ, признаюсь, и меня сильно интриговалъ. У меня мелькало даже первое время подозрѣніе, что имъ хотѣлось реабилитировать себя въ моихъ глазахъ, во что бы то ни стало доказать мнѣ, что они осуждены неправильно и страдаютъ въ каторгѣ безвинно, но первыя же прочтенныя страницы исповѣдей убѣждали меня въ грубой ошибочности такого подозрѣнія. Ни одинъ изъ авторовъ не дѣлалъ ни малѣйшей попытки представить въ сколько-нибудь смягченномъ видѣ свою преступность, скрыть какую-нибудь черту своего темнаго прошлаго, вся грязь котораго, напротивъ, выволакивалась наружу съ безпощадной, почти циничной откровенность. Очевидно, причина, побуждавшая этихъ людей писать, была совсѣмъ другая, и не стоило особеннаго труда доискаться ея, такъ какъ она рѣзко бросалась въ глаза и даже откровенно указывалась самими авторами мемуаровъ: этимъ несчастнымъ не только хотѣлось облегчить душу исповѣдью передъ человѣкомъ, который, какъ они надѣялись, все сумѣетъ понять, но и думалось, что онъ сумѣетъ повѣдать свѣту о пережитыхъ ими заблужденіяхъ, ошибкахъ, испытаніяхъ и мученіяхъ!..

Уже нѣсколько разъ упоминалъ я въ своихъ запискахъ, что относительно меня составилась среди арестантовъ какая-то странная увѣренность, что когда нибудь, выйдя изъ тюрьмы, я непремѣнно опишу въ печати все, пережитое мной въ каторгѣ, все до малѣйшихъ мелочей, причемъ изображу не только тюремную администрацію, но и кобылку. Изъ этой именно увѣренности вытекали, напр., и шутки по отношенію къ Чирку, котораго стращали тѣмъ, что я, будто бы, записываю всѣ преступленія, когда либо совершенныя имъ на волѣ. Правда, мнѣ приходилось гдѣ-то упоминать также, что нѣкоторые изъ выдающихся арестантовъ, читавшіе «Записки изъ Мертваго Дома», крайне неодобрительно и почти враждебно относились къ ихъ автору, предполагая, что онъ сильно повредилъ каторгѣ раскрытіемъ ея мнимыхъ тайнъ и секретовъ; однако, эти же самые люди къ *моему* предполагаемому плану написать подобныя же записки относились вполнѣ благосклонно, очевидно, увѣренные въ томъ, что я сдѣлаю это иначе, т. е. возьму на себя лишь прославленіе страданій каторги и изоб-

личеніе ея притѣснителей, и многіе изъ этихъ людей, повидимому, не прочь были сами попасть на страницы будущаго сочиненія... Наивныя души! что-то сказали бы они, если бы когда-нибудь и какъ-нибудь узнали, что я на самомъ дѣлѣ исполнилъ ту миссію, которую они на меня возлагали, но исполнилъ не совсѣмъ такъ, какъ имъ бы хотѣлось, героемъ своихъ записокъ избравъ не столько каторгу и ея дѣйствительно великія горести, сколько великую, хотя временами и горькую, правду?..

Нѣкоторые изъ моихъ учениковъ-пріятелей не только «не прочь были», но положительно *сгорали жаждой* попасть въ мои будущія записки! Говорю это безъ тѣни преувеличенія. Особенно часто вспоминается мнѣ изъ этихъ курьезныхъ мечтателей-славолюбцевъ одинъ арестантъ, по фамиліи Пѣнкинъ, во всѣхъ отношеніяхъ производившій впечатлѣніе человѣка выдающагося и необыкновенно симпатичнаго. Длинные бѣлокурые усы свѣшивались у него внизъ, прикрывая собой красивыя губы, въ углахъ которыхъ лежала печать постоянной грустной ироніи, свѣтившейся также и въ умныхъ синихъ глазахъ. Низы щекъ уже подернуты были замѣтными морщинами, хотя Пѣнкину было отнюдь не болѣе 43 лѣтъ; когда-то онъ былъ, повидимому, человѣкомъ очень веселаго нрава, потому что и теперь еще не прочь былъ пошутить, побалагурить, разсказать смѣшной анекдотъ, но главной чертой его была теперь уже не веселость, а тихая грусть, задумчивая серьезность. Да и мудрено ли? Ровно 23 года сидѣлъ уже Пѣнкинъ въ тюрьмѣ, и лишь одинъ разъ за все это время ненадолго «срывался» затѣмъ, чтобы еще прочнѣе засѣсть послѣ того «въ стѣны каменныя». Признаюсь, меня охватывала каждый разъ дрожь ужаса, когда я думалъ, что этотъ человѣкъ не знаетъ свободы *съ начала 1870 года*, т. е. съ того года, въ который я едва началъ сознательную человѣческую жизнь, маленькимъ девятилѣтнимъ мальчикомъ, поступивъ въ гимназію! Вѣдь съ тѣхъ поръ прошла цѣлая вѣчность не только для отдѣльныхъ людей, но и для цѣлыхъ поколѣній, для цѣлыхъ народовъ! А человѣкъ, живой, способный страдать и чувствовать человѣкъ, все это время провелъ въ душной, кошмарной атмосферѣ каторжныхъ тюремъ... Но и въ будущемъ положеніе Пѣнкина казалось вполнѣ безнадежнымъ. Его двадцатипятилѣтній каторжный срокъ считался почему-то со времени вторичнаго осужденія послѣ побѣга, и вольной команды, по объясненію браваго капитана, ему совсѣмъ не полагалось.

Вся тюрьма поголовно относилась къ нему съ уваженіемъ, и слово Пѣнкина во время всякихъ арестантскихъ треволненій (въ которыхъ онъ, впрочемъ, не любилъ принимать участія) отличалось въ ея глазахъ особенной вѣскостью; цѣнило его и само начальство, какъ тихаго, солиднаго арестанта, прекраснаго къ тому же мастерового-плотника.

Къ сожалѣнію, мнѣ какъ-то ни разу не удавалось жить съ Пѣн-

кинымъ въ одномъ номерѣ. Еще задолго до того времени, какъ по тюрьмѣ прошла волна повальнаго увлеченія писательствомъ, онъ не разъ говаривалъ мнѣ, оставаясь со мной вдвоемъ въ горной свѣтличкѣ:

— Вотъ мою бы вамъ жизнь прослушать, Миколаичъ! Думаю, что не пожалѣли-бъ. Потому не всякому столько пережить удается. И по волѣ, и въ тюремной участи чего только я не видѣлъ, чего не испыталъ... Эхъ, кабы все это описать! Некому только описать-то (самъ Пѣнкинъ былъ малограмотенъ)... Умру — такъ все и пропадетъ, словно ничего и не было.

Эту мысль и это сожалѣніе много разъ высказывалъ Пѣнкинъ, и нужно ли говорить, что я отъ души былъ бы радъ выслушать разсказъ объ его жизни, тѣмъ болѣе, что, какъ я слыхалъ отъ арестантовъ, онъ былъ безподобнымъ разсказчикомъ; но обстоятельства складывались для этого какъ-то особенно неблагопріятно, и случая долго не выходило. Наконецъ, однажды въ нашей камерѣ понадобилась какая-то небольшая передѣлка, и всѣхъ ея обитателей, а въ томъ числѣ и меня, начальство «перегнало» на однѣ сутки какъ разъ въ тотъ номеръ, гдѣ жилъ Пѣнкинъ. Я поспѣшилъ, разумѣется, воспользоваться этимъ случаемъ и попросилъ Пѣнкина, не откладывая, приняться за разсказъ. Онъ не сталъ кобениться и, усѣвшись послѣ вечерней повѣрки рядомъ со мною, началъ говорить своимъ тихимъ, задушевнымъ, пріятно пѣвучимъ голосомъ саратовца, разсказывая точно не собственную жизнь, а гдѣ-то слышанную или вычитанную изъ книги стародавнюю быль или сказку. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ разсказъ этотъ захватилъ меня всего, цѣликомъ, и я уже не слушалъ, а буквально горѣлъ, словно отдавшись во власть этого страннаго человѣка, продолжавшаго говорить мѣрно-спокойнымъ, слегка только груднымъ голосомъ. Да и не я одинъ увлекся—въ камерѣ наступила гробовая тишина — всѣ слушали Пѣнкина съ пожирающимъ вниманіемъ, и когда разсказъ, наконецъ, окончился часа въ два ночи, я чувствовалъ себя взволнованнымъ, потрясеннымъ до глубины души, до дрожи во всемъ тѣлѣ... Мнѣ казалось въ ту минуту, что никогда въ жизни ни одна книга не производила на меня такого сильнаго, такого жизненнаго впечатлѣнія; этотъ разсказъ былъ сама дѣйствительность, ужасная, полная всякаго рода кошмаровъ, похожихъ на сказку, но какъ бы живьемъ запечатлѣвшаяся въ памяти пережившаго ее человѣка и теперь вновь воскресавшая передъ изумленными глазами слушателя... Мнѣ казалось, что запиши я тогда же дословно этотъ разсказъ — и онъ былъ бы замѣчательнымъ литературнымъ произведеніемъ, которое произвело бы и на читателей такое же сильное впечатлѣніе. Но я его, къ сожалѣнію, не записалъ... Двѣ-три недѣли прошло съ той памятной ночи, я все собирался занести слышанное на бумагу — и никакъ не находилъ духу сдѣлать это: то, что выходило изъ-подъ моего карандаша, было

такъ блѣдно и вяло, что мнѣ становилось досадно и стыдно... А Пѣнкинъ нѣсколько разъ обращался ко мнѣ съ вопросомъ:

— Ну, что, Миколаичъ, все еще не записали?

И когда я горячо принимался обнадеживать его, что вскорѣ непремѣнно исполню свое обѣщаніе, онъ отвѣчалъ, грустно усмѣхаясь:

— Гдѣ, поди, записать! Возможно ли это? Такъ все и пропадетъ, точно и не было ничего...

И онъ оказался правъ въ своемъ пессимизмѣ. Прошли годы, а я такъ и не исполнилъ своего задушевнаго желанія. Да и исполнить его становилось съ каждымъ мѣсяцемъ все труднѣе и труднѣе, такъ какъ многое постепенно и незамѣтно забывалось, изъ памяти то и дѣло выскальзывали тѣ или другія важныя черточки и штрихи, и въ настоящее время, когда я помню уже одинъ только голый, блѣдный остовъ разсказа, когда-то произведшаго на меня столь глубокое впечатлѣніе, я уже не могу отважиться на попытку вдохнуть въ этотъ остовъ живое дыханіе, расцвѣтить мертвый трупъ красками жизни. И если Пѣнкину не удастся когда-либо встрѣтить другого образованнаго человѣка, который будетъ счастливѣе меня, то его горькое пророчество исполнится въ самомъ буквальномъ смыслѣ, и его поучительная, богатая внѣшнимъ и внутреннимъ содержаніемъ жизнь исчезнетъ безслѣдно, словно ея никогда и не было...

Гибелью и проклятіемъ этого человѣка былъ прежде всего тотъ порокъ, отъ котораго гибнетъ на Руси столько лучшихъ и талантливѣйшихъ людей; страсть къ водкѣ овладѣла имъ еще въ ранней юности. Но къ этому прибавлялась еще бурная строптивость его темперамента, принимавшая подъ вліяніемъ винныхъ паровъ размѣры чего-то титаническаго, напоминавшаго черты нашихъ былинныхъ героевъ, — строптивость, ни за что не хотѣвшая считаться съ ложью и зломъ установившейся морали и обычаевъ; вполнѣ естественно, что мелкая, буднично-пошлая современность въ свою очередь не могла мириться съ колющей ей глаза правдивостью и бунтарскими выходками этой неугомонной натуры. На каждомъ шагу, въ средѣ даже самыхъ близкихъ людей, создавались все новые и новые враги, и трагическая развязка являлась почти столь же неизбѣжной, какъ древній рокъ: въ пьяномъ видѣ Пѣнкинъ зарѣзалъ родного дядю и двоюроднаго брата... Разсказъ его обо всѣхъ этихъ событіяхъ отличался безпощадно-правдивымъ по отношенію къ самому себѣ анализомъ, и я думаю, что нельзя поэтому сомнѣваться и въ одномъ изъ другихъ его разсказовъ (о каторжномъ уже періодѣ своей жизни), чрезвычайно на мой взглядъ характерномъ для всего нравственнаго облика этого человѣка. Послѣ перваго своего побѣга изъ каторги онъ жилъ нѣсколько мѣсяцевъ (конечно, по подложному паспорту) у одного читинскаго купца. Купецъ этотъ до того полюбилъ Пѣнкина и до того довѣрился ему, что нерѣдко съ его помощью пересчитывалъ большія суммы денегъ.

Купецъ былъ холостъ и одинокъ. И вотъ нашему бѣглецу гвоздемъ засѣла въ голову мысль—убить и ограбить хозяина. Долго боролся онъ съ своей совѣстью, и нѣсколько разъ ему удавалось побѣдить ее. Взявъ топоръ въ руки, онъ крался ночью къ хозяйской комнатѣ съ рѣшимостью совершить преступленіе — и, однако, каждый разъ дѣло кончалось тѣмъ, что, весь обливаясь потомъ и дрожа съ головы до ногъ, онъ возвращался назадъ и бросалъ свое смертоносное орудіе. А въ одинъ прекрасный день онъ явился къ хозяину и, во всемъ открывшись ему, умолялъ разсчитать и отпустить его, такъ какъ боялся, что когда-нибудь не совладаетъ съ бѣсомъ соблазна... Какая превосходная тема для художника психолога!

Дальнѣйшая судьба Пѣнкина сложилась не менѣе печально, чѣмъ и вся его жизнь. Какимъ-то чудомъ (всѣ называли это чудомъ) Лучезаровъ выпустилъ его въ вольную команду, и восторгу Пѣнкина не было предѣловъ. Повидимому, онъ искренно мечталъ начать новую жизнь... Но вотъ прошелъ откуда-то слухъ, быть можетъ и ложный, будто выпустили его по какому-то недоразумѣнію и скоро опять посадятъ въ тюрьму. Тогда въ одинъ бурный осенній вечеръ надзиратели, явившіеся въ вольнокомандческій баракъ на повѣрку, не нашли тамъ Пѣнкина — онъ скрылся. Меня уже не было въ Шелайскомъ рудникѣ, когда я узналъ, что около Верхнеудинска его поймали, и что онъ снова отправленъ въ каторгу...

Не менѣе страстнымъ желаніемъ повѣдать свѣту о своемъ бурномъ прошломъ отличался и Годуновъ. Съ глубокимъ презрѣніемъ глядѣлъ онъ на то, что я интересуюсь разсказами такой тюремной мелочи, какъ, напр., Луньковъ, и говорилъ ему съ обычнымъ самодовольствомъ:

— Ежели сотню, тыщу такихъ описаній собрать, какъ твоя жизнь или жизнь какого-нибудь Сохатаго, то всѣ они вмѣстѣ не будутъ стоить и одной страницы біографіи моей жизни! Потому я по совѣсти могу сказать, что вкусилъ и сладкаго, и горькаго, сквозь желѣзныя и мѣдныя трубы прошелъ, и обо мнѣ не мѣшало бы въ журналахъ написать. Ну, а вы что съ Сохатымъ? Вороній кормъ— ничего больше!

Задѣтые за живое, Луньковъ и Сохатый вступали между собой въ оборонительный союзъ и горячо схватывались съ Годуновымъ, но, краснобай по натурѣ, онъ никогда не лѣзъ за словомъ въ карманъ и въ этихъ спорахъ всегда загонялъ своихъ противниковъ, какъ выражаются арестанты, въ самый маленькій пузырекъ... Когда Годуновъ тоже принялся, наконецъ, за писаніе мемуаровъ, то онъ, повидимому, страшно волновался и тетрадкамъ своимъ придавалъ огромную цѣну, быть можетъ, потому еще, что самый процессъ писанья давался ему довольно туго, слова для выраженія мыслей подыскивались не легко. За то, когда трудъ былъ доведенъ до послѣдней точки, и прочитанныя, одобренныя мною тетради отнесены были въ цейхаусъ и тамъ спрятаны въ моихъ вещахъ (въ ожи-

данiи лучшихъ временъ), Годуновъ сiялъ, какъ никогда, и часто ораторствовалъ въ слухъ всей камеры:

Пусть только Иванъ Николаевичъ напечатаетъ когда нибудь мои записки, тогда мы увидимъ, что изъ этого выйдетъ! Тогда поймутъ, что такое жизнь ссыльнаго человѣка! Потому что въ настоящее время ничего этого не знаютъ. Думаютъ, что мы идемъ на преступленiе такъ себѣ, съ легкой душой... Такъ пусть же знаютъ, что ссыльный тоже человѣкъ, что у него иной разъ кровью сердце обливается, когда онъ поднимаетъ руку на чужое добро! Пусть узнаютъ, кто настоящiй виновникъ всего зла!

Имѣли ли такiя мысли и рѣчи достаточное отношенiе къ дѣйствительному содержанiю записокъ Годунова, читатель самъ ниже увидитъ, но это и не важно: важно то, что Годуновъ мечталъ повѣдать обществу исторiю своихъ ошибокъ и злоключенiй...

Мнѣ приходилось не разъ уже опредѣлять этого человѣка, какъ тюремнаго дипломата, человѣка себѣ на умѣ, а также какъ изряднаго хвастуна и самодовола. Казалось бы, эти характерныя личныя качества должны были неблагопрiятно отразиться и на запискахъ, лишивъ ихъ прежде всего самаго главнаго и цѣннаго свойства—правдивости. Но, что всегда поражало меня въ людяхъ мало культурныхъ:—какъ только берутъ они перо въ руки, такъ сейчасъ становятся большею частью замѣчательно правдивыми и откровенными. Происходитъ это, быть можетъ, оттого, что, не имѣя никакого понятiя о такъ называемой красотѣ формы, художественности изложенiя, они встрѣчаютъ и меньше соблазновъ отступать отъ правды, тогда какъ образованные писатели слишкомъ часто жертвуютъ ею въ погонѣ за краснымъ словцомъ, за круглотою перiодовъ и прочими аксессуарами художественности... Личный характеръ Годунова, правда, отразился на его произведенiи, но въ формѣ не только невинной, а почти комичной: чувство самоуваженiя до того проникаетъ его записки, не смотря на ихъ покаянный тонъ, что оказывается—его, Годунова, любили и уважали рѣшительно всѣ, кто только сталкивался съ нимъ въ жизни, не исключая чиновъ полицiи и чуть-ли не тѣхъ даже, кто билъ его и поролъ розгами... Онъ вообще ужасно любитъ и жалѣетъ себя и чуть не на каждой страницѣ проливаетъ слезы о своей злосчастной судьбѣ; эта односторонняя чувствительность доходитъ до того, что, убивъ однажды человѣка, онъ тоже плачетъ, хотя, увы! не о своей жертвѣ, а опять-таки о себѣ... И тѣмъ не менѣе фактическая сторона разсказа производитъ, повторяю, впечатлѣнiе несомнѣнной, искренной правды: этихъ поразительно-реальныхъ деталей и жизненныхъ чертъ, этого глубоко-правдиваго тона повѣствованiя нельзя выдумать, тѣмъ болѣе, что герой записокъ въ общемъ не обѣляетъ, а скорѣе обличаетъ и бичуетъ себя. Въ скобкахъ маленькое замѣчанiе: этотъ самобичующiй тонъ сильно напоминаетъ записки несчастнаго Шустера; многiя мысли и даже самыя выраженiя точно будто заимствованы

однимъ авторомъ у другого, хотя на дѣлѣ люди эти никогда даже не разговаривали между собою. Этотъ фактъ кажется мнѣ въ высшей степени характернымъ.

За то въ другомъ отношеніи жизнь Годунова напоминаетъ мнѣ жизнь Пѣнкина: какъ того, такъ и другого въ каторгу привели какія-то роковыя силы, таившіяся въ глубинѣ ихъ души; за неимѣніемъ болѣе подходящаго слова, я назвалъ бы эту силу—*тоскою*... Какая-то природная неугомонность и ненасытность ни тому, ни другому не давала примириться съ спокойной и ровной дѣйствительностью, толкая на борьбу съ нею... Но разница натуръ выражалась въ различіи формъ этой борьбы. Пѣнкинъ имѣлъ натуру сильную, властную и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко-правдивую. Въ другой историческій моментъ и при другихъ общественныхъ условіяхъ изъ такого человѣка легко могъ бы выработаться общественный или религіозный протестантъ-фанатикъ, но наша сѣренькая дѣйствительность создала изъ него простого пьяницу-буяна и затѣмъ невольнаго убійцу. Натура болѣе мелкая и менѣе чистая толкнула Годунова на путь легкой наживы, сдѣлавъ изъ него жулика-бродягу и, наконецъ, корыстнаго убійцу. Однако, за всѣмъ тѣмъ, и черезъ эту темную жизнь красной чертою проходитъ одинъ мотивъ и одно настроеніе, названное мной выше тоскою...

Какъ бы то ни было, жизнь Годунова кажется мнѣ очень типичной для нашихъ уголовныхъ ссыльныхъ, и тѣ изъ читателей, которые ищутъ въ настоящихъ очеркахъ не одной лишь занимательности сюжета, вѣроятно, не безъ интереса прочтутъ нижеслѣдующій «сырой матеріалъ», извлеченный изъ подлинныхъ мемуаровъ каторжнаго бродяги. Остальнымъ же, пуще всего на свѣтѣ боящимся скуки, я порекомендую пропустить эту главу и прямо перейти къ слѣдующимъ.

VII.

«Біографія моей жизни» Годунова.

«Отецъ мой былъ купецъ 2-й гильдіи Полтавской губ., города К. Выходецъ изъ Москвы, онъ происходилъ изъ старообрядцевъ, а мать была запорожская казачка очень богатаго рода; она составила отцу моему хорошую карьеру въ коммерціи. Раннее дѣтство я провелъ въ нѣгѣ, будучи баловнемъ семьи и любимцемъ отца, который хотѣлъ сдѣлать изъ меня вполнѣ образованнаго человѣка и восьми лѣтъ отдалъ сначала въ приходское, а затѣмъ и въ уѣздное училище. Правда, ученье показалось мнѣ букой, такъ что, по обычаю тѣхъ временъ (въ концѣ 50-хъ годовъ), учителя прибѣгли къ помощи березовой каши. И это помогло; хотя и не безъ горькихъ слезъ, я началъ учиться лучше. Однако мечты отца вывести меня въ люди погибли въ одинъ какой-нибудь часъ: случился пожаръ и уничто-

жилъ все наше состояніе... Родители принуждены были отдать меня въ услуженіе къ одному купцу изъ города Александріи. Такимъ образомъ съ раннихъ лѣтъ я долженъ былъ почувствовать много скорби въ душѣ своей! Когда я подошелъ къ отцу проститься передъ отъѣздомъ, то почти не могъ видѣть его лица—до того слезы затмили глаза мои и захватили дыханье... Я не о томъ плакалъ, что покидаю родину, но о томъ, что вижу дома такую скорбь, такой переворотъ въ семейныхъ обстоятельствахъ.

«Мой новый хозяинъ принялъ меня очень ласково, такъ какъ былъ друженъ съ моимъ отцомъ. Я скоро привыкъ подъ чужимъ кровомъ, да и дѣло мнѣ было давно знакомое, привычное. Меня всѣ полюбили за расторопность и успѣшность. Не знаю, почему и зачѣмъ, я началъ однако баловать: собирать и прятать въ разныхъ мѣстахъ лавки хозяйскія деньги. Когда ихъ находили въ товарѣ, я тотчасъ же бралъ вину на себя, чтобъ другіе приказчики не могли за меня пострадать; меня ставили на колѣни, драли за ухо, а то и волосную расправу производили, но я своего не бросалъ, и непонятная страсть моя даже увеличилась, хоть я и не зналъ еще, на что можно употреблять деньги. Такъ прошло три года, какъ вдругъ получилось извѣстіе о смерти отца. Это было для меня страшнымъ ударомъ, и, не медля ни минуты, я собрался домой. Прибывъ въ родной городъ, я прежде всего пошелъ на могилу отца и тамъ плакалъ такъ много, что, наконецъ, заснулъ отъ утомленія и простудился. Когда горячка ослабѣла, и я пришелъ въ себя, мать разсказала мнѣ, что передъ смертью отецъ предсказалъ, что я буду *несчастнымъ* въ своей жизни. Не знаю, что внушило ему такую мысль, но исполнилась она впослѣдствіи съ замѣчательной точностью...

«Все время моего пребыванія на родинѣ полно было мрака и печали. Я чувствовалъ, что уже нѣтъ на свѣтѣ человѣка, который могъ бы направить мои шаги; много было родственниковъ, но всѣ они казались мнѣ людьми другого убѣжденія. Часы тянулись для меня годами, и я считалъ себя старикомъ. Я вспоминалъ свое счастливое дѣтство, глядѣлъ на то, что было теперь и что ожидало меня впереди,—и душа моя томилась тоской и предчувствіемъ, что мнѣ придется бороться съ жизнью, какъ моряку съ волнами. Оправившись отъ болѣзни, я поѣхалъ въ Херсонъ, и когда дорога вышла на гору, съ которой виденъ былъ родной городъ, и я взглянулъ на него, то тяжко вздохнулъ, и слезы такъ и брызнули изъ моихъ глазъ!

«Въ Херсонѣ я поступилъ къ купцу, у котораго, кромѣ меня, было еще 15 приказчиковъ, но со мной онъ обращался отмѣнно отъ всѣхъ прочихъ, такъ что мнѣ было это даже противно, какъ напрасное напоминанье о томъ, чѣмъ могъ бы я быть (самостоятельнымъ человѣкомъ) и чѣмъ долженъ стать теперь (рабомъ). Не прошло и году, какъ мнѣ стало тошно служить и я попросилъ раз-

счета. Хозяинъ такъ и не могъ добиться отъ меня причины. Два мѣсяца прожилъ я послѣ того безъ мѣста и пришелъ, наконецъ, въ полное безденежье, однако рѣшилъ не идти больше по коммерческой части и поступилъ на парусное судно, которое везло въ г. Керчь лѣсъ. Но, какъ ни интересовала меня морская служба, тутъ извѣдалъ на практикѣ, что значитъ старая пословица «кто въ морѣ не бывалъ, тотъ и горя не видалъ»: всю дорогу ужасно страдалъ отъ морской болѣзни и, по прибытіи въ Керчь, опять поступилъ на службу въ одинъ богатый магазинъ. Съ годъ я прожилъ здѣсь припѣваючи, потому что хозяева не чаяли во мнѣ души. Но мнѣ уже исполнилось 19 лѣтъ, и женская красота стала мнѣ сниться и на яву и во снѣ; я началъ проводить ночи въ райскихъ мѣстахъ. Хозяинъ попробовалъ тогда прочесть мнѣ нотацію, но это до того не пришлось по вкусу моей амбиціи, что я перешелъ вскорѣ на другое мѣсто—къ одной купчихѣ-вдовѣ. Здѣсь я возымѣлъ такую довѣренность, что во всемъ своя рука была владыкой, насколько лишь совѣсть позволяла. Но въ то время, какъ говорится, легокъ былъ умъ: если бы теперь, напримѣръ, попасть на такіе дивиденты, то лучшаго ничего бы и не пожелалъ, а тогда душа у меня лежала не къ работѣ и къ богатству, а совсѣмъ къ другому—и прежде всего къ свободѣ. Если я и раньше уже посѣщалъ такъ называемые райскіе дома, то теперь, можно сказать, окончательно въ рай запелся, проводилъ тамъ дни и ночи, губя сонъ, здоровье и силы. И нельзя, впрочемъ, сказать, чтобъ меня такъ привлекалъ самъ по себѣ разгулъ,—водки, напримѣръ, я совсѣмъ еще не пилъ въ ту пору,—но какое то странное состояніе овладѣло мной: ничто и нигдѣ меня не интересовало, вездѣ грызла смертельная скука. Мнѣ казалось, что я уже не могу стать человѣкомъ, какимъ сталъ бы при отцѣ, и мысль, что я на всю жизнь обреченъ быть рабомъ другихъ, была мнѣ невыносима. Я сталъ небрежно относиться къ своей службѣ, и хозяйка дала мнѣ понять, что лучше бы было поискать мнѣ другого мѣста. Четыре мѣсяца прожилъ я послѣ того на свои средства, прилѣпившись къ одной околдовавшей меня гречанкѣ, въ которую влюбился до безумія. Но гречанка требовала денегъ, а ихъ у меня въ одинъ прекрасный день не осталось ни копѣйки. Вернуться къ правильной трудовой жизни, подыскать какое нибудь мѣсто казалось мнѣ невозможнымъ, и вотъ, недолго размышляя, я придумалъ одинъ фокусъ, который въ ту минуту представлялся мнѣ скорѣе забавнымъ, нежели дурнымъ, о преступленіи же мнѣ и въ голову не приходило. Именно я написалъ отъ лица бывшей моей купчихи записку, съ которой и явился въ одинъ богатый магазинъ съ требованіемъ товаровъ на 400 р. Въ магазинѣ не знали еще, что я уже не служу больше у купчихи, и безъ всякихъ разговоровъ выдали мнѣ по этой запискѣ товаръ. Это пришлось мнѣ по душѣ, и недѣлю-другую спустя я явился съ новой запиской, въ которой уже стояла

болѣе крупная цифра. Приказчикъ, принявъ беззаботный видъ, заговорился со мною; я тоже, ничего не подозрѣвая, жду заказаннаго товара, какъ вдругъ вижу полицію... Оказалось, первая продѣлка моя была вскорѣ открыта, и мнѣ поставили ловушку... Точно пораженный громомъ, я сталъ нѣмъ, глухъ и слѣпъ!

«Предстояло идти въ участокъ центромъ города, встрѣтить множество знакомыхъ, и я шелъ, весь сгорая въ огнѣ, ничего не видя и не слыша, и тутъ то впервые понялъ, что пророчество отца начало сбываться... Когда отворились тюремные ворота и меня втолкнули въ нихъ, я подумалъ, что попалъ уже въ самую преисподнюю ада; на лица окружившихъ меня арестантовъ я не могъ смотрѣть—до того они казались мнѣ страшными. Но меня ободрила встрѣча съ однимъ старымъ знакомцемъ, довольно виднымъ купцомъ, тоже посаженнымъ за подлогъ, только покрупнѣе моего. «Не падай духомъ, дружище,—утѣшалъ онъ меня,—въ тюрьмѣ тоже люди сидятъ, и трудно еще рѣшить, честнѣе ли ихъ тѣ, что остаются на волѣ». Разсужденіе это пришлось мнѣ по вкусу. Только что прошла вечерняя повѣрка, какъ арестанты усѣлись на два круга играть въ карты, и одинъ изъ играющихъ закричалъ: «Эй, майданщикъ, налей-ка чипорушку!» Я сталъ смотрѣть во всѣ глаза, недоумѣвая, что это за чипорушка такая. Майданщикъ поднялъ въ камерѣ половицу и, доставъ оттуда бутылку съ какой то свѣтлой жидкостью, налилъ изъ нея въ жестяную рюмку...

«По приговору суда я просидѣлъ въ тюрьмѣ 6 мѣсяцевъ и долженъ былъ по этапу отправиться на родину. Послѣднее совсѣмъ убило меня. Мысль о томъ, съ какими глазами явлюсь я въ свое жительство, какъ встрѣчу знакомыхъ, родныхъ, мать, до того меня ужасала, что по дорогѣ я заболѣлъ тифомъ и, еле живой, доѣхалъ до родного города. Отъ стыда я хотѣлъ даже покончить съ собой самоубійствомъ... Въ К—кахъ даже полиція диву далась, что сынъ подобнаго отца могъ дойти до такой точки; при встрѣчѣ съ каждымъ знакомымъ глаза мои готовы были выпрыгнуть изъ своихъ мѣстъ. Лишнее разсказывать, какъ огорчена и оскорблена была мать и какъ напрасно старался я увѣрить ее, что произошло недоразумѣніе, что злые люди воспользовались моей неопытностью и моимъ легкомысліемъ. Едва только явилась возможность, какъ я взялъ паспортъ и снова уѣхалъ въ Херсонъ. Тамъ объ моемъ приключеніи ничего еще не было извѣстно, и я безъ труда поступилъ къ одному купцу въ приказчики.

«Но и тутъ меня продолжала мучить безотходная тоска; подчиняться людскимъ приказаніямъ и хозяйскимъ прихотямъ для меня было ножомъ острымъ. Не прошло и полгода, какъ я опять разсчитался и сталъ жить на квартирѣ, ничего не дѣлая и даже впередъ не заглядывая, какъ живутъ птицы небесныя. Деньги мои, конечно, очень скоро истощились. Однажды захожу я въ гостиницу «Берлинъ» и встрѣчаю тамъ стараго знакомаго. Онъ сказалъ

мнѣ, что служитъ корридорщикомъ, но собирается уѣхать на родину, и мѣсто его свободно. Я тотчасъ же отправился къ хозяину. Такъ какъ онъ зналъ когда то моего отца, то съ удовольствіемъ согласился взять меня даже съ просроченнымъ документомъ. Но это мѣсто было моей погибелью. Разъ въ одномъ изъ номеровъ я увидалъ на столѣ у богатаго пріѣзжаго еврея много денегъ, которыя онъ сортировалъ въ пачки. Еврей этотъ предупредилъ меня, что уйдетъ по своимъ дѣламъ и вернется назадъ лишь поздно вечеромъ. Я пошелъ было исполнять свои обязанности, но все валилось у меня изъ рукъ. Что же блеснуло мнѣ въ голову? Взять видѣнныя мной деньги и уѣхать съ ними розыскивать предметъ своей любви, гречанку, не перестававшую все время жить въ моемъ сердцѣ... Я отперъ номеръ, взялъ саквояжъ, въ которомъ оказалось 4,040 рублей, и—поминай, какъ звали! На лошадяхъ я доѣхалъ за ночь до Николаева, а тамъ сѣлъ на пароходъ. Подъѣзжая на пятый день къ Керчи, сердце мое чуть не выпрыгивало вонъ изъ груди отъ ожиданія скораго счастья. На слѣдующій день я обѣгалъ весь городъ и узналъ, что у моей гречанки давно уже былъ другой человѣкъ. Не жалѣя денегъ, я далъ ей знать о своемъ пріѣздѣ и условился встрѣтиться въ городскомъ саду. Здѣсь я съ трудомъ удержался, чтобъ не принять ее при всей честной публикѣ въ объятія! Мнѣ уже не стоило большихъ усилій убѣдить ее бросить новаго возлюбленнаго и возвратиться ко мнѣ: когда я объяснилъ ей свои средства, то глаза у моей гречанки такъ и заблистали алмазами... Дня черезъ два все было улажено. Я нанялъ квартиру, и счастье мое полилось широкой рѣкою!

«Однако, полились также и деньги, и однажды я сдѣлалъ непріятное открытіе, что имъ (да кстати и документу) близокъ конецъ. Вытребовать себѣ новый видъ по почтѣ я боялся и рѣшилъ лично съѣздить домой и развѣдать, не извѣстно ли тамъ чего о моемъ херсонскомъ приключеніи. Къ несчастію, дорогой я заболѣлъ и попалъ сначала въ городскую херсонскую больницу, а потомъ и въ тюрьму. Окружной судъ присудилъ меня къ году высидки. Впрочемъ, я просидѣлъ только три мѣсяца, благодаря тому, что работалъ на постройкѣ централа. Затѣмъ мнѣ выдали проходной билетъ для отправки на родину. Но какъ было доѣхать туда, не имѣя въ карманѣ хоть 50 р. денегъ? Откуда было достать ихъ? Въ Николаевѣ я повстрѣчался съ старыми знакомцами по тюрьмѣ, которые и предложили мнѣ принять участіе въ ихъ похожденіяхъ по части добыванія чужой собственности. До сихъ поръ я никогда еще такими похожденіями не занимался, и потому мнѣ было страшно, я долго раздумывалъ... Но деньги нужны были до зарѣзу, и я рѣшился. И что же? Новые мои товарищи объявили мнѣ, что я обладаю большой отвагой въ прокладываніи дороги къ чужимъ мѣшкамъ и ящикамъ, и, признаюсь, похвала эта пріятно пощекотала мое самолюбіе... На мою долю пришлось 85 р., съ частью

которыхъ я и пріѣхалъ на родину. Къ матери я, однако, не пошелъ, а прямо отправился въ думу за билетомъ. Но не тутъ то было: я стоялъ на рекрутской очереди, и мнѣ лишь съ трудомъ выдали на три мѣсяца красный билетъ. Съ нимъ я поѣхалъ въ Кременчугъ, и съ этого дня мнѣ коломъ засѣла въ голову мысль—отдѣлаться, во что бы ни стало, отъ военной службы, казавшейся мнѣ хуже всякой тюрьмы и каторги.

«Въ Керчи я старался избѣгать встрѣчи съ тѣми людьми, которые знали меня съ хорошей стороны. Предмета моей любви здѣсь уже не оказалось—она вышла замужъ за какого то купца и уѣхала въ Севастополь. Да я отчасти и радъ былъ этому обстоятельству, такъ какъ, находясь теперь въ бѣдности, все равно не могъ бы показаться ей на глаза. Побросавшись нѣкоторое время туда и сюда, я рѣшилъ отправиться въ Черноморье, гдѣ, по слухамъ, на рыбныхъ промыслахъ проживало множество пролетаріевъ всякаго рода, и тамъ меньше всего интересовались вопросомъ о паспортѣ...

. . . .

Скопивъ ко времени навигаціи рублей 200, я рѣшился бросить Черноморье. Мнѣ казалось ужаснымъ провести въ этой скучной жизни не только двадцать лѣтъ, но даже и два года, не видя кругомъ себя ничего другого, кромѣ воды и неба. Во время разсчета ко мнѣ подошелъ одинъ кавказскій служивый (самъ давшій себѣ отставку) и предложилъ вмѣстѣ отправиться въ дорогу. Онъ соблазнилъ меня, главнымъ образомъ, обѣщаніемъ раздобыть документъ, но и самъ по себѣ онъ казался мнѣ умнѣе и серьезнѣе другихъ. Дорогой мы перешли къ откровенности. Тогда онъ сразу перемѣнилъ тонъ и сказалъ: «Знаешь ли ты, что я имѣю въ виду? Возьмемъ въ Ерикѣ двухмачтовый баркасъ малыхъ размѣровъ съ парусами и веслами, нагрузимъ чужимъ товаромъ—и айда въ море!» Такимъ образомъ я снова сдѣлался морякомъ, и планъ нашъ удался блистательно. Въ г. Темрюкѣ мы сбыли свой баркасъ за 450 р. и уѣхали въ Керчь. Я сгоралъ желаніемъ поскорѣе раздобыть паспортъ. Черезъ два дня къ намъ на квартиру явился пожилой господинъ съ лысиной на головѣ и въ довольно таки небрежномъ костюмѣ. Тѣмъ не менѣе товарищъ мой принялъ его очень почтительно и тутъ же шепнулъ мнѣ, что это, молъ, тотъ самый человѣкъ, который мнѣ нуженъ. Тогда и я весь превратился въ почтеніе... Господинъ съ лысиной закусилъ, выпилъ (что онъ имѣлъ пристрастіе къ Бахусу—это доказывала и самая его физіономія), между разговоромъ досталъ карандашъ и клочекъ бумаги, посмотрѣлъ на меня, что то записалъ, еще выпилъ и удалился. Я недоумѣвалъ. Но къ вечеру господинъ вернулся и, доставъ изъ кармана съ десятокъ документовъ, подалъ мнѣ, говоря: «Выберите, что вамъ угодно». Я выбралъ полугодичный видъ, спросилъ цѣну, заплатилъ, не торгуясь, 15 руб. и почувствовалъ, что съ плечъ у меня свалилась гора, точно я вновь на свѣтъ Божій на-

родился. Съ этого дня я ужъ никогда больше не придавалъ ни малѣйшаго значенія такому вздору, какъ видъ на жительство.

«Между тѣмъ деньги мои опять улетѣли, и нужно было что-нибудь предпринимать. Я поступилъ на заграничное судно, шедшее съ товарами въ Таганрогъ, хотя и не особенно любилъ воду. Въ Таганрогъ мы счастливо прибыли на шестой день и остановились на якорѣ въ 150 саж. отъ берега. За время плаванія я часто бывалъ въ каютѣ капитана и видѣлъ тамъ много древнихъ вещей, золотыхъ и серебряныхъ, хранившихся вмѣстѣ съ деньгами, и меня опять началъ грызть червякъ пристрастія къ чужой собственности. Караулившая меня на родинѣ солдатчина пугала меня больше всего на свѣтѣ; я рѣшилъ, что лучше пережить все самое дурное, чѣмъ угодить подъ ружье; а кромѣ того, говоря по чистой совѣсти, меня успѣла уже завлечь эта новая жизнь, полная всякихъ приключеній, гдѣ, опустошая чужіе карманы, я могъ жить, никому не будучи обязанъ. Ночью, когда на нашемъ суднѣ все крѣпко заснуло послѣ дневной работы и жары, я никакъ не могъ отдаться сну; меня что-то тревожило, я долго боролся не то съ насѣкомыми, не то съ неотвязными мыслями. Вдругъ до меня долетѣлъ звукъ музыки, игравшей въ саду. Эта мелодія заставила меня въ одну минуту многое передумать и перечувствовать. Мнѣ живо вспомнилось мое свѣтлое дѣтство, далекая родина, мать... Мнѣ стало грустно, и я рыдалъ, какъ ребенокъ. «Что же будетъ со мною, Господи, что будетъ?» спрашивалъ я себя, а самъ уже ясно понималъ, что вступилъ на дорогу, которая не приводитъ къ мирной жизни на родинѣ!

«Я слышалъ, что въ это время въ Ростовѣ на Дону бываетъ огромное стеченіе всякаго народа, и что тамъ паспортъ больше, чѣмъ гдѣ-либо, пустяки. И я рѣшилъ тоже туда поѣхать. Тихонько пошелъ я посмотрѣть, гдѣ спитъ капитанъ. Оказалось, что по случаю духоты онъ спалъ подъ тентомъ. Беззвучно отворилъ я дверь его каюты, спустился туда, забралъ деньги и вещи, вышелъ на палубу, осмотрѣлся кругомъ, спустился по трапу на баркасъ, отвязалъ его, взмахнулъ веслами и черезъ нѣсколько минутъ былъ на берегу. Ночь я проспалъ въ кустахъ городского сада, а на разсвѣтѣ пошелъ на вокзалъ. Но, не доходя до него, я зашелъ въ гостиницу и... въ первый разъ въ жизни выпилъ рюмочку рому. Не успѣлъ я приступить затѣмъ къ чаепитію, какъ увидалъ, что мимо окна промчался на извозчикѣ по направленію къ вокзалу мой капитанъ; рядомъ съ нимъ сидѣлъ полицейскій. Такимъ образомъ я избѣжалъ большой опасности. Черезъ полчаса капитанъ проѣхалъ обратно, а я, разузнавъ, что поѣздъ вскорѣ отойдетъ, отправился на вокзалъ. Однако и сидя уже въ вагонѣ, мнѣ пришлось натерпѣться страха, когда въ вагонѣ вдругъ появился жандармъ. Вглядываясь въ лица пассажировъ, онъ прошелъ медленными шагами и удалился, не замѣтивъ моего волненія... Я былъ спасенъ.

«Явившись на другой день въ Ростовъ и увидавъ, какой тамъ водоворотъ людей кипитъ, я сразу понялъ, что и мнѣ не трудно будетъ въ немъ закрутиться. Нелегко попасть въ кругъ людей порядочныхъ, но когда хочешь ринуться въ омутъ погибели, то на ловца и звѣрь бѣжитъ: живо отыщутся друзья и благожелатели, которые подадутъ безкорыстную руку помощи. Подали ее и мнѣ... Нѣсколько разъ попадалъ я даже въ полицію, но за недостаткомъ уликъ тотчасъ же освобождался и продолжалъ прежнюю дѣятельность. Наконецъ попалъ такъ, что дѣло запахло Сибирью... Настоящаго имени своего я не открылъ и осужденъ былъ за грабежъ на лишеніе правъ и ссылку въ отдаленныя восточныя мѣста (въ 1873 году). Не могу до сихъ поръ забыть, что испытывалъ я при отправкѣ изъ Москвы на желѣзную дорогу, когда арестантовъ провожало множество родственниковъ и слезы ихъ при прощаньи до того меня растрогали, что я самъ плакалъ, чѣмъ вызвалъ насмѣшки нѣкоторыхъ загрубѣлыхъ сердецъ. А когда отъ Томска пришлось идти пѣшимъ путемъ, и по сторонамъ тракта видны были только лѣса да горы, я пришелъ въ еще большее уныніе. Между тѣмъ старые бродяги говорили, что это еще цвѣточки только, а ягодки впереди; даже жители сибирскіе казались мнѣ сухими себялюбцами, и нравы, обычаи ихъ были мнѣ противны. Но тутъ ужъ поздно было одумывать: что искалъ—то и нашелъ!

«Назначенъ я былъ по Якутскому тракту въ городъ Киренскъ. Замѣчателенъ былъ тотъ день, когда конвой сдалъ насъ старостѣ для слѣдованія въ дальнѣйшій путь по волостямъ подъ сельскимъ конвоемъ; но конвой этотъ на дѣлѣ не существуетъ, а всѣ идутъ вольно; кто хочетъ—въ назначенное мѣсто, а кто хочетъ—возвращается назадъ въ Россію. Наша партія въ этотъ день точно съ ума посходила: всѣ кинулись моментально въ кабакъ—и тѣ, что имѣли деньги, и тѣ, что гроша за душой не имѣли. Послѣдніе живо поспускали съ себя казенныя вещи. Ночью произошло нѣсколько шумныхъ дракъ съ крестьянами. На другой день уже не было ни повѣрокъ, ни сборовъ въ одно мѣсто для отправки. Наша компанія изъ четырехъ человѣкъ взяла на плечи мѣшки и раньше всѣхъ отправилась въ путь. По деревнямъ съ нашимъ прибытіемъ закрывались вездѣ кабаки, хотя безполезно, потому что русскій человѣкъ вино изъ-подъ земли достанетъ, и къ вечеру вся партія едва-едва собралась на станціи. Когда пріѣхали подводы съ буторомъ, и арестанты стали разбирать вещи, то, какъ сейчасъ вижу, въ одной кошевѣ оказались запрятанными среди шубъ и мѣшковъ три человѣка въ однихъ только нижнихъ рубахахъ... Такъ какъ они, по счастью, назначены были въ ближайшую волость, то ихъ каждый день передавали въ этой формѣ со станціи на новую станцію...

«Вскорѣ насъ начали пугать слухами, что дальше предстоитъ голодный трактъ, гдѣ хлѣбъ стоитъ 10 к. фунтъ, а кормовыхъ выдаютъ тѣ же 10 к. въ сутки. Еще больше народу стало воз-

вращаться въ Россію; ушли и трое моихъ товарищей, но самъ я боялся послѣдовать за ними и отправился впередъ одинъ. Въ это время я въ первый разъ въ жизни узналъ, что такое настоящая нужда, и могу сказать, что никогда не извѣдывалъ столько горя. Не знаю даже, какъ я все перенесъ, вспоминаю, какъ сквозь сонъ. Я думалъ въ ту пору, что это горе хорошимъ урокомъ послужитъ мнѣ для будущаго, но вышло не такъ: извѣстно, что крутая гора скоро забывается...»

Однако на мѣстѣ ссылки Годунову необыкновенно повезло. Ему удалось устроиться на одномъ пароходѣ.

«Капитанъ былъ простякъ и добрѣйшей души человѣкъ; онъ возымѣлъ ко мнѣ сильную привязанность и откровенность. Осенью пароходъ его занимался вывозкой изъ тайги прискакателей (пріискателей). Капитанъ предложилъ мнѣ взять въ Якутскѣ шесть ведеръ спирта для продажи, объяснивъ, насколько это выгодная афера: заплатишь 18 р., а продашь за 90. И когда я отвѣчалъ, что у меня нѣтъ денегъ, онъ далъ мнѣ свои. Въ тайгѣ я, дѣйствительно, очень скоро и очень выгодно сбылъ свой товаръ, и мнѣ пришлось ужасно по душѣ класть въ карманъ такими большими кусками. Короче сказать, за пять лѣтъ я составилъ себѣ семь тысячъ капиталу, купилъ на нихъ домъ, завелъ хозяйство и, наконецъ, женился на молоденькой сибирячкѣ. Но не прошло и полгода моего счастья, какъ люди сообщили мнѣ, что женочка моя сибирская язва, таскаетъ изъ дому что получше и передаетъ своей роднѣ. Когда я увѣрился въ этомъ, то меня охватила грусть, какой уже давно не зналъ! Все опостылѣло мнѣ, даже самая жизнь. Призвавъ однажды жену, я велѣлъ ей класть на середину комнаты всѣ вещи, которыя она принесла въ приданое. Она начала спрашивать: зачѣмъ это? Тогда, не глядя на нее, я отвѣчалъ сурово: «Послѣ узнаешь, теперь же то дѣлай, что я приказываю». Когда она нехотя сложила такимъ образомъ въ кучу всѣ свои вещи, то я объявилъ ей: «Можешь уходить отъ меня со своимъ скарбомъ домой. Мнѣ ты не нужна больше». Отославъ жену, я всю ночь безъ сна провелъ; выпивая по полрюмочкѣ, я ходилъ по комнатѣ, пѣлъ, смѣялся, плакалъ!.. Ужасно жалко мнѣ было свое положеніе! Затѣмъ я распродалъ все свое хозяйство и отправился въ путь-дорогу, рѣшивъ еще хоть одинъ разъ въ жизни повидать мать и родину. Денегъ у меня было около 2000 р., вещи были приличныя, и на документъ (аттестатъ дьяконскаго сына) я разсчитывалъ вполнѣ. Знакомымъ я объяснилъ, что ѣду опять служить на Олёкму.

. . . .

«Когда мать увидала меня, то въ первую минуту не столько обрадовалась, сколько испугалась, сочтя меня за выходца съ того свѣта: она давно считала меня умершимъ. Не желая ее обманывать, я все разсказалъ ей, и она пришла совсѣмъ въ отчаяніе, когда услыхала о Сибири. Это слово поразило ее сильнѣе, чѣмъ если бы

даже я умеръ... Она объявила мнѣ затѣмъ, что на другой же день я долженъ явиться къ городскому головѣ. Я обнадежилъ ее, что такъ именно и думаю поступить, на дѣлѣ же, конечно, думалъ иначе. Я былъ уже не тотъ чувствительный юноша, что прежде; родина, одно имя которой, бывало, приводило меня въ слезы, теперь показалась мнѣ чѣмъ-то чужимъ и скучнымъ, а нотаціи выводили меня изъ себя... Я хотѣлъ жить на полномъ просторѣ, согласно своимъ только желаніямъ. Никакихъ преградъ для меня не существовало больше, достать документъ было плевымъ дѣломъ, воровство, подлогъ, мошенничество, Сибирь—все было знакомо. О службѣ на мѣстахъ, о трудѣ не приходило и мыслей въ голову. Одну теперь имѣлъ я мечту: пріобрѣсти капиталъ... Но капитала никто вѣдь даромъ въ карманъ не положитъ!

«Подъ разными предлогами убѣдивъ мать, что имѣю нужду съѣздить на короткій срокъ въ Одессу, я простился съ нею съ тѣмъ, чтобы никогда уже больше не возвращаться на родину.

«И я сталъ разъѣзжать по югу Россіи изъ одного города въ другой, проживая остатки денегъ и приглядываясь къ людямъ. Скоро нашлись и выгодныя занятія... Недостатка въ друзьяхъ, конечно, также не оказалось, ибо, полагаю, даже и въ настоящее время не всѣ еще изъ этихъ людей въ Сибири живутъ.

«Черезъ годъ времени меня снова осудили съ лишеніемъ правъ въ восточную Сибирь, и опять-таки подъ чужимъ именемъ. Надо правду сказать, что это рѣшеніе меня не такъ уже испугало, какъ первое—путь былъ знакомый. Я былъ назначенъ въ этотъ разъ въ Комянскую волость Балаганскаго округа».

Здѣсь Годуновъ, служа въ работникахъ у одного деревенскаго торговца, вошелъ къ нему въ довѣріе, какъ трезвый и грамотный человѣкъ, ѣздилъ съ нимъ даже въ Иркутскъ по торговымъ дѣламъ. За зиму вся деревня успѣла его полюбить—дѣтямъ онъ читалъ сказки, старухамъ—житія святыхъ. Но вотъ наступила весна, и сердце нашего бродяги опять заныло и затосковало неизвѣстно о чемъ.

«Я спрашивалъ себя: неужели мнѣ такъ и суждено окончить свои дни въ этой проклятой Тратотоніи, среди чужихъ мнѣ людей, во цвѣтѣ силы и лѣтъ? Работать всю жизнь на другихъ, а самому жить и умереть бобылемъ, не имѣя ни кола, ни двора? Если такъ, то лучше же хоть еще одинъ день или часъ побыть свободнымъ человѣкомъ. Но уходить съ пустыми руками мнѣ не хотѣлось. И вотъ, дождавшись престольнаго праздника въ сосѣднемъ селѣ, когда въ деревнѣ остались одни старые да малые, а мои хозяева оставили меня одного домовничать, я сломалъ хозяйскую шкатулку, взялъ 700 р. денегъ и отправился въ путь-дорогу. Встрѣчавшимся на пути челдонамъ я крутилъ головы, говоря, что иду туда-то и туда-то, а самъ поворачивалъ послѣ того въ другую сторону! Дойдя до братскихъ улусовъ, я нанялъ пару лошадей и умчался въ Яндинскую волость, за 170 верстъ отъ мѣста преступленія. Комянскіе челдоны

гнались по моимъ слѣдамъ до самаго Иркутска, но слѣды были ложные, я тоже не дремалъ и, нанимая лошадей, удиралъ все дальше и дальше. Однако этотъ второй побѣгъ былъ не то, что первый, когда я вплоть до самой Россіи ѣхалъ, что называется, бариномъ, съ документомъ въ карманѣ и хорошей одежей на плечахъ. Достигнувъ Ангары, гдѣ ходятъ одни только бродяги, мнѣ пришлось тоже принять бродяжескій видъ и идти пѣшимъ путемъ, глубоко затаивъ имѣвшіяся при мнѣ деньги. Здѣсь ухо слѣдовало держать востро, боясь одинаково какъ крестьянъ, такъ и бродягъ. Я рѣшилъ идти одинъ, такъ какъ въ партіи не разъ слыхивалъ, что среди бродягъ попадаются люди, которые за одну одежу согласятся лишить товарища жизни. Что же касается крестьянъ, то, являясь въ деревни, нужно было просить милостыню ради Христа и пуще всего остерегаться купить что-нибудь за деньги. По дорогѣ я въ первый разъ нашелъ ремесло, которымъ не однажды впослѣдствіи заработывалъ хорошія деньги. А именно въ одномъ селѣ я узналъ, что священникъ ищетъ маляра, который выкрасилъ бы вновь отстроенную церковь. Я вспомнилъ, что жилъ когда-то съ товарищемъ-маляромъ и видѣлъ его работу, и мнѣ показалось, что ничего въ ней труднаго нѣтъ. Я намекнулъ крестьянамъ на то, что я самъ маляръ, и меня поволокли тотчасъ же къ священнику, который принялъ меня съ распростертыми объятіями. Оказалось, работа пошла у меня превосходно, и всѣ были отъ нея въ восторгѣ.

«Затѣмъ я плылъ нѣкоторое время на плоту (до деревни Богучанъ), послѣ чего совершилъ три опасныхъ перехода черезъ тайгу, одинъ въ 60, другой въ 150 и третій въ 120 верстъ, имѣя при себѣ бурятскій ножъ и револьверъ съ 40 патронами. Но какое могъ имѣть значеніе револьверъ въ тайгѣ? Хорошо знаешь, что никакого, а всетаки идешь и, словно, на что-то надѣешься, идешь веселѣе. Не столько было страшно въ эти дни четвероногаго, сколько двуногаго звѣря. Видѣлъ по дорогѣ много дичи, изюбря встрѣтилъ въ разстояніи 50 саженъ; ужасно страдалъ отъ комаровъ и мошки. Ночью приходилось обкладываться со всѣхъ сторонъ кострами, чтобы защититься и отъ мошкары, и отъ звѣря, который тоже боится огня. Но сонъ все равно былъ плохой: только—только начнешь засыпать—вдругъ раздастся неподалеку трескъ... Вскакиваешь въ испугѣ—однако никого нѣтъ. Такіе тревожные трески слышатся въ тайгѣ всю ночь: это какая-нибудь птица сядетъ на сухіе сучья, и они подломятся подъ ней, или другая естественная причина произведетъ звукъ. Всего же страшнѣе по ночамъ крикъ филина, отъ котораго иной разъ волосы ершомъ встанутъ на головѣ и кровь заледенѣетъ... Бывали, впрочемъ, и днемъ страшныя минуты: идешь, идешь, ни о чемъ не думаешь—и вдругъ наткнешься, бывало, на совсѣмъ уже разложившійся трупъ такого же, какъ самъ, путешественника... Въ такомъ ужасѣ шарахнешься тогда прочь, что только пятки засверкаютъ! Бѣжишь послѣ того, не отдыхая, день и ночь!»

Остальную часть великой сибирской дороги странникъ нашъ совершилъ, дѣлая временами «покупки». Повсюду въ городахъ встрѣчались «маховой руки» люди, съ которыми стоило распить бутылочку-другую жизненной влаги, чтобы тотчасъ получить добрый совѣтъ, гдѣ, какъ и чѣмъ можно разжиться. За то въ одномъ мѣстѣ, не зная, что въ домѣ есть собаки, Годуновъ едва не поплатился жизнью; но съ каждой новой «покупкой» онъ становился все болѣе и болѣе дерзкимъ. Въ общемъ и это путешествіе прошло, однако, благополучно, и онъ перевалилъ за европейскую границу.

«На второй станціи отъ знаменитаго среди бродягъ Шадрина я ночевалъ у одного крестьянина изъ бывшихъ ссыльныхъ. Выпили и разоткровенничались. Крестьянинъ указалъ мнѣ на одинъ домъ (въ деревнѣ, находившейся въ четырехъ верстахъ отъ станціи), въ которомъ онъ собственными глазами видѣлъ большія деньги: въ чуланѣ, въ зеленомъ сундукѣ хранится ихъ, будто бы, больше 10 тысячъ рублей. Крестьянинъ сказалъ также, что хозяева ежедневно уѣзжаютъ на полевыя работы, и въ домѣ остается въ это время одна только женщина. Я намоталъ себѣ все это на усъ и на другое же утро отправился въ указанную деревню. Крестьяне почти всѣ уже выѣхали въ поле. Я собственными глазами видѣлъ, какъ выѣхала телѣга и со двора того дома, который мнѣ былъ рекомендованъ. Помедливъ нѣкоторое время, я подошелъ къ калиткѣ и хотѣлъ войти, но она оказалась запертой. На стукъ мой вышла пожилая женщина и спросила: «что тебѣ нужно?» Я принялъ сладкій видъ и сказалъ: «Вотъ если бы вы были добренькой—поставили проѣзжему самоварчикъ».—Кто вы и откуда?—«Я ѣду изъ Кургана въ Камышловъ, а занятіе мое церковный живописецъ». Женщина начала было отговариваться недосугомъ, но когда я пообѣщалъ ей заплатить за трудъ, она попросила меня зайти въ комнаты. Къ моему благополучію, въ домѣ не оказалось воды, и она должна была сходить на рѣку за 150 саж. отъ дома. Только что она хлопнула калиткой, какъ я, не долго думая, выскочилъ въ сѣни; въ замкѣ чулана торчалъ ключъ. Моментально я отворилъ дверь и заглянулъ внутрь: по стѣнамъ висѣло много одежи, на полу стояло нѣсколько сундуковъ, и среди нихъ былъ одинъ, поменьше, зеленый. Все было согласно съ даннымъ мнѣ описаніемъ. Запереть снова кладовую и скрыться въ комнаты было для меня дѣломъ минуты. Я сѣлъ у окна и началъ обдумывать, что и какъ нужно дѣлать. Но можно сказать, что на гнусныя дѣла замыселъ очень скоро созрѣваетъ. Пробѣгая изъ кладовой черезъ кухню, я замѣтилъ, что въ послѣдней было подполье, и тутъ же у меня мелькнула мысль, что женщину можно было, задавивъ, спустить въ это подполье. Теперь на мысли этой я остановился подробнѣе, такъ какъ другого пути не представлялось. Когда женщина вернулась съ рѣки и начала ставить самоваръ, меня вдругъ охватила лихорадка: ни разу въ жизни не приходилось еще мнѣ проливать человѣческую кровь... Долго ходилъ я

по комнатѣ, весь трясясь съ головы до ногъ. Думалъ я еще и то: слажу-ль я со своей жертвой, которая была женщиной здоровой и плотной? Какъ бы самого меня не застигли и не ухлопали на этомъ преступленіи? Наконецъ, я вошелъ въ кухню и завелъ съ хозяйкой разговоръ о томъ, о семъ. Ничего не подозрѣвая, она дѣлала разныя приготовленія и то и дѣло принимала очень удобное для меня положеніе; и вотъ, улучивъ одинъ изъ такихъ моментовъ, я ловко и безъ шума схватилъ со стѣны полотенце, быстро накинулъ ей на шею, повалилъ ее на полъ и, прижавъ колѣнкомъ, сталъ давить. Отъ испуга и неожиданности она даже не пикнула и въ первую минуту не выказала ни малѣйшаго сопротивленія, но потомъ рванулась и съ такой отчаянной силой стала бороться, что, признаюсь, я почувствовалъ страхъ и всѣ жилы напрегъ и, еще туже замотавъ вокругъ шеи полотенце, продолжалъ тянуть его. Вскорѣ преступленіе было кончено. Я открылъ подполье и спустилъ туда тѣло, а самъ вылѣзъ скорѣй въ окно, заперъ калитку и дверь дома снаружи, обратно влѣзъ въ окно и приступилъ къ обыску. Въ зеленомъ сундукѣ оказалось однако не 10,000, а всего 1,640 р. и больше во всемъ домѣ не нашлось ни копѣйки. Перелѣзши черезъ заборъ, я ударился по дорогѣ въ лѣсъ и, пройдя верстъ пять, убѣдился, что дорога эта—зимникъ, она привела меня къ рѣкѣ. Долго и напрасно искалъ я переправы; мнѣ встрѣтился, наконецъ, какой-то молодой парень съ уздечкой, который указалъ мнѣ бродъ. Два часа спустя я былъ въ Далматовѣ. Пройдя пѣшкомъ еще нѣкоторое разстояніе, я нанялъ одного крестьянина, который за пять рублей согласился, не смотря на страду, довезти меня до Камышлова. Тутъ по дорогѣ чуть не случилось бѣды. Подъѣхавъ къ одному кабаку, я столкнулся тамъ съ урядникомъ и двумя камышловскими мѣщанами, и послѣдніе начали разспрашивать меня, кто я и откуда. Приходилось врать аккуратно, но я не опалъ духомъ и, выдавъ себя за ризника и живописца, немедленно постарался привлечь опасныхъ собесѣдниковъ къ оживляющей влагѣ, что мнѣ и удалось превосходнымъ образомъ. Изъ Камышлова я уѣхалъ тотчасъ же на вольныхъ въ Екатеринбургъ. Когда я подъѣзжалъ уже къ этому городу, до моихъ ушей вдругъ донесся въ вечернемъ сумракѣ звонъ колоколовъ. Чѣмъ-то роднымъ, давно оставленнымъ и забытымъ повѣяло на меня отъ этого звона, и я никакъ не могъ удержаться отъ слезъ... Правда, за свою безопасность я теперь уже не тревожился, но мнѣ стало вдругъ такъ невыразимо грустно, такъ жалко своей несчастной судьбы.

«Въ Екатеринбургѣ мнѣ удивительно посчастливилось, такъ что если бы кто другой разсказалъ мнѣ подобную исторію, я назвалъ бы ее, пожалуй, сказкой. Нѣсколько разъ въ теченіе дня заходилъ я въ одну пивную, причемъ велъ разговоръ съ молодой и довольно красивой хозяйкой. Она сразу признала во мнѣ чужестранца и была со мной необыкновенно любезна. «Чего вы такіе грустные и за-

думчивые? — допрашивала она меня съ участіемъ: — или имѣете какую нибудь неудачу въ дѣлахъ?» Я отвѣчалъ, что, напротивъ, дѣла мои идутъ въ настоящее время особенно удачно, и я поѣду домой не съ совсѣмъ пустыми карманами. Тогда она намекнула, улыбаясь, что, быть можетъ, неудачи мои относятся къ сердечной части. Я отвѣчалъ на это откровенно, что отъ женщинъ я, дѣйствительно, видалъ въ своей жизни много горя, что въ отвѣтъ на свою любовь я встрѣчалъ одну лишь безсердечность, корыстолюбіе и предательство, и, въ концѣ концовъ, остался одинокимъ на свѣтѣ, такъ что не знаю порой, куда и голову преклонить. Намекнулъ также и на то, что я вообще претерпѣлъ много вражды отъ людей, много странствовалъ и вытерпѣлъ всякаго рода бѣдствій... Добрая женщина даже всплакнула, слушая мой разсказъ, и тѣмъ меня самого привела къ большой чувствительности. Было уже очень поздно, пивную время было закрыть, и моя новая пріятельница пригласила меня переночевать у нея: она была вдова и жила, держа двухъ дѣвушекъ въ услуженіи. За ужиномъ мы еще больше разоткровенничались. Спросивъ меня о документѣ и узнавъ, что это мое больное мѣсто, она выскочила изъ-за стола, отперла сундукъ и подала мнѣ свертокъ бумаги: это былъ полугодичный мѣщанскій паспортъ. Всѣ примѣты удивительно ко мнѣ подходили, кромѣ однихъ только глазъ; но я сдѣлалъ на этомъ мѣстѣ сгибъ и протеръ небольшую дыру, такъ что трудно было прочесть, какіе глаза. Затѣмъ вдова разспросила о моихъ средствахъ — оказалось, что они были немногимъ меньше ея собственныхъ. Короче вамъ сказать, въ ту же ночь я сдѣлался ея супругомъ и владѣльцемъ пивного заведенія...

«Цѣлый годъ прожилъ я въ новомъ своемъ званіи, и, какъ говорится въ стихахъ, никакое облачко не омрачало нашего счастья. Это, впрочемъ, только казалось такъ, на дѣлѣ же настоящаго счастья я не испытывалъ. Что-то продолжало грызть меня — не то тревога и страхъ за будущее, не то недовольство настоящимъ покоемъ. Разъ въ воскресенье шелъ я съ женой въ церковь и на улицѣ повстрѣчалъ человѣка, котораго знавалъ на Олёкмѣ. Я хотѣлъ-было сдѣлать видъ, что не признаю его, но не тутъ-то было: онъ бросился ко мнѣ съ распростертыми объятіями, какъ къ старому другу; да и то сказать: не приходилось мнѣ, пробывши столько лѣтъ въ горькой участи, отворачиваться теперь отъ товарища, который находился въ нуждѣ. Волей-неволей надо было ввести его въ свой домъ. Оттуда онъ потащилъ меня въ трактиръ и началъ тоже угощать. И вотъ тутъ-то я замѣтилъ, что за нами слѣдятъ. Товарищъ самъ сознался мнѣ, что наканунѣ онъ совершилъ выгодную покупку... Не успѣлъ я съ нимъ разстаться, какъ на другой же день меня пригласили въ полицію — оказалось, его уже арестовали. Я объяснилъ, конечно, что познакомился съ этимъ человѣкомъ вполнѣ случайно, въ своей пивной; на документъ свой я тоже вполнѣ надѣялся; однако, видно было, что у пристава что-то еще есть: онъ

продолжалъ вертѣть въ рукахъ мой документъ и задавать мнѣ вопросы... Тутъ меня сразу ударило въ голову: не было сомнѣнія, что товарищъ меня выдалъ! Полиціймейстеръ, который вслѣдъ затѣмъ явился, самъ, впрочемъ, сказалъ мнѣ объ этомъ: «Мы бы ни минуты не стали держать васъ, если бы не указаніе вашего знакомаго. По его словамъ, документъ у васъ чужой, и вы бѣглый изъ Сибири». Я засмѣялся: «Развѣ возможно основываться на показаніи какого-нибудь проходимца-бродяги и такъ оскорблять свободныхъ людей? Что я былъ съ нимъ вчера въ трактирѣ — это меньше всего фактъ *), и я вѣдь въ этомъ не запираюсь. Наша торговая часть такова, что мы никѣмъ не должны пренебрегать; на лбу у него не написано, кто онъ такой, и на приглашеніе зайти въ трактиръ и выпить я не могъ отвѣтить грубымъ отказомъ». Словомъ, когда приходится защищать шкуру отъ волчьихъ зубовъ, то языкъ подыщетъ убѣдительныя слова, и полиціймейстеръ, видимо, уже сдавался на нихъ, какъ вдругъ ему что-то вступило въ голову: онъ вздумалъ просмотрѣть списокъ разыскиваемыхъ лицъ за послѣдніе годы — ему блеснуло, что во мнѣ есть какое-то сходство съ лицомъ, которое разыскивалось по подозрѣнію въ далматовскомъ убійствѣ. А примѣты этого лица сообщены были тѣмъ самымъ парнемъ, который въ то время встрѣтился мнѣ на берегу рѣки съ уздечкой въ рукахъ и указалъ бродъ: сибиряки такой народъ, что стоитъ имъ разъ въ жизни увидѣть человѣка на одну минуту — и они десять лѣтъ спустя подробно опишутъ его, начиная съ ногъ и кончая головой... Прочитавъ еще разъ примѣты и посмотрѣвъ на меня, полиціймейстеръ перемѣнилъ тонъ и велѣлъ отправить меня въ Далматовъ на уличку. Мой парень съ одного взгляда меня призналъ. Да и мной самимъ овладѣло въ это время такое непонятное равнодушіе къ дальнѣйшей своей участи, что я почти тотчасъ же во всемъ сознался... Но я открылъ при этомъ и природное свое имя, сообразивъ совершенно правильно, что оно оставалось до сихъ поръ почти-что чистымъ и могло послужить мнѣ лишь къ облегченію наказанія. Благодаря чистосердечному признанію, меня осудили всего на десять лѣтъ каторги. Жена хотѣла-было послѣдовать за мною, но я наотрѣзъ отказалъ ей въ этомъ: у меня никогда не было привычки тащить за собой въ омутъ людей, которые могутъ еще въ жизни отыскать свое счастье.

. . . .

«Въ Горномъ Зерентуѣ, куда я былъ назначенъ, въ то время не было еще каменной тюрьмы, которая теперь существуетъ. Да и все было тогда по иному, лучшему. Въ чистомъ полѣ, среди сопокъ, стояли простые деревянные бараки и вокругъ нихъ не было

*) Фактъ на арестантскомъ жаргонѣ обозначаетъ улику.

Прим. автора.

даже ограды. Вмѣсто того, версты на двѣ кругомъ раскинута была цѣпь солдатъ. Встрѣтившіе насъ арестанты были наполовину пьяны, а одѣты большею частью въ вольную одежду. Я съ удивленіемъ спрашивалъ себя: что же это за каторга? Въ чемъ тутъ страхъ? Въ камерахъ жило по 100 и болѣе человѣкъ, шумъ стоялъ оглушительный, за музыкальными инструментами не слышно было голоса людей: кто игралъ на скрипкѣ, кто на гармоніи, а кто билъ въ бубенъ. У меня тотчасъ же отыскались знакомые и даже земляки, и мнѣ самому пришлось довольно изрядно клюкнуть съ дороги...»

Что такое каторжныя работы, Годунову такъ и не пришлось узнать, потому что его почти въ тотъ же день записали въ пѣвчіе, а недѣли черезъ три, какъ малосрочнаго, выпустили въ вольную команду. Немного спустя окончился и его каторжный срокъ (благодаря огромнымъ скидкамъ за «поведеніе» и за «работу въ рудникахъ», которыя дѣлаются каторжнымъ II и III разрядовъ, срокъ этотъ всегда очень быстро кончается), и въ качествѣ поселенца онъ очутился въ Верхнеудинскѣ. Съ этого дня для него начался несравненно болѣе трудный и тяжелый періодъ наказанія.

«Въ самомъ городѣ полиція позволила мнѣ прожить только три дня впредь до пріисканія мѣста. Но сибирскіе купцы и чиновники предпочитаютъ брать въ услуженіе не нашего брата-поселенца, а бурятъ, которымъ на обѣдъ достаточно тѣхъ костей, которыя остаются отъ обѣда: эти люди умѣютъ съ помощью ножа очистить ихъ такъ, что даже собакамъ не остается чѣмъ поживиться. Поэтому никакого мѣста я, понятно, не нашелъ и долженъ былъ отправиться за 70 верстъ на стеклянный заводъ, гдѣ была также и паровая мельница. Мѣстъ, однако, свободныхъ и тамъ не нашлось, кромѣ такъ называемой сумасшедшей трубы, гдѣ никто не выдерживалъ и двухъ дней. Я рѣшился поступить туда, и когда отстоялъ въ первый разъ своя 12 часовъ, то пришелъ въ казарму совсѣмъ разбитымъ, убѣжденный, что на другую смѣну уже не буду годиться. Но, отдохнувъ хорошенько, пріободрился и проработалъ еще пятнадцать дней, послѣ чего сильно зашибъ себѣ руку, и начальство завода предложило мнѣ мѣсто матеріальщика въ 30 руб. жалованья. Лучшаго ничего и желать нельзя было, но судьба улыбнулась мнѣ не надолго. Явился однажды въ заводъ управляющій и, придравшись къ чему-то, толкнулъ меня кулакомъ въ грудь. Я не вытерпѣлъ съ непривычки и сказалъ: «Потише! Потише!»— послѣ чего меня въ тотъ же день разсчитали. Тогда я отправился въ Удинскъ на ярмарку. Деньги всѣ вышли, впереди ничего не предвидѣлось, рука къ тому же болѣла... Пришлось взяться за старый промыселъ, съ фартовыми людьми снюхаться...»

И началась опять безпутная жизнь. Совершивъ удачно какую-нибудь «покупку», Годуновъ немедленно прокучивалъ ее съ товарищами и перебирался въ Читу или въ другое мѣсто, гдѣ н

столько еще намозолилъ глаза жителямъ и собакамъ. Просрочивъ билетъ, онъ то и дѣло попадается въ руки полиціи и получаетъ отъ нея, по его картинному выраженію, «сорокъ и шестьдесятъ, чтобы помнилъ дни субботни», послѣ чего отсылается по этапу въ волость и оттуда опять вскорѣ исчезаетъ съ билетомъ или безъ билета. Наконецъ, въ Верхнеудинскѣ его уже основательно ловятъ съ крадеными часами. Описаніе этого ареста напоминаетъ собою ловлю дикаго звѣря, дѣлающаго отчаянныя попытки скрыться, кидающагося туда и сюда и со всѣхъ сторонъ встрѣчающаго разставленные капканы.

«Увидавъ, что попалъ въ западню, что поджидавшая меня полиція уже замѣтила меня, я сдѣлалъ крутой поворотъ. Проскочивъ гостиный рядъ, обернулся и вижу, что за мной погоня; почти весь базаръ кричитъ во весь голосъ: «Держи! Лови!». Я прибавилъ рыси, но слышу, что уже и извозчики стали гоняться на лошадяхъ. Я проворно заскочилъ въ больничный дворъ, пробѣжалъ его, перемахнулъ черезъ заборъ, очутился въ другомъ дворѣ и выскочилъ на другую улицу... Не тутъ-то было! И на этой улицѣ уже шла тревога, вездѣ бѣжали люди. Я, однако, продолжалъ гнуть свою цѣль, направляясь къ концу города, гдѣ чернѣлъ лѣсъ. И я бы достигъ его, но глубокій песокъ выбилъ меня изъ силъ, и я уже видѣлъ себя со всѣхъ сторонъ окруженнымъ. Быть можетъ, и тутъ еще я бы не пропалъ, будь у меня подъ рукой револьверъ или хотя бы ножъ, которымъ можно было бы отпугнуть особенно назойливыхъ преслѣдователей, но я былъ безоруженъ, и оставалось одно—сдаться. Меня посадили на извозчика и повезли въ полицію».

Черезъ 7 мѣсяцевъ по новому приговору Годуновъ осужденъ былъ на четыре года «временныхъ работъ» и присланъ къ намъ въ Шелай.

Годуновъ мужчина еще, можно сказать, въ цвѣтѣ лѣтъ. Онъ недуренъ собою, брюнетъ съ окладистой бородой и умнымъ, широкимъ лбомъ, степенный въ манерахъ, словахъ и поступкахъ, большой краснобай и резонеръ. Онъ, какъ видитъ читатель, самъ прекрасно анализируетъ свое прошлое и знаетъ, что шелъ по дурному пути. Но возможно ли для него отыскать другую дорогу — дорогу честнаго труда и мирнаго благополучія, по окончаніи новаго каторжнаго срока и по выходѣ на поселеніе? По совѣсти сказать, я не думаю этого, читатель... Темная дорога этой печальной, поистинѣ кошмарной жизни, точно какимъ-то злымъ рокомъ намѣчена была еще въ самые ранніе годы, и послѣдняя ея, роковая точка, навѣрное, не за горами!

Дай Богъ, чтобы я ошибся...

(Окончаніе слѣдуетъ).

Л. Мельшинъ.

Бѣлинскій и московскій театръ 30-хъ годовъ *).

Тридцатые годы — замѣчательная эпоха въ исторіи русскаго сценическаго искусства. Какъ разъ къ этому времени въ его области нашелъ свое отраженіе тотъ процессъ, который совершался въ сферѣ прочихъ изящныхъ искусствъ и смыслъ котораго заключался въ переходѣ отъ условности и искусственности къ реализму, или, какъ тогда говорили, отъ классической школы къ натуральной. Коренныя измѣненія, происшедшія въ теоретическихъ воззрѣніяхъ на принципы искусства, повлекли за собой возникновеніе и новаго направленія въ художественномъ творчествѣ.

Процессъ постепенной смѣны стараго направленія новымъ во всѣхъ стадіяхъ его послѣдовательнаго развитія, начиная съ смутнаго еще предчувствія новыхъ началъ со стороны единичныхъ личностей и ихъ слабыхъ и невѣрныхъ шаговъ въ этомъ новомъ направленіи и кончая дружной работой цѣлаго ряда дѣятелей надъ уясненіемъ и примѣненіемъ новыхъ принциповъ и новыхъ пріемовъ художественнаго воспроизведенія — вотъ факты, которые представляетъ исторія нашего театра за указываемое время. Піонеры этого движенія шли къ одной цѣли разными путями: одни практически примѣняли на нашей сценѣ новые пріемы игры, другіе—теоретически обосновывали и разъясняли сущность и значеніе новаго направленія въ искусствѣ. Движеніе это, какъ сказано уже, не стояло особнякомъ, но находилось въ связи съ совершавшимся въ то время въ нашей общественной мысли переворотомъ во взглядахъ на искусство вообще, на его значеніе и располагаемыя имъ средства, и въ частности—на задачи и средства драматургіи. Возникшія подъ вліяніемъ этихъ идей произведенія новой школы драматурговъ дали богатый матеріалъ для сценическаго воспроизведенія и окончательно упрочили господство новаго направленія драматическаго искусства.

Что же представляла русская сцена до 30-хъ годовъ?

*) Окончаніе статьи С. А. Венгерова «Великое сердце» отлагается до слѣдующей книжки. *Ред.*

I.

Если русское искусство вообще въ своихъ начаткахъ оказывается явленіемъ заимствованнымъ, пересадочнымъ, то къ исторіи нашего драматическаго искусства положеніе это примѣнимо всего болѣе. Галломанія, царившая въ русской общественной жизни, въ области сцены выразилась въ перенесеніи къ намъ французскихъ сценическихъ традицій.

«Ваша труппа, — пишетъ изъ Москвы въ Петербургъ обозрѣватель того времени,—возлелѣяна знаменитыми французскими труппами, бывшими въ Петербургѣ съ 1746 до 1812 года. Слѣдовательно, почти семьдесятъ лѣтъ являлись на сценѣ одинаковые образцы, одни и тѣ же наставники-руководители русскихъ талантовъ: Офренъ, Флоридоръ, Гюсъ, Ларошъ, Дюкруасси, Вальвиль были прототипами, по коимъ вылились Яковлевы, Каратыгины, Семеновы, Валберховы и множество другихъ» *).

Перенесеніе къ намъ пріемовъ французской сценической школы, помимо общихъ причинъ подражанія, объясняется еще и тѣмъ, что за скудостью національной драматической литературы и рѣшительнымъ господствомъ французской трагедіи—нашимъ артистамъ приходилось исполнять тѣ же роли, въ которыхъ прославились ихъ иностранные прототипы.

«Всѣ наши трагическіе актеры,—пишетъ одинъ современникъ,—до Брянскаго и Каратыгина включительно, образовались подъ вліяніемъ доходившихъ до нихъ преданій о французской классической декламаціи, и всѣ почти трагедіи, представляемыя на русскомъ театрѣ, въ которыхъ они по главному своему амплуа занимали прежде роли, были составлены по образцу французскихъ классическихъ пьесъ или просто переводились съ французскаго» **).

Не говоря уже о томъ, что искусственно привитыя, чуждыя нашему національному духу традиціи мало могли быть плодотворными для дальнѣйшаго развитія русской сцены,—эти традиціи, сами по себѣ взятыя, по своимъ основнымъ принципамъ, не допускали свободнаго развитія искусства. Псевдоклассическій взглядъ на него, какъ на продуктъ чисто разсудочной дѣятельности, которую можно свести къ строго опредѣленному шаблону и уложить въ тѣсныя рамки узаконенныхъ правилъ, примѣнялся и къ сценѣ. Какъ и всякій художникъ вообще, артистъ съ точки зрѣнія этой теоріи не былъ поэтомъ, творцомъ, дававшимъ самостоятельную жизнь своимъ созданіямъ, своею творческою силою облекавшимъ на глазахъ зрителей въ плоть и кровь воспроизводимые имъ персонажи, но только

*) «Сѣв. Пчела» 1831 г. № 79 — «Письмо изъ Москвы».

**) С. Жихаревъ, «Воспоминанія стараго театрала». «Отеч. Записки» 1854 г. № 10, стр. 109.

ремесленникомъ, достигшимъ большей или меньшей виртуозности въ техникѣ, т. е. въ выправкѣ внѣшнихъ деталей игры. Источникомъ искусства признавалось не прирожденное дарованіе, «искра» таланта, а чисто механическая выучка. Понимаемое такимъ внѣшнимъ образомъ, сценическое искусство переставало служить истолкователемъ драматическихъ произведеній. Артистъ освобождался отъ обязанности входить въ роль такъ, какъ мы теперь это понимаемъ, т. е. переживать чувствованія изображаемаго имъ лица, заботиться о соблюденіи внутренней выдержанности и единства воспроизводимаго характера и обращать вниманіе на постановку этого характера относительно цѣлаго исполняемой пьесы.

«Въ послѣдней сценѣ 4-го дѣйствія «Федры»,—пишетъ тотъ же современникъ, — Рашель, вмѣсто того, чтобы по примѣру великихъ своихъ предшественницъ, сказать извѣстные стихи: Détestables flatteurs и проч., съ воплемъ отчаяннаго негодованія и раскаянія изнемогающей женщины, удаляется въ глубину сцены, становится въ позитуру древняго оратора, поднимаетъ руку и громовымъ, цицероновскимъ голосомъ, въ видѣ нравоученія, произноситъ, обращаясь къ партеру:

Détestables flatteurs, présent le plus funeste,
Que puisse faire aux rois la colère céleste!

Правда, все это дѣлаетъ она прекрасно и граціозно; да развѣ это Федра?» *).

Совершенно отдѣливъ такимъ образомъ пониманіе актера отъ замысла драматурга, и этимъ лишивъ драматическое искусство единственнаго источника его жизненности, французская теорія сдѣлала его рабомъ традиціи. Не опиравшаяся на психологическій анализъ и не сообразующаяся съ внутреннимъ смысломъ драмы, игра была опутана цѣлою сѣтью мелочныхъ и педантическихъ требованій. Требованія эти заключались въ примѣненіи неизмѣнно однихъ и тѣхъ же разъ навсегда установленныхъ внѣшнихъ пріемовъ игры. Нечего и говорить, что такая постановка дѣла до крайности стѣсняла свободу творчества и дѣлала невозможнымъ свободное развитіе таланта.

«Игра французскихъ актеровъ имѣла свои непреложные законы: ни одинъ актеръ, какъ бы ни былъ любимъ публикою, не смѣлъ выходить изъ тѣхъ предѣловъ, какіе ему этими законами были предначертаны; строгость партера, неподкупнаго въ своихъ сужденіяхъ, охраняла ихъ... Страстные любители театра посѣщали его ежедневно не для того, чтобы слышать и видѣть пьесу, которую они слышали и видѣли сотни разъ и знали всю наизусть, но для того, чтобы слышать и видѣть, такъ ли извѣстный актеръ сыграетъ извѣстную сцену сегодня, какъ сыгралъ ее вчера, или такъ ли другой актеръ произнесетъ такую-то фразу или тираду, какъ произно-

*) Ibid., стр. 111.

силъ его предшественникъ. Актеру дозволялось играть такимъ образомъ, какой могъ быть согласнѣе съ его средствами, т. е. съ большимъ или меньшимъ возвышеніемъ или пониженіемъ голоса, но онъ не долженъ былъ не только измѣнять характеръ представляемаго имъ лица, но и отступать отъ усвоенныхъ ему положеній на сценѣ. Исключенія были рѣдки и прощались единственно артистамъ геніальнымъ, которые пріобрѣтали настолько довѣріе и уваженіе публики, что могли отважиться на какое-нибудь нововведеніе въ свои роли и, въ случаѣ успѣха, сдѣлаться для другихъ образцами. Такъ мало по малу составились преданія» *).

Превосходную иллюстрацію къ приведеннымъ положеніямъ представляетъ оставленный С. Т. Аксаковымъ разсказъ объ игрѣ пользовавшейся у насъ огромнымъ успѣхомъ m lle Жоржъ.

«M-lle Georges играла свои роли холодно, безъ всякаго внутренняго чувства. Пластика была великолѣпна въ полномъ смыслѣ этого слова. Я думаю, что одна ея мимика, безъ словъ, произвела бы дѣйствіе еще сильнѣе. Характеры ролей, истинность ихъ всегда приносились въ жертву эффекту; слѣдовательно — даже теперь выговорить страшно — ея игра была безсмысленна относительно къ характеру представляемаго лица. Всякую роль m-lle Georges предварительно разсѣкала на множество кусковъ: въ каждомъ изъ нихъ находились иногда два стиха, иногда полтора, иногда одинъ, иногда нѣсколько словъ, а иногда и одно слово, которымъ она поражала слушателей... Изъ такой постановки ролей необходимо слѣдуетъ, что онѣ были всѣ обдѣланы предварительно, передъ зеркаломъ, въ продолженіе долгаго времени. Всѣ мельчайшія интонаціи голоса, малѣйшія движенія лица, рукъ и всего тѣла, всякая складка на ея платьѣ, долженствующая образоваться при такомъ-то движеніи,— все было изучено и никогда не измѣнялось. Мнѣ случилось быть одинъ разъ въ театрѣ вмѣстѣ съ двумя ея поклонниками и сидѣть между ними; я командовалъ всѣми движеніями m-lle Georges, зная ихъ наизусть. Я шепталъ: «ступи шагъ впередъ, отодвинь назадъ лѣвую ногу, опусти глаза, раскрой вдругъ глаза, тяни нараспѣвъ, шепчи, говори по складамъ, скороговоркой, откинь шлейфъ платья назадъ...» и все это въ точности исполнялось въ ту же минуту... Игра m-lle Georges была положена, такъ сказать, на ноты, твердо выучена наизусть и съ неизмѣнною точностью повторялась всегда. Georges не обращала ни малѣйшаго вниманія на мысль автора, на общій ладъ (ensemble) пьесы и на тонъ реплики лица, ведущаго съ нею сцену; однимъ словомъ, она была одна на сценѣ, другія лица для нея не существовали. Послѣ этого можно ли назвать ея игру художественнымъ воспроизведеніемъ личности представляемаго лица? Это было проявленіе какихъ-то движеній и волненій души,

*) Ibid., стр. 110.

внѣшнимъ образомъ выражающихся, нанизанныхъ на нитку какъ ни попало» *).

Помимо ложности и вредности самаго принципа, направлявшаго талантъ по ложному пути и оковывавшаго его узами традиціи, эта самая традиція оказывалась въ высшей степени условной и неестественной. Весьма понятно, что, не обязанная, въ силу приведенной теоріи, считаться съ психологическою правдой драматическихъ характеровъ, техника игры должна была въ концѣ концовъ очень удалиться отъ естественности, а стремленіе къ усовершенствованію внѣшнихъ пріемовъ, безъ обращенія вниманія на внутренній смыслъ пьесы, повело и къ удаленію отъ простоты въ сторону напыщенности и дѣланности эффектовъ. Мѣсто живого чувства заняла риторика, декламація.

Слѣдуя положенію, высказанному Вольтеромъ, что

Les vers sont enfants de la lyre;
Il faut les chanter, non les lire,

французскіе актеры скорѣе пѣли, нежели читали стихи. Эта пѣвучая декламація водворилась и у насъ.

«Я засталъ», пишетъ М. С. Щепкинъ, «декламацію, сообщенную Россіи Дмитревскимъ, взятую имъ во время своихъ путешествій по Европѣ въ такомъ видѣ, въ какомъ она существовала на европейскихъ театрахъ. Она состояла въ громкомъ, почти педантическомъ удареніи на каждую риѳму, съ ловкой отдѣлкой полустишій. Это все расло, такъ сказать, все громче и громче, и послѣдняя строка монолога произносилась, сколько хватало силъ у человѣка... Такъ продолжалось до появленія въ Россіи г-жи Жоржъ, которая въ свое время увлекла всю Европу. Ея пѣвуческая манера, при обольстительныхъ звукахъ, увлекла всѣ театры такъ, какъ будто все это вросло въ нихъ... Вся Европа послѣдовала за ея манерой, умно, т. е. подумавъ, она составила пѣнье изъ своихъ народныхъ звуковъ, которыми проникнутъ ихъ родной языкъ, а мы, по глупости своей и по русскому «авось», не думая, не гадая, взяли чисто мотивъ французскаго, да и приложи къ нашему твердо-ертъ и какое-ертъ. Чудо было! Такъ вотъ и слышу въ моихъ ушахъ всю эту ахинею!» **).

О томъ, какъ прилагалось у насъ французское пѣніе «къ нашему твердо-ертъ и како-ертъ», даетъ понятіе комичнѣйшій эпизодъ, разсказанный Жихаревымъ:

«Однажды Судовщиковъ (сатирикъ того времени) приходитъ ко мнѣ утромъ какъ будто чѣмъ то встревоженный. «Что такое произошло у васъ?»—«А что»?—«Какъ что? развѣ ты не знаешь? вѣдь Аменаида-то наша вчера на репетиціи волкомъ завыла».—«Какъ

*) С. Т. Аксаковъ, Соч. т. III, стр. 90—92.

**) Ежегодникъ Имп. театровъ. Сезонъ 1894 — 1895, прилож. кн. 2-я. Письмо Щепкина къ П. В. Анненкову отъ 12 ноября 1853 г.

завыла и отчего?»—«Да на репетицію былъ приглашенъ и Гнѣдичъ и явился съ нотами въ рукахъ. Честью увѣряю, услышишь самъ сегодня, не узнаешь Семеновой: воетъ, братецъ ты мой, что твоя кликуша». Я побѣжалъ къ Шаховскому, прося Судовщикова обождать меня. «Скажите, что такое говорилъ мнѣ Судовщиковъ? Семенова воетъ кликушей, Гнѣдичъ съ нотами въ рукахъ... Я право ничего не понимаю».—«А то, братецъ, что нашей Катеринѣ Семеновнѣ и ея штату не понравились мои совѣты: вотъ ужъ съ недѣлю, какъ она учится у Гнѣдича, и вчера на репетиціи я ея не узналъ. Хотятъ, чтобы въ недѣлю она была Жоржъ: заставили пѣть и растягивать стихи»... Я возвратился къ себѣ и просилъ объяснить все въ подробности. Онъ разсказалъ мнѣ, что на репетиціи встрѣтилъ его Гнѣдичъ съ тетрадкою въ рукахъ и пригласилъ послушать новую дикцію Семеновой. «Я обомлѣлъ отъ удивленія» (продолжалъ Судовщиковъ). «Чему же удивляетесь вы?» сказалъ мнѣ съ самодовольствомъ Гнѣдичъ: «Вотъ, батюшка, какъ учить должно», и тутъ, развернувъ тетрадь, показалъ мнѣ роль, въ которой всѣ слова были то подчеркнуты, то надчеркнуты, смотря по тому, гдѣ должно было возвышать или понижать голосъ, а между словъ въ скобкахъ сдѣланы были замѣчанія и примѣчанія, напримѣръ: съ восторгомъ, съ презрѣніемъ, нѣжно, съ изступленіемъ, ударивъ себя въ грудь, поднявъ руку, опустивъ глаза и проч.» *).

И вотъ эта уродливая декламація пріобрѣла право гражданства на русской сценѣ. Воспитанниковъ театральной школы упражняли въ такой декламаціи.

«Шаховской (учившій въ Петербургской драматической школѣ) принадлежалъ къ старой школѣ, которая, покоряясь тогдашнему классицизму, подводила всѣ движенія подъ извѣстные условные жесты и запрещала актеру говорить по человѣчески, заставляя его почти пѣть и тянуть слова на общепринятый тогда ладъ» **).

О другомъ учителѣ декламаціи въ томъ же училищѣ—Кокошкинѣ, впослѣдствіи дирикторѣ московскихъ театровъ, одинъ изъ его учениковъ сообщаетъ, что «его декламація была неестественна и исполнена натянутой, надутой дикціи» ***).

Понятно поэтому то удивленіе передъ естественностью игры И. И. Сосницкаго, какое испыталъ В. И. Живокини, въ то время воспитанникъ московской театральной школы. «Мнѣ тогда это было въ диковинку», пишетъ онъ,—«не къ тому привыкли мы, да не тому совсѣмъ насъ и въ школѣ учили» ****).

Въ результатѣ всего этого явилось то, что актеры «не говорили, а читали, декламировали съ напѣвомъ» ****). Весьма рельеф-

*) Отеч. Записки 1854, № 11, стр. 35.
**) «Репертуаръ» 1841, Біографія В. А. Каратыгина.
***) Записки П. А. Каратыгина. Спб. 1880, стр. 58.
****) В. И. Живокини, Изъ моихъ воспоминаній. «Антрактъ», 1864.
*****) С. Т. Аксаковъ, Соч. т. VI, стр., 399. 403, passim.

ную характеристику тогдашняго положенія дѣлъ на русской сценѣ даетъ М. С. Щепкинъ. Вотъ что разсказываетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

«Припомню, сколько могу, въ чемъ состояло, по тогдашнимъ понятіямъ, превосходство игры: его видѣли въ томъ, когда никто не говорилъ своимъ голосомъ, когда игра состояла изъ крайне изуродованной декламаціи, слова произносились какъ можно громче, и почти каждое слово сопровождалось жестами. Особенно въ роляхъ любовника декламировали такъ страстно, что вспомнить смѣшно; слова: любовь, страсть, измѣна выкрикивались такъ громко, какъ только доставало силы въ человѣкѣ; но игра физіономіи не помогала актеру: она оставалась въ томъ же натянутомъ, неестественномъ положеніи, въ какомъ являлась на сцену. Или еще: когда, напримѣръ, актеръ оканчивалъ какой нибудь сильный монологъ, послѣ котораго долженъ былъ уходить, то принято было въ то время за правило—поднимать правую руку вверхъ и такимъ образомъ удаляться со сцены. Кстати, по этому случаю, я вспомнилъ объ одномъ изъ своихъ товарищей: однажды онъ, окончивши тираду и удаляясь со сцены, забылъ поднять вверхъ руку, что-же?— на половинѣ дороги онъ рѣшился поправить свою ошибку, и торжественно поднялъ эту завѣтную руку. И это все доставляло зрителямъ удовольствіе! Не могу пересказать всѣхъ нелѣпостей, какія тогда существовали на сценѣ, это скучно и безполезно. Между прочимъ во всѣхъ нелѣпостяхъ всегда проглядывало желаніе возвысить искусство: такъ, напримѣръ, актеръ на сценѣ, говоря съ другими лицами и чувствуя, что ему предстоитъ сказать блестящую фразу, бросалъ того, съ кѣмъ говорилъ, выступалъ впередъ на авансцену и обращался уже не къ дѣйствующему лицу, а дарилъ публику этой фразой; а публика, съ своей стороны, за такой сюрпризъ апплодировала неистово» *).

Что приведенная характеристика не преувеличена, что такія уродства сдѣлались обычнымъ явленіемъ на нашей сценѣ, подтверждается множествомъ свидѣтельствъ. Укажемъ на описаніе игры Яковлева, оставленное С. Т. Аксаковымъ: «Стоило Яковлеву пустить въ дѣло свой могучій органъ, кстати или не кстати—это все равно, и театръ гремѣлъ и ревѣлъ отъ рукоплесканій и браво. Стихъ Озерова въ «Димитріи Донскомъ»:

„Мечи булатные и стрѣлы каленыя",

въ которомъ слово «стрѣлы» произносилось, Богъ знаетъ почему, съ протяжнымъ, оглушительнымъ трескомъ, или другой стихъ въ роли «Тезея»:

„Мой мечъ союзникъ мнѣ",

причемъ Яковлевъ вскрикивалъ, какъ изступленный, ударя ладонью по рукояткѣ меча—приводили зрителей въ неистовый восторгъ,

*) Записки и письма Щепкина. М. 1864, стр. 125.

отъ котораго даже останавливался ходъ пьесъ: я бѣсился, и передъ этими стихами заранѣе выбѣгалъ въ театральный корридоръ, чтобъ пощадить свои уши отъ безумнаго крика, топанья и хлопанья» *).

Въ заключеніе этого рода свидѣтельствъ о водвореніи на нашей сценѣ пріемовъ французской декламаціи, приведемъ еще отзывъ Н. А. Полевого: «Всѣ актеры, и хорошіе и дурные, постоянно тогда пѣли и читали, а не говорили. У хорошихъ выходило лучше, у худыхъ хуже, но манера была у всѣхъ общая и одинаковая, да и стихи и проза тогдашніе не позволяли отъ нея отступленій» **).

Это послѣднее, мимоходомъ брошенное замѣчаніе очень цѣнно, такъ какъ оно указываетъ на другую еще причину господства риторики и напыщенной декламаціи—это характеръ репертуара. Если бы даже артисты отбросили требованія тяготѣвшей надъ ними школы и попытались обосновать исполненіе на анализѣ характеровъ изображаемыхъ ими персонажей, они не нашли бы въ нихъ матеріала для художественнаго возсозданія. Герои французскихъ трагедій и еще въ большей степени наши отечественные сколки съ нихъ—это были, по мѣткому опредѣленію г-жи Сталь, «героическія маріонетки, любовью жертвующія долгу, предпочитающія смерть рабству, но не имѣющія ничего похожаго на удивительное существо, называемое человѣкомъ» ***). Лучше не стало и тогда, когда мѣсто величавой классической трагедіи заступилъ genre échevelé романтической драмы. «Прежде чѣмъ быть оригинальной», говоритъ новѣйшій историкъ романтической драмы, «романтическая драма хотѣла быть противоположностью трагедіи. Романтизмъ заявилъ о своемъ намѣреніи ввести вмѣсто условности трагедій «природу и истину» («la nature et la vérité», Préface de «Cromwell»), на самомъ дѣлѣ только замѣнилъ однѣ условности другими, прямо противоположными» ****).

Неестественности содержанія соотвѣтствовалъ и неестественный способъ выраженія. Для образца вотъ нѣсколько стиховъ изъ «Эдипа въ Аѳинахъ»:

Коль смѣешь ты, на мнѣ останови свой взоръ,
Зри ноги ты мои скитавшись изъязвленны,
Зри руки, милостынь прошеньемъ утомленны,
Ты зри главу мою, лишенную волосъ,
Ихъ изсушила скорбь и вѣтеръ ихъ разнесъ...

Это образчикъ «классическаго» стиля. А вотъ примѣры псевдонароднаго языка многочисленныхъ въ ту пору «патріотическихъ» драмъ:

---

*) С. Т. Аксаковъ, Соч. т. III, стр. 79.

**) Репертуаръ русскаго театра, изд. Песоцкимъ. 1840. Н. А. Полевой Ист. Русскаго театра.

***) M-me de Staël, De l'Allemagne, II-e partie, ch. XV, p. 191.

****) M. Souriau, De la convention dans la tragédie classique et dans le drame romantique. Paris, Hachette, 1885 p. VII et VIII.

«Создалъ же Богъ такую земельку, какъ Русское наше царство: широко, далеко разлеглось, протекло рѣками великими, проросло лѣсами дремучими, процвѣло вѣрой православной, прокалилось любовью къ Царю-батюшкѣ. Народъ-ли возьми—желѣзный; золота-ли, серебра-ли—куры не клюютъ; города-ли погляди—такъ и горятъ золотыми маковками храмовъ Божьихъ, какъ небо звѣздочками!» *).

А вотъ какимъ языкомъ изъясняется Сусанинъ въ пьесѣ «Костромскіе лѣса» (Н. А. Полевого):

«Горько мнѣ стало, что птенца такой царской птицы коршунъ побиваетъ, кинулся я навстрѣчу ему, заслонилъ собою орла орловича—бросилась на меня птица хищная, ударила клювомъ желѣзнымъ сюда, въ сердце, и повалился я, какъ овсяный снопъ, закатились очи ясныя, подломились ноги скорыя, палъ я безчувственный»...

При рѣчахъ, излагаемыхъ такимъ образомъ, немыслимъ не только разговорный языкъ, но даже сколько нибудь натуральная человѣческая поза артиста. Нельзя поэтому не вѣрить словамъ современника, свидѣтельствующаго что «попытки играть эти пьесы «по человѣчески», т. е. ввести въ нихъ обыкновенный языкъ, оказались немыслимы. Такъ напримѣръ, нѣкто Бубновъ, дебютируя ролью «Князя Скопина-Шуйскаго» въ драмѣ Полевого, по настоянію своего учителя, бывшаго тогда режиссеромъ драматической труппы, Яковлева, говорилъ свою роль человѣческимъ языкомъ и избѣгалъ всякихъ изысканныхъ сценическихъ позъ, чрезъ что самое и вышелъ «Скопинымъ» весьма неудачнымъ. Натуральныя позы и разговорный языкъ оказались вовсе непригодными для вдохновеннаго «князя Скопина», который, описывая русское село съ церковью, выражается такъ: «... А на небѣ, какъ звѣздочка, сіяетъ нашъ русскій крестъ, нашъ православный крестъ, какъ стражъ небесный, тихо смотритъ долу, а на него съ молитвой смотрятъ люди и ангеломъ хранителемъ зовутъ» и проч. Такая то и ей подобныя рѣчи, бывши произносимы обыкновеннымъ, такъ сказать обыденнымъ, житейскимъ языкомъ, выходили чѣмъ то среднимъ между бредомъ сумасшедшаго или шутовствомъ балагура... Въ той же драмѣ, и въ томъ же ея представленіи участвовалъ и другой охотникъ замѣнить художественность натурою, но труды его не увѣнчались успѣхомъ, и онъ показался даже смѣшнымъ, начавъ передавать разговорнымъ языкомъ монологъ «Ржевскаго», обращенный къ спящимъ измѣнникамъ: «Спи, стая псовъ, спи непробуднымъ сномъ до страшнаго суда, тогда проснись и прямо въ адъ!..» и проч. Тогда какъ прежде тотъ же самый монологъ выходилъ превосходнымъ въ чтеніи Петра Ивановича Калинина, актера старой школы. Калининъ этотъ монологъ скорѣе пѣлъ, нежели читалъ, иэто выходило очень эффектно, хотя и вовсе не натурально **).

*) Н. А. Полевой, «Солдатское сердце».
**) Г. М. Максимовъ, Свѣтъ и тѣни петербургской драмат. труппы. Спб. 1878, стр. 109, сл.

Такимъ образомъ, помимо прямого вліянія французской декламаціонной школы, фальшивые пріемы игры вызывались убожествомъ репертуара. А насколько онъ былъ убогъ, ясно видно, напримѣръ, изъ факта сценическаго исполненія не только совсѣмъ не сценичныхъ «Цыганъ» Пушкина *), но даже—horribile dictu—«Черной шали»!! Въ этомъ оригинальномъ morceau вынужденъ былъ выступать величайшій изъ русскихъ артистовъ П. С. Мочаловъ. Вотъ что сообщаетъ очевидецъ объ этомъ грустно-печальномъ и позорномъ инцидентѣ изъ исторіи нашего театра:

«Когда членъ дирекціи Верстовскій изъ сочиненія Пушкина «Черная шаль» сочинилъ музыкально-драматическую кантату, и Булаховъ, какъ плохой актеръ, только пропѣлъ ее, безо всякой игры, придумали заставить пѣть ее Мочалова, который никогда ничего не пѣвалъ... Занавѣсъ поднимается. На восточномъ диванѣ сидитъ блѣдный молдованинъ, устремивъ глаза на черную шаль, брошенную на край дивана, и поетъ «Черную шаль» **).

Были, правда, въ репертуарѣ пьесы, которыя, повидимому, могли освѣжить сценическое искусство. Мы говоримъ о драмахъ Шекспира. Но духъ вѣка не допускалъ правильнаго ихъ пониманія и лишалъ ихъ тѣмъ возможнаго воздѣйствія въ этомъ направленіи. Псевдоклассическія тенденціи, не церемонясь, гнули великаго драматурга подъ свои узкія рамки. Еще Сумароковъ счелъ себя вправѣ повѣнчать съ Офеліей несчастнаго датскаго принца. Сумароковское отношеніе къ Шекспиру воцарилось надолго на нашей сценѣ, какъ со стороны драматическихъ дѣлъ мастеровъ, такъ и со стороны артистовъ.

Начать съ того, что, если и давались у насъ, то не подлинныя пьесы Шекспира, а ихъ передѣлки, сдѣланныя французомъ Дюси по всѣмъ правиламъ классической піитики. Передѣлки эти считались и трагичнѣе и сценичнѣе своихъ оригиналовъ; такъ что даже въ 1840 году, когда на московской сценѣ былъ уже поставленъ подлинный Шекспировскій «Отелло» (въ переводѣ И. И. Панаева), была возобновлена уродливая передѣлка Дюси. Въ этой передѣлкѣ венеціанскій мавръ является какимъ то средневѣковымъ героемъ, французскимъ рыцаремъ, гордымъ, хвастливымъ, какимъ то краснорѣчивымъ ораторомъ и трубадуромъ, прославляющимъ войну и воспѣвающимъ любовь.

Чтобы характеризовать передѣлку «Гамлета» Дюси, достаточно указать на одинъ выходъ Гамлета: какъ полупомѣшанный, трепеща всѣмъ тѣломъ, онъ бочкомъ выбѣгаетъ изъ-за кулисъ на сцену, держа въ рукахъ и прижимая къ сердцу черную урну, въ которой будто бы сохраняется сердце его убитаго отца ***).

Русскіе передѣлыватели не отставали въ этомъ отношеніи, и пе-

*) «Антрактъ» 1865, № 50 (Записки Соловьева).
**) Н. И. Куликовъ, Театр. воспоминанія. «Искусство» 1883, № 2.
***) Ibid. № 7.

переводчикъ «Гамлета» Н. А. Полевой откровенно характеризовалъ свое отношеніе къ Шекспиру, развязно заявивъ: «какъ хотите мнѣ кричите о Кальдеронѣ и Шекспирѣ, но если отъ ихъ нѣкоторыхъ драмъ мы дремлемъ въ театрѣ, слѣдовательно, не все же и въ нихъ безотчетно и безъ исключенія велико: и у нихъ есть пятки, не омоченныя въ Стиксъ» *).

Этому принципу слѣдовали и актеры. Вотъ что сообщаетъ И. И. Панаевъ относительно петербургскаго трагика Каратыгина, добросовѣстнаго исполнителя своихъ ролей. Шли приготовленія къ постановкѣ Панаевскаго перевода «Отелло».

«Каратыгинъ замѣтилъ, что хотя Шекспиръ, конечно, большой талантъ, но играть его пьесы безъ значительныхъ передѣлокъ невозможно, и что «Отелло» требуетъ большихъ исправленій и выкидокъ... Каратыгинъ находилъ, что фраза «Крови, Яго, крови!» коротка; для того, чтобы придать ей силу, необходимо прибавлять «жажду я»... Это «жажду я», произнесенное съ сверкающими глазами и съ угрожающимъ жестомъ, произвело взрывъ рукоплесканій» **).

Нужна была другая пора, переворотъ въ области общественнаго сознанія, чтобы пьесы Шекспира оказали свое благотворное вліяніе на нашу сцену и драматургію.

Такимъ образомъ, ни въ сценическихъ традиціяхъ, ни въ дѣятельности драматурговъ не замѣтно было задатковъ оздоровленія испорченнаго искусственностью и цѣликомъ основаннаго на условности сценическаго воспроизведенія. Оставалось общественное мнѣніе, и главнѣйшій, примѣнительно къ искусству, органъ его выраженія—литературная критика. Въ области взглядовъ на искусство вообще критика этого времени отъ ремесленно-классическихъ взглядовъ перешла къ болѣе правильному романтическому понятію вдохновенія, которое дается

не въ награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудовъ, усердія, моленій...
А озаряетъ голову безумца,
Гуляки празднаго...

Элементъ чувства былъ провозглашенъ основной стихіей поэзіи. Одаренныя наиболѣе тонкимъ чувствомъ натуры сознавали потребность новаго искусства и истощали силы въ поискахъ за нимъ.

«Единый способъ», писалъ въ 1828 году С. Т. Аксаковъ,—«обратиться къ натурѣ, истинѣ, простотѣ; изучить искусство представлять на театрѣ людей не на ходуляхъ, а въ настоящемъ ихъ видѣ» ***).

«Положеніе русскихъ актеровъ жалко», пишетъ въ 1836 году Гоголь, «передъ ними трепещетъ и кипитъ свѣжее народонаселе-

*) «Репертуаръ русскаго театра», изд. Песоцкимъ, 1840. Полевой, Истор. русск. театра.
**) И. И. Панаевъ, Литерат. воспомин. Спб. 1876, стр. 80
***) Соч. т. IV, стр. 403.

ніе, а имъ даютъ лица, которыхъ они и въ глаза не видали. Что имъ дѣлать съ этими странными героями, которые ни французы, ни нѣмцы, но какіе то взбаломошные люди *), не имѣющіе рѣшительно никакой опредѣленной страсти и рѣзкой физіономіи? гдѣ выказаться, на чемъ развиться таланту?» **).

Но пока еще всѣ такія стремленія были неясны, необоснованы и, кромѣ того, являлись они спорадически, у единичныхъ личностей.

Могущественное значеніе могла бы имѣть критика. Она могла бы взять на себя задачу сплотить всѣ эти единичныя стремленія, прояснить ихъ и указать путь къ ихъ удовлетворенію.

Но эта форма общественнаго мнѣнія по отношенію къ театру оказывалась слабо развитой и чисто случайной. Объясняется это причинами какъ внутренняго, такъ и внѣшняго характера.

Прежде всего надо имѣть въ виду, что критика театральная у насъ въ Россіи получила очень поздно оффиціальное признаніе. А ранѣе административныя запрещенія закрывали область театра отъ вмѣшательства критической оцѣнки. «Отзывъ начальника», говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ В. И. Живокини, «былъ въ то время (1826 г.) единственнымъ почти отзывомъ объ игрѣ актера; тогда о театрѣ ничего нигдѣ не писали, да и писать то о немъ было запрещено» ***).

«Тогдашніе немногіе журналы», разсказываетъ другой старый театралъ, «не имѣли права писать объ императорскихъ театрахъ и объ артистахъ, какъ служащихъ въ придворномъ вѣдомствѣ,— на что и былъ разосланъ приказъ по редакціямъ» ****).

Но, помимо этихъ внѣшнихъ, неблагопріятныхъ для развитія театральной критики условій, не болѣе благопріятными оказывались и условія внутреннія, именно—мало сознавалось значеніе такой критики и потребность въ ней. Вотъ что писалъ по поводу театральнаго отдѣла въ «Московскомъ Телеграфѣ» такой, сравнительно, передовой для своего времени человѣкъ, какъ князь Вяземскій:

«Статьи о русскомъ московскомъ театрѣ, печатанныя прежде, и кои, кажется, будутъ имѣть продолженіе въ нынѣшнемъ, замѣчательны своею обширностью. Нельзя не подивиться охотѣ и возможности говорить такъ часто и такъ много о г-жѣ Лавровой, г-жѣ Репиной и др.» *****).

Самъ Полевой чувствовалъ, что, печатая статьи о театрѣ, онъ не льститъ вкусу публики, а лишь старается создать этотъ вкусъ. «Если дѣло идетъ о модѣ, объ обращеніи вкуса къ театру», гово-

---

*) Гоголь имѣетъ въ виду героевъ раздирательной мелодрамы.

**) Соч. Изд. 10, подъ ред. Тихонравова, стр. 517.

***) «Антрактъ», 1864.

****) «Искусство» 1883, № 12.

*****) Соч. II, 126.

рить онъ, «—право, его не было и теперь еще нѣтъ; начавши писать, я не могъ увлечься примѣромъ другихъ» *).

Другою причиною слабости критики, причиною тоже внутренняго порядка, являлось отсутствіе почвы у этой критики. Явленіе это объясняется тѣмъ, что и въ западной Европѣ критика того времени была не болѣе обоснованной, чѣмъ у насъ. Провозгласивъ принципъ индивидуализма въ творчествѣ, романтики отвергли возвозможность суда надъ творчествомъ. «Романтики не понимали и не допускали критики. Роль критики должна была заключаться въ почтительномъ преклоненіи передъ поэтомъ» **). «Станьте на точку зрѣнія поэта», говоритъ одинъ изъ теоретиковъ романтизма, «подчините ваше воображеніе полету его фантазіи и тогда вы будете компетентны судить его, т. е. удивляться ему» ***).

Въ лучшемъ случаѣ, подобныя воззрѣнія должны были вести къ импрессіонизму въ критикѣ.

Всѣ эти условія, вмѣстѣ взятыя, не благопріятствовали развитію у насъ театральной критики и ея воздѣйствію на сцену.

Критика должна была оплодотвориться новымъ началомъ, чтобы стать способной вдохнуть вѣяніе новой жизни въ наше сценическое искусство. Такимъ началомъ явилась нѣмецкая идеалистическая философія.

II.

Въ послѣднее время стали не рѣдкостью случаи, когда членовъ московскаго кружка Станкевича упрекаютъ за ихъ будто бы эстетическое эпикурейство. Нареканія эти всецѣло основываются на произвольномъ приложеніи современнаго масштаба къ явленіямъ историческаго прошлаго.

Начать съ того, что увлеченіе вопросами эстетики и теоріей искусства было необходимымъ моментомъ, черезъ который должна была пройти русская мысль прежде, чѣмъ наполнить отвлеченные идеалы истины, добра и красоты положительнымъ и реальнымъ содержаніемъ; во вторыхъ, даже въ самыхъ крайностяхъ своихъ увлеченій Бѣлинскій, ушедшій въ этомъ направленіи далѣе остальныхъ членовъ кружка, никогда не смотрѣлъ на искусство по эпикурейски ****).

---

*) «Сынъ Отечества» 1839. т. VIII, № 4, стр. 110. См. Боцяновскій Полевой, какъ драматургъ. Ежегодн. Имп. театровъ, 1894—95. Прил. кн. 3.

**) Souriau, De la convention dans la trag. classique et dans le drame romantique, p. 288. Тамъ богатый подборъ примѣровъ, иллюстрирующихъ это положеніе.

***) Rémusat. «Revue française» XIV, p. 137.

****) Этого не мѣшаетъ не забывать и новѣйшимъ сторонникамъ вновь воскресающей въ наши дни теоріи «чистаго искусства».

Какъ въ сферѣ интеллектуальныхъ отношеній искали члены кружка истины, а орудіемъ ея раскрытія полагали философію, такъ въ области нравственной жизни искали они идеала и надѣялись найти его въ произведеніяхъ искусства. Впервые въ исторіи русскаго общественнаго сознанія ясно было формулировано теоретическое требованіе, чтобы художественныя эмоціи давали норму нравственнаго поведенія. Основнымъ принципомъ ихъ воззрѣній на искусство являлось положеніе, что эстетическія эмоціи, возбуждаемыя произведеніями искусства, могутъ явиться факторомъ гуманитарнаго развитія. Въ этомъ отношеніи друзья Станкевича примѣняли къ русской общественности взгляды великаго германскаго поэта на значеніе и цѣли эстетическаго воспитанія.

«Для Станкевича нѣмецкая поэзія не была только родникомъ эстетическихъ впечатлѣній; она сдѣлалась, вмѣстѣ съ тѣмъ, мѣриломъ, на которое прикидывалъ онъ всю жизнь и собственное свое нравственное достоинство. Онъ по ней выучился распознавать признаки ничтожества и смерти въ явленіяхъ, принимаемыхъ за существенное и необходимое условіе жизни; онъ по ней выучился требовать отъ себя моральнаго усовершенствованія. Теперь трудно и повѣрить, сколько обновляющихъ началъ принесла нѣмецкая поэзія молодымъ людямъ 30-хъ годовъ, когда открылось у насъ дѣятельное сближеніе съ нею. Мечты юности были здѣсь воспитателями сердца и души; любой поэтическій образъ—нравственнымъ представленіемъ, вдохновенный афоризмъ—обязательнымъ правиломъ для жизни. Пламенный стихъ Шиллера или Гете хранился какъ оружіе на борьбу съ своими и чужими эгоистическими страстями и передавался такъ другимъ. Поэма, романъ, трагедія и лирическое произведеніе служили кодексами для разумнаго устройства своего внутренняго міра» *).

Такимъ образомъ, искусству придавалось высокое значеніе, какъ средству одухотворить жизнь идеальнымъ началомъ. Отсюда ведутъ начало строгія нравственныя (а не только формально-художественныя) требованія отъ литературныхъ дѣятелей. И совершенно правильно видитъ Анненковъ въ первой статьѣ Бѣлинскаго, представляющей резюме философскихъ, нравственныхъ и эстетическихъ воззрѣній кружка,—грань, съ которой начинается въ нашей словесности разборъ и оцѣнка *направленій*.

Дѣйствительность призывалась къ суду передъ лицо требованій «міровой идеи» и во имя послѣдней осуждалась; такимъ образомъ, являлись зачатки расширенія этики индивидуальной до предѣловъ этики общественной.

Хотя въ эту пору соціальная сторона воззрѣній кружка и была слаба, синтетическая мысль не доработалась еще до выясненія коренныхъ причинъ окружающей пошлости и «мелочей жизни», но это не значитъ, чтобы они могли не замѣчать самаго факта существованія этой мелочности и пошлости; и вотъ, въ противоположность тяжелой общественной атмосферѣ безцвѣтнаго, «призрачнаго»

*) Анненковъ, Н. В. Станкевичъ, стр. 25.

существованія, въ головахъ молодыхъ романтиковъ складывается абстракція міра «истиннаго». А проникнувшись этимъ, легко уже было перейти и къ тому, чтобы во имя этого «истиннаго», идеальнаго міра, отрицать впослѣдствіи и нестроенія тогдашняго русскаго «призрачнаго» міра.

Большого труда стоило русской мысли и русскому искусству выйти на надлежащую дорогу. И съ тѣмъ большею признательностью должны вспоминать они этихъ піонеровъ нашего новѣйшаго просвѣщенія. А особенно нелишне обращаться воспоминаніемъ къ свѣтлымъ образамъ ихъ въ наши дни оскудѣнія вѣры въ лучшія начала нашей жизни, потому что эти первые русскіе идеалисты-романтики и до сихъ поръ служатъ незамѣнимыми образцами вѣры въ идеалъ и пламеннаго энтузіазма въ юношескомъ сочувствіи гуманнымъ принципамъ искусства. Въ этомъ отношеніи намъ остается только принять прекрасный отзывъ о нихъ Тургенева: «Энтузіазмъ— самое драгоцѣнное качество въ наше время. Мы всѣ стали невыносимо разсудительны, равнодушны и вялы; мы заснули, мы застыли, и спасибо тому, кто хоть на мигъ насъ расшевелитъ и согрѣетъ» («Рудинъ»).

При такомъ отношеніи кружка къ вопросамъ искусства, естественно, важное значеніе въ глазахъ друзей Станкевича долженъ былъ получить *театръ*, какъ храмъ искусства, соединявшій въ себѣ всѣ обольщенія изящнаго. Страстные поклонники Шиллера, члены кружка не могли не подчиниться вліянію его взглядовъ на высокое воспитательное значеніе именно театра. Театръ, о которомъ Шиллеръ говорилъ, что

. . . . . въ счастливыхъ
Своихъ стѣнахъ онъ цѣлый міръ вмѣстилъ,

служилъ для друзей изученіемъ самой жизни: имъ казалось, что сцена исчерпываетъ ее изображеніемъ человѣческихъ страстей и моральныхъ столкновеній.

Кромѣ того, въ самыхъ условіяхъ нашей русской общественной жизни того времени коренилась причина, которая должна была выдвинуть значеніе театра.

«Бываютъ времена, когда не только отдѣльныя лица, но и все общество окружаютъ особою любовью театръ. Чѣмъ меньше удовлетворяетъ дѣйствительность, тѣмъ сильнѣе развивается потребность жить въ другомъ мірѣ, гдѣ еще есть цѣльные характеры, настоящія страсти, увлеченіе идеей или гдѣ пестрые узоры фантазіи даютъ хоть ненадолго забыться въ ея чародѣйскихъ вымыслахъ» *).

Такъ именно было у насъ въ началѣ 30-хъ годовъ. Станкевичъ чувствомъ угадывалъ эту сторону вліянія театра на него.

«Театръ становится для меня атмосферою», писалъ Станкевичъ 21 мая 1833 г.,—«прекрасное моей жизни не отъ міра сего; излить

*) А. Н. Веселовскій, Этюды и характеристики, стр. 633.

свои чувства некому: тамъ, въ храмѣ искусства, какъ то вольнѣе душѣ» *). Появившаяся около этого времени въ рукахъ друзей книжка о театрѣ Гофмана (о которой рѣчь будетъ ниже), удивительно вѣрно напала на этотъ живой для насъ нервъ и окончательно уяснила эту сторону значенія театра.

«Почему», спрашиваетъ Гофманъ, «драматическія произведенія даютъ намъ столько наслажденія и производятъ такое сильное впечатлѣніе? Потому что они даютъ намъ возможность забывать хоть на время нашу будничную жизнь и обыденное отношеніе, дѣлая насъ невольными участниками жизни и приключеній вымышленныхъ поэтомъ лицъ» **).

Менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ знакомства кружка съ этой книжкой Гофмана, Бѣлинскій въ своей первой статьѣ повторилъ эти его слова о театрѣ:

«Вы здѣсь живете не своею жизнію, страдаете не своими скорбями, радуетесь не своимъ блаженствомъ, трепещете не за свою опасность: здѣсь ваше холодное я исчезаетъ въ пламенномъ эфирѣ любви. Если васъ мучитъ тягостная мысль о трудномъ подвигѣ вашей жизни и слабости вашихъ силъ, вы здѣсь забудете ее; если душа ваша алкала когда нибудь любви и упоенія, если въ вашемъ воображеніи мелькалъ когда нибудь, подобно легкому видѣнію ночи, какой то плѣнительный образъ, давно вами забытый, какъ мечта несбыточная—здѣсь эта жажда вспыхнетъ въ васъ съ новою, неукротимою силою, здѣсь этотъ образъ снова явится вамъ, и вы увидите его очи, устремленныя на васъ съ тоскою и любовію, упьетесь его обаятельнымъ дыханіемъ, содрогнетесь отъ огненнаго прикосновенія его руки» ***).

Людямъ, мыслью жившимъ въ царствѣ идеала, задавленная бюрократизмомъ и рабствомъ русская дѣйствительность мало могла дать пищи. Подъемъ духа, сообщающійся зрителю—вотъ что привлекало друзей въ театръ.

Люди пошлѣли въ пошлой атмосферѣ тяжелой эпохи—въ театрѣ раздавался призывъ къ жизни интеллектуальной, духовной, истинно человѣческой и общечеловѣческой. Къ общечеловѣческому направлялись въ театрѣ люди, дѣйствовавшіе въ жизни вразбродъ, въ одиночку, не желая знать ни о чемъ, кромѣ самихъ себя.

Примѣнительно къ театру опять сказывается усвоенная кружкомъ точка зрѣнія на искусство, какъ факторъ не только индивидуально-нравственнаго воспитанія, но и общественнаго просвѣщенія. Въ тѣ тяжелыя времена, когда люди не могли иначе дѣйствовать, какъ вразбродъ,—единственнымъ объединяющимъ центромъ могло быть искусство. Оно могло взять на себя роль установителя національнаго согласія, воспитателя въ разрозненныхъ элементахъ общества нѣкотораго сознанія своей солидарности. Еще Надеждинъ

*) Анненковъ, стр. 27.

**) «Необыч. мученія одного театр. директора», переводъ М. В. Карнѣева, подъ ред. артиста имп. театровъ М. И. Писарева. Спб. 1892, стр. 77.

***) Бѣлинскій, соч., т. I стр. 98—99

догадывался о возможности подобнаго значенія искусства для нашего общества. «Если можетъ быть», писалъ онъ въ 1836 году, «какое нибудь общеніе, какой нибудь дружный, братскій союзъ между сословіями—такъ это въ литературѣ и черезъ литературу *). Относительно театра эту идею полнѣе всего выразилъ Гоголь. «Театръ ничуть не бездѣлица», писалъ онъ, «и вовсе не пустая вещь, если примешь въ соображеніе, что въ немъ можетъ помѣститься вдругъ толпа изъ пяти-шести тысячъ человѣкъ и что вся эта толпа, ни въ чемъ несходная между собою, разбирая ее по единицамъ, можетъ вдругъ потрястись однимъ потрясеніемъ, зарыдать одними слезами и засмѣяться однимъ всеобщимъ смѣхомъ» **).

Эту именно идею и проводилъ во всѣхъ статьяхъ о театрѣ Бѣлинскій:

«Въ душѣ человѣческой», писалъ онъ, «есть то особенное свойство, что она какъ будто падаетъ подъ бременемъ сладостныхъ ощущеній изящнаго, если не раздѣляетъ ихъ съ другою душой. А гдѣ же этотъ раздѣлъ является такъ торжественнымъ, такъ умилительнымъ, какъ не въ театрѣ, гдѣ тысячи глазъ устремлены на одинъ предметъ, тысячи сердецъ бьются однимъ чувствомъ, тысячи грудей задыхаются отъ одного упоенія, гдѣ тысячи «я» сливаются въ одно общее цѣлое «я» въ гармоническомъ сознаніи безпредѣльнаго блаженства» ***).

Такимъ образомъ, идея соціальнаго значенія искусства, идея, сознанная вполнѣ, можно сказать, лишь въ наши дни, ясно была формулирована Бѣлинскимъ.

«Всякое искусство», говоритъ новѣйшій философъ искусства, «есть средство соціальнаго согласія и, можетъ быть, даже болѣе глубокое средство, чѣмъ всѣ другія. Одинаковымъ образомъ думать есть, безъ сомнѣнія, уже много; но этого еще недостаточно для того, чтобы заставить насъ одинаково желать; великая тайна—заставить всѣхъ насъ одинаковымъ образомъ чувствовать, и это то чудо совершается искусствомъ» ****).

И не только сознавалась Бѣлинскимъ потребность въ существованіи народнаго театра, но ясно и безъ колебаній разрѣшался, и до сихъ поръ, къ стыду нашего общества, возбуждающій все еще споры, вопросъ о томъ, каковъ долженъ быть репертуаръ этого театра для народа. Безусловно отрицалась необходимость какихъ нибудь особыхъ, спеціально-народныхъ пьесъ, приспособленныхъ къ невысокому, будто бы, уровню эстетическаго воспріятія этой публики.

«Приведите, пишетъ Бѣлинскій, на представленіе Шекспировой или Шиллеровой драмы зрителя безъ всякихъ познаній, безъ всякаго образованія, но съ природнымъ умомъ и способностью принимать впечатлѣнія изящнаго: онъ, не зная исторіи, хорошо пойметъ въ чемъ дѣло; не понявши историческихъ лицъ, прекрасно пойметъ человѣческія лица» ****).

---

*) «Телескопъ» т. XXXI, стр. 216.
**) Соч. Гоголя, изд. 10-е, т. IV, стр. 60.
***) Бѣлинскій I, 518.
****) Гюйо, «Иск. съ точки зрѣнія соціологіи».
*****) Бѣлинскій I, 71.

Истолковательницею искусства кружокъ признавалъ философію. Непосредственное поэтическое наслажденіе всегда сливалось съ философскими умозаключеніями. Философія должна была вскрыть и истолковать тѣ непосредственныя художественныя интуиціи, которыя лежали въ основѣ поэтическихъ произведеній. Такъ было и относительно театра. Произведенія драматическаго генія побуждали мысль увлекаться въ область теоретическихъ вопросовъ касательно сценическаго искусства и психологіи творчества.

«Я намѣренъ писать для Надеждина исторію театральнаго искусства», сообщаетъ о себѣ въ одномъ письмѣ Станкевичъ *). И въ другомъ письмѣ: «до сихъ поръ я перечитываю Шлегеля 1-й томъ «Драматургіи», 17-й Бартелеми, гдѣ онъ говоритъ о греческомъ театрѣ, читалъ латинское предисловіе къ Софоклу... скоро стану писать о греческомъ театрѣ, потомъ и о новыхъ скажу кое-что» **). А. И. Герценъ тоже въ 1829 году принимается за философскую статью «о Шиллеровскомъ Валленштейнѣ» ***).

Всѣ эти разрозненныя попытки найти почву для сужденій о театрѣ завершились, когда друзья напали на книжку объ этомъ предметѣ извѣстнаго Гофмана. Книжка эта явилась для нихъ настоящимъ откровеніемъ и сдѣлалась эстетическимъ евангеліемъ кружка. Письмо Станкевича живо передаетъ то настроеніе, какимъ былъ охваченъ онъ послѣ прочтенія этой книги:

«Я прочелъ «Seltsame Leiden eines Theater-Directors» Гофмана. Чудная книга! Она должна быть настольной книгой у театральныхъ директоровъ. Какъ радъ былъ я встрѣтить здѣсь все, что душа моя издавна таила! Вотъ человѣкъ, который понималъ театральное искусство въ высочайшей степени! Съ такими понятіями директоръ можетъ возвысить сцену до художественнаго произведенія» ****).

Успѣхъ книжки Гофмана Анненковъ объясняетъ его пламеннымъ энтузіазмомъ къ вопросамъ искусства, что не могло не найти себѣ отклика въ друзьяхъ Станкевича. Правда, этимъ объясняется успѣхъ Гофмана въ то время у насъ вообще, но относительно его сценическихъ положеній надо сказать, что затронутые имъ вопросы были больнымъ и назрѣвшимъ мѣстомъ нашей сцены, и мѣры, предлагаемыя имъ, были самымъ вѣрнымъ средствомъ къ ихъ исцѣленію. Мы упоминали выше объ удивительно пришедшемся въ ту пору намъ ко двору взглядѣ Гофмана на значеніе театра для общественной жизни. «Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!» воскликнулъ Гоголь

*) 15 дек. 1833.—Анненковъ, 70.

**) Анненковъ, 81.

***) Е. Некрасова, юношескіе литер. труды А. И. Герцена «Сѣв. Вѣстникъ» 1895, № 9. Можетъ быть, кстати будетъ вспомнить здѣсь, что Тургеневъ заставляетъ своего Рудина писать статью «о трагическомъ въ жизни и въ искусствѣ».

****) Анненковъ, 71; письмо отъ 15 дек. 1833 г.

въ итогѣ своихъ наблюденій надъ русскою жизнью, и ему вторили и Станкевичъ, и Бѣлинскій. Страннымъ образомъ въ этомъ пунктѣ сошлись въ признаніи грустной дѣйствительности взгляды германскаго мечтателя и кружка русскихъ идеалистовъ: театръ—единственное мѣсто, гдѣ можно хоть немного забыться, отдохнуть душой.

Это въ теоріи, а на практикѣ вотъ что: «къ числу новѣйшихъ открытій слѣдуетъ причислить и современную манеру актеровъ раздѣлять *цѣлое* сценическаго искусства и проводить въ своей игрѣ одну какую-нибудь часть его... Это странное раздѣленіе, эта нелѣпая, безсмысленная манера относиться къ искусству укореняются все болѣе и болѣе и дѣлаются рѣшительно невыносимыми... Какой-нибудь удачной сцены, даже болѣе или менѣе эффектной фразы, слова, совершенно достаточно, чтобы вызвать громъ рукоплесканій»... «Я положительно утверждаю, что только благодаря современнымъ писателямъ и ихъ безсмысленнымъ ролямъ, написаннымъ вдобавокъ напыщеннымъ, высокопарнымъ языкомъ, изученіе шекспировскихъ ролей дѣлается для нашихъ актеровъ труднымъ и почти невозможнымъ... Нынче вѣдь развелось много писателей, которые не только свои произведенія пишутъ напыщенно-риторическимъ языкомъ, но даже и въ роляхъ, написанныхъ великими поэтами, требуютъ отъ актера напыщенности и декламаціи. Эти господа увлекаютъ за собою и толпу, все болѣе и болѣе отвыкающую отъ хорошихъ, серьезныхъ пьесъ и актеровъ. Развѣ не ясно, что театра, въ строгомъ серьезномъ смыслѣ этого слова, въ настоящее время не существуетъ». *)

Развѣ все это не родныя картинки для Станкевича или Бѣлинскаго?

И тѣмъ болѣе были драгоцѣнны для нихъ указанія Гофмана, что изъ нихъ же они почерпнули основанія правильной теоріи драматическаго исполненія. Какъ истинный романтикъ, Гофманъ съ самаго начала объявляетъ, что, какъ всякій истинный художникъ, актеръ непремѣнно и прежде всего долженъ быть поэтомъ въ душѣ. А поэтомъ нужно родиться.

«Для того, чтобы быть истиннымъ актеромъ, нужно имъ родиться. Актеръ носитъ въ груди своей съ самаго дня рожденія священную искру, которая при удобномъ случаѣ вспыхиваетъ и горитъ яркимъ пламенемъ. Ученье—дѣло второстепенное; оно можетъ развивать талантъ, но никогда не создать его: все дѣло во внутренней силѣ и воспріимчивости» **).

Итакъ, требованіе внутренняго чувства, какъ норма сужденій о творцѣ художественныхъ образовъ—вотъ первое положеніе Гофмана. Второе заключается въ требованіи отъ актера полнаго перевоплощенія въ изображаемое лицо. Актеръ долженъ быть вѣренъ изображаемому характеру.

*) «Необычайныя страданія», стр. 80, 39, 90.
**) Ibid., стр. 87.

«Ни въ одномъ искусствѣ отъ художника не зависитъ такъ много, какъ въ сценическомъ. Изученіе театральнаго искусства обусловливается способностью передавать характеръ и особенности другихъ личностей. Внесеніе своего «я» въ изображаемое лицо есть самая глубокая ошибка со стороны актера. Истинный артистъ силою таланта и художественнаго такта съумѣетъ лицо, созданное авторомъ, воплотить и уяснить для зрителя, придавъ этому лицу соотвѣтствующія движенія, походку, манеру говорить, мимику и проч.... Истинному артисту должна быть присуща та небесная искра, обладая которой, онъ всѣ наружныя проявленія подчиняетъ своей волѣ. Разговоръ, движенія, мимика во время исполненія какой бы то ни было роли принадлежатъ не индивидуальной личности актера, а изображаемому имъ лицу; лицо это должно выдвинуться настолько ясно и рельефно, что собственное «я» актера въ свою очередь невольно должно блѣднѣть и стушевываться. Полнѣйшее отреченіе или даже, вѣрнѣе сказать, забвеніе своего «я» составляетъ первое и главнѣйшее условіе сценическаго искусства» *).

Здѣсь уже Гофманъ дѣлаетъ шагъ впередъ сравнительно съ теоретиками романтизма, ревниво оберегавшими безусловную свободу творчества и считавшими посягательствомъ на эту свободу всякія попытки установить извѣстныя требованія отъ художника. Разъ возможно предъявлять извѣстныя требованія къ нему, значитъ возможна и теорія сценической игры, возможна и не импрессіонистская уже, а философски-обоснованная критика. И не только возможна, но и въ высокой степени полезна. Отъ нея зависитъ обновленіе театра.

«Прошло то время», пишетъ Гофманъ, «когда писать о театрѣ считалось дѣломъ серьезнымъ, святымъ... Современные критики такъ легко и поверхностно смотрятъ на свое дѣло; правила, которыми они руководствуются, такъ шатки, знаніе и любовь ихъ къ искусству такъ ничтожны, что, право, нужно быть уже самому слишкомъ ничтожнымъ и трусливымъ человѣкомъ, чтобы бояться ихъ рецензій и заискивать ихъ расположенія... Только энергическая оппозиція способна дать благотворный толчокъ и вывести публику изъ этой страшной летаргіи» **).

Такимъ образомъ, во взглядахъ Гофмана русскій идеализмъ 30-хъ годовъ нашелъ не просто только откликъ на свое смутное сознаніе потребности обновленія сцены, но готовую новую теорію сценическаго искусства. Оставалось претворить, ассимилировать ея сущность и наполнить ее русскимъ содержаніемъ. Эту задачу взялъ на себя Бѣлинскій.

Подъ вліяніемъ Гофмана сложился у Бѣлинскаго его идеалъ артиста.

---

*) Ibid., стр. 46—47.
**) Ibid., стр. 118—119.

«Сила и сущность сценическаго генія совершенно тождественна съ геніемъ прочихъ искусствъ» *). Въ какомъ же отношеніи? Въ томъ, что сценическое искусство есть *творчество*, и притомъ творчество *свободное*.

«Какъ всякій художникъ, актеръ творитъ по вдохновенію»... «Въ чемъ же заключается творчество актера, котораго талантъ и сила состоятъ въ умѣньи вѣрно осуществить уже созданный поэтомъ характеръ?—Въ словѣ *осуществить* заключается творчество актера»... «Взявши на себя роль, онъ уже—не онъ, онъ уже живетъ не своею жизнію, но жизнію представляемаго имъ лица; онъ страдаетъ его горестями, радуется его радостями, любитъ его любовію»... «Мы сказали, что актеръ есть художникъ, слѣдовательно, творитъ свободно; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ и зависитъ отъ драматическаго поэта. Эта свобода и зависимость, связанныя между собою неразрывно, не только естественны, но и необходимы: только черезъ это соединеніе двухъ крайностей актеръ можетъ быть великъ» **).

Въ такомъ видѣ сложились, подъ вліяніемъ Гофмана, въ представленіи нашего великаго критика тѣ теоретическія требованія, которыя критикъ вправѣ предъявлять артисту.

Посмотримъ теперь, какъ примѣнялъ указанные принципы Бѣлинскій въ своихъ сужденіяхъ о корифеяхъ тогдашней московской сцены. Но предварительно мы должны отмѣтить одну особенность его критики, особенность, которую онъ самъ сознавалъ и намѣренно, и вполнѣ удачно, старался придать своимъ театральнымъ рецензіямъ.

«Не подробный и обстоятельный отчетъ должны мы написать, не мнѣніе наше должны мы представить на судъ читателей, которые могутъ и не принять его; мы должны заставить ихъ повѣрить намъ безусловно, а для этого намъ должно возбудить въ душахъ ихъ всѣ тѣ потрясенія, вмѣстѣ и мучительныя и сладостныя, неуловимыя и дѣйствительныя, которыми восторгалъ и мучилъ насъ по своей волѣ великій артистъ... Рецензенту надо сдѣлаться поэтомъ и поэтомъ великимъ» ***).

И Бѣлинскій, говоря безъ преувеличенія, былъ этимъ поэтомъ. Благодаря этому, театральныя рецензіи его являются самымъ драгоцѣннымъ для насъ источникомъ по исторіи тогдашней московской сцены: увлекая за собою воображеніе читателя, онѣ заставляютъ и его переживать чувство, какое испытывалъ великій критикъ подъ впечатлѣніемъ игры великихъ артистовъ, а этимъ какъ бы отчасти воскрешаютъ передъ нами эту игру...

«Очень часто одинъ *тонъ* критической статьи», говоритъ одинъ изъ преемниковъ Бѣлинскаго ***), «бываетъ важнѣе всего ея содержанія—тоже самое мы видимъ во многихъ статьяхъ Бѣлинскаго о театрѣ. Предъ поэзіею ихъ тона и подробностей меркнетъ многое, не взирая на то, что предметы разборовъ иногда очень важны и

*) Бѣлинскій, соч. II, 530.
**) Соч., II,, стр. 532, 528, 530, 532
***) Ibid., стр. 525—26.
****) А. В. Дружининъ, соч. т. VII, Спб. 1865, стр. 629.

касаются самой сущности дѣла русскаго театра. Но ни оцѣнка мочаловскаго Гамлета, ни мастерской разборъ значенія Каратыгина, какъ трагика, не въ состояніи вполнѣ завладѣть нашимъ сочувствіемъ. Оно уже отдано самому Бѣлинскому»...

«По здравости и новизнѣ высказанныхъ идей театральные разборы Бѣлинскаго—совершенство своего рода, и во всякомъ другомъ обществѣ могли бы совершить цѣлый драматическій переворотъ, подобный перевороту, совершенному «Драматургіею» Лессинга.

«Въ этихъ краткихъ рецензіяхъ указаны были всѣ язвы и пороки русской сцены,—ея рутинность, ея зависимость отъ прихоти массъ, ея подражательность, ея стремленіе къ аффектаціи и противоестественности. И обличеніе въ этомъ дѣлѣ не было обличеніемъ безплоднымъ: рядомъ съ безнадежными сторонами русскаго театра, Бѣлинскій указывалъ на средства его обновленія, привѣтствовалъ постановку Шекспировскихъ драмъ, разъяснялъ талантъ Мочалова, требовалъ отъ артистовъ любви къ дѣлу, высказывалъ великое значеніе простоты въ искусствѣ, такъ имъ чтимой» *).

III.

Дѣлу сравнительнаго сопоставленія смѣняющихъ другъ друга взглядовъ на театральное искусство много помогало то обстоятельство, что русская сцена того времени одновременно располагала двумя крупными представителями старой и новой школы. Сторонники той или другой теоріи дѣлались поклонниками котораго либо изъ этихъ двухъ талантовъ. Мы говоримъ о Молчаловѣ и Каратыгинѣ. Живымъ воплощеніемъ романтическаго взгляда на искусство былъ П. С. Мочаловъ, представителемъ стараго классическаго направленія В. А. Каратыгинъ.

Мочаловъ представлялъ типъ артиста, какъ разъ подходившій къ романтической концепціи искусства, съ требованіемъ природнаго таланта при безусловной свободѣ художника и—какъ реакція классицизму,—съ пренебреженіемъ къ работѣ надъ дарованіемъ. Въ результатѣ являлось могучее, захватывающее зрителей исполненіе, но нерѣдко невѣрное относительно воспроизводимыхъ характеровъ. Превосходную характеристику этой стороны генія московскаго трагика даетъ прекрасная, къ сожалѣнію, совсѣмъ забытая теперь статья Ап. Григорьева «Великій трагикъ. Разсказъ изъ книги «Одиссея о послѣднемъ романтикѣ» **). Статья, написанная въ формѣ легкой causerie двухъ собесѣдниковъ, навѣяна игрою Томазо Сальвини, но обращена болѣе къ памяти Мочалова.

«Трагикъ, какъ Мочаловъ, есть именно какое то вѣяніе, какое то бурное дыханіе. Онъ былъ цѣлая эпоха и стоялъ неизмѣримо

*) Ibid., стр. 627.
**) «Русское Слово» 1859 № 1.

выше всѣхъ драматурговъ, которые для него писали роли. Онъ умѣлъ создавать высоко-поэтическія лица изъ самаго жалкаго хлама: что ему ни давали, онъ—разумѣется, если былъ въ духѣ—на все налагалъ свою печать, печать внутренняго, душевнаго трагизма, печать романтическаго, обаятельнаго и всегда—зловѣщаго. Онъ не умѣлъ играть рыцарей доброты и великодушія... Пошлый Мейнау Коцебу выросталъ у него въ лицо, полное почти Байроновой меланхоліи...

«Мочаловъ, играя всегда одно вѣяніе своей эпохи, бралъ одну струю и между тѣмъ игралъ не страсти человѣческія, а лица, съ полною ихъ личною жизнію. Какъ великій инстинктивный художникъ, онъ создавалъ портреты въ своей манерѣ, въ своемъ колоритѣ—и, переходя въ жизнь представляемаго лица, игралъ всетаки собственную душу—т. е. опять таки романтическое вѣяніе эпохи. Коли хотите, можно было критиковать каждое его созданіе—какъ объективное, даже самое лучшее, даже Гамлета. Вѣдь Гамлетъ, котораго онъ намъ давалъ, радикально расходился, хоть бы, напримѣръ, съ Гетевскимъ представленіемъ о Гамлетѣ. Уныло зловѣщее, что есть въ Гамлетѣ, явно пересиливало всѣ другія стороны характера, въ иныхъ порывахъ вредило даже идеѣ о безсиліи воли, которую мы привыкли соединять съ образомъ Гамлета»...

Проникновеніе въ смыслъ роли было для Мочалова результатомъ одного вдохновенія, не соединеннаго съ трудомъ.

«Мочаловъ въ искусствѣ былъ больше поэтомъ, нежели художникомъ. Говоря въ строгомъ смыслѣ, онъ почти ни одной роли не сыгралъ съ должною полнотою и законченностью; но за то въ продолженіе каждой роли у него были минуты, въ которыя его могучее слово потрясало зрителя, какъ гальваническимъ ударомъ и жгло его огнемъ молніи... Къ сожалѣнію, онъ не былъ господиномъ этихъ минутъ: онѣ приходили и уходили безъ его вѣдома, какъ наитіе свыше, какъ вдохновеніе поэта. Онъ никогда не зналъ и не предчувствовалъ приближенія этихъ великихъ моментовъ его сценической жизни, какъ не знаетъ и не предчувствуетъ огнедышащая гора, когда тайная сила природы заставитъ вылетать изъ ея нѣдръ страшное пламя и разольетъ рѣки огненный лавы» *).

Для театраловъ того времени говорить о Мочаловѣ—значило неизбѣжно сравнивать его игру съ игрой петербургскаго трагика Каратыгина.

В. А. Каратыгинъ, по сравненію съ Мочаловымъ, былъ трагикъ старой школы, обязанный болѣе работѣ, нежели таланту, и усвоившій многія особенности классической условной игры. Репертуаръ, на которомъ онъ воспитался—«Дмитрій Донской», «Эдипъ», «Фингалъ», «Поликсена» Озерова, «Эдипъ царь» Грузинцева и др.—

*) С. П. Соловьевъ, Отрывки изъ памятной книжки отставного режиссера. «Антрактъ» 1865 № 50.

положилъ неизгладимый отпечатокъ на сценическую физіономію этого артиста. На этотъ счетъ довольно наивно, но очень мѣтко обмолвился одинъ изъ его почитателей: «Каратыгинъ во всѣхъ лучшихъ послѣднихъ роляхъ своихъ, начиная отъ ролей Ляпунова и Пожарскаго до ролей студента Карла Моора, игрока Адольфа Жермани и даже деньщика, безсознательно былъ то Агамемнономъ, то Орестомъ, то Арзасомъ или Сеидомъ» *).

Талантъ, во многомъ уступавшій генію Мочалова, но все же крупный, былъ задавленъ тяготѣвшими надъ нашей сценой традиціями. Но въ глазахъ тогдашней публики эта именно «обдѣлка» и возвышала превыше мѣры Каратыгинское исполненіе. «Кто никогда не слыхивалъ г. Каратыгина», замѣчаетъ Аксаковъ, «тому чтеніе его до того покажется страннымъ, что можно изъ театра уйти; но кто выдержитъ первыя минуты, тотъ не уйдетъ уже и цѣлые часы. Живо чувствую теперь, какъ долженъ былъ не понравиться петербургской публикѣ нашъ москвичъ Мочаловъ, который въ трагедіяхъ, въ стихахъ, не только не поетъ, не декламируетъ, но даже не читаетъ, а говоритъ» **).

Этой смутѣ въ умахъ относительно сравнительнаго значенія обоихъ артистовъ много содѣйствовалъ и самъ Мочаловъ. Москва устраивала смотръ двумъ первымъ русскимъ трагикамъ, и этотъ турниръ сценическихъ знаменитостей окончился не въ пользу Мочалова. Вотъ разсказъ очевидца объ этомъ любопытномъ фактѣ:

«Пріѣхалъ въ Москву въ первый разъ Каратыгинъ... Московское общество, особенно высшее, было отъ Каратыгина въ восторгѣ, и нашъ Мочаловъ былъ отодвинутъ совершенно на задній планъ. Никто какъ будто не хотѣлъ даже и сравнивать двухъ актеровъ между собою. Намъ было это досадно, ибо талантъ Мочалова, этотъ священный огонь, которымъ Богъ наградилъ его, мы цѣнили выше всего и думали, что часто никакое искусство не можетъ замѣнить его. Назначена была въ репертуарѣ Каратыгина «Марія Стюартъ» Шиллера. Мы обрадовались безъ памяти этому назначенію, потому что роль Мортимера, страстнаго поклонника Маріи, нѣжнаго, чувствительнаго, пламеннаго, порывистаго юноши, была написана какъ будто нарочно для Мочалова... Съ нетерпѣніемъ ожидали мы назначенія спектакля. Какія старанія прилагали мы, чтобъ приготовить, наэлектризовать Мочалова, толкуя и объясняя ему роль, возбуждая его самолюбіе, стараясь доказать, какое вліяніе можетъ имѣть на всю его службу игра его въ этой пьесѣ вмѣстѣ съ Каратыгинымъ... Всѣ, говорили мы, должны увидать въ этой роли его достоинства и, отдавая должное Каратыгину, поклониться ему. Щепкинъ въ послѣдніе дни, кажется, и не оставлялъ его,

*) Жихаревъ, Воспоминанія стараго театрала. Отеч. Записки 1854, № 10, стр. 15.

**) С. Т. Аксаковъ, Соч. т. IV, стр. 441.

ходя за нимъ, какъ нянька. Поднимается занавѣсъ. Каратыгинъ (Лейчестеръ) хорошъ, какъ всегда, и величавая личность Лейчестера передается имъ съ полнымъ успѣхомъ. Онъ холоденъ, благороденъ, высокомѣренъ... Но вотъ долженъ выйти Мортимеръ... Онъ выходитъ и начинаетъ... Господи, Боже мой, что мы услышали, что мы увидѣли! Какого то автомата и чревовѣщателя: отвратительные звуки, отвратительныя движенія, замогильныя завыванія! Дальше и дальше—хуже и хуже. Никогда не былъ Мочаловъ, кажется, такъ дуренъ и отвратителенъ» *).

За то окончательно невыгоднымъ оказывалось въ большинствѣ случаевъ для петербургскаго трагика исполненіе однихъ ролей съ Мочаловымъ. Для людей, незараженныхъ предразсудками традиціи, ясно было превосходство таланта Мочалова. Особенно рельефно выступала разница въ исполненіи роли Гамлета. Въ пониманіи личности датскаго принца Каратыгинъ оказывался прямымъ наслѣдникомъ проницательности Розенкранца и Гильденштерна. Бѣлинскій, изъ уваженія къ добросовѣстному труду артиста, замалчиваетъ этотъ грустный эпизодъ **), но другой современникъ оставилъ описаніе Каратыгинской игры въ этой роли:

«Въ роли Гамлета Каратыгинъ былъ весьма неудовлетворителенъ. Онъ смотрѣлъ на Гамлета, какъ на принца, у котораго похитили посредствомъ убійства его отца законно принадлежащій ему престолъ, и боязнь, чтобъ съ нимъ не поступили такъ же, какъ съ его отцомъ, Каратыгинъ считалъ основаніемъ роли Гамлета и всѣхъ его поступковъ. По этому узкому и странному взгляду на роль Гамлета можно уже судить, какова была игра Каратыгина въ этой роли, въ которой онъ прибѣгалъ еще, кромѣ того, къ страшнымъ эффектамъ» ***).

Здравый смыслъ, очевидно, смѣялся надъ испорченнымъ искусственностью талантомъ, какъ герой трагедіи насмѣхался надъ узостью круга понятій своихъ придворныхъ.

И вотъ ведутся безконечные споры за Мочалова противъ Каратыгина, а въ отвѣтъ имъ раздаются страстныя апологіи защитниковъ петербургскаго артиста. Эти споры были школой для нашей молодой театрально-критической мысли. Приводимъ любопытный образчикъ такихъ дебатовъ, записанный современникомъ. Споръ ведутъ извѣстный П. В. Нащокинъ, другъ Пушкина, и М. С. Щепкинъ:

«Послѣ обѣда у Павла Воиновича Нащокина рѣчь зашла объ игрѣ Каратыгина и непремѣнно въ сравненіи съ Мочаловымъ, сперва тихо, спокойно... а далѣе начался оживленный, даже задор-

*) М. Погодинъ, Два слова о Мочаловѣ. «Антрактъ» 1868 № 25. Ср. Куликовъ, статья въ «Искусствѣ» 1883 № 8.

**) Замѣтка «Каратыгинъ на моск. сценѣ въ роли Гамлета» (II, 587)

***) Z. Замѣтки о московск. театрѣ сороковыхъ годовъ. „Антрактъ“ 1865 № 98. Ср. А. Вольфъ, петерб. Хроника театровъ. Спб. 1877, стр. 60.

ный споръ. Разгорячившійся Щепкинъ, продолжая ораторствовать, вскакивалъ съ мѣста, бѣгалъ по кабинету, наконецъ, торжественно, какъ неопровержимую истину, сказалъ:

— У Мочалова—теплота, жаръ, искра, искра Божія! Понимаете, искра Божія.

Нащокинъ, полушутя, замѣтилъ:

— На счетъ искры—не спорю, согласенъ... Но согласитесь и вы, почтенный Михаилъ Семеновичъ, вѣдь бывало и то, что когда у Мочалова искра эта или потухаетъ, или скрывается подъ пепломъ, тогда онъ играетъ пренесносно ту самую роль, въ которой прежде былъ прекрасенъ! А Василій Андреевичъ всегда одинаковъ: какъ изучилъ роль, какъ исполнилъ ее въ первое представленіе, такъ не отступаетъ ни на шагъ отъ выработаннаго типа.

— Вотъ и выходитъ, что вашъ Каратыгинъ—мундирный С.-Петербургъ: затянутый, застегнутый на всѣ пуговицы и выступающій на сцену, какъ на парадъ, непремѣнно съ лѣвой ноги: лѣвой, правой, лѣвой, правой... а ни за что не посмѣетъ шагнуть правой, лѣвой!» *)

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этихъ споровъ pro и contra того или другого трагика, написаны и статьи о нихъ Бѣлинскаго. Понятно, такимъ сторонникамъ новаго искусства, каковы были члены кружка Станкевича, не могъ нравиться Каратыгинъ съ его эффектами.

«У насъ два трагическихъ актера», писалъ Бѣлинскій,—«г. Мочаловъ и г. Каратыгинъ; хочу провести между ними параллель..: Какое невѣжество! Каратыгинъ—и Мочаловъ—fi donc! Можно ли помнить о Мочаловѣ, говоря о Каратыгинѣ?..» Не знаю, будутъ ли мнѣ сказаны подобныя слова; но я уже какъ будто слышу ихъ...

«Теперь всѣмъ извѣстно, что Каратыгинъ равно успѣваетъ во всѣхъ роляхъ, т. е. что ему равно рукоплещутъ во всевозможныхъ роляхъ: въ роли Карла Моора и Димитрія Донского, Фердинанда и Ермака, Эссекса и Ляпунова. По моему мнѣнію, въ декламаторскихъ роляхъ онъ бываетъ еще лучше, и думаю, что онъ былъ бы превосходенъ въ роли Димитрія Самозванца трагедіи Сумарокова и во всѣхъ главныхъ персонажахъ трагедій Хераскова и барона Розена... Какое же должно вывести изъ этого слѣдствіе?.. Что г. Мочаловъ талантъ низшій, односторонній, а г. Каратыгинъ актеръ съ талантомъ всеобъемлющимъ, Гете сценическаго искусства? Такъ думаетъ большая часть нашей публики, большая часть, но не всѣ, и я принадлежу къ малому числу этихъ не всѣхъ. По моему вотъ что: г. Мочаловъ талантъ невыработанный, односторонній, но вмѣстѣ съ тѣмъ сильный и самобытный, а г. Каратыгинъ талантъ случайный, не призванный, успѣхъ котораго зависитъ отъ огромныхъ природныхъ средствъ, т. е. роста, осанки, фигуры, крѣпкой груди, и потомъ отъ образованности, ума, чаще сметливости, а болѣе всего смѣлости... Г. Каратыгинъ — Марлинскій сценическаго искусства» **).

Оба трагика являлись въ глазахъ критика представителями двухъ разныхъ школъ искусства.

---

*) «Театральныя воспоминанія» Н. И. Куликова, «Искусство» 1883, № 8.

**) Соч. I, 514, 521.

«Петербургскій театръ есть театръ преданія, въ которомъ искусство передавалось отъ одного таланта къ другому, въ которомъ еще живы имена Дмитревскаго, Яковлева, Семеновой... Московскій театръ—плебей безъ предковъ, безъ преданія, безъ исторіи, романтикъ по своему духу врагъ классицизма, пѣвучей дикціи и минуэтныхъ движеній» *)

Въ сущности дѣла, ни тотъ, ни другой трагикъ не представлялись Бѣлинскому осуществленіемъ типа идеальнаго артиста, но отдѣльные элементы этого идеала были присущи какъ тому, такъ и другому—Мочалову, однако, въ несравненно большей степени, нежели Каратыгину. Но всетаки, и этотъ послѣдній нѣкоторыми сторонами своего исполненія заслуживалъ вниманія.

«Игра Мочалова, по моему убѣжденію, иногда есть откровеніе таинства, сущности сценическаго искусства, но часто бываетъ и его оскорбленіемъ... Мочаловъ всегда падаетъ, когда его оставляетъ его волканическое вдохновеніе, потому что ему, кромѣ своего вдохновенія, не на что опереться, такъ какъ онъ пренебрегъ технической стороною искусства поэтому онъ всегда падаетъ и тамъ, когда берется за роли, требующія отчетливаго выполненія, искусства—въ техническомъ смыслѣ этого слова. Каратыгинъ за всякую роль берется смѣло и увѣренно, потому что его успѣхъ зависитъ не отъ удачи вдохновенія, а отъ строгаго изученія роли: поэтому онъ падаетъ только въ роляхъ и сценахъ, требующихъ, по своей сущности, огненной страсти, трепетнаго одушевленія, какъ въ Отелло но его паденіе видно не толпѣ, а немногимъ знатокамъ искусства. Оба эти артиста представляютъ собою двѣ противоположныя стороны, двѣ крайности искусства, и оба они—представители нашихъ столицъ, со стороны вкуса и направленія публики. Безъ вдохновенія нѣтъ искусства но одно вдохновеніе, одно непосредственное чувство, есть счастливый даръ природы, богатое наслѣдство безъ труда и заслуги; только изученіе наука, трудъ дѣлаютъ человѣка достойнымъ и законнымъ владѣльцемъ этого чисто случайнаго наслѣдства... Изъ этого ясно, что только изъ соединенія этихъ противоположностей образуется истинный художникъ, котораго, напримѣръ, русскій театръ имѣетъ въ лицѣ Щепкина» **).

Итакъ, истиннымъ представителемъ новой школы, наиболѣе полно выразившимъ въ себѣ ея особенности, Бѣлинскій признаетъ не столько Мочалова, сколько М. С. Щепкина.

Въ pendant къ этому отзыву можно привести глубоко интересное свидѣтельство другого—тоже страстнаго театрала того времени—*А. И. Герцена*:

«Щепкинъ былъ вовсе не похожъ на Мочалова. Мочаловъ былъ человѣкъ порыва, не приведеннаго въ покорность и строй вдохновенія: средства его не были ему послушны, скорѣе онъ имъ. Мочаловъ не работалъ, онъ зналъ, что его иногда посѣщаетъ какой-то духъ, превращавшій его въ Гамлета, Лира или Карла Моора, и поджидалъ его... а духъ не приходилъ, и оставался актеръ, дурно знающій роль. Одаренный чуткостію и тонкимъ пониманіемъ всѣхъ оттѣнковъ роли, Щепкинъ, напротивъ, страшно работалъ и ничего не оставлялъ на произволъ минутнаго вдохновенія. Но роль его не

*) Ibid. III, 181.
**) Ibid. III, 178.

была результатомъ одного изученія. Онъ такъ же мало былъ похожъ на Каратыгина, этого лейбъ-гвардейскаго трагика, далеко не безталаннаго, но у котораго было все до того заучено, выштудировано и приведено въ строй, что онъ по темпамъ закипалъ страстью, зналъ церемоніальный маршъ отчаянія и, правильно убивши кого надобно—мастерски дѣлалъ на погребеніе. Каратыгинъ удивительно шелъ тому времени и военной столицѣ его. Игра Щепкина, вся отъ доски до доски, была проникнута теплотой, наивностью, изученіе роли не стѣсняло ни одного звука, ни одного движенія, а давало имъ твердую опору и твердый грунтъ».

Это былъ первый русскій актеръ-реалистъ, сознательно поставившій своей задачей наблюденіе надъ жизнью и перенесеніе подмѣченнаго въ ней на сцену. «Онъ создалъ правду на русской сценѣ», говоритъ о немъ Герценъ, «онъ первый сталъ *нетеатраленъ* на театрѣ».

Весьма цѣнно въ этомъ отношеніи свидѣтельство Аксакова о характерѣ работы надъ ролью у Щепкина:

«Нерѣдко посреди шумныхъ рѣчей или споровъ замѣчали, что Щепкинъ о чемъ то задумывался, чего то искалъ въ умѣ или памяти; догадывались о причинѣ и нерѣдко заставляли его признаваться, что онъ думалъ въ то время о какомъ нибудь трудномъ мѣстѣ своей роли, которая вслѣдствіе сказаннаго кѣмъ нибудь изъ присутствующихъ мѣткаго слова—вдругъ освѣщалась новымъ свѣтомъ» *).

Для Бѣлинскаго Щепкинъ былъ совершеннѣйшимъ воплощеніемъ идеала артиста, вполнѣ отвѣчавшимъ тому высокому представленію о художникѣ сцены, которое сложилось у критика подъ вліяніемъ Гофмана. «Такъ какъ смѣхъ и слезы суть лучи, исходящіе изъ одного и токо же фокуса, то понятно, что истинному актеру-художнику должно быть равно доступно какъ комическое, такъ и трагическое» **).

«Щепкинъ, писалъ Бѣлинскій, принадлежитъ къ числу немногихъ истинныхъ жрецовъ сценическаго искусства, которые понимаютъ, что артистъ не долженъ быть ни исключительно трагическимъ, ни исключительно комическимъ актеромъ, но что его назначеніе — представлять характеры, безъ разбора ихъ трагическаго или комическаго значенія ***).

Такой именно артистъ и могъ раздѣлить съ Гоголемъ славу созданія «натуральнаго» жанра на русской сценѣ. «Актеръ понялъ поэта, — записалъ Бѣлинскій объ игрѣ Щепкина въ роли Городничаго, — оба они не хотятъ дѣлать ни каррикатуры, ни сатиры, ни даже эпиграммы, но хотятъ показать явленіе дѣйствительной жизни,

---

*) «Нѣсколько словъ о Щепкинѣ», С. Т. Аксаковъ, Соч. т. III, стр. 428—929.

**) Гофманъ, «Необыч. страданія», стр. 65.

***) Бѣлинскій, Соч., т. IX, стр. 212.

явленіе характеристическое, типическое... Драматическіе поэты творятъ актеровъ. Намъ нужно имѣть свою комедію, и тогда у насъ будетъ свой театръ. Подражательность ввела къ намъ идею и потребность театра, а самобытная поэзія должна создать театръ» *).

Насколько Щепкинъ глубоко понималъ и сознательно осуществлялъ въ себѣ требованія новой художественной школы, доказываютъ его совѣты и наставленія молодымъ артистамъ.

Этотъ великій самоучка высоко цѣнилъ значеніе теоріи для искусства, въ интересахъ будущаго русской сцены собирался даже самъ писать сочиненіе о драматическомъ искусствѣ. «Мнѣ нужно видѣть заграничные театры,—писалъ онъ Гоголю,—незнаніе языка меня не пугаетъ, главное я пойму, и оно необходимо мнѣ для моихъ записокъ, въ концѣ которыхъ хочу изложить свой взглядъ на искусство драматическое вообще и въ чемъ состоитъ особенность каждаго театра въ Европѣ въ настоящее время... Это мнѣ нужно для будущаго. Въ настоящемъ же оно мнѣ, кромѣ удовольствія, не принесетъ никакой пользы, ибо послѣ сорокалѣтнихъ трудовъ я уже не могу передѣлать себя» **).

«Вы хотите всѣ спектакли Рашели разобрать, — пишетъ онъ П. В. Анненкову, — это съ вашей стороны будетъ доброе дѣло, а съ моей — нескончаемая благодарность. Да, пожалуйста, побольше объ искусствѣ, а то у насъ о немъ такія рѣчи, что уши вянутъ» ***).

Но написать теорію сценическаго искусства ему такъ и не пришлось. Однако, нельзя сказать, чтобы потомству такъ ничего и не сохранилось отъ идей, занимавшихъ великаго артиста.

Настоящее художественно-эстетическое завѣщаніе представляетъ письмо Щепкина къ С. В. Шумскому:

«Что бы значило искусство, если бы оно доставалось безъ труда? Пользуйся случаемъ, трудись, разрабатывай данныя тебѣ Богомъ способности по крайнему своему разумѣнію; не отвергай замѣчаній, а вникай въ нихъ глубже, и для повѣрки себя и совѣтовъ всегда имѣй въ виду натуру; влѣзь, такъ сказать, въ кожу дѣйствующаго лица, изучай хорошенько его общественный бытъ, его образованіе, его особенныя идеи, если онѣ есть, и даже не упускай изъ виду общество его прошедшей жизни. Когда все это будетъ изучено, тогда какія бы положенія ни были взяты изъ жизни—ты непремѣнно выразишь вѣрно: ты можешь сыграть иногда слабо, иногда сколько-нибудь удовлетворительно (это часто зависитъ отъ душевнаго расположенія), но сыграешь вѣрно. Помни, что совершенство не дано человѣку; но, занимаясь добросовѣстно, ты будешь къ нему приближаться настолько, насколько природа дала тебѣ средствъ. Ради Бога, только никогда не думай смѣшить пуб-

*) Ibid., II, 598.
**) Ярцевъ, Щепкинъ, стр. 46.
***) Л. Майковъ, Щепкинъ о Рашели. „Ежегодникъ Имп. театровъ". Сезонъ 1894—95 г. Прилож. Кн. 2-я.

лику: вѣдь и смѣшное, и серьезное вытекаетъ всетаки изъ вѣрнаго взгляда на предметъ, и вѣрь мнѣ, что черезъ два-три года ты увидишь въ своихъ роляхъ разницу; съ каждымъ разомъ роль будетъ выходить круглѣе, естественнѣе. Слѣди неусыпно за собой; пусть публика тобой довольна, но самъ къ себѣ будь строже ея— и вѣрь, что внутренняя награда выше всѣхъ аплодисментовъ. Старайся быть въ обществѣ—сколько позволитъ время, изучай человѣка въ массѣ, не оставляй ни одного анекдота безъ вниманія, и всегда найдешь предшествующую причину, почему случилось такъ, а не иначе: эта живая книга замѣнитъ тебѣ всѣ теоріи, которыхъ, къ несчастію, въ нашемъ искусствѣ до сихъ поръ нѣтъ. Потому всматривайся во всѣ слои общества безъ всякаго предубѣжденія къ тому или другому, и увидишь, что вездѣ есть и хорошее, и дурное,—и это дастъ возможность при игрѣ каждому обществу отдать свое, т. е.: крестьяниномъ ты не будешь умѣть сохранить свѣтскаго приличія при полной радости, а бариномъ во гнѣвѣ не раскричишься и не размахаешься, какъ крестьянинъ. Не пренебрегай отдѣлкой сценическихъ положеній и разныхъ мелочей, подмѣченныхъ въ жизни; но помни, чтобы это было вспомогательнымъ средствомъ, а не главнымъ предметомъ: первое хорошо, когда уже изучено и понято совершенно второе» *).

Пьесы Островскаго могли теперь явиться на русскую сцену, смѣло надѣясь встрѣтить достойныхъ исполнителей.

Разсмотрѣніемъ характера игры и взглядовъ Щепкина мы и закончимъ нашъ бѣглый этюдъ о водвореніи новой школы въ нашемъ театрѣ усиліями безкорыстныхъ «печальниковъ» о его судьбахъ.

Имя Щепкина въ исторіи русскаго искусства должно стоять наряду съ славными именами прочихъ піонеровъ реализма въ остальныхъ отрасляхъ художественнаго творчества, съ именами: Гоголя—въ поэзіи, Перова — въ живописи, Мусоргскаго — въ музыкѣ.

Молодое поколѣніе артистовъ, имѣя передъ собою примѣръ Щепкина и его художническіе завѣты, эстетическое евангеліе въ критикѣ Бѣлинскаго и благодарный матеріалъ для воспроизведенія въ бытовой драмѣ Гоголя, а вслѣдъ за нимъ и Островскаго,—мало по малу окончательно вошло въ эту колею, которую съ такимъ трудомъ проложили люди 30-хъ годовъ.

Н. Демидовъ.

---

*) „Записки и письма М. С. Щепкина“, письмо къ С. В. Шумскому отъ 27-го марта 1848 г.

Голосъ земства о тѣлесномъ наказаніи.

«Если въ обществѣ развито нравственное достоинство, то оно изгоняетъ сѣченнаго изъ своей среды, и это послужитъ ему препятствіемъ для снисканія пропитанія своимъ трудомъ, сдѣлаетъ врагомъ общества на вѣки. Но подобная страна еще счастлива. Хуже тамъ, гдѣ только что высѣченный принимается въ прежнее общество, гдѣ наказанному стоитъ только отряхнуться, чтобы изгладить послѣдствія наказанія,—это свидѣтельствуетъ о грубости народа, объ его отсталости». *Росси.*

«Тѣлесное наказаніе есть возведеніе побоевъ въ законъ, есть узаконеніе грубой силы... Побои, возведенные въ законъ, становятся явленіемъ положительно безнравственнымъ»... *К. Аксаковъ.*

Послѣдніе три года вопросъ о тѣлесномъ наказаніи привлекъ вниманіе всего русскаго общества: земство, дворянство, видные представители администраціи, военнаго вѣдомства и юстиціи, ученыя общества, съѣзды и общества врачей, печать всѣхъ оттѣнковъ—свѣтская и духовная, административная и общая, дѣятели, близко стоящіе къ народу,—предводители дворянства, учителя, врачи и даже земскіе начальники,—все въ той или другой формѣ, съ большей или меньшей силой протестуютъ противъ розогъ и ходатайствуютъ объ отмѣнѣ ихъ. Даже темные и безгласные крестьяне, несчастные объекты этого наказанія, и тѣ находятъ различные способы подать и свой голосъ противъ этого позорнаго наказанія—остатка рабства. Розги являются какъ-бы *эпидеміей травмъ*, которая въ послѣднее время замѣтно ослабѣваетъ, но всетаки оказываетъ еще сильное пагубное вліяніе на здоровье не только наказуемыхъ, но и окружающихъ ихъ.

Вполнѣ естественно, что врачи также не могли игнорировать этой эпидеміи; нѣсколько врачебныхъ обществъ обсуждали вопросъ о тѣлесномъ наказаніи и возбудили соотвѣтственныя ходатайства объ отмѣнѣ его. Затѣмъ являющійся выразителемъ желаній русскихъ врачей VI съѣздъ въ память Н. И. Пирогова въ Кіевѣ при громкихъ единодушныхъ рукоплесканіяхъ принялъ предложеніе хо-

датайствовать объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для всѣхъ крестьянъ безъ исключенія; въ распорядительномъ засѣданіи съѣзда была избрана особая коммиссія изъ врача Д. Н. Жбанкова, проф. М. Я. Капустина, проф. С. С. Корсакова и врача В. И. Яковенко, которымъ и было поручено составить вполнѣ мотивированное ходатайство и передать его въ правленіе съѣзда для направленія его въ надлежащемъ порядкѣ. Эта коммиссія поручила двумъ своимъ членамъ собрать предварительно имѣющійся въ печати матеріалъ по тѣлесному наказанію, а также свѣдѣнія отъ врачей о пагубномъ вліяніи тѣлесныхъ наказаній на здоровье наказуемыхъ. Весь этотъ матеріалъ долженъ быть систематизированъ и послужитъ основаніемъ для мотивировки ходатайства. Въ виду того, что земства въ протестѣ противъ розогъ играли выдающуюся роль, признано было необходимымъ собрать весь земскій матеріалъ по данному вопросу; на обращеніе коммиссіи всѣ губернскія управы, за исключеніемъ нѣсколькихъ, отозвались очень охотно и въ непродолжительномъ времени прислали необходимые журналы, постановленія или увѣдомленія. По четыремъ земствамъ вмѣсто управъ дали сообщенія служащіе при губернскомъ земствѣ врачи, и не достаетъ свѣдѣній только по олонецкому и тульскому земствамъ. Несомнѣнно, что земскія ходатайства сыграютъ извѣстную роль въ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній; въ то же время всѣ земскія мытарства съ этимъ вопросомъ составляютъ довольно интересную и поучительную страницу изъ земской жизни, почему мы и сочли необходимымъ ознакомить общество съ краткимъ сводомъ всѣхъ земскихъ постановленій относительно тѣлеснаго наказанія. Всѣ ходатайства и постановленія вполнѣ опредѣленны и не нуждаются въ комментаріяхъ; отмѣтимъ только одно малоизвѣстное всѣмъ обстоятельство, что земства уже съ начала 80-хъ годовъ начали ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія.

Губернскія земства владимірское, вятское, орловское, харьковское и ярославское, по сообщеніямъ управъ, не возбуждали вопроса объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Остальныя земства расположены въ алфавитномъ порядкѣ, причемъ по каждой губерніи приведены и всѣ уѣздныя земства, заявившія ходатайства по данному вопросу.

Бессарабское губернское собраніе въ засѣданіи 7 февраля 1895 г. выслушало и приняло предложеніе гл. П. Н. Кишинскаго ходатайствовать объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія окончившихъ курсъ въ начальныхъ школахъ, такъ какъ эта мѣра явится очень дѣйствительной для дальнѣйшаго распространенія народнаго образованія. Подобное же ходатайство, по предложенію Л. М. Геевскаго, было возбуждено XXVII *хотинскимъ* уѣзднымъ собраніемъ въ засѣданіи 11 октября 1895 г. Однако губернская управа воздержалась отъ представленія перваго ходатайства губернскаго собранія, и оно было возбуждено уже въ слѣдующемъ году, послѣ

такого вторичнаго постановленія XXVII губернскаго собранія въ засѣданіи 11 февраля 1896 г.: «Раздѣляя тѣ основанія, по которымъ управа воздержалась отъ представленія ходатайства объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія крестьянъ, окончившихъ народныя школы, но имѣя въ виду, что подобныя ходатайства были возбуждены въ послѣднее время нѣкоторыми дворянствами и земствами, и что таковымъ былъ данъ надлежащій ходъ, собраніе нашло необходимымъ возбудить это ходатайство».

Въ Вологодской губерніи, по сообщенію губернской управы, *устюжское* уѣздное земство въ 1895 г. и *усть-сысольское* въ 1896 г. возбудили ходатайства объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для крестьянъ, кончившихъ курсъ въ начальныхъ школахъ. Губернская управа оба раза представляла доклады объ этихъ ходатайствахъ *губернскому собранію*, но оба раза предсѣдатель собранія не допустилъ къ обсужденію этотъ вопросъ, якобы имѣющій общегосударственное значеніе.

Воронежское губернское земское собраніе нѣсколько разъ возбуждало ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для крестьянъ, окончившихъ начальныя школы. Первое ходатайство было возбуждено губернскимъ собраніемъ въ сессію 1890 г.; министръ внутреннихъ дѣлъ, по совѣщанію съ министрами народнаго просвѣщенія и юстиціи, сообщилъ, что это ходатайство относится къ общегосударственнымъ вопросамъ, а не къ мѣстнымъ нуждамъ. Затѣмъ на вторичное такое же ходатайство сессіи 1891 года отвѣта не получено. Наконецъ, *воронежское уѣздное* земское собраніе въ засѣданіи 14 октября 1895 года слушало письменное весьма подробно мотивированное предложеніе предсѣдателя этого собранія, уѣзднаго предводителя дворянства И. Т. Алисова. Кромѣ общихъ соображеній о вредѣ розогъ, авторъ предложенія приводитъ мнѣнія другихъ лицъ и печати объ этомъ наказаніи: казанскихъ профессоровъ-медиковъ о вредѣ розогъ съ санитарной точки зрѣнія, извѣстнаго генерала Драгомирова, осуждающаго тѣлесное наказаніе для солдатъ и находящаго, что «нѣтъ болѣе противнаго нравственной природѣ человѣка, какъ тѣлесное наказаніе»,—наконецъ, органа с.-петербургской духовной академіи «Церковнаго Вѣстника», который осудилъ это наказаніе съ точки зрѣнія христіанства, указывая, между прочимъ, и на то, что древнерусскому народу тѣлесное наказаніе было чуждо, и что оно занесено къ намъ различными иноземцами.—Многіе гласные поддержали предложеніе предсѣдателя, и собраніе *единогласно* постановило возбудить ходатайство объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія крестьянъ, окончившихъ курсъ въ начальныхъ школахъ всѣхъ вѣдомствъ. Это предложеніе уѣзднаго земства было прочитано въ засѣданіи 16 декабря 1895 года *губернскаго земскаго собранія*. Указавъ на то, что губернское земство уже дважды ходатайствовало по этому поводу, И. Т. Алисовъ полагаетъ, что земство можетъ снова поднять то же ходатайство.

«Вопросъ объ этихъ ходатайствахъ по существу рѣшается въ комитетѣ министровъ, и можно снова возбудить ходатайство; и, затѣмъ получивъ опредѣленный отвѣтъ, въ случаѣ отказа, обжаловать его въ сенатъ, по примѣру другихъ земскихъ собраній, или принять какіе либо законные способы для защиты своего права на то, чтобы ходатайства доходили до высшаго правительства. Отмѣна тѣлеснаго наказанія является мѣстной нуждой, и «если такая нужда существуетъ и въ другихъ губерніяхъ, то это уже дѣло высшаго правительства признать ее общегосударственной нуждой». Собраніе постановило возбудить ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для всѣхъ крестьянъ губерніи, окончившихъ курсъ во всѣхъ начальныхъ школахъ.

Въ Екатеринославской губерніи весьма обстоятельную записку внесъ въ *маріупольское* уѣздное земское собраніе уѣздный предводитель дворянства П. В. Каменскій. Заявивши себя свободнымъ «отъ тенденцій, отъ предвзятой точки зрѣнія», П. В. Каменскій основалъ «свои соображенія на мѣстныхъ условіяхъ уѣзда, изгоняющихъ розгу». Крестьяне Маріупольскаго уѣзда не представляютъ однородной массы, среди нихъ много лицъ съ высшимъ развитіемъ во всѣхъ отношеніяхъ, и вообще населеніе уѣзда, благодаря 25-лѣтней дѣятельности земства въ области народнаго образованія, оказывается болѣе развитымъ, болѣе культурнымъ. Для него тѣлесное наказаніе не такъ страшно по физической боли, какъ по психическимъ, нравственнымъ страданіямъ. Это наказаніе имѣетъ ту особенность, что, объективно оставаясь одной величиной, оно является неизмѣримо различной величиной, смотря по лицу, на которое падаетъ; для одного это—только острая физическая боль, а для другого «психическая пытка, разрушающая его душу». Для громаднаго большинства маріупольцевъ розги будутъ имѣть второе значеніе и такимъ образомъ являются грубой несправедливостью—несоотвѣтствіемъ между проступкомъ и тяжестью наказанія, такъ какъ розги могутъ быть назначены за маловажные проступки, какъ-то: нанесеніе обиды на словахъ или письмѣ, прошеніе милостыни, нарушеніе общественной тишины. Въ виду такого состава населенія уѣзда земскіе начальники не утверждаютъ почти всѣ приговоры волостныхъ судовъ о тѣлесномъ наказаніи. Но этого недостаточно: лица могутъ перемѣниться, а важенъ порядокъ, основанный на законѣ, иначе населеніе постоянно остается подъ угрозой висящей розги. Что значитъ эта угроза, П. В. Каменскій доказываетъ прекраснымъ примѣромъ: «сдѣлаемъ невѣроятное предположеніе, допустимъ, что тѣлесное наказаніе по приговорамъ судовъ, распространяется на все населеніе нашего государства безъ различія сословій. Можно быть увѣреннымъ, что наши просвѣщенные суды, покорные духу времени, не могли бы произнести приговора о сѣченіи розгами. Тѣмъ не менѣе существованіе такого закона давило бы насъ, какъ кошмаръ, причиняло всегдашнее безпокойствіе и

было бы для насъ моральнымъ несчастіемъ». Въ заключеніе записки, П. В. Каменскій предлагаетъ ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для населенія Маріупольскаго уѣзда. Уѣздная управа поддерживаетъ это предложеніе, выражающее «одно изъ задушевныхъ желаній населенія, чувствующаго себя постоянно подъ гнетущей угрозой отвратительной расправы,—этой нагой экзекуціи». Маріупольское собраніе въ засѣданіи 10 октября 1896 г. постановило *единогласно* возбудить предложенное ходатайство. *Губернская управа* также поддержала это ходатайство, указывая на полную законность его, но предсѣдатель губернскаго собранія не допустилъ его до разсмотрѣнія. Въ *александровскомъ* уѣздномъ *) собраніи одинъ гласный, дѣлая обзоръ мѣръ для поднятія народнаго хозяйства, указалъ также на необходимость отмѣны тѣлесныхъ наказаній, но предсѣдатель остановилъ оратора, хотя его и поддержали нѣсколько гласныхъ.

Въ Казанской губерніи первое *чистопольское* земство **) возбудило въ 1894 г. ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для всѣхъ крестьянъ. Это ходатайство, конечно, должно было пройти черезъ губернское собраніе, но казанскій губернаторъ нашелъ, что чистопольское собраніе вышло изъ круга своего вѣдомства, и предложилъ губернской управѣ не давать дальнѣйшаго хода этому постановленію уѣзднаго земства. Затѣмъ *казанское уѣздное* земское собраніе въ засѣданіи 5 октября 1895 г., согласно предложенію одного гласнаго—члена училищнаго совѣта, *единогласно* постановило ходатайствовать черезъ губернское собраніе объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія лицъ, окончившихъ курсъ въ земскихъ начальныхъ школахъ. Однимъ изъ мотивовъ такого ходатайства было предположеніе, что эта льгота для кончившихъ курсъ усилитъ среди крестьянъ любовь къ грамотности и будетъ способствовать широкому распространенію образованія въ народѣ ***). Это ходатайство было представлено на обсужденіе губернскаго собранія, но доложенъ ли этотъ вопросъ собранію, и какое состоялось постановленіе, мы не знаемъ. Въ *Калужской губерніи, козельское* и *мещовское* уѣздныя земства въ осеннюю сессію 1895 г., согласно предложенію гласнаго Н. С. Кашкина, *единогласно* постановили возбудить ходатайство черезъ губернское собраніе объ избавленіи всѣхъ, получившихъ образованіе въ народныхъ начальныхъ школахъ всѣхъ наименованій въ Мещовскомъ и Козельскомъ уѣздахъ, отъ тѣлеснаго наказанія, «позорящаго нравственное достоинство человѣка, которое земство старается развить путемъ религіозно-нравственнаго образованія».

*) В. Семевскій. Необходимость отмѣны тѣлесныхъ наказаній. Рус Мысль 1896. Мартъ. Стр. 62.

**) Саратовская Земская Недѣля № 13. 1895.

***) Семевскій, l. c. стр. 62.

Въ мотивировкѣ этихъ ходатайствъ указывается, что народное образованіе, благодаря заботамъ земства и стараніямъ самаго населенія, быстро растетъ, а тѣлесное наказаніе является тормазомъ для развитія народа. Оба эти ходатайства въ губернскомъ собраніи, благодаря краткости сессіи, не были разсмотрѣны, какъ сообщила намъ объ этомъ губернская управа.

Въ Костромской губерніи настоящій вопросъ былъ возбужденъ двумя земствами. *Костромское уѣздное земское* собраніе *) постановило ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для окончившихъ начальную школу. Это постановленіе было опротестовано губернаторомъ на томъ основаніи, что данный вопросъ имѣетъ общегосударственное значеніе, и земство, по 2-й ст. земскаго положенія, не имѣетъ права ходатайствовать по подобнымъ вопросамъ. Этотъ протестъ былъ разсмотрѣнъ губернскимъ по земскимъ дѣламъ присутствіемъ; оно большинствомъ голосовъ признало, что уѣздное земство имѣло право возбудить ходатайство, и что ходатайства передъ правительствомъ, на основаніи рѣшеній сената, должны быть представляемы установленнымъ порядкомъ. *Губернское земское собраніе*, въ засѣданіи 16 января 1896 года, постановило возбудить болѣе общее ходатаство объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія лицъ по приговорамъ волостныхъ судовъ. Это ходатайство опять-таки было опротестовано губернаторомъ и передано имъ на разсмотрѣніе губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія. Послѣднее опредѣлило постановленіе губернскаго собранія отмѣнить, какъ незаконное, такъ какъ «возбужденный въ этомъ постановленіи вопросъ есть вопросъ обще-государственный, а не мѣстный, и притомъ онъ по существу своему не подходитъ ни подъ одинъ изъ разрядовъ дѣлъ, указанныхъ въ ст. 2 Полож. о земск. учрежд., которыя подлежатъ обсужденію земскихъ учрежденій, и по которымъ земскими собраніями могутъ быть возбуждаемы ходатайства, такъ какъ очевидно, что законъ, предоставляя земскимъ собраніямъ ходатайствовать о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, разумѣетъ подъ этими пользами и нуждами тѣ, которыя касаются дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію земскихъ учрежденій». (Эта фраза, буквально списанная изъ докладовъ управы, довольно темна). Губернское собраніе декабрьской сессіи 1896 г. не согласилось съ этимъ опредѣленіемъ присутствія. Гласный Н. А. Зузинъ разъяснилъ, что сенатъ недавно входилъ въ разсмотрѣніе существующаго порядка разсмотрѣнія и отклоненія земскихъ ходатайствъ, состоящаго въ томъ, что ходатайства эти направляются къ губернатору и, въ случаѣ его протеста, въ губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе, которое и можетъ отмѣнить постановленіе собранія. Этотъ порядокъ, какъ указывалъ Н. А. Зузинъ, сенатъ нашелъ несогласнымъ съ закономъ и

*) Саратовская Земская Недѣля 1895 г. № 45.

разъяснилъ, что земскія ходатайства должны доходить до кульминаціоннаго пункта, назначеннаго для нихъ по закону, т. е. до комитета министровъ, который одинъ только и можетъ безапелляціонно рѣшать въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ земскія ходатайства. Собраніе согласилось съ предложеніемъ гласнаго Зузина и большинствомъ 33 противъ 1 постановило: уполномочить губернскую управу принести жалобу на опредѣленіе губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія.

Въ Курской губерніи почины въ данномъ вопросѣ исходилъ отъ трехъ уѣздовъ, причемъ на уѣздныхъ собраніяхъ 1895 г. одинаковыя предложенія вносились различными лицами. *Суджанское собраніе* приняло предложеніе уѣзднаго училищнаго совѣта ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для окончившихъ курсъ въ земскихъ училищахъ. *Грайворонское собраніе* возбудило подобное же ходатайство и, между прочимъ, указало, что отмѣна тѣлеснаго наказанія для окончившихъ курсъ будетъ служить сильнѣйшимъ побудительнымъ мотивомъ къ окончанію курса. Въ *старооскольскомъ собраніи* 6 октября 1895 года предложеніе объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія хотя бы для кончившихъ курсъ было возбуждено однимъ земскимъ начальникомъ отъ лица всѣхъ остальныхъ земскихъ начальниковъ, которые ни разу не утверждали приговоровъ волостныхъ судовъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ *). Это предложеніе было горячо поддержано гласными изъ крестьянъ и принято собраніемъ. Губернская управа представила докладъ объ этихъ постановленіяхъ *губернскому собранію* и оно въ засѣданіи 20 декабря 1895 года постановило закрытой баллотировкой—возбудить ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для крестьянъ Курской губерніи.

Въ Московской губерніи вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ поднимался неоднократно. Въ первый разъ въ губернскомъ земскомъ собраніи онъ обсуждался въ 1879 году въ чрезвычайную сессію при разборѣ доклада особой коммиссіи о волостныхъ судахъ (вечернее засѣданіе 19 іюня). Коммиссія предлагала изъ наказаній, которыми располагаетъ волостной судъ, совершенно исключить тѣлесныя, какъ «средство грубое и недостигающее цѣли». Это предложеніе вызвало очень продолжительныя пренія, причемъ гласные Васильчиковъ, Уваровъ, Мусинъ-Пушкинъ были за, а гласные Самарины, Шлиппе, Волковъ, Безобразовъ противъ предложенія коммиссіи и за сохраненіе тѣлеснаго наказанія. Главные мотивы послѣднихъ сводились къ слѣдующему. Нечѣмъ замѣнить тѣлесное наказаніе, такъ какъ арестъ не выполнимъ по отсутствію подходящихъ помѣщеній, и теперь это наказаніе ложится не на арестуемаго, а на тѣхъ, кто его кормитъ и караулитъ; штрафъ также уплачивается часто не самимъ виновнымъ, а его семьей,

*) Рус. Вѣд. 1895 г. № 289.

родителями. Общество, отвѣчающее за крестьянина круговой порукой, имѣетъ право наказывать его; къ этому гласный Волковъ (крестьянинъ) добавилъ, что теперь невозможно отмѣнить тѣлесное наказаніе, такъ какъ крестьяне на столько необразованы и дики, что не могутъ сознавать дурную сторону многого, дѣйствительно дурного, напр. пьянства, дракъ. «Скажите, что дѣлать крестьянамъ съ бобылемъ, который отправляется на заработки, ведетъ невоздержную жизнь, возвращается въ общество безъ денегъ и не платитъ оброка? Если его наказать, то на будущее время онъ будетъ остерегаться и будетъ беречь деньги». Много говорилось о томъ, что слѣдуетъ относиться съ уваженіемъ къ обычаямъ народной жизни и не прибѣгать къ «*нравственному произволу*» надъ крестьянами, которые такъ любятъ тѣлесное наказаніе, что, не смотря на воспрещеніе закономъ, продолжаютъ примѣнять самую грубую форму этихъ наказаній, а именно тѣлесныя наказанія, къ женщинамъ. Противники тѣлеснаго наказанія эти факты беззаконнаго насилія надъ женщинами, а также наказанія и мужчинъ помимо суда по произволу старшинъ и старостъ приводили въ защиту своего взгляда, но приверженцы порки такъ *остроумно* (?) перевернули ихъ въ свою пользу. Случаи злоупотребленій тѣлеснымъ наказаніемъ и примѣненія его къ людямъ невиннымъ, но непріятнымъ для деревенскихъ властей; несправедливость порки человѣка, не имѣющаго денегъ для уплаты оброка, неразвитость волостныхъ судей, зависимость ихъ отъ старшины; невозможность *уважать* всякіе звѣрскіе и безнравственные обычаи народа и пр.,—все это приводилось противъ тѣлеснаго наказанія.

«Разъ волостной судъ смѣшиваетъ самыя обыденныя юридическія понятія, не различаетъ преднамѣреннаго отъ случайнаго, гражданскаго отъ уголовнаго, права отъ обязанности и т. д.,—дать ему возможность употреблять тѣлесныя наказанія, это все равно, что дать человѣку ножъ въ руки, когда онъ не можетъ располагать имъ»—высказалъ И. И. Мусинъ-Пушкинъ. Предложеніе коммиссіи объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія было отвергнуто большинствомъ голосовъ.

Вторично разбираемый вопросъ былъ поднятъ въ московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи въ чрезвычайную сессію 1882 г. въ засѣданіяхъ 20—21 января при обсужденіи доклада коммиссіи о крестьянскомъ управленіи и судѣ. Гласный А. А. Оленинъ предложилъ собранію ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія и обосновалъ это предложеніе на слѣдующихъ соображеніяхъ. Тѣлесное наказаніе приноситъ громадный вредъ въ нравственномъ отношеніи, приравнивая человѣка къ скоту; выпоротый членъ или даже глава семьи лишается всякаго уваженія въ своей семьѣ, между тѣмъ какъ очень часто порютъ за невзносъ податей. Это наказаніе позорнѣе и унизительнѣе тюремнаго заключенія. Теперь многіе болѣе развитые и нравственные крестьяне сами высказыва-

ются противъ розогъ, но если бы даже крестьяне были за розги, то наша обязанность бороться съ этой дикостью и необразованностью. Пока тѣлесное наказаніе не будетъ уничтожено, нравственность крестьянъ не поднимется. *В. Ю. Скалонъ* заявилъ, что *московское уѣздное* земское собраніе постановило ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія; онъ поддерживаетъ предложеніе А. А. Оленина. Опять возникли продолжительныя пренія, причемъ И. И. Мусинъ-Пушкинъ, Д. С. Сипягинъ и Н. Ф. Самаринъ говорили противъ, а В. Ю. Скалонъ, Н. П. Ланинъ, П. Д. Ахлестышевъ, С. А. Муромцевъ за ходатайство. Первые признавали тѣлесное наказаніе безнравственнымъ и позорнымъ, но всетаки представляли такія возраженія: нечѣмъ замѣнить тѣлесное наказаніе, такъ какъ при настоящихъ экономическихъ условіяхъ нельзя придумать равносильное наказаніе; тюрьма унизительна не менѣе розогъ; крестьяне не уполномачивали собраніе ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній; у нихъ есть выборъ въ назначеніи наказаній и если они находятъ розги болѣе цѣлесообразными и достигающими цѣли, то «ставить себя въ роль ихъ учителей и неудобно, и нежелательно». Опровергнуть такіе слабые доводы было очень нетрудно. Розги во всѣхъ отношеніяхъ являются нецѣлесообразными и непрактичными; такъ, напр., крестьянъ подъ видомъ пьянства и нерадѣнія о хозяйствѣ часто порютъ за невзносъ податей, но вѣдь послѣ порки они богаче не будутъ, а наоборотъ, поротый крестьянинъ идетъ въ кабакъ заглушить свое горе и позоръ. Несправедливо оставлять розги привилегіей одного крестьянства, и если онѣ такъ практичны, то. ихъ слѣдуетъ примѣнять ко всѣмъ сословіямъ. Предполагается ввести всесословную волость и всѣхъ жителей подчинить одному общему начальству, и въ тоже время думаютъ для крестьянъ оставить особый судъ и особыя наказанія, это логическая несообразность: власть однородна, и мѣры должны быть однородны. Отмѣна болѣе страшныхъ тѣлесныхъ наказаній въ Россіи вовсе не повела къ увеличенію преступленій; смягченіе наказаній благотворно дѣйствуетъ на нравы и уменьшаетъ преступность; точно также изгнаніе розогъ изъ нашихъ школъ отозвалось очень хорошо на нашихъ сыновьяхъ и дочеряхъ: они стали нравственнѣе и впечатлительнѣе. Что касается замѣны тѣлеснаго наказанія, то подобные вопросы всегда поднимаются при уголовныхъ реформахъ: «если задумываться надъ этимъ, то навсегда нужно оставить пытку въ слѣдственныхъ дѣлахъ, ее нечѣмъ замѣнить, и всѣ нынѣшнія мѣры стоятъ ниже пытокъ; но никто не поднимется за сохраненіе этого гнуснаго средства». Наконецъ, относительно полномочій не можетъ быть и рѣчи въ земскомъ собраніи... и «всетаки въ собраніи постоянно рѣшаютъ вопросы о крестьянскихъ интересахъ, не задаваясь вопросомъ о полномочіяхъ, почему же въ данномъ случаѣ ставятъ этотъ вопросъ». Собраніе

большинствомъ противъ 10 голосовъ постановило ходатайствовать передъ правительствомъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія.

Въ послѣдній разъ вопросъ о тѣлесномъ наказаніи былъ весьма неудачно поднятъ въ московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, что мы узнаемъ изъ слѣдующей выписки изъ журнала 4 декабря 1895 года.

Предсѣдатель. Имѣю честь сообщить слѣдующее. Въ предпослѣднее засѣданіе губернскаго собранія *М. В. Духовской* представилъ мнѣ заявленіе о возбужденіи ходатайства передъ правительствомъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для жителей Московской губерніи. Заявленіе это было подписано въ собраніи *М. П. Щепкинымъ.* Признавая съ своей стороны, что этотъ вопросъ не входитъ въ предметъ вѣдѣнія губернскаго земства, я не считаю себя вправѣ допустить его на разсмотрѣніе и рѣшеніе собранія. Подавшіе заявленіе и остальные гласные оставили безъ протеста такое незаконное рѣшеніе предсѣдателя собранія.

Въ нижегородскомъ губернскомъ земскомъ собраніи вопросъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія былъ возбужденъ запиской гласнаго *А. А. Савельева* и докладомъ управы; докладъ и записка были представлены въ XXX губернское собраніе, которое избрало особую коммиссію для разсмотрѣнія всѣхъ вопросовъ по народному образованію, о которомъ шла рѣчь въ запискѣ и докладѣ. Такъ какъ въ нихъ предлагалось, какъ мѣра для поднятія умственнаго и нравственнаго уровня населенія, отмѣна тѣлеснаго наказанія, то коммиссія и внесла въ губернское собраніе слѣдующее предложеніе: «собраніе, выражая глубокое сочувствіе отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія вообще, возбуждаетъ ходатайство объ отмѣнѣ его для окончившихъ курсъ въ сельскихъ школахъ Нижегородской губерніи». Это предложеніе и принято губернскимъ собраніемъ въ засѣданіи 4 декабря 1895 г., не смотря на протесты нѣкоторыхъ гласныхъ, что этотъ вопросъ внѣ компетенціи земства. Изъ мотивовъ для ходатайства коммиссія указала слѣдующіе: 1) статистическія данныя о приговорахъ къ розгамъ указываютъ, что въ населеніе губерніи все болѣе и болѣе проникаетъ сознаніе о безполезности этого наказанія; 2) тѣлесное наказаніе развращаетъ нравственно и такимъ образомъ ослабляетъ мѣры земства, направленныя къ умственному и нравственному развитію народа; 3) изъ молодежи наказанію розгами подлежатъ только пользующіеся по воинской повинности льготой 1-го разряда, такъ какъ, по закону, достаточно разъ быть на сборѣ, чтобы быть освобожденнымъ отъ розогъ; 4) отъ наказанія розгами освобождены всѣ наиболѣе порочные крестьяне, лишенные особыхъ правъ и преимуществъ и потому не подсудные волостнымъ судамъ; послѣднія двѣ причины дѣйствительно, указываютъ, какъ неправильно и несправедливо поставлено дѣло тѣлесныхъ наказаній.

Въ новгородскомъ земствѣ вопросъ о тѣлесномъ наказаніи по-

стигла печальная участь. Губернская управа представила земскому собранію докладъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, но этотъ докладъ въ засѣданіи 13 января 1896 г. былъ снятъ съ очереди, такъ какъ предсѣдатель собранія нашелъ этотъ вопросъ не подлежащимъ обсужденію собранія. Такое ограниченіе правъ земства со стороны предсѣдателя было найдено незаконнымъ нѣсколькими губернскими гласными, которые и представили приложенное къ журналу обстоятельно мотивированное особое мнѣніе. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ (пун. 14, ст. 63 изд. 1892 г.) возлагаетъ на земство обязанность ходатайствовать о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, а отмѣна тѣлеснаго наказанія является, по мнѣнію протестующихъ, одной изъ самыхъ настоятельныхъ нуждъ для Новгородской губерніи. Изъ приведенныхъ протестующими мотивовъ отмѣтимъ здѣсь только слѣдующіе: тѣлесное наказаніе, унижая человѣческое достоинство и укрѣпляя грубость нравовъ, дѣйствуетъ противоположно стараніямъ земства и задачѣ школы— поднять общій умственный и религіозно-нравственный уровень населенія. Тѣлесное наказаніе, какъ карательная мѣра, нецѣлесообразно, и вмѣсто исправленія можетъ вызвать озлобленіе и даже недовольство существующимъ порядкомъ. Наконецъ, въ крестьянскихъ семьяхъ имѣются члены, изъятые по закону отъ тѣлеснаго наказанія, какъ, напр., запасные нижніе чины, бывшіе ученики сельско-хозяйственной школы, почему результатомъ наказанія является нежелательный семейный разладъ и подрывъ авторитета главы семейства, не изъятаго отъ наказанія.

Относительно *пензенскаго земства* докторъ П. Е. Гавриловъ сообщаетъ мнѣ, что вопросъ о тѣлесномъ наказаніи поднимался въ *пензенскомъ уѣздномъ* земскомъ собраніи 1895 г. губернскимъ предводителемъ дворянства. Однако, по совѣщанію съ предсѣдателемъ собранія, онъ не сдѣлалъ никакого опредѣленнаго предложенія и отложилъ его до предстоящаго губернскаго собранія. На губернскомъ же собраніи 1895 и 1896 гг. этотъ вопросъ вовсе не возбуждался.

Въ Пермской губерніи настоящій вопросъ прошелъ довольно бурно. VI съѣздъ пермскихъ земскихъ врачей, согласно предложенію женщины-врача Е. П. Серебренниковой, постановилъ просить губернское собраніе ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Въ предложеніи Е. П. Серебренниковой указывалось, что тѣлесное наказаніе, помимо его позорящей стороны и нецѣлесообразности, имѣетъ массу вредныхъ сторонъ и въ санитарномъ отношеніи: разстройство психики, нанесеніе травмъ и возможное зараженіе ихъ, мгновенная смерть у страдающихъ болѣзнями сердца и сосудовъ и др. Это постановленіе съѣзда не было губернской управой внесено на разсмотрѣніе губернскаго собранія, но собраніе послѣ горячихъ преній, по предложенію В. В. Ковалевскаго, призвало, что управа не имѣла основаній не внести въ

докладъ собранію ходатайство съѣзда врачей объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Затѣмъ губернская управа поставила этотъ вопросъ въ списокъ для разсмотрѣнія въ XXVIII чрезвычайномъ губернскомъ собраніи 1896 г., но министръ внутреннихъ дѣлъ разрѣшилъ созывъ собранія и всѣ перечисленные управой вопросы, кромѣ доклада объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія... Собраніе постановило отложить разсмотрѣніе ходатайства объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія до очередной сессіи.—*Екатеринбургская* земская управа, докладывая о постановленіяхъ съѣзда, предлагала высказаться за возбужденіе ходатайства объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Но предсѣдатель собранія, въ засѣданіи 11 октября 1896 г. XXVII уѣзднаго собранія, заявилъ, что этотъ вопросъ не подлежитъ вѣдѣнію земства, и потому не допустилъ разсматривать его, но затѣмъ добавилъ: «чтобы успокоить собраніе, я, какъ предсѣдатель съѣзда, могу удостовѣрить, что за время моей здѣсь службы—около года—я убѣдился, что эта тяжелая мѣра взысканія примѣняется только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ».

Полтавское земство отличилось изъ всѣхъ: оно совершенно своеобразно доказало весь позоръ тѣлеснаго наказанія и необходимость отмѣны его. Въ нѣкоторыхъ частяхъ этой губерніи вредъ тѣлеснаго наказанія признанъ давно, и полтавцы были изъ первыхъ земствъ, ходатайствовавшахъ объ отмѣнѣ розогъ. Еще въ началѣ 80-хъ годовъ *константиноградское* земское собраніе постановило ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Губернаторъ опротестовалъ это постановленіе, но сенатъ въ указѣ отъ 31 мая 1884 г. № 7616 разъяснилъ, что это постановленіе собранія относится къ такимъ постановленіямъ, которыя, безъ надлежажащаго утвержденія ихъ, не вызываютъ какихъ-либо опредѣленныхъ дѣйствій или распоряженій, а потому ходатайство константиноградскаго земства не подлежитъ опротестованію и должно быть представлено въ подлежащее министерство (правител. распоряж. по земскимъ дѣламъ, т. XII, стр. 239—241).—Затѣмъ въ 1895 г. въ очередныхъ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ *Золотоношскаго, Лохвицкаго, Полтавскаго и Хорольскаго* уѣздовъ было возбуждено однородное ходатайство объ освобожденіи отъ тѣлесныхъ наказаній лицъ, окончившихъ курсъ въ народныхъ училищахъ. Въ хорольскомъ земствѣ постановленіе сдѣлано по весьма обстоятельному докладу уѣздной управы, причемъ 4 гласныхъ подали особое мнѣніе, что этотъ вопросъ не подлежитъ обсужденію земства. Въ остальныхъ трехъ земствахъ вопросъ о ходатайствѣ былъ возбужденъ ревизіонной или коммиссіей по народному образованію (интересна маленькая подробность: гласный Б. М. Мусманъ былъ въ той золотоношской коммиссіи, которая возбудила ходатайство, и тотъ-же Мусманъ въ губернскомъ собраніи говорилъ противъ ходатайства). Мотивы для ходатайства въ общемъ таковы: 1) школа возвышаетъ умственный и нравственный уровень учащихся, по-

чему справедливо освободить ихъ отъ позорнаго наказанія; 2) родители не будутъ брать изъ школы своихъ дѣтей до окончанія курса; 3) сельскія общества позаботятся объ увеличеніи числа школъ; 4) благодаря несовершенству волостныхъ судовъ можетъ подвергнуться тѣлесному наказанію, а слѣд. и лишенію навсегда права участія въ общественныхъ дѣлахъ, лицо, способное, по своему развитію, оказать благопріятное вліяніе на окружающую среду.— *Полтавская губернская управа* предложила собранію поддержать это ходатайство, распространивъ его на всю губернію, «принимая во вниманіе сравнительно высокій умственный и нравственный уровень ея населенія (по степени распространенности тѣлесныхъ наказаній Полтавская губернія занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ ряду другихъ губерній). Въ полтавскомъ губернскомъ земскомъ собраніи 4 декабря 1895 года возникли по этому поводу интересныя пренія, и состоялось два постановленія. Противъ ходатайства говорили двое, Г. Н. Навроцкій и Б. М. Мусманъ (см. журналы XXXI полтавскаго губ. собранія). Считаемъ необходимымъ вкратцѣ привести возраженія этихъ гласныхъ. Земство не вправѣ обсуждать этотъ общегосударственный вопросъ, такъ какъ ходатайство объ уничтоженіи одного наказанія нарушитъ (?) стройность и цѣлесообразность всей системы наказаній, которая создалась при участіи опытнѣйшихъ юристовъ и извѣстныхъ ученыхъ. Несправедливо освобождать грамотнаго отъ тѣлеснаго наказанія за тотъ проступокъ, за который порютъ неграмотнаго сосѣда; напротивъ, по нашему законодательству, образованіе и высшее положеніе увеличиваютъ мѣру наказанія (почему же этотъ гласный ради послѣдовательности не высказался за розги для дворянъ и кончившихъ курсъ въ университетѣ?). Примѣненіемъ тѣлеснаго наказанія теперь нельзя злоупотреблять, такъ какъ приговоры волостныхъ судовъ контролируются земскими начальниками—нашими лучшими людьми (но вѣдь и земскіе начальники—люди, и рядъ фактовъ показываетъ, что есть среди нихъ лица не безъ крупныхъ изъяновъ!). «Всякая мать скорѣе согласится, чтобы ея сына высѣкли, чѣмъ посадили въ тюрьму, которая есть высшая школа разврата и мошенничества». «Для мужика лишеніе свободы ровно ничего»: подъ арестомъ онъ сидитъ, «его поятъ, кормятъ и ему, въ особенности зимою, больше ничего не нужно» (?!). Далѣе слѣдуютъ крокодиловы слезы о вредѣ либеральныхъ шестидесятыхъ годовъ, «уронившихъ» народъ: онъ избаловался, сталъ лѣнивъ, не хочетъ работать. И въ заключеніе слезная просьба къ собранію: «прошу васъ, господа, пожалѣйте народъ, не увлекайтесь модными идеями; не посылайте народа въ тюрьму, не лишайте его тѣлеснаго наказанія». Не смотря на эти мольбы, собраніе большинствомъ 36 голосовъ противъ 26 при открытой подачѣ голосовъ принимаетъ предложеніе управы о ходатайствѣ...

Въ Псковской губерніи, по сообщенію губернской управы, хода-

тайство возбуждено двумя уѣздами. *Новоржевское* и *опочецкое* уѣздныя собранія сессіи 1895 г. возбудили вопросъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для лицъ, окончившихъ курсъ въ народныхъ школахъ. При обсужденіи этихъ постановленій, *губернское собраніе* 9 декабря 1895 г. возбудило два ходатайства: первое объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для окончившихъ курсъ въ народныхъ школахъ, и вытекающее изъ него второе—объ отмѣнѣ этого наказанія для всего крестьянскаго населенія губерніи. Главными мотивами указаны слѣдующіе: тѣлесное наказаніе не оправдывается никакими доводами и не имѣетъ за собой не только исторической заслуги, но даже историческаго происхожденія и появляется на сцену только въ періоды упадка и огрубѣнія общества, въ періоды-же интеллектуальной общественной работы оно постоянно возмущало лучшую часть общества, не имѣя надлежащихъ основъ въ человѣческой природѣ и идя въ разрѣзъ съ понятіями о нравственности, гуманности и христіанствѣ, которыя не допускаютъ тѣлеснаго наказанія. Розги не исправляютъ человѣка, а ожесточаютъ или приводятъ его къ отчаянію, апатіи къ жизни и труду, почему изъ хорошаго хозяина работника дѣлается человѣкъ, на все махнувшій рукой и запускающій свое хозяйство. «Личность деморализованная, угнетенная и забитая не можетъ быть хорошимъ гражданиномъ, имѣющимъ понятіе о долгѣ по отношенію государства и общества, и является самой ненадежной платежной единицей». Особенно тягостно и позорно это наказаніе для грамотной крестьянской молодежи, но, «имѣя въ виду семейныя отношенія и сложившіяся вѣками понятія русскаго человѣка, можно смѣло сказать, что тѣлесное наказаніе отца или брата будетъ принято, какъ позорящее оскорбленіе всего семейства, а слѣд. и грамотныхъ членовъ его, почему отмѣна тѣлеснаго наказанія своевременна и необходима не только для грамотныхъ, но и неграмотныхъ».

Въ Рязанской губерніи, какъ сообщаетъ губернская управа, вопросъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія поднимался два раза, въ различные періоды. Въ 1885—86 г. *рязанское уѣздное* земское собраніе постановило ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія черезъ губернское собраніе. Но губернская управа въ своемъ докладѣ находила это предложеніе несвоевременнымъ, такъ какъ всѣ подобныя ходатайства остаются безуспѣшными; губернское собраніе согласилось съ мнѣніемъ управы и отклонило ходатайство уѣзднаго собранія. Въ послѣдніе годы предложеніе ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія поступило съ двухъ сторонъ. Въ XXX губернское собраніе подобное предложеніе было внесено предсѣдателемъ касимовской уѣздной земской управы П. А. Оленинымъ, но обсужденіе этого вопроса отложено до слѣдующей сессіи. Затѣмъ XXXI *егорьевское* уѣздное собраніе, согласно предложенію гл. Тихановскаго, въ засѣданіи 20 октября 1895 года постановило ходатайствовать объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія кре-

стьянъ, окончившихъ курсъ въ народныхъ школахъ.—Гласный *П. А. Оленинъ* въ губернскомъ собраніи 18 января 1896 г. снова повторилъ свое предложеніе, но только въ болѣе широкомъ смыслѣ, а именно ходатайствовать о совершенной отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Онъ находитъ, что тѣлесное наказаніе низводитъ человѣка на степень животнаго, позорно для подвергающихся ему и унизительно для примѣняющихъ его. Будучи примѣняемо къ одному сословію, оно несправедливо, и къ тому-же возможны случаи неправильнаго примѣненія наказанія. Наконецъ, розги и нецѣлесообразны: для человѣка потеряннаго онѣ не страшны, а дорожащаго своимъ достоинствомъ доводятъ до отчаянія или до потери стыда. *Губернская управа* въ своемъ докладѣ поддержала эти ходатайства, но въ смыслѣ исключенія тѣлеснаго наказанія вообще для всѣхъ. Губернское собраніе, не смотря на протестъ одного земскаго начальника, приняло письменной баллотировкой докладъ управы—ходатайствовать о полномъ прекращеніи тѣлеснаго наказанія.

Въ Самарской губерніи ходатайство исходило отъ *новоузенскаго земства.* Новоузенское земское собраніе въ засѣданіи 8 декабря 1895 г. приняло предложеніе гласнаго Г. П Агапова: въ виду вреднаго вліянія розги на народную нравственность, присоединиться къ ходатайствамъ другихъ земствъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для лицъ, окончившихъ курсъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ. *Губернская управа* поддержала это ходатайство и внесла подобное предложеніе на разсмотрѣніе губернскаго собранія, но предсѣдатель собранія нашелъ, что этотъ вопросъ «о существующихъ въ государствѣ наказаніяхъ» не подлежитъ вѣдѣнію земскихъ учрежденій, и не допустилъ его до обсужденія собранія.

С.-Петербургское земство было одно изъ первыхъ, признавшихъ необходимость отмѣны тѣлеснаго наказанія; оно дважды высказывалось по этому поводу. Въ засѣданіи 28 января 1882 года губернское собраніе разсматривало докладъ коммисіи, избранной для изслѣдованія условій, имѣющихъ вредное вліяніе на экономическое положеніе населенія губерніи. Большинство гласныхъ находило, что если бы даже всѣ крестьяне поголовно были за сохраненіе тѣлеснаго наказанія, то и тогда слѣдовало-бы ходатайствовать объ отмѣнѣ его для поднятія нравственнаго, а черезъ то и экономическаго уровня крестьянства. На самомъ-же дѣлѣ многіе крестьяне живо чувствуютъ позоръ этого наказанія, постоянно тяготятся мыслью о возможности подвергнуться ему и изъ-за этого переходятъ въ другія сословія. Если арестъ разоряетъ семью, то тѣлесное наказаніе отца роняетъ его нравственное достоинство и авторитетъ въ глазахъ семьи (а слѣд. опять-таки разоряетъ семью). На основаніи такихъ соображеній губернское собраніе большинствомъ 29 противъ трехъ постановило возбудить ходатайство объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.

Въ засѣданіи петербургскаго губернскаго земскаго собранія 26 января 1895 г. снова состоялось постановленіе ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія по приговорамъ волостныхъ судовъ для всѣхъ тѣхъ жителей губерніи, которые до сихъ поръ соотвѣтственными узаконеніями не освобождены отъ этого наказанія. Для редакціи этого ходатайства избрана особая коммиссія изъ гласныхъ К. К. Арсеньева, П. А. Корфа и М. М. Стасюлевича. Изъ этой редакціи мы узнаемъ, что губернскіе гласные члены училищнаго совѣта предложили ходатайствовать, если не о полномъ прекращеніи тѣлеснаго наказанія, то объ отмѣнѣ этого наказанія для окончившихъ курсъ въ начальныхъ школахъ, такъ какъ эта мѣра послужила бы сильнымъ стимуломъ для распространенія народнаго образованія и къ усиленнымъ пожертвованіямъ на него. Но губернское собраніе нашло болѣе правильнымъ возбудить ходатайство относительно всѣхъ не освобожденныхъ отъ этого наказанія, такъ какъ соображенія, приведенныя при такомъ же ходатайствѣ 13 лѣтъ тому назадъ, получили еще большую силу. 13 лѣтъ прошли не безслѣдно: усиленное открытіе народныхъ школъ и непрерывное распространеніе грамотности способствовали поднятію умственнаго и нравственнаго уровня, что неразрывно связано съ усиленіемъ воспріимчивости къ позорному наказанію. Было-бы несправедливо освободить отъ него только кончившихъ курсъ, потому что облагораживающее вліяніе школы испытали на себѣ и тѣ многочисленные мальчики, которые взяты изъ школы до окончанія курса, иногда наканунѣ экзамена вслѣдствіе бѣдности родителей или нужды въ дѣтскомъ трудѣ. «Всѣ учившіеся въ школѣ, независимо отъ окончанія или неокончаніе курса, вносятъ въ свою среду болѣе свѣтлые взгляды и теплыя чувства, не остающіеся безъ дѣйствія на ихъ родителей и старшихъ родственниковъ. Они читаютъ у себя дома вслухъ евангеліе и библію, пользуются школьными библіотеками, часто употребляютъ свои скудныя сбереженія на покупку книгъ, слѣдятъ иногда за «Сельскимъ Вѣстникомъ» и, поддерживая такимъ образомъ въ самихъ себѣ пріобрѣтенные въ школѣ навыки, пріобщаютъ къ нимъ, въ большей или меньшей степени, и всѣхъ окружающихъ, дѣлая ихъ участниками благодѣяній школы. Изъятіе отъ тѣлеснаго наказанія окончившаго курсъ въ начальной школѣ, вполнѣ справедливое и цѣлесообразное само по себѣ, было-бы поэтому несправедливо по отношенію къ остальной массѣ сельскаго населенія Петербургской губерніи. Сыновья не могли бы оцѣнить, какъ слѣдуетъ, дарованную имъ льготу, если бы она не была въ то же время распространена на ихъ отцовъ». (Эта прекрасная аргументація петербургскаго земства ясно доказываетъ, какъ ошибочно поступали тѣ собранія, которыя ходатайствовали объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній только для окончившихъ курсъ въ школахъ). Въ дальнѣйшихъ мотивахъ петербургскаго земства говорится, что отмѣна тѣлесныхъ наказаній послужитъ новымъ

источникомъ смягченія нравовъ и явится естественнымъ продолженіемъ длиннаго ряда гуманныхъ мѣръ въ нашей уголовно-карательной системѣ: отмѣна кнута, плетей, шпицрутеновъ, клеймъ, отмѣна тѣлесныхъ наказаній для ссыльно-каторжныхъ женщинъ и, наконецъ, учрежденіе контроля земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ надъ примѣненіемъ тѣлеснаго наказанія по приговорамъ волостныхъ судовъ. Отмѣна этихъ наказаній вовсе не вела къ увеличеніи преступности, ни къ затрудненіямъ въ замѣнѣ этихъ наказаній; особенно легка замѣна тѣлесныхъ наказаній, налагаемыхъ по приговорамъ волостныхъ судовъ, такъ какъ способъ замѣны подробно опредѣленъ временными правилами о волостныхъ судахъ (ст. 29, 41 и 42, 12 іюля 1889 г.), и онъ часто практикуется земскими начальниками. «Нельзя, однако признать, чтобы въ правѣ замѣны тѣлеснаго наказанія, принадлежащемъ земскому начальнику, заключалась достаточная гарантія противъ примѣненія его къ такимъ проступкамъ и такимъ лицамъ, къ которымъ оно, по мысли законодателя, въ настоящее время примѣняемо быть не должно. Многое зависитъ здѣсь отъ личныхъ взглядовъ земскаго начальника, до крайности разнообразныхъ; въ однихъ участкахъ тѣлесное наказаніе не допускается почти никогда, въ другихъ же, рядомъ, встрѣчается довольно часто. При такомъ положеніи дѣла никто изъ лицъ, неизъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что не подвергнется ему по обвиненію въ сравнительно маловажномъ и во всякомъ случаѣ не позорящемъ проступкѣ; никто изъ нихъ не можетъ считать себя огражденнымъ и отъ злоупотребленій, напр. отъ обвиненій неосновательныхъ, отъ давленія на волостной судъ тѣхъ или другихъ мѣстныхъ вліяній, отъ преждевременнаго исполненія приговора и т. п. Обезпечить личное достоинство крестьянина противъ нарушенія, по самому своему существу невознаградимаго, можетъ только законъ, отмѣняющій тѣлесное наказаніе, а крестьянство С.-Петербургской губерніи, по глубокому убѣжденію собранія, достигло той степени развитія, при которой подобное обезпеченіе является существенно важнымъ». Въ заключеніе собраніе ходатайствовало объ отмѣнѣ во «Временныхъ правилахъ о волостномъ судѣ 1889 г.», пункта 4, ст. 33 и о соотвѣтствующемъ измѣненіи стоящихъ съ нею въ связи статей для населенія С.-Петербургской губерніи. На это представленіе со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ былъ полученъ отрицательный отвѣтъ. Но такъ какъ на основаніи п. 14 ст. 26 т. I, ч. II Св. Зак. изд. 1892 г. представленія министровъ объ оставленіи безъ послѣдствій ходатайствъ губернскихъ собраній подлежатъ разрѣшенію комитета министровъ, чего въ данномъ случаѣ соблюдено не было, то губернское собраніе сессіи 1896 г. постановило, чтобы вышеуказанное ходатайство было передано на усмотрѣніе комитета министровъ. На это вторичное ходатайство, какъ и въ остальныхъ земствахъ, отвѣта еще не получено.

Въ Саратовской губерніи постановленія уѣздныхъ земствъ не дошли до губернскаго собранія. *Царицынское* *) уѣздное земское собраніе, согласно предложенію гласнаго В. Ф. Лятошинскаго, постановило ходатайствовать объ избавленіи отъ тѣлесныхъ наказаній бывшихъ учениковъ начальныхъ школъ, но губернаторъ и затѣмъ губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе опротестовали это постановленіе, какъ выходящее изъ предѣловъ земской компетенціи. Слѣдующее земское собраніе рѣшило обжаловать этотъ протестъ въ правительствующій сенатъ. Въ *Саратовскомъ уѣздѣ* **) этотъ вопросъ возбуждался дважды. Сдѣланное однимъ гласнымъ въ собраніи 1895 г. предложеніе возбудить ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для кончившихъ курсъ въ сельскихъ школахъ, не было допущено до обсужденія предсѣдателемъ собранія. Тогда въ засѣданіи 19 ноября 1896 г. въ саратовскомъ уѣздномъ собраніи ***) снова былъ поднятъ тотъ-же вопросъ гласнымъ Н. О. Никольскимъ, причемъ при обсужденіи этого предложенія возникли очень интересныя пренія. Указавъ на всѣ заботы и расходы уѣзднаго земства на распространеніе народнаго образованія, Н. О. Никольскій полагаетъ, что всѣ земскія старанія до извѣстной степени подрываются 26 темными пятнами въ уѣздѣ—волостными правленіями, которыя своими приговорами къ тѣлесному наказанію дѣйствуютъ обратно школѣ, деморализируютъ и убиваютъ человѣческое достоинство въ людяхъ. Гласные изъ крестьянъ въ земскомъ собраніи равноправны съ остальными, а внѣ собранія могутъ быть подвергнуты позорной варварской поркѣ розгами. Необходимо ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для всѣхъ крестьянъ. Замѣчаніе предсѣдателя собранія, что едва-ли это ходатайство будетъ пропущено администраціей, Н. О. Никольскій опровергаетъ ссылкой на указъ сената отъ 17 сентября (см. ниже), который установилъ право земствъ на подобныя ходатайства. Изъ двухъ гласныхъ крестьянъ, говорившихъ по этому вопросу, одинъ высказался за, другой противъ розогъ. Первый гласный, Володинъ говоритъ, что если запретить розгу, то въ деревнѣ нельзя будетъ жить: пойдутъ ломать амбары, уводить лошадей; эта острастка нужна. Второй гласный, Мирошниковъ доказываетъ, что теперь въ деревнѣ страшное неравноправіе: мѣщане и крестьяне живутъ въ деревнѣ при однихъ условіяхъ, но крестьянъ порютъ, а мѣщанъ нѣтъ. Нужно розги отмѣнить для всѣхъ, а если этого нельзя, то не слѣдуетъ дѣлать исключеній и для другихъ сословій. Земскій начальникъ Гриммъ также говоритъ противъ розогъ, такъ какъ и безъ нихъ земскіе начальники своей сильной административной властью могутъ поддерживать порядокъ. Въ уѣздѣ прежде розги примѣня-

*) Рус. Вѣд. № 324, 1896 г.
**) В. Семевскій. L. с., стр. 62.
***) Рус. Вѣд. 1897, № 325.

лись часто, а теперь земскіе начальники почти изгнали ихъ и дѣло идетъ лучше. Гл. Никольскій снова говоритъ, что если земскіе начальники изгоняютъ розгу, то значитъ сама жизнь этого требуетъ, но нельзя это наказаніе оставлять въ зависимости отъ личности земскаго начальника, нужно уничтожить его законодательнымъ путемъ. Возражая гласному Володину и обращаясь къ остальнымъ гласнымъ изъ крестьянъ, гл. Никольскій сказалъ: «за розгу стоятъ старикъ, переживіпій крѣпостное право и воспитанный въ дореформенныхъ традиціяхъ; такимъ-то людямъ законъ и ввѣряетъ ужасное право—сѣчь другихъ. Розга не спасетъ васъ, крестьянъ, отъ порочныхъ членовъ; берегитесь именно тѣхъ, кого вы выпороли: ему ужъ не страшны ни замки, ни тюрьма, ему мѣсто за Ураломъ... Другими мѣрами слѣдуетъ воспитывать населеніе, и земство избрало эти мѣры воспитанія народа». Собраніе *единогласно* постановило ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для всѣхъ крестьянъ Саратовскаго уѣзда.

Въ Симбирской губерніи ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для окончившихъ курсъ въ начальныхъ школахъ было возбуждено *ардатовскимъ* уѣзднымъ земскимъ собраніемъ въ 1895 г. По докладѣ этого ходатайства *губернскому собранію*, предсѣдатель собранія заявилъ, что этотъ вопросъ имѣетъ общегосударственное значеніе и не подлежитъ вѣдѣнію земства. Въ Симбирской же губерніи нашлось единственное въ Россіи земство, которое высказалось за розги. А именно *сенгилеевское* *) уѣздное собраніе возбудило ходатайство о примѣненіи розогъ. Это ходатайство было предложено земскимъ начальникомъ, поддержано всѣми остальными земскими начальниками-гласными и гласными изъ крестьянъ. Крестьяне вовсе не были за розгу на самомъ дѣлѣ, а дѣйствовали подъ давленіемъ земскихъ начальниковъ. Когда въ томъ же собраніи земскіе начальники, получающіе отъ казны разъѣздныхъ по 600 р., просили разрѣшить имъ безплатно пользоваться земскими лошадьми, то раздалось большинство голосовъ: «разрѣшить... разрѣшить»; при закрытой же баллотировкѣ большинство высказалось противъ разрѣшенія.

Въ смоленскомъ земствѣ изслѣдуемый вопросъ былъ возбужденъ въ губернскомъ собраніи въ сессію 1894 г. запиской гласнаго К. И. Ровинскаго, предложившаго возбудить ходатайство объ отмѣнѣ для крестьянскаго населенія тѣлеснаго наказанія по приговорамъ волостныхъ судовъ. Эта записка была передана на предварительное обсужденіе редакціонной коммиссіи. Въ своей запискѣ К. И. Ровинскій довольно обстоятельно соединяетъ всѣ тѣ мотивы, которые приводились въ ходатайствахъ другихъ земствъ, но есть нѣкоторые мотивы новые или носящіе мѣстный характеръ; приведемъ ихъ здѣсь вкратцѣ. Тѣлесное наказаніе является, по общему

*) Саратовская Земская Недѣля 1895 г., № 48.

мнѣнію ученыхъ криминалистовъ и представителей судебной власти, наказаніемъ не только жестокимъ и крайне позорнымъ, но и неудобнымъ, безполезнымъ и несправедливымъ. Несправедливо оно потому, что ему подвергается только одно крестьянское сословіе, а также и потому, что подвергнутый розгамъ лишается права занимать общественныя и почетныя должности. Не даромъ оно создаетъ озлобленныхъ личностей или доводитъ ихъ до отчаянія и самоубійства. Мало того: самое наказаніе розгами поставлено внѣ контроля, ни одинъ изъ администраторовъ не присутствуетъ при экзекуціи, и розги въ рукахъ усердныхъ исполнителей могутъ быть истязаніемъ, которое запрещается закономъ даже относительно животныхъ. (Въ самомъ дѣлѣ, какое вопіющее противорѣчіе: развѣ можно вызвать состраданіе къ животнымъ въ людяхъ, которые приговариваютъ къ истязанію и приводятъ въ исполненіе это истязаніе надъ другими людьми?!) Развѣ можетъ «въ крестьянской средѣ послѣдовать смягченіе нравовъ, развиться уваженіе къ личности, исчезнуть грубость и самодурство, когда съ провинившимся крестьяниномъ грубо расправляются въ волостномъ правленіи, сѣкутъ иногда на глазахъ сосѣдей и даже при помощи ихъ, такъ какъ нерѣдко волостной старшина приказываетъ крестьянамъ помочь сторожамъ, которые не могутъ справиться съ сѣкомымъ, оказывающимъ сопротивленіе, а иногда даже въ присутствіи его собственныхъ и чужихъ дѣтей, такъ какъ нерѣдко школы расположены рядомъ съ волостными правленіями?» Теперь почти вездѣ народъ считаетъ высѣченнаго опозореннымъ, и только въ глухихъ мѣстахъ, гдѣ народъ особенно неразвитъ и грубъ, крестьяне довольно спокойно относятся къ розгамъ, «предпочитая даже иногда, по экономическимъ соображеніямъ, *отсѣчься*, чѣмъ сидѣть подъ арестомъ или платить штрафъ. Эти факты весьма грустны и свидѣтельствуютъ только о томъ, что существованіе въ теченіе весьма долгаго времени тѣлеснаго наказанія, при полной необразованности, окончательно убило въ крестьянскомъ населеніи нѣкоторыхъ мѣстностей чувство чести». Въ подтвержденіе этого авторъ записки приводитъ глубоко справедливыя слова юриста Росси: «если въ обществѣ развито нравственное достоинство, то оно изгоняетъ сѣченнаго изъ своей среды, и это послужитъ ему препятствіемъ для снисканія пропитанія своимъ трудомъ, сдѣлаетъ изъ него врага общества на вѣки. Но подобная страна еще счастлива. Хуже тамъ, гдѣ только-что высѣченный принимается въ прежнее общество, гдѣ наказанному стоитъ только отряхнуться, чтобы изгладить послѣдствія наказанія,—*это свидѣтельствуетъ о грубости народа, объ его отсталости*». Тѣлесное наказаніе должно быть отмѣнено для народа по тѣмъ же мотивамъ, по которымъ оно отмѣнено самимъ правительствомъ для воинскихъ чиновъ—«возвысить нравственный духъ». По мнѣнію закона, контроль земскихъ начальниковъ служитъ «достаточной гарантіей правильности примѣненія тѣ-

-леснаго наказанія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, такъ какъ названныя лица не будутъ допускать исполненія его надъ такими лицами, для коихъ наказаніе это, по ихъ развитію и занимаемому ими положенію, представлялось бы *слишкомъ тяжелымъ*». Но этотъ контроль не достигаетъ цѣли: съ одной стороны земскій начальникъ не знаетъ близко всѣхъ крестьянъ, для которыхъ наказаніе розгами будетъ *слишкомъ тяжелымъ*, а съ другой стороны есть такіе земскіе начальники, которые вслѣдствіе *принципіальныхъ взглядовъ* безусловно утверждаютъ всѣ приговоры волостныхъ судовъ о розгахъ, не разбирая ни лицъ, ни положеній и пр. Подобный примѣръ земскаго начальника въ Смоленской губ. извѣстенъ автору записки; но есть и обратные примѣры: нѣкоторые земскіе начальники de facto совсѣмъ упразднили розги въ своемъ участкѣ.

Редакціонная коммиссія согласилась съ авторомъ записки и внесла въ собраніе предложеніе объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для всѣхъ крестьянъ. Въ засѣданіи 17 декабря былъ прочитанъ докладъ коммиссіи, и собраніе согласилось съ нимъ громаднымъ большинствомъ голосовъ противъ семи. Эти 7 гласныхъ подписались подъ поданнымъ ими отдѣльнымъ мнѣніемъ, въ которомъ, а также и въ преніяхъ, они за тѣлесное наказаніе привели слѣдующіе мотивы: 1) народъ нашъ еще очень грубъ и неразвитъ, и дикіе инстинкты нѣкоторыхъ испорченныхъ могутъ сдерживаться только страхомъ тѣлеснаго наказанія, такъ что, ходатайствуя объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, «мы заботимся о безопасности именно этихъ негодяевъ и забываемъ невинныя жертвы ихъ произвола»; 2) «введеніе тѣлеснаго наказанія было встрѣчено самими крестьянами сочувственно»; 3) наказаніе тогда отвѣчаетъ своему назначенію, когда оно падаетъ только на виновныхъ, а не на лицъ, къ проступку непричастныхъ,—таково тѣлесное наказаніе, штрафъ-же и арестъ служатъ наказаніемъ не для одного виновнаго, но и для его семьи, лишая ее денежныхъ средствъ при штрафѣ или заработка арестованнаго (почему послѣдовательности ради не предложить розги и для дворянъ, такъ какъ и ихъ семьи иногда еще больше страдаютъ матеріально отъ ареста своихъ членовъ?). Отдѣльное мнѣніе заканчивается патетическими словами: «въ заботахъ о нравственныхъ интересахъ правонарушителей, весьма, конечно, похвальныхъ и желательныхъ, забываютъ про жертвы преступленія, ихъ человѣческое достоинство и поруганную честь (интересный аргументъ: для возстановленія чести одного нужно надругаться надъ другимъ)... Лучшее будущее для нашего народа, намъ думается, скорѣе наступитъ, когда мы на первый планъ будемъ ставить интересы трудящейся лучшей части народа, а не его отбросовъ».

Слѣдующему XXXI смоленскому губернскому земскому собранію управа представила докладъ, въ которомъ приводится отвѣтъ министра на ходатайство, и новое ходатайство *гжатскаго* собранія.

Въ послѣднемъ собраніи предводитель дворянства заявилъ, что, въ виду распространенія грамотности и развитія гжатскаго населенія, тѣлесное наказаніе не только безполезно, но даже вредно, и предложилъ ходатайствовать объ отмѣнѣ этого наказанія для всѣхъ крестьянъ Гжатскаго уѣзда, что уѣзднымъ собраніемъ и принято *единогласно*.—Отвѣтъ министра на прошлогоднее подобное ходатайство губернскаго собранія былъ отрицательный, такъ какъ возбужденный земствомъ вопросъ имѣетъ общегосударственное значеніе и выходитъ изъ предметовъ вѣдѣнія, предоставленныхъ по закону земскимъ учрежденіямъ. — Сообщая объ этомъ, губернская управа предложила возбудить вновь ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для всѣхъ крестьянъ губерніи съ тѣмъ, чтобы это ходатайство было представлено, согласно утвержденному 7 іюля 1867 г. положенію комитета министровъ, на заключеніе этого комитета. Собраніе въ засѣданіи 13 января 1896 г. *единогласно* приняло это предложеніе управы.

Таврическая губернская управа сообщаетъ, что въ этомъ земствѣ не возбуждалось ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, такъ какъ обсужденіе этого вопроса въ одной изъ сессіи губернскаго собранія встрѣтило препятствія внѣшняго характера. Но отношеніе этого земства къ розгамъ вполнѣ опредѣленное и сходное съ остальными земствами. Такъ таврическое губернское земское собраніе *) еще въ 1880 г. ходатайствовало о воспрещеніи наказанія розгами по приговорамъ волостныхъ судовъ, и таврическая губернская управа въ своемъ отвѣтѣ въ Кохановскую коммиссію безусловно высказалась за отмѣну тѣлеснаго наказанія: «трудно защищать наказаніе, убивающее въ человѣкѣ чувство чести и нравственнаго достоинства и не достигающее даже и цѣли устрашенія, если только оно не обращено въ истязаніе». Впрочемъ, не смотря на выше указанное препятствіе «внѣшняго характера», *симферопольское* уѣздное земство **) и въ настоящее время высказалось противъ розги при обсужденіи запроса министерства земледѣлія о мѣрахъ, необходимыхъ для развитія экономическихъ силъ страны и сельскаго хозяйства въ частности. Кромѣ другихъ мѣръ, это собраніе находитъ необходимымъ въ интересахъ сельскаго хозяйства отмѣнить тѣлесное наказаніе, такъ какъ «порка» является важнымъ тормазомъ для развитія этого хозяйства. По мнѣнію собранія: «благодаря существованію этого наказанія, изъ селеній уходятъ въ города и даже переходятъ въ другія состоянія всѣ тѣ грамотные крестьяне, которые сознаютъ свое человѣческое достоинство и всю нравственную тяжесть гибельнаго тѣлеснаго наказанія; въ деревняхъ у плуга остаются тѣ неграмотные крестьяне, которые почти вовсе не сознаютъ этого человѣческаго достоинства. Этотъ контин-

*) В. Семевскій. L. c. стр. 58.
**) Саратовская Земская Недѣля 1895, № 48.

гентъ землепашцевъ совершенно безучастно относится къ разнымъ улучшеніямъ и нововведеніямъ въ сельскомъ хозяйствѣ и слѣд. на поднятіе сельскаго хозяйства при ихъ помощи трудно разсчитывать».

Ходатайство *тамбовскаго земства* особенно интересно по процессуальному веденію дѣла. Въ губернское собраніе, въ засѣданіи 14 декабря 1894 г., поступило заявленіе отъ 17 гласныхъ, которые, въ видахъ поднятія нравственнаго уровня населенія, предложили возбудить ходатайство объ освобожденіи навсегда отъ тѣлеснаго наказанія всѣхъ, получившихъ установленное свидѣтельство объ окончаніи курса въ народныхъ школахъ. Эта мѣра послужитъ поощреніемъ къ распространенію народнаго образованія и къ окончанію учениками курса. Одинъ изъ гласныхъ пытался доказать, что земство некомпетентно говорить объ этомъ, но предсѣдатель собранія въ отличіе отъ многихъ другихъ нашелъ подобное ходатайство вполнѣ законнымъ, и собраніе приняло предложеніе о ходатайствѣ. Тамбовскій губернаторъ, разсмотрѣвъ постановленія собранія, увѣдомилъ управу, что онъ считаетъ это ходатайство выходящимъ изъ круга вѣдѣнія земства и не подлежащимъ дальнѣйшему движенію. Но затѣмъ черезъ три мѣсяца губернаторъ вторично увѣдомилъ управу, что онъ представлялъ это ходатайство въ министерство внутреннихъ дѣлъ и получилъ отвѣтъ, который и препровождаетъ въ управу. Въ этомъ отвѣтѣ говорится, что «значеніе земскихъ учрежденій должно быть строго мѣстное, касаться лишь предметовъ, предоставленныхъ ихъ управленію, исключительно съ точки зрѣнія той территоріальной единицы (губернія и уѣздъ), на которую распространяется ихъ сфера дѣйствій, и потому всякое постановленіе или ходатайство, хотя бы и относящееся до предметовъ земскаго вѣдѣнія, но имѣющее своей цѣлью установленіе порядка внѣ предѣловъ упомянутой территоріи или затрогивающее интересы всего государства, не можетъ почитаться законнымъ. Въ законѣ (ст. 193 т. II общ. губ. учрежд. изд. 1892 г.) прямо выражено, что постановленія, относящіяся къ предметамъ, не подлежащимъ вѣдѣнію собранія, или, по содержанію своему, превышающія предоставленныя ему права, не подлежатъ, какъ противныя законамъ и потому недѣйствительныя, ни исполненію, ни дальнѣйшему производству». Поэтому, безъ разсмотрѣнія сущности дѣла, ходатайство оставлено министромъ безъ разсмотрѣнія. Все это дѣло вторично разсматривалось тамбовскимъ губернскимъ собраніемъ въ засѣданіяхъ 1 и 4 декабря 1895 года, причемъ было постановлено согласиться съ мнѣніемъ коммиссіи, а именно, во избѣжаніе впредь подобныхъ столкновеній, представить на дѣйствія губернатора жалобу въ сенатъ и изложить дѣло какъ со стороны формальнаго порядка, такъ и по существу. Коммиссія, а вмѣстѣ съ ней и собраніе нашли, что губернаторъ, отмѣняя своей властью прошлогоднее постановленіе, дѣйствовалъ неправильно; по положенію 12 іюня 1890 г. губерна-

тору не предоставлено право отмѣнять постановленія земства своей собственной властью, а онъ долженъ передать ихъ на разсмотрѣніе въ губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе, почему и необходимо обжаловать дѣйствія губернатора. Переходя къ разсмотрѣнію вопроса по существу, достаточно сказать, что мотивы, приведенные въ отвѣтѣ министра, неправильны. Дѣйствительно, законъ предоставляетъ земству ходатайствовать о своихъ мѣстныхъ нуждахъ и пользахъ, но вѣдь *губернія и уѣздъ не оторванные клочки русской земли, не имѣющіе ничего общаго съ остальнымъ государствомъ*, и всякая мѣстная нужда будетъ болѣе или менѣе общей. Тамбовское и многія другія земства ходатайствовали часто по такимъ вопросамъ, которые требовали измѣненія закона, и эти ходатайства не признавались незаконными. Такъ тамбовское земство ходатайствовало объ учрежденіи министерства земледѣлія, объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей устава крестьянскаго банка, о запрещеніи вывоза за границу хлѣба и проч., а въ этому году представитель министерства тамбовскій губернаторъ самъ предложилъ губернскому собранію ходатайствовать объ измѣненіи продовольственнаго устава, т. е. общаго закона для всей имперіи. Такимъ образомъ, и ходатайство земства объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія вполнѣ законно.—Съ постановленіемъ собранія—принести жалобу на губернатора, не согласились 5 гласныхъ, которые подали особое мнѣніе.—Декабрьскому собранію 1896 года губернской управой былъ представленъ докладъ, содержащій указъ сената по поводу жалобы собранія и ходатайство тамбовскаго уѣзднаго земства. Указъ сената отъ 17 сентября 1896 г. гласитъ слѣдующее: «Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, правительствующій сенатъ находитъ, что ст. 192 и 193 общ. губ. учр. т. II св. зак. изд. 1892 г. постановляется общимъ правиломъ, что постановленіе земскаго собранія, несогласное съ закономъ, либо относящееся къ предметамъ, не подлежащимъ вѣдѣнію собранія, или по содержанію своему превышающее предоставленныя земству права, признается недѣйствительнымъ и не подлежащимъ дальнѣйшему исполненію и производству. Для того, чтобы выяснить при какихъ условіяхъ и какими учрежденіями постановленія земскаго собранія могутъ быть признаваемы недѣйствительными и, слѣдовательно, не подлежащими дальнѣйшему исполненію и производству, слѣдуетъ обратиться къ разсмотрѣнію статей пол. о зем. учр. 12 іюня 1890 г., опредѣляющихъ порядокъ обсужденія и направленія дѣлъ, возбуждаемыхъ постановленіями земскихъ собраній. Согласно подлежащимъ на сей предметъ статьямъ пол. о зем. учреж. (ст. 82 — 85, 86 и прим. къ оной, 87 — 89 и 104), постановленія земскихъ собраній относительно порядка разсмотрѣнія, опредѣленія ихъ законности и направленія самого дѣла, раздѣляются на 4 разряда: постановленія, утверждаемыя губернаторомъ или министромъ внутреннихъ дѣлъ, постановленія, не требующія таковаго утвержденія и приводящіяся въ дѣйствіе при не-

опротестованіи ихъ губернаторомъ въ двухнедѣльный срокъ со дня полученія сихъ постановленій, и постановленія, заключающія въ себѣ тѣ или другія ходатайства земствъ предъ высшимъ правительствомъ. Постановленія земскихъ собраній, требующія утвержденія административной власти, признаются несостоявшимися при отказѣ въ таковомъ утвержденіи со стороны губернскихъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствій или министра внутреннихъ дѣлъ; постановленія, не требующія упомянутаго утвержденія,—также постановленіями губернскихъ присутствій, а въ случаѣ обжалованія оныхъ земскими собраніями, рѣшеніями правительствующаго сената. Что же касается ходатайствъ земствъ предъ высшимъ правительствомъ, то направленіе ихъ опредѣляется особымъ порядкомъ: каждое таковое ходатайство губернаторъ обязанъ направлять, съ своимъ заключеніемъ, въ подлежащее министерство, засимъ, согласно п. 14 ст. 23 учр. ком. мин. т. I св. зак. изд. 1892 г., объ оставленіи безъ послѣдствій ходатайствъ губернскихъ земскихъ собраній, министръ обязанъ представлять комитету министровъ. Такимъ образомъ относительно неуважительности ходатайствъ земствъ по тѣмъ или другимъ причинамъ, какъ губернаторы, такъ и министры даютъ только свои заключенія, признаніе же постановленія земскаго собранія о томъ или другомъ ходатайствѣ передъ правительствомъ недѣйствительнымъ и не подлежащимъ исполненію и дальнѣйшему производству, зависитъ отъ усмотрѣнія комитета министровъ. Признавая, въ виду изложенныхъ соображеній, распоряженіе тамбовскаго губернатора о признаніи собственною властью недѣйствительнымъ и не подлежащимъ исполненію и дальнѣйшему производству постановленіе тамбовскаго губернскаго земскаго собранія о возбужденіи предъ правительствомъ ходатайства объ освобожденіи кончившихъ курсъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ учениковъ отъ тѣлеснаго наказанія, не имѣющимъ законныхъ основаній, правительствующій сенатъ опредѣляетъ: таковое отмѣнить, предписавъ губернатору направить настоящее дѣло въ установленномъ закономъ порядкѣ. О чемъ для надлежащаго исполненія и объявленія тамбовской губернской земской управѣ, а равно въ разрѣшеніе рапорта за № 615, тамбовскому губернатору послать указъ, каковымъ увѣдомить и министра внутреннихъ дѣлъ».

Та же исторія повторилась и съ *тамбовскимъ уѣзднымъ* земскимъ собраніемъ; оно, въ засѣданіи 8 октября 1895 г., согласно предложенію предсѣдателя собранія—предводителя дворянства В. М. Петрово-Соловово, постановило ходатайствовать объ освобожденія отъ тѣлеснаго наказанія лицъ, окончившихъ курсъ въ школахъ уѣзда. Это постановленіе собранія было опротестовано губернаторомъ. Тогда экстренное уѣздное собраніе 12 февраля 1896 г. обжаловало распоряженіе губернатора въ сенатъ, который и прислалъ такой же указъ, что и губернскому земству.

Наконецъ, губернское собраніе въ засѣданіи 7 декабря 1896 г., ознакомившись съ докладомъ управы и указомъ сената, постановило согласовать оба ходатайства губернскаго и уѣзднаго собранія объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для окончившихъ курсъ и дать имъ законное движеніе.

Въ *Тверской губерніи* разбираемый вопросъ поднимался два раза. Въ засѣданіи губернскаго собранія 14 декабря 1889 г. гласный М. И. Петрункевичъ, въ виду предстоящей реформы мѣстнаго управленія, внесъ предложеніе ходатайствовать объ избавленіи отъ тѣлеснаго наказанія лицъ, окончившихъ курсъ въ начальныхъ школахъ. Гл. Ф. И. Родичевъ находитъ, что это наказаніе одинаково позорно для всѣхъ, почему и предлагаетъ ходатайствовать о безусловной отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для всего населенія. Собраніе безъ возраженій приняло послѣднее предложеніе. Тверской губернаторъ опротестовалъ это постановленіе, какъ выходящее изъ предѣловъ вѣдѣнія земскихъ учрежденій. Слѣдующее губернское собраніе въ засѣданіи 10 декабря 1890 г. разсматривало заключеніе редакціонной коммиссіи по этому протесту, и послѣ продолжительныхъ преній согласилось съ мнѣніемъ коммиссіи, что протестъ губернатора неправильный, и потому постановило дать ходатайству дальнѣйшій ходъ. Между прочимъ, свое рѣшеніе собраніе основало на указѣ сената отъ 31 мая 1884 г., въ которомъ признанъ неправильнымъ протестъ губернатора по такому же ходатайству константиноградскаго земства (см. Полтавскую губернію). Одинъ изъ гласныхъ, доказывавшихъ необходимость отмѣны розогъ, опровергалъ «любовь крестьянъ къ розгамъ» и указалъ на такой фактъ, что одинъ крестьянинъ, будучи приговоренъ къ розгамъ, оказалъ сопротивленіе и былъ уже приговоренъ къ высшему наказанію—къ аресту. Добившись этого болѣе строгаго наказанія, онъ заявилъ, что для того и сопротивлялся, чтобы избавиться отъ розогъ. Снова поднятъ этотъ вопросъ въ 1895 г. *новоторжскимъ* земскимъ собраніемъ, которое постановило ходатайствовать объ освобожденіи населенія уѣзда отъ тѣлеснаго наказанія. Однако, предсѣдатель губернскаго собранія въ засѣданіи 11 декабря 1895 г. исключилъ изъ программы занятій собранія докладъ губернской управы по этому вопросу.

Въ *Уфимской* губерніи вопросъ былъ поднятъ *стерлитамакскимъ* земскимъ собраніемъ, которое въ засѣданіи 15 октября 1895 г., согласно предложенію гласнаго В. В. Ушакова, постановило: въ видахъ привлеченія большаго числа учащихся въ школы ходатайствовать объ избавленіи отъ тѣлеснаго наказанія лицъ, кончившихъ курсъ въ начальныхъ училищахъ. *Губернская управа* въ своемъ докладѣ поддерживаетъ предложеніе стерлитамакскаго собранія, указываетъ на тѣ мотивы, которые приводились въ другихъ земствахъ, но, между прочимъ, отмѣчаетъ и одну мѣстную причину, говорящую за особую важность отмѣны тѣлеснаго наказанія для

Уфимской губерніи. Эта губернія, благодаря своимъ бытовымъ и естественно-историческимъ условіямъ,—рѣдкость населенія, пестрый составъ его, удаленность отъ центровъ страны, недостатокъ хорошихъ путей сообщенія,—очень отстала въ дѣлѣ народнаго образованія отъ центральныхъ губерній, и сельское населеніе еще не сознаетъ въ желаемой степени пользу школы. Если теперь многіе крестьяне, желая избавиться отъ возможности подвергнуться тѣлесному наказанію, переходятъ въ другія сословія, то школа, избавляющая отъ этого наказанія, пріобрѣтетъ въ ихъ глазахъ особое значеніе. Кромѣ развитія народа, школа въ Уфимской губерніи является могучимъ орудіемъ къ сліянію съ русскимъ народомъ массы обитающихъ инородцевъ, почему для привлеченія ихъ въ школы необходимы всѣ способы.—*Губернское собраніе* въ засѣданіи 8 декабря 1895 согласилось съ докладомъ управы и постановило ходатайствовать объ избавленіи отъ тѣлеснаго наказанія крестьянъ, окончившихъ курсъ въ народныхъ училищахъ.

Въ херсонскомъ земствѣ вопросъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія поднимался неоднократно. *Елисаветградское* собраніе еще въ сессію 1872 г. въ засѣданіи 19 сентября приняло докладъ училищной коммиссіи, восьмымъ пунктомъ котораго предлагалось: «просить у правительства крестьянъ, окончившихъ съ успѣхомъ образованіе въ сельской школѣ, освободить отъ тѣлеснаго наказанія и предоставить имъ какія либо права при поступленіи на службу». Въ 1881 г. то же собраніе утвердило записку гл. Н. А. Бошняка по вопросу объ улучшеніи мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій; въ этой запискѣ 12 пунктъ редактированъ такъ: «наказаніе розгами, какъ наказаніе унижающее и развращающее, должно быть отмѣнено».

По тому же самому поводу высказалось и *одесское уѣздное* собраніе, принявши предложеніе управы о представленіи правительству относительно необходимости уничтоженія тѣлеснаго наказанія вообще. Губернская управа поддержала предложеніе обоихъ уѣздныхъ земствъ, и оно было принято *губернскимъ собраніемъ* 1881 года.

Затѣмъ въ послѣднее время этотъ вопросъ снова былъ поднятъ *елисаветградскимъ* земствомъ въ сессію 1895 г. Въ это собраніе было представлено прекрасно мотивированное письменное предложеніе гл. П. А. Зеленаго. Опуская тѣ мотивы, которые приведены уже въ предложеніяхъ другихъ земствъ, мы отмѣтимъ нѣкоторыя особенности этого предложенія. Авторъ приводитъ мнѣнія врачебныхъ обществъ о вредѣ тѣлеснаго наказанія, что подтверждается и недавно опубликованными случаями самоубійства и сумасшествія отъ розогъ. Печать, за исключеніемъ двухъ органовъ, всегда высказывалась противъ розогъ. Славянофилы уже давно говорили противъ нихъ и К. Аксаковъ («Русь» № 5, 1883 г.) обращалъ вниманіе, что «древняя Русь не знала тѣлеснаго наказанія; въ

вей грубая сила являлась, какъ случайность, но никогда, какъ законъ. Тѣлесное наказаніе—подарокъ татарскій». Оффиціальные и духовные органы также высказываются противъ тѣлеснаго наказанія, таковы: «Церковный Вѣстникъ», считающій шпицрутены, кнутъ и пр. наслѣдіемъ нѣмцевъ и татаръ и находящій, что пора отмѣнить совсѣмъ это позорное, противорѣчащее христіанству наказаніе; «Курскія Губернскія Вѣдомости» считаютъ розги «крайне несовершенною исправительною мѣрою», которая «на крестьянина, въ существѣ порядочнаго, дѣйствуетъ крайне удручающимъ образомъ: позоръ, наносимый ему, остается на всю жизнь; позоръ этотъ раздѣляетъ и семья, такъ какъ дѣтей человѣка, подпавшаго такому наказанію, сверстники не преминутъ подвергнуть осмѣянію: «твой батька, молъ, поротый!» По компетентному заявленію этого оффиціальнаго органа, бываютъ случаи, что къ розгамъ за сравнительно маловажные проступки приговариваются люди въ зрѣломъ возрастѣ, хорошіе домохозяева, отцы взрослыхъ дѣтей. Громадное большинство земствъ неоднократно высказывалось за отмѣну розогъ. Гл. Зеленый особенно останавливается на интересныхъ преніяхъ въ чистопольскомъ собраніи. Гласный городской голова Бургеръ задалъ такой вопросъ: какъ согласовать заботы земства о народномъ оразованіи съ позорнымъ наказаніемъ? «При настоящихъ условіяхъ могутъ произойти слѣдовательно ненормальныя явленія: въ читальнѣ, учрежденной при волостномъ правленіи, можетъ ожидать своей очереди, чтобы подвергнуться позорной экзекуціи, грамотный крестьянинъ, и въ ожиданіи читать сочиненіе какого нибудь писателя, въ которомъ его научаютъ уважать человѣческое достоинство, даютъ понятіе о томъ, что такое есть доброе имя, а черезъ минуту... все это будетъ попрано, и человѣкъ будетъ опозоренъ на всю жизнь, иногда за легкомысленный поступокъ».

Въ томъ же собраніи гласный крестьянинъ Васянинъ говорилъ, что розги въ деревнѣ часто примѣняются *совершенно зря* и противъ безусловно порядочныхъ людей. При той власти, какой пользуются въ деревнѣ старшина и писарь, часто бываютъ и такіе случаи, что старшина или другіе мѣстные воротилы подводятъ подъ розги лицъ непріятныхъ имъ, чтобы не допустить ихъ до общественныхъ должностей и избавить себя отъ конкуррентовъ. Наконецъ, приводя списокъ лицъ, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, гласный Зеленый указалъ, что ученики народныхъ школъ, вѣроятно, только вслѣдствіе пропуска не попали въ этотъ списокъ, такъ какъ программа этихъ школъ нисколько не ниже программы, освобожденной отъ наказаній школы дома воспитанія бѣдныхъ. Въ заключеніе гл. Зеленый предложилъ два ходатайства: 1) объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для окончившихъ курсъ во всѣхъ народныхъ школахъ и 2) объ отмѣнѣ пункта 4-го 33 ст., второй половины 34 ст. и соотвѣтственной редакціи 36 ст. временныхъ правилъ о

волостномъ судѣ. Къ этому предложенію елисаветградская уѣздная управа отъ себя привела историческія справки о подобныхъ ходатайствахъ въ 1872 и 1881 гг.; если земство уже 25 лѣтъ тому назадъ находило необходимымъ отмѣнить тѣлесное наказаніе, то теперь, въ виду широкаго распространенія народнаго образованія, подобное ходатайство безусловно необходимо. По прочтеніи записки гл. Зеленаго въ собраніи, предсѣдатель заявилъ, что онъ можетъ допустить къ обсужденію только первую часть предложенія, почему собраніе, ограниченное въ своихъ правахъ предсѣдателемъ, и постановило ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для всѣхъ окончившихъ курсъ во всѣхъ народныхъ школахъ.

Херсонская губернская управа въ своемъ докладѣ собранію поддержала это ходатайство елисаветградскаго земства, и *губернское собраніе* въ засѣданіи 20 ноября 1895 г. постановило единогласно возбудить указанное ходатайство.

Въ *черниговскомъ* земствѣ вопросъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія разработанъ очень подробно; онъ разсматривался неоднократно въ губернскомъ земствѣ и почти во всѣхъ уѣздныхъ. Въ первый разъ губернская управа представила собранію 1892 г. прекрасно мотивированный докладъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для окончившихъ народныя училища. Кромѣ соображеній, приведенныхъ другими земствами, черниговская управа указала, что само правительство постоянно стремится къ ограниченію тѣлесныхъ наказаній посредствомъ изъятія отъ него цѣлаго ряда лицъ по должности и по образованію. Желая еще болѣе ограничить примѣненіе тѣлеснаго наказанія, законъ поставилъ его подъ контроль земскихъ начальниковъ. Этой тенденціи правительства соотвѣтствуютъ и желанія земствъ, которыя уже съ начала 80-хъ годовъ начали ходатайствовать о полной отмѣнѣ этого наказанія. Однимъ словомъ, необходимость отмѣны розогъ вполнѣ назрѣла. Характерно, что и сторонники тѣлеснаго наказанія никогда не одобряли его въ принципѣ, признавали его нежелательность и всю унизительность для человѣческаго достоинства, а въ защиту его приводили: «народъ привыкъ къ тѣлесному наказанію и самъ хочетъ, чтобы его сѣкли», невозможность замѣнить розги другими наказаніями, грубость, дикость и необразованность крестьянъ, «розги не болѣе безнравственны, чѣмъ тюрьма», и наконецъ «необходимость уваженія къ обычаямъ народной жизни». Всѣ эти доводы, по мнѣнію управы, вполнѣ неосновательны; начать съ того, что народъ привыкъ къ многому дурному, и вовсе не слѣдуетъ, что эти привычки слѣдуетъ сохранять, особенно если онѣ, какъ, напр., розги поддерживаютъ эту дикость, на которую жалуются защитники розги. Странно также слышать по поводу розогъ объ уваженіи къ народнымъ обычаямъ, когда эти сторонники уваженія къ народу являются сторонниками крайней опеки надъ народомъ, и къ другимъ его обычаямъ, болѣе почтеннымъ, относятся безъ всякаго уваженія. И наконецъ, вовсе

не доказано, что народъ любитъ розги. Ни жизнь, ни наука не говорятъ въ пользу розги. Далѣе управа приводитъ рядъ соображеній противъ тѣлеснаго наказанія изъ «Элементарнаго учебника уголовнаго права» проф. Кистяковскаго. Достаточно привести слѣдующія ссылки: «Подъ тѣлеснымъ наказаніемъ разумѣются способы причиненія мученія тѣлу человѣка; тѣлесныя наказанія имѣютъ тождественное происхожденіе со смертной казнью: они были вызваны къ жизни тѣми-же чувствами злобы, мести и устрашенія, которыя создали смертную казнь во всѣхъ ея видахъ». «Тѣлесныя наказанія имѣютъ огрубляющее и развращающее вліяніе на духъ народный. Они укрѣпляютъ привычку къ физическому насилію, освящая его примѣромъ: менѣе развитая умственно часть народа, видя употребленіе побоевъ и истязаній именемъ закона, остается при впечатлѣніяхъ и мысляхъ о состоятельности и умѣстности грубыхъ насилій надъ тѣломъ своихъ близкихъ». Отвергая всякую цѣлесообразность розогъ, что приведено въ мнѣніяхъ другихъ земствъ, проф. Кистяковскій опровергаетъ и экономическое оправданіе розогъ: «не должно забывать, что увѣковѣченіе грубости посредствомъ удержанія тѣлесныхъ наказаній можетъ причинить большій, хотя и невидимый вредъ всей нравственности народной. Кому неизвѣстно, что возвышеніе нравственнаго достоинства человѣка есть лучшій рычагъ улучшенія экономическаго быта народа». Затѣмъ, сдѣлавъ ссылку на указъ сената отъ 31 мая 1884 г. № 7616, черниговская управа находитъ, что ходатайство объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній хотя-бы для окончившихъ курсъ въ народныхъ школахъ вполнѣ своевременно, законно и соотвѣтствуетъ мѣстнымъ нуждамъ губерніи. Но предсѣдатель губернскаго собранія въ 1892 г. не допустилъ обсуждать вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, ссылаясь на указъ сената 14 марта 1873 г. № 7332. Рѣшеніе предсѣдателя оспаривалось 12 гласными, подавшими особое мнѣніе, въ которомъ указывали на позднѣйшее, вполнѣ ясное рѣшеніе сената 31 мая 1884 г. по поводу такого-же ходатайства константиноградскаго земства; разъ губернаторы не имѣютъ основаній опротестовывать подобныя ходатайства, «то еще менѣе естественно было предсѣдателю собранія, его представителю, налагать veto на самое обсужденіе вопроса».

Въ губернскомъ собраніи 1894 г. вопросъ снова былъ возбужденъ докладомъ губернской управы, которая воспроизвела свой докладъ собранію 1892 г. съ слѣдующимъ дополненіемъ. Нѣсколько учителей подали въ губернскую управу заявленіе, въ которомъ они указывали на необходимость освободить учившихся отъ тѣлеснаго наказанія, иначе «школа ставитъ своихъ питомцевъ въ ложное положеніе, возвышая ихъ человѣческое достоинство и тѣмъ невольно способствуя особенной горечи и чувствительности тѣлеснаго наказанія, въ случаѣ примѣненія его къ такимъ бывшимъ ея питомцамъ».

Губернская управа передала это заявленіе на разсмотрѣніе уѣздныхъ собраній, изъ которыхъ 8 категорически высказались за поддержаніе ходатайства (черниговское уѣздное, борзенское, козелецкое, конотопское, кролевецкое, мглинское, остерское и сосницкое); одно суражское воздержалось отъ подачи мнѣнія, и 6— городницкое, глуховское, новозыбковское, новгородсѣверское, нѣжинское и стародубское собранія, за позднимъ полученіемъ запроса губ. управы, не успѣли обсудить ходатайства объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для окончившихъ курсъ. Приводя сводку постановленій уѣздныхъ собраній, губернская управа на этотъ разъ шире и правильнѣе взглянула на дѣло, чѣмъ въ предыдущемъ своемъ докладѣ 1892 г. Принимая во вниманіе, что розги составляютъ предметъ ужаса и позора не только для грамотнаго, но и для неграмотнаго, которому также присуще чувство личнаго достоинства, и что не задача земства—учрежденія безсословнаго—создавать какой-то новый полу-привилегированный классъ населенія, изъятаго отъ розогъ, губернская управа предлагаетъ ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для всѣхъ, кто до сихъ поръ не освобожденъ. Въ подтвержденіе необходимости этой мѣры управа приводитъ мнѣнія врачебныхъ обществъ, печати, различныхъ ученыхъ учрежденій и ходатайства нѣсколькихъ губернскихъ собраній. Это предложеніе губернская управа и внесла въ XXX губернское земское собраніе 1895 г., которое въ засѣданіи 1 февраля и приняло слѣдующее осторожное заключеніе коммиссіи: «крупныя законодательныя измѣненія совершаются путемъ весьма труднымъ и медленнымъ. Много и много времени должно пройдти прежде, чѣмъ составится непреложное убѣжденіе, что извѣстный законъ устарѣлъ и не соотвѣтствуетъ современному росту постоянно прогрессирующаго общества. Обыкновенный путь такихъ измѣненій—путь исключеній и изъятій отъ дѣйствія закона, и если число изъятій дѣлается очень значительнымъ, тогда самый законъ пріобрѣтаетъ характеръ исключенія и, утративъ почву для примѣненія, остается ненужнымъ и безвреднымъ балластомъ въ законодательствѣ, пока не будетъ выключенъ вовсе кодификаціоннымъ порядкомъ. Предлагаемое губернскою управою ходатайство объ общей отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, если бы такое ходатайство и было признано не выходящимъ изъ рамокъ компетенціи земства, даетъ слишкомъ мало надежды на скорое осуществленіе; между тѣмъ какъ ходатайство о частичномъ измѣненіи общаго закона и объ изъятіи отъ дѣйствія его отдѣльной группы лицъ, имѣющее прямое соотношеніе къ возложенной на земство задачѣ заботы о начальномъ народномъ образованіи и не потребующее сильной ломки въ законодательствѣ, имѣетъ много шансовъ успѣха, если не сразу, то, по крайней мѣрѣ, въ весьма недалекомъ будущемъ. Въ виду этого коммиссія предлагаетъ, высказавъ пожеланіе объ общей отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, ходатайствовать объ освобожденіи отъ него воспитанниковъ начальныхъ

школъ, окончившихъ ученіе со свидѣтельствами объ успѣшномъ окончаніи».

На это ходатайство получился отрицательный отвѣтъ отъ министра, признавшаго, что поднятый земствомъ вопросъ имѣетъ общегосударственное значеніе. Въ то же время три уѣздныхъ земскихъ собранія въ сессію 1895 г. возбудили ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, борзенское о полной отмѣнѣ его, а черниговское уѣздное и городницкое для окончившихъ курсъ въ школахъ. Докладывая объ этомъ губернскому собранію сессіи 1895 г. (бывшему 16 янв.—1 февр. 1896 г.), губернская управа снова настаиваетъ на ходатайствѣ объ общей отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія; это ходатайство, согласно утвержденному 7 іюля 1867 г. положенію комитета министровъ, должно быть представлено комитету министровъ. Этотъ докладъ управы разсматривала особая коммиссія, которая, имѣя передъ собой отвѣтъ министра и новыя ходатайства трехъ уѣздныхъ собраній, предложила слѣдующее: 1) ходатайство прошлаго губернскаго собранія сессіи 1894 г. объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія окончившихъ курсъ представить вновь министру внутреннихъ дѣлъ и просить его передать это ходатайство на разсмотрѣніе комитета министровъ; 2) ходатайство собраній борзенскаго, городницкаго и черниговскаго уѣзднаго представить въ установленномъ порядкѣ министру внутреннихъ дѣлъ и ходатайствовать въ томъ же порядкѣ отъ черниговскаго губ. земскаго собранія объ общей отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для населенія Черниговской губерніи.

Въ засѣданіи губ. собранія 25 января предсѣдатель *), по прочтеніи заключенія коммиссіи и отвѣта министра, не разрѣшилъ вовсе говорить по существу дѣла и о второмъ предложеніи коммиссіи объ общемъ ходатайствѣ, а только по поводу перваго предложенія коммиссіи. На вполнѣ справедливыя возраженія гл. Шрага, предсѣдатель, между прочимъ, замѣтилъ: «повѣрьте, я не менѣе тѣхъ, которые писали этотъ докладъ, сочувствую отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, этому сочувствуютъ всѣ, но говорить объ этомъ не велѣно». (Этому совершенно противорѣчитъ то обстоятельство, что вопросъ объ общей отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія свободно обсуждался въ смоленскомъ, московскомъ, тверскомъ, петербургскомъ и др. собраніяхъ). Въ виду такого запрещенія предсѣдателя, не смотря на протестъ нѣкоторыхъ гласныхъ, собранію оставалось только одно—принять первое предложеніе коммиссіи—просить министра внутреннихъ дѣлъ передать прошлогоднее ходатайство собранія на разсмотрѣніе комитета министровъ. 15 гласныхъ приложили къ журналу свое особое мнѣніе о неправильности дѣйствій предсѣдателя. Въ этомъ мнѣніи, между прочимъ, указывается, что общая отмѣна тѣлеснаго наказанія составляетъ мѣстную нужду для насе-

*) Не тотъ, который былъ въ XXX собраніи.

ленія губерніи, но мѣстныя нужды и пользы часто совпадаютъ съ государственными, такъ и въ данномъ случаѣ: почти всѣ земства высказались за отмѣну тѣлеснаго наказанія; вопросъ пріобрѣтаетъ общегосударственное значеніе, но это нисколько не лишаетъ его мѣстнаго значенія для населенія Черниговской губерніи. И вообще вопросъ о томъ, на сколько данное ходатайство касается мѣстныхъ нуждъ и пользъ, можетъ быть разрѣшенъ «только компетентною властью, комитетомъ министровъ, почему всякія воспрещенія ихъ обсужденія, исходящія изъ власти предсѣдателей собраній, признаемъ крайне нежелательными, какъ основывающіяся на чисто субъективной оцѣнкѣ: въ то время, когда предсѣдатели чуть ли не всѣхъ земскихъ собраній, губернскихъ и уѣздныхъ, находили возможнымъ допускать обсужденіе вопросовъ о тѣлесномъ наказаніи, предсѣдатель нашего собранія нашелъ возможнымъ воспретить такое обсужденіе, «что является неправильнымъ въ виду высочайше утвержд. 7 іюля 1867 пол. комит. министровъ и рѣш. прав. сената 1884 г. № 7616».

Такимъ образомъ, большинство губернскихъ земствъ и очень многія уѣздныя возбуждали вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній; одни земства имѣли въ виду только окончившихъ курсъ въ народныхъ школахъ, но другія смотрѣли на вопросъ болѣе правильно и цѣлесообразно и просили полнаго уничтоженія позорнаго тѣлеснаго наказанія. Земскія ходатайства сдѣлали очень многое: примѣненіе розогъ во всей Россіи уменьшилось въ значительной степени. Нужно думать, что остальныя земства *) послѣдуютъ примѣру перечисленныхъ и также возбудятъ соотвѣтственныя ходатайства, и въ близкомъ XX вѣкѣ Россія будетъ свободна отъ позорнаго и вреднаго во всѣхъ отношеніяхъ наказанія—остатка рабства.

Врачъ Д. Жбанковъ.

---

*) Саратовское уѣздное и бѣжецкое Тверской губ. въ послѣднюю осеннюю сессію возбудили подобныя ходатайства. Рус. Вѣд. 1897, №№ 281 и 287.

Къ вопросу о мобилизаціи земельной собственности.

М. Соболевъ. Мобилизація земельной собственности и новое теченіе аграрной политики въ Германіи. Москва. 1898.

Споръ о вредѣ и пользѣ мобилизаціи земельной собственности давнишній споръ, тянущійся съ начала нынѣшняго столѣтія; и до сихъ поръ онъ остается нерѣшеннымъ; до сихъ поръ одни исчисляютъ блага свободнаго передвиженія земли, другіе предвѣщаютъ гибельныя послѣдствія этой системы. Литература того и другого направленія громадна; но результаты столь продолжительнаго обсужденія вопроса далеко не отвѣчаютъ громадности труда, затраченнаго изслѣдователями. Аргументы, которые представляются въ настоящее время обоими лагерями, въ общемъ тѣ же, которые выдвигались почти 100 лѣтъ тому назадъ. По крайней мѣрѣ, это можно сказать объ общихъ соображеніяхъ, высказываемыхъ съ той и съ другой стороны: современные защитники мобилизаціи повторяютъ то, что говорилъ когда то знаменитый Теэръ, а ихъ противники представляютъ возраженія, нѣкогда пущенныя въ ходъ прусскими консерваторами и поддержанные въ литературѣ Нибуромъ и др. Правда, въ настоящее время имѣется рессурсъ, котораго въ первой половинѣ нынѣшнаго столѣтія не имѣлось — это статистика, но и статистическія изслѣдованія не привели ни къ какимъ положительнымъ выводамъ: пользуясь статистикой, одни доказываютъ, что мобилизація принесла пользу, а не вредъ; другіе же, основываясь на тѣхъ же данныхъ, видятъ въ свободномъ передвиженіи земли факторъ, угрожающій самостоятельному крестьянскому землевладѣнію. Причина такого разногласія заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что массовыя статистическія изслѣдованія, относящіяся къ большимъ пространствамъ, мало могутъ содѣйствовать разъясненію вопроса о послѣдствіяхъ мобилизаціи. На обширной территоріи явленія противоположнаго характера, нерѣдко происходящія отъ разныхъ причинъ, взаимно уничтожаются въ общей сводкѣ и ускользаютъ отъ наблюдателя. Такъ, напр., если въ какой либо странѣ происходятъ процессы, съ одной стороны, концентраціи земельной собственности, а въ другой, ея дробленія, то средній размѣръ владѣнія, полученный статистическимъ путемъ, не только можетъ не обнаружить этихъ двухъ противоположныхъ теченій, но скроетъ ихъ и дастъ основаніе къ совершенно не правильному заключенію о развитіи поземельныхъ отношеній въ данной странѣ. Болѣе детальное изученіе отдѣльныхъ областей скорѣе могло бы разъяснить причины и слѣд-

ствія мобилизаціи земельной собственности. Тамъ, гдѣ такія детальныя изслѣдованія были произведены во Франціи и Германіи, вопросъ, занимающій насъ, освѣщенъ гораздо полнѣе, чѣмъ путемъ массовыхъ изслѣдованій. Но такому подробному изученію дѣйствіе мобилизаціи подверглось только въ немногихъ мѣстностяхъ.

При томъ положеніи вопроса, какое описано выше, появленіе удовлетворительной работы, хотя бы своднаго характера, о мобилизаціи земельной собственности не можетъ не возбудить интересъ среди лицъ, занимающихся вопросами землевладѣнія и земельной политики. Такое именно значеніе и имѣетъ главнымъ образомъ, и прежде всего, книга г. Соболева «Мобилизація земельной собственности и новое теченіе аграрной политики въ Германіи». Читатель найдетъ въ ней много фактическаго матеріала, отчасти еще нигдѣ не использованнаго и во всякомъ случаѣ новаго въ русской экономической литературѣ. Въ первой части своего труда г. Соболевъ пытается при помощи статистическаго изслѣдованія рѣшить вопросъ о послѣдствіяхъ мобилизаціи въ Германіи; во второй же части онъ разсматриваетъ мѣры, предлагаемыя и осуществляемыя въ той же странѣ для борьбы съ вредными послѣдствіями свободнаго передвиженія земли.

Г. Соболевъ приходитъ къ заключенію, что мобилизація имѣла въ Германіи послѣдствіемъ развитіе трехъ явленій: чрезмѣрнаго дробленія земельной собственности, ея концентраціи и гипотечной задолженности землевладѣнія. Всѣ эти явленія, изъ которыхъ особенно сильны первое и послѣднее, отражаются невыгодно на народномъ хозяйствѣ, и поэтому должны встрѣтить противодѣйствіе со стороны экономической политики. Характеризуя современное направленіе послѣдней въ Германіи, г. Соболевъ склоняется въ пользу реформъ, ограничивающихъ дробленіе земельной собственности, свободу наслѣдованія и завѣщанія и гипотечнаго кредита. Но доводы, приводимые авторомъ въ пользу рекомендуемыхъ имъ мѣръ, не отличаются оригинальностью и широтою взгляда и не представляются намъ убѣдительными, потому что не опровергаютъ возраженій, по нашему мнѣнію, весьма серьезныхъ, которые были сдѣланы противъ подобныхъ же предложеній сторонниками мобилизаціи еще въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія.

Одно изъ упомянутыхъ возраженій, и весьма существенное, заключалось въ томъ, что при существованіи сильнаго спроса со стороны населенія на мелкіе участки ограниченіе дробленія, установленіе минимума и т. п. мѣры, стѣсняющія свободу распоряженія земельной собственностью, утратятъ всякое практическое значеніе, если земельные собственники будутъ сдавать свои владѣнія мелкимъ съемщикамъ; а при изложенныхъ условіяхъ это легко можетъ произойти, потому что арендныя цѣны подъ вліяніемъ оживленнаго спроса на мелкіе участки и недостатка въ послѣднихъ могутъ достигнуть значительной высоты и сдѣлать сдачу въ аренду выгоднѣе

собственнаго хозяйства. Писатели старой литературы, выдвигавшіе эти аргументы, ссылались въ подтвержденіе своихъ мнѣній на факты. «При современныхъ условіяхъ гражданскаго общества, писалъ по этому поводу Летте, недѣлимость какъ поселянскаго, такъ и другого землевладѣнія, установленная путемъ учрежденій, подобныхъ фидеикомиссамъ или посредствомъ обозначенія крайнихъ предѣловъ дробимости, въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ потребность неимущихъ рабочихъ или нарождающейся крупной промышленности и рудокопнаго дѣла вызываютъ сильный спросъ на землю и повышаютъ ея цѣну, привело бы только къ тому, что собственники недѣлимыхъ участковъ раздробили бы ихъ на мелкіе участки и вмѣсто того, чтобы продать ихъ, сдавали бы въ аренду за высокую плату безземельнымъ. Въ Ольденбургѣ, гдѣ собственность поселянъ была признана недѣлимой по закону 14 октября 1849 г., уже въ 50-хъ гг. жаловались, что поселяне-собственники сдаютъ свои участки въ аренду, а сами переселяются въ города и живутъ тамъ рентьерами» *). Такое же мнѣніе высказывали и другіе изслѣдователи, напр. Шнееръ въ статьѣ Die Dismembrationsfrage, напечатанной въ журналѣ Archiv der Politischen Oekonomie за 1845 г., Бенингъ въ книгѣ Bauernhöfe und das Verfügungsrecht darüber (1862 г.) и нашъ русскій экономистъ проф. Вольскій, защищавшій въ своей книгѣ о крестьянахъ-собственникахъ свободу распоряженія земельной собственностью. «Если можно запретить распродажу мелкихъ частей, писалъ онъ, то никоимъ образомъ нельзя запретить отдачу мелкими частями въ аренду, какъ это случается на большихъ помѣстьяхъ южной Германіи и Рейнской области, а также въ церковныхъ имѣніяхъ Бадена. Подобныя же мелкія аренды составляютъ несравненно большее бѣдствіе, нежели мелкія крестьянскія хозяйства, обработываемыя самими собственниками».

Основательность изложенныхъ мнѣній находитъ подтвержденіе въ дѣйствительности. Можно прежде всего сослаться на примѣръ Ирландіи, какъ страны, въ которой, особенно въ теченіе первыхъ десятилѣтій нынѣшняго вѣка, развитіе мелкой аренды путемъ передачи происходило въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, несмотря на всѣ запрещенія со стороны земельныхъ собственниковъ и закона. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существовалъ сильный спросъ на мелкіе участки, цѣны послѣднихъ были очень высоки и крупные съемщики находили для себя болѣе выгоднымъ заниматься пересдачей, чѣмъ вести собственное хозяйство. Какъ ни боролись съ этимъ явленіемъ земельные собственники и законодательство, имъ не удалось осуществить на практикѣ принципъ недѣлимости: дробленіе фермъ путемъ пересдачи существовало въ широкихъ размѣрахъ до тѣхъ поръ, пока этому явленію благопріятствовали экономическія условія Ирландіи.

---

*) Lette: Die Vertheilung des Grundeigenthums, стр. 155.

Въ современной Германіи также наблюдаются факты, свидѣтельствующіе, что сдача въ аренду мелкихъ участковъ можетъ подорвать практическое значеніе законодательныхъ мѣръ, ограничивающихъ тѣмъ или инымъ путемъ дробленіе земельной собственности. Подобные факты наблюдаются, напр., въ той части герцогства Ольденбургскаго, которая носитъ названіе Oldenburger Geest и отличается особенно широкимъ распространеніемъ т. н. «наслѣдственныхъ имѣній» (Erbstellen), т. е. недѣлимыхъ участковъ. Изъ данныхъ, приводимыхъ г. Соболевымъ, видно, что въ двухъ другихъ округахъ Ольденбурга, Marsch и Münster Geest, % наслѣдственныхъ имѣній по отношенію къ общему числу владѣній съ постройками составляетъ—13,69 и 19,20, а въ Oldenburger Geest—38,96; при этомъ площадь, занимаемая наслѣдственными имѣніями, по отношенію къ общей площади владѣній съ постройками составляетъ въ первыхъ округахъ 23,17% и 32,15%, а въ третьемъ—62,38%. Приведя эти данныя, г. Соболевъ говоритъ, что «мы замѣчаемъ наибольшую парцелляцію тамъ, гдѣ менѣе всего распространена система единонаслѣдія, и наименьшую тамъ, гдѣ она встрѣчается всего чаще» (стр. 38). Но при этомъ авторъ упускаетъ изъ вида, что именно въ округѣ Oldenburger Geest, на который приходится наибольшій процентъ наслѣдственныхъ имѣній, получила также наибольшее развитіе мелкая аренда. Въ извѣстномъ сборникѣ матеріаловъ по землевладѣнію въ Германіи «Bäuerliche Zustände in Deutschland» сообщаются относительно Oldenburger Geest слѣдующія свѣдѣнія. По словамъ автора статьи, аренда парцеллъ пользуется въ названномъ округѣ широкимъ распространеніемъ. Съемщиками являются т. н. Heuerleute — сельскіе рабочіе, напоминающіе ирландскихъ коттеровъ начала нынѣшняго вѣка, а также мелкіе поселяне (Kleine Bauern), сельскіе ремесленники и т. п. Во многихъ мѣстностяхъ сдается до ⅓ сравнительно крупныхъ владѣній; а въ среднемъ приблизительно ⅕ частновладѣльческой земли сдается въ аренду. Сдатчиками земли являются въ большинствѣ случаевъ поселяне. Арендная плата очень высока, и по замѣчанію автора отчета, съемщикъ въ состояніи покрывать такую плату только потому, что онъ самъ работаетъ на арендуемомъ участкѣ. Высокой платой за аренду земли объясняется то обстоятельство, что земельные собственники охотно сдаютъ землю мелкими участками, такъ какъ этимъ путемъ получается большій доходъ (Bäuer. Zust., II, стр. 44).

Приведенные доводы встрѣтили со стороны г. Соболева слишкомъ незначительное вниманіе. Не придавая вопросу объ арендѣ большаго значенія, онъ ограничился сообщеніемъ статистическихъ данныхъ, изъ которыхъ видно, что въ рядѣ мѣстностей при сравнительно широкомъ распространеніи недѣлимыхъ владѣній % хозяйствъ съ арендной землей выше, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ, въ которыхъ преобладаетъ система натуральнаго раздѣла. Прежде всего по поводу данныхъ, приведенныхъ авторомъ,

можно замѣтить, что разница между цифрами, относящимися къ нѣкоторымъ округамъ съ натуральнымъ раздѣломъ и единонаслѣдіемъ далеко не такъ рѣзка, чтобы можно было придавать ей серьезное значеніе. Такъ, напр., въ Нижней Франконіи, гдѣ господствуетъ натуральный раздѣлъ, % хозяйствъ съ арендной землей составляетъ 28,1, а въ Верхней и Средней Франконіи, въ которыхъ господствуетъ единонаслѣдіе, на 100 хозяйствъ 27,3—въ одномъ случаѣ и 27,1—въ другомъ сдаютъ землю въ аренду; нужно впрочемъ замѣтить, что % арендуемой земли въ Нижней Франконіи составляетъ 7,1%, а въ двухъ послѣднихъ округахъ 4,8% и 3,3%. Оставимъ, однако, эту сторону вопроса и предположимъ, что данныя, приводимыя авторомъ, дѣйствительно подтверждаютъ фактъ, на который онъ указываетъ. Можетъ ли этотъ фактъ служить опроверженіемъ приведеннаго выше аргумента?

Наше положеніе заключается въ слѣдующемъ. Если въ данной мѣстности существуетъ значительный спросъ на мелкіе участки и этотъ спросъ, вслѣдствіе ограниченія мобилизаціи земельной собственности, не получаетъ удовлетворенія путемъ продажи такихъ участковъ, то въ подобной мѣстности *можетъ* развиться мелкая аренда, которая фактически сведетъ къ нулю законы, ограничивающіе мобилизацію. Мы говоримъ «*можетъ* развиться мелкая аренда», но не утверждаемъ, что эта возможность непремѣнно осуществится. Даже при существованіи сильнаго спроса на мелкіе участки въ мѣстности съ недѣлимымъ землевладѣніемъ мелкая аренда можетъ и не развиться. Вотъ это только и доказываютъ статистическія данныя, приведенныя г. Соболевымъ. Но *возможность* развитія аренды при указанныхъ выше условіяхъ остается этими данными не опровергнутой; и мы видѣли, что эта возможность имѣетъ не только теоретическое, но и практическое значеніе: въ нѣкоторыхъ случаяхъ она осуществляется. Если это такъ, то изслѣдователь или практическій дѣятель, рекомендующій тѣ или другія ограниченія мобилизаціи, обязанъ прежде всего доказать, что по условіямъ мѣстности, для которой рекомендуются мѣры, ограничивающія мобилизацію, нѣтъ основанія опасаться развитія мелкой съемки, которая можетъ на практикѣ оказаться гораздо вреднѣе мелкой собственности. Основанія для подобныхъ опасеній могутъ оказаться во многихъ случаяхъ весьма серьезными, именно потому, что ограниченіе мобилизаціи рекомендуется какъ средство борьбы съ чрезмѣрнымъ дробленіемъ земли, а послѣднее какъ разъ и наступаетъ въ мѣстностяхъ, отличающихся сильнымъ спросомъ на мелкіе участки, т. е. благопріятныхъ для развитія мелкой аренды въ случаѣ запрещенія дробить земельныя владѣнія путемъ продажи.

Но дробленіе недѣлимыхъ владѣній на мелкіе арендные участки, какъ свидѣтельствуютъ факты, не составляетъ необходимости. Въ такомъ случаѣ часть населенія, устраненная отъ владѣнія землей законами, ограничивающими мобилизацію, переходитъ въ

ряды сельскихъ рабочихъ или переселяется въ городскіе и промышленные центры и тамъ пополняетъ собою кадры фабричнаго пролетаріата. Литература первой половины нынѣшняго столѣтія обратила вниманіе и на эту сторону вопроса и при этомъ указывала на то, что обезземеленье значительной части сельскаго населенія при системѣ недѣлимости является *искусственнымъ* результатомъ ограниченія мобилизаціи, т. е. что этотъ результатъ отнюдь не свидѣтельствуетъ объ избыткѣ населенія въ данной мѣстности. Недѣлимость—писалъ Кольбъ въ «Архивѣ Политической Экономіи» за 1843 г., «искусственно отрываетъ часть населенія отъ земледѣлія и толкаетъ его на фабрику». Другой авторъ Рейнингъ, уже въ 70-хъ годахъ, защищая принципъ недѣлимости, обращалъ вниманіе на пользу, которую принесъ, съ точки зрѣнія автора, саксонскій законъ, основанный на упомянутомъ принципѣ. Эта польза, по мнѣнію Рейнинга, выразилась въ томъ, что недѣлимость «*вынудила* перейти къ обрабатывающей промышленности ту часть населенія, которая не находила примѣненія своимъ силамъ въ земледѣліи. Вслѣдствіе этого, замѣчаетъ авторъ, саксонская обрабатывающая промышленность получила величайшее содѣйствіе, между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ, гдѣ существуетъ свободная дѣлимость земельной собственности, промышленность развилась гораздо позднѣе, должна была искать искусственной поддержки и всетаки часто оставалась слабосильной». (Mittel und Wege zur weiteren Förderung der sächsischen Landwirthschaft v. Reuning, цит. по Мясковскому).

Указанная въ этихъ выдержкахъ сторона дѣла имѣетъ величайшую важность, потому что даетъ опорный пунктъ для оцѣнки законовъ о недѣлимости съ точки зрѣнія. ихъ соціально-экономическаго значенія. Если эти законы вынуждаютъ часть сельскаго населенія бросать землю и переходить въ ряды пролетаріата не потому, чтобы земли было мало для всего наличнаго населенія, а единственно по той причинѣ, что земельная собственность не подлежитъ дробленію, то подобные законы не могутъ быть признаны цѣлесообразными.

Стремленіе удержать сельское населеніе на землѣ очень часто вызываетъ въ настоящее время вопль о прикрѣпленіи къ землѣ свободныхъ людей, какъ будто дѣло идетъ о прикрѣпленіи самихъ людей къ землѣ, а не о закрѣпленіи земли въ рукахъ этихъ людей. Во всякомъ случаѣ едва ли кто нибудь станетъ спорить противъ того, что земледѣльцы, *не желающіе* бросать свою землю, не должны быть вынуждаемы къ этому законодательными мѣрами. Между тѣмъ, по мнѣнію цитированныхъ выше писателей, законы о недѣлимости имѣютъ именно такое дѣйствіе. Этого мнѣнія держались въ старой литературѣ. Посмотримъ, какъ трактуетъ этотъ вопросъ г. Соболевъ.

Вопросъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, настолько важенъ, что мы позволимъ себѣ привести мнѣніе нашего автора дословно.

«Говорятъ, читаемъ мы на стр. 174, что система единонаслѣдія сохраняетъ крѣпкое и самостоятельное крестьянство за счетъ перехода другихъ сонаслѣдниковъ въ ряды пролетаріата. На это можно возразить слѣдующее. Если условія сельскаго хозяйства не позволяютъ дробить землю до безконечности, если равный натуральный раздѣлъ наслѣдуемой земли долженъ привести въ концѣ концовъ къ прикрѣпленію мелкихъ владѣльцевъ къ ихъ участкамъ (Schollenkleberei) и къ преобладанію карликовыхъ хозяйствъ, на которыхъ крестьяне не могутъ снискать себѣ даже самыхъ необходимыхъ средствъ существованія, то, несомнѣнно, мы должны согласиться на то, чтобы часть сельскаго населенія, которая не въ состояніи найти примѣненія своимъ силамъ въ качествѣ земледѣльцевъ-собственниковъ, отливала въ города или другія мѣстности, гдѣ она могла бы найти себѣ какое-либо иное занятіе». Изъ этихъ словъ можно заключить, будто законы, ограничивающіе мобилизацію, заставляютъ отливать въ города только ту часть сельскаго населенія, которая дѣйствительно не въ состояніи найти примѣненія своимъ силамъ въ качествѣ земледѣльцевъ-собственниковъ. Другими словами, предполагается, что законы, ограничивающіе мобилизацію, останавливаютъ дробленіе какъ разъ на томъ минимумѣ, за которымъ начинается уже возникновеніе карликовыхъ хозяйствъ, слѣдов. фактическое превращеніе земледѣльца-собственника въ пролетарія. Но въ дѣйствительности это не такъ. Законы о недѣлимости далеко не удовлетворяютъ указанному требованію и, напротивъ, по общему признанію, именно съ этой стороны являются въ высшей степени несовершенными. Минимумы, которые устанавливаются законодательнымъ путемъ, представляютъ величины очень произвольныя и искусственныя и большею частью останавливаютъ дробленіе гораздо раньше того предѣла, за которымъ оно дѣйствительно должно вести къ образованію карликовыхъ хозяйствъ. Казалось бы, что г. Соболевъ, защищая свою основную точку зрѣнія, долженъ бы былъ обставить возможно сильными доказательствами положеніе о минимумѣ земельныхъ участковъ. Но именно по этому пункту его доказательства чрезвычайно слабы и весьма мало убѣдительны. Нельзя, конечно, придавать серьезное значеніе такимъ аргументамъ, какъ указаніе на то, что населеніе во многихъ мѣстностяхъ сжилось съ законами, ограничивающими дробленіе, или что всякая норма, устанавливаемая законодательнымъ путемъ, болѣе или менѣе произвольна. Самъ авторъ, очевидно, сознаетъ слабость такой аргументаціи и выдвигаетъ въ качествѣ главнаго довода возможность «предоставить опредѣленіе минимума органамъ самоуправленія наибольшихъ районовъ. Эти органы, замѣчаетъ г. Соболевъ, настолько хорошо освѣдомлены относительно условія и положенія мѣстнаго сельскаго хозяйства, что съ большой точностью могутъ выяснить тотъ предѣлъ, дальше котораго дробленіе земли въ данной мѣстности будетъ вреднымъ въ хозяйствен-

номъ отношеніи». При этомъ г. Соболевъ ссылается, между прочимъ, на Рау, какъ на сторонника рекомендуемой имъ системы. Между тѣмъ именно Рау и какъ разъ въ статьѣ, цитированной г. Соболевымъ, приводитъ убѣдительные аргументы вообще противъ установленія минимума для дробленія земельныхъ участковъ и въ частности противъ изложеннаго выше предложенія. Трудность установленія правильнаго минимума, по мнѣнію Рау, не подлежитъ сомнѣнію. Общій минимумъ для значительнаго района, напр. административнаго округа, не пригоденъ и вреденъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ по мѣстнымъ условіямъ оказывается слишкомъ крупнымъ или слишкомъ мелкимъ; установленіе отдѣльныхъ минимумовъ для каждой небольшой мѣстности затруднительно, и все-таки такой минимумъ не можетъ быть пригоденъ на долгое время. Если вы начнете принимать во вниманіе мѣстныя условія, то вамъ придется идти все далѣе и далѣе по этому пути, потому что лица, которыя усмотрятъ для себя какія нибудь неудобства въ установленномъ минимумѣ, будутъ заявлять, что необходимо считаться съ условіями еще болѣе мелкихъ районовъ, чѣмъ тѣ, которые приняты при установленіи нормы. (Archiv, 1851, стр. 186). Интересно, что въ концѣ концовъ г. Соболевъ самъ разрушаетъ всѣ свои аргументы. «Высказываясь за такіе минимумы (владѣній и парцеллъ), говоритъ онъ, мы должны однако признать, что введеніе ихъ невозможно въ тѣхъ странахъ, которыя уже давно привыкли къ свободѣ земельной собственности и не могутъ примириться съ ея ограниченіями». Но вѣдь именно въ странахъ, давно примѣняющихъ систему натуральнаго раздѣла, и обнаруживаются съ наибольшей силой отрицательныя послѣдствія этой системы; и если уже ограничивать мобилизацію, то, конечно, въ такихъ странахъ; между тѣмъ, по мнѣнію г. Соболева, для нихъ то подобныя мѣры и непригодны.

Возражая противъ предложеній г. Соболева, имѣющихъ цѣлью ограничить мобилизацію земельной собственности, мы отнюдь не отрицаемъ вредныхъ послѣдствій свободной мобилизаціи. Напротивъ, эти послѣдствія представляются намъ въ высшей степени вѣскими аргументами противъ системы, изъ которой они вытекаютъ. Но въ такомъ случаѣ, скажутъ намъ, вы съ одной стороны высказываетесь противъ свободы мобилизаціи, а съ другой противъ ограниченія этой свободы. Гдѣ же выходъ? Мы полагаемъ, что корень зла лежитъ въ самомъ институтѣ подворнаго землевладѣнія, который одинаково оказывается несостоятельнымъ какъ при свободѣ мобилизаціи, такъ и при отсутствіи ея. Не вступая здѣсь въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса, выходящаго за предѣлы критической замѣтки, скажемъ для поясненія нашей мысли нѣсколько словъ о наслѣдованіи земельной собственности. Право наслѣдованія необходимо связано съ самымъ понятіемъ подворнаго землевладѣнія: отмѣнить первое значитъ уничтожить послѣднее. Пока

существуетъ подворное землевладѣніе, должно существовать и право наслѣдованія. Но оно можетъ осуществляться въ разныхъ формахъ. Одна изъ нихъ—система натуральнаго раздѣла земли между сонаслѣдниками, другая—единонаслѣдія.

Г. Соболевъ совершенно правильно доказываетъ, что натуральный раздѣлъ связанъ съ опасностью измельчанія земельной собственности, но онъ не вникъ въ характерныя черты этого явленія и поэтому не познатъ его сущности. Въ самомъ дѣлѣ, раздѣлъ земли въ натурѣ происходитъ и при общинномъ землевладѣніи, и при подворномъ; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ можетъ наступить измельчаніе земельныхъ участковъ. И тѣмъ не менѣе характеръ явленія въ обоихъ случаяхъ будетъ различенъ. При общинномъ землевладѣніи въ его чистой формѣ земля распредѣляется между семьями равномѣрно и поэтому измельчаніе можетъ явиться только послѣдствіемъ естественнаго фактора, именно размноженія народонаселенія, пользующагося даннымъ пространствомъ земли; и бороться съ этимъ фактомъ можно только прирѣзкой земли или усовершенствованіемъ культуры. Если же ни то ни другое невозможно, то отливъ избыточнаго населенія явится послѣдствіемъ неизбѣжнымъ, но отнюдь не вытекающимъ изъ самой формы общиннаго землевладѣнія. Совсѣмъ иное дѣло при подворномъ владѣніи землей, т. е. при системѣ частной собственности. Если даже предположить, что первоначально земля была распредѣлена между семьями равномѣрно, напр. пропорціонально числу ихъ членовъ, то при системѣ натуральнаго раздѣла первоначальная равномѣрность неизбѣжно должна очень скоро нарушиться. Раздѣлъ земли въ натурѣ происходитъ въ предѣлахъ каждой семьи, а такъ какъ семьи наростаютъ неравномѣрно, то въ тѣхъ изъ нихъ, которыя будутъ рости быстрѣе, участки каждаго наслѣдника будутъ мельчать скорѣе; въ семьяхъ же, медленно или вовсе не разростающихся, сокращеніе участковъ будетъ происходить медленнѣе, или они останутся въ прежнемъ видѣ. Понятно, что при такомъ порядкѣ наслѣдованія въ то время какъ часть земли въ данномъ районѣ, заселенномъ извѣстнымъ, болѣе или менѣе значительнымъ числомъ семей, подвергнется очень сильному дробленію, которое приведетъ къ крайнему измельчанію участковъ, другая часть земли будетъ находиться во владѣніи меньшаго числа собственниковъ и такимъ образомъ будетъ представлять собою сравнительно крупное землевладѣніе. Совершенно ясно, что при господствѣ такой системы наслѣдованія измельчаніе участковъ вовсе не доказываетъ еще существованія избыточнаго населенія въ данномъ районѣ: измельчаніе могло бы явиться послѣдствіемъ и одного того обстоятельства, что система натуральнаго раздѣла примѣнялась при институтѣ частной собственности на землю.

Система подворнаго землевладѣнія при натуральномъ раздѣлѣ земли между сонаслѣдниками ведетъ къ неравномѣрному распредѣленію земельной собственности и превращенію части земледѣльческаго

населенія въ пролетаріевъ, вовсе лишенныхъ земли или владѣющихъ карликовыми участками. Если же вводится система единонаслѣдія, то обезземеленіе части земледѣльческаго населенія является прямымъ послѣдствіемъ законодательнаго вмѣшательства. Отсюда вытекаетъ, что выдѣленіе пролетаріата есть свойство присущее подворному землевладѣнію, какъ таковому.

Съ этой точки зрѣнія желательна не реформа, а отмѣна самого института подворнаго землевладѣнія, и было бы весьма интересно и важно изслѣдовать, какое вліяніе на судьбу послѣдняго могутъ оказать обѣ системы — свободной и ограниченной мобилизаціи. Г. Соболевъ не ставитъ себѣ такой задачи и, не возбуждая вопроса о принципѣ подворнаго землевладѣнія, дѣлаетъ попытку только намѣтить практическія средства къ его улучшенію. При такой постановкѣ изслѣдованія, авторъ неизбѣжно долженъ былъ примкнуть къ одному изъ двухъ господствующихъ въ литературѣ и практикѣ оппортюнистскихъ теченій: сторонниковъ laisser faire или защитниковъ вмѣшательства съ цѣлью ограничить мобилизацію. Онъ примкнулъ къ послѣднему. Это — направленіе, котораго держатся очень многіе, если не большинство современныхъ нѣмецкихъ экономистовъ, считающихъ институтъ частной земельной собственности незыблемымъ и стремящихся на почвѣ существующаго порядка создать то, что они называютъ ein tüchtiger und kräftiger Bauerstand, т. е. выдѣлить изъ крестьянства состоятельное меньшинство, обративъ остальную часть въ сельскихъ и фабричныхъ рабочихъ. Предложенія, съ которыми выступаетъ въ своей книгѣ г. Соболевъ, являются характерными для этого направленія.

Послѣ сказаннаго само собой ясно, что г. Соболевъ не внесъ ничего существенно новаго въ споръ, который ведется въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій между сторонниками и противниками мобилизаціи. Но въ русской литературѣ его книга является первой попыткой представить въ систематической формѣ доводы нѣмецкихъ экономистовъ, предлагающихъ реформировать подворное землевладѣніе путемъ ограниченія мобилизаціи земельной собственности.

Мы сочли полезнымъ остановиться на изслѣдованіи г. Соболева съ нѣкоторой подробностью, потому что вопросъ о мобилизаціи земельной собственности имѣетъ для Россіи очень важное значеніе. Въ мѣстностяхъ съ подворнымъ землевладѣніемъ послѣдствія мобилизаціи сказываются съ значительной силой, и уже раздаются голоса въ пользу законодательныхъ мѣръ, которыя ограничили бы дальнѣйшее дробленіе земельной собственности. Насколько важны эти вопросы для нашихъ русскихъ отношеній, можно видѣть, между прочимъ, изъ матеріаловъ, опубликованныхъ въ «Сводѣ заключеній губернскихъ совѣщаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законодательства о крестьянахъ» (Изд. Земскаго Отдѣла М. В. Д. 1897. Вопр. 54, 55, 56). Читатель можетъ убѣдиться изъ этихъ матеріаловъ, что направленіе, характеризующее идеи г. Соболева,

имѣетъ у насъ сторонниковъ, которые, быть можетъ, будутъ искать подкрѣпленія своихъ доводовъ въ изслѣдованіи, основанномъ на данныхъ западно-европейской науки. Въ виду этого мы полагали нелишнимъ показать, что выводы г. Соболева не могутъ считаться доказанными и что онъ не опровергъ капитальныхъ возраженій, выдвинутыхъ противъ защищаемыхъ имъ воззрѣній еще въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія.

А. Мануиловъ.

Поль-Луи Курье.

Поль-Луи Курье. Сочиненія, часть первая. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. СПБ. 1897.

V.

Мы не займемся изложеніемъ «Петиціи», равно какъ другихъ памфлетовъ Курье: нѣтъ смысла передавать содержаніе этихъ сжатыхъ, мѣткихъ, горячихъ летучихъ листковъ, безсмертіе которыхъ обезпечивается болѣе формой, чѣмъ содержаніемъ; нѣтъ возможности услѣдить за этимъ каскадомъ намековъ, уколовъ, афоризмовъ, неожиданныхъ сопоставленій и лирическихъ отступленій, полныхъ неподдѣльнаго паѳоса. Идея «Петиціи» ясна: административный произволъ есть анархія: «настоящіе мятежники тѣ, которые всюду находятъ ихъ, тѣ люди, облеченные властью, которые видятъ всегда въ своихъ личныхъ врагахъ—враговъ короля, и стараются сдѣлать ихъ такими посредствомъ преслѣдованій». (Рус. пер., стр. 8). Таковы выводы, къ которымъ приводятъ автора «мелочные», по мнѣнію Сентъ Бева, факты. Онъ дотронулся до самаго больного мѣста роялистской реакціи, и вся Франція могла узнать себя въ этой ничтожной брошюркѣ, начинающейся знаменитымъ— и, въ сущности, непереводимымъ—обращеніемъ: «Messieurs, je suis Tourangeau». Простота и настоящая крестьянская наивность тона въ изложеніи фактовъ, въ трогательномъ убѣжденіи, что стоитъ только разсказать господамъ членамъ палаты о дѣлахъ въ Люинѣ,—и все пойдетъ на ладъ, умѣніе совмѣстить ораторскую силу и сжатость съ неповоротливостью мужицкой рѣчи—по истинѣ chef d'oeuvre искусства. Брошюра, по выраженію Карреля, «обратила на себя вниманіе даже тѣхъ, кто менѣе интересовался жертвами, нежели преслѣдователями»; она не получила большой извѣстности за предѣлами департамента Индры и Луары, гдѣ смѣ-

лыя инвективы Курье имѣли громадный успѣхъ, но ее замѣтили въ Парижѣ.

Въ это время реакціонная chambre introuvable была распущена, и Деказъ, бывшій, въ должности министра внутреннихъ дѣлъ, вдохновителемъ министерства, подвергался яростнымъ нападкамъ ультра-роялистовъ, обвинившихъ его въ «послабленіяхъ». Петиція Курье показалась ему подходящимъ орудіемъ противъ реакціонеровъ, и онъ всячески старался привлечь на свою сторону ея автора. Это не удалось ему. Курье очень мало соблазняла политическая карьера; онъ былъ совершенно поглощенъ своими хозяйственными хлопотами—устройствомъ недавно пріобрѣтеннаго имѣнія, борьбой съ нарушителями его собственности и съ мѣстными властями, ихъ поддерживавшими. Не желая служить, онъ, однако, воспользовался расположеніемъ министра хоть для того, чтобы успокоить не въ мѣру ретиваго мэра и обуздать окрестныхъ воровъ, рубившихъ его лѣсъ. Въ началѣ 1819 года онъ былъ въ Парижѣ и не упустилъ случая появиться въ министерскомъ салонѣ, не столько въ надеждѣ на прямую помощь Деказа, сколько въ разсчетѣ на то впечатлѣніе, которое произведетъ въ провинціи вѣсть о его близости съ министромъ. «Когда въ Турѣ узнаютъ, пишетъ онъ женѣ, что въ Парижѣ есть люди, думающіе о насъ,—насъ оставятъ въ покоѣ... Здѣсь-же ищутъ случая оказать мнѣ услугу». Но Курье не просилъ услугъ; съ него было довольно того, что г. префектъ, освѣдомленный о его отношеніяхъ съ министромъ, измѣнилъ свое поведеніе. Однако, этимъ отношеніямъ суждено было испортиться.

Виною былъ второй—на этотъ разъ литературный памфлетъ Курье. По смерти своего тестя, эллиниста Клавье, онъ думалъ занять его мѣсто въ «Академіи надписей и словесности». Сознавая, что научныя заслуги и познанія даютъ ему полное право на это почетное положеніе, онъ поставилъ свою кандидатуру на одно изъ трехъ вакантныхъ мѣстъ, тѣмъ болѣе, что члены академіи уговаривали его войти въ составъ ихъ коллегіи и обѣщали свое содѣйствіе. Курье разсчитывалъ на успѣхъ. «Выберутъ-ли меня?—пишетъ онъ женѣ въ февралѣ 1818 года.—Не знаю. Если да, я буду радъ; если нѣтъ,—буду смѣяться: я не стану отъ этого ни хуже, ни лучше, а общество будетъ за меня. Я думаю, что меня выберутъ». Но въ день выборовъ избранниками ученаго общества оказались три титулованныхъ ничтожества, а Курье отвергнутъ единогласно. Можно было придти въ нѣкоторое раздраженіе. Курье разсердился и отвѣтилъ «Письмомъ къ господамъ академикамъ». Оно невыразимо ядовито, зло и иногда грубо—одного изъ своихъ соперниковъ Курье попросту называетъ осломъ,—но онъ, конечно, не дошелъ-бы до такой степени бѣшенства, если-бы ему предпочли людей, имѣющихъ хоть тѣнь научныхъ заслугъ, а не куртизановъ—исконную bête-noire Курье. Выходки противъ этихъ людей, кото-

рые «остаются военными, не принимая участія въ войнѣ, и дѣлаются членами академіи, не умѣя читать»—наиболѣе рѣзкая и остроумная часть письма. «Кольберъ, вашъ основатель, не назначилъ членамъ академіи жалованія, изъ *боязни*, говорятъ мемуары того времени, *чтобы куртизаны не вздумали дѣлать академиками своихъ лакеевъ.* Увы, они поступаютъ гораздо хуже—они сами дѣлаются академиками, а затѣмъ проводятъ въ академію своихъ протеже—лакеевъ безъ жалованія—и скоро всѣ будутъ членами академіи,—кромѣ ученыхъ». Въ томъ, что академія предпочла людямъ ученымъ каммергера и виконта, нѣтъ ничего удивительнаго: господамъ академикамъ вовсе не нужны члены болѣе образованные, чѣмъ они, а болѣе знатные, болѣе богатые. Академія была основана для того, чтобы составлять надписи на обояхъ для короля и на конфектахъ для королевы; очевидно, она желаетъ возвратиться къ своему первоначальному назначенію: ибо для этой цѣли виконтъ, конечно, лучше, чѣмъ ученый эллинистъ. Избраны въ академію — цитируетъ онъ газетное извѣстіе—люди, которые, сказать правду, не знаютъ греческаго языка, но принципы которыхъ извѣстны. «Газета, очевидно, намекаетъ на то, что мои принципы неизвѣстны, и это причиняетъ мнѣ нѣкоторое безпокойство. Если вамъ, господа, удастся когда нибудь учредить во Франціи—говорятъ, вы объ этомъ мечтаете—святую инквизицію, мнѣ будетъ не совсѣмъ пріятно напоминаніе о томъ, что я нѣкогда оставилъ безъ вниманія этотъ намекъ». Поэтому онъ выяснитъ свои принципы— не принципы латинской или греческой грамматики, потому что господа академики съ ней не знакомы, а принципы религіозные, нравственные и политическіе.

Мы остановимся только на послѣднихъ; ихъ формула ясно показываетъ, какъ мало склоненъ былъ Курье даже въ это время стать подъ знамена опредѣленной партіи. «Что касается моихъ политическихъ принциповъ, говоритъ онъ, то элементы этого символа вѣры подвержены контраверзамъ. Взявшись формулировать ихъ, я бы, пожалуй, не справился съ этой задачей и далъ вамъ поводъ смѣшивать меня съ людьми, съ которыми я совсѣмъ не солидаренъ. Предпочитаю прямо сказать вамъ, *что* отличаетъ меня отъ всѣхъ партій и дѣлаетъ изъ меня человѣка въ наше время рѣдкостнаго: я не хочу быть королемъ и старательно избѣгаю всего, что могло бы привести меня къ трону».

Эта заключительная бутада не должна своимъ неожиданнымъ комизмомъ скрывать истины, заключающейся въ ней. Курье, въ самомъ дѣлѣ, не только не «хотѣлъ быть королемъ», но и вообще, не смотря на всѣ свои выходки противъ направленія и агентовъ правительства, былъ образцовымъ представителемъ той строго легальной оппозиціи, которая не требовала ничего, кромѣ выполненія хартіи и къ которой принадлежали такіе друзья трона, какъ Шатобріанъ и генералъ Фуа.

Еще одно слово о «Lettre à messieurs de l'Académie», на которомъ мы останавливаемся подробнѣе по той причинѣ, что перевода его въ русскомъ изданіи сочиненій Курье нѣтъ *). Не разъ упрекали Курье въ томъ, что оскорбленное тщеславіе заставило его забыть требованія естественнаго такта и облить грязью учрежденіе, членомъ котораго онъ хотѣлъ еще на дняхъ сдѣлаться. Сентъ-Бевъ охотно усматриваетъ въ этомъ дурной тонъ и думаетъ, что клеймо, наложенное ѣдкимъ перомъ автора на двухъ-трехъ бездарныхъ академиковъ, оставило слѣды и на немъ самомъ. Едва-ли это такъ. Не слѣдуетъ забывать, что Курье ни словомъ не задѣлъ самаго учрежденія, куда хотѣлъ попасть: онъ клеймитъ его теперешній составъ, который и по своимъ познаніямъ, и по манерѣ выбирать новыхъ членовъ, позоритъ высокую идею академіи. Можно сказать только, что никогда не слѣдуетъ выходить изъ себя, но не всѣмъ дано это неземное спокойствіе, и бѣдный Курье былъ наказанъ за это отсутствіе олимпійскаго безстрастія уже тѣмъ, что публика за яростными сарказмами «письма» не замѣтила удивительнаго искусства, съ которымъ написано это небольшое произведеніе. А между тѣмъ «нигдѣ—говорится въ одной біографической замѣткѣ (Арманъ Каррель считаетъ ее даже автобіографической, и это возвышаетъ ея значеніе)—нигдѣ Курье не расточалъ болѣе счастливо ударовъ сатиры, въ одно и тоже время и шутливыхъ и серьезныхъ, возбуждающихъ смѣхъ и въ тоже время поднимающихъ негодованіе и презрѣніе,—подобно тѣмъ, которыми восхищаются въ безсмертныхъ *Provinciales*».

VI.

Быть можетъ, неудовольствіе министра, вызванное «Письмомъ къ господамъ академикамъ», и играло нѣкоторую роль въ увлеченіи, съ какимъ Курье продолжалъ свою литературно-политическую дѣятельность,—рѣшающаго значенія оно, конечно, имѣть не могло. Общественная жизнь непобѣдимо увлекала талантливаго писателя на путь обличенія и сатиры; открывшееся въ немъ дарованіе жаждало примѣненія, а успѣхъ «Петиціи» въ родной провинціи автора позволялъ разсчитывать на широкую извѣстность и вліяніе его смѣлыхъ и сильныхъ произведеній, если будутъ расширены ихъ темы.

Начало этой большой извѣстности было положено «Письмами въ редакцію *Цензора*» (іюль 1819 г.—апрѣль 1820). Эти письма, въ связи съ «Частными письмами», написанными въ концѣ того же 1820 года, даютъ намъ полную картину общественныхъ недуговъ

*) Нѣтъ и другихъ литературныхъ памфлетовъ Курье, нѣтъ «Письма къ г. Ренуару», нѣтъ и «Разговора у графини Альбани», вѣроятно, они составятъ второй томъ «Сочиненій».

Франціи, какъ они отражались въ взволнованномъ умѣ ихъ горячаго обличителя. Неподражаемымъ сарказмомъ дышетъ первое письмо, посвященное тягостному безправію крестьянъ. Прогрессъ виденъ, конечно, во всемъ. Когда во времена Монтеня сеньоръ хотѣлъ убить мужика и тотъ вздумалъ защищаться, всѣ были поражены, особенно господинъ, который ничего подобнаго не ожидалъ. Этотъ остолопъ, очевидно, предугадывалъ «Декларацію правъ человѣка». Его, разумѣется, повѣсили, иначе и быть не могло: не слѣдуетъ опережать свое время. Были времена, говоритъ крестьянинъ, маску котораго носитъ памфлетистъ,—были времена, когда насъ убивали за пять парижскихъ су: по закону, дворянинъ, отправившій на тотъ свѣтъ простолюдина, обязанъ былъ только бросить на могилу убитаго пять су. Но вообще законы либеральные исполняются плохо, и насъ въ большинствѣ случаевъ убивали на даровщинку. Теперь не то: «теперь мэръ долженъ истратить семь съ половиной су на штемпельную бумагу, чтобы только посадить въ тюрьму труженика и, вдобавокъ, нельзя обойтись безъ вмѣшательства судей. Производится слѣдствіе, и затѣмъ уже постановляютъ то рѣшеніе, какое угодно мэру и префекту.» (Рус. пер. стр. 14—15).

Письмо четвертое даетъ понятіе о тѣхъ элементарныхъ формахъ расправы, въ которыхъ находитъ себѣ выраженіе административное усмотрѣніе, ничѣмъ не напоминающее строгихъ гарантій свободы личности, узаконенныхъ хартіей. *Господинъ командиръ* — гласитъ записочка прокурора, — *соблаговолите приказать взять подъ арестъ и отвести въ тюрьму такого-то и въ такое-то мѣсто.* Памфлетистъ «въ восхищеніи отъ этого небольшого отрывка»: «тутъ не пахнетъ ни приказнымъ, ни судейскимъ, здѣсь нѣтъ ничего общаго съ тѣми медленными и тяжеловѣсными юридическими формальностями, которыя кардиналъ де Рецъ по справедливости ставитъ въ упрекъ судебному сословію» (Рус. пер. стр. 22). Въ нѣсколькихъ словахъ онъ указываетъ на самую неудобную сторону дискреціонной власти: ея представители подвержены людскимъ слабостямъ, и громадная сила, предоставленная имъ, легко можетъ ввести ихъ въ искушеніе. «Надежнѣе всего выказывать какъ можно больше уваженія прокурорамъ, ихъ товарищамъ и писарямъ, избѣгать ихъ, бояться встрѣчи или ссоры съ ними; при встрѣчѣ уступать имъ не только тротуаръ, но всю улицу. Извѣстно, правда, что это люди вполнѣ разсудительные, что они сажаютъ въ тюрьму лишь по основательнымъ причинамъ, что они чужды страстей, спокойны, невозмутимы... Но и они не святые— они могутъ тоже разсердиться. Одинъ росчеркъ пера—и командиръ здѣсь. *Благоволите*—и тюрьма открыта; когда вы будете въ заперти, никакая хартія васъ оттуда не вытащитъ; можете мечтать сколько угодно о своей индивидуальной свободѣ» (Рус. пер. стр. 23). Но надо сказать правду: не смотря на то, что люди, облеченные

властью, далеки отъ народа, что религіозное рвеніе, увы, падаетъ въ сердцахъ, охладѣвшихъ къ истинной вѣрѣ—народу живется лучше, чѣмъ въ былыя времена: онъ больше обезпеченъ, ставъ собственникомъ раздробленныхъ латифундій. Да, не воскресить прелестей стараго режима. Сатирикъ съ комической грустью вспоминаетъ объ этомъ времени. «Я видѣлъ большія помѣстья, богатыя аббатства; это было время *добрыхъ дѣлъ*. Я помню тысячи нищихъ, которымъ выдавали тысячи суповыхъ чашекъ у воротъ Мармутье. Монастырь и земли проданы; и я не видѣлъ болѣе ни суповыхъ чашекъ, ни супу, ни бѣдныхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ... Я видѣлъ, какъ въ день св. Андохіи герцогиня, покровительница нашего прихода, раздала фабричнымъ пятьдесятъ луидоровъ и десять экю бѣднымъ. Бѣдняки купили теперь ея земли и замокъ и никому не даютъ ничего. Съ каждымъ днемъ благотворительность все уменьшается, съ тѣхъ поръ какъ люди принялись за работу, и добрымъ дѣламъ, пожалуй, совсѣмъ придетъ конецъ, если священный союзъ не приметъ противъ этого своихъ мѣръ» (письмо пятое. Рус. пер. стр. 32). Этимъ недостойнымъ свободной Франціи отношеніямъ къ священному союзу посвящено послѣднее письмо, значительная часть котораго занята воображаемой рѣчью, обращенной къ союзнымъ державамъ памфлетистомъ, который сталъ депутатомъ. Онъ предостерегаетъ ихъ отъ заблужденія насчетъ истинной Франціи. Если старая гвардія, обращенная въ толпу куртизановъ, картавитъ и употребляетъ духи, если доблесть выродилась въ знатность, то это еще не все. Дружественнымъ державамъ придется считаться не только съ людьми породы и этикета; это было-бы не такъ трудно. Курье не въ первый разъ видитъ высшіе классы, оторванные отъ родной страны и предающіе ее: онъ видѣлъ уже итальянскихъ аристократовъ. «Эти люди, которые столько разъ клялись умереть; эти люди, всегда готовые пролить свою кровь до послѣдней капли за священную особу; эти люди, которые *умираютъ, но не сдаются*, очень сговорчивы, какъ вамъ извѣстно». Но есть другая Франція—народъ земледѣльцевъ, фабричныхъ, техниковъ, ученыхъ: «наберется нѣсколько милліоновъ, которые не имѣютъ версальскихъ манеръ... Если вы вздумаете грабить ихъ, во имя священнаго союза, то для защиты своихъ женъ и дѣтей, полей и стадъ они будутъ стрѣлять въ васъ» (Рус. пер. стр. 71). Страшная картина партизанской войны заключаетъ это «обращеніе», которому, конечно, никогда не было суждено раздаться на трибунѣ палаты депутатовъ. Лучшее изъ «Писемъ въ ред. *Цензора*»—девятое, посвященное ужасамъ книгопечатанія. Пріемъ, употребленный здѣсь памфлетистомъ, — тотъ-же, на которомъ построены «Письма темныхъ людей»; надо сказать, что Курье воспользовался имъ съ неподражаемымъ искусствомъ. Невозможно передать содержаніе этого великолѣпнаго по своему наивному цинизму посланія, которое на страницахъ журнала иного направленія легко

могло быть принято за произведеніе настоящаго обскуранта. Порывъ негодованія даетъ автору силу начать ex abrupto и безъ оговорокъ: «Книгопечатаніе—источникъ зла на землѣ. Печатная книга—причина убійствъ съ сотворенія міра, и Каинъ читалъ газеты въ раю. Тутъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній: это сказали министры, а министры не лгутъ, особенно съ трибуны.» (Рус. пер. стр. 52). Обратите вниманіе на возрастаніе порока. Въ первобытномъ состояніи, такъ справедливо прославленномъ Жанъ Жакомъ Руссо, человѣкъ произносилъ одни нечленораздѣльные звуки. «Тогда править людьми было одно удовольствіе. Не было ни памфлетовъ, ни журналовъ, ни петицій о хартіи, ни протеста противъ налоговъ». Счастливый вѣкъ,—увы, слишкомъ непродолжительный. Затѣмъ стали говорить; зачѣмъ позволили это? Роковая оплошность. «Если бы съ самаго начала обуздать эти преступныя проявленія анархическаго духа и посадить въ секретное отдѣленіе тюрьмы перваго, кто осмѣлился сказать *ба*, *бе*, *би*, *бо*, *бу*,—то міръ былъ-бы навсегда спасенъ» (Рус. пер. стр. 53).

Искусство письма, изобрѣтенное какимъ-то финикіяниномъ — «это былъ, вѣрно, какой-нибудь мастеровой, человѣкъ безъ титула и низкаго происхожденія»—принесло новыя затрудненія. «Первыя начертанныя слова были: свобода, законъ, право, справедливость, разумъ, и съ этихъ поръ стало очевидно, что это замысловатое искусство клонится прямо къ уничтоженію пенсій и окладовъ *)». (Рис. пер. стр. 54). Но все это—ничто въ сравненіи съ книгопечатаніемъ. Нѣмецъ изъ Майнца, придумавшій стиснуть между двухъ досокъ листъ, сдѣланный изъ тряпокъ, былъ, очевидно, такого-же гнуснаго происхожденія, какъ и финикіянинъ изъ Сидона. «Таково ужасное вліяніе этой породы, которая не служитъ ни Богу, ни королю, а предается свѣтскимъ наукамъ, гнуснымъ механическимъ профессіямъ... Простой работникъ, бѣднякъ, никому неизвѣстный, дѣлаетъ въ своей мастерской замазку изъ тряпья, изъ этой замазки—бумагу; другой берется разрисовать ее немного черной краской; и вотъ свѣтъ перевернутъ до основанія, потрясены старыя монархіи; доходныя должности въ опасности и могутъ быть уничтожены». (Рус. пер., стр. 55).

Живая картина общественнаго строя Франціи, отразившаяся въ «Письмахъ», имѣетъ естественное дополненіе въ получившей здѣсь-же довольно полное выраженіе политической философіи Курье, весьма несложной и характерной для него. Онъ былъ и остался индивидуалистомъ, воспитаннымъ на элементарно-либеральныхъ идеяхъ XVIII вѣка; ему одинаково страшно вмѣшательство власти въ дѣла совѣсти и въ дѣла промышленности... Съ внѣшней стороны народное правительство какъ будто осуществлялось въ хартіи, но по

*) Пенсіи при старомъ режимѣ во Франціи раздавались не за службу, а какъ милость.

существу дѣла—мы это видѣли—власть подъ прикрытіемъ обычной конституціонной лжи была худшей деспотіей. Наиболѣе тягостнымъ пунктомъ этой организованной системы беззаконія было беззастѣнчивое давленіе на выборы депутатовъ. Прежде всего, неудобные избиратели устраняются всѣми способами. Было-бы удивительно, если бы авторъ ядовитыхъ памфлетовъ избѣжалъ этой участи, и прошеніе Курье, озаглавленное «Господамъ членамъ городского совѣта въ Турѣ» и опубликованное въ 1820 году, показало, какими средствами обезпечивался въ конституціонной странѣ надлежащій составъ избирателей. Префектура объявила постоянному жителю родового помѣстья Люиня, что мѣсто его жительства и осуществленія политическихъ правъ — въ Парижѣ, и потребовала отъ него представленія удостовѣренія, что онъ *не* пользовался избирательнымъ правомъ въ какомъ нибудь другомъ департаментѣ; другими словами, Курье долженъ былъ добыть и представить *восемьдесятъ четыре удостовѣренія*, по числу департаментовъ Франціи. Возмущенный этой крайней недобросовѣстностью, Курье протестуетъ противъ всякаго избранія, которое совершится помимо его участія въ выборахъ; онъ имѣетъ права, хочетъ ими пользоваться и не намѣренъ отказываться отъ нихъ. Одно удивляетъ его — почему онъ такъ неудобенъ власти? — и мы отмѣтимъ его замѣчанія по этому поводу, такъ какъ въ нихъ съ особенной рельефностью выясняется умѣренность Курье. «Чего имъ бояться меня? Въ теченіе тридцати лѣтъ мнѣ пришлось видѣть столько новыхъ властей, правительствъ, которыя слѣдовали одно за другимъ; я примѣнялся къ каждому изъ нихъ, порицалъ только злоупотребленія, былъ открытымъ сторонникомъ всякаго порядка, всякаго сколько-нибудь сноснаго государственнаго строя, былъ другомъ всякаго правительства, и ни у одного изъ нихъ ничего не просилъ». (Рус. пер. стр. 84).

Здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія — и въ этомъ была сила Курье, «все въ его прошлой жизни могло принять оттѣнокъ самаго безкорыстнаго патріотизма»—этимъ обусловливалось то глубокое, въ сущности не всегда заслуженное вниманіе, съ какимъ встрѣчались его слова. Его біографъ мѣтко указываетъ на ту удивительно удачную комбинацію внѣшнихъ обстоятельствъ, которая необходимо должна была способствовать широкой популярности даровитаго публициста. Въ немъ восхищались тѣмъ, что вовсе не могло считаться его заслугой. Несомнѣнно было то, что этотъ человѣкъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ сражался противъ коалицій, созданныхъ эмиграціей, и не только не искалъ и не снискалъ благосклонности людей, стоявшихъ у власти, но и не принадлежалъ ни къ одной изъ партій, спорившихъ изъ за власти: вспомнимъ его *je ne veux point être roi* въ «Письмѣ къ академикамъ». Но онъ не былъ тѣмъ, чѣмъ казался публикѣ; его природная наклонность къ ироніи, анализу, отрицанію была принята за твердость характера и прямолинейность мышленія. Туреньскій vigneron, и офицеръ

великой арміи сливались воедино въ глазахъ читателей, которые желали забыть, что онъ въ 1792 году отправился на границу по простой командировкѣ, и видѣли въ этомъ еще одно доказательство его пламеннаго патріотизма. Онъ не добивался повышенія по службѣ—а! онъ тогда уже презиралъ власть, развращающую людей! Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ понимали, что солдатомъ онъ былъ по обязанности, крестьяниномъ сталъ по наклонностямъ, и писателемъ для развлеченія—и это удалось ему. Это, однако, не все. «Желая отъ хартіи того-же, чего желало отъ нея правительство—ни больше, ни меньше—и не вѣря во внезапное прозрѣніе слѣпорожденныхъ, онъ принималъ видъ человѣка, называющаго вещи ихъ именами, говорящаго о властяхъ сообразно ихъ хорошо извѣстнымъ намѣреніямъ, а не сообразно намѣреніямъ, которыя старалась приписать имъ слишкомъ вѣжливая оппозиція: положеніе, дѣйствительно, единственное въ своемъ родѣ».

Второе «Частное письмо», относящееся къ тому же году, заканчиваетъ изображеніе плачевной судьбы злополучной хартіи. Оно касается процедуры выборовъ и по ѣдкости юмора не уступаетъ лучшимъ произведеніямъ памфлетиста. «Насъ было около двухсотъ пятидесяти человѣкъ, выбранныхъ префектомъ для того, чтобы мы выбрали другихъ, которые будутъ его контролировать». Не трудно угадать, каковы будутъ результаты выборовъ. «Мнѣ сообщили, что правая и центръ обѣдали предварительно у префекта, ...а лѣвая нигдѣ не обѣдала. Изъ этого я вывелъ заключеніе, что для лѣвой все кончено; она проиграетъ дѣло и заплатитъ за обѣдъ, котораго не будетъ ѣсть; и я не ошибся». (Рус. пер. стр. 98). Изъ урны, дѣйствительно, никто кромѣ ультра-роялистовъ или приверженцевъ министерства, не появился.

Содержаніе этого памфлета не ограничивается системой выборовъ; многія явленія внутренней политики Франціи получаютъ въ немъ освѣщеніе, не столько разностороннее, сколько яркое, жизненное и опредѣленное. Многочисленныя замѣчанія Курье по разнымъ поводамъ даютъ новыя доказательства того, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, сторонникъ исключительно того государственнаго строя, который можно назвать строемъ законности; здѣсь можно видѣть, какъ чуждо этому ясному, практическому уму все, что носитъ кличку доктринерства. Онъ не боится словъ, онъ открыто признается, что «предпочитаетъ во сто разъ *министерскій образъ правленія* игрѣ, плутовству, тѣни правительства, которое слыветъ за конституціонное» (стр. 104); онъ знаетъ, что худшее зло при отсутствіи законности—мелкіе агенты власти, дѣятельность которыхъ не имѣетъ корректива въ сознаніи чрезвычайной отвѣтственности, налагаемой на нихъ ихъ широкими полномочіями. Произволъ начальника бываетъ благомъ, произволъ подчиненнаго—всегда зло. «Я предпочитаю министровъ господамъ присяжнымъ по назначенію префекта, считаю ихъ несравненно выше выборщиковъ, выбранныхъ

префектомъ, гораздо выше моихъ такъ называемыхъ естественныхъ судей, отъ которыхъ я не могъ никогда добиться приговора имѣвшаго видимость правосудія» (Рус. пер. стр. 104).—Въ этомъ-же памфлетѣ любопытны нѣкоторыя замѣчанія автора pro domo sua; и здѣсь за полемистомъ и общественнымъ дѣятелемъ проглядываетъ убѣжденный индивидуалистъ, склонный видѣть истинную свободу въ «кельѣ подъ елью». Надъ политической свободой реставраціи онъ просто издѣвается. «Господинъ сотрудникъ журнала—отвѣчаетъ онъ своему газетному оппоненту—говоритъ, что мы свободны, и я говорю то же самое; мы свободны, какъ люди наканунѣ того дня, когда ихъ посадятъ въ тюрьму. Мы теперь живемъ, говоритъ онъ, въ довольствѣ, и ничто не стѣсняетъ насъ. Я сознаю это благополучіе и наслаждаюсь имъ, какъ арлекинъ, который, падая съ вершины колокольни, говорятъ, чувствовалъ себя недурно на воздухѣ, пока не упалъ на мостовую» (Рус. пер. стр. 105). Курье жалѣетъ только, что языкъ его, темный и сбивчивый, не даетъ ему возможности сдѣлать свои взгляды ясными для всѣхъ. «О, если бы я могъ показать людямъ истину, которая для меня ясна до очевидности... если-бы мнѣ дано было выразить такъ, какъ я чувствую и понимаю, что такое независимость, то Деказъ опять принялся-бы за плугъ своего отца»...

VII.

Но Деказу суждено было въ томъ-же году отказаться отъ своего высокаго политическаго поста и безъ увѣщаній памфлетиста: «прогрессивное» министерство не устояло предъ волной реакціоннаго движенія, вызваннаго убійствомъ герцога Беррійскаго, законнаго наслѣдника трона Бурбоновъ. Поворотъ въ настроеніи обѣихъ палатъ, вызванный преступленіемъ Лувеля, не совпалъ, однако, съ истиннымъ направленіемъ общественнаго мнѣнія, которое встрѣтило съ нескрываемымъ недоброжелательствомъ рядъ репрессивныхъ мѣръ, ознаменовавшихъ вступленіе во власть новаго министерства. Однимъ изъ наиболѣе сильныхъ и блестящихъ противниковъ новаго направленія былъ, разумѣется, Курье. Талантъ его достигъ въ произведеніяхъ этого періода своего лучшаго расцвѣта. Онъ окончательно овладѣлъ искусствомъ формы; давно уже поставивъ себѣ правиломъ: peu de matière et beaucoup d'art, онъ далъ въ новыхъ памфлетахъ совершенные образцы того, какъ надо писать «чтобы словамъ было тѣсно, мыслямъ—просторно». По обыкновенію, предметомъ его новаго памфлета послужилъ фактъ сравнительно небольшого общественнаго значенія: когда у герцогини Беррійской, оставшейся послѣ смерти мужа въ положеніи, родился сынъ—наслѣдникъ французскаго престола, министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ націи купить въ складчину и поднести новорожденному принцу старинное достояніе династіи—замокъ Шамборъ.

Курье ответилъ «Простыми рѣчами Поля Луи, винодѣла изъ Ла-Шавоньеръ, членамъ общиннаго совѣта въ Верезѣ. По случаю подписки, предложенной его превосходительствомъ господиномъ министромъ внутреннихъ дѣлъ». Это, въ самомъ дѣлѣ, простыя рѣчи—простыя, ясныя и серьезныя; не слѣдуетъ только изъ за этой ясности и простоты забывать то удивительное искусство, безъ котораго онѣ не могутъ быть достигнуты. Курье зналъ цѣну трудностямъ выполненія: онъ привыкъ побѣждать ихъ. На замѣчаніе знакомаго (въ «Записной Книжкѣ»), что народу нужны не длинныя разсужденія и не блестящія рѣчи, а простой здравый смыслъ, онъ отвѣчаетъ: «Вамъ кажется, что здравый смыслъ не представляетъ ничего особеннаго и его не трудно выразить словами»... И, примѣняясь къ своему читателю, обращаясь къ нему на его-же языкѣ, то есть опираясь на его капиталъ идей, онъ ничѣмъ—кромѣ развѣ нѣкотораго знакомства съ исторіей—не выдаетъ въ авторѣ извѣстнаго ученаго, котораго даже университетская Германія съ почтеніемъ именуетъ *Courierius, vir ingeniosus, acutissimus, praestantissimus*. Болѣе всего на свѣтѣ для него чужды тонкія соображенія, ухищренія, мудрствованія—сегодня праздникъ, время свободное, и онъ хочетъ потолковать съ односельчанами о домашнихъ дѣлахъ. «Если бы у насъ было столько денегъ, что мы бы не знали, куда дѣвать ихъ, заплатили-бы всѣ наши долги, поправили-бы дороги, оказали помощь нашимъ бѣднымъ, и, главное, въ нашей церкви (потому-что о Богѣ нужно думать прежде всего) были-бы исправлены полъ, крыша и стекла въ окнахъ; если бы у насъ была сумма, которую можно употребить не на дѣла нашей общины, то я полагаю, друзья мои, слѣдовало-бы совмѣстно съ нашими сосѣдями заняться поправкой моста Сенъ Авертинъ... Но я противъ покупки Шамбора для герцога Бордоосскаго; и возсталъ-бы противъ этого даже въ томъ случаѣ, если-бы у насъ были деньги, потому что считаю дѣло неподходящимъ для него, для насъ и для Шамбора». (Рус. пер. стр. 113). Для принца этотъ подарокъ невыгоденъ, потому что его дѣлаютъ изъ подъ палки, и «пріобрѣтая землю за милліонъ на наши деньги, герцогъ теряетъ, по крайней мѣрѣ, на сто милліоновъ нашей дружбы... Такія пріобрѣтенія скоро разорятъ его, если вѣрно изреченіе, что короли богаты только любовью народовъ». *)

На воспитаніе царственнаго малютки едва-ли скажетъ благотворное вліяніе замокъ его предковъ; онъ полонъ воспоминаніями

*) Любопытно, что предсказаніе Курье сбылось: ребенокъ, о которомъ онъ говоритъ—будущій графъ Шамборъ—не смотря на высокія личныя качества, долженъ былъ черезъ полъ вѣка отказаться отъ французскаго престола, потому что не могъ разсчитывать на опору въ привязанности народа; идея «бѣлаго знамени» была мало популярна, благодаря такимъ медвѣжьимъ услугамъ куртизановъ дому Бурбоновъ, какъ подписка для пріобрѣтенія Шамбора.

о знаменитомъ распутствѣ французскаго двора, которое такъ мирно уживалось съ показной религіозностью. «Здѣсь Людовикъ, образецъ королей, жилъ (это придворное выраженіе) съ женой Монтеспана, съ дѣвицей ла-Вальеръ, со всѣми женами и дочерьми, которыхъ его произволъ отнималъ у мужей и родителей... Въ эту дверь входила по вечерамъ его любовница, а по утрамъ его духовникъ». (Рус. пер. стр. 124). Если пріобрѣтеніе замка такъ мало выгодно тому, для кого онъ предназначается, то еще менѣе выгодъ сулитъ оно тѣмъ, на кого, подъ прикрытіемъ добровольнаго пожертвованія, налагаетъ новыя тяготы. Это былобы еще ничего, но переѣздъ извѣстнаго своими нравами французскаго двора отразится очень дурно на окружающей Шамборъ мѣстности. Характеристика куртизана, слѣдующая за этимъ доводомъ, считается классической, и французской энциклопедическій лексиконъ помѣщаетъ подъ этимъ словомъ выдержки изъ памфлета Курье. Здѣсь уже нѣтъ ни тонкихъ намековъ, ни ядовитыхъ уколовъ: одна голая правда, иногда грубая и бранная («челядь лѣнивая, развратная, развращающая и наглая»), но очень мало утрированная для того, кто знакомъ съ подлинными хрониками стараго режима. Здѣсь нѣтъ должной объективности—несомнѣнно, но памфлетъ и не выдается за образецъ объективности: это орудіе борьбы, а не научное изслѣдованіе. На грубое насиліе онъ отвѣчаетъ грубымъ сопротивленіемъ и ищетъ въ общественномъ мнѣніи не тихаго сочувствія пассивныхъ единомышленниковъ, а сенсаціи, волненія, бури.

Не видитъ памфлетистъ въ переходѣ Шамбора въ новыя руки ничего хорошаго и для самого помѣстья: лучше-бы его купила «черная банда»—она лучше служитъ государству и королю, чѣмъ «бѣлая». Черной бандой называлась компанія спекулянтовъ, скупавшая крупныя имѣнія и распродававшая ихъ вразбродъ; историческіе памятники, старинные замки, часовни, башни, сады падали, разумѣется, жертвой коммерческихъ соображеній купцовъ, которымъ не было дѣла до художественной и научной цѣнности этихъ реликвій. Интеллигентная Франція, переживавшая первыя стадіи романтизма съ его антикварными тенденціями, со смутными порываніями къ среднимъ вѣкамъ, къ родной старинѣ, осыпала проклятіями этихъ торгашей. Курье всецѣло на ихъ сторонѣ. Въ этомъ видѣли крайнее выраженіе того перелома въ симпатіяхъ Курье, о которомъ мы говорили выше. Здѣсь есть только доля истины; между Курье, громящимъ разрушеніе древностей въ Римѣ и одобряющимъ его во Франціи, нѣтъ большой разницы по существу: разница, съ его точки зрѣнія, между этими древностями. Одно дѣло—греческіе антики, другое дѣло—готическіе замки, старинные монастыри. «Развѣ камни безлюднаго монастыря будутъ осквернены, если послужатъ на сооруженіе стѣнъ крестьянскаго дома, святого и цѣломудреннаго жилища, гдѣ никогда не прекра-

щается трудъ, а слѣдовательно и молитва. Кто работаетъ, тотъ молится». (Рус. пер. стр. 29). Едва-ли Курье сталъ бы даже теперь защищать такими легкими софизмами разрушеніе Парѳенона или Колизея, хотя бы и съ большей пользой для народа, чѣмъ дешевые камни на постройки. Во всякомъ случаѣ въ этой симпатіи уничтоженію остатковъ древности нельзя не видѣть нѣкотораго движенія отъ исключительно эстетической точки зрѣнія къ этической.

Памфлетъ заканчивается весьма удачнымъ примѣненіемъ того пріема, на который мы указали, какъ на характерную манеру Курье: ставъ на точку зрѣнія тѣхъ, на кого онъ нападаетъ, онъ доводитъ ее до абсурда. Онъ сокрушается о томъ, что порядочный человѣкъ лишенъ теперь возможности округлить свое помѣстье насчетъ окрестныхъ крестьянскихъ полей, онъ возмущается благосостояніемъ черни. И, бросая въ лицо противникамъ бѣшеные сарказмы, онъ возвышается въ заключеніи до трагическаго паѳоса: «О вы, законодатели, назначенные префектами, предупредите это несчастіе, издайте законы, помѣшайте, чтобы не всѣ могли питаться своими трудами! Отнимите землю у хлѣбопашца, ремесло у ремесленника съ помощью соотвѣтствующихъ привилегій и корпорацій; торопитесь, промышленность въ деревнѣ и въ городѣ захватываетъ все, вытѣсняя повсюду древнее и благородное варварство. Вамъ говорятъ это, вамъ кричатъ; чего-же вы медлите? что можетъ удержать васъ,—народъ, родина, честь?—когда у васъ въ перспективѣ мѣста, деньги, орденскія ленты...» (Рус. пер. стр. 140).

VIII.

Бурный успѣхъ брошюры Курье показался недостаточнымъ прокуратурѣ, которая нашла нужнымъ сдѣлать ему рекламу привлеченіемъ автора къ судебной отвѣтственности: административныя мѣры не были примѣнимы къ его преступленію. «Бѣднякъ, работая однажды въ полѣ,—разсказываетъ Курье наивнымъ языкомъ простодушнаго Поля-Луи,—получилъ длинную бумагу..., по которой его обвиняли въ оскорбленіи общественной нравственности». Прокуратура собиралась требовать для него двѣнадцатилѣтняго заключенія: два года за общественную нравственность, пять лѣтъ за оскорбленіе особы короля и пять за подстрекательство къ такому же оскорбленію. Но инстанція, утверждающая обвинительные акты, отказалась отъ двухъ послѣднихъ обвиненій. Курье поспѣшилъ въ Парижъ. «Завтра выяснится,—пишетъ онъ отсюда женѣ въ іюнѣ 1821 года,—когда меня будутъ судить. Меня гнали и даже надоѣли требованіемъ отправиться на поклонъ къ моимъ судьямъ, но я отказался наотрѣзъ и не сомнѣваюсь, что такъ и слѣдовало. Я убѣжденъ, что я правъ. Публика за меня—это все, чего я хотѣлъ. Всѣ на моей сторонѣ, и даже тѣ, кто не одобряетъ сюжета, увлекаются красотой исполненія... Чѣмъ больше меня бу-

дутъ травить, тѣмъ болѣе будетъ расположено ко мнѣ общественное мнѣніе».

Это было все, чего могъ желать этотъ эстетикъ въ роли политическаго писателя: цѣнители, возмущенные содержаніемъ памфлета, восторгались красотами формы, толпа создавала ему популярность, а слабое правительство своимъ преслѣдованіемъ сознавалось въ томъ, что памфлетистъ коснулся его больного мѣста.

Рядъ писемъ къ женѣ последовательно и энергично рисуетъ дальнѣйшій ходъ этого дѣла. «Составъ присяжныхъ отвратительный, надежды мало... Всѣ убѣждены, что они не посмѣютъ осудить меня. Есть благопріятныя обстоятельства». И, наконецъ: «Два мѣсяца тюрьмы и двѣсти франковъ штрафа!.. Не могу писать—обрабатываю для печати мою защиту и рѣчи за и противъ; не знаю, успѣю-ли... Меня ищутъ, меня хотятъ видѣть, меня осыпаютъ поздравленіями и похвалами. Я пораженъ самъ, *какъ мало удовольствія доставляетъ мнѣ все это*».

Наконецъ, отчетъ о процессѣ появился, шумъ, произведенный имъ, превзошелъ сенсацію, возбужденную «простыми рѣчами». «Моя брошюра имѣетъ безумный успѣхъ; трудно представить себѣ восхищеніе, восторгъ, энтузіазмъ и т. д. Вчера ее читали у прокурора, была масса народа... Старый президентъ суда, котораго ты видѣла у твоей тетки, выразился, что этотъ приговоръ просто смѣшонъ. Кажется, это не только его личное мнѣніе: онъ, говорятъ, таковыхъ не имѣетъ». И, наконецъ, испытанный боецъ и старый пріятель памфлетиста, Беранже, чуть не завидуетъ ему: «На мѣстѣ Курье, я бы не отдалъ этихъ двухъ мѣсяцевъ тюрьмы за сто тысячъ франковъ». Онъ зналъ, какъ выгодно пострадать за правду не для личной популярности — онъ ея никогда не искалъ—но для торжества этой правды.

Успѣхъ брошюры о процессѣ былъ вполнѣ заслуженъ: это новый памфлетъ, усиливающій массой новыхъ данныхъ впечатлѣніе, произведенное первымъ. Въ сущности, это произведеніе трудно назвать отчетомъ. Остроумная рѣчь подсудимаго, помѣщенная здѣсь, никогда не предназначалась авторомъ для произнесенія на судѣ, а категорическіе, сильные отвѣты его предсѣдателю, взявшему на себя, по французскому обыкновенію, роль прокурора, приняли эту окраску твердости и самоувѣренности лишь въ позднѣйшей обработкѣ: Курье волновался на судѣ гораздо больше, чѣмъ это видно изъ его брошюры.

Въ тюрьмѣ Курье подготовилъ къ печати свой переводъ «Дафниса и Хлои». Это весьма оригинальная работа: переводчикъ сообразилъ, что наивному стилю подлинника соотвѣтствуетъ болѣе всего не современный, а старинный французскій языкъ, и только такой знатокъ языка, нѣкогда находившій, что съ эпохи классиковъ никто не умѣлъ писать по французски, могъ выполнить этотъ серьезный трудъ.

За день до истеченія двухмѣсячнаго срока заключенія, Курье былъ освобожденъ изъ тюрьмы, чтобы снова предстать предъ судомъ за «Петицію о крестьянахъ, которымъ запрещаютъ танцовать». Дѣло шло о томъ распоряженіи новобранца воинствующей церкви, кюрэ деревни Азэ, о которомъ мы же упоминали. Два обстоятельства должны заинтересовать, по мнѣнію памфлетиста, палату депутатовъ этимъ, съ виду пустячнымъ, дѣломъ: во первыхъ это дѣло народа, а все, что касается народа, не можетъ быть безразлично для его представителей; во вторыхъ «здѣсь замѣшана или, вѣрнѣе сказать, компрометтирована религія вслѣдствіе ложно понятаго рвенія». (Рус. пер. стр. 240).

Судъ ограничился на этотъ разъ выговоромъ автору, но конфисковалъ его произведеніе. Курье понялъ, что торжественно провозглашенная хартія не охраняетъ его свободы мысли, и съ этихъ поръ ни одно его произведеніе, кромѣ нѣсколькихъ писемъ въ редакцію, не появлялось въ общей прессѣ. Отнынѣ онъ «ронялъ на улицѣ манускрипты», кто-то ихъ поднималъ, печатались они сами собой, а затѣмъ оказывались во всѣхъ рукахъ. Такъ появились два «Отвѣта анонимамъ». Біографъ автора особенно восхищался вторымъ письмомъ, которое посвящено разсказу о гнусныхъ преступленіяхъ католическаго аббата Мэнгра и яркому изображенію естественной необходимости этихъ трагедій, обусловленныхъ католическимъ догматомъ безбрачія клира и особенными условіями исповѣди. «Весь XVIII вѣкъ писалъ... противъ монашескихъ обѣтовъ, противъ исповѣди молодыхъ дѣвушекъ у молодыхъ священниковъ. Но и въ этотъ вѣкъ ожесточенной борьбы не было произведено ничего—не считая *изложенія вѣры савойскаго викарія* Жанъ-Жака—что вселяло-бы въ умы убѣжденіе въ заблужденіи также глубоко, какъ это краснорѣчивое письмо, въ которомъ оправданный священникъ жалуется, какъ человѣкъ, и интересуетъ насъ даже въ своей непреодолимой страсти, которая нисколько не мѣшаетъ сердцу биться, но которая предписываетъ ему ложь, если оно слабо, и убійство, если есть признаки, что оно пало».

Гораздо важнѣе и шире по содержанію первый отвѣтъ анонимамъ. Здѣсь уже нѣтъ рѣчи о мелкихъ сюжетахъ и единичныхъ фактахъ: здѣсь авторъ говоритъ по преимуществу о себѣ, объ исторіи своихъ процессовъ, столь характерной для законности реставраціи. И здѣсь-же—въ который уже разъ, но каждый разъ все настойчивѣе—онъ даетъ понять, какъ мало въ немъ доктринерскаго либерализма, какъ дорого цѣнитъ онъ настоящую, внутреннюю свободу, какой-бы строй ее ни обезпечивалъ. Онъ отрицаетъ приписанныя ему анонимомъ республиканскія воззрѣнія. «Я читалъ извѣстныхъ авторовъ и долго размышлялъ о лучшей формѣ правленія. Я размышляю объ этомъ даже и теперь въ часы досуга, но мое изслѣдованіе плохо подвигается впередъ; и изученіе предмета не только не привело меня къ опредѣленному мнѣнію, которое вы

приписываете мнѣ, а наоборотъ; говоря откровенно, чѣмъ больше я думаю объ этомъ, тѣмъ меньше знаю, чего я долженъ придерживаться... Я рѣдко возражаю кому-бы то ни было, потому что инстинктивно и по природѣ люблю свободу». (Рус. пер. стр. 264). Онъ соглашается со всякимъ, у кого есть доводы: онъ—республиканецъ съ краснорѣчивымъ республиканцемъ, и можетъ быть убѣжденъ, что свобода возможна только въ монархіи. Власти сдѣлали ошибку: вмѣсто того, чтобы убѣдить его, что покупка Шамбора выгодное для французовъ дѣло, его взяли и посадили въ тюрьму. Теперь и онъ и публика убѣждены, что онъ правъ, а власти не хотятъ сознаться въ своемъ заблужденіи. «Сознаніе моей правоты раздражаетъ ихъ; и я торжествую, сидя въ тюрьмѣ».

Возрастающая извѣстность Курье—газеты называли его уже Рабле XIX столѣтія, Монтенемъ политики и т. д.—имѣла еще одно слѣдствіе: онъ, правда, противъ воли, попытался выступить въ качествѣ практическаго политика. Сообщая женѣ объ успѣхѣ своей брошюры, онъ прибавлялъ: «Здѣсь нѣкоторые господа упорно хотятъ сдѣлать меня депутатомъ и хлопочутъ объ этомъ изо всѣхъ силъ. Я буду очень недоволенъ, если это имъ удастся, ты сама понимаешь, почему. У меня не хватитъ рѣшимости отказаться, но я убѣжденъ, что для меня это—несчастье. Это совсѣмъ не по мнѣ. Впрочемъ, мало вѣроятія, чтобы меня выбрали, потому-что, по моему, *я не гожусь ни для какой партіи*».

Его, дѣйствительно, не выбрали, не потому, разумѣется, чтобы у него не было единомышленниковъ, но потому, что эта борьба между цѣлой системой злоупотребленій и гордой пассивностью свободнаго мыслителя не могла окончиться въ его пользу. Соперникомъ Курье былъ самъ мэръ, маркизъ д'Эффіа, хлопатавшій объ избраніи всѣми способами. Курье не сдѣлалъ ничего: онъ хотѣлъ быть *дѣйствительно избраннымъ*, быть избранникомъ округа, а не министерства, и продолжалъ считать себя таковымъ и послѣ неудачи: если-бы его сторонники имѣли возможность принять участіе въ выборахъ и подать на глазахъ маркиза за него голосъ, выборы окончились-бы иначе. Сто шестьдесятъ голосовъ, поданные за него, онъ цѣнитъ гораздо выше, чѣмъ двѣсти двадцать, поданные за маркиза. Этотъ человѣкъ явно не годится въ практическіе политики: онъ не понимаетъ значенія внѣшняго успѣха, онъ думаетъ о внутренней правдѣ событій, онъ стыдится подкупать избирателей; онъ лучше сдѣлаетъ, оставаясь писателемъ.

Въ томъ же году появилась «Gazette de village», въ слѣдующемъ «Записная книжка Поля Луи во время его пребыванія въ Парижѣ» и «Дипломатическій документъ, извлеченный изъ англійскихъ журналовъ»—несомнѣнно, самое дерзкое произведеніе Курье, такъ какъ затрагиваетъ вопросъ объ истинныхъ убѣжденіяхъ самого Людовика XVIII, давшаго свою хартію, какъ извѣстно, главнымъ образомъ во исполненіе желанія императора Александра I. Едва-ли

система политической лжи получала гдѣ-либо такое ясное и откровенно циничное выраженіе, какъ въ этомъ письмѣ, гдѣ излагаются любезные совѣты, какъ сохранить прелести стараго режима при помощи «представительной кострюли». Самая вульгарность стиля письма превосходно оттѣняетъ непристойную откровенность двуличнаго человѣка, вырвавшагося на минутку изъ тисковъ этикета и заговорившаго въ томъ тонѣ, который наиболѣе соотвѣтствуетъ его сокровеннымъ вожделѣніямъ.

Эту потребность скинуть маску почувствовалъ и самъ памфлетистъ. Дѣланный, рабій языкъ надоѣлъ ему, и въ своемъ послѣднемъ произведеніи онъ заговорилъ прямо, открыто, отъ своего имени. «Памфлетъ памфлетовъ» стоитъ въ сторонѣ отъ предыдущихъ статей Курье. Безконечно далеко разстояніе, отдѣляющее прежнія бутады отъ этой вдохновенной защиты свободы мысли. Это защита и теорія памфлета; авторъ не улыбается, онъ онъ не скрываетъ истину подъ остроумной шуткой: онъ бросаетъ ее прямо, обнаженную, ясную, волнующую; онъ реабилитируетъ свое званіе, званіе *гнуснаго памфлетиста*, сочинителя «ничтожныхъ, легковѣсныхъ, безсодержательныхъ писаній», который безчеститъ себя, тратя время и талантъ на писаніе не книгъ, а подобныхъ листковъ, и рѣшительно все обращая въ смѣшную сторону, вмѣсто того, чтобы разсуждать серьезно».

Самое важное въ «памфлетѣ памфлетовъ» это глубокое сознаніе *долга* быть провозвѣстникомъ истины. До сихъ поръ Курье могъ казаться «дилеттантомъ оппозиціи», бросающимъ свои саркастическія замѣчанія изъ суетной любви къ насмѣшкѣ и популярности. Здѣсь, ставя въ ряды памфлетистовъ Паскаля, Франклина, Демосѳена, онъ прямо заявляетъ, что «Дженнеръ былъ бы истиннымъ злодѣемъ, если бы хотя на часъ удержалъ въ секретѣ свое открытіе». Въ страстной защитѣ дѣла, которому онъ отдалъ лучшую сторону своего исключительнаго дарованія, достигло высшаго напряженія искусство Курье. Здѣсь нѣтъ слѣдовъ былой манерности, и все, что было искусственностью, манерой, становится стилемъ—полнымъ и естественнымъ выраженіемъ этого причудливаго характера, этого замкнутаго и неожиданнаго ума. Онъ сознается въ трудностяхъ выполненія, которыя оставались скрытыми отъ публики, мелькомъ пробѣгавшей эти легко, гладко и весело написанные листки, не замѣчая, какіе глубокіе слѣды оставляютъ они. «Изложеніе тѣмъ лучше, чѣмъ оно короче. Знаете-ли, это рѣдкостная способность. Не такъ-то легко обнять въ небольшомъ количествѣ словъ многое... Какъ мало писателей, способныхъ написать десятокъ страницъ, не обронивъ ни одной пошлости. Самое коротенькое письмо Паскаля написать было труднѣе, чѣмъ цѣлую энциклопедію... Кто расписывается въ своихъ писаніяхъ, у того, можно сказать, нѣтъ времени, чтобы поразмыслить хорошенько и затѣмъ изложить какъ можно короче». (Рус. пер. стр. 361).

Съ теоріей литературной стороны памфлета соединяется теорія его идейнаго воздѣйствія: онъ кратокъ, убѣдителенъ, правдивъ и смѣлъ. Эта смѣлость нѣсколько опасна тамъ, гдѣ на памфлеты отвѣчаютъ при посредствѣ lettres de cachet, но преслѣдованіе способствуетъ цѣлямъ памфлетиста.

«Никакая истина не распространяется безъ страданій, за исключеніемъ развѣ теоремъ Эвклида». «И ты,—патетически обращается къ памфлетисту его художественное созданіе, его другъ сэръ Джонъ-Бикерстаффъ, «великій сторонникъ реформъ, только не парламентскихъ, а всемірныхъ»,—и ты, Поль Луи, винодѣлъ, согласившійся одинъ изъ всѣхъ въ странѣ не отдѣляться отъ народа, дерзай и далѣе пребывать памфлетистомъ... забирайся на крышу, проповѣдуй слово народамъ, и ты будешь услышанъ, если тебя будутъ преслѣдовать. Эта помощь нужна, и безъ мосье де-Брое *) ты ничего не добился-бы. Твое дѣло вѣщать, а его—подтверждать обвинительнымъ актомъ истину словъ твоихъ. Поддерживая и помогая другъ другу подобно Сократу и Аниту, вы можете перевернуть весь свѣтъ». (Рус. пер. стр. 368).

Но усталый писатель, не чувствуя силы раздѣлить участь Сократа, напоминаетъ о томъ, что его личное дѣло тонетъ въ общемъ процессѣ перерожденія міра. За послѣдніе пять-шесть вѣковъ міръ сдѣлалъ громадный путь и теперь—успокаиваетъ онъ друзей—ничто не въ силахъ остановить его движеніе. Этимъ бодрымъ строкамъ, рисующимъ свѣтлое будущее дѣла, которому посвятилъ свои труды памфлетистъ, суждено было быть послѣдними въ его жизни. «Памфлетъ памфлетовъ» называютъ лебединой пѣсней Курье.

IX.

Одна изъ замѣтокъ въ «Записной книжкѣ Поля Луи» (1823 г.) какъ будто запечатлѣна предчувствіемъ близкой и насильственной смерти. «Сегодня утромъ, гуляя въ Пале-Роялѣ, я встрѣтилъ г. Г—рда. «Берегись, Поль-Луи, говоритъ онъ мнѣ, смотри въ оба: отправятъ тебя ханжи на тотъ свѣтъ». Это, конечно, шутка: самъ Курье едва-ли считалъ себя настолько страшнымъ для «ханжей», чтобы они прибѣгли къ такимъ рискованнымъ средствамъ избавиться отъ него. Но когда 10 апрѣля 1825 года Курье, пораженный ружейнымъ выстрѣломъ, упалъ замертво въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своего дома, и сторожъ его, Фремонъ, обвиняемый въ убійствѣ, былъ единогласно оправданъ присяжными, взволнованное общественное мнѣніе естественнымъ образомъ вспомнило о «ханжахъ». Даже когда черезъ пять лѣтъ мракъ разсѣялся, и Фремонъ, вновь призванный къ суду, оказался убійцей, въ литературѣ осталась легкая тѣнь подозрѣнія и легенда о политической подкладкѣ смерти

*) Прокуроръ, обвинявшій Курье въ процессѣ о «Простыхъ рѣчахъ».

Курье иногда повторяется даже въ наши дни, не смотря на то, что еще въ 1852 году Сентъ-Бевъ напомнилъ объ исходѣ пересмотра дѣла Фремона: этотъ финалъ казался болѣе художественнымъ и естественнымъ—смѣлый обличитель застарѣлыхъ политическихъ недуговъ долженъ былъ въ это смутное время пасть отъ руки своихъ ожесточенныхъ враговъ. На самомъ дѣлѣ преступленіе Фремона не имѣло никакого отношенія къ общественной дѣятельности Курье; мотивы его были чисто личнаго характера—озлобленіе, месть, разсчетъ на наживу. Убійца умеръ черезъ четыре дня послѣ суда отъ апоплексіи.

Сентъ-Бевъ, который вообще предпочитаетъ непочтительнымъ памфлетамъ Курье его ученые труды и еще болѣе его остроумныя письма—совершенный образецъ блестящаго эпистолярнаго стиля французовъ—полагаетъ, что въ дальнѣйшей дѣятельности Курье, если бы ему суждено было жить еще, возвратился бы *за недостаткомъ сюжетовъ* къ чистому искусству. Трудно понять, какъ могъ говорить о недостаткѣ темъ для памфлетовъ критикъ, самъ пережившій эпохи Карла X и Луи-Филиппа, когда литература памфлетовъ разрослась до необычайныхъ размѣровъ и когда такой, въ сущности, незначительный подражатель Курье, какъ Тимонъ (де-Кормененъ) имѣлъ громадный успѣхъ. Но въ этомъ разница между самобытнымъ дарованіемъ и подражателемъ: имя Тимона полузабыто даже въ его отечествѣ; Курье считается классикомъ, и книгой его черезъ семьдесятъ пять лѣтъ увлекаются въ далекой странѣ, столь дружественной и, однако, столь чуждой его родинѣ. Какъ ни любилъ Курье своихъ классиковъ, какъ ни удачны были его работы въ этой области, одобренныя такимъ чуткимъ цѣнителемъ, какъ Гете *), онъ, конечно, не отказался бы ради нихъ отъ своей публицистической дѣятельности, да и не было въ этомъ нужды, такъ какъ классиковъ онъ никогда не бросалъ, особенно въ тюрьмѣ: второе изданіе перевода Лонгуса, снабженное примѣчаніемъ о его двоекратной конфискаціи при Наполеонѣ и о томъ, что оно приготовлено къ печати въ Sainte-Pélagie, также могло сослужить нѣкоторую службу идеямъ автора. Онъ дорожилъ вниманіемъ наро-

*) См. «Разговоры» Эккермана, 21 марта 1831 года. Гете считалъ переводъ «Дафниса и Хлои» превосходнымъ. Любопытно мнѣніе Гете о публицистической дѣятельности Курье. «Это большой природный талантъ—сказалъ онъ тогда же,—родственный по нѣкоторымъ чертамъ Байрону, Бомарше и Дидро. Съ Байрономъ его сближаетъ ясность духа, отъ которой зависитъ полнота аргументаціи, съ Бомарше—адвокатская ловкость, съ Дидро—діалектика; къ тому же просто невозможно быть болѣе остроумнымъ. Онъ, однако, кажется, не вполнѣ правъ въ исторіи съ чернильнымъ пятномъ; затѣмъ, онъ недостаточно положителенъ въ своемъ направленіи, такъ что одобрить его безъ оговорокъ едва ли возможно. Онъ въ разладѣ со всѣмъ міромъ и не подумаетъ, что и онъ самъ можетъ быть въ чемъ-либо виноватъ или неправъ».

да, быть можетъ, даже больше, чѣмъ слѣдуетъ, и не потерялъ-бы его и въ будущемъ.

Писатель по преимуществу, écrivain во французскомъ, особенномъ смыслѣ этого названія, художникъ слова гораздо больше, чѣмъ проповѣдникъ, цѣльная и послѣдовательная, хотя и не сильная натура, не глубокій, но въ высшей степени ясный умъ, Курье, въ сущности, ни по природнымъ качествамъ, ни по подготовкѣ не былъ созданъ для той дѣятельности, въ которой обезсмертилъ свое имя. Но дѣло это было нужно, и въ данный моментъ едва ли кто либо могъ выполнить его лучше, плодотворнѣе и тоньше, чѣмъ Курье. Мы указывали уже мимоходомъ на тѣ причины, по которымъ Курье принялъ на себя эту мало свойственную и чуждую ему роль политическаго дѣятеля. Это былъ его крестъ. Время просто и безыскусственно выдвинуло и поставило его—не въ ряды: въ рядовые онъ не годился—среди вожаковъ общественнаго движенія. Внѣ исключительныхъ условій историческаго момента имя Курье было бы извѣстно развѣ лишь въ той средѣ, которая считаетъ его теперь своимъ блуднымъ сыномъ. Извѣстность счастливаго эллиниста, отыскавшаго недостающіе фрагменты пасторали «Дафниса и Хлои» и геростратовская слава небрежнаго ученаго, испортившаго драгоцѣнный манускриптъ, давно покрылись бы мракомъ забвенія, если бы ихъ не вынесла на своихъ крыльяхъ настоящая слава автора «Простыхъ рѣчей», замѣчательнаго политическаго писателя, никѣмъ не превзойденнаго въ оригинальномъ литературномъ жанрѣ, перенесенномъ имъ изъ области дѣловой публицистики въ область изящной литературы. Исторія идей никогда не забудетъ этого виднаго участника общественнаго движенія; исторія литературы, даже ставъ исторіей формы, не вычеркнетъ изъ своихъ списковъ этого удивительнаго писателя, пропитавшаго свои боевые летучіе листки нетлѣнностью классической рѣчи и создавшаго школу, изъ которой вышли Арманъ, Каррель, Ларра и Берне.

Ар. Горнфельдъ.

Новыя книги.

М. Зининъ (Сергѣй Шараповъ). Кружнымъ путемъ. Романъ въ 5 ч., Спб. 1897 г.

Не можемъ теперь припомнить, въ какомъ именно изъ своихъ произведеній Щедринъ говоритъ о тамбовскихъ помѣщикахъ: о чемъ-бы ни разсказывалъ тамбовскій помѣщикъ, слушателю кажется, что онъ во всякую минуту „рискуетъ статъ беллетристомъ". Г. С. Шараповъ, какъ это всѣмъ извѣстно,—помѣщикъ не тамбовскій, а смоленскій. Однако, всякій разъ, когда намъ попадаются его многостороннія и, надо отдать справедливость, всегда „яркія" писанія,—мы почему-то непремѣнно вспоминаемъ тамбовскаго помѣщика и намъ все кажется что г. Шараповъ ходитъ весьма рискованно по самой грани, отдѣляющей дѣловое сообщеніе отъ чистой беллетристики, если только уже не переступилъ черезъ эту грань. Начиная съ его парижскихъ корреспонденцій, изображавшихъ во весь ростъ самого г. Шарапова, подъ ногами котораго дефилировали маленькіе Луи-Бланы, маленькіе Тэны и крошечные Викторы Гюго, продолжая знаменитыми „туками", въ которыхъ покоилось спасеніе Россіи, и кончая фармазонскимъ русскимъ „рублемъ", еще такъ недавно спасавшимъ въ книгѣ г. Шарапова наши финансы,—все это подвергалось въ свое время строгому, но не справедливому осужденію критики. Вольно-же было, въ самомъ дѣлѣ, судить экономическіе трактаты или фактическія „изслѣдованія",—тогда какъ авторъ ихъ просто „рисковалъ стать" или даже уже становился беллетристомъ!

И вотъ, наконецъ, передъ нами романъ г. Шарапова въ 5 частяхъ—„Кружнымъ путемъ". Боже мой, какимъ кружнымъ путемъ въ самомъ дѣлѣ люди достигаютъ порою своего рокового предѣла и притомъ часто—слишкомъ поздно! Въ романѣ г. Шарапова есть эпизоды и страницы положительно недурные, нѣкоторые персонажи набросаны бойко и увѣренно (г. Шараповъ, впрочемъ, все пишетъ увѣренно и бойко), но... нѣтъ! Столь долгія скитанія „кружными путями" литературы не могутъ, очевидно, пройти безнаказанно для человѣка съ пылкимъ воображеніемъ, и если на дѣловыхъ разговорахъ г. Шарапова слишкомъ отражались его тайныя беллетристическія наклонности, то теперь его беллетристика подавляется порой отраженіями его учености (см. напр. стр. 109 романа—графическое развитіе идеи безсмертія, при помощи чертежа!).

Есть, однако, и другая бѣда, найдется, пожалуй, и третья и четвертая!

Въ главѣ XII романа жена спрашиваетъ у мужа: „скажи мнѣ, пожалуйста, что, композиторы, вообще, много заимствуютъ другъ у друга?“—Много душа моя, т. е. не то что заимствуютъ, а просто воруютъ.—„Какъ,—всѣ воруютъ? Даже талантливые?“—Талантливые особенно,—чѣмъ больше накралъ, тѣмъ больше таланту“.—Нужно замѣтить, что передъ этимъ разговоромъ жена, порывшись въ композиціяхъ мужа, убѣдилась, что и слова, и музыка все украдено у другихъ. „Ея Петя попросту укралъ бетховенскую мелодію, чуть чуть ее измѣнивъ, передѣлавъ съ 4-хъ на 6 четвертей, и написалъ въ другомъ тонѣ... Но плагіатъ, самый очевидный, былъ на лицо. Правда, соната, которою онъ воспользовался (отличное выраженіе, скажемъ отъ себя), принадлежала къ числу наименѣе исполняемыхъ, но это едва-ли не усугубляло вину“ (стр. 173). Несомнѣнно даже, что усугубляло, и намъ очень прискорбно, что и послѣ этого г. Шараповъ продолжаетъ считать своего героя оригинальнымъ и талантливымъ, съ искрой божіей въ душѣ. Невольно въ умѣ рождается смутная тревога: неужели и самъ г. Шараповъ такъ смотритъ на талантъ и, чего добраго, придаетъ этому взгляду распространительное толкованіе за предѣлами музыки? Убійственная мысль, но... отъ нея трудно избавиться и какъ-то невольно, обращаясь среди выведенныхъ г. Шараповымъ персонажей,—хочется воскликнуть: ба! знакомыя все лица! Вотъ напр. сцена на вокзалѣ, вечеръ... поѣздъ готовится уйти среди мятели. На дебаркадерѣ „молодой человѣкъ въ кавалерійской формѣ. У него черные, немного утомленные глаза“, мягкіе усы, красивая скука... пробовалъ писать, неудачно выходило“... Неужели Вронскій? Здравствуйте Алексѣй Кирилловичъ! Вы ѣдете въ эту мятель, чтобы встрѣтить въ поѣздѣ Анну Аркадьевну Каренину и склонить ее на грѣшную любовь? Ахъ нѣтъ, это у Толстого. У г. Шарапова Вронскій въ военномъ мундирѣ наскоро передаетъ эту задачу своему штатскому двойнику, Петру Свѣтлицыну. Военный остается на вокзалѣ, штатскій уѣзжаетъ въ мятель. На одной изъ станцій дѣйствительно входитъ въ вагонъ Анна Аркадьевна Каренина, но называется она Варвара Павловна Мятлева. Она необыкновенно хороша, необыкновенно умна и необыкновенно добродѣтельна. Мужъ у нея, разумѣется, всей Россіи извѣстный, очень уважаемый человѣкъ, но сухой педантъ... Алексѣй Александровичъ Каренинъ? Нѣтъ. Александръ Львовичъ Мятлевъ, и служитъ совсѣмъ въ другомъ вѣдомствѣ—по министерству народнаго просвѣщенія... Въ остальномъ они родные братья и, конечно, бѣдной Карениной опять не устоять.

Г. Шараповъ, впрочемъ, пишетъ свою сонату въ очень ускоренномъ темпѣ. Свѣтлицынъ и Мятлева знакомятся передъ Смоленскомъ, гдѣ Свѣтлицыну выходить. Но... онъ беретъ билетъ до Минска. Въ Оршѣ они обѣдаютъ уже вмѣстѣ. За Оршей „ея рука, спокойно лежавшая на колѣняхъ, уже почти ощущала шелковистыя пряди его волосъ". Еще нѣсколько станцій и... „его слезы осушены любящей женской рукой, идеальное чувство (sic) вызвало отвѣтъ въ такой-же изстрадавшейся и неудовлетворенной душѣ, какъ и его душа"... „Подари мнѣ Варя три дня"—говоритъ онъ уже, не доѣзжая двѣ станціи до Минска,—... „ты моя Варя и должна быть моею, иначе я съ ума сойду. Я чортъ знаетъ, какъ тебя люблю. *Ну*, дорогая, *ну*, три денечка"... Совершенно понятно, что когда дѣло дошло до столь деликатнаго и изящнаго выраженія чувствъ (ну, ну!..), то уже никакая добродѣтель устоять не можетъ, и шараповская Анна Каренина ѣдетъ въ Минскъ вмѣстѣ со Свѣтлицынымъ прямо съ вокзала въ гостинницу...

То, что описано затѣмъ длинно и на многихъ страницахъ, принадежитъ уже несомнѣнно самому г. Шарапову и остается цѣликомъ на его совѣсти, какъ и кислосладкій конецъ романа, который самъ герой называетъ „глупѣйшей сценой изъ глупѣйшей мелодрамы" (стр. 311). Если прибавить, что въ романѣ есть и Долли (ее зовутъ Бэтси, олицетвореніе „законной" любви, „не счастіе, а нѣчто выше"), что вмѣсто краткаго „Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ",—г. Шараповъ поставилъ эпиграфъ изъ св. писанія строкъ въ 30, и что для окончательнаго подведенія итоговъ и сведенія концовъ съ концами г. Шараповъ выводитъ нѣкоего мужа, готовящагося къ „постригу",—то читатель представитъ себѣ до извѣстной степени тѣ „оригинальныя" варіаціи, которыми нашъ авторъ украсилъ съ своей стороны толстовскую симфонію. Впрочемъ, и съ помощію мужа, готовящагося къ постригу, мораль всетаки какъ-то не клеится. „Объясните мнѣ,—спрашиваетъ Свѣтлицынъ у будущаго монаха,—отчего, если женщина отдаетъ себя мужчинѣ, какъ мужу, законно,—она для него долго сохраняетъ свою цѣну, онъ продолжаетъ ее желать и любить и къ ней стремиться". Это на стр. 271-й. А на стр. 171 и многихъ, многихъ другихъ, Свѣтлицынъ говоритъ своей „законной" половинѣ: „Ей Богу Лелька... я тебя ненавижу за то, что ты такой ангелъ. Мнѣ представляется, что я попалъ въ рай и дохну съ тоски. И мнѣ хочется туда, къ чертямъ въ болото, на рога къ Вельзевулу!" Вотъ и подите,—какое доказательство силы законной любви! Когда жена чистосердечно разсказываетъ своему брату про нѣкоторыя похожденія своего „законнаго супруга", то „даже Алексѣй Александровичъ, кавалерійскій ротмистръ и человѣкъ далеко не строгихъ пра-

вилъ, глубоко возмутился и произнесъ: „О!“ (стр. 255). Намъ тоже приходилось произносить „О!“ при чтеніи многихъ страницъ романа г. Шарапова, и мы съ сокрушеніемъ сердечнымъ должны всетаки признать, что „грѣшныя“ страницы романа если не художественнѣе, то хоть вѣроятнѣе. Сладость-же покаянія—блѣдна, анемична и рѣшительно можетъ отбить всякій вкусъ къ добродѣтели.

Вл. Тихановъ. Разбитые кумиры. Повѣсти и разсказы. Спб. 1898. Ц. 1 руб.

Полагаемъ, г. Тихановъ нисколько на насъ не обидится, если мы скажемъ, что, по искреннѣйшему нашему убѣжденію, онъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ беллетристовъ, которыхъ смѣло можно назвать пріятными во всѣхъ отношеніяхъ. Пишетъ онъ гладко, въ высшей степени гладко, такъ, что читая его, кажется, будто скользишь по льду. Пишетъ онъ хорошо, т. е. умѣло разставляетъ сцены, развиваетъ интригу разсказа, не торопясь, съ приличными случаю психологическими аксесуарами. Ничего лубочнаго, рыночнаго онъ не сочиняетъ; напротивъ, его очерки всегда продуманы, а порою и прочувствованы. Быть можетъ всего этого по нынѣшнимъ временамъ и совершенно достаточно, но такъ какъ нынѣшнія времена не вѣчны и не безконечны, то мы и называемъ г. Тиханова пріятнымъ во всѣхъ отношеніяхъ беллетристомъ. Какъ таковой, онъ можетъ понравиться людямъ самаго разношерстнаго состоянія. Онъ всякому понятенъ и для всякаго у него найдется нѣчто интересное. Разумѣется, своими произведеніями онъ возбуждаетъ „чувства“,—но не сильныя; мысли, но не глубокія; настроенія, но не продолжительныя. Онъ никогда не вызоветъ въ васъ смѣха, развѣ—улыбку; не заставатъ привязаться къ себѣ, но и не возбудитъ отвращенія. Вы отрываетесь отъ его книги безъ усилія, но можете вернуться къ ней безъ всякой непріязни. Главный его недостатокъ—растянутость и частенько онъ утомляетъ васъ своими длиннотами, но и это вы можете простить ему, потому что видите передъ собой человѣка, очевидно старающагося васъ позанять, поразвлечь, заинтересовать кое-чѣмъ. Словомъ, ничего ни холоднаго, ни горячаго читатель не найдетъ въ разбираемыхъ очеркахъ. Ихъ всего пять и всѣ ихъ мы прочли не безъ пріятности. Первый, самый большой, „Блестящая партія“, посвященъ избитой темѣ—сопоставленію брака по разсчету съ бракомъ по любви. Всѣ симпатіи г. Тиханова на сторонѣ послѣдняго и, разумѣется, спорить съ нимъ мы не будемъ. Изъ того же разсказа всякій можетъ убѣдиться, какъ трудно въ Петербургѣ достать денегъ и не безъ интереса

послѣдуетъ за авторомъ по различнымъ апартаментамъ, гдѣ обитаютъ ростовщики разныхъ категорій, къ сожалѣнію блѣдно обрисованные. Доставать деньги, дѣйствительно, трудно и опять никто съ г. Тихановымъ спорить не станетъ. Разсказъ „Солома“ весь и исключительно посвященъ психологіи директора департамента Егора Егоровича, впервые серьезно представившаго себѣ возможность смерти. Тутъ дѣло не обходится безъ тонкой психологіи и это было бы очень хорошо, если-бы не одно обстоятельство: вся эта психологія и рѣшительнѣйшій ея моментъ (когда человѣкъ приходитъ къ сознанію полной ненужности своей прошлой жизни) извѣстны уже намъ по „Смерти Ивана Ильича“. Заглавіе оригинально. Повѣсть «Утрата»: Вѣра Александровна застаетъ своего супруга Дмитрія Павловича цѣлующимъ бонну Эльзу. Немедленно же собирается она разводиться, но совѣтъ родныхъ, а главное мысль о будущемъ ея двухъ лѣтняго сына останавливаютъ ее отъ этого шага. Она возвращается къ мужу, согласившись жить съ нимъ s'entre écrivant des lettres и, чувствуя, что ничто и никогда не можетъ уже вернуть ея прежнее довѣрчивое и свѣтлое чувство къ нему. Нѣкоторыя фигуры (напр., старой тетки изъ міра приличнаго общества) рельефны, вообще-же все это старые знакомые. Мораль разсказа, какъ видите, очень глубока, но, кажется, могла бы быть и поглубже. Лучше другихъ написанъ очеркъ «Забытыя письма», и заключающіе книгу анекдоты изъ жизни сыщика. Послѣдніе—что говорить — поучительны. Итакъ? Увы — никакого „итакъ“ нѣтъ и не можетъ быть въ данномъ случаѣ. Гладко и пріятно пишетъ г. Тихановъ—вотъ и все, что можно сказать по поводу «Разбитыхъ кумировъ». Слишкомъ все это общеизвѣстно. Читая ихъ, положительно начинаешь думать, что какъ утвердилась земля на трехъ китахъ, такъ и продолжаетъ стоять на нихъ. Ничего новаго—ни типа, ни положенія, а что есть въ жизни и то и другое—въ этомъ и сомнѣваться нельзя.

А. И. Свирскій. Погибшіе люди. Три тома: 1) Трущобный міръ. 2) Міръ тюремный, и 3) Міръ нищихъ и пропойцъ. Спб. 1898 г. Ц. 2 р. 25 коп. Отдѣльные томы по 75 коп.

Г. Свирскій очень недурной разсказчикъ видѣннаго и слышаннаго и его очерки можно читать съ немалымъ интересомъ, но лишь въ томъ случаѣ, когда онъ не разсуждаетъ и не пускается въ совершенно чуждую для него область беллетристической выдумки. И разсужденія (напр. объ «исправимости» трущобниковъ), и выдумка, особенно послѣдняя, наводятъ на васъ тяготу и скуку, такъ какъ вы видите передъ

собой несомнѣннѣйшій образчикъ литературной „дешевки", мѣсто которой на столбцахъ всевозможныхъ листковъ, а никакъ не въ произведеніи, претендующемъ повѣдать нѣчто невѣдомое и въ большей или меньшей степени содѣйствовать излѣченію нѣкоторой общественной язвы. Двѣ-три выписки превосходно доказали-бы намъ, какъ незначительны философскіе и художественные рессурсы г. Свирскаго, но мы предпочитаемъ не дѣлать ихъ, тѣмъ болѣе, что это вторженіе въ чуждыя сферы указываютъ лишь на присутствіе смертнаго грѣха въ душѣ автора «Погибшихъ людей». Грѣхъ этотъ излишнее самомнѣніе, заставляющее его не только разсуждать, но и внушать своимъ читателямъ, что онъ чуть ли не первый и не единственный изслѣдователь тюремно-трущобнаго міра. Объ этомъ онъ съ достаточной торжественностью, но безъ достаточной скромности заявилъ въ своемъ предисловіи. Слѣдовало бы въ данномъ случаѣ выражаться тише и деликатнѣе, такъ какъ литература «погибшихъ людей» у насъ въ Россіи очень значительная, а самая тема по различнымъ историческимъ, экономическимъ и быть можетъ и климатическимъ причинамъ привлекала, привлекаетъ и будетъ привлекать къ себѣ вниманіе дѣйствительно даровитыхъ людей. Правда, эта литература очень молода:—ей съ небольшимъ тридцать лѣтъ, но, заключая въ себѣ произведенія Достоевскаго, Максимова, Помяловскаго, имѣя среди современныхъ писателей такихъ представителей, какъ гг. Мельшинъ и Горькій—она очень и очень богата психологическимъ и бытовымъ матеріаломъ. Мы не видимъ даже причины игнорировать «Петербургскія трущобы» Вл. Крестовскаго съ исключеніемъ, разумѣется, половины ихъ, заимствованной изъ бульварныхъ романовъ: въ описаніи трущобъ собственно много характернаго и недаромъ эти порою прямо талантливыя страницы молва долго приписывала автору „Очерковъ Бурсы", а никакъ не „Панургова Стада" или «Тьмы Египетской». Ко всему этому наброски г. Свирскаго могли бы служить интереснымъ дополненіемъ, но его беллетристическая дешевка положительно вредитъ дѣлу, между прочимъ, и потому, что вводитъ читателя въ недоумѣніе, заставляя его видѣть выдумку тамъ, гдѣ ея быть можетъ нѣтъ, и наоборотъ.

Надо во всякомъ случаѣ отдать г. Свирскому полную справедливость: онъ сообщаетъ и кое-что новое. Напр. приведенный имъ образчикъ тюремной прозы, насколько намъ извѣстно, впервые появляется въ литературѣ, и этотъ образчикъ во всякомъ случаѣ вещь любопытная, такъ что жалѣешь, въ концѣ концовъ, зачѣмъ это авторъ не продолжилъ свою выписку, и пообѣщалъ, да обманулъ, познакомить насъ съ личностью тюремнаго беллетриста. Забылъ, должно быть,

или увлекся присущимъ его желаніемъ вышибить слезу, что онъ дѣлаетъ при помощи восклицательныхъ знаковъ, кисло-сладкаго приподнятаго тона и описанія шаблонно-трагическихъ ужасовъ. Съ полнымъ интересомъ прочтутся и „очерки жизни грушевскихъ углекоповъ въ области войска Донского" и не мало страницъ, особенно изъ второго тома, гдѣ описывается тюремный міръ, очевидно автору наиболѣе знакомый. Но, съ другой стороны, плохи чисто репортерскіе отчеты о Вяземской лаврѣ, Горячемъ полѣ, гавани, петербургскихъ уличныхъ типахъ. Видно, что г. Свирскій ничего тутъ въ сущности не видѣлъ, а такъ просто посмотрѣлъ, да и присочинилъ онъ тутъ, думается, не мало: очень ужъ много философствуютъ его «пропойцы».

Г. Свирскій хорошъ лишь тогда, когда онъ, оставивъ въ сторонѣ всякія претензіи, коротко и просто описываетъ видѣнное. Въ небольшомъ очеркѣ „Подпольный адвокатъ" онъ достигаетъ прямо для него неожиданныхъ и дѣйствительно трогательныхъ результатовъ.

Жаль, что въ трехъ томикахъ „Погибшихъ людей" мало такихъ выдержанныхъ очерковъ, какъ «трущобный адвокатъ», а еще болѣе жаль, что г. Свирскій не идетъ впередъ, а очень и очень торопится назадъ, и его послѣднія вещи, относящіяся къ 1896—97 гг. въ большинствѣ случаевъ рѣшительно ничего не стоятъ (особенно „Голь петербургскихъ окраинъ"). Похоже, что онъ въ началѣ карьеры очень интересовался своей темой и внимательно наблюдалъ свои предметы, а потомъ принялся «строчить», точно желая установить какой-то рекордъ. Впрочемъ, это общая грустная участь 90-а% современныхъ литераторовъ.

Какъ бы то ни было, мы рекомендуемъ читателю, хотя и не сплошь—„Погибшихъ людей". Трущобный міръ растетъ и ширится и, знакомясь съ нимъ, далеко не лишнее думать почаще, что не только „скучно", но „и страшно становится жить, господа"...

Владиміръ Шуфъ. Свароговъ. Романъ въ стихахъ. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Приходится очень и очень пожалѣть, что г. Шуфъ не абсолютно лишенъ дарованія и что нѣсколько строфъ его стихотворнаго романа „Свароговъ" не позволяютъ безповоротно и разъ навсегда зачислить его въ разрядъ безнадежныхъ бездарностей, которыми такъ богата литература русская. Не скроемъ, что на эти строфы мы натолкнулись случайно, такъ какъ первые десятки и даже сотни страницъ не только не поощряли къ дальнѣйшему чтенію, но даже настойчиво тре-

бовали немедленно же прекратить его, а съ книгой поступить по обычаю, т. е. бросить въ уголъ. Но вполнѣ неожиданно во время перелистыванія послѣднихъ главъ намъ встрѣтились строки, какъ будто написанныя другимъ человѣкомъ со всѣми признаками, если не настоящаго творчества, то все же яркаго впечатлѣнія, въ которыхъ описывается страшная рѣзня армянъ въ Константинополѣ. И, повторяемъ, намъ стало обидно, такъ какъ раньше намъ приходилось послѣ каждой главы безъ всякаго колебанія констатировать, что она написана пошло и что г. Шуфъ превзошелъ многихъ достойныхъ своихъ собратій, весь умственный багажъ которыхъ исчерпывается философіей отдѣльныхъ кабинетовъ, міровоззрѣніемъ загородныхъ садовъ и граждански-общественнымъ кругозоромъ аркадійской пѣвички. Зачѣмъ-же шутки шутить? И въ самомъ дѣлѣ, когда человѣкъ, повидимому, въ полномъ умѣ и здравой памяти пишетъ, напр., такія вотъ строки:

Въ Крымъ! тамъ лавры и лимоны
И лимоновъ двухъ оваль
У плѣнительной Миньоны
Скрытъ подъ тѣнью покрывалъ,—

чего отъ него можно ждать? Очевидное желаніе раздразнить читателя атмосферой отдѣльныхъ кабинетовъ, сомнительныхъ будуаровъ, русско-татарскими отношеніями курортныхъ крымскихъ дамъ—краснорѣчиво говорятъ съ кѣмъ и съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло. Рекордъ всероссійской пошлости г. Шуфъ побиваетъ въ тѣхъ строфахъ, гдѣ онъ подъ прозрачными псевдонимами описываетъ участниковъ какого-то литературнаго обѣда. Тутъ что ни строка, то перлъ, достойный жетона съ приличной надписью. Выше же указанныя строфы (XX — XXX послѣдней главы) говорятъ, что природа расщедрилась глупо и слѣпо, удѣливъ г-ну Шуфу крупицу дарованія, которое ему ни къ чему не служитъ и которое совсѣмъ не нужно для поэзіи отдѣльныхъ кабинетовъ. И поневолѣ становится обидно, какъ было бы обидно, напр., увидѣть маленькій свѣтлый ключъ, бьющій на днѣ нашей Мойки или Фонтанки.

Самъ по себѣ романъ Свароговъ незаконнорожденное дѣтище, хореями написанное, Евгенія Онѣгина. Герой его, кажется, журналистъ. Мы говоримъ „кажется", потому что авторъ очень глухо сообщаетъ намъ, какъ Свароговъ разбиваетъ *въ пяти строкахъ* всѣ злостныя нападки своихъ безчисленныхъ литературныхъ враговъ. Вѣдь эдакая силища подумаешь! Въ пяти строкахъ! А что стоило г-ну Шуфу взять и привести эти пять строкъ хотя бы для того, чтобы привести въ неистовство и осрамить всѣхъ нашихъ полемистовъ, и потомъ сказать имъ съ гордостью: „вотъ какъ нашъ-то... а?",

Но не о томъ рѣчь. Слегка, слѣдовательно, намекнувши на литературную дѣятельность Сварогова и оставивши читателя подъ неотразимымъ впечатлѣніемъ, что передъ нимъ все-же не литераторъ, а не то фокусникъ, не то шуллеръ, г-нъ Шуфъ продолжаетъ повѣствовать о его подвигахъ. Всѣ эти уже не литературные подвиги, разумѣется, по амурной части и ведутся они на очень широкую ногу подъ разными параллелями и съ разными героинями, пока природа, не испугавшись могущества Сварогова и по этой части, не прекратила ихъ смертью.

Свароговъ умеръ. Миръ же праху его, а кстати и роману, носящему его имя.

Сочиненія Эркмана-Шатріана. Въ двухъ томахъ. Цѣна 3 р. Спб. 1898.

Если Эркманъ-Шатріанъ и не Богъ вѣсть какія крупныя художественныя дарованія, то во всякомъ случаѣ они великолѣпные разсказчики, которыхъ можно слушать въ теченіе цѣлыхъ часовъ безъ утомленія. Оба, уроженцы Эльзаса и даже эльзасской деревушки, они вдохновляются прежде всего природой и судьбами своей родины, которую описываютъ съ неизмѣнной любовью. Порою обстоятельства разсказа заставляютъ ихъ переноситься на улицы Парижа, или въ лѣса и болота Вандеи, или на поля Ватерлоо—но здѣсь они чувствуютъ себя нѣсколько чужими, ограничиваются самыми необходимыми штрихами и спѣшатъ къ себѣ домой, гдѣ все такъ дорого и близко имъ.

Не смотря на большую жизненную опытность, расширенную не малымъ, преимущественно историческимъ образованіемъ—въ складѣ ихъ ума, въ темпераментѣ, въ однообразной и нѣсколько даже прямолинейной точкѣ зрѣнія на вещи — чувствуется нѣчто мужицкое, положительное, немного упрямое, неспособное поддаться очарованію ни блестящей утопіи, ни громкой фразы. Поэтому надо признать въ высшей степени удачной ту форму разсказа, которую они выбрали: за самыми малыми исключеніями (напр. Даніель Рокъ) они говорятъ отъ лица эльзасскаго крестьянина. Это избавляетъ ихъ съ одной стороны отъ необходимости психологическаго анализа, — къ чему, кстати замѣтить, они не чувствуютъ ни малѣйшаго влеченія, съ другой—придаетъ ихъ разсказу удивительную жизненную субъективную окраску при полномъ въ то же время пренебреженіи восклицательными знаками.

Какъ разсказчики, они занимаютъ совершенно особенное мѣсто во французской литературѣ. Ихъ можно было-бы, пожалуй, назвать историческими романистами, но для этого

романическій элементъ слишкомъ слабъ въ ихъ произведеніяхъ. Они, вообще говоря, люди безъ претензій, смотрятъ „въ корень", стараются какъ можно скорѣе влюбить и повѣнчать своихъ героевъ и героинь, но истинное ихъ призваніе не здѣсь, а въ другой, если не болѣе глубокой, то во всякомъ случаѣ болѣе широкой области—области общественныхъ отношеній крестьянина и его исторической жизни за послѣднее столѣтіе. Они не заглядываютъ, развѣ случайно, въ средніе вѣка и феодальные замки, не рисуютъ ни гордыхъ бароновъ, ни крылатыхъ баронессъ, ни бѣднаго „Жака". Для нихъ это мрачное, невозвратно минувшее прошлое, оставившее на душѣ лишь самыя тяжелыя и ненавистныя воспоминанія. Скорѣе мимо этихъ тяжелыхъ, вѣчно проклятыхъ картинъ крѣпостничества: жизнь стала другая, ни мало не похожая на прежнюю. Эту новую жизнь Эркманъ-Шатріанъ начинаютъ съ поворотнаго пункта новой французской исторіи — съ 1789 года или, лучше сказать, съ знаменитаго ночного засѣданія 4-го августа, когда крестьянинъ сталъ полноправнымъ гражданиномъ, а потомъ, послѣ декрета о продажѣ церковныхъ и вообще конфискованныхъ земель, и собственникомъ. Въ преувеличенномъ обожаніи этихъ фактовъ, въ восторженномъ преклоненіи передъ ними, какъ нельзя лучше проявляется и слабая и сильная сторона жизнепониманія Эркмана-Шатріана. Они безусловно цѣнятъ свободу и гражданскія права, не столько дарованныя крестьянину, сколько пріобрѣтенныя имъ самимъ, но въ то же время слишкомъ уже восторженно относятся къ новой эрѣ, когда, по ихъ искреннему убѣжденію, всякій получилъ полную возможность путемъ личнаго своего труда устраивать личное свое благополучіе и расширять свое поле. На счетъ этого благополучія и расширенія полей мы слыхали кое-что другое. Ни для кого не секретъ и полное отсутствіе общественнаго духа среди французскаго крестьянства, живущаго единственной заботой округленія участковъ, и безсердечный эгоизмъ его жизни, вызванный все тѣми же заботами о лишнемъ квадратномъ метрѣ земли.

Сравнивая мужика Эркмана-Шатріана съ мужиками Бальзака, Зола, уголовныхъ хроникъ, французской исторіи — вы не можете не замѣтить значительнаго различія. Это мужикъ нѣсколько особенный, приподнятый, хотя и не въ такой степени, какъ у Жоржъ Зандъ (особенно въ „Meunier d'Angibault). Въ немъ много интеллигентности и, конечно, не въ смыслѣ образованности, а въ другомъ, высшемъ смыслѣ самостоятельности мысли, широты общественной точки зрѣнія, — въ немъ на ряду съ практическимъ, здравымъ смысломъ таится даже героическое начало, но вызванное не отчаяніемъ, не невозможною жестокостью феодальнаго строя, какъ во времена

Жакеріи, а сознаніемъ своихъ правъ, своего человѣческаго достоинства. И несомнѣнно, что для нашихъ авторовъ героическій духъ, одушевлявшій когда-то знаменитыя полубригады первой республики, на почвѣ понятыхъ гражданскихъ и общечеловѣческихъ интересовъ—одна изъ самыхъ драгоцѣнныхъ сторонъ крестьянскаго характера. Любовно и настойчиво отмѣчаютъ они ее, нисколько не смущаясь противорѣчивыми свидѣтельствами.

Въ заключеніе можно сказать, что изданіе ихъ сочиненій— дѣло прекрасное. Наша историческая беллетристика въ 99 случаяхъ изъ ста представляетъ собою зрѣлище по истинѣ плачевное и достойное вскаго состраданія. А для большинства публики историческая беллетристика самое лучшее воспитательное чтеніе.

Генрихъ Гейне. Собраніе сочиненій. Редакція Петра Вейнберга. Томъ первый. Спб. 1898.

Съ тѣхъ поръ какъ русскіе читатели—сперва отъ своихъ великихъ поэтовъ, потомъ отъ своихъ выдающихся критиковъ—услыхали о Гейне и полюбили его, не разъ мѣнялись наши неустойчивыя общественныя настроенія; но имя германскаго поэта оставалось у насъ всегда все также популярно, и новое изданіе его сочиненій, конечно, не нуждается въ особой рекомендаціи: въ немъ давно уже чувствуется настоятельная необходимость, и успѣхъ его обезпеченъ. Единственное собраніе сочиненій Гейне, которое имѣется на нашемъ книжномъ рынкѣ (въ 16 томахъ, изъ которыхъ первые 12 подъ редакціей П. И. Вейнберга), можно сказать, безобразно дорого (25 р.) и менѣе полно, чѣмъ это возможно. „Настоящее изданіе—по заявленію редактора—представляется въ совершенно обновленномъ видѣ, въ томъ отношеніи, что во 1-хъ, многія произведенія, какъ прозаическія, такъ и стихотворныя, переведены заново; во 2-хъ, въ текстѣ сдѣланы очень значительныя дополненія сравнительно съ текстомъ прежняго изданія; въ 3-хъ оно снабжено необходимыми примѣчаніями; въ 4-хъ, наконецъ, по своей дешевизнѣ, сравнительно съ прежнею цѣной, оно дѣлается гораздо болѣе доступнымъ большинству публики“. Въ изданіе войдетъ также біографія Гейне съ его портретомъ и иллюстраціями. „При редактированіи было принято во вниманіе послѣднее критическое изданіе сочиненій Гейне, сдѣланное проф. Эльстеромъ и справедливо признаваемое въ Германіи самымъ законченнымъ во всѣхъ отношеніяхъ“. Имя редактора, пользующееся хорошей извѣстностью въ нашей переводной литературѣ, можетъ служить ручательствомъ въ томъ, что изданіе будетъ

выполнено, какъ слѣдуетъ. Жаль только, что редакція въ первомъ томѣ не указываетъ даже приблизительно, когда можно ожидать окончанія всего изданія.

Мы хотѣли замѣтить кой что о его цѣнѣ. Изданіе предполагается въ восьми томахъ, и если каждый изъ нихъ будетъ по цѣнѣ равенъ первому, оно обойдется въ четырнадцать рублей. Это меньше, чѣмъ двадцать пять, но о дешевизнѣ здѣсь говорить едва-ли возможно. Между тѣмъ времена богатаго книжнаго покупателя миновали и вернутся, вѣрно, не скоро. Новое изданіе Гейне должно пойти къ новому читателю, который не имѣетъ большихъ денегъ на книги, да и привыкъ за послѣдніе годы получать за нѣсколько, три-пять-семь, рублей не только Теккерея, Додэ, Шпильгагена, но и Успенскаго, Достоевскаго, Тургенева. Намъ нуженъ теперь не „болѣе доступный", а именно дешевый Гейне. Объ этомъ стоило бы подумать нашимъ издателямъ.

Н. А. Бѣлоголовый. Воспоминанія и другія статьи. 3-е изданіе. Москва 1898. Ц. 1 р. 50 к. (Доходъ съ изданія обращается на благотворительное дѣло имени автора).

Н. А. Бѣлоголовый былъ докторомъ медицины и медицина естественно была главнымъ его занятіемъ въ теченіе лучшей поры жизни, пока онъ не почувствовалъ себя настолько утомленнымъ, что рѣшился навсегда отказаться отъ всякаго лѣченія. Литература является такимъ образомъ лишь придаткомъ къ дѣятельности Бѣлоголоваго, но это очень и очень большой придатокъ. Во всемъ, что вышло изъ подъ пера знаменитаго терапевта, вы видите не только огромный жизненный опытъ—привлекательный, между прочимъ, своимъ разнообразіемъ, не только несомнѣнное „искусство писанія", но и чувствуете присутствіе нравственной силы и стойкости, что дѣлаетъ чтеніе „Воспоминаній" особенно пріятнымъ. Это въ высшей степени опрятная книга, которую просто жаль выпустить изъ рукъ. И въ тоже время это красивая книга. У Бѣлоголоваго былъ свой стиль и главная прелесть этого стиля заключается съ его удивительной, прямо спартанской простотѣ. Никакихъ прикрасъ, никакихъ ухищреній, ничего ретормческаго или такого, что римляне называли пріемомъ „captacio benevolentiae"—все также просто, какъ русскій пейзажъ, какъ сама жизнь автора, какъ его убѣжденія. Такъ вообще рѣдко пишутъ, а теперь, кажется, и совсѣмъ не пишутъ такъ. Вамъ легко замѣтить въ этомъ стилѣ отраженіе суроваго общественнаго воспитанія, полученнаго Бѣлоголовымъ сначала подъ вліяніемъ декабристовъ, которыхъ онъ близко зналъ лично, какъ уроженецъ Иркутска, а потомъ въ шестидесятые годы.

Извѣстнаго положенія автора „Очерковъ гоголевскаго періода русской литературы“, что во всемъ написанномъ „прежде всего должны быть дѣло и правда“, Бѣлоголовый держался крѣпко. И именно этимъ то „дѣломъ и правдой“ онъ достигалъ порою (въ особенности въ воспоминаніяхъ о своемъ бывшемъ учителѣ декабристѣ Поджіо) не малыхъ, чисто художественныхъ эффектовъ, такъ какъ всякій понимаетъ, что требованіе „дѣла и правды *прежде всего*“ нисколько не исключаетъ талантливости и красоты изложенія. Этой своей стороной стиль Бѣлоголоваго прямо подчиняетъ себѣ читателя и—повторяемъ—трудно не видѣть въ немъ вліянія серьезнаго общественнаго воспитанія, при которомъ, разумѣется, не можетъ уже быть погони за словомъ ради слова. Г. Джаншіевъ въ приложенной къ книгѣ статьѣ такъ характеризуетъ Бѣлоголоваго: „Въ отличіе отъ своего великаго друга Боткина, который, отдавшись всецѣло наукѣ, ради нея забывалъ и семью и общество, Бѣлоголовый, будучи идеальнымъ врачемъ—человѣкомъ, первокласнымъ терапевтомъ, внимательно слѣдившимъ за движеніемъ науки, вмѣстѣ съ тѣмъ всегда былъ и оставался мірскимъ человѣкомъ, чуткимъ гражданиномъ, близко принимавшимъ къ сердцу всѣ очередные общественные вопросы, интересы литературы, народнаго просвѣщенія, культуры и вообще всѣ великія и тяжкія проблемы нашего вѣка. Начавъ свою общественную дѣятельность въ разгаръ преобразовательной эпохи, Н. А. до конца жизни оставался вѣренъ ея освободительному и просвѣтительному знамени... Этотъ всегда мягкій, до крайности снисходительный человѣкъ, готовый за ближняго положить душу, этотъ олицетворенный альтруизмъ дѣлался непримиримымъ, когда рѣчь заходила о принципахъ литературной и общественной честности“... И, конечно, всѣ собранныя въ этихъ строкахъ черты характера не могли не отразиться на литературныхъ пріемахъ Бѣлоголоваго.

Но въ «воспоминаніяхъ», кромѣ нравственной стойкости, есть еще одна черта, заслуживающая полнаго вниманія. Они посвящены людямъ не только разнаго роста, но и различныхъ эпохъ, различнаго общественнаго настроенія—декабристамъ, графу Лорисъ-Меликову, М. Е. Салтыкову, Боткину, Некрасову, Тургеневу, Герцену и Толстому. Конечно, между всѣми этими друзьями и близкими знакомыми Бѣлоголоваго общаго—кромѣ развѣ замѣчательности однихъ и величія другихъ — очень мало. Однако всѣ характеристики Бѣлоголоваго по тону очень похожи другъ на друга, потому что основа этого тона—чувство глубокаго уваженія, даже почтительности передъ величіемъ людей и ихъ безукоризненной честностью. Несомнѣнно, что ко всѣмъ героямъ своихъ воспоминаній Бѣлоголовый относится не просто любовно, но и съ удивленіемъ.

Этимъ обусловливается, между прочимъ, и скромность имъ написаннаго. Онъ почти не говоритъ о себѣ (развѣ какъ врачъ) и ни разу на столькихъ страницахъ не выпячивается впередъ. Онъ производитъ впечатлѣніе скорѣе слушателя, чѣмъ собесѣдника, и нисколько не претендуетъ на равноправность. Черта замѣчательная и исключительная. Большая часть воспоминаній, которыми такъ богата русская литература, не лишены нѣкотораго, порою весьма замѣтнаго, часто—доминирующаго тщеславія. Ничего подобнаго вы не встрѣтите у Бѣлоголоваго. Для него это очень характерно, характерно быть можетъ, и для породившей его эпохи.

Суровый Карлейль отношеніемъ къ великимъ людямъ оцѣнивалъ нравственный уровень эпохи; дѣлать этого мы не станемъ, но что въ мысли Карлейля много справедливаго, это несомнѣнно.

Намъ остается добавить, что книга, не смотря на дешевизну, издана прекрасно, хотя все хотѣлось бы видѣть лучшіе, болѣе отчетливые портреты и политипажи.

Гр. Джаншіевъ. Эпоха великихъ реформъ. Историческія справки. 7-ое дополненное изданіе съ 12-ю портретами. Москва. 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.

Г. Джаншіевъ продолжаетъ дополнять свою книгу, такъ что она выросла теперь до очень почтенныхъ размѣровъ (896 стр.). Эти дополненія, хорошія сами по себѣ, хороши еще и потому, что 7-ое изданіе книги ясно показываетъ, какъ она нужна, а все нужное должно, очевидно, стремиться къ возможному совершенству. „Эпоха великихъ реформъ" очень и очень переросла свое скромное названіе „Историческія справки" и его смѣло можно замѣнить другимъ—нѣсколькими рангами повыше. Если авторъ этого не сдѣлалъ—его воля и вмѣшиваться въ его дѣла намъ не кстати. Насколько мы могли замѣтить, эти дополненія относятся главнымъ образомъ къ области примѣчаній, которыхъ, кстати сказать, мы совѣтуемъ не пропускать, по той простой причинѣ, что каждое изъ нихъ содержитъ или характерный фактъ, или нѣсколько удачныхъ замѣчаній, главнымъ образомъ по части сопоставленія того, что было тогда и что стало теперь. Сопоставленіе порою производитъ поразительное впечатлѣніе. Хорошо и то, что хотя есть о чемъ вспоминать и что современникъ ежесекундно можетъ навести справку насчетъ того чѣмъ онъ „былъ, когда былъ человѣкъ".

Такъ какъ нѣтъ возможности передать и ничтожной доли всего характернаго и любопытнаго, что есть въ книгѣ, то мы и не станемъ браться за это дѣло. Замѣтимъ только, что живо-

и талантливо написанная книга читается съ интересомъ отъ начала до конца. Если кому покажется, что авторъ слишкомъ уже горячо относится къ своимъ героямъ освобожденія и слишкомъ громитъ современность, то, во первыхъ, тутъ ничего дурного нѣтъ, а во вторыхъ, каждое свое положеніе, каждую свою характеристику онъ старательно обставляетъ фактическимъ матеріаломъ съ непремѣнными ссылками и цитатами. Остается лишь пожалѣть, что книга не пополнена указателемъ.

Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина. Томъ второй. Публицистика. Спб. 1898.

Этотъ томъ новаго собранія сочиненій Кавелина составитъ немаловажное пріобрѣтеніе для лицъ, интересующихся недавнимъ прошлымъ русскихъ общественныхъ теченій, среди представителей которыхъ покойный ученый при жизни своей занималъ одно изъ видныхъ, хотя и не первостепенныхъ, мѣстъ. Помимо собранныхъ здѣсь общеизвѣстныхъ публицистическихъ произведеній его, читатель встрѣтитъ въ данномъ томѣ немало и новаго. Открывается онъ воспоминаніями о Кавелинѣ г. Спасовича, заключающими въ себѣ нѣсколько любопытныхъ эпизодовъ, хотя въ цѣломъ, пожалуй, болѣе характерными для ихъ автора, чѣмъ для описываемаго въ нихъ лица. Самыя сочиненія Кавелина, вошедшія въ этотъ томъ, распредѣлены редакторами изданія на четыре крупные отдѣла: 1) крестьянскій вопросъ, дворянство и землевладѣніе, 2) сельскій бытъ и самоуправленіе, 3) общественныя направленія и политическіе вопросы и 4) воспоминанія и разныя статьи. Наименѣе новаго содержитъ въ себѣ второй отдѣлъ, въ который вошла лишь одна не бывшая раньше въ печати статья 1861 г. — „Уставная грамота", посвященная описанію соглашенія автора съ крестьянами при ихъ освобожденіи. Первый и третій отдѣлы, составляющіе вмѣстѣ около трехъ четвертей всей книги и наиболѣе богатые по своему содержанію, даютъ и болѣе новаго. Въ нихъ имѣется нѣсколько статей, не появлявшихся ранѣе въ печати, равно какъ нѣсколько произведеній, въ свое время напечатанныхъ анонимно и врядъ-ли сохранившихъ по сію пору свою извѣстность среди широкихъ круговъ читающей публики. Таковы „Дворянство и освобожденіе крестьянъ"—произведеніе, относящееся къ 1862 г. и вызвавшее разрывъ между Кавелинымъ и солидарнымъ съ нимъ ранѣе А. И. Герценомъ, „Чѣмъ намъ быть?", „Политическіе призраки", „Разговоръ" и еще нѣкоторыя другія. Если общая точка зрѣнія, проводившаяся Кавелинымъ въ этихъ и другихъ его публицистическихъ трудахъ, и въ свое время вызы-

вала серьезныя возраженія, то съ другой стороны по нѣкоторымъ своимъ частностямъ они и теперь врядъ ли имѣютъ одинъ лишь чисто историческій интересъ. Впрочемъ, мы надѣемся въ другой разъ вернуться къ характеристикѣ публицистическихъ воззрѣній Кавелина, болѣе обстоятельной, нежели какую допускаютъ рамки рецензій. Въ четвертомъ отдѣлѣ книги читатель также встрѣтитъ двѣ впервые печатаемыя статьи. Это—записка о безпорядкахъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1861 г., послужившая поводомъ для выхода Кавелина въ отставку изъ профессоровъ петербургскаго университета, и любопытный отрывокъ „Изъ дневника", относящійся къ 1857 г. и содержащій разсказъ о бесѣдахъ автора съ императрицею Маріею Александровной по поводу приглашенія его въ преподаватели къ тогдашнему наслѣднику престола. Отмѣтимъ еще, что къ книгѣ приложенъ портретъ Кавелина, снятый съ него въ 1862 г.

Сочиненія князя М. М. Щербатова. Томъ II. Статьи историко-политическія и философскія. Подъ редакціей И. П. Хрущова и А. Г. Воронова. Изданіе князя Б. С. Щербатова. Спб. 1898.

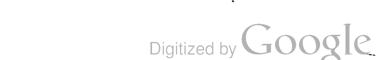
Въ прошломъ году намъ приходилось указывать на появленіе перваго тома сочиненій кн. М. М. Щербатова, этого виднаго историка и публициста Екатерининской поры. Вновь вышедшій теперь второй томъ этого изданія заключаетъ въ себѣ двадцать пять сочиненій Щербатова публицистическаго, философскаго и педагогическаго содержанія, въ томъ числѣ 8 впервые появившихся въ печати. Изъ послѣднихъ особенно важны для характеристики взглядовъ Щербатова статьи— „О способахъ преподаванія разныя науки" и „Разговоръ о безсмертіи души". Наиболѣе, можетъ быть, извѣстное въ читающей публикѣ произведеніе Щербатова „О поврежденіи нравовъ въ Россіи", также включенное въ этотъ томъ, напечатано въ немъ безъ пропусковъ, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ собственныхъ именъ. Редакторы изданія полагаютъ, что такое исключеніе вполнѣ оправдывается, разъ ему подвергаются „имена лицъ, не выходившихъ на арену общественной дѣятельности,—стало быть, имена, исторіи не принадлежащія". Съ этимъ взглядомъ врядъ-ли можно вполнѣ согласиться, но хорошо уже и то, что текстъ этого сочиненія Щербатова, наконецъ, напечатанъ въ Россіи въ полномъ видѣ. Содержаніе этого тома представляетъ такимъ образомъ немало интереснаго. Къ сожалѣнію, приходится отмѣтить, что редакція изданія, не смотря на присоединеніе новаго редактора въ лицѣ А. Г. Воронова, остается весьма небрежною. Отмѣтки, сдѣланныя редакторами при отдѣльныхъ сочиненіяхъ о времени

и мѣстѣ ихъ первоначальнаго печатанія, равно какъ о томъ, съ какихъ рукописей они печатаются въ данномъ изданіи, въ большинствѣ не полны и не точны. Для дополненія и исправленія ихъ приложенъ особый листикъ съ поправками (стр. VII—VIII), но иногда эти поправки только еще болѣе запутываютъ дѣло. Такъ, объ упомянутыхъ уже статьяхъ „Разговоры о безсмертіи души" и „О способахъ преподаванія" въ текстѣ сказано, что они печатаются съ рукописей Б. С. Щербатова, а на стр. VIII,—что для ихъ печатанія послужили рукописи публичной библіотеки. Читателю предоставляется выбрать любое показаніе. Съ другой стороны, печатая по рукописямъ нѣкоторыя изданныя уже ранѣе сочиненія, редакторы, вопреки установившемуся для такихъ случаевъ обычаю, не считаютъ нужнымъ отмѣчать, отличается ли чѣмъ-либо, и если отличается, то чѣмъ именно, ихъ изданіе отъ предыдущаго. Положительно, надъ изданіемъ сочиненій М. М. Щербатова тяготѣетъ какой-то злой рокъ. Остается лишь пожелать, чтобы его вліяніе по возможности меньше сказалось на послѣднихъ томахъ изданія.

Г. А. Евреиновъ. Прошлое и настоящее значеніе русскаго дворянства. Спб. 1898.

За послѣднее время у насъ, какъ извѣстно, и въ жизни, и въ литературѣ проявляется особый интересъ къ народившемуся какъ-то нечаянно «дворянскому вопросу». Въ печати цѣлая группа поборниковъ сословной идеи горячо доказываетъ необходимость, ради поддержанія дворянскаго сословія, принять экстренныя мѣры въ видѣ предоставленія его членамъ политическихъ привилегій и экономическихъ льготъ, причемъ такія мысли проводятся то при помощи краткихъ экскурсій въ область исторіи, то путемъ критики современной дѣйствительности. Если публицистовъ этой группы и нельзя упрекать ни въ слишкомъ близкомъ знакомствѣ съ исторіей, ни въ черезчуръ пристальномъ наблюденіи современности, то не подлежитъ уже никакому сомнѣнію ихъ усердіе въ защиту взятаго на себя дѣла. Впрочемъ, мы вспомнили объ нихъ только для того, чтобы сказать, что г. Евреиновъ не имѣетъ съ ними ничего общаго. Его книга, не будучи самостоятельнымъ изслѣдованіемъ, не давая какихъ-либо оригинальныхъ и новыхъ выводовъ, содержитъ въ себѣ серьезный, основанный на дѣйствительномъ знаніи предмета, разборъ главнѣйшихъ особенностей русскаго дворянства въ томъ видѣ, какъ онѣ выработаны исторіей къ настоящему времени, и критическую оцѣнку проектовъ, изобрѣтаемыхъ нашими доморощенными ревнителями сословности. Сжатость изложенія г. Евреинова

позволила ему ввести въ его небольшую по размѣрамъ книгу фактическій матеріалъ, достаточный для такой оцѣнки, и если самъ авторъ, анализируя этотъ матеріалъ, не всегда доводитъ свои доводы до ихъ логическаго заключенія, то внимательный читатель его работы легко можетъ взять эту задачу на себя. Для лицъ, мало знакомыхъ съ исторіею и современнымъ положеніемъ дворянства въ Россіи, книга г. Евреинова будетъ во всякомъ случаѣ небезполезнымъ пріобрѣтеніемъ. Въ краткомъ очеркѣ прошлыхъ судебъ сословія авторъ выясняетъ, какъ исторически сложился пестрый и разнородный составъ многочисленнаго русскаго дворянства, остающагося вполнѣ равноправнымъ. При такихъ условіяхъ, по его указанію, не имѣется ни юридическаго основанія, ни фактической возможности для осуществленія излюбленныхъ реакціонною прессой проектовъ выдѣленія въ особую группу поземельныхъ собственниковъ дворянскаго происхожденія. Разсматривая затѣмъ вопросъ о сословныхъ привилегіяхъ, авторъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что хотя дворянамъ не принадлежитъ болѣе никакихъ существенныхъ привилегій личнаго характера, но случилось это «не потому, чтобы какой-либо законъ лишилъ ихъ личныхъ преимуществъ ихъ званія, а вслѣдствіе того, что сословныя прерогативы дворянъ обратились въ права, предоставленныя другимъ гражданамъ государства". Дворяне такимъ образомъ не потеряли отъ исчезновенія своихъ привилегій, и это примѣнимо даже къ уничтоженію наиболѣе существенной изъ нихъ,—крѣпостного права, такъ какъ уничтоженіе совершилось, хотя и противъ желанія большинства дворянства, но безъ ущерба для него. Что касается привилегій корпоративныхъ, впервые созданныхъ для русскаго дворянства Екатериною II, то объ ихъ исчезновеніи не приходится сожалѣть, какъ потому, что ими въ вѣдѣніе сословно-выборныхъ учрежденій передавались какъ разъ такія дѣла, къ исправленію которыхъ эти учрежденія менѣе всего способны,—судъ, полиція и опека мололѣтнихъ, такъ и потому, что въ теченіе вѣкового почти дѣйствія этихъ привилегій онѣ наглядно доказали свою полною несостоятельность. Разбившая ихъ «реформа императора Александра II, при всѣхъ ея недостаткахъ или, лучше сказать, недостаточности, недодѣланности, была во всякомъ случаѣ струей свѣжаго воздуха, пущенной въ затхлую атмосферу сословно-канцелярскихъ учрежденій прежняго времени». Требованія возстановленія тѣхъ или иныхъ сословныхъ привилегій дворянства получаютъ въ глазахъ автора особое значеніе въ виду того, что, по его убѣжденію, уничтоженіе отжившаго свой вѣкъ учрежденія гражданскихъ чиновъ есть лишь вопросъ времени. Такое уничтоженіе не измѣнитъ пестраго состава потомственнаго дворянства, но,

заградивъ въ него дорогу новымъ элементамъ, создастъ, при условіи существованія дворянскихъ привилегій, рядомъ съ дворянствомъ новый классъ, вполнѣ ему аналогичный, отдѣленный отъ него лишь чисто случайною гранію, но тѣмъ не менѣе лишенный его правъ. Разсужденіямъ автора по этому пункту нельзя отказать въ основательности, но, кажется, онъ не обратилъ должнаго вниманія на то, что условія, описываемыя имъ лишь для будущаго, въ значительной мѣрѣ существуютъ уже и въ настоящемъ. Переходя затѣмъ къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ дворянскаго сословія и земскихъ учрежденій, авторъ выясняетъ всю неосновательность столь часто встрѣчающагося въ консервативной прессѣ рѣзкаго противоположенія дворянъ земству. Какъ справедливо указываетъ онъ, съ самаго начала дворяне нерѣдко имѣли въ земствѣ фактическій перевѣсъ, а со времени положенія 1890 г. такой перевѣсъ закрѣпленъ и закономъ. Къ сожалѣнію, авторъ не остановился обстоятельно на послѣдствіяхъ этого преобладанія дворянскаго элемента въ составѣ земствъ, для чего исторія послѣднихъ восьми лѣтъ доставила бы ему не мало матеріала и что способствовало бы уясненію неблагопріятнаго значенія сословнаго принципа въ области земскаго самоуправленія. Съ другой стороны г. Евреиновъ проявляетъ едва ли не чрезмѣрный оптимизмъ, утверждая, что не только общество, но и «высшее правительство относится къ земскимъ учрежденіямъ все съ большимъ и съ большимъ довѣріемъ», тогда какъ «ряды носителей крѣпостныхъ традицій видимо рѣдѣютъ». Нѣсколько оптимистическимъ можетъ показаться и основанное на цифрахъ одного лишь 1893 года заявленіе автора, что дворянская поземельная собственность не терпитъ серьезнаго уменьшенія въ своемъ объемѣ и стойко удерживаетъ свое первенствующее положеніе. Безусловно правъ за то онъ, убѣдительно доказывая, что различныя мѣры, предлагаемыя для искусственнаго поддержанія дворянскаго землевладѣнія, въ родѣ льготнаго кредита, установленія майоратовъ, заповѣдныхъ имѣній, неотчуждаемости дворянскихъ усадебъ или облегченія выкупа родовыхъ имѣній, какъ показалъ уже намъ собственеый опытъ давняго и не давняго прошлаго, а равно и опытъ другихъ странъ, противны интересамъ государства и въ конечномъ счетѣ могутъ принести только вредъ интересамъ самого сословія. Возвратъ къ узко-сословнымъ формамъ быта невозможенъ, наконецъ, еще и потому, что онъ требовалъ бы удержанія сословной замкнутости крестьянскаго населенія. «Между тѣмъ—говоритъ г. Евреиновъ—самые жизненные интересы нашего отечества требуютъ прежде всего устраненія тѣхъ условій, которыя обращаютъ въ инертную и безправную массу

девять десятыхъ населенія Россіи». Эти условія онъ видитъ прежде всего въ существованіи приписной крѣпости крестьянина его сословному обществу, изъ которой вытекаютъ важныя ограниченія его личныхъ правъ. «Причиной безправія крестьянъ—продолжаетъ авторъ—служитъ также неопредѣленность ихъ гражданскихъ правъ въ сферѣ личныхъ и имущественныхъ отношеній, доходящая до сомнѣнія относительно права крестьянина пріобрѣтать имущество въ личною собственность или распоряжаться имъ по завѣщанію. Гражданская неравноправность крестьянъ вызывается, впрочемъ, не столько неопредѣленностью самихъ законодательныхъ опредѣленій, сколько установившимся на крестьянское населеніе взглядомъ, какъ на такой особый міръ, для котораго «законъ не писанъ»,—взглядомъ, доводящимъ людей извѣстнаго направленія до такого извращенія здравыхъ политическихъ понятій, при которомъ произволъ и опека предпочитаются твердому государственному порядку, на уваженіи къ законамъ основанному. Рядомъ съ ограниченіями личной свободы и шаткостью юридическаго быта, въ числѣ причинъ, обусловливающихъ сословную приниженность крестьянъ, слѣдуетъ поставить тѣлесныя наказанія, угнетающія чувство ихъ достоинства, и объясняемое недостаткомъ школъ народное невѣжество. Сословной обособленностью крестьянъ вызываются мірскіе сборы (45 милліоновъ рублей въ 1891 г.) и сословная повинность по содержанію низшихъ чиновъ уѣздной полиціи, сотскихъ, десятскихъ. Расходы эти, въ дополненіе къ выкупнымъ платежамъ и налогамъ, общимъ для всѣхъ сословій готударства, окончательно истощаютъ податныя силы крестьянъ. Такое соціальное и экономическое положеніе крестьянъ служитъ главною причиной поразительной бѣдности нашей страны». Отъ вопроса дворянскаго, не имѣющаго подъ собой твердой почвы и нѣсколько даже фантастическаго, авторъ приводитъ такимъ образомъ читателя къ крестьянскому вопросу, вполнѣ реальному и настоятельно требующему вниманія общества. Это вполнѣ естественно и законно, такъ какъ, говоря опять-таки словами г. Евреинова, заключающими его книгу, «здоровый ростъ русскаго государства требуетъ не возвращенія на путь сословныхъ привилегій, а спокойнаго завершенія съ начала столѣтія совершающагося у насъ естественнаго процесса обращенія привилегій въ общее право».

А. В. Смирновъ. Уроженцы и дѣятели Владимірской губерніи, получившіе извѣстность на различныхъ поприщахъ общественной пользы. (Матеріалы для біо-библіографическаго словаря). Выпуски 1 и 2. Владиміръ. 1897.

Въ сборникахъ въ родѣ лежащаго предъ нами мы видимъ два различныхъ элемента весьма неравной цѣнности. Соединять въ нихъ серіи біографій всѣмъ извѣстныхъ дѣятелей только потому, что дѣятели эти были уроженцами одного края, нѣтъ никакой нужды. Кто заинтересуется біографіей графа Блудова, Калачева, Татаринова, Ундольскаго, тотъ обратится не къ сборнику г. Смирнова, а къ болѣе обширнымъ и болѣе извѣстнымъ трудамъ. Г. Смирновъ отодвигаетъ на второй планъ именно ту часть своей задачи, гдѣ его работа можетъ быть и иногда бываетъ, по истинѣ, неоцѣнима. „Въ этомъ сборникѣ—замѣчаетъ онъ—сообщаются свѣдѣнія не только о „звѣздахъ первой величины", но и о многихъ такихъ дѣятеляхъ нашей губерніи, которые своими скромными трудами оказали извѣстную услугу изучающимъ нашъ родной край". Между тѣмъ отъ сообщенія свѣдѣній о „звѣздахъ первой величины" составитель могъ прекрасно освободить себя, ограничившись тѣми дополненіями къ нимъ, которыя ему удалось добыть. Составъ такихъ работъ, какъ сборникъ г. Смирнова, долженъ опредѣляться не происхожденіемъ того или иного дѣятеля, всѣ связи котораго съ Владимірскимъ краемъ ограничивались тѣмъ, что онъ тамъ родился, но тѣми данными, которыми располагаетъ составитель. Онъ — мѣстный житель, онъ знаетъ цѣну живымъ мѣстнымъ дѣятелямъ, знакомится съ воспоминаніями объ умершихъ; ему легче и удобнѣе пользоваться мѣстными печатными матеріалами — губернскими и епархіальными вѣдомостями, которыхъ въ цѣлости можно не найти даже въ публичной библіотекѣ; онъ имѣетъ иногда возможность найти рукописные матеріалы, доступные только мѣстному изслѣдователю; онъ можетъ привести въ связь тѣ или иныя черты извѣстнаго дѣятеля съ мѣстомъ его рожденія и воспитанія, съ мѣстными условіями его дѣятельности, онъ, словомъ, долженъ дать то, что онъ добылъ, въ качествѣ первоисточника на мѣстѣ: все остальное не годится въ *„матеріалы* для словаря". Для чего, скажите, излагать своими словами біографію извѣстнаго раскольничьяго библіографа Павла Любопытнаго, который ребенкомъ уѣхалъ изъ Владиміра и для жизнеописанія котораго имѣется всего на всего одинъ источникъ, использованный г. Смирновымъ; достаточно было указать этотъ источникъ. Отмѣтимъ кстати своеобразную точку зрѣнія составителя: „Какъ старообрядецъ, Любопытный для нашего очерка безразличенъ,—онъ, владимірскій уроженецъ, интересуетъ насъ, какъ авторъ". Почему-же?

Развѣ Владимірская губернія—литературное учрежденіе, и дѣятели въ иныхъ областяхъ не должны интересовать біографа ея уроженцевъ?

Свѣдѣнія, добытыя г. Смирновымъ на мѣстѣ, весьма любопытны и придаютъ его сборнику солидное значеніе первоисточника. Онъ исправляетъ и дополняетъ извѣстныя въ литературѣ данныя объ Альбицкомъ, забытомъ авторѣ популярной пѣсенки-сатиры „Настоечка двойная"; онъ собралъ свѣдѣнія о жизни и дѣятельности біографа А. С. Грибоѣдова, Д. А. Смирнова, писателя и мирового посредника перваго призыва, о которомъ до сихъ поръ извѣстно было очень мало. Работа г. Смирнова вызвала мѣстныхъ сторожиловъ на цѣнныя воспоминанія, а ученыхъ библіографовъ на поправки и дополненія, съ данными впервые здѣсь опубликованными. Наиболѣе интересной въ сборникѣ намъ показалась біографія мало извѣстнаго, но даровитаго писателя И. Н. Харламова; г. Смирновъ даетъ очень тщательно обработанную библіографію его трудовъ и біографическія свѣдѣнія, полученныя имъ отъ жены покойнаго.

Ю. И. Гессенъ. Литературно-біографическіе очерки: О. А. Рабиновичъ. И. Г. Оршанскій. Спб. 1898.

Авторъ, кажется, имѣлъ въ виду главнымъ образомъ еврейскихъ читателей; но эти литературные портреты двухъ публицистовъ, съ успѣхомъ дѣйствовавшихъ въ достопамятную русскую „эпоху просвѣщенія" въ средѣ своихъ единовѣрцевъ, заслуживаютъ распространенія и въ болѣе широкомъ кругу читающей публики. Біографія Рабиновича, основателя перваго журнала на русскомъ языкѣ для евреевъ, даетъ не одну любопытную иллюстрацію къ исторіи идейнаго движенія шестидесятыхъ годовъ. До какой степени неожиданна была самая идея говорить съ евреями на языкѣ той страны, въ которой имъ суждено жить во вѣки вѣковъ, показываетъ тотъ фактъ, что правительство, не смотря на свое искреннее стремленіе пріобщить евреевъ къ общей культурѣ, не смотря на ходатайство Пирогова, сперва нашло это неудобнымъ и разрѣшило журналъ лишь на „жидовско-нѣмецкомъ языкѣ"; журналъ „Разсвѣтъ", появившійся въ маѣ 1860 года, просуществовалъ всего одинъ годъ; причиной его прекращенія долго считались матеріальныя неудачи, но авторъ, на основаніи подлиннаго письма редактора, выясняетъ историческую правду: мѣстной администраціи показалось несвоевременнымъ то броженіе, какое производили статьи „Разсвѣта" въ чаявшей свѣта средѣ еврейской молодежи. Между тѣмъ руководящія идеи редактора „Разсвѣта" могутъ и въ наше время

быть таковыми для его единовѣрцевъ и соотечественниковъ: „Жить общей жизнью со всѣми народами, участвуя въ ихъ образованіи и ихъ успѣхахъ и въ то же время хранить, развивать и совершенствовать свое особое національное достояніе“ (стр. 65).

Біографія извѣстнаго юриста Оршанскаго, успѣвшаго за свою короткую жизнь сдѣлать такъ много для науки — напомнимъ, что ему принадлежитъ первая научная обработка русскаго обычнаго права,—показалась намъ менѣе удовлетворительной: авторъ удѣлилъ слишкомъ много вниманія сухой передачѣ содержанія публицистическихъ и юридическихъ трудовъ Оршанскаго и слишкомъ мало остановился на характеристикѣ этого прекраснаго человѣка и выдающагося ученаго. Тотъ, кто посвящаетъ свою историческую книгу молодежи и ищетъ въ ней сочувствія, не долженъ забывать, что, кромѣ внутренней, прагматической стороны, въ исторіи есть сторона, такъ сказать, героическая: только первая дѣлаетъ изъ нея науку; только вторая дѣлаетъ изъ этой науки нѣчто глубокое, привлекательное и убѣдительное для молодыхъ читателей.

Какъ надо жить. Указанія и совѣты для здоровыхъ и больныхъ людей, для простой и разумной жизни и естественныхъ методовъ лѣченія. **Магистра Себастіана Кнейпа**, пастора въ Верисгофенѣ. Переводъ съ 21-го нѣмецкаго изданія. Спб. 1898 г.

Большинству нашихъ читателей, вѣроятно, извѣстно имя пастора Кнейпа; быть можетъ, даже нѣкоторые изъ нихъ знаютъ лицъ, лѣчившихся «по Кнейпу». Поэтому, намъ почти нѣтъ надобности сooобщать, что кнейповское лѣченіе основано на широкомъ примѣненіи воды. Конечно, и современная научная медицина широко пользуется водою, какъ лѣчебнымъ средствомъ. Каждому практическому врачу приходилось, конечно, многократно посылать своихъ паціентовъ на морскія и рѣчныя купанья, прописывать имъ обтиранія, обливанія, ванны, души и т. п. Во всякомъ значительномъ городѣ имѣются водолѣчебныя заведенія, всегда переполненныя паціентами. Такъ что, казалось-бы, права воды достаточно признаны современною медициною, и по этому вопросу трудно быть новаторомъ. Однако, такой новаторъ появился въ лицѣ пресловутаго пастора Кнейпа. Дѣло въ томъ, что научная медицина, высоко цѣня терапевтическія свойства воды, все-таки старается установить *показанія и противопоказанія* для врачебнаго пользованія водою: прежде чѣмъ прописать водолѣченіе, врачъ тщательно обсуждаетъ вопросъ о томъ, умѣстно-ли будетъ *въ данномъ случаѣ* водолѣченіе, чего можно надѣяться имъ достигнуть и чего при этомъ слѣдуетъ опасаться.

Новаторство пастора Кнейпа заключается въ томъ, что онъ считаетъ излишними всѣ эти обсужденія, ибо, по его мнѣнію, водолѣченіе всегда и всѣмъ полезно; мало того, оно (въ соединеніи съ нѣкоторыми «старыми, забытыми и покинутыми травками») способно избавить человѣка отъ всѣхъ болѣзней души и тѣла. Ибо, «что Священное Писаніе говоритъ о сверхъестественныхъ чудесахъ св. воды, то *еще болѣе* (нашъ курсивъ) подходитъ къ естественной водѣ» (стр. 6). Такъ что, по мнѣнію пастора Кнейпа, вода отъ святости только теряетъ часть своихъ цѣлебныхъ свойствъ. Пасторъ Кнейпъ предвидѣлъ замѣчаніе, что ему, человѣку совершенно незнакомому съ медициною, не слѣдовало бы браться за дѣло, требующее спеціальныхъ познаній. «Многое, говоритъ онъ на стр. 8, о чемъ сказано въ книгѣ, не найдетъ одобренія со стороны врачей-академиковъ, они найдутъ и несогласнымъ съ такъ называемыми правилами науки». Эти замѣчанія авторъ надѣется устранить слѣдующими соображеніями: во первыхъ, «вѣдь и самаритянинъ тоже не былъ ученымъ докторомъ, однако, лѣчилъ же того, кто палъ отъ руки разбойниковъ» (стр. 8); во вторыхъ, «вѣдь и солдаты не изобрѣли пороха, а стрѣляютъ довольно успѣшно» (стр. 9); наконецъ, онъ почему-то убѣжденъ, что именно его лѣченіе находится подъ особеннымъ покровительствомъ Господа Бога. „Я не нуждаюсь ни въ славѣ, ни въ почестяхъ; одинъ Отецъ нашъ Небесный, обожаемый мною, за меня все это совершитъ, и по моему болѣе достоинъ почестей, чѣмъ всѣ почетные дипломы“ (стр. 9).

Если бы читатель нашелъ всѣ эти соображенія и упованія не достаточно обоснованными, то мы могли бы привести еще одно мѣсто изъ книги пастора Кнейпа, мѣсто, основательность котораго невозможно оспаривать: „чѣмъ невѣроятнѣе появится лѣченіе, тѣмъ болѣе оно пріобрѣтетъ друзей и приверженцевъ, и пока легковѣрная толпа пойметъ, что она обманута, шарлатанъ уже набилъ себѣ карманъ“ (стр. 5—6).

Сверхъ доводовъ и соображеній пасторъ Кнейпа приводитъ въ свое оправданіе еще и „факты“. Напримѣръ: „одинъ священникъ въ цвѣтѣ своихъ лѣтъ часто былъ посѣщаемъ разными болѣзнями; но примѣненіемъ воды вылѣчился отъ нихъ“ (стр. 51). А вотъ еще болѣе убѣдительный случай: „Одинъ сослуживецъ жаловался мнѣ на нѣкоторыя свои слабости и спрашивалъ, не имѣю ли я средства, чтобы ихъ устранить, но только не водою, которую употреблять онъ не въ силахъ. Такъ какъ онъ не хотѣлъ примѣнять (воды?), то и случилось то, что я думалъ. Черезъ шесть мѣсяцевъ онъ умеръ въ силѣ лѣтъ“ (стр. 53). Этотъ случай былъ бы поразителенъ по своей очевидности, если бы только гг. гомеопаты и сторонники лѣченія „зеленымъ электричествомъ“ не обво-

ровали бѣднаго пастора Кнейпа самымъ безсовѣстнымъ образомъ и не начали утверждать, что этотъ „сослуживецъ" пастора умеръ „въ силѣ лѣтъ" только потому, что не лѣчился ни гомеопатіею, ни „зеленымъ электричествомъ"...

Что вода пастора Кнейпа спасительна не противъ однѣхъ только болѣзней тѣла, это видно изъ слѣдующей поучительной исторіи.

Ко мнѣ (разсказываетъ намъ авторъ на стр. 146—7) пришелъ одинъ знатный господинъ; его здоровье было совершенно разрушено, но не менѣе былъ онъ боленъ и нравственно. Когда я разспросилъ о его болѣзни, то онъ мнѣ отвѣтилъ слѣдующее. Я былъ честнымъ крестьянскимъ мальчикомъ и съ братьями радовался своей молодости. На мои просьбы учиться родители наконецъ согласились. Они принесли все въ жертву мнѣ также какъ и братья. Какъ я чтилъ моихъ родителей, также цѣнилъ и своихъ учителей. Два года студенческой жизни принесли мнѣ большое несчастіе, благодаря двумъ профессорамъ, которые въ своихъ лекціяхъ надсмѣхались и надругались надъ религіей. Меня довели до того, что я началъ ненавидить свою вѣру. Два товарища, слушавшіе этихъ профессоровъ, способствовали къ моему несчастію. Потомъ въ продолженіе 1 лѣтъ я прошелъ самыя печальныя перипетіи. Теперь только открылись мои глаза, но душа и духъ мой уже погибли».

«Какъ нѣкогда я цѣнилъ своихъ родителей, такъ теперь я ихъ презираю и проклинаю; они отняли у меня самое святое и дорогое—вѣру. О! пусть никогда невѣрующій человѣкъ не избираетъ учительскаго труда».

«Когда кто нибудь хочетъ быть несчастливымъ этого часто измѣнить нельзя, но не надо предоставлять такому человѣку случай другихъ вводить въ несчастіе. «Я прихожу къ вамъ, вы послѣднее мое убѣжище и спрашиваю васъ: можетъ-ли мое нравственное и физическое горе еще исправиться, или долженъ я погибнуть?» Къ счастью нѣкоторыя силы еще были сохранены и когда человѣкъ сознаетъ, что потерялъ доброе и имѣетъ желаніе возвратить это доброе, тогда не все еще потеряно. Три раза посѣтилъ меня этотъ господинъ и въ дѣйствительности вода устранила физическія страданія и духъ сдѣлался оживленнѣе».

Можно еще послѣ этого сомнѣваться въ чудодѣйственномъ свойствѣ кнейповской воды! Подумайте сами, вѣдь „здоровье" („знатнаго господина") было *совершенно разрушено*, а „душа и духъ... *уже погибли*", и вдругъ, послѣ трехъ посѣщеній и тѣло, и душа, и духъ оказались спасенными!

Не удивительно послѣ этого, что авторъ разражается такимъ пожеланіемъ: „*Очень жаль, если останется здоровъ тотъ, кому эти требованія* (водолѣченія) *покажутся излишними*" (нашъ курсивъ) (стр. 166). Конечно, это пожеланіе едва ли пристойное, особенно для служителя христіанской церкви, но, очевидно, очень ужъ нелѣпы тѣ, которые не идутъ лѣчиться къ пастору—чудодѣю...

Хотя центръ тяжести книги Кнейпа лежитъ въ водолѣченіи, но большинство ея страницъ посвящено другимъ вопросамъ. Пасторъ Кнейпъ рѣшилъ дать своею брошюрою полное руководство относительно того „какъ надо жить", руководство какъ для души, такъ и для тѣла.

Кромѣ воды, пасторъ трактуетъ и о „величіи свѣта", и о воздухѣ, и объ одеждѣ, и о жилищѣ, и о пищѣ, и объ воспитаніи, и объ „избраніи призванія" (sic), и о многомъ другомъ. Свѣдѣнія, обнаруживаемыя при этомъ нашимъ авторомъ, таковы, что мы можемъ составить себѣ ясное представленіе объ умственномъ уровнѣ той публики, среди которой его брошюры имѣютъ такой успѣхъ. Вотъ, напримѣръ, какъ поучаетъ Кнейпъ о значеніи воздуха для здоровья: „Газы, которые человѣкъ воспринимаетъ въ себя при каждомъ дыханіи, суть: кислородъ, частицы пыли, углеродъ и водяные пары. Эти составы необходимы для поддержанія жизни; но самый нужный изъ нихъ—кислородъ" (стр. 15). Каковъ долженъ быть образовательный цензъ той публики, которую разные Кнейпы поучаютъ, что кислородъ для дыханія нужнѣе даже „частицъ пыли" (этого новооткрытаго *газа*). Углеродъ, быть можетъ, попалъ сюда по невѣжеству переводчика вмѣсто азота (ибо переводъ сдѣланъ, очевидно, очень невѣжественнымъ человѣкомъ), а можетъ быть и самъ авторъ смѣшиваетъ углеродъ съ азотомъ. Глава о пищѣ разработана съ такимъ же успѣхомъ, какъ и глава о воздухѣ. Авторъ, очевидно, никогда и не слыхалъ о различіи между пищевыми и вкусовыми веществами и о различіи между жирами, углеводами и бѣлками. Онъ знаетъ только вещества „питательныя", „малопитательныя" и „непитательныя". Мясо, по Кнейпу „питательно", „но когда оно не жирно" (стр. 72). Пшеница—„малопитательна" (стр. 72), и это потому, что ее ѣдятъ не такъ, какъ слѣдуетъ. „Было время, когда люди кушали колосья и при этомъ были здоровы и достигали глубокой старости" (стр. 72). „Масло же, напротивъ, не имѣетъ совсѣмъ питательности" (стр. 79).

Намъ нѣтъ надобности приводить дальнѣйшіе примѣры невѣжества автора; замѣтимъ только, что даже и тамъ, гдѣ нѣтъ прямыхъ ошибокъ, авторъ всетаки остается малообразованымъ болтуномъ. Мы привели примѣры его невѣжества, приведемъ теперь образчикъ *лучшихъ страницъ* брошюры, т. е., тѣхъ мѣстъ, гдѣ нѣтъ прямыхъ ошибокъ.

«О нюханіи табака».

«О нюханіи табака замѣчу слѣдующее: я не думаю, чтобы Богъ далъ человѣку носъ единственно для того, чтобы онъ нюхалъ табакъ, а потому и не считаю это необходимымъ, но этимъ я не хочу отбросить нюханье совсѣмъ. Если-же оно очень сильно и мѣшаетъ работѣ, то это уже не въ порядкѣ вещей, кромѣ того при нюханіи нужно соблюдать чистоту. Нюхательный табакъ легко проникаетъ въ горло и даже въ желудокъ и вызываетъ различные недуги, и къ тому-же нюхательный табакъ стоитъ не мало денегъ, а потому мое мнѣніе таково: не надо ничего допускать до страсти, такъ и нюханіе подвергается тому-же закону. Отъ времени до времени взять одну щепотку табаку; *это уже удаляетъ изъ головы многое*

черезъ носъ (курсивъ нашъ). Кто совершенно привыкъ къ табаку, тотъ долженъ быть остороженъ, потому что, благодаря постоянному нюханью, организмъ такъ привыкаетъ, *что жидкость изъ головы слишкомъ сильно выводится табакомъ* (курсивъ нашъ).

Подобныя поученія, конечно, полезны только для тѣхъ людей, которымъ нужно выводить „жидкость изъ головы"..

Книги, поступившія въ редакцію.

Семь статей **В. Г. Бѣлинскаго**. Текстъ дополненъ и исправленъ по подлиннымъ рукописямъ подъ редакціей П. А. Ефремова и В. Е. Якушкина. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. М. 98. Ц. 1 р.

Эстетика **В. Г. Бѣлинскаго**. Избранные статьи и отрывки съ вопросами и дополненіями. Составилъ Ц. Балталонъ. Изданіе коммиссіи преподавателей русскаго языка при учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній. М. 98. Ц. 1 р.

В. Г. Бѣлинскій. Избранныя сочиненія. Съ предисловіемъ и вступительной статьей Н. Котляревскаго. Въ двухъ томахъ. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 98. Ц. 1 р. 20 к. за томъ.

Изъ сочиненій **В. Г. Бѣлинскаго**. Избранныя статьи для семьи и школы подъ редакціей В. П. Острогорскаго, съ предисловіемъ, біографическимъ очеркомъ, портретомъ, факсимиле. Изданіе журнала «Дѣтское Чтеніе» М. 98. Ц. 1 р.

Бѣлинскій. Біографическій очеркъ **Ив. Ив. Иванова**. Съ портретомъ и факсимиле. Для школьныхъ библіотекъ. Изданіе журнала «Дѣтское Чтеніе». М. 98. Ц. 10 к.

В. Г. Бѣлинскій въ его письмахъ и сочиненіяхъ. Составилъ **Евг. Соловьевъ** (Скриба). Изданіе скоропечатни «Надежда». Спб. 98. Ц. 1 р. 75 к.

Принципы критики В. Г. Бѣлинскаго. **Ц. Балталона**.

Бѣлинскій о воспитаніи индивидуальномъ и общественномъ. **Л. Сѣдовъ**. (Изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія"). М. 98.

Воспитательная среда и ея продукты по произведеніямъ А. Н. Островскаго. **Л. Сѣдовъ.** (Изъ журнала «Вѣстникъ Воспитанія»). М. 98.

Дѣти въ разсказахъ В. Г. Короленко. **Л. Сѣдовъ.** (Изъ журнала «Вѣстникъ Воспитанія») М. 98.

И. М. Русская журнальная литература въ настоящее время. Спб. 98. Ц. 20 к.

Краткія біографіи русскихъ писателей. Пособіе для учениковъ городскихъ училищъ. Изложилъ **П. Борзаковскій**. Изданіе южно-русскаго о-ва печатнаго дѣла. Одесса 98. Ц. 50. к.

Иванъ Щегловъ. Народный театръ въ очеркахъ и картинкахъ. Изданіе 2-е А. С. Суворина. Спб. 98. Ц. 1 р. 50 к.

Стихотворенія **А. Н. Плещеева.** Третье дополненное изданіе. Съ портретомъ автора, снимкомъ съ памятника на его могилѣ, біографическимъ очеркомъ, факсимиле и библіографіей стихотвореній. Подъ редакціей П. В. Быкова. Изданіе А. А. Плещеева. Спб. 98. Ц. 4 р.

Генрихъ Гейне. Собраніе сочиненій. Редакція Петра Вейнберга. Томъ первый. Изданіе Б. П. Вейнберга. Спб. 98. Ц. 1 р. 75 к.

Лордъ Байронъ. Еврейскія мелодіи въ переводахъ русскихъ писателей. Съ приложеніемъ статьи «Лордъ Байронъ и его еврейскія мелодіи». Спб. 98. Ц. 20 к.

С. Геммельманъ. Стихи. М. 97. Ц. 50 к.

В. Коринъ. Зарницы. Стихи и пѣсни. Спб. 98. Ц. 50 к.

М. Горькій. Очерки и разсказы. Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. 2 тома. Спб. 98. Ц. 1 р. за томъ.

Н. И. Позняковъ. По захолустьямъ. Очерки и разсказы. Изданіе 2-е. Спб. 98. Ц. 75 к.

Изданія К. И. Тихомирова. М. 98. **Е. Поспѣлова.** Деревенская тьма. Разсказы. Ц. 7 к.—**Е. Поспѣлова.** Бобылка Матрена. Ц. 4 к.—**П. Мамаевъ.** Полезныя и вредныя для человѣка животныя. I. Ц. 7 к.—**О. Жирновъ.** Что такое страховка и куда она идетъ. Ц. 7 к.—**Е. Ц.** Святой Димитрій, митрополитъ ростовскій. Ц. 8 к.—**Е. Л.** Александръ II, царь-освободитель. Ц. 10 к.

Книжка за книжкой. Чтеніе для кончающихъ и окончившихъ начальную школу. Изданіе 2-е М. Н. Слѣпцовой. Спб. 98. 1. **Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.** Вольный человѣкъ Яшка. Ц. 5 к. 2. **Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.** Кормилецъ. Ц. 7 к. 3. **Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.** Въ ученьи. Ц. 10 к. 4. **К. М. Станюковичъ.** Куцый. Ц. 10 к. 5. **В. И. Савихинъ.** Аника воинъ. Ц. 15 к. 6. **Б. Прусъ.** Михайло простота. Ц. 7 к. 7. **Э. Оржешко.** Юліанка. Ц. 10 к. 8. **Э. Оржешко.** Ходатай по крестьянскимъ дѣламъ. Ц. 12 к. 9. **Э. Оржешко.** Въ зимній вечеръ. Ц. 8 к. 10. **Г. Сенкевичъ.** Побѣдитель. Ц. 10 к. 11. **Г. Сенкевичъ.** За моремъ. Ц. 7 к. 12. **Ж. Зандъ.** Маленькая колдунья Ц. 10 к. 13. **Пр. Мериме.** Черный царь. Ц. 8 к. 14. **Сентинъ.** Малютка. Ц. 15 к. 15. **П. Лоти.** Рыбаки. Ц. 10 к. 16. **Іенсенъ.** Королева шведская. Ц. 10 к. 17. **Уйда.** Барчукъ. Ц. 8 к. 18. **Уайтъ.** По совѣсти. Ц. 10 к. 19. **Б. Ауэрбахъ.** Какъ у насъ громоотводъ ставили. 20. **М. Лаффранъ.** Жизнь за ласку. Ц. 10 к. 21. **Бьернсонъ.** Славный парень. Ц. 10 к. 22. **Ч. Диккенсъ.** Три дня. Ц. 10 к. 23. **Круммахеръ.** Двадцать избранныхъ притчъ. Ц. 10 к. 24. Услуга за услугу. Ц. 10 к. 25. Гибель «Медузы». Ц. 12 к. 26. Изо дня въ день. Ц. 8 к. 27. Судья передъ судомъ. Ц. 7 к. 28 и 29. Добрый смѣхъ не грѣхъ. По 25 к. 30. Пройдоха. Ц. 15 к. 31. Пословицы, притчи и басни. Ц. 10 к. 32. Пятьдесятъ басенъ **Крылова.** Ц. 30 к. 33. Отецъ и сынъ. Ц. 10 к. 34. Поздній даръ. Ц. 10 к. 35. **М. Слѣпцова.** Муравей чудодѣй. Ц. 10 к. 36. **М. Слѣпцова.** Вымирающіе богатыри. Ц. 15 к. 37. **М. Слѣпцова.** Обезьяны. Ц. 15 к. 38. **М. Слѣпцова.** Пауки. Ц. 20 к. 39. **М. Слѣпцова.** И въ червѣ толкъ. Ц. 8 к. 40. **М. Слѣпцова.** Изъ за перьевъ. Ц. 5 к. 41. **М. Слѣпцова.** Дерево здоровья. Ц. 10 к. 42. **М. Слѣпцова.** Жилище и нравы птицъ. Ц. 60 к. 43. **М. Слѣпцова.** Дерево и лѣсъ. Ц. 15 к. 44. **М. Слѣпцова.** Оспа и докторъ Дженнеръ. Ц. 10 к. 45. **А. Чеглокъ.** Скопа. Ц. 5 к. 46. **Д. Коропчевскій.** Арапы. Ц. 15 к. 47. **Д. А. Коропчевскій.** Широкая степь. Ц. 12 к. 48. **М. Лавровъ.** Кочевники. Ц. 10 к. 49. **П. Деполовичъ.** Разсказы о землѣ Аравійской. Ц. 40 к. 50. **М. Слѣпцова.** Разсказы о Норвегіи. Ц. 30 к. 51. **М. Слѣпцова.** Люди подземнаго міра. Ц. 20 к. 52. **М.**

Слѣпцова. Водолазы. Ц. 15 к. 53. **Масалджи**. Путеводные огни. Ц. 15 к. 54. Студеное море. Ц. 15 к. 55. Записи о быломъ. Ц. 12 к. 56. **П. Деполовичъ**. Витязи сѣвера. Ц. 30 к. 57. Первые князья русскіе. Ц. 15 к. 58. Сказанія о вѣщемъ Олегѣ. Ц. 10 к. 59. **П. Корсунскій**. Веніаминъ Франклинъ. Ц. 20 к. 60. **П. Корсунскій**. Счастливый уголокъ. Ц. 15 к.

Фридрихъ Карстаньенъ. Введеніе въ «критику чистаго опыта». Переводъ В. Лесевича по неизданной рукописи второго, пересмотрѣннаго и дополненнаго авторомъ изданія. Спб. 98. Ц. 1 р.

Эмиль Сессэ. Еврейская философія. Маймонидъ и Спиноза. Съ 2-мя портретами. Изданіе книжнаго магазина Я. Х. Шермана. Одесса. 98. Ц. 30 к.

Д-ръ Т. Рибо. Эволюція общихъ идей. Переводъ съ франц. Изданіе Ф А. Іогансена. Кіевъ. 98. Ц. 60 к.

Максъ Нордау. Психо-физіологія генія и таланта. Переводъ М. А. Б. Изданіе Ф. А Іогансона. Кіевъ. 98. Ц. 60 к.

Эдуардъ Родъ. Нравственныя идеи нашего времени. Переводъ съ франц. Изданіе Ф. А. Іогансона. Кіевъ. 98. Ц. 30 к.

Ложель. Что такое жизнь? Переводъ съ франц. Н. Гончаровой и А. Орлова. Изданіе Ф. А. Іогансона. Кіевъ. 98. Ц. 30 к.

Э. Крепелинъ. Умственный трудъ. Переводъ съ нѣм. Изданіе Ф. А Іогансона. Кіевъ. 98. Ц. 15 к.

Гербертъ Спенсеръ. Цѣломудріе, бракъ, родительство. Переводъ А. Самойлова. Изданіе Ф. А. Іогансона. Кіевъ. 98. Ц. 15 к.

C. Lombroso et G. Ferrero. Женщина преступница и проститутка. Переводъ д-ра Г. И. Гордона. Съ 13-ю таблицами внѣ текста. Выпускъ I. Изданіе Ф. А. Іогансона Кіевъ. 97. Ц.

Dr. Alfred Hegar. Половое влеченіе. Соціально-медицинскій очеркъ. Перевелъ врачъ Н. П. М. Изданіе Ф. А. Іогансона. 98. Ц. 60 к.

Г. Фр. Кольбъ. Исторія человѣческой культуры. Переводъ съ 3-го нѣм. изданія подъ редакціей А. А. Рейнгольдта. Вып. VI. Изданіе Ф. А. Іогансона. 98. Подписная цѣна на 8 выпусковъ 3 р. 50 к.

Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Составлена подъ руководствомъ **Эрнеста Лавасса** и **Альфреда Рамбо**. Томъ IV. Переводъ В. Невѣдомскаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 98. Ц. 3 р.

Основныя начала государственнаго права. Соч. **А. Эсмена**. Переводъ съ франц. Н. К. Подъ редакціей и съ предисловіемъ М. М. Ковалевскаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Томъ I. М. 98. Ц. 1 р.

Дж. Ст. Милль. Основанія политической экономіи. Переводъ съ послѣдняго англ. изданія Е. И. Остроградской подъ редакціей О. И. Остроградскаго. Вып. IV. Изданіе Ф. А. Іогансона. 98. Подписная цѣна на 5 выпусковъ 2 р. 50 к.

Капиталъ. Критика политической экономіи. Сочиненіе **Карла Маркса**. 2-е изданіе, исправленное и дополненное по 4-му нѣмецкому изданію. Т. I. Книга I. Процессъ производства капитала. Спб. 98.

Гобсонъ. Эволюція современнаго капитализма. Переводъ съ англ. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 98. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Карѣевъ. Исторія западной Европы въ новое время. Томъ I. Часть I. Вып. I. Изданіе 2-е. Спб. 98. Ц. 1 р.

В. Поссе. Европа въ 1897 году. Спб. 98. Ц. 40 к.

Возможно-ли русско-польское сближеніе? Письма и статьи **Наблюдателя.** Спб. 98.

Дѣло Дрейфуса, Эстергази и Эмиля Зола. Подробное разбирательство процесса. Съ портеретами и снимками бордеро и почерка Дрейфуса. Изданіе книжнаго магазина Я. Х. Шермана. Одесса 98. Ц. 40 к.

Хива. Зимній походъ въ Хиву Перовскаго въ 1839 г. и первое посольство въ Хиву въ 1842 г. **И. Н. Захарьина** (Якунина) Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 98. Ц. 50 к.

Андрэ. Къ сѣверному полюсу на аэростатѣ (**А. Лашамбра** и **А. Машюрона**). Съ 60 фототипіями. Переводъ съ франц. Изданіе Ф. А. Іогансона. Кіевъ 98. Ц. 1 р. 50 к.

К. Ціолковскій. Самостоятельное горизантальное движеніе управляемаго аэростата. Оттискъ изъ «Вѣстника опытной физики и элементарной математики». Одесса 98.

Къ антропологіи великороссовъ. Семейскіе (старообрядцы) забайкальскіе. **Ю. Талько-Грынцевича.** Томскъ 98.

М. Е. Соколовъ. Великорусскія свадебныя пѣсни и причитанія, записанныя въ Саратовской губ. Саратовъ 98. Ц. 60 к.

Алтайскій сборникъ. Изданіе общества любителей изслѣдованія Алтая Томъ III. Барнаулъ 98. Ц. 50 к.

Г. С. Замятинъ. Уставныя грамоты и ихъ исправленіе въ Пермской губ. (Изъ газеты «Рудокопъ»). Пермь 98.

Д-ръ А. В. Граціанскій. Бесѣды о заразныхъ болѣзняхъ. Свойства, признаки, лѣченіе и предохраненіе. Руковоодство дляродителей, учителей и духовенства. Спб. 98. Ц. 70 к.

Въ поискахъ за квартирою. Гигіеническія указанія для лицъ, пріискивающихъ квартиры. Проф. **Эрвина Эсмарха.** Переводъ съ нѣм. Изданіе Ф. А. Іогансона. Кіевъ 98. Ц. 25 к.

Д-ръ Марксъ Флери. Лѣнь и и ея лѣченіе. Переводъ съ французскаго Н. Л. Изданіе А. М. Сомова. М. 98. Ц. 25 к.

О народныхъ книгахъ по гигіенѣ и медицинѣ. Вып. I. Труды состоящей при III отдѣленіи Русскаго общества охраненія народнаго здравія коммиссіи по распространенію гигіеническихъ свѣдѣній въ населеніи. Спб. 98.

Къ вопросу о современномъ направленіи ветеринарно-практической дѣятельности. Изданіе Московскаго общества ветеринарныхъ врачей. М. 98. Ц. 20 к.

Инстинктъ и нравы насѣкомыхъ. Изъ энтомологическихъ воспоминаній **Фабра.** Переводъ съ франц. Е. И. Шевыревой. Подъ редакціей Ив. Шевырева. Съ 213 рисунками. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 98. Ц. 3 р. съ пересылкой 3 р. 75 к.

П. В. Отоцкій. Литература по русскому почвовѣдѣнію съ 1765 по 1896 г. Изданіе Вольнаго Экономическаго Общества. Спб. 98. Ц. 1 р.

К. И. Михайловъ-Стоянъ. Генезисъ, анализъ и методъ естественнаго пѣнія. Руководство къ быстрому достиженію правильнаго и хорошаго пѣнія. Изданіе В. Зелинскаго. М. 98. Ц. 25 к.

Элементарный учебникъ церковно-славянскаго языка для начальныхъ народныхъ училищъ. Составилъ **А. Гусевъ.** Изданіе 4-е. М. 97. Ц. 25 к.

В. Н. Сатаровъ. Систематическій диктантъ. Учебное пособіе для

учениковъ народныхъ и церковно-приходскихъ школъ. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 98. Ц. 30 к.

Измѣреніе площадей, поверхностей и объемовъ тѣлъ. 180 чертежей въ текстѣ. Сотавилъ **В. Коронковъ**. Спб. 98. Ц. 70 к.

Учебникъ геометріи. Концентръ II-й. Курсъ 4-го года городскихъ училищъ. Составилъ **И. Шафровъ**. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 98. Ц. 35 к.

Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ. Выпускъ VII (Изъ «Извѣстій московской городской думы»). М. 98.

Результаты пріема дѣтей въ городскія начальныя училища Москвы на 1897—98 учебный годъ. Составлено статистическимъ отдѣленіемъ московской городской управы. М. 98.

Проектъ устава пермскаго научнаго музея, естественно-историческаго, сельско-хозяйственнаго и прикладныхъ знаній. (Изъ газеты «Уралъ» 1898 г.).

Протоколы общихъ собраній троицко-савско-кяхтинскаго отдѣленія приамурскаго отдѣла русскаго географическаго общества. 1896 г. №№ 6, 7 и 8; 1897 г. №№ 1—4.

С.-Петербургскія начальныя училища. Отчетъ коммиссіи по народному образованію за 1897 г. Спб. 98.

Отчетъ Пензенской общественной библіотеки имени М. Ю. Лермонтова съ 1 октября 1896 г. по 1 октября 1897 г. Пенза 98.

Отчетъ общества взаимнаго вспоможенія приказчиковъ въ г. Тамбовѣ за 1897 г. Тамбовъ 98.

Georges Pellissier. Etudes de littérature contemporaine. Paris 98.

Бюрократизмъ въ области просвѣтительныхъ начинаній.

Изъ Тамбова.

II.

Какъ бы отвѣтомъ на тѣ многочисленныя и довольно рѣзкія нападки, которымъ подвергалось правленіе общества народныхъ чтеній, явилось засѣданіе общества 4-го декабря 1895 г.—настоящее «засѣданіе славословій и благодареній». Все время «педагогическое большинство» собранія усиленно подчеркивало, что оно совершенно игнорируетъ всѣ указанія и упреки, сдѣланные печатью. Благодарили много и долго. Благодарили правленіе, благодарили въ особицу предсѣдателя, потомъ секретаря, потомъ казначея, потомъ его помощниковъ, потомъ ревизіонную коммиссію. Но особенно много славословій досталось на долю М. Т. Попова,

который, какъ, между прочимъ, оказалось, собственноручно переписалъ названія 37.000 книгъ для библіотекъ—аргументъ, передъ которымъ должна была умолкнуть всякая критика качественной стороны дѣла. Представители оппозиціи молчали.

На этомъ засѣданіи окончательно былъ похороненъ вопросъ о систематическихъ общедоступныхъ лекціяхъ. Правленіе заручилось со стороны Э. Д. Нарышкина личнымъ письмомъ, въ которомъ онъ категорически заявляетъ, что «не желаетъ дальнѣйшихъ расширеній цѣлей общества, о чемъ и проситъ довести до свѣдѣнія гг. членовъ послѣдняго» *). Этотъ способъ зажимать ротъ оппозиціи такъ понравился правленію, что оно прибѣгало къ нему не разъ и впослѣдствіи.

Мѣстная газета замѣтила, что, хотя «Э. Д. Нарышкинъ призналъ устройство такихъ чтеній несоотвѣтствующимъ цѣлямъ устава», «но въ томъ же уставѣ нигдѣ не видно, чтобы основателю общества принадлежало право *отмѣнять постановленія общихъ собраній!*».

Лидеръ тогдашней оппозиціи въ средѣ общества, уже упоминавшійся нами Д. И. Тимофеевъ нашелъ новый компромиссъ, предложивши добиться прежней цѣли устройства систематическихъ чтеній по разнымъ отраслямъ знанія—путемъ простого ходатайства предъ министерствомъ о включеніи необходимыхъ для этого брошюръ въ списокъ уже разрѣшенныхъ народныхъ чтеній. Но тотчасъ же выступилъ и оппонентъ, бывшій предсѣдатель суда А. П. М., заявившій, что не только не нужно ходатайствовать о расширеніи числа разрѣшенныхъ чтеній, но даже можно бы коечто убавить изъ того, что разрѣшено до сихъ поръ. Въ этомъ ораторъ убѣдился личнымъ опытомъ, когда ему пришлось прочесть передъ аудиторіей басню Крылова «Листы и корни». Читать подобную басню передъ темною массою простолюдиновъ по меньшей мѣрѣ неудобно: ея мораль способна разжечь сословный антагонизмъ, возстановить другъ противъ друга разные классы общества; и вообще Крыловъ вовсе не такой невинный писатель, какъ объ этомъ многіе думаютъ...

Слова эти, въ сущности, не новость. Какъ извѣстно, еще при Николаѣ Павловичѣ пресловутымъ Липранди былъ поднятъ вопросъ объ исключеніи 12 басенъ Крылова. Одинъ изъ грибоѣдовскихъ героевъ говоритъ:

„А если-бъ, между нами,
Былъ цензоромъ назначенъ я,—
На басни бы налегъ. Охъ, басни—смерть моя!
Насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами!
Кто что ни говори,
Хоть и животныя—а всетаки цари!

*) «Протоколъ очередного собранія об—ва 4-го декабря, напечатанный на осн. 139 уст. о ценз. въ Тамб. Вѣд. 11 января 1896 г.

Отсюда видно, что бываютъ по истинѣ безсмертные типы, и что во всѣ времена «les beaux ésprits se rencontrent...»

Противъ предложенія Д. И. Тимофѣева выступилъ также Д. В. И. Какъ видно изъ брошюры Э. О. Кислинской («Изъ дневника учительницы воскресной школы»), г. И. еще въ стародавнія времена усиленно «сокращалъ» учительницъ нашей воскресной школы и сурово внушалъ имъ, что не потерпитъ въ школѣ «отнюдь никакихъ географій!» *). Естественно, что и предложеніе организовать систематическія чтенія для народа въ родѣ чтенія г. Меча — встрѣтило со стороны г-на И. суровый отпоръ. При благосклонномъ участіи г. В. И. Протасова и др. сторонники правленія доказывали, что географія существуетъ не для народа, а для интеллигенціи (г-жа Простакова, хоть «извозчикамъ»-то разрѣшала!). Послѣ долгихъ разговоровъ на тему о необходимости крайней «осмотрительности» въ ходатайствахъ о разрѣшеніи новыхъ чтеній, — предложеніе Д. И. Тимофеева было похоронено, впрочемъ, со всѣми приличествующими почестями. Общее собраніе признало «желательнымъ» разрѣшеніе новыхъ брошюръ для народныхъ чтеній, и этимъ туманнымъ постановленіемъ ограничилось. Никакого соотвѣтствующаго ходатайства возбуждено не было.

Въ томъ же самомъ засѣданіи собранію доложенъ былъ списокъ книгъ, разобранныхъ и одобренныхъ редакціонной коммиссіей, но не вошедшихъ въ министерскій каталогъ; предполагалось ходатайствовать объ ихъ включеніи въ послѣдній. Списокъ былъ очень краткій и случайный, но и онъ не избѣгъ строгой добровольческой цензуры. Прежде всего тотъ же Д. В. И. началъ возражать противъ помѣщенія въ спискѣ разсказовъ В. Г. Короленко («Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ», «Старый звонарь»). Впрочемъ, это была даже и не критика, и не цензура самихъ разсказовъ, а какія то туманныя, хотя и очень «дипломатическія» соображенія самаго сомнительнаго свойства. За симъ г. И—о приложилъ свои цензорскія способности къ брошюрѣ: «Что такое подати и зачѣмъ ихъ собираютъ» (изд. «Р. Мысли»), послѣ чего къ нему присоединился А. П. М., почтившій своимъ благосклоннымъ вниманіемъ изд. Посредника. «Сократъ». Оказалось—risum teneatis, amici — что книжка эта содержитъ *апологію самоубійства* (смерть Сократа, лишившаго себя жизни во исполненіе граждакскихъ законовъ, которымъ онъ счелъ необходимымъ безусловно подчиниться, хотя и сознавалъ себя невиннымъ!) и можетъ вообще оказать вредное вліяніе на народную нравственность и міросозерцаніе своимъ нехристіанскимъ духомъ...

---

*) Рѣчь шла о географическихъ бесѣдахъ, принаровленныхъ къ классной книгѣ для чтенія, т. е. о томъ, что настойчиво рекомендуется новыми министерскими «примѣрными программами» для народныхъ училищъ.

Представленный списокъ не былъ утвержденъ. Его вернули редакціонной коммиссіи «для провѣрки и дополненія». Изъ дальнѣйшаго мы увидимъ, что коммиссія вполнѣ «поняла» тѣ инструкціи, которыя были даны ей общимъ собраніемъ въ столь наглядной формѣ.

Вообще засѣданіе 4-го декабря превзошло все, происходившее до тѣхъ поръ. Оно походило на намѣренный вызовъ мнѣнію и общества, и печати. По многимъ возбужденнымъ въ немъ вопросамъ не состоялось никакого постановленія, ибо съ ними покончивали буквально «изморомъ»; другіе вопросы были сбыты съ рукъ, сданы въ редакціонную коммиссію, а немногіе вопросы, de jure добившіеся того или другого положительнаго рѣшенія, de facto остаются все въ томъ же положеніи *). Да и съ внѣшней стороны засѣданіе велось съ самой изумительной безпорядочностью. Предсѣдателя какъ будто не существовало. Нѣсколько «лицъ съ общественнымъ положеніемъ» являлись единственно полноправными членами собранія: они говорили когда угодно, что угодно и о чемъ угодно, а робкія замѣчанія «малыхъ силъ», въ родѣ народныхъ учителей, перебивались, вовсе не выслушивались, оставались безъ вниманія. Патріархальные порядки, по замѣчанію корреспондента «Сарат. Дневника», дѣлали «невозможнымъ для непосвященныхъ опредѣлить съ достовѣрностью, баллотировался ли тотъ или иной вопросъ всѣми членами, или въ протоколъ попало лишь мнѣніе наиболѣе вліятельныхъ изъ числа присутствующихъ». Были и другія крупныя неправильности. Второпяхъ собраніе утвердило отчетъ правленія ранѣе доклада ревизіонной коммиссіи. Въ члены правленія на вакантное мѣсто «избранъ» былъ В. К. Вяжлинскій посредствомъ записокъ, получивши лишь 9 голосовъ изъ 47 присутствовавшихъ, т. е. менѣе 1/5 общаго числа... Словомъ, «ненужными формальностями» не стѣснялись.

Въ ближайшемъ № «Губернскихъ вѣдомостей» разомъ появились три статьи, посвященныя об—ву нар. чтеній; одна изъ нихъ содержала составленный въ юмористическомъ духѣ отчетъ о засѣданіи 4-го декабря; другая представляла собою «открытое письмо къ членамъ об—ва нар. чт.» дѣйствительнаго члена С. А. Строгонова. Въ этомъ письмѣ лицо изъ среды самого общества смѣло и рѣшительно заявляло, что существующіе порядки, или, лучше сказать, безпорядки въ обществѣ достигли крайняго предѣла, и что дальше такъ продолжаться не можетъ.

Эффектъ, произведенный этимъ № газеты, былъ поразительный. Тотчасъ же, черезъ нѣсколько дней, правленіе созываетъ

*) Такъ, напр., по предложенію г. Строгонова было постановлено «печатать списки книгъ, вошедшихъ въ народныя библіотеки, если постановленіе тамб. губ. зем. собр. разрѣшитъ безплатное печатаніе въ своей типографіи». Разрѣшеніе давно получено, но правленіе преспокойно игнорируетъ состоявшееся постановленіе общаго собранія.

новое экстренное собраніе для вотума довѣрія себѣ и для рѣшенія вопроса о томъ, что предпринять въ отвѣтъ на газетныя нападки.

Конечно, отнестись къ предстоящему собранію серьезно было невозможно. Предстоялъ вотумъ довѣрія правленію со стороны собранія, болѣе чѣмъ на половину укомплектованнаго самимъ же правленіемъ, а на другую половину состоящаго изъ педагоговъ, связанныхъ съ правленіемъ служебными отношеніями! Мѣстная газета отнеслась къ созыву собранія съ насмѣшкой, указывая иронически, что, въ сущности, собраніе выбрано *правленіемъ*, а не наоборотъ, а потому пусть лучше правленіе, созвавъ общее собраніе, объявитъ, что продолжаетъ довѣрять своимъ избранникамъ, такъ будетъ логичнѣе. Тѣмъ не менѣе комедія постановки вопроса о довѣріи была продѣлана съ большой помпою. Страсти разыгрались. Очутившійся одинъ среди раздраженной аудиторіи, въ которой всѣ наперерывъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, изливали чувства своего негодованія, — г. Строгоновъ пробовалъ отвѣчать, но перерывы, шумъ, даже оскорбленія, сыпавшіеся на него, заставили его, наконецъ, умолкнуть.

Не станемъ передавать всѣхъ комплиментовъ по адресу прессы; отмѣтимъ лишь два шедевра. Одинъ ораторъ громогласно требовалъ отыскать средство «заградить уста печати», когда послѣдняя нападаетъ на об-во, по его мнѣнію, несправедливо; со своей стороны онъ рекомендовалъ обратиться къ судебной власти, или, еще лучше, «по просту» (какъ хорошо звучало это патріархальное «по просту»!) къ административной. Другой—товарищъ предсѣдателя И. Е. Б. *) сравнивалъ положеніе «общества» съ положеніемъ человѣка, которому волей-неволей приходится прибѣгнуть къ городовому, чтобы избавиться отъ оскорбленій пьянаго мужика.

М. Т. Поповъ, предложилъ торжественно объявить дѣятельность г. Строганова *вредной* для общаго дѣла. Но здѣсь онъ ошибся въ разсчетахъ. Цѣлый рядъ лицъ изъ не-педагоговъ (членъ суда М. Г. Розановъ, городской голова Д. И. Тимофеевъ, предсѣдатели губ. и уѣздн. земск. управъ Палеологъ и М. П. Колобовъ, гласный А. Н. Чичеринъ, С. Н. Чичеринъ и др.) дружно протестовали противъ этого и успѣли повліять на собраніе. М. Т. Поповъ остался въ меньшинствѣ. Не нужно, однако, думать, что перечисленныя мною лица держали сторону г. Строгонова. Они просто отстаивали свободу критики и даже пользу газетныхъ указаній, съ другой стороны, допуская, что правленіе обижено несправедливо и потому имѣетъ право на удовлетвореніе. Почти единогласно было рѣшено составить опроверженіе и «*предоставить самому правленію найти*

*) Прискорбныя недоразумѣнія съ общественными суммами всѣхъ тѣхъ учрежденій, къ которымъ онъ неизмѣнно пристраивался въ качествѣ казначея, разоблаченныя прессой, были вскорѣ причиною невольнаго удаленія изъ его гостепріимнаго Тамбова. Но въ то время онъ еще процвѣталъ.

этотъ путь, который оно сочтетъ наилучшимъ», чтобы принудить *) газету напечатать его. Понятно, правленіе тотчасъ же обратилось, не непосредственно въ редакцію, а «по просту» къ административной власти (которая, однако, отнеслась къ слезницѣ правленія довольно холодно).

Побѣда правленія оказалась, однако, Пирровой.

Два засѣданія, описанныя нами, привлекли массу публики, возбудили шумъ, встрѣтили откликъ даже въ столичной прессѣ. Всѣ только пожимали плечами. Между тѣмъ редакціонная коммиссія, «на зло» оппозиціи и газетамъ, принялась мудрить надъ народною литературой съ ультра-охранительной точки зрѣнія. Она систематически забраковывала брошюры Л. Н. Толстого и Гл. Успенскаго, какъ писателей безусловно вредныхъ. Она вытравляла въ русской исторіи всѣ «темныя стороны». Она отклоняла беллетристическія произведенія, нескромно напоминавшія о крѣпостномъ правѣ. Даже жалобы на несправедливыя распоряженія желѣзно-дорожнаго начальства, вложенныя въ уста героя повѣсти, возбуждали продолжительные споры и сомнѣнія. Даже невинная книжечка о «герояхъ Греціи» не могла пройти, не вызвавъ подозрѣнія въ намѣреніи заслонить чуждыми народу «героями Греціи» истинныхъ отечественныхъ героевъ!

Этого было достаточно. Тамбовскіе цензора-добровольцы прославились на всю Россію, и мѣстное общество встрепенулось. Постепенно началъ обнаруживаться наплывъ кандидатовъ въ члены просвѣтительнаго учрежденія. Не смотря на исправно работавшій фильтръ, число лицъ, примыкавшихъ къ сторонникамъ рѣшительныхъ реформъ, постепенно росло.

Но въ теченіе 1895—96 г. эти лица были въ безусловномъ меньшинствѣ, еще безъ вліянія на ходъ дѣлъ. Наиболѣе насущные вопросы едва-едва подвигались. Проектъ правилъ для выдачи книгъ на домъ изъ народной читальни былъ, наконецъ, выработанъ снова, причемъ выдача обставлена была массой безцѣльныхъ ограниченій, обезобразившихъ проектъ. Предложеніе г. Строгонова организовать торговлю по губерніи народными изданіями еле-еле прошло сквозь игольныя уши предварительнаго обсужденія въ коммиссіи. Новыя предложенія натыкались постоянно на категоричное заявленіе правленія о томъ, что денегъ нѣтъ, хотя постоянно тамъ, гдѣ правленію было угодно, средства внезапно появлялись. Цѣлый рядъ такихъ случаевъ былъ отмѣченъ мѣстною газетой. Убѣдившись въ искусствѣ правленія по произволу играть денежнымъ вопросомъ, оппозиція обратилась къ мысли привлекать деньги на новыя предпріятія путемъ устройства въ пользу общества публичныхъ лекцій и т. п. Правленіе, поддержанное большинствомъ, объявило, что,

*) Хотя *принуждать* къ этому не было ни малѣйшей нужды.

такъ какъ въ уставѣ объ этомъ ничего не говорится, то, очевидно, общество не въ правѣ извлекать средствъ изъ такихъ источниковъ. А рядомъ съ этимъ, по вопросу о баллотировкѣ новыхъ членовъ, тоже правленіе полагало, что, такъ какъ въ уставѣ эта баллотировка не запрещена, то, значитъ, она дозволена. Какъ ни явно было противорѣчіе между двумя этими рѣшеніями, послушное большинство стало на сторонѣ правленія, и новые члены должны теперь подвергаться баллотировкѣ.

Съ конца этого года баллотировка новыхъ членовъ производилась уже въ общихъ собраніяхъ. Приведемъ кстати два примѣра для характеристики того, какъ пользовалось собраніе своимъ новымъ правомъ: оно забаллотировало завѣдующую женскою воскресною школою Ѳ. Я. Мягкову, и избрало солиднымъ большинствомъ... К. Афанасьева, учителя, наиболѣе скомпрометированнаго въ процессѣ А. Н. Слетовой (того самаго «скрипача», который разыгрывалъ свои аріи на головахъ учениковъ)...

При такихъ условіяхъ наступилъ четвертый, 1896—97 годъ, открывшій собою новое трехлѣтіе жизни общества. Истекъ срокъ прежняго правленія, приходилось выбирать новое. Педагогическое большинство дѣйствовало по заранѣе обдуманному плану, и въ составъ правленія вновь не вошло ни одного не-педагога. Кромѣ того, и печатаніе всякихъ критическихъ статей о дѣятельности общества надолго прекратилось въ мѣстномъ офиціальномъ органѣ. Со столбцовъ мѣстной газеты критика перенеслась на страницы общей прессы. Имя тамбовскаго общества народныхъ чтеній начало, наконецъ, украшать собою даже страницы юмористическихъ изданій.

Правленіе и его партія, однако, долго не догадывались о непрочности своихъ побѣдъ. Первымъ событіемъ, которое дало имъ это почувствовать, было засѣданіе общества 23 янв. 1897 г.: оппозиція провела въ этотъ разъ, вопреки сопротивленію правленія, цѣлый рядъ новыхъ предложеній. Однимъ изъ самыхъ серьезныхъ и важныхъ было предложеніе А. Н. Слетовой обработывать для печати и издавать въ свѣтъ труды редакціонной коммиссіи. Смыслъ этого предложенія заключается въ томъ, чтобы гг. члены этой коммиссіи относились болѣе внимательно къ своимъ обязанностямъ, чувствуя надъ собою «благодѣтельную гласность». Послѣ долгой борьбы, предложеніе было принято, избраны были редакторы трудовъ, причемъ однако старая партія отвоевала себѣ право анонимности рецензій. Большого труда стоило также добиться веденія подробныхъ протоколовъ собраній коммиссіи, такъ какъ нашлись лица, выражавшія опасенія, что подробные протоколы стѣснятъ свободу сужденій (нельзя безнаказанно говорить всего, что взбредетъ въ голову!). Какъ бы то ни было, но постепенно, шагъ за шагомъ, въ редакціонной коммиссіи послѣ этого собранія прежнее большинство начало терять почву подъ ногами. Конечно, это сдѣлалось не сразу

Напротивъ, первое время попытки повліять на ходъ дѣлъ въ коммиссіи, не давая никакихъ осязательныхъ результатовъ, лишь раздражали большинство и стоили громадной затраты душевной энергіи. Особенно интересно было для посторонняго человѣка наблюдать, какъ проявлялось на ходѣ работъ коммиссіи возроставшее въ это время раздраженіе нѣкоторыхъ народныхъ учителей противъ А. Н. Слетовой, извѣстный процесъ который подготовлялся въ это время.

На томъ же засѣданіи было принято интересное предложеніе П. П. Смирнова устраивать время отъ времени письменный опросъ посѣтителей народныхъ чтеній относительно ихъ впечатлѣній отъ послѣднихъ *); предложеніе А. Н. Слетовой о томъ, чтобы, по образцу тифлисской читальни, и въ Нарышкинской былъ вывѣшенъ для руководства посѣтителей стѣнной каталогъ лучшихъ книгъ **); предложеніе Н. Н. Мамадышскаго устроить при обществѣ нар. чт. справочный отдѣлъ по вопросамъ внѣ-школьнаго образованія; предложеніе того же Н. Н. Мамадышскаго: подвергать баллотировкѣ вновь вступающихъ членовъ, не дожидаясь окончанія неимовѣрно-долгой процедуры наведенія справокъ о нихъ отъ Д. В. И.; предложеніе С. А. Строгонова о приспособленіи вновь разрѣшенныхъ для народныхъ чтеній книгъ къ прочтенію путемъ выборокъ, сокращеній и т. п. обработки въ коммиссіи ***). Въ томъ же засѣданіи было доложено, что нѣкоторыя суммы на организацію книжной торговли въ губерніи ассигнованы тремя земствами; правленіе внесло свой проектъ организаціи, оппозиція предложила свои поправки, которыя также прошли. Во всѣхъ этихъ вопросахъ вмѣстѣ съ оппозиціей голосовали и дебатировали земскіе люди, какъ М. П. Колобовъ и предводитель дворянства В. М. Петрово-Солово, поддержка которыхъ была замѣтнымъ факторомъ въ ходѣ засѣданія.

Но особенно чувствительно для правленія было пораженіе на послѣднемъ пунктѣ,—въ вопросѣ относительно особой библіотеки. Судьба этого учрежденія тѣсно сплетена съ судьбою одного лица— И. В. Знаменскаго, три года бывшаго библіотекаремъ. При всѣхъ нападкахъ на правленіе, для особой библіотеки не только дѣлалось исключеніе, но даже подчеркивалось безукоризненное веденіе дѣлъ въ ней. Дѣйствительно, И. В. Знаменскій былъ идеальнымъ библіотекаремъ, положительно влюбленнымъ въ свое дѣло. И вотъ начинаются косвенныя нападенія на него со стороны правленія. Наконецъ, правленіе, пользуясь правомъ, которое оно имѣло по уставу, отставило И. В. Знаменскаго и замѣнило его другимъ ли-

*) Впрочемъ, редакціонная коммиссія съумѣла, во первыхъ, урѣзать программу опроса до minimum'а, и, во вторыхъ, допустить самый опросъ всего лишь три раза (до конца февраля 1898 г.).

**) Правленіе этого постановленія собранія до сихъ поръ не выполнило.

***) До сихъ поръ не выполнено.

цомъ, а послушная ревизіонная коммиссія въ своемъ докладѣ обрисовала положеніе особой библіотеки въ крайне мрачномъ свѣтѣ, съ явными намеками на то, что виноватъ во всемъ И. В. Знаменскій. А. Я. Тимофеевъ внесъ въ общее собраніе предложеніе благодарить отставленнаго библіотекаря за его полезную дѣятельность, завоевавшую для особой библіотеки общія симпатіи и широкую популярность. Отъ лица ревизіонной коммиссіи и правленія энергично протестовалъ В. И. Протасовъ, обвиняя И. В. Знаменскаго въ бездѣятельности и массѣ упущеній. Онъ, очевидно, забылъ, что въ первомъ оффиціальномъ годичномъ отчетѣ общества, напротивъ, говорилось, что И. В. Знаменскій «усердно работалъ въ библіотекѣ»; что «ему обязано правленіе составленіемъ карточнаго каталога, который потребовалъ громаднаго труда и усидчивости», и что «наибольшая доля работы была исполнена лично И. В. Знаменскимъ» (см. стр. 29). Громаднымъ большинствомъ, противъ голосовъ всѣхъ членовъ правленія и ревизіонной коммиссіи, собраніе постановило выразить благодарность Знаменскому. Затѣмъ Н. Н. Макадышскій далъ остроумную и язвительную критику новыхъ порядковъ, заведенныхъ въ библіотекѣ. Объясненія, данныя библіотекаремъ, окончательно дискредитировали новые «этикеты». При громкомъ хохотѣ въ собраніи и публикѣ оппозиція выразила надежду, что правленіе вернется къ прежнему режиму, или на слѣдующемъ собраніи вновь повторятся пренія, безпримѣрныя въ лѣтописяхъ просвѣтительныхъ обществъ. Правленіе вынуждено было поспѣшить съ удовлетвореніемъ желаній оппозиціи.

На слѣдующій годъ подоспѣлъ новый пикантный эпизодъ. Въ газетѣ появилось много жалобъ на плохое веденіе дѣлъ въ книжномъ складѣ, на отсутствіе лучшихъ произведеній, на порядочную наличность всякой завали, которая затѣмъ начала сваливаться въ сельскія библіотеки. Туда двинулись даже «Россіада» Хераскова и «Душенька» Богдановича. Вмѣсто жалобъ на книжный складъ, начались жалобы на разсылаемыя обществомъ книги для формированія библіотекъ при школахъ. Правленіе должно было считаться съ этими жалобами. И вотъ, въ послѣднемъ отчетѣ (1896—97 г.) правленіе изложило цѣлую теорію, что народъ «въ развитіи своего литературнаго вкуса долженъ пройти тѣ же стадіи, которыя прошло и русское общество XVIII—XIX столѣтій»; что «классическія произведенія новѣйшаго времени мало понятны народу», а потому можно предположить, что «народу, воспитанному на часословѣ и на чтеніи славянскихъ четьи-миней, будутъ ближе и понятнѣе писатели прошлаго столѣтія, которыхъ слогъ ближе къ строю церковно-славянской рѣчи, а нѣкоторая напыщенность въ выраженіяхъ, восхищавшая ихъ современниковъ, придется по вкусу народу». Въ отвѣтъ на жалобы, правленіе высказывало пожеланіе, чтобы библіотекари не относились съ предубѣжденіемъ къ такимъ книгамъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, критическія замѣчанія оппозиціи

вновь были встрѣчены большинствомъ недружелюбно, какъ пустыя придирки. Прис. пов. И. И. Маркеловъ, поддержанный А. Я. Тимофеевымъ, Е. М. Киншиной и г. Строгоновымъ, подвергъ уничтожающей критикѣ литературную философію правленія. Но представители большинства небрежно объявили это критикою *стилистики* отчета.

Тогда обязанность напомнить обществу, что est modus in rebus, взяло на себя губернское земство, мѣра терпѣнія котораго, очевидно, переполнилась. Въ собраніи 12-го декабря 1897 г. было заявлено, что правленіе общества до сихъ поръ не завело строгой отчетности по разсылкѣ книгъ для библіотекъ, не смотря на просьбы губ. земства и постановленіе самого общества; что свѣдѣнія о составѣ разсылаемыхъ библіотекъ довольно печальны; что взгляды, выражаемые правленіемъ, относительно задачъ библіотекъ, болѣе чѣмъ странны. Усманскій гласный Шингаревъ заявилъ, что правленіе не только отъ себя разсылаетъ съ плохимъ выборомъ, а и позволяетъ себѣ, напр., вмѣсто требуемыхъ сочиненій Льва Толстого, высылать сочиненія Майнъ-Рида и не обмѣнивать ихъ. Тамбовскій гл. С. И. Комсинъ прочелъ отрывокъ изъ одной книги, посланной въ библіотеку, который возбудилъ всеобщій гомерическій хохотъ: выражаясь словами Вольтерова Панглоса, это была какая то «теолого-космолого-нигилеологія». Козловскій предводитель дворянства Ю. А. Ознобишинъ назвалъ разсылаемый правленіемъ матеріалъ прямо «недоброкачественнымъ». Борисоглѣбскій предсѣдатель управы В. В. Измайловъ заявилъ, что слѣдилъ въ теченіе двухъ лѣтъ за составомъ библіотекъ, разсмотрѣлъ 38 списковъ и пришелъ къ заключенію, что онъ крайне плохъ,—даже болѣе, никуда не годится. Что всего хуже—такъ это то, что плохой подборъ, видимо, не случайный, а преднамѣренный; видны крайне узкія тенденціи составителей. «Объясняется все это, повидимому, тѣмъ,—закончилъ гласный,—что до самаго послѣдняго времени все дѣло было сосредоточено въ рукахъ очень узкаго и тѣсно сплоченнаго кружка педагоговъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго понятія о народѣ, его запросахъ и условіяхъ жизни. Помилуйте, въ этой самой редакціонной коммиссіи возможны такіе эпизоды, какъ признаніе всѣхъ разсказовъ Толстого вредными, а одинъ изъ членовъ «об-ва нар. чт.» проповѣдывалъ даже, что Крыловъ—вредный писатель, а басня его «Листы и Корни» грозитъ возбужденіемъ раздора сословій!»

Въ виду этого собраніе единогласно постановило: просить общество народныхъ чтеній печатать безплатно въ губ. земской типографіи списки книгъ, посылаемыхъ въ библіотеки, и обусловить выдачу дальнѣйшихъ субсидій ему введеніемъ въ составъ правленія одного члена по выбору губернскаго земства.

Наканунѣ этого суроваго, но справедливаго приговора предсѣдатель правленія, В. П. Егоровскій, вышелъ въ отставку. Оппо-

зиція ратовала за выборъ на его мѣсто кого либо изъ земскихъ людей. Даже правленская партія не рѣшилась выставить по прежнему какую нибудь педагогическую кандидатуру. Обѣ группы сошлись на одномъ кандидатѣ, С. Н. Чичеринѣ, который и былъ избранъ при аплодисментахъ публики и членовъ общества. Оптимисты ждали новой эры, скептики размышляли о томъ, увлечетъ ли за собою С. Н. Чичеринъ правленіе на новый путь, или правленіе постепенно его «ассимилируетъ»? Всѣ согласны были лишь въ одномъ: что для общества народныхъ чтеній наступаетъ переходный періодъ.

Только будущее отвѣтитъ на эти тревожные вопросы. Прошлое же дало вполнѣ опредѣленный отвѣтъ лишь на вопросъ, что даетъ бюрократизмъ, когда онъ вторгается въ живую сферу общественныхъ просвѣтительныхъ начинаній.

Викторъ Черновъ.

Изъ Чернигова.

Въ ряду вопросовъ общественной жизни, привлекающихъ къ себѣ вниманіе черниговскихъ обывателей, въ послѣднее время возникъ и такой вопросъ: что собственно слѣдуетъ называть нервностью и до какой степени можетъ безпрепятственно доходить это качество у лица, исправляющаго общественныя обязанности? Для обитателей иныхъ мѣстностей подобный вопросъ, весьма возможно, покажется страннымъ и во всякомъ случаѣ празднымъ. Тѣмъ не менѣе въ Черниговѣ онъ не только существуетъ, но еще и получаетъ такую постановку, какая способна, пожалуй, сообщить ему не одно лишь мѣстное значеніе.

Какъ легко представить себѣ читатель, вопросъ этотъ далеко не имѣетъ чисто теоретическаго характера. Дѣло, подавшее поводъ къ его возникновенію, заключается въ слѣдующемъ. Уже болѣе двухъ лѣтъ въ Черниговѣ ходятъ слухи о странныхъ порядкахъ, водворившихся въ мужскомъ психіатрическомъ отдѣленіи губернской земской больницы. Въ городѣ разсказывали, что врачъ, завѣдующій этимъ отдѣленіемъ, позволяетъ себѣ крайне грубое и безцеремонное обращеніе съ больными, доходящее до нанесенія имъ побоевъ, толковали и о другихъ странностяхъ. Такіе слухи, дойдя до свѣдѣнія губернской земской управы, побудили ее, два года тому назадъ, произвести разслѣдованіе дѣйствій врача, имя котораго называлось городскими толками. Дѣйствія, предпринятыя управою въ результатѣ этого разслѣдованія, вызвали, однако, своею не-

опредѣленностью лишь недоумѣніе въ мѣстномъ обществѣ. Въ то же время разсказы о мотивахъ такихъ дѣйствій, передававшіеся лицами, болѣе или менѣе далеко стоявшими отъ даннаго дѣла, носили столь анекдотическую, казалось, форму, что не внушали къ себѣ большого довѣрія. Лишь недавно сравнительно явилась возможность судить объ этомъ дѣлѣ, основываясь на вполнѣ точномъ и общедоступномъ источникѣ. Такого рода источникомъ, неожиданно доставившимъ блестящее подтвержденіе ходившимъ ранѣе по городу разсказамъ, являются журналы губернской земской управы отъ 9 и 31 марта 1896 г., въ числѣ другихъ журналовъ этого года напечатанные въ только что вышедшемъ выпускѣ «Земскаго Сборника Черниговской губерніи» *). Свѣдѣнія, содержащіяся въ этихъ журналахъ, достаточно любопытны и полны сами по себѣ, почти не нуждаясь ни въ добавленіяхъ, ни въ комментаріяхъ, въ виду чего я и ограничу свою роль повѣствователя исключительно передачей этихъ свѣдѣній.

Въ журналѣ засѣданія управы 9 марта сообщается, что въ виду слуховъ о грубомъ обращеніи съ больными ординатора мужского психическаго отдѣленія губернской больницы доктора А. Г. Розенеля управа поручила одному изъ своихъ членовъ, П. Н. Солонинѣ, произвести опросъ лицъ, близко стоящихъ къ дѣятельности г. Розенеля. Сами больные не могли быть привлечены къ такому опросу въ виду характера ихъ болѣзни, способнаго вызвать съ ихъ стороны преувеличенія и даже искаженіе дѣйствительныхъ фактовъ. Поэтому г. Солонина ограничился опросомъ сослуживцевъ г. Розенеля, фельдшеровъ Харченка и Пустосмѣхова, и старшаго служителя психическаго отдѣленія Кириченка, предупредивъ ихъ, что данныя ими показанія не отразятся на ихъ служебномъ положеніи, лишь бы они были вполнѣ правдивы. Въ результатѣ этого опроса г. Солонина призналъ возможнымъ прежде всего установить нѣсколько случаевъ нанесенія больнымъ побоевъ докторомъ Розенелемъ. Фельдшеръ Харченко подтвердилъ справедливость ходившаго по городу слуха объ избіеніи больного Михальченка.

Михальченко—алкоголикъ. Согласно установившейся въ психическомъ отдѣленіи привычкѣ отпускать больныхъ въ городъ, фельдшеръ Харченко отпустилъ на дняхъ и Михальченка въ сопровожденіи служителя. По неопытности-ли своей или по ненадежности вообще, служитель допустилъ Михальченка напиться и въ больницу Михальченко возвратился вечеромъ совершенно пьянымъ. На утро докторъ Розенель, узнавшій о происшедшемъ, вызвалъ больного и фельдшера Харченка; послѣдняго онъ обругалъ дуракомъ, а Михальченка (котораго въ это время придерживали за руки **) онъ ударилъ нѣсколько разъ по носу. Фельдшеръ Харченко,

*) Земскій Сборникъ Черниговской губерніи. 1897. №№ 11—12. Черниговъ. 1898, стр. 24—9 и 32—3.

**) Въ концѣ журнала находится примѣчаніе: „зачеркнутые въ под-

удалившійся въ это время въ сосѣднюю комнату, слышалъ оттуда возню и звуки ударовъ. Затѣмъ, не смотря на то, что утромъ Михальченко не былъ уже пьянъ, докторъ Резенель велѣлъ запереть его въ буйное отдѣленіе».

Тѣмъ же свидѣтелемъ были сообщены еще два случая, характеризующіе отношеніе г. Розенеля къ больнымъ, находящимся на его попеченіи.

«Нѣкто Мельниковъ, подсудимый, зарѣзавшій свою мать и находившійся въ больницѣ на испытаніи, второй разъ былъ присланъ въ больницу. Что происходило между ними раньше — неизвѣстно, но въ этотъ разъ г. Розенель встрѣтилъ его словами: «А, ты опять здѣсь! Ты у меня сгніешь въ буйномъ отдѣленіи». Мельниковъ отвѣчалъ дерзостью, и г. Розенель велѣлъ отвести его въ буйное отдѣленіе. Здѣсь, при обходѣ больныхъ докторомъ Розенелемъ, Мельниковъ снова сказалъ ему что-то оскорбительное. Тотъ вспылилъ и далъ Мельникову пощечину. Больной Хотунцовъ, меланхоликъ, вслѣдствіе своего угнетеннаго, апатическаго состоянія отказывался отъ принятія пищи, не смотря ни на какіе уговоры. Тогда докторъ Розенель началъ бить его, чтобы принудить ѣсть. Фельдшеръ Пустосмѣховъ также сообщилъ два случая. «Больной Энгель ни за что не хотѣлъ идти въ ванну. Всегда въ такихъ случаяхъ приходится употреблять насиліе, но въ этотъ разъ, не ограничиваясь этимъ, докторъ Розенель билъ Энгеля—и билъ настолько сильно, что кольцо, бывшее въ это время на пальцѣ у г. Розенеля, оставило слѣды на тѣлѣ больного. Больной Жванскій былъ битъ г. Розенелемъ за свой упорный отказъ заниматься переплетаніемъ книгъ, на чемъ настаивалъ докторъ».

Всѣ эти факты г. Солонина въ своемъ докладѣ призналъ «несомнѣнно установленными». Правда, третій опрошенный имъ свидѣтель, служитель Кириченко, далъ нѣсколько иныя показанія. Спрошенный о случаѣ съ Михальченкомъ, онъ отрицалъ самую возможность побоевъ въ психическомъ отдѣленіи, какъ со стороны медицинскаго персонала, такъ и стороны прислуги. Но, какъ говорится въ занесенномъ въ управскій журналъ докладѣ г. Солонины, «уклончивыя показанія Кириченка о томъ, что онъ временно отлучался изъ отдѣленія и не былъ свидѣтелемъ происходившаго, набрасываютъ нѣкоторое подозрѣніе на его искренность». Наоборотъ оба фельдшера на вопросъ о томъ, не были ли приведенные факты исключеніями изъ обычнаго порядка, отвѣчали отрицательно. «Они заявили, что грубое обращеніе съ больными было весьма обыден-

---

линникѣ слова—котораго въ это время придерживали служителя за руки—считать недѣйствительными. Членъ управы П. Солонина". Что собственно хотѣлъ сказать г. Солонина этимъ примѣчаніемъ, трудно разобрать. Во всякомъ случаѣ читатель увидитъ ниже, что я имѣлъ основаніе воспроизвести эти зачеркнутыя слова, опираясь не только на пословицу о написанномъ перомъ.

нымъ явленіемъ, и они полагали, что въ этомъ, можетъ быть, заключалась лѣчебная система доктора Розенеля». Впрочемъ, грубое обращеніе распространялось не только на лицъ, нуждающихся въ лѣченіи. «Разспросами—говорится еще въ докладѣ — установленъ также фактъ грубаго обращенія д-ра Розенеля съ прислугой, которую онъ избѣгаетъ бить, вѣроятно, только потому, что никто ее въ это время не держитъ за руки, какъ держатъ передъ нимъ больныхъ *). Онъ даже позволяетъ себѣ ругать фельдшеровъ въ присутствіи больныхъ и прислуги, чѣмъ подрываетъ ихъ авторитетъ». Какъ видно, г. Розенель отличался послѣдовательностью въ своихъ дѣйствіяхъ.

Но это лишь одна сторона дѣла. Есть еще и другая. На ряду съ грубостью, мягко выражаясь, обращенія съ больными, мужское психическое отдѣленіе больницы подъ управленіемъ доктора Розенеля отличалось и еще одною особенностью. Докладъ г. Солонины формулируетъ ее, какъ «слабый надзоръ за психическими больными, граничащій съ распущенностью ихъ». Дѣло отпуска больныхъ на прогулки очень мало упорядочено: они часто отправляются въ городъ цѣлой толпой въ сопровожденіи одного служителя, а иногда отпускаются и безъ спутника. Былъ случай, что одинъ алкоголикъ забрелъ въ сиротскій домъ и напугалъ дѣвочекъ. Были другіе случаи, что отпущенные больные напивались пьяными и даже напаивали сопровождавшихъ ихъ сторожей. Послѣднее оказывается тѣмъ возможнѣе, что деньги больныхъ находятся на рукахъ у г. Розенеля, а онъ раздаетъ имъ эти деньги безъ опредѣленной системы и почти безъ контроля за ихъ расходованіемъ. «На ряду съ такимъ отношеніемъ къ больнымъ замѣчается—говоря опять-таки словами доклада—и совершенно обратное, также доходящее до крайностей: такъ, въ буйное отдѣленіе сплошь и рядомъ сажаются алкоголики и даже эпилептики—люди въ обыкновенное время самые нормальные и спокойные, а между тѣмъ буйное отдѣленіе на больничномъ языкѣ называется «бойней», такъ постоянны тамъ драки и, какъ видно, не только больныхъ между собою». Въ конечномъ итогѣ, «если однихъ больныхъ держатъ слишкомъ легко, слѣдствіемъ чего бываютъ такіе случаи, какъ то, что одинъ больной, забредшій въ еврейскую богадѣльню, бросился тамъ въ колодецъ, другой застрѣлился въ одномъ изъ больничныхъ сараевъ, многіе бѣжали и т. п., за то другіе больные принуждены бываютъ выносить слишкомъ суровый режимъ, доходящій до жестокости». Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ авторъ доклада, г. Солонина, призналъ возможнымъ выставить противъ доктора Розенеля слѣдующія обвиненія: 1) въ нанесеніи больнымъ побоевъ, 2) въ оскорбительномъ поведеніи съ ближайшими сотрудниками — фельдшерами, 3) въ неумѣніи дисципли-

---

*) Къ этимъ краснорѣчивымъ словамъ въ докладѣ не сдѣлано никакого примѣчанія.

нировать прислугу, хотя съ этою цѣлью имъ и допускаются нежелательные пріемы, 4) въ слабомъ надзорѣ за больными и 5) въ злоупотребленіи правомъ сажать больныхъ въ буйное отдѣленіе. Сверхъ того, управѣ сдѣлано было заявленіе о дѣйствіяхъ г. Розенеля двумя докторами той же больницы, въ томъ числѣ и старшимъ ея врачемъ.

Вырисовывшаяся изъ всѣхъ этихъ данныхъ картина далеко не отличалась слишкомъ свѣтлыми красками. Губернская управа признала это и, основываясь на крайней важности сообщенныхъ ей свѣдѣній, потребовала отъ доктора Розенеля, чтобы онъ въ трехдневный срокъ представилъ самыя подробныя объясненія по поводу изложенныхъ фактовъ. Было ли это требованіе исполнено въ теченіе назначеннаго срока, неизвѣстно, такъ какъ въ журналахъ управы до 31 марта нѣтъ болѣе упоминаній объ этомъ дѣлѣ. За то посвященный ему журналъ 31 марта такъ краснорѣчивъ, что его положительно стоитъ привести цѣликомъ. Къ тому же онъ и невеликъ.

«Изъ произведеннаго—говорится здѣсь—по поводу слуховъ (о грубомъ обращеніи А. Г. Розенеля съ больными, фельдшерами и прислугой) разслѣдованія члена управы П. Н. Солонины, изъ объясненій г. Розенеля и другихъ полученныхъ управой свѣдѣній выяснилось, что о систематически-грубомъ обращеніи г. Розенеля съ перечисленными выше лицами не можетъ быть и рѣчи; что если г. Розенель и допускалъ иногда въ своихъ сношеніяхъ излишнюю нервность, которая и послужила поводомъ для распространенія слуховъ, то во всякомъ случаѣ не однимъ только этимъ личнымъ свойствомъ г. Розенеля должна быть характеризована его дѣятельность, въ которой губернская управа не можетъ не отмѣтить большихъ заслугъ по упорядоченію психіатрическаго отдѣленія больницы. Принявъ все это во вниманіе, губернская управа признала слухи о систематически-грубомъ обращеніи г. Розенеля съ больными, фельдшерами и прислугой неосновательными, но въ то же время рекомендуетъ г. Розенелю быть въ обращеніи съ лицами, съ которыми ему приходится входить въ сношенія по своей службѣ, сдержаннымъ и осторожнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ губернская управа считаетъ настоящее дѣло законченнымъ».

На этотъ разъ, такимъ образомъ, управа оказалась не очень словоохотливою. Объ этомъ можно пожалѣть, такъ какъ многое въ ея рѣшеніи остается непонятнымъ. Считать ли упорядоченной психіатрическую больницу, изъ которой больные безпрепятственно убѣгаютъ и въ которой они не менѣе безпрепятственно пьянствуютъ, напаивая за одно и сторожей? Видѣть ли упорядоченіе въ томъ, что существующій надзоръ не мѣшаетъ больнымъ оканчивать свою жизнь самоубійствомъ, или въ томъ, что буйное отдѣленіе психіатрической больницы носитъ характеристическое названіе «бойни»? И не заключаются ли большія заслуги г. Розенеля по упорядоченію

психіатрическаго отдѣленія больницы именно въ допущеніи всѣхъ этихъ явленій? Пожалуй, на всѣ эти вопросы слѣдуетъ отвѣтить положительно, если припомнить, что удары по носу, пощечины и побои съ синяками, въ результатѣ составляющіе столь обычныя явленія въ практикѣ г. Розенеля, что его ближайшіе сотрудники склонны считать ихъ его «лѣчебной системой», губернская управа признаетъ не болѣе, какъ проявленіями «излишней нервности» со стороны врача, ни мало не свидѣтельствующими о систематически-грубомъ его обращеніи съ больными. Не легко и понять, какое именно обстоятельство такъ быстро, на протяженіи двадцати двухъ дней, измѣнило взгляды управы на дѣйствія г. Розенеля. Въ составѣ ея за это время произошло лишь одно измѣненіе: мѣсто исправлявшаго должность предсѣдателя управы В. М. Хижнякова, который передъ тѣмъ многіе годы былъ предсѣдателемъ губернской управы, занялъ вновь избранный на эту должность Ѳ. М. Уманецъ. Не эта же замѣна, однако, такъ подѣйствовала на другихъ членовъ управы? Несомнѣнно, они сами измѣнили свои взгляды подъ вліяніемъ серьезнаго внутренняго убѣжденія. Иначе, какъ же объяснить то обстоятельство, что г. Солонина, въ засѣданіи 9 марта обвинявшій г. Розенеля, въ засѣданіи 31 марта согласился, и притомъ безъ всякаго протеста, чтобы его разслѣдованіе, создавшее эти обвиненія, какъ «несомнѣнно установленные факты», было поставлено въ число доказательствъ невиности того же г. Розенеля, а самыя обвиненія объявлены простыми слухами? Такъ могутъ поступать только люди, безропотно жертвующіе собою ради торжества истины. Къ сожалѣнію, только неизвѣстно, какимъ способомъ истина эта была открыта. Въ виду этой неизвѣстности черниговскимъ обывателямъ не остается ничего болѣе, какъ раздумывать, до какой степени можетъ доходить «излишняя нервность» врача душевной больницы. Невольно приходятъ на память нѣкоторыя аналогичныя черты въ новѣйшей исторіи другой земской психіатрической больницы—Бурашевской колоніи въ Тверской губерніи. Но тамъ, по крайней мѣрѣ, дѣйствовала управа, не стоящая въ непосредственной связи съ земскимъ собраніемъ, тогда какъ въ Черниговѣ это условіе отсутствуетъ. Можно надѣяться за то, что и въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла аналогія между Бурашевымъ и Черниговомъ не будетъ полною. При существующихъ условіяхъ гласные черниговскаго губернскаго собранія легче смогутъ получить, а члены управы скорѣе пожелаютъ дать обстоятельный отчетъ объ инцидентѣ, разыгравшемся въ жизни земской больницы и по настоящее время остающемся еще темнымъ и загадочнымъ. Если это случится, то не исполнится, конечно, надежда губернской управы—считать это дѣло законченнымъ, но за то прекратятся пессимистическія размышленія обывателей о нервности врача, въ данной ея формѣ не только излишней, но и прямо опа въ психіатрической больницѣ.

В. А—въ.

Хроника внутренней жизни.

I.

Послѣднія извѣстія изъ неурожайныхъ губерній.—Орловскій съѣздъ сельскихъ хозяевъ и орловское дворянское собраніе. — Начальное народное образованіе въ столицахъ.—Желѣзнодорожныя крушенія и причины ихъ.— Выкупъ посессіонныхъ земель на Уралѣ и г. Скальковскій.

Если вы хотите сохранить хорошій сонъ, аппетитъ и хорошее настроеніе, то не читайте газетныхъ сообщеній изъ мѣстностей, признанныхъ неурожайными. Читайте лучше однѣ провинціальныя газеты, тамъ рѣдко натолкнетесь на подобнаго рода сообщенія. Читайте извѣстія съ театра испано-американской войны, — тамъ, хоть и проливается кровь, но вы видите борьбу, видите подвиги патріотизма и отваги, слышите отголоски столкновенія морскихъ броненосныхъ гигантовъ и грохота орудій. Издалека все это такъ красиво, эффектно и занимательно. Иное дѣло эти ноющіе призывы къ помощи людямъ, находящимся на краю разоренія, эти картины повальной нужды и мучительныхъ усилій—«дотянуть» какъ нибудь до новаго хлѣба, зрѣлище труда, подъ тяжестью котораго изнемогаютъ обезсилѣвшій работникъ и отощавшая за долгую и голодную зиму кормилица лошадь.

Убійственнымъ однообразіемъ отличаются всѣ извѣстія, которыя находимъ мы въ немногихъ столичныхъ газетахъ, терпѣливо отмѣчающихъ факты теперешней деревенской дѣйствительности. Почти половина хозяйствъ безъ лошадей, безъ коровъ, безъ топлива, раскрытые дворы, риги, избы... Семьи доѣдаютъ послѣднюю ссуду. Земства выдали ее за май и іюнь, но значительная часть ея скормлена лошадямъ, отощавшимъ за зиму до того, что безъ этого онѣ рѣшительно не могли бы работать. Прочая скотина не въ силахъ ходить въ стадо. Выходъ на заработки громадный, но ушедшіе присылаютъ мало денегъ, а то и совсѣмъ возвращаются раздѣтые и разутые, проѣвъ въ дорогѣ верхнюю одежду и обувь. Повсемѣстно отмѣчается стремленіе къ переселенію. «Нѣтъ ни одного уѣзда въ Орловской губерніи, пишетъ корреспондентъ «Бирж. Вѣд.», въ которомъ оно не замѣчалось бы въ самой усиленной степени». Изъ Брянскаго уѣзда сообщаютъ: «Среди крестьянъ замѣчается сильная охота къ переселенію въ Сибирь. Переселенческая лихорадка начала забираться въ такіе уголки, гдѣ раньше не только не думали переселяться, но даже смѣялись надъ всякой мыслью о переселеніи». На брянскомъ вокзалѣ ежедневно толкутся крестьянскія семьи, ожидающія поѣзда, который отвезетъ ихъ въ Сибирь. Неоднократно приходится встрѣчать и ходоковъ, и всѣ они на

вопросъ о причинахъ переселенія отвѣчаютъ: «Хуже все равно быть не можетъ, а говорятъ—лучше». Точно такая же переселенческая лихорадка констатирована и въ Дмитровскомъ уѣздѣ. Тамъ цѣлыя толпы крестьянъ осаждаютъ земскихъ начальниковъ съ просьбами о выдачѣ проходныхъ свидѣтельствъ, и никакія разъясненія и убѣжденія не могутъ отвратить ихъ отъ мысли уйти съ родины.

На смѣну и въ дополненіе земской помощи выступила, хотя и нѣсколько запоздалая, помощь частной и общественной благотворительности. Общество Краснаго Креста организуетъ попечительства изъ мѣстныхъ силъ для помощи больнымъ, дѣтямъ и престарѣлымъ, открываетъ столовыя, устраиваетъ распродажу хлѣба по удешевленной цѣнѣ и проч. Но мѣстами нужда не въ столовыхъ. Изъ Калужской губ. (с. Подборки) писали въ «Спб-скія Вѣд.»: «Помощь необходима скорая... Нуженъ у насъ главнымъ образомъ *хлѣбъ*, *мука (или деньги на нее) и въ большомъ количествѣ*, а затѣмъ *сѣмена* и денежныя пособія на покупку лошадей пахарныхъ» (№ 133).

Въ ту же газету писали отъ 5 мая изъ Алексинскаго уѣзда объ ужасномъ положеніи, въ которомъ находятся теперь разные безземельные, безхозяйные, вдовы съ дѣтьми, семьи безъ мужской рабочей силы, съ больными, безлошадные и т. п., составляющіе не менѣе 10% населенія. Перечисливъ опредѣленныхъ лицъ, корреспондентъ пишетъ: «*Всѣ они питаются исключительно однѣми корками, размачивая ихъ въ водѣ, иногда въ 2 дня разъ*, избы еле стоятъ, одежды зимней никакой, лѣтняя—рваные лохмотья. Помощь этимъ семьямъ возможна только въ формѣ раздачи имъ на руки одежды или пропитанія. Одѣтые и прокормленные кое-какъ въ обычные годы мірскою милостью, въ такіе годы какъ 1891 г. и нынѣшній 1897—1898 гг., *они буквально еле живые перебиваются изо дня въ день—полуодѣтые, голодные, безъ всякаго просвѣта въ будущее*».

Говоря о крайней необходимости скорѣйшей помощи населенію Ливенскаго уѣзда, корреспондентъ «Бирж. Вѣд.» отъ 28 мая пишетъ: «туда необходимы не только деньги, но и люди... Боже мой, какъ мало людей въ деревнѣ!—Деревнѣ самыхъ простыхъ человѣческихъ силъ не хватаетъ—даже для того, чтобы оказывать помощь въ такой несчастный годъ, какъ нынѣшній»...

И дѣйствительно, впечатлѣніе, которое производитъ теперь деревня нѣсколькихъ губерній центральной земледѣльческой полосы, это впечатлѣніе безсилія, крайности и безвыходности положенія. По общему признанію, этотъ годъ, хотя бы онъ и не былъ «голоднымъ» годомъ, отразится на хозяйствѣ глубоко, подорветъ его не менѣе сильно, чѣмъ 1891—92 гг., такъ что нужны особо счастливыя обстоятельства, чтобы крестьянство могло скоро оправиться. Главное, что грозитъ дальнѣйшимъ разстройствомъ хозяйства и обѣднѣніемъ—это убыль скота, достигающая въ нѣкоторыхъ изъ пострадавшихъ уѣздовъ 30 и болѣе процентовъ. Только было въ деревнѣ начала прикапливаться послѣ 1891 года нужная скотинка,

и вотъ опять ее смело, какъ ни бывало. А потомъ страшная задолженность. При общемъ безденежьи, въ которомъ находилось последніе мѣсяцы населеніе пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностей, необходимыя деньги доставались продажею и закладомъ всего, что только оставалось: рабочаго инвентаря, земли, будущаго труда. Изъ кабальной зависимости, въ которую станетъ этимъ путемъ бѣднѣйшее населеніе къ мѣстнымъ богатѣямъ, оно выйдетъ только нищимъ. А кое кому этотъ годъ поможетъ прихватить лишней землицы, запастись лишнимъ скотомъ, однимъ словомъ «обрости» хозяйствомъ.

Изъ Елецкаго уѣзда кор—тъ «Б. В.» пишетъ: «Весь уѣздъ жалуется на то, что, начиная съ голоднаго года, онъ все бѣднѣетъ и бѣднѣетъ, а въ текущемъ году пришло настоящее разореніе. Это, конечно, крайне странное явленіе — въ самомъ дѣлѣ Елецкій уѣздъ центръ хлѣбной торговли, его пересѣкаютъ четыре крупныя желѣзнодорожныя линіи, есть камнеломни, существуетъ и кружевной кустарный промыселъ—и, тѣмъ не менѣе, населеніе голодаетъ не только не менѣе, а даже еще болѣе, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ... Оказывается, однако, что всѣ выгоды и отъ торговли, и отъ дороги, и отъ промысла поступаютъ въ немногія руки».

Эти руки съумѣли и на этотъ разъ воспользоваться выгодами момента, что вполнѣ естественно..:

Помощь не приходитъ ни откуда, и если мѣстный кулакъ отказывается «облагодѣтельствовать» сомнительнаго въ кредитоспособности просителя, что остается дѣлать крестьянину, у котораго за спиной умоляюще смотрятъ истощенныя дѣтскія личики, ноютъ бабы, падаетъ послѣдняя опора хозяйства—лошадь? По сообщенію газетъ, въ Орловской губерніи умножились случаи кражъ (напр., въ Гатищевской волости Ливенскаго уѣзда), воруютъ только съѣстные припасы. А то вотъ и еще выходъ изъ подобнаго положенія. Въ «Орловскомъ Вѣстникѣ» было напечатано слѣдующее сообщеніе: «19-го апрѣля въ селѣ Сергіевскомъ, Мценскаго уѣзда, повѣсился крестьянинъ Никифоръ Фирсовъ, причемъ послѣ покойнаго остались жена и четверо малолѣтнихъ дѣтей. По произведенному мѣстной полиціей дознанію выяснилось, что Фирсовъ рѣшился на самоубійство «вслѣдствіе крайней нужды и безысходнаго положенія». У этого крестьянина своего хлѣба не было всю зиму, онъ все распродалъ, что можно, и деньги, взятыя подъ работу, прошли. Наступила весна, пахать было не на чемъ, помощи просить не у кого, и вотъ Фирсовъ рѣшился умереть».

Передъ подобною печальной перспективой останавливаютъ свое вниманіе и мѣстныя учрежденія, земства, принужденныя изъ послѣднихъ средствъ поддерживать крестьянское населеніе въ учащающіеся трудные годы, и видѣть, какъ всѣ попытки ихъ подвинуть впередъ крестьянское хозяйство, земледѣльческую технику, промыслы, — все разбивается о вопіющую бѣдность деревенскаго большинства. 19 мая начались засѣданія курскаго экстреннаго гу-

бернскаго земскаго собранія. На первомъ планѣ стоялъ, конечно, вопросъ о ходѣ дѣла по обезпеченію народнаго продовольствія и по обсѣмененію яровыхъ полей. Дѣлались примѣрные разсчеты нужды, обсуждались всевозможныя мѣры. На второй день преній по продовольственному вопросу, гласный А. Н. фонъ-Рутценъ обратилъ вниманіе собранія на то, что всѣ частныя мѣры, которыя тамъ предлагались, и торговля хлѣбомъ, и закупка кормовъ на сторонѣ, и пониженіе тарифовъ, все это, очевидно, не разрѣшаетъ вопроса по отношенію къ истощенному населенію губерніи, которое одинаково разоряется и въ урожайные, и неурожайные, годы, находясь въ какомъ-то заколдованномъ кругу. Гласный предлагалъ земству ходатайствовать, чтобы для устраненія ненормальныхъ условій сельскаго хозяйства были приняты коренныя мѣры, а чтобы легче разрѣшить эту задачу, ходатайствовать, чтобы при министерствѣ земледѣлія была организована совѣщательная коммиссія изъ представителей отъ земства. Собраніе согласилось съ этимъ предложеніемъ и избрало коммиссію для подробной его мотивировки. Коммиссія внесла въ собраніе записку гл. А. Н. Рутцена, выдержки изъ которой мы и приводимъ, согласно газетному сообщенію («Спб. Вѣд. № 145).

Въ запискѣ говорится, что курское земство, приступивъ, на основаніи возложенныхъ на него закономъ обязанностей, къ принятію мѣръ по обезпеченію народнаго продовольствія по случаю неурожайнаго 1897 года, «не остановилось передъ серьезнымъ рискомъ надолго разстроить свое хозяйство принятіемъ гарантіи на многіе годы и сдѣлало все, что могло и должно было сдѣлать, чтобы хотя немного смягчить народное бѣдствіе; но, принявъ безотлагательныя мѣры, оно не могло не остановиться на вызываемыхъ настоящимъ положеніемъ вопросахъ болѣе общаго характера. Острая продовольственная нужда ощущалась въ 1891 и 1892 годахъ, затѣмъ, послѣ трехъ весьма урожайныхъ лѣтъ, сопровождавшихся значительнымъ пониженіемъ цѣнъ на хлѣба, оказалось, что достаточно одного не вполнѣ удовлетворительнаго урожая (въ 1896 году) и одного неурожая въ настоящемъ году, причемъ въ обоихъ случаяхъ неурожаи коснулись даже не всей губерніи, чтобы вновь земледѣльческое населеніе губерніи было поставлено въ критическое положеніе. Казалось бы, что, при дешевизнѣ хлѣба въ губерніи, должны были образоваться большіе запасы, которыми, при развитіи желѣзнодорожной сѣти, могло бы воспользоваться все населеніе. Продовольственная же нужда настоящаго года указываетъ на то, что населеніе слишкомъ обѣднѣло, чтобы образовать запасы или, наконецъ, что запасы сосредоточены въ немногихъ крѣпкихъ рукахъ и недоступны для большинства. Продовольственная нужда нынѣшняго года является несомнѣнно косвеннымъ подтвержденіемъ обѣднѣнія: неурожай настоящаго года, особенно принимая во вниманіе обстоятельства, ему предшествующія и ему сопутствующія,

вовсе не настолько грозенъ, чтобы населеніе, сколько-нибудь состоятельное, не могло бы выдержать его безъ посторонней помощи. Что Курская губернія бѣднѣетъ въ лицѣ земледѣльческаго населенія ея—можетъ быть подтверждено инымъ путемъ. При экономическомъ изслѣдованіи Фатежскаго уѣзда, напримѣръ, оказалось, что съ 1883 по 1896 годъ число лошадей уменьшилось на 10,5%, въ то время, когда населеніе его возросло по крайней мѣрѣ на 19%. Цифры эти, указывающія на упадокъ главнаго богатства земледѣльца, прямо ужасающія, и никакой ростъ государственнаго бюджета, промышленности, желѣзнодорожнаго дѣла и пр., на что указываютъ обыкновенно, какъ на доказательство экономическаго благосостоянія страны, не можетъ вознаградить за обѣднѣніе земледѣльческаго населенія нашей чисто земледѣльческой страны. Земство не исполнило бы своей задачи, если бы, ограничившись одними шаблонными мѣропріятіями, не высказало бы своего взгляда на коренныя причины бѣдствія и возможные способы ихъ устраненія. Въ промежутокъ съ 1892 по 1897 годъ продовольственный уставъ правительствомъ не реорганизованъ, да и земство, столь чуткое ко всему, могущему прямо или косвенно влiять на благосостояніе населенія, не высказало по измѣненію устава никакихъ пожеланій. Очевидно, что, по мнѣнію и правительства, и земства, суть дѣла лежитъ не въ продовольственномъ уставѣ. Будутъ ли запасы денежные или натуральные, будетъ ли исчисленіе запаса то или другое, будетъ ли увеличена или уменьшена роль земства по завѣдыванію этими запасами, населеніе уже, очевидно, не въ силахъ сберегать что-либо даже въ самые благопріятные годы. Курское земство въ цѣломъ рядѣ ходатайствъ указывало на причины обѣднѣнія населенія.

«Всѣ эти вопросы, по порученію министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, обсуждались губернскими земствами и, между прочимъ, курскимъ.

«Для успѣшнѣйшей выработки соотвѣтственныхъ мѣръ и согласованія ихъ съ нуждами всей центральной земледѣльческой полосы Россіи, надлежитъ, по мнѣнію земства, обсудить всѣ земскія ходатайства, клонящіяся къ улучшенію экономическаго положенія населенія, въ особомъ совѣщаніи при министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, при участіи лицъ, избранныхъ губернскими земскими собраніями центральной земледѣльческой полосы Россіи».

Согласившись съ приведенными въ запискѣ мотивами, губернское земское собраніе единогласно постановило возбудить въ надлежащемъ порядкѣ ходатайство о созывѣ при министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ совѣщанія при участіи представителей, избранныхъ губернскими земствами центральной полосы Россіи, для обсужденія мѣропріятій, клонящихся къ поднятію экономическаго положенія земледѣльческаго населенія и къ предотвращенію бѣдствій, вызываемыхъ недородомъ.

Въ то самое время, какъ происходило означенное курское экстренное собраніе, въ Орлѣ уже нѣсколько дней, какъ продолжался съѣздъ сельскихъ хозяевъ 9 губерній, главнымъ образомъ черноземной полосы: Орловской, Калужской, Тульской, Курской, Воронежской, Смоленской, Тамбовской, Рязанской и Черниговской, съ участіемъ лицъ, извѣстныхъ своими трудами по сельскому хозяйству. Будучи собранъ въ моментъ кризиса, переживаемаго сельскимъ населеніемъ именно черноземной Россіи, съѣздъ естественно долженъ былъ внушить къ себѣ большой интересъ и ожиданія. Въ немъ можно было видѣть предварительный опытъ такого съѣзда, о которомъ рѣшило ходатайствовать курское губернское земское собраніе. Министръ земледѣлія А. С. Ермоловъ, привѣтствуя телеграммою съѣздъ, выразилъ въ ней увѣренность въ томъ, что «совмѣстными усиліями сельскихъ хозяевъ центральныхъ губерній удастся освѣтить истинное положеніе земледѣлія и намѣтить вѣрные пути для подъема сельско-хозяйственнаго промысла въ этой коренной земледѣльческой области Россіи».

Собранію былъ предложенъ докладъ гг. Бутми и Шарапова о вредѣ для хозяйства золотой валюты. Докладъ ли оказался столь убѣдительнымъ для гг. сельскихъ хозяевъ, или они явились на съѣздъ съ уже сложившимся по этому вопросу мнѣніемъ, только они тутъ же, не сходя съ мѣста, большинствомъ высказались за положенія докладчика о вредѣ золотой валюты и признали необходимымъ выразить министерству земледѣлія желаніе, чтобы вопросъ о валютѣ былъ подвергнутъ новому пересмотру. Были и пренія по этому вопросу, но о характерѣ ихъ корреспондентъ «Бирж. Вѣд.» пишетъ, что это былъ такой сумбуръ, что разобраться въ немъ не было никакой возможности, а одинъ изъ противниковъ золотой валюты откровенно высказался: «Понимаемъ ли мы эту золотую валюту или не понимаемъ, а намъ необходимо ходатайствовать объ ея отмѣнѣ: все равно мы отъ этого ничего не теряемъ».

Той же золотой валютѣ была посвящена первая часть доклада А. А. Стаховича, главнымъ центромъ котораго было предложеніе союза землевладѣльцевъ. Полемизировалъ въ своемъ докладѣ г. Стаховичъ и съ авторами изслѣдованія. «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны народнаго хозяйства». А. А. Стаховичу не нравятся ни выводы упомянутаго труда, ни матеріалы, которые легли въ основу его. И онъ приходитъ къ мысли о необходимости самостоятельнаго собиранія матеріала и разработки его сельскими хозяевами «въ союзѣ съ тѣми представителями науки, которые не относятся къ земледѣлію предубѣжденно и пристрастно или, что того хуже, безразлично». Г. Стаховичу, конечно, не безъизвѣстно, что попытки подобнаго рода изслѣдованій и разработки вопросовъ сельскаго хозяйства производились нѣкоторыми сельско-хозяйственными обществами и въ томъ числѣ

въ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства, которое онъ врядъ ли может упрекнуть въ предубѣжденіи не только къ земледѣлію, но и къ крупному землевладѣнію, которыя въ его рѣчахъ и докладахъ такъ легко другъ друга замѣняютъ. Но, очевидно, всѣ эти попытки его не удовлетворяютъ, и онъ откровенно признается, что «землевладѣльцы, къ которымъ и я принадлежу, до сихъ поръ мало способствовали сами правильному освѣщенію и разрѣшенію вопросовъ (въ родѣ валюты, цѣнъ на хлѣбъ и т. д.). Иначе будетъ поставлено дѣло, если землевладѣльцы будутъ имѣть свою правильную организацію, свое бюро, въ которомъ будутъ работать спеціалисты-экономисты и статистики совмѣстно съ лучшими и наиболѣе просвѣщенными практиками-землевладѣльцами надъ правильною научною разработкой и освѣщеніемъ всѣхъ существенныхъ жизненныхъ вопросовъ, касающихся нашего основного промысла—земледѣлія. Не только у нашихъ противниковъ, но и у насъ будутъ правильно разработанныя данныя, таблицы, діаграммы, которыми наши оппоненты до сихъ поръ разбивали всѣ наши ходатайства. Не будетъ той разрозненности, того полнаго противорѣчія между разными ходатайствами, которыя еще болѣе помогали нашимъ противникамъ, на которыя они съ злорадствомъ обыкновенно указывали. Борьба съ нами и игнорированіе нашихъ интересовъ будутъ не такъ легки, какъ до сихъ поръ. Открыто, печатнымъ словомъ, пропагандой своихъ положеній *наши противники, недоброжелатели сельско-хозяйственнаго промысла вообще* (?), *или землевладѣльцевъ, владѣющихъ свыше 10 десятинами въ частности*, распространяли свои убѣжденія и доказательства, вліяли на общественное мнѣніе, на правительство, они съумѣли достигнуть успѣха, ихъ слушали и, пожалуй, даже слушались. Будемъ же и мы бороться тѣми же способами, заведемъ свой печатный органъ и на страницахъ его также открыто и смѣло будемъ парировать нападки на насъ и нашъ промыселъ, опровергать доводы нашихъ противниковъ, стремящихся окончательно погубить русское земледѣліе и землевладѣніе, будемъ распространять и пропагандировать мѣры, долженствующія, по нашему крайнему разумѣнію, спасти погибающее земледѣліе, какъ, напримѣръ, убѣжденное и энергичное сопротивленіе золотому монометаллизму, золотой валютѣ, удешевленіе денегъ, устраненіе хроническаго безденежья» *).

Собраніе единогласно высказалось за образованіе предлагаемаго

---

*) Въ заключеніе корреспондентъ «Бирж. Вѣд.», со словъ котораго приводимъ мы эту часть доклада А. А. Стаховича, пишетъ, что послѣдній предложилъ, въ качествѣ органа, въ которомъ печатались бы всѣ эти «безпристрастныя» изслѣдованія о положеніи сельскаго хозяйства, «Русскій Трудъ» г. Шарапова. Но самъ г. Стаховичъ возражаетъ въ № 152 «Бирж. Вѣд.», что этого онъ въ Орлѣ не говорилъ и въ печатномъ докладѣ его этого нѣтъ, а говорилъ онъ это годъ назадъ въ засѣданіи елецкаго общества сельскаго хозяйства.

г. Стаховичемъ союза, съ постояннымъ бюро и печатнымъ органомъ, сдѣлавъ лишь поправку въ томъ смыслѣ, чтобы слово союзъ «землевладѣльцевъ» было замѣнено словомъ «сельскихъ хозяевъ». Для выработки проекта устава этого союза была выбрана особая коммиссія.

Намъ неизвѣстно содержаніе этого проекта. По мысли г. Стаховича, союзъ сельскихъ хозяевъ долженъ представлять собою «культурную организацію для представителей однородныхъ экономическихъ интересовъ». Что интересы представителей крупнаго землевладѣнія однородны, въ этомъ мы не сомнѣваемся. Но, хотя, по утвержденію г. Стаховича, съѣздъ и пришелъ «послѣ заслушанія цѣлаго ряда докладовъ къ убѣжденію, что интересы крестьянъ нисколько не противоположны интересамъ всѣхъ остальныхъ сельскихъ хозяевъ Россіи»,—болѣе чѣмъ сомнительно, чтобъ они были однородны. Не показываютъ этого и самыя занятія съѣзда. Положимъ, съѣздъ не обошелъ вопроса о причинахъ оскудѣнія и недоѣданія крестьянъ нашихъ земледѣльческихъ губерній, и посвятилъ два засѣданія разсмотрѣнію доклада г. Загорскаго: «Шагъ за шагомъ къ выясненію экономическаго положенія крестьянъ Орловской губерніи». Но каковы были практическіе результаты этого разсмотрѣнія? По газетамъ извѣстна резолюція съѣзда, вынесенная еще до чтенія упомянутаго доклада, 18 мая: «Усматривая (въ прогрессивномъ уменьшеніи обезпеченности сельскаго населенія скотомъ) тревожный и несомнѣнный симптомъ разоренія земледѣльческаго населенія Россіи, орловскій областной съѣздъ сельскихъ хозяевъ находитъ, что русское сельское хозяйство нуждается въ энергичномъ заступничествѣ министра земледѣлія и въ принятіи соотвѣтствующихъ мѣръ». Обратилъ вниманіе съѣздъ и на необходимость расширенія сельско-хозяйственнаго кредита во всѣхъ его формахъ: меліоративнаго, соло-вексельнаго, въ томъ числѣ и мелкаго, доступнаго для крестьянъ. Все это хорошо, хотя и не выходитъ изъ рамокъ общихъ пожеланій. Но какимъ образомъ съѣздъ сельскихъ хозяевъ девяти центральныхъ губерній, изъ которыхъ почти всѣ охвачены бѣдствіемъ неурожая, находясь въ центрѣ населенія, переживающаго жестокій продовольственный кризисъ, могъ ничѣмъ не отозваться на текущую злобу дня? Это ли однородность интересовъ? Среди многочисленныхъ докладовъ съѣзда не было ни одного, непосредственно посвященнаго продовольственному вопросу. Что бы, напримѣръ, членамъ съѣзда, хозяевамъ, собравшимся изъ различныхъ районовъ крестьянской нужды, вмѣсто обсужденія теорій монометаллизма и биметаллизма, заняться выясненіемъ дѣйствительнаго положенія вещей и выработкой непосредственныхъ мѣръ? Что мѣшало бы, напримѣръ, обратить, хотя бы во имя однородности интересовъ, вниманіе на то, что дѣйствующіе продовольственные капиталы у насъ сословные, крестьянскіе, тогда какъ бѣдствіе, переживаемое въ такіе годы, какъ 1891—92, 1897—98, есть на-

родное несчастіе, въ борьбѣ съ которымъ посильно должны участвовать всѣ слои населенія? Да мало ли на что еще можно было бы обратить вниманіе?

Безъ особаго преувеличенія можно сказать, что наше начальное народное образованіе создано органами самоуправленія: земствами—по отношенію къ сельскому населенію и городскимъ общественнымъ управленіемъ, организованнымъ по Городовому Положенію Императора Александра II, въ городахъ и столицахъ. Что сдѣлано ранѣе было для начальнаго образованія даже въ такомъ центрѣ, какъ С.-Петербургъ? Первое начальное народное училище для бѣднѣйшихъ дѣтей столицы возникло въ Петербургѣ въ 1777 году, по мысли и на средства извѣстнаго общественнаго дѣятеля и журналиста Н. И. Новикова, и съ тѣхъ поръ въ теченіе ста лѣтъ было открыто только 16 приходскихъ училищъ. На содержаніе этихъ 16 училищъ дума отпускала въ 1877 году 14,570 рублей. Въ этихъ 16 училищахъ училось въ томъ-же году всего 800 дѣтей, изъ нихъ только 71 дѣвочка. При численности тогдашняго населенія Петербурга — 750,000 жителей, одна школа приходилась на 46,875 жителей.

Теперь, по истеченіи не болѣе какъ 20 лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ петербургская дума стала самостоятельно заботиться о развитіи народнаго образованія въ Петербургѣ среди бѣднѣйшей и трудовой части его населенія, она можетъ съ нѣкоторымъ удовлетвореніемъ указать на результаты своей дѣятельности. Число начальныхъ школъ, содержимыхъ исключительно на средства города, возрасло до 342, т. е. увеличилось слишкомъ въ 21 разъ; число обучающихся дѣтей достигло 18,000, т. е. увеличилось болѣе чѣмъ въ 22 раза, причемъ число дѣвочекъ, обучающихся въ начальныхъ училищахъ (8,388), увеличилось въ 118 разъ. Не смотря на то, что населеніе Петербурга перешло за милліонъ, одна городская школа приходится уже лишь на 3,312 жителей; число окончившихъ курсъ въ 1877 году было 88, а въ 1897 году было 3,200, т. е. возросло болѣе чѣмъ въ 36 разъ, а бюджетъ города на содержаніе однихъ только начальныхъ училищъ увеличился почти въ 47 разъ, достигнувъ въ прошломъ году 683,000 рублей, отпущенныхъ исключительно на начальныя училища, и 765,700 на всѣ общеобразовательныя учрежденія и просвѣтительныя мѣропріятія. Воскресныя школы (16), безплатныя народныя читальни (5), 2-хъ и 4-хъ-классныя училища и профессіональныя школы, субсидируемыя изъ городскихъ средствъ, санитарныя и лѣчебныя колоніи (10)—все это должно быть отнесено въ заслугу тому же пореформенному столичному самоуправленію.

Таковы итоги, къ которымъ приходитъ въ заключеніи «Отчетъ экспертовъ о состояніи начальныхъ городскихъ училищъ С.-Петербурга за 1896—1897 учебный годъ», помѣщенный въ послѣднемъ

отчетѣ городской коммиссіи по народному образованію. Но, какъ ни много сдѣлано этою коммиссіею, образованною при думѣ въ 1887 году, она намѣчаетъ въ ближайшемъ будущемъ дальнѣйшее развитіе дѣла народнаго образованія. Такъ имѣется въ виду ежегодное открытіе, по крайней мѣрѣ, по 30 начальныхъ школъ, до тѣхъ поръ, пока отказы дѣтямъ въ поступленіи въ думскую школу совершенно не прекратятся; увеличеніе числа воскресныхъ школъ и безплатныхъ читаленъ, чтобы дать возможность и взрослымъ рабочимъ пользоваться этими образовательными учрежденіями; увеличеніе числа думскихъ стипендіатовъ въ общеобразовательныхъ профессіональныхъ школахъ и учебныхъ мастерскихъ съ тою же цѣлью; увеличеніе числа дѣтскихъ колоній съ ассигнованіемъ на содержаніе ихъ болѣе крупной и опредѣленной суммы (въ настоящее время ассигнуется съ этой цѣлью 8,700 р.), въ виду несомнѣнной пользы ихъ для слабыхъ дѣтей, питающихся плохой пищей, живущихъ по сырымъ подваламъ и угламъ, среди неблагопріятныхъ условій петербургскаго климата; постепенное учрежденіе особыхъ исправительныхъ учебныхъ заведеній для дѣтей, трудныхъ въ учебномъ и воспитательномъ отношеніи, тормозящихъ только правильный ходъ ученія въ нормальной школѣ, подобно тому, какъ это уже давно практикуется во всѣхъ европейскихъ столицахъ и большихъ городахъ, гдѣ скучено фабричное населеніе, порождающее часто дѣтей ненормальныхъ въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Имѣется также въ виду городской коммиссіею по народному образованію учрежденіе собственныхъ четырехклассныхъ городскихъ училищъ высшаго типа, съ цѣлью дать возможность желающимъ изъ окончившихъ курсъ нашей начальной школы продолжать свое ученіе. Къ мысли о необходимости учрежденія на собственныя средства училищъ этого типа городская коммиссія пришла уже давно. Въ Петербургѣ существуетъ лишь 11 министерскихъ 4-хъ классныхъ училищъ, которыя, конечно, далеко не въ состояніи принимать всѣхъ желающихъ изъ числа оканчивающихъ курсъ въ начальныхъ школахъ. Въ виду этого коммиссія по народному образованію не разъ уже ходатайствовала передъ правительствомъ о предоставленіи ей права открытія 4-хъ-классныхъ городскихъ училищъ, по положенію 1872 года, но каждый разъ ходатайства ея не имѣли успѣха, такъ что городу оставалось только субсидировать правительственныя и частныя учебныя заведенія этого типа, чтобы хотя этимъ путемъ въ нѣкоторой степени удовлетворить потребность къ дальнѣйшему образованію дѣтей. 6 ноября 1896 года столичная дума вновь постановила обратиться съ ходатайствомъ разрѣшить ей собственное 4-хъ классное училище, имени императрицы Екатерины II, но и это ходатайство пока остается неудовлетвореннымъ.

Истекшій годъ ознаменовался для столичнаго школьнаго дѣла открытіемъ на средства города обширнаго зданія на Васильевскомъ

островѣ, въ которое было переведено изъ наемныхъ помѣщеній— пять училищъ. Вмѣстѣ съ открытыми тамъ же новыми 7 училищами, это составляетъ 12 классовъ въ одномъ школьномъ домѣ, спеціально для того приспособленномъ, съ обширными и свѣтлыми классами и корридорами, образцовой вентиляціей и отопленіемъ, фильтрами для разноса воды по корридорамъ на время рекреацій, свѣтлыми уборными для дѣтей, обширнымъ училищнымъ заломъ и домовой церковью. Постройка училищнаго дома съ церковью обошлась городу въ 160,000 рублей. Всѣхъ учащихся въ этомъ школьномъ домѣ въ началѣ ноября мѣсяца 1897 года было 605 дѣтей обоего пола: 344 мальчика и 261 дѣвочка. Можно было опасаться, что, стянувъ нѣсколько училищъ въ одно помѣщеніе, городское управленіе принудитъ учащихся дѣтей ходить слишкомъ дальнія разстоянія. Возражая противъ этого предположенія, коммиссія въ своемъ отчетѣ утверждаетъ, что густота населенія въ восточной части Васильевскаго острова такова, что на разстояніи не болѣе одной версты вокругъ новаго дома имѣется дѣтей школьнаго возраста свыше 1,000, такъ что новый домъ не можетъ сполна помѣстить въ себѣ даже и всѣхъ тѣхъ, которые живутъ на такомъ близкомъ разстояніи отъ него. Помимо этого 12-ти классснаго училища, на Васильевскомъ островѣ имѣется еще 28 училищъ-классовъ.

Мы видимъ изъ всего предъидущаго, что въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія Петербургъ можетъ во многихъ отношенінхъ служить примѣромъ для другихъ городовъ. Но чего никакъ ужъ нельзя назвать примѣрными, такъ это правила по составленію списка кандидатовъ и кандидатокъ на должность учащихъ въ городскихъ начальныхъ училищахъ. Правила эти, составленныя коммиссіею по народному образованію и утвержденныя думою, гласятъ въ одномъ изъ своихъ пунктовъ: «принимать въ число кандидатокъ незамужнихъ и бездѣтныхъ вдовъ; изъ внесенныхъ же въ списокъ снимать тѣхъ, которыя вступятъ въ бракъ». Мало того, кандидатки, вступившія на учительскую должность и вышедшія потомъ замужъ, лишаются права службы; постановленіе это не распространяется лишь на тѣхъ, кто занимаетъ уже мѣста на основаніи прежнихъ правилъ.

Это болѣе чѣмъ странное постановленіе коммиссіи въ отчетѣ ничѣмъ не мотивировано. Да и можетъ ли быть какая-либо удовлетворительная мотивировка постановленію, которое цѣлую группу образованныхъ женщинъ, отдающихъ себя благородному труду образованія растущихъ поколѣній, обрекаетъ на безбрачіе, отнимаетъ у нихъ, пока онѣ занимаютъ данное положеніе, самое естественное право имѣть семью, дѣтей, испытывать радости материнства,—право, котораго не лишена послѣдняя поденщица. Если коммиссія полагала, что недостаточность содержанія для семейныхъ учительницъ заставитъ ихъ отвлекаться на постороннія занятія, она должна была скорѣе повысить это содержаніе, чѣмъ издавать нелѣпое правило. Если она опасалась, что семья учительницы, живущая вмѣстѣ съ

нею въ школѣ, будетъ отрывать ее отъ исполненія обязанностей, она могла лишать семейныхъ учительницъ квартиры при школѣ, увеличивъ содержаніе ихъ квартирными деньгами. Наконецъ, соображеніе это не имѣетъ никакого смысла по отношенію къ учительницамъ приходящимъ. Можно надѣяться, что столичное городское управленіе измѣнитъ это негуманное, чтобы не сказать больше, отношеніе къ людямъ, осуществляющимъ его задачи.

Дѣло начальнаго народнаго образованія въ другой нашей столицѣ, въ Москвѣ, отличается настолько ускореннымъ темпомъ, что, не смотря на меньшее населеніе города, число обучающихся въ его начальныхъ училищахъ и расходы города по этой статьѣ почти равняются петербургскимъ. Съ конца 80-хъ годовъ число городскихъ начальныхъ училищъ возрасло съ 81 до 131, число учащихся въ нихъ — съ 10,459 почти до 17,500 человѣкъ, а смѣтныя назначенія городского общественнаго управленія на народное образованіе поднялись съ 476,879 рублей въ 1889 году до 826,384 руб. въ 1898 году. И, однако, не смотря на столь усиленный ростъ расходовъ города по народному образованію и ежегодное открытіе новыхъ начальныхъ училищъ, недостаточность ихъ обнаруживалась въ значительномъ числѣ отказовъ при пріемѣ дѣтей въ городскія училища. Число такихъ отказовъ въ 1895 году дошло до 3,000. Обсуждая причины этого явленія, городская училищная коммиссія пришла, между прочимъ, къ заключенію, что все болѣе усиливающійся приливъ дѣтей въ городскія училища едва ли соотвѣтствуетъ приросту населенія Москвы и что есть основаніе предполагать, что приливъ этотъ усиливается привозомъ дѣтей изъ московской и сосѣднихъ губерній для обученія ихъ въ столицѣ. Для выясненія этихъ вопросовъ коммиссія признала желательнымъ произвести статистическое изслѣдованіе о пріемѣ дѣтей въ городскія начальныя училища, какъ это дѣлалось ранѣе въ 1889—1891 годахъ. Изслѣдованіе это, порученное статистическому отдѣленію городской управы, и было произведено лѣтомъ 1897 года путемъ регистраціи свѣдѣній о дѣтяхъ, заявившихъ желаніе поступить въ начальныя городскія училища. Выводы этого изслѣдованія напечатаны въ интересной работѣ: «Результаты пріема дѣтей въ городскія начальныя училища Москвы на 1897—98 учебный годъ», являющейся приложеніемъ къ II-му выпуску «Извѣстій московской городской думы» за мартъ 1898 года.

Результаты произведеннаго изслѣдованія, выяснивъ, изъ какихъ именно слоевъ московскаго населенія выходятъ дѣти, стремящіяся въ городскія начальныя училища, не подтвердили исходнаго предположенія городской училищной коммиссіи. Оказалось, что громадное большинство стремящихся въ городскую школу дѣтей принадлежитъ къ осѣдлымъ москвичамъ и лишь ничтожная доля ихъ живетъ въ Москвѣ менѣе года. Такимъ образомъ, значительное возростаніе числа дѣтей, стремящихся въ городскую школу, свидѣтельствуетъ

лишь о непрерывномъ развитіи потребности въ начальномъ образованіи среди населенія Москвы: съ начала 90-хъ годовъ населеніе столицы увеличилось не болѣе какъ на 14%, тогда какъ число дѣтей, стремящихся въ городскія училища, возросло слишкомъ втрое.

Интересно, что за послѣднее десятилѣтіе въ составѣ дѣтей, поступающихъ въ городскія начальныя училища, произошло значительное измѣненіе. «Наиболѣе рѣзко бросается въ глаза измѣненіе въ относительной численности крестьянъ и мѣщанъ. Въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ первое мѣсто среди стремящихся въ городскую школу дѣтей занимали дѣти мѣщанскаго сословія; въ настоящее же время мѣщанское сословіе отступило далеко на второй планъ. Процентъ дѣтей мѣщанъ упалъ съ 40 до 32, т. е. слишкомъ на одну пятую, и мѣсто мѣщанскаго сословія заняли крестьяне; процентъ дѣтей крестьянскаго сословія повысился слишкомъ на четверть, и въ настоящее время дѣти крестьянъ составляютъ болѣе половины всего числа дѣтей, стремящихся въ городскую школу. Такое быстрое возростаніе числа дѣтей крестьянскаго сословія не представляетъ чего-либо неожиданнаго и было отмѣчено еще при обслѣдованіи пріема въ городскія училища на 1891 годъ, когда процентъ крестьянъ поднялся съ 39 почти до 42. Явленіе это представляется естественнымъ слѣдствіемъ роста населенія Москвы, совершающагося въ послѣдніе годы главнымъ образомъ за счетъ прилива въ столицу крестьянъ изъ разныхъ губерній Россіи».

Изслѣдованіе отмѣчаетъ одну характерную черту въ порядкѣ поселенія въ Москвѣ пришлаго населенія: довольно значительная часть пришлыхъ семей сначала поселяется въ Москвѣ безъ дѣтей, а затѣмъ уже, болѣе или менѣе прочно обосновавшись въ Москвѣ, выписываютъ своихъ дѣтей изъ провинціи. Практикуется это по преимуществу крестьянскими семьями, тогда какъ большинство семей другихъ сословій пріѣзжаетъ въ Москву вмѣстѣ съ дѣтьми. При этомъ замѣчается, что крестьяне отдаютъ дѣтей въ школу въ среднемъ нѣсколько позже остальныхъ сословій, но, по мѣрѣ того, какъ пришлыя семьи начинаютъ освоиваться съ условіями столичной жизни, старые обычаи уступаютъ мѣсто новымъ взглядамъ, и разница между возрастомъ отдачи въ школу коренныхъ и пришлыхъ дѣтей мало по малу сглаживается.

Что касается занятій и общественнаго положенія семей, отдающихъ своихъ дѣтей въ городскія школы, то изслѣдованіе дало по этому вопросу слѣдующіе результаты. Изъ отдѣльныхъ профессіональныхъ группъ первое мѣсто принадлежитъ ремесленной промышленности (со включеніемъ строительныхъ промысловъ и извоза); семьи, относящіяся къ этой группѣ, высылаютъ почти треть всѣхъ дѣтей, стремящихся въ городскую школу. Второе мѣсто принадлежитъ торговымъ промысламъ (включая трактирное дѣло и сдачу помѣщеній), дающимъ болѣе четверти всего числа дѣтей. За этими двумя важнѣйшими профессіональными группами идутъ государ-

ственная и общественная служба (включая желѣзныя и конно-желѣзныя дороги, 16,2%), поденный трудъ и домашнее услуженіе (12%), фабрично-заводская промышленность (около 9%) и «свободныя» профессіи (2%). Сравнительная малочисленность дѣтей фабрично-заводскихъ рабочихъ объясняется тѣмъ, что весьма значительное число ихъ обучается въ начальныхъ училищахъ, имѣющихся при фабрикахъ и заводахъ. Къ 1 января 1897 г. въ Москвѣ было 9 фабричныхъ училищъ съ 997 учащимися.

Такимъ образомъ, дѣти, стремящіяся въ городскія училища, въ большинствѣ принадлежатъ къ семьямъ низшихъ и наименѣе состоятельныхъ классовъ городского населенія. Половина этихъ дѣтей жили при лицахъ, занимающихъ помѣщеніе не болѣе, чѣмъ въ одну комнату, или же въ благотворительныхъ учрежденіяхъ. Около 6% всего числа дѣтей жило въ коечно-коморочныхъ и ночлежныхъ квартирахъ, тогда какъ въ большихъ квартирахъ, имѣющихъ не менѣе 6 комнатъ, помѣщалось немногимъ лишь болѣе 2% всего числа дѣтей, стремившихся въ городскую школу. При этомъ было замѣчено, что малосостоятельные классы населенія отдаютъ въ городскія училища преимущественно мальчиковъ, а болѣе зажиточныя семьи—премущественно дѣвочекъ.

Съ каждымъ годомъ въ городскія училища являются дѣти все болѣе и болѣе бѣдныхъ семей. Около 30% дѣтей, заявившихъ о своемъ желаніи поступить въ городскія училища, уже умѣли читать и писать. Въ среднемъ мальчики являлись нѣсколько болѣе подготовленными, чѣмъ дѣвочки. Большинство этихъ грамотныхъ дѣтей (нѣсколько болѣе половины) научились грамотѣ внѣ школы—дома и у частныхъ учителей. Домашнее обученіе почти столь-же значительно распространено среди бѣдныхъ семей, какъ и среди семей средняго достатка и состоятельныхъ; такъ, изъ числа грамотныхъ дѣтей, жившихъ въ ночлежныхъ, коечно-коморочныхъ и однокомнатныхъ квартирахъ, половина дѣтей обучались ранѣе дома.

Изъ общаго числа дѣтей, заявившихъ желаніе поступить въ городскія училища на 1897—98 учебный годъ, 1,500 дѣтямъ, или 16,7% ихъ общаго числа, было отказано въ пріемѣ. Главнѣйшими поводами отказовъ были малолѣтство дѣтей и зажиточность родителей. Дѣти семействъ, живущихъ въ квартирахъ не менѣе чѣмъ въ 6 комнатъ, принимались менѣе охотно, а самыя бѣдныя, живущія въ ночлежныхъ и коечно-коморочныхъ квартирахъ—болѣе охотно, чѣмъ остальныя. Но вообще зажиточность дѣтей играетъ сравнительно съ возрастомъ ихъ второстепенную роль при пріемѣ въ городскія училища. Наименѣе охотно принимались дѣти мѣщанскаго сословія, что, можетъ быть, стоитъ въ нѣкоторомъ соотношеніи съ тѣмъ фактомъ, что евреи принимались въ городскія училища (такъ же, какъ и старообрядцы) менѣе охотно, чѣмъ православные.

Таковы существенныя черты начальнаго народнаго образованія

въ Москвѣ. Въ какой мѣрѣ характерныя особенности его могутъ быть перенесены на другую столицу, положительно сказать трудно, но несомнѣнно, что петербургское городское общественное управленіе, равно какъ и московское, настойчиво и энергично развиваютъ свою дѣятельность, направленную къ поднятію образовательнаго уровня низшихъ и бѣднѣйшихъ классовъ населенія.

Въ номерѣ отъ 3 іюня «Новое Время» подсчитываетъ, что за десять послѣднихъ дней на русской желѣзнодорожной сѣти произошло три крушенія. 21-го мая на строящейся карсской дорогѣ убитъ—1, тяжело ранены—2 и легко ранено 8 человѣкъ. 24-го мая на екатерининской дорогѣ, около ст. Амвросіевка, ранено тяжело 8, легко—20 и почти всѣ пассажиры надѣлены ушибами и синяками. 1-го іюня, при крушеніи дачнаго поѣзда юго-западныхъ дорогъ подъ Кіевомъ, 8 человѣкъ ранено тяжело, 9—легко. Итого за девять дней, отъ трехъ желѣзнодорожныхъ несчастій пострадавшихъ насчитывается 56 человѣкъ. Причинами крушеній послужили: на карсской дорогѣ—плохое состояніе пути; на екатерининской—цѣлый рядъ неправильныхъ дѣйствій машинистовъ и служащихъ на ст. Амвросіевкѣ, а на юго-западныхъ дорогахъ, какъ не безъ остроумія сказано въ кіевской телеграммѣ,—«совокупность нѣсколькихъ причинъ».

Уже послѣ того въ газетахъ появилось извѣстіе, что 4 іюня между станціями Любимовка и Лоскутовка лисичанской вѣтви юго-восточныхъ дорогъ потерпѣлъ крушеніе товарный поѣздъ, причемъ было разбито шесть вагоновъ, менѣе повреждены 9, и легко раненъ кондукторъ. Сообщая объ этомъ, корреспондентъ «Бирж. Вѣд.» прибавляетъ: «2 іюня былъ второй случай, въ теченіе одной недѣли, размыва пути на 57 верстѣ той же вѣтви, вызвавшій значительную задержку поѣздовъ. Это опасное мѣсто всѣмъ извѣстно и всѣ заранѣе знаютъ, что при всякомъ сильномъ дождѣ путь тамъ будетъ размытъ, и, однако, никакихъ предупредительныхъ мѣръ не принимается» (№ 157).

Количество желѣзнодорожныхъ крушеній принимаетъ положительно угрожающій характеръ. Чѣмъ болѣе, повидимому, развивается у насъ желѣзнодорожная сѣть, тѣмъ болѣе учащаются и случаи несчастій. Садясь на поѣздъ или провожая близкихъ людей, вы ввѣряете свою и чужія жизни настолько очевидному риску, что надъ этимъ стоитъ задуматься. Прошлый годъ былъ также богатъ желѣзнодорожными несчастіями: изъ болѣе крупныхъ крушеній укажемъ крушеніе на ст. Ченстохово, крушеніе на московско-нижегородской дорогѣ, на станціи Шаровка харьково-николаевской ж. д. и на станціи Тлущъ варшаво-вѣнской, мелкія не стоитъ и перечислять. Что же говорятъ намъ всѣ эти случаи объ обстоятель-

ствахъ, при которыхъ совершаются несчастія, о главныхъ общихъ причинахъ, которыми они въ большинствѣ случаевъ вызываются?

Особенно поучительнымъ въ этомъ отношеніи является случай крушенія въ 1896 году поѣзда съ новобранцами на станціи Бахмачъ, кіево-воронежской жел. дороги, при которомъ оказалось 4 убитыхъ и 44 раненыхъ. Отчетъ о судебномъ слѣдствіи по поводу этого крушенія, напечатанный въ свое время въ газетахъ, и нѣкоторыя соображенія, съ нимъ связанныя, любезно доставлены намъ и мы позволяемъ себѣ ими воспользоваться для освѣщенія этого существенно важнаго вопроса.

На судебномъ слѣдствіи по дѣлу о крушеніи на ст. Бахмачъ выяснилось, что изъ пяти служащихъ, отъ которыхъ, въ данномъ случаѣ зависѣла безопасность движенія потерпѣвшаго поѣзда № 15, не оказалось *ни одного* на высотѣ своего положенія. Конторщикъ ст. Конотопъ, совмѣщавшій дежурства по станціи съ конторскими обязанностями, забылъ убѣдиться въ снабженіи хвоста поѣзда № 15 сигнальнымъ фонаремъ и забылъ, что воспрещается отправлять товарные поѣзда вслѣдъ за воинскими. О послѣднемъ правилѣ забылъ и дежурный по ст. Бахмачъ, а также забылъ, кажется, о самомъ существованіи поѣзда № 15 и необходимости впустить его на свою станцію. Оберъ-кондукторъ потерпѣвшаго крушеніе поѣзда забылъ снабдить хвостъ его сигнальнымъ фонаремъ, а когда поѣздъ остановился передъ ст. Бахмачъ, забылъ оградить свой поѣздъ установленными сигналами. Машинистъ другого поѣзда забылъ, въ свою очередь, что впереди его идетъ воинскій поѣздъ, а оберъ-кондукторъ его забылъ снабдить свой поѣздъ сигнальной веревкой. И вотъ, въ результатѣ этого поголовнаго забвенія, крушеніе, смерть 4 человѣкъ и масса раненыхъ. Въ чемъ же объясненіе такой поразительной неисправности, повальной несостоятельности служащихъ, заботливости которыхъ ввѣряется жизнь и здоровье сотенъ и тысячъ людей?

Министерство путей сообщенія, сдѣлавъ эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ всевозможныя облегченія, въ родѣ разрѣшенія совмѣщенія разныхъ низшихъ должностей, назначенія продолжительныхъ дежурствъ, разрѣшенія пускать по одному и тому же пути и направленію поѣздъ за поѣздомъ и пр., вмѣстѣ съ тѣмъ упразднило въ 1893 г. мѣстный правительственный надзоръ и контроль за надлежащимъ примѣненіемъ этихъ облегченныхъ правилъ; дороги же, конечно, не замедлили воспользоваться оказанными имъ льготами и довѣріемъ и, ради экономіи, посократили штаты служащихъ, обременивъ въ то же время остальныхъ (не исключая, къ сожалѣнію, и самыхъ отвѣтственныхъ, въ родѣ стрѣлочниковъ, телеграфистовъ и т. п.) непосильными дежурствами и работой. Разрѣшая назначеніе дежурствъ до 24 часовъ въ сутки, министерство имѣло въ виду лишь малодѣятельныя дороги. Пока существовала желѣзно-дорожная инспекція, на ея обязанности лежало сужденіе о томъ, какое и гдѣ,

по мѣстнымъ условіямъ, можно было допустить дежурство и какое совмѣщеніе обязанностей; съ упраздненіемъ ея, все это перешло на усмотрѣніе и произволъ самихъ управленій дорогъ, такъ какъ само министерство, естественно, не знаетъ и не имѣетъ возможности входить въ сложныя детали движенія на громадной сѣти нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Къ чему это привело—видно изъ тѣхъ печальныхъ фактовъ, которые выплываютъ наружу, только благодаря несчастіямъ, т. е. слишкомъ поздно... Такъ, въ томъ же судебномъ отчетѣ о несчастіи на кіево-воронежской ж. д. сказано, что съ 1 по 21 ноября прослѣдовало по ней до 720 поѣздовъ, что составитъ по 36 поѣздовъ въ сутки или въ среднемъ по одному поѣзду черезъ каждые 40 минутъ. Если прибавить сюда маневры, которые совершаются съ товарными поѣздами за время ихъ стоянки на станціяхъ, и многосложныя обязанности, которыя выпадаютъ на всѣхъ служащихъ при пути, дежурныхъ, стрѣлочниковъ и пр., то вы поймете, что тутъ не только едва хватаетъ времени, чтобы поѣсть и отдохнуть, но надо еще удивляться, когда и какъ люди могутъ справляться съ этой каторжной работой; надо удивляться не частымъ крушеніямъ у насъ поѣздовъ, а тому, что они не совершаются еще чаще. И при такомъ-то громадномъ движеніи и невозможной работѣ назначаются 24-часовыя дежурства. Всякому, садящемуся на поѣздъ, нужно привыкать къ мысли, что на каждой изъ проѣзжаемыхъ имъ сотенъ станцій, мелькающихъ въ окнахъ вагоновъ своими зданіями, фонарями, стрѣлками и пр., можетъ всегда угрожать какая-либо опасность; да и не только на станціи, но и на каждой верстѣ проходимаго пути,—вслѣдствіе одного только переутомленія и невольнаго забвенія своихъ обязанностей кѣмъ либо изъ мелкихъ служащихъ, тамъ гдѣ-то, во мракѣ ночи, на морозѣ, въ снѣгу или на дождѣ, торчащихъ у своей стрѣлки, на пути, переѣздѣ или на платформѣ. При крушеніи на ст. Шаровка харьково-николаевской ж. д. почтовый поѣздъ налетѣлъ на стоящій на станціи товарный поѣздъ, вслѣдствіе неправильнаго положенія стрѣлки, которую задремавшій на посту стрѣлочникъ не перевелъ своевременно. До крушенія стрѣлочникъ этотъ прослужилъ 4 года, значитъ, въ неопытности или отсутствіи навыка его упрекнуть было нельзя. И, однако, онъ задремалъ въ самый нужный моментъ. Заставьте человѣка въ теченіе цѣлыхъ двѣнадцати часовъ непрерывно только пробыть на свѣжемъ воздухѣ, даже при самой легкой работѣ, уже одно это столь продолжительное пребываніе на открытомъ воздухѣ, физіологически такъ утомляюще и угнетающе дѣйствуетъ на нервную систему, что надо быть очень сильнымъ субъектомъ, чтобы противостоять ему безнаказанно. Но стрѣлочникъ къ тому же не просто дежурный на своемъ посту, какъ часовой, онъ—долженъ выполнять многоразличныя обязанности, онъ долженъ переходить отъ стрѣлки къ стрѣлкѣ, во время маневровъ ему приходится буквально бѣгать отъ одной изъ нихъ къ другой, поспѣвая за движеніемъ паровоза,

на маленькихъ станціяхъ помогать сцѣпщикамъ вагоновъ, наблюдать за сигналами и ихъ горѣніемъ и пр. Прибавьте къ этому тяжелому и отвѣтственному труду такія неблагопріятныя условія, какъ холодъ, сырость, тяжелую зимнюю одежду и, наконецъ, глубокую ночь съ наступившимъ кругомъ, въ ожиданіи почтоваго поѣзда, затишьемъ и, затѣмъ, скажите по совѣсти, не естественно ли нормальному человѣку послѣ всего этого, можетъ быть, *къ концу* своего дежурства, утомиться и при первой же остановкѣ и затишьи, присѣвъ, сначала задуматься, забыться и задремать,—совершенно незамѣтно для самого себя, непроизвольно, безъ всякихъ соображеній. Спрашивается, кто же болѣе виноватъ въ этомъ непроизвольномъ снѣ, стрѣлочникъ ли, стоящій на посту, или установленные порядки и непосильныя для обыкновеннаго человѣка 16—24 часовыя дежурства? Практика судебныхъ слѣдствій по поводу несчастій съ поѣздами и служащими показываетъ, что значительное количество ихъ приходится именно въ концѣ продолжительнаго или черезчуръ тяжелаго дежурства. Въ особенности часто это наблюдалось при калѣченіи и смерти самихъ служащихъ, попавшихъ, какъ это обыкновенно пишется въ протоколахъ, «по собственной неосторожности» подъ колеса подвижного состава. Эти несчастные случаи, равно какъ разные мелкіе случаи сходовъ съ рельсъ, столкновеній подвижного состава и пр., остаются въ тѣни и дальше регистраціи въ служебныхъ протоколахъ не идутъ. Между тѣмъ они совершаются очень часто, чуть не ежедневно, находясь въ зависимости въ большинствѣ случаевъ отъ той же общей причины, которая обусловливаетъ и крупныя крушенія, крайняго *переутомленія* служащихъ, созданнаго непосильными дежурствами, за недостаточностью состава, во имя все той же экономіи и большихъ барышей.

Всѣ мѣры безопасности на желѣзныхъ дорогахъ требуютъ значительныхъ расходовъ: на увеличеніе штата служащихъ, на усиленіе ремонта, на пріобрѣтеніе надлежащаго подвижного состава, на усовершенствованія въ устройствѣ дороги и проч. Но тутъ-то и даетъ себя знать неразумная экономія, желаніе во чтобы то ни стало увеличивать поверстный доходъ съ желѣзныхъ дорогъ, въ однихъ случаяхъ ради увеличенія дивидендовъ акціонеровъ и связанныхъ съ ними отчисленій въ пользу правленія и управленія дороги, въ другихъ же ради увеличенія доходности дороги самой по себѣ, такъ какъ она составляетъ въ настоящее время главный и основной признакъ для оцѣнки дѣятельности управленій и лицъ, стоящихъ во главѣ ихъ.

Отсутствіе внѣшняго контроля и ограниченій даетъ возможность этому стремленію къ экономіи проявлять себя во всѣхъ частностяхъ желѣзнодорожнаго дѣла. Собственно говоря, отнюдь нельзя пожаловаться на недостатокъ у насъ регламентаціи желѣзнодорожныхъ порядковъ со стороны министерства путей сообщенія. Оно не мало

разсылаетъ изъ Петербурга своихъ распоряженій и циркуляровъ, о неисполненіи которыхъ узнаетъ время отъ времени, когда неисполненіе это успѣло уже привести къ той или другой катастрофѣ. Отсутствіе мѣстныхъ органовъ надзора не даетъ возможности министерству слѣдить за дѣйствительнымъ и точнымъ выполненіемъ установленныхъ правилъ и положеній.

Въ газетахъ сообщался слухъ, что министерство путей сообщенія, затронутое желѣзнодорожными несчастіями, образуетъ коммиссію для выработки соотвѣтствующихъ мѣръ, между которыми, какъ на главную, указываетъ на «улучшеніе технической подготовки служащихъ къ исполненію своихъ обязанностей». Но не очевидно ли изъ всего сказаннаго выше, что дѣло совсѣмъ не въ подготовкѣ служащихъ? Необходимо установленіе мѣстнаго правительственнаго надзора, подчиненнаго непосредственно департаменту желѣзныхъ дорогъ, безразлично какъ по отношенію къ казеннымъ, такъ и частнымъ дорогамъ. Необходимо устранить право управленій дорогъ безконтрольно сокращать штаты служащихъ, уменьшать имъ содержаніе и ограничивать ихъ служебныя права. Необходимо устранить право управленій произвольно совмѣщать обязанности служащихъ. Необходимо, наконецъ, уничтоженіе тѣхъ непомѣрно продолжительныхъ дежурствъ служащихъ, которыя теперь практикуются на желѣзныхъ дорогахъ. Продолжительность дежурствъ должна быть поставлена въ строгое соотвѣтствіе съ мѣстными условіями службы и размѣрами движенія; при этомъ инструкціи служащимъ и самыя дежурства должны утверждаться и назначаться не управляющимъ или начальникомъ дороги, заинтересованными въ сокращеніи штатовъ и удлиненіи этихъ дежурствъ, а правительственными мѣстными инспекторами, подобно тому, какъ это установлено для работъ, производящихся на фабрикахъ, подъ наблюденіемъ фабричныхъ инспекторовъ. Какъ ни несовершененъ этотъ родъ контроля, въ виду обычной у насъ чиновничьей рутины и склонности къ поблажкамъ, все же это должно привести къ болѣе благопріятнымъ результатамъ, чѣмъ теперешнее безконтрольное господство внутреннихъ распорядковъ на желѣзныхъ дорогахъ.

Еще новое притязаніе гг. крупныхъ промышленниковъ.

Въ началѣ настоящаго года въ газетахъ появилось извѣстіе, что при горномъ департаментѣ образована коммиссія для разсмотрѣнія вопроса о выкупѣ у казны посессіонныхъ заводовъ и находящихся при нихъ земель на Уралѣ въ собственность теперешнихъ владѣльцевъ. Общая площадь посессіоннаго владѣнія на Уралѣ достигаетъ 4½ милл. десатинъ. Это громадное земельное пространство, равное площади четырехъ западныхъ губерній (Варшавской, Калишской, Кѣлецкой и Ломжинской), находится во владѣніи 16—17 фамилій.

Происхожденіе этого владѣнія, какъ извѣстно, относится ко вре-

менамъ Петра I, который, озабочиваясь разработкою у насъ металловъ, въ 1702 году предоставилъ Акинфію Демидову привилегію строить на Уралѣ заводы, «приписавъ» къ этимъ заводамъ казенные лѣса и селенія казенныхъ крестьянъ. По смерти Петра раздача заводовъ практиковалась широко. Со временемъ крестьяне селеній, приписанныхъ къ заводамъ, обратились въ крѣпостныхъ, и съ помощью ихъ даровой рабочей силы владѣльцы заводовъ разрабатывали горныя богатства Урала, безпощадно выжигали на своихъ земляхъ лѣса и богатѣли, обращаясь изъ Демидовыхъ въ князей Санъ-Донато. Дѣло велось до послѣдняго времени рутинно, примитивно: чуть ли не до самаго 1861 года заводы дѣйствовали водяною силою, о паровыхъ машинахъ мало кто думалъ, и никакихъ усовершенствованій не вводилось. Послѣ освобожденія крестьянъ, которое для заводскихъ рабочихъ наступило нѣсколько позже, чѣмъ для прочихъ крестьянъ, горное дѣло въ рукахъ посессіонныхъ владѣльцевъ пережило тяжелый кризисъ, періодъ упадка, пока владѣльцы нѣсколько не примѣнились къ новымъ условіямъ. И до сихъ поръ, не смотря на возрастающую изъ года въ годъ потребность Россіи въ чугунѣ и желѣзѣ, и на огражденіе ихъ производства покровительственными пошлинами отъ заграничной конкурренціи, уральскіе заводовладѣльцы просятъ себѣ только новыхъ и новыхъ льготъ у правительства, жалуясь на «удрученное состояніе» промышленности, на «кризисы», «отсутствіе сбыта, застой и безработицу». Однимъ изъ послѣднихъ притязаній ихъ въ этомъ родѣ является желаніе закрѣпить за собою путемъ законодательнаго акта земли, владѣемыя ими до сихъ поръ на посессіонномъ правѣ, въ частную собственность. Въ этомъ смыслѣ горнозаводчики подавали прошенія на имя главнаго начальника уральскихъ заводовъ.

Существующія условія владѣнія посессіонными землями таковы: по дѣйствующему законодательству права посессіонеровъ на земли опредѣляются и ограничиваются заводскимъ дѣйствіемъ. Такъ, пользованіе лѣсомъ дозволяется исключительно на заводскія потребности въ предѣлахъ ежегоднаго прироста деревъ; ископаемыя посессіонеры могутъ разрабатывать только тѣ, которыя необходимы для дѣйствія заводовъ. Дѣйствіе заводовъ служитъ основнымъ и необходимымъ условіемъ посессіоннаго владѣнія; съ прекращеніемъ его, дачи возвращаются въ казну. Платой за пользованіе казенными землями для посессіонеровъ является добавочная горная подать съ металловъ, которая составляетъ половину общей горной подати. Обладая $4^1/_2$ милл. десят., уральскіе посессіонные заводчики уплачиваютъ въ казну 4,8 коп. за десятину.

Но и это оказывается для заводчиковъ обременительнымъ и во имя «свободы дѣйствій», которую даетъ владѣніе на правахъ частной собственности, они предлагаютъ «выкупъ» владѣемыхъ ими земель у казны на довольно странныхъ, если не сказать больше, усло-

віяхъ, которыя, какъ передаетъ газета «Уралъ», заключаются въ слѣдующемъ.

Они желаютъ пріобрѣсти казенныя земли, находящіяся въ ихъ пользованіи, въ полную собственность за выкупную сумму, опредѣленную капитализаціей изъ 5% добавочной горной подати исключительно съ одного чугуна, но съ тѣмъ еще условіемъ, чтобы и эта послѣдняя была принята не въ полномъ размѣрѣ. Они ходатайствуютъ объ исключеніи изъ выкупного разсчета добавочной подати съ мѣди, золота и платины, каковая, вслѣдствіе неустойчивости и явной будто бы *убыточности мѣднаго, золотого и платиноваго дѣла,* равнялась бы мѣрѣ взысканія съ заводчиковъ за прошлое ихъ трудолюбіе. По проекту горнозаводчиковъ, выкупъ 4½ милл. десятинъ долженъ обойтись въ 2.994,812 руб. или по 68 коп. за десятину. Уплату этой суммы они желаютъ разсрочить на 37 лѣтъ, т. е. въ среднемъ на каждый годъ будетъ падать погашенія всего 1,84 коп. за десят.

Газета вполнѣ кстати напоминаетъ, что крестьянское населеніе Пермской губерніи платило выкупныхъ платежей за десятину болѣе 12 рублей, а посессіонные заводчики добиваются пріобрѣсти казенныя земли по 68 коп. за десятину.

Не касаясь предлагаемыхъ заводчиками условій «выкупа», слишкомъ уже явно убыточныхъ для казны и выгодныхъ для заводовладѣльцевъ, обратимъ вниманіе на сущность самого вопроса. Примѣнимо ли самое понятіе выкупа по отношенію къ посессіоннымъ землямъ на Уралѣ? По этому поводу извѣстный изслѣдователь посессіоннаго права В. А. Удинцевъ замѣчаетъ: «выкупъ посессіонныхъ заводовъ непонятенъ, невозможенъ. Выкупъ есть обратное пріобрѣтеніе отчужденнаго имущества. Какое же имущество отчудили посессіонеры?—Казна могла бы лишь предложить покупку этихъ земель, а отнюдь не выкупъ. А между тѣмъ и другимъ разница существенная». «Хотя и до настоящаго времени можно встрѣтиться съ наименованіемъ собственниками посессіонеровъ, *но основаній для того не найти ни въ позднѣйшихъ законахъ, ни въ новѣйшихъ толкованіяхъ Правительствующаго Сената.* Правительствующимъ Сенатомъ неоднократно высказано было, что право собственности на посессіонныя земли принадлежитъ казнѣ, владѣлецъ же посессіоннаго завода имѣетъ лишь право владѣнія и пользованія сими лѣсами, отдѣльное отъ права собственности».

Если, съ другой стороны, мы будемъ имѣть въ виду, что въ пермскомъ краѣ уже и теперь ощущается малоземелье, что въ интересахъ крестьянскаго населенія крайне важно было бы имѣть запасный земельный фондъ, то вмѣсто «выкупа» поссесіонныхъ земель у казны заводовладѣльцами на столь несообразныхъ условіяхъ, естественнѣе придти къ мысли о необходимости обратной мѣры—возвращенія посессіонныхъ земель въ казну путемъ особаго законодательнаго акта и надѣленіе ими крестьянъ на особо выработанныхъ условіяхъ. Мѣра эта, предлагавшаяся неоднократно, безъ сомнѣнія бо-

лѣе отвѣчаетъ интересамъ и государства, и населенія, чѣмъ окончательная отдача обильнѣйшей и богатѣйшей территоріи земель промышленникамъ, и безъ того пользующимся многими льготами и привилегіями.

Въ этомъ именно смыслѣ и высказалась газета «Уралъ» въ одной изъ своихъ передовыхъ статей. При этомъ она упомянула между прочимъ, что за возвращеніе посессіонныхъ земель въ казну высказывался и бывшій директоръ горнаго департамента К. А. Скальковскій, и привела слѣдующія слова его: «Мы не видимъ великаго акта несправедливости, если правительство потребуетъ отчета въ употребленіи его собственности и возьметъ талантъ у зарывшихъ его въ землю».

Слова эти были взяты газетою изъ статьи г. Скальковскаго «Желѣзная промышленность въ Россіи» въ «Горномъ Журналѣ» за 1864 г. Но оказалось, что К. А. Скальковскій по данному вопросу теперь совершенно другого мнѣнія, о чемъ онъ и поспѣшилъ заявить, помѣстивъ въ № 7946 «Новаго Времени» слѣдующее любопытное письмо въ редакцію:

«С.-Петербургскія Вѣдомости» перепечатали сегодня мнѣніе екатеринбургской газеты «Уралъ»—постоянно извращающей всѣ вопросы, касающіеся горной промышленности—относительно разрѣшенія поссесіоннаго вопроса на Уралѣ путемъ выкупа. Я бы не обратилъ вниманія на это мнѣніе, если бы въ немъ не были напечатаны слѣдующія строки»:

Затѣмъ слѣдуетъ ссылка на вышеприведенныя слова его. Далѣе г. Скальковскій пишетъ:

«Я рѣшительно не помню, когда я могъ написать такую глупость. Можетъ быть, еще кадетомъ, такъ какъ въ этомъ званіи пописывалъ статьи, между прочимъ, и о горной промышленности. Но во всякомъ случаѣ я не могъ высказывать ничего подобнаго, какъ директоръ горнаго департамента, когда тридцатилѣтнее изученіе исторіи русскаго горнаго дѣла и русскаго горнаго законодательства должно было меня нѣсколько умудрить. Да что это за принципъ отбирать въ казну таланты у зарывающихъ ихъ въ землю? По этой теоріи чуть ли не у всего русскаго населенія надобно отобрать его собственность, такъ какъ кто же не зарываетъ у насъ болѣе или менѣе свои таланты.

«Если есть въ Россіи собственность священная, то именно поссесіонныхъ заводовъ, какъ потому, что почти два вѣка назадъ правительство торжественно обязалось никогда не отбирать ее отъ заводчиковъ, доколѣ они будутъ заниматься горнымъ промысломъ, а съ того времени прошли десятки земскихъ давностей, такъ и потому, что поссесіонные заводчики и суть создатели въ Россіи горнаго дѣла. А еще знаменитый Карлъ Риттеръ замѣтилъ, что, не будь создана уральская желѣзная промышленность, то и вся Россія не была бы тою, чѣмъ она теперь представляется.

«Поссесіонный вопросъ теменъ только для тѣхъ, кто его не потрудился изучить; но, къ сожалѣнію, изучали его немногіе; тѣ же, которые о немъ разсуждаютъ, понятія о немъ не имѣютъ, да никогда и не пріобрѣтутъ, такъ какъ на это нужно весьма продолжительное время; подобныя же дѣла у насъ рѣшаются или докладомъ, длящимся пятнадцать минутъ, или въ коммиссіяхъ. Въ этихъ коммиссіяхъ три четверти членовъ—представители разныхъ будто бы заинтересованныхъ вѣдомствъ—являются обыкновенно не освѣдомленными о предметѣ, подлежащемъ ихъ разсужденію, причемъ представители государственнаго контроля учатъ представителей Святѣйшаго Синода догматамъ православной вѣры, а представители Синода поучаютъ чиновъ государственнаго контроля финансамъ.

«Я участвовалъ въ жизни, по крайней мѣрѣ, въ ста коммиссіяхъ и убѣдился, что одна голова—хорошо, двѣ—хуже, три—еще хуже, а десять—совсѣмъ скверно».

Оставляя въ сторонѣ оригинальную оцѣнку характера и достоинствъ бюрократическихъ коммиссій, исходящую притомъ изъ столь, повидимому, компетентнаго источника, обратимся къ самимъ мнѣніямъ, высказаннымъ по вопросу авторомъ письма. Прежнее свое мнѣніе г. Скальковскій называетъ «глупостью», которую онъ могъ сказать, развѣ будучи кадетомъ. На самомъ дѣлѣ это было нѣсколько позже: подъ статьею въ «Горномъ Журналѣ» находится подпись: поручикъ Скальковскій. Но какъ бы то ни было г. Скальковскому не приходится краснѣть за мнѣніе, высказанное имъ въ юности по вопросу о поссесіонномъ правѣ. Это вовсе не такая глупость, какъ онъ думаетъ. Даже совсѣмъ наоборотъ: намъ представляется, что именно тридцатилѣтнее изученіе горнаго дѣла и горнаго законодательства, по странной случайности, заставило К. А. Скальковскаго увидѣть темноту тамъ, гдѣ дѣло ясно, какъ день, и приводить доводы, къ которымъ употребленный имъ эпитетъ можетъ быть примѣненъ съ несравненно большей справедливостью. Когда это правительство торжественно обязалось не отбирать казенныхъ земель у уральскихъ заводчиковъ? Оно просто дало имъ на неограниченный срокъ земли и крестьянъ подъ условіемъ развитія горнаго дѣла. Но въ настоящее время горное дѣло можетъ, кажется, развиваться и безъ крѣпостныхъ крестьянъ и безъ обладанія громадными площадями лѣса, которыя можно было бы безпощадно истреблять. Основы владѣнія поссесіонными землями на Уралѣ, если такъ можно выразиться, совсѣмъ не юридическія, а историческія. А потому и земская давность по отношенію къ этой формѣ владѣнія совершенно не примѣнима. При измѣнившихся условіяхъ горнаго дѣла, государство, когда это вызывается высшими интересами населенія, имѣетъ полное право потребовать обратно въ казну на тѣхъ или иныхъ условіяхъ поссесіонныя земли, отъ права собственности на которыя оно никогда не отказывалось.

И, вопреки мнѣнію «умудреннаго» опытомъ и изученіемъ К. А.

Скальковскаго, мы вполнѣ согласны съ газетою «Уралъ», что возвращеніе поссесіонныхъ земель въ казну для отвода ихъ крестьянамъ и продажа лѣсныхъ дачъ владѣльцамъ по дѣйствительной ихъ стоимости являются дѣломъ первой необходимости и дѣйствительнаго поднятія какъ горнаго дѣла на Уралѣ, такъ и улучшенія положенія горнозаводскаго населенія.

М. Плотниковъ.

II.

Чествованіе Бѣлинскаго въ провинціи.

Если судить по газетнымъ и журнальнымъ статьямъ, то истекшій мѣсяцъ можно бы назвать мѣсяцемъ Бѣлинскаго. Россію справедливо упрекаютъ въ томъ, что она плохо чтитъ память своихъ выдающихся дѣятелей. Это правда. Правда также и то, что тѣ извѣстія, какія приносятъ газеты о торжествахъ, связанныхъ съ именемъ Бѣлинскаго и происходившихъ въ разныхъ концахъ Россіи,—сравнительно очень скудны. Однако, такъ какъ вещи познаются сравненіемъ, то невольно приходитъ на мысль, что еще лѣтъ 10—15 назадъ не было бы возможно и то, что происходило въ истекшемъ мѣсяцѣ. Пушкинскіе дни въ Москвѣ поразили въ свое время новизной и неожиданностью подобныхъ явленій на нашей почвѣ. Не надо, однако, забывать, что это было торжество столицъ и, такъ сказать, центральной интеллигенціи. Теперь на имя Бѣлинскаго, сравнительно гораздо менѣе громкое и популярное, шевельнулась, быть можетъ, еще робко и нерѣшительно—провинція, и это, несомнѣнно, является уже показателемъ нѣкотораго культурнаго роста нашего общества.

Торжества въ память основателя русской критики съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ происходили, кромѣ Петербурга и Москвы, въ Саратовѣ, Самарѣ, Пензѣ, Тамбовѣ, Екатеринбургѣ, Одессѣ, Кіевѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Чембарахъ и другихъ городахъ, о которыхъ, къ тому времени, когда я пишу эти строки, мы еще не имѣемъ извѣстій. Провинціальныя газеты до сихъ поръ еще полны замѣтками и статьями, въ которыхъ, среди извѣстій о голодѣ, о видахъ на новый урожай, о пожарахъ, хищеніяхъ и судебныхъ процессахъ,—среди тысячи мелочей, составляющихъ «злобы» нашего россійскаго дня, то и дѣло встрѣчается имя Бѣлинскаго, напоминающее объ интересахъ и идеяхъ высшаго порядка. Можно сказать съ увѣренностью, что во многихъ мѣстахъ, гдѣ теперь съ эстрады раздавалось это имя,—и самыя празднества, и порядокъ идей и впечатлѣній, съ ними связанныхъ, являются передъ про-

винціальной публикой еще впервые — въ обстановкѣ общаго признанія и уваженія къ «отвлеченнымъ» заслугамъ слова и мысли.

Да, для провинціи это явленіе, несомнѣнно, новое и въ этомъ смыслѣ интересное. Присматриваясь къ нему внимательнѣе, мы прежде всего должны отмѣтить здѣсь вліяніе провинціальной печати. Газета заранѣе напоминаетъ обществу о знаменательномъ днѣ, возобновляетъ въ памяти обывателя полузабытый за будничными мелочами образъ, печатаетъ или перепечатываетъ статьи о покойномъ критикѣ, кое-гдѣ беретъ на себя иниціативу въ устройствѣ самаго торжества. За печатью слѣдуютъ просвѣтительныя общества. Мѣстное литературное общество въ Саратовѣ (общество вспомоществованія нуждающимся писателямъ), екатеринбургское общество изящныхъ искусствъ, общество безплатной библіотеки въ Вологдѣ — явились у себя иниціаторами чествованія, и это опять черта, для провинціи новая и, при всей своей скромности, знаменательная и заслуживающая всякаго сочувствія. Благодаря иниціативѣ и скромнымъ усиліямъ печати и просвѣтительныхъ учрежденій, имя критика, его идеи, интересъ къ его сочиненіямъ стали достояніемъ сотенъ и тысячъ лицъ... Для большинства это пройдетъ, конечно, какъ мимолетное ощущеніе, какъ пріятное, но не особенно прочное воспоминаніе. Несомнѣнно, однако, что не для всѣхъ — и въ результатѣ получится оживленіе литературнаго интереса, пробужденіе мысли, не говоря о просвѣтительныхъ учрежденіяхъ, возникшихъ, благодаря этимъ днямъ.

Есть и еще черта, которую любопытно отмѣтить въ протекшихъ празднествахъ. Еще недавно какъ бы опальное, имя Бѣлинскаго соединяетъ теперь не одни только такъ называемые интеллигентные кружки, не одну только «читающую публику», но получаетъ признаніе оффиціальныхъ круговъ даже губернскаго міра. Въ Саратовѣ, напр., чествованіе это, происходившее въ зданіи театра, прошло, по словамъ «Сарат. Дневника», чрезвычайно торжественно и произвело сильное впечатлѣніе на публику. Его посѣтили «начальникъ губерніи, кн. Б. Б. Мещерскій, представители разныхъ учрежденій и вѣдомствъ, городской голова, предсѣдатель и члены губ. земской управы, гласные думы» и т. д. Въ Самарѣ присутствовалъ вице-губернаторъ, городской голова, гласные и представители разныхъ учрежденій. То же и относительно нѣкоторыхъ другихъ городовъ.

Однако, не обошлось и безъ явленій другого порядка. Не всюду это признаніе общенароднаго значенія покойнаго писателя было такъ безповоротно, и въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ сквозитъ какъ бы колебаніе и нерѣшительность, отчасти объясняемыя присущей русскому человѣку робостью передъ культурными новшествами, отчасти же еще менѣе почтенными мотивами. Такъ правленіе тамбовскаго «общества по устройству народныхъ чтеній, библіотекъ и читаленъ» (какъ сообщаетъ «Сынъ Отечества») «не сочло себя вправѣ созвать

членовъ въ общее собраніе для обсужденія вопроса о чествованіи памяти В. Г. Бѣлинскаго, такъ какъ, по мнѣнію правленія, В. Г. Бѣлинскій *не имѣлъ никакого отношенія (!!) ни къ народной литературѣ, ни къ народному просвѣщенію»*. Никакого отношенія къ народному просвѣщенію! По этому смѣлому заявленію узнаемъ тамбовскихъ просвѣтителей, посягающихъ на вполнѣ установившуюся репутацію благонамѣренности, даже крыловскихъ басенъ! (См. «Русское Богатство», май, іюнь, письма изъ Тамбова). Чрезвычайно характерно, что съ этимъ категорическимъ мнѣніемъ («никакого отношенія», читатель!) не согласилось мѣстное «общество взаимопомощи приказчиковъ». Оно, по словамъ той же газеты, не забыло, что Бѣлинскій, говоря словами Некрасова, «едва-ль не первый вспомнилъ о народѣ» въ своей дѣятельности критика и вдохновителя русской литературы. И вотъ, тамбовскіе приказчики обратились къ просвѣтительному обществу съ просьбой взять на себя иниціативу въ чествованіи памяти Бѣлинскаго. Всего интереснѣе отношеніе правленія общества къ этому предложенію. Трудно повѣрить, но въ собраніи просвѣтительнаго общества предсѣдатель правленія заявилъ безъ обиняковъ: «*ниже нашего достоинства* пользоваться услугами общества приказчиковъ. Что общаго между ними и нами». Право, эти господа еще слишкомъ добры, снисходя къ просвѣтительной дѣятельности и допуская на свои чтенія не только приказчиковъ, но даже и сидѣльцевъ. Что общаго между ними и... самой просвѣтительной дѣятельностью?

Какъ бы то ни было, члены общества заставили всетаки олимпійцевъ своего правленія созвать собраніе, и чествованіе, хотя и съ урѣзками, всетаки состоялось.

Довольно грустное впечатлѣніе производило чествованіе памяти критика въ Чембарѣ (гдѣ на домѣ, въ которомъ жилъ юноша Бѣлинскій, красуется вывѣска «питейнаго заведенія»). Разрѣшеніе было получено слишкомъ поздно, программа урѣзана (учащимъ и учащимся воспрещено оффиціально участвовать въ чествованіи) и вообще, по словамъ «Сына Отеч.» (№ 148)—цвѣтъ пензенской интеллигенціи всю предыдущую и послѣдующую ночь подвизался «за зеленымъ полемъ»... И въ самой Пензѣ, второй родинѣ покойнаго критика, гдѣ онъ учился, не обошлось безъ задоринокъ. «Торжество, посвященное памяти Бѣлинскаго,—читаемъ въ «Самарской Газетѣ»,—началось панихидой, на которой, къ сожалѣнію, присутствовало очень мало публики. Это обстоятельство произошло оттого, что до послѣдней минуты публика не знала, будетъ ли панихида или нѣтъ. Мѣстное епархіальное начальство *не соглашалось на служеніе панихиды въ соборѣ*,—и панихида, наконецъ, была отслужена въ церкви Петра и Павла». Очевидно, не смотря на то, что на панихидѣ присутствовала высшая губернская администрація—въ духовной средѣ Пензы царило какое-то недоумѣніе и колебаніе. Не чужды этихъ ощущеній были, повидимому и педагоги этого богоспа-

саемаго города: «весь педагогическій мірокъ Пензы также отсутствовалъ»—читаемъ въ той же газетѣ. Очевидно, для Пензы не миновали еще сороковые годы, и самый юбилейный вечеръ злополучной коммиссіи пришлось открыть «чтеніемъ историческаго очерка объ устройствѣ юбилея и о тѣхъ мытарствахъ, которымъ пришлось подвергнуться организаціонной коммиссіи, прежде чѣмъ добиться своей цѣли» (ib).

Какъ видите, тріумфальное шествіе «многострадальной тѣни» покойнаго критика въ отечественный пантеонъ, даже спустя 50 лѣтъ, совершается не безъ нѣкоторыхъ препятствій и остановокъ. Къ чести нашей печати, она, почти безъ различія направленій привѣтствовала эти дни съ искренностью и одушевленіемъ. Даже г. Розановъ, въ столицѣ, даже г. Величко на далекомъ Кавказѣ, присоединили свои голоса къ общему хору. Ворчалъ только (слегка) князь Мещерскій и выражалъ сильное неудовольствіе—небезъизвѣстный отъ Астрахани до Москвы и Петербурга г. Медвѣдскій, знакомый отчасти читателямъ «Русск. Богатства». Цитируя похвалы покойному критику, раздававшіяся въ Москвѣ, этотъ почтенный критикъ (тоже вѣдь «преемникъ» Бѣлинскаго) вспоминаетъ, между прочимъ, объ одномъ мѣстѣ въ воспоминаніяхъ Достоевскаго, гдѣ послѣдній называетъ Бѣлинскаго атеистомъ. И вотъ передъ встревоженнымъ взоромъ московскаго критика рисуется гипотетическій юноша, который прочитаетъ похвалы и отзывъ Достоевскаго одновременно. Не подумаетъ ли онъ, что московскіе панегиристы хвалятъ Бѣлинскаго именно за атеизмъ? А вѣдь въ такомъ случаѣ погибель юноши несомнѣнна!

Изъ пѣсни слова не выкинешь. Какъ бы то ни было, однако, отмѣчая оборотную сторону того маленькаго движенія идей и чувствъ, которое вызвано днями Бѣлинскаго не въ однѣхъ столицахъ, но и въ провинціальной Россіи, мы не можемъ не повторить, что всетаки это явленіе новое и обнаруживающее нѣкоторое возростаніе культурныхъ интересовъ въ нашемъ обществѣ.

Изъ Германіи.

Утромъ 4-го іюня милліоны нѣмцевъ проснулись съ одной и той же мыслью: сегодня выборы въ рейхстагъ...

Изъ всѣхъ пріобрѣтеній эпохи объединенія, связанныхъ съ именемъ Бисмарка, ни одно такъ ни дорого народу, какъ всеобщее избирательное право, существующее въ Германіи только для выборовъ въ рейхстагъ. Для участія на выборахъ въ прусскую палату, въ думу и земскія учрежденія нуженъ цензъ, нужны извѣстная смѣлость и независимость, которыхъ нельзя ожидать отъ средняго, подчиненнаго человѣка: въ рейхстагъ выбираются всѣ взрослые граждане, у каждаго одинаковый голосъ, никто не можетъ проникнуть въ тайну сложенной записки. Бисмаркъ своимъ сильнымъ умомъ оцѣнилъ значеніе народной массы въ укрѣпленіи единства, хотя его насквозь властной натурѣ народный суверенитетъ былъ чуждъ и антипатиченъ. На поддержкѣ дворовъ, только нехотя подчинявшихся проклятой необходимости, нельзя было основывать единства Германіи. Для того, чтобы швабъ и саксонецъ дорожили общимъ отечествомъ, имъ нужно было дать осязательное доказательство, что они защищаютъ свое, близкое имъ дѣло, что они не исполняютъ приказовъ изъ Берлина, а сами указываютъ, что имъ дорого и необходимо. Въ такіе дни, какъ сегодняшній, когда въ Мюнхенѣ и Бреславлѣ, въ послѣдней баварской деревенской хатѣ и въ дворцѣ Гогенцоллерновъ живутъ одними и тѣми же интересами, не можетъ быть больше вопроса: Was ist des Deutschen Vaterland? И не только въ національномъ, но и въ соціальномъ отношеніи, при всей противоположности мнѣній, идей, надеждъ, требованій, въ такую минуту укрѣпляется связь между нѣмцами. Это на первый взглядъ кажется парадоксомъ. Подумайте, однако, что тѣ же партіи, которыя во время выборной агитаціи обрушивались другъ на друга, какъ злѣйшіе враги, послѣ выборовъ въ теченіе 5 лѣтъ будутъ подчиняться законодательству своей страны, какъ выраженію воли націи; что, пока остаются неприкосновенными права рейхстага, рѣшенія его будутъ, можетъ быть, вызывать критику, но самой радикальной части населенія не придетъ охота предъявлять свои требованія другими средствами, кромѣ законныхъ. Когда судьба націи рѣшается не на улицѣ, а въ рейхстагѣ и избирательной запиской, мирный гражданинъ можетъ спокойно спать.

Наша улица, по крайней мѣрѣ, сегодня не обнаруживаетъ не только ничего угрожающаго, но и ничего чрезвычайнаго, которое свидѣтельствовало бы о наступленіи «большого» дня. Правда,

только 8-й часъ утра, но въ Берлинѣ рано встаютъ. Извозчикъ на козлахъ, читающій свѣжій номеръ «Vorwärts»'а, не глядитъ разрушителемъ нѣмецкаго фатерланда, хотя онъ навѣрное подастъ голосъ за Либкнехта. По электрическому траму проѣхали купцы, приказчики и ремесленники, спѣшащіе на обычную работу. Предъ круглымъ столбомъ съ афишами остановился мальчикъ изъ булочной, только что разнесшій свой товаръ по домамъ и теперь изучающій послѣднія воззванія къ избирателямъ. Воззваній, впрочемъ, немного и они не велики, потому что на этихъ столбахъ нужно оставить мѣсто для театровъ, объявленій полиціи и частныхъ экстренныхъ сообщеній, какъ: «Милая Анна, вернись къ своимъ неутѣшнымъ родителямъ, все забыто». Самое яркое, красное, какъ кровь, объявленіе—отъ думы, сообщающее, что на Дерфлингеръ-штрассе открыта новая народная читальня, и въ «Академіи портныхъ» курсъ начнется 5-го іюля. Мартинъ Лютеръ, нашъ портье, онъ-же и брадобрѣй, потому что, по берлинскимъ понятіямъ, не дѣло взрослаго мужчины сидѣть весь день въ швейцарской и открывать двери,—это и жена или ребенокъ съумѣютъ,—бесѣдуетъ съ почтальономъ о выборахъ. Самъ онъ свободомыслящій, хотя въ послѣднее время и сталъ сомнѣваться въ справедливости партійной программы, потому что ужъ очень много теперь развелось цирульниковъ и парикмахеровъ, житья нѣтъ отъ свободной конкурренціи. Почтальонъ — за другого кандидата, консерватора съ антисемитической приправой. Раньше, при покойномъ Стефанѣ, который былъ замѣчательнымъ организаторомъ, но большимъ деспотомъ, почтальоны мстили тѣмъ, что баллотировали за соціалъ-демократовъ, но новый министръ почтъ Подбѣльскій ближе принимаетъ къ сердцу нужды своихъ подчиненныхъ. Я посвященъ уже давно въ этотъ обмѣнъ мнѣній и ко мнѣ даже обращались за разрѣшеніемъ спора, но я предпочелъ уклониться отъ давленія на совѣсть избирателей, сославшись на то, что, какъ у иностранца, у меня самого нѣтъ избирательнаго права. Это удивило и какъ-будто даже огорчило обоихъ спорщиковъ: какъ же такъ, живу здѣсь долго, много газетъ читаю, плачу подоходный налогъ, и нѣтъ права голоса? Почтальонъ, приносящій мнѣ постоянно письма, догадался, что мои права всѣ—на далекой родинѣ, но Лютеръ считаетъ это несправедливымъ и продолжаетъ выражать мнѣ свое сочувствіе. Сегодня утромъ мнѣ, однако, показалось,—можетъ быть, это только ложное подозрѣніе,—что онъ какъ-будто немножко сверху внизъ на меня посмотрѣлъ, думая въ душѣ: вотъ ты и баринъ, и налоги платишь, а правъ у меня больше.

Есть, конечно, и въ Берлинѣ, и въ особенности въ деревенской Германіи, сотни тысячъ людей, не умѣющихъ еще цѣнить своего драгоцѣннаго пріобрѣтенія. Изъ 10½ милліоновъ избирателей на простыхъ выборахъ участвовало въ голосованіи нѣсколько болѣе 7½ милліоновъ, т. е. 70 процентовъ. Отсутствіе остальныхъ 3

милліоновъ служитъ признакомъ неравномѣрнаго умственнаго и политическаго развитія, но не надо забывать, что на косвенныхъ и ограниченныхъ цензомъ выборахъ въ ландтагъ и думу голосуетъ только 25, иногда даже только 15 процентовъ: не гражданъ, а лишь избирателей, т. е. уже болѣе или менѣе привилегированной части населенія. Въ другихъ странахъ процентъ голосующихъ на городскихъ и земскихъ выборахъ опускается ниже 10. Статистика выборовъ свидѣтельствуетъ, что за 20 лѣтъ участіе избирателей увеличилось съ 5 милліоновъ въ 1874 г. до 7,6 милліоновъ въ 93 г., тогда какъ за тотъ же періодъ населеніе вообще увеличилось съ 41 до 49 милліоновъ, имѣющее же выборное право — съ 8½ до 10½ милліоновъ. Въ интересѣ избирателей замѣчаются скачки и колебанія, зависящіе отъ остроты вопросовъ, поставленыхъ на платформѣ правительства или партіи, экономическихъ условій данной минуты, возможности новыхъ налоговъ и т. п.

Такъ, напр., въ 1881 г., при исключительномъ законѣ и апатіи, обнаружившейся во многихъ кругахъ населенія, недовольныхъ Бисмаркомъ, но и извѣрившихся въ возможность избавленія отъ него, процентъ голосовавшихъ понизился до 56, въ 1887 же году, во время борьбы за септенатъ, онъ превысилъ 75. Политики и журналисты, близко знающіе свою страну во всѣхъ округахъ, предсказывали въ этотъ разъ нѣкоторое ослабленіе интереса избирателей: острыхъ вопросовъ, какъ маринизмъ или налоги, на очереди нѣтъ, старыя партіи потеряли будто кредитъ, а къ новымъ присматриваются, но имъ еще не довѣряютъ. Аграріи обнаруживаютъ лихорадочную дѣятельность; однако, высокія цѣны на хлѣбъ—въ началѣ выборной кампаніи и разоблаченія продѣлокъ союза сельскихъ хозяевъ—въ концѣ ея, способны сбить съ толку деревенскаго избирателя. На вашъ вопросъ: а угроза избирательному праву, покушенія на свободу передвиженія, право собраній,—развѣ это не острые вопросы?—вамъ отвѣчаютъ, что это или избирательные маневры, или же слишкомъ общія опасенія: правительство, вѣдь, заявило, что никакихъ новыхъ исключительныхъ законовъ оно больше не замышляетъ, такъ какъ это повело бы лишь къ тому, «чтобы бюргеръ еще больше натянулъ ночной колпакъ на голову» и предоставилъ все собственному теченію.

Другіе указываютъ, какъ на причину большей индефферентности, чѣмъ прежде, на усиливающееся раздробленіе партій и отсутствіе такой простоты, какъ въ Англіи. Никогда еще кандидатовъ не было такъ много, какъ въ нынѣшній разъ: въ 397 округахъ ихъ насчитали 1,437. Около половины носятъ характеръ только счетныхъ кандидатуръ, при которыхъ партіи не столько имѣютъ въ виду ближайшій успѣхъ, сколько регистрацію своихъ сторонниковъ. Соціалъ-демократы, по заявленію одного изъ своихъ собственныхъ вождей, разсчитывали не больше, какъ на 60 мандатовъ въ парламентъ, но кандидатовъ своихъ они выставили во всѣхъ 397 окру-

гахъ: за нѣсколько дней до выборовъ у нея еще не хватало, впрочемъ, одного—въ округѣ Меппенъ, представителемъ отъ котораго много лѣтъ сряду былъ покойный Виндгорстъ, потому и прозванный die schwarze Perle von Meppen (черная жемчужина Меппена). Не всякая партія можетъ себѣ позволить такую роскошь, какъ соціалъ-демократія: это стоитъ огромныхъ средствъ, нужна масса людей, умѣющихъ говорить и агитировать, и даже при такомъ запасѣ даровыхъ силъ, какъ у рабочей партіи, прошлые выборы стоили ей болѣе 200 тысячъ. У клерикаловъ средствъ побольше, чѣмъ у друзей Бебеля, но центръ, всетаки, ограничился 221 кандидатомъ. Слѣдующая въ этомъ отношеніи партія—націоналъ-либералы, кандидатирующіе въ 150 округахъ, и очень близко къ нимъ примыкаетъ свободомыслящая народная партія Рихтера съ 141, тогда какъ женская линія свободомыслящихъ, руководимая Рикертомъ, удовольствовалась 51 кандидатомъ. Консервативная партія выступила съ 129 кандидатами и ихъ ближайшіе союзники, которыхъ отъ нихъ теперь такъ трудно отличить, какъ одно яйцо отъ другого, вольные или имперскіе консерваторы, къ которымъ принадлежитъ Штуммъ, рискнули попытать счастье только въ 42 округахъ. За то антисемиты разбросали свои сѣти въ 92 округахъ, а если причислить къ нимъ 8 особыхъ кандидатовъ Штекера, называющихъ себя христіанско-соціальными, то и во всѣхъ 100. Нѣмецкая народная партія, т. е. южные демократы, скромнѣе: поле ихъ вліянія ограничено Вюртембергомъ и Баденомъ, и всѣхъ кандидатовъ у нихъ 39. Столько же почти поляковъ, остальныя партіи и группы: національно-соціальная Наумана, ганноверцы, эльзасцы, датчане, литовцы имѣли отъ 1 до 18 кандидатовъ.

Въ столицѣ раздробленіе партій и группъ менѣе замѣтно. Здѣсь, въ сущности, можетъ быть рѣчь только о двухъ партіяхъ—свободомыслящей и соціалъ-демократической: остальныя не играютъ уже много лѣтъ никакой роли. Въ началѣ 80-хъ годовъ, когда антисемитизмъ, при покровительствѣ Бисмарка, попытался объединить всѣ консервативные столичные элементы подъ руководствомъ Штекера, интересъ представлялъ еще исходъ выборовъ во 2-мъ округѣ, гдѣ придворный проповѣдникъ являлся серьезнымъ соперникомъ Вирхова. Штурмъ на демократію и соціалъ-демократію потерпѣлъ, однако, тамъ полное фіаско, и Бисмаркъ поспѣшилъ откреститься отъ новыхъ союзниковъ, которые потомъ отблагодарили его тѣмъ, что «разлагали вокругъ него костры», какъ выразился Штекеръ въ письмѣ къ своему тогдашнему другу фонъ-Гамерштейну, главному редактору «Kreuzzeitung». Вирховъ вторично вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы съ Штекеромъ, и когда въ прусской палатѣ придворный проповѣдникъ назвалъ 2-ой берлинскій округъ своимъ, знаменитый ученый, при хохотѣ всей залы, могъ ему отвѣтить: «если не ошибаюсь, я состою отъ этого округа депутатомъ въ рейхстагѣ, вы же не избраны»? На послѣднихъ вы-

борахъ, однако, и Вирховъ оказался побѣжденнымъ соціалъ-демократомъ Фишеромъ; изъ всѣхъ 6 округовъ либеральному бюргерству удалось до сихъ поръ отстоять отъ натиска рабочихъ только 1-ый, къ которому принадлежатъ внутреннія улицы—Фридрихштрассе, Лейпцигеръ, Липы и прилегающая къ нимъ торговая часть города, населенная купечествомъ. Въ сущности, теперь вся амбиція свободомыслящихъ не шла дальше сохраненія этого одного округа для своего ветерана Лангерганса, предсѣдателя берлинской думы, о которомъ и противники говорятъ съ искреннимъ уваженіемъ.

Кромѣ Берлина, есть еще не мало другихъ округовъ, въ которыхъ состязаніе происходитъ только между 2 или 3 крупными группами. Въ католической части страны почти только и борьба, что между центромъ и соціалъ-демократами и центромъ и націоналъ-либералами. Въ Гамбургѣ, Штеттинѣ, Бреславлѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ на одной сторонѣ рабочіе, на другой «партіи порядка», группирующіяся вокругъ умѣреннаго либерала. Въ Помераніи, Восточной Пруссіи, Вестфаліи и Ганноверѣ на одной сторонѣ аграріи, на другой—антиаграріи. Но еще гораздо больше за то округовъ, въ которыхъ, при общемъ лозунгѣ: противъ соціалъ-демократіи, друзья порядка такъ вцѣпились другъ въ друга, что дѣйствительно свои своихъ не въ состояніи больше отличить. Я видѣлъ это собственными глазами въ Дрезденѣ, гдѣ о затишьи или индифферентизмѣ не было рѣчи. Агитація велась не только собраніями, но и милліонами летучихъ листковъ и саженными объявленіями въ газетахъ. Эти газетныя объявленія такъ характерны, что по нимъ настроеніе народа лучше поддается изученію, чѣмъ по редакціоннымъ статьямъ въ текстѣ газеты. Въ глаза прежде всего бросаются имена: Вейденбахъ и Генербахъ, кандидаты порядка, а затѣмъ слѣдуетъ воззваніе: «депутатъ рейхстага долженъ имѣть собственное мнѣніе, а не быть орудіемъ въ рукахъ другихъ, а потому, сограждане, подайте свои голоса за Генербаха, о которомъ даже соціалъ-демократы говорятъ, что онъ знаетъ, чего хочетъ». Тутъ же рядомъ другое, не менѣе кричащее объявленіе, сразу объясняющее, чего хочетъ этотъ человѣкъ съ собственнымъ мнѣніемъ: «Граждане, программа нашего кандидата Генербаха выражается въ слѣдующихъ положеніяхъ: защита національнаго производства, защита всѣхъ экономически слабыхъ: учителей, чиновниковъ, средняго класса въ городѣ и деревнѣ и рабочаго класса. Выбирайте только Генербаха». Еще бы, какъ не выбрать человѣка, который за слабыхъ! Но вниманіе наше опять привлекается крупно напечатаннымъ именемъ того же хорошаго человѣка, рядомъ съ которымъ стоитъ имя другого, тоже несомнѣнно хорошаго человѣка, къ тому еще всѣмъ въ Германіи извѣстнаго своей филантропической и научной дѣятельностью: проф. Виктора Бемерта (Böhmert). Выдающійся статистикъ, много

знающій и честный работникъ, проф. Бемертъ болѣе 30 лѣтъ усердно пропагандируетъ идеи соціальнаго мира на почвѣ гармоніи интересовъ, въ существованіи которой онъ также искренно убѣжденъ, какъ въ необходимости сохраненія существующаго экономическаго строя. Въ своемъ журналѣ «Der Arbeiterfreund» онъ съ любовью отмѣчаетъ всякое доброе дѣло фабриканта, способное смягчить борьбу если не классовъ, то рабочихъ и хозяина на фабрикѣ; руководимое имъ общество Volkswohl уже много лѣтъ развиваетъ въ рабочемъ населеніи Дрездена интересъ къ литературѣ и искусству, создало клубы для ремесленниковъ, сады для игръ ихъ дѣтей. По своимъ политическимъ взглядамъ Бемертъ-либералъ стараго покроя, какими когда то были націоналъ-либералы, только съ нѣсколько большей соціальной окраской и безъ тѣхъ прямыхъ матеріальныхъ инстинктовъ, которые живутъ въ груди либеральнаго заводчика. Лично симпатичный и безукоризненно честный человѣкъ, убѣжденный противникъ соціализма,—кажется, для партій, именующихъ себя опорой порядка, трудно было найти болѣе почтеннаго кандидата. Патріоты, увѣрявшіе, что для нихъ отечество дороже частныхъ интересовъ и что долгъ всѣхъ благомыслящихъ гражданъ — соединиться для защиты чести родного города, накинулись, однако, на Бемерта съ неменьшей яростью, чѣмъ на рабочаго кандидата. Объявленія въ томъ же «Dresdner Anzeiger» какъ нельзя лучше обнаруживаютъ причины такого нелѣпаго, повидимому, съ точки зрѣнія практической политики антагонизма. Одно заявленіе, исходящее отъ антисемитовъ, ратующихъ за своего особаго кандидата Циммермана, приглашаетъ избирателей не смѣшивать дѣятельность Бемерта въ «Обществѣ народнаго блага» съ его политическими убѣжденіями, если можно назвать убѣжденіями «отжившіе и спутанные взгляды, осуществленіе которыхъ въ рейхстагѣ было бы истиннымъ несчастьемъ». Антисемиты, однако, такъ плохо себя зарекомендовали, что другое воззваніе, исходящее отъ ихъ прежнихъ избирателей, обращается къ населенію съ вопросомъ: «неужели же вы за эти 5 лѣтъ не убѣдились, что ничего отъ такихъ господъ, какъ Циммерманъ, нельзя ожидать, кромѣ скандала? Предадимъ же ихъ заслуженному забвенію и выберемъ почтенныхъ кандидатовъ партіи порядка—Вейденбаха и Генербаха». Оставляя затѣмъ въ покоѣ антисемитовъ чистой воды, нѣсколько другихъ манифестовъ партіи порядка сопоставляютъ достоинства Генербаха съ недостатками Бемерта: «граждане, кто изъ васъ хочетъ свободы промышленности, означающей могилу честнаго ремесленника, тотъ пусть подаетъ голосъ за Бемерта, противника цеховъ! Кто хочетъ допустить, чтобы потребительныя общества и большіе, преимущественно еврейскіе, магазины уничтожали существованіе десятковъ тысячъ лавочниковъ, тотъ пусть выбираетъ Бемерта! Кто за свободу торговли, за предоставленіе сельскаго хозяина его несчастной судьбѣ, за конкурренцію иностранцевъ, за поглощеніе слабыхъ

сильными,—пусть выбираетъ Бемерта. Онъ представленъ вамъ въ качествѣ энергичнаго противника соціалъ-демократіи? Хороша энергія, опирающаяся лишь на такъ наз. моральныя средства, но не признающая необходимости принужденія закономъ (т. е. *исключительнымъ* закономъ). Нѣтъ, граждане, истинный другъ порядка и маленькаго человѣка—нашъ кандидатъ Генербахъ». Въ другомъ объявленіи уже прямо инсинуируютъ: «не довѣряйте Бемерту, будто онъ націоналенъ: въ лучшемъ случаѣ это демократъ, выступающій подъ ложнымъ флагомъ; мѣсто ему—въ компаніи Рихтера, а можетъ быть и еще лѣвѣе (т. е. у Бебеля).»

Сторонники Бемерта не остаются въ долгу и отвѣчаютъ агитаторамъ «порядка», что для нихъ отечество только маска для совершенно эгоистическихъ стремленій, неумѣренность которыхъ подливаетъ масло въ огонь соціалъ-демократіи. «Ремесленники, не вѣрьте ложнымъ друзьямъ, усыпляющимъ васъ и толкающимъ васъ въ пропасть. Кто ставитъ китайскую косу выше головы, тотъ пусть выбираетъ кандидата реакціонеровъ; кто за просвѣщеніе головъ и разумное содѣйствіе мелкому ремесленнику на почвѣ существующаго и возможнаго, тотъ будетъ за Бемерта. Вы всѣ его знаете въ теченіе десятковъ лѣтъ, когда онъ, не думая о кандидатурѣ въ рейхстагъ, безкорыстно помогалъ народу бороться за существованіе и участіе въ просвѣщеніи. Противники же наши полны любви къ народу только предъ выборами, а когда они будутъ сидѣть въ рейхстагѣ, то подчинятся командѣ тѣхъ вождей, которые считаютъ, что знаніе для народа вредно». Какой то уже совсѣмъ наивный патріотъ публикуетъ на той же страницѣ: «Бемертъ раздаетъ по деревнямъ и рабочимъ кварталамъ свои обращенія къ избирателямъ на *красныхъ* листкахъ; недостаетъ только заключительныхъ словъ: «hoch die Sozialdemokratie». Впрочемъ, можетъ быть, это и не наивный застрѣльщикъ, а тотъ же консервативный комитетъ. Еслибы добродушные саксонцы остановились предъ берлинскими столбами, они увидѣли бы, что ихъ единомышленники въ германской столицѣ—и даже берлинская полиція въ своихъ оффиціальныхъ распоряженіяхъ,—пользуются ярко-красной бумагой, какъ наиболѣе бросающейся въ глаза. Вернемся, однако, въ Берлинъ и присмотримся къ порядку выборовъ въ одномъ изъ выборныхъ пунктовъ центральнаго города.

Надъ дверьми второразрядной пивной надпись, указывающая, что здѣсь 126-ое избирательное бюро (Wahllocal). Всѣхъ ихъ 660, такъ что каждый избиратель имѣетъ возможность подать свой голосъ безъ потери времени. У входа уже размѣстились посыльные, наемные и добровольные агитаторы партій, набрасывающіеся на входящаго избирателя и сующіе ему въ руку четвертушку бумаги съ именемъ кандидата. Записки, по предварительному соглашенію между комитетами, совершенно одинаковы по величинѣ, шрифту и качеству бумаги, такъ что, сложивъ ихъ, избиратель гарантированъ,

что никто не проникнетъ въ тайну его образа мыслей. На одной запискѣ имя д-ра Лангерганса, другая носитъ фамилію рабочаго кандидата, третья принадлежитъ консерваторамъ, на 4-ой напечатано имя націоналъ-соціальнаго претендента. Двери небольшой комнаты, въ которой совершается торжественный актъ, широко раскрыты, каждый можетъ входить и выходить, когда ему заблагоразсудится. У стѣны противъ входа столъ, накрытый темнымъ сукномъ; посреди его—урна, большая и высокая чаша, поставленная предъ кресломъ предсѣдателя выборнаго бюро, старика съ интеллигентнымъ лицомъ, профессора или учителя. Оба его ассистента, сидящіе рядомъ, принадлежатъ къ гражданамъ околотка, назначеннымъ думою засѣдателями на выборахъ. Одинъ изъ нихъ держитъ въ рукахъ списки избирателей. Гражданинъ, подходя для подачи голоса, прежде всего называетъ свое имя и указываетъ адресъ, а засѣдатель удостовѣряется, что названное имя дѣйствительно внесено въ списки, и дѣлаетъ надъ ними знакъ, что голосъ поданъ. Въ сторонѣ отъ большого стола 2 поменьше, за которыми сидятъ представители выборныхъ комитетовъ каждой партіи; они зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы не было ни нарушенія законныхъ гарантій со стороны членовъ бюро, ни самозванцевъ среди выборщиковъ, которыхъ они по собраніямъ и частнымъ отношеніямъ знаютъ въ лицо. Эти довѣренные люди партій въ то же время записываютъ, кто подалъ голосъ, чтобы въ послѣдніе часы дать знакъ гонцамъ и агитаторамъ, стоящимъ за дверьми, что пора приступить къ натиску на лѣнивыхъ, начать «таскать» тѣхъ, которые еще не исполнили своего гражданскаго долга. Среди Schlepper, берущихъ на себя эту не легкую работу, много женщинъ; онѣ исключительно попадаются, однако, въ рабочихъ предмѣстьяхъ. На окраинахъ столицы, въ Ведбингѣ, на густо населенныхъ пролетаріями улицахъ, ведущихъ къ бывшей выставкѣ въ Трептовѣ, я встрѣчалъ десятки женщинъ, на велосипедахъ и первоклассныхъ извозчикахъ, мчавшихся за запоздавшими избирателями, входившихъ въ мастерскія и дома, чтобы взобраться бѣгомъ на 6-ой этажъ за Шульце или Шмидтомъ, понадѣявшимся, что еще успѣетъ кончить сапогъ, прежде чѣмъ пойти подать голосъ, тогда какъ уже надо спѣшить: скоро закроютъ бюро,— и Шульца съ Шмидтомъ 5 лѣтъ придется ждать, пока ихъ еще разъ пригласятъ быть вершителями судьбы своего отечества.

Газетный разносчикъ, стоящій на углу Потсдамской площади, только что покинулъ избирательное бюро, когда къ дому подъѣхала карета и изъ нея вышелъ старенькій канцлеръ. Оба они помнятъ еще эпоху, когда газетнымъ разносчикамъ не полагалось стоять рядомъ съ министромъ, но теперь голосъ одного въ этомъ важнѣйшемъ актѣ государственной жизни значитъ ровно столько же, какъ голосъ другого. Я вѣрю, что кн. Гогенлоэ гораздо лучше понимаетъ, чѣмъ старикъ-газетчикъ, какъ надо управлять государствомъ, но одинъ выросъ въ замкѣ, а другой провелъ свою

жизнь на улицѣ. Если судьба дала одному образованіе и знаніе дипломатическихъ тайнъ, то другой превосходно изучилъ тайны улицы. И притомъ Гогенлоэ останется канцлеромъ, а старикъ Кунертъ будетъ до конца своихъ дней продавать газеты. Хотя у канцлера только одинъ голосъ, но посмотрите, какъ почтительно поднялись члены бюро, когда онъ назвалъ себя: князь Хлодвигъ Гогенлоэ, Вильгельмъ-штрассе, 77. Молча князь кладетъ записку въ урну и выходитъ, отвѣсивъ поклонъ снова поднявшимся представителямъ бюргеровъ. Бисмаркъ, который тоже всегда являлся на выборы въ этомъ участкѣ, имѣлъ обыкновеніе обмѣниваться любезными фразами и остротами съ предсѣдателемъ выборнаго бюро; «дядя Хлодвигъ» не краснорѣчивъ и не остроуменъ. Можетъ быть, ему сегодня и не до шутокъ: въ Берлинѣ увѣряютъ, что извѣстная Камарилія снова пытается низвергнуть канцлера, крайне не нравящагося Эйленбургамъ и другимъ вліятельнымъ юнкерамъ. Императору будто представили письмо Гогенлоэ къ либеральному князю Каролату (Karolat), какъ протестъ противъ политики соединенія или собиранія.

На большинствѣ берлинскихъ фабрикъ работы, по случаю выборовъ, прекращаются уже въ 4 часа, чтобы служащіе и рабочіе, живущіе далеко отъ фабрики, могли исполнить свой гражданскій долгъ. Многіе прямо съ вокзала городской желѣзной дороги, по которой берлинскіе рабочіе обыкновенно возвращаются въ свои предмѣстья, устремляются въ выборное бюро; другіе спѣшатъ перемѣнить рабочую блузу на сюртукъ, но пока они переодѣваются, въ дверяхъ уже разъ-другой раздается звонокъ и, запыхавшись, влетаетъ гонецъ: «наши» послали, скорѣй извозчикъ ждетъ внизу, онъ тоже свой, Genosse, не жалѣющій сегодня лошади ради близкаго дѣла. Въ 6 часовъ двери избирательныхъ бюро закрываются и внутри, при бдительномъ контролѣ довѣренныхъ всѣхъ партій, начинается счетъ поданныхъ голосовъ. Толпа расходится, но не по домамъ: каждый спѣшитъ въ свое собраніе, гдѣ вожаки провозгласятъ результаты выборовъ не только во всѣхъ берлинскихъ округахъ, но и въ провинціи. Меньшая часть публики ждетъ на улицахъ экстренныхъ изданій газеты. Чѣмъ дольше длится пауза, тѣмъ напряженнѣе ожиданіе. Въ Бокъ-брау, въ залѣ Фей, въ клубѣ приказчиковъ и 30 или 40 другихъ большихъ залахъ, негдѣ яблоку упасть, гулъ голосовъ и табачный дымъ наполняютъ залы: дышать трудно, а на дворѣ стоитъ чудный лѣтній вечеръ, кажется такъ и манящій въ аллеи Тиргартена, за городъ. Но никто не трогается. Вотъ показались гонцы съ телеграммами изъ отдѣльныхъ бюро, ихъ подсчитываютъ, сообщаютъ публикѣ: въ первомъ округѣ шансы Лангерганса крѣпки, онъ хотя и не побѣдилъ, но попалъ въ перебаллотировку съ 2,000 голосами большинства надъ конкуррентомъ рабочимъ, тогда какъ за булочника, кандидата консерваторовъ, подано было всего менѣе—2,500 голосовъ, а національ-соціальный канди-

датъ собралъ только 1,000. Въ ферейнѣ Вальдекъ, наполненномъ свободомыслящими, эта вѣсть приводитъ публику въ восторгъ, выражающійся въ кликахъ: «да здравствуетъ нашъ Лангергансъ!» Полчаса спустя я слышу въ другой части города бурное ликованіе многотысячной толпы, привѣтствующей избраніе Либкнехта въ 6-мъ берлинскомъ округѣ 58,000 голосовъ, самымъ большимъ числомъ, которое когда либо въ Германіи подано было за кандидата.

Въ 1-мъ часу ночи Липы и Фридрихъ-штрассе все еще полны народа. Разносчики выкриваютъ новыя телеграммы, предъ залой депешъ «Локалъ-Анцейгера» нельзя протолкаться: столько еще жаждущихъ узнать, что принесъ телеграфъ изъ остальной Германіи. Въ пивныхъ ни одного свободнаго стола, нигдѣ не слышно ругани, никто не пытается вступить въ драку. Этотъ народъ удивительно дисциплинированъ, и, возвращаясь домой, я невольно думалъ о томъ, какъ несравненно опаснѣе для нашей культуры были его предки, не знавшіе обязательной школы и не цѣнившіе всеобщаго избирательнаго права.

II.

Результаты перваго голосованія—лучшій показатель народнаго настроенія, чѣмъ окончательные итоги, которые подведутъ на перебаллотировкахъ между двумя лишь кандидатами. Во всѣхъ 397 округахъ пока только выбраны 38 консерваторовъ, 10 чел. вольныхъ консерваторовъ, 10 націоналъ-либераловъ, 3 свободомыслящихъ обѣихъ фракцій, 32 соціалъ-демократа, 85 депутатовъ центра, 13 поляковъ, 1 членъ союза сельскихъ хозяевъ, 3 отъ крестьянскаго союза въ Баваріи, 5 антисемитовъ, 1 датчанинъ и 8 «дикихъ». Въ 188 округахъ предстоятъ перебаллотировки, въ которыхъ участвуютъ 101 соціалъ-демократъ, 69 націоналъ-либераловъ, 48 консерваторовъ, 25 вольныхъ консерваторовъ, 49 свободомыслящихъ (38 сторонниковъ Рихтера, 10—Риккерта), 40 клерикаловъ, 9 южныхъ демократовъ народной партіи, 7 кандидатовъ союза сельскихъ хозяевъ, 9 вельфовъ, 4 поляка и 9 «дикихъ». Половина всѣхъ мандатовъ стоитъ, такимъ образомъ, въ перебаллотировкахъ! Въ какомъ же направленіи на выборахъ выразился голосъ народа?

Перебаллотировки еще могутъ измѣнить физіономію рейхстага, но о картелѣ реакціонеровъ противъ народныхъ правъ, который угрожалъ въ случаѣ успѣха т. наз. «политики соединенія производительныхъ силъ», не можетъ быть больше рѣчи. Призывъ къ патріотамъ — задаться лишь двумя опредѣленными цѣлями: національно-экономической политикой и борьбой противъ рабочаго движенія, потерпѣлъ фіаско. Консерваторы вышли почти невредимыми изъ этой избирательной кампаніи, благодаря упорной и беззастѣнчивой дѣятельности союза аграріевъ, но о побѣдѣ аграріевъ, какой

ожидали и опасались, нѣтъ рѣчи. Свободомыслящіе производятъ впечатлѣніе совершенно разгромленной партіи, но въ дѣйствительности неудача ихъ не такъ велика, какъ это кажется съ перваго взгляда: на выборахъ 1893 г. не прошелъ въ первой баллотировкѣ ни одинъ изъ кандидатовъ Рихтера, 24 получили большинство только на перебаллотировкахъ.

Францъ Мерингъ, односторонній, но едва ли не талантливѣйшій изъ нынѣшнихъ политическихъ журналистовъ Германіи, замѣтилъ еще предъ выборами, что сравнительная тишина нынѣшней кампаніи дороже всего обойдется нѣмецкому либерализму, потому что агитація рабочей партіи больше происходитъ на фабрикѣ, чѣмъ въ собраніи; дѣятельность консервативныхъ агитаторовъ, какъ происходящая въ деревнѣ, вообще не бросается въ глаза и не зависитъ отъ сильныхъ моментовъ въ общественной жизни; другое дѣло—вліяніе гражданскаго либерализма, которое становится сильнѣе при всякой реакціонной попыткѣ сверху. Годъ тому назадъ, когда Рихтеръ произнесъ свою знаменитую рѣчь за свободу собраній, 3 года тому назадъ, когда блестящій талантъ вождя свободомыслящихъ такъ ярко обнаружился во время борьбы противъ исключительнаго проекта, выборы дали бы свободомыслящимъ несравненно лучшіе результаты, чѣмъ теперь. Возбужденіе, вызванное этими попытками, улеглось; сильныхъ внѣшнихъ импульсовъ, которые разбудили бы индифферентныхъ бюргеровъ, больше не было. Въ то же время экономическая структура Германіи все больше измѣняется въ направленіи крайне неблагопріятномъ для гражданскаго либерализма, стоящаго на точкѣ зрѣнія чистаго индивидуализма въ народномъ хозяйствѣ. Въ промежутокъ между прошлыми и нынѣшними выборами десятки тысячъ ремесленниковъ и лавочниковъ, когда-то составлявшихъ армію прогрессистовъ и считавшихъ Шульце-Делича величайшимъ авторитетомъ, покинули либеральное знамя: одни перешли въ соціалъ-демократію, ряды которой еще болѣе пополнились не только фабричными, но и многочисленными приказчиками, потерявшими надежду стать хозяевами; другіе примкнули къ реакціонерамъ, обѣщающимъ остановить промышленное развитіе Германіи и вернуть ее къ порядкамъ цеховъ. Весьма вѣроятно, что изъ перебаллотировокъ партія Рихтера выйдетъ съ неменьшимъ числомъ полномочій, чѣмъ въ прошлый разъ; но, вѣдь, и въ прежнемъ рейхстагѣ она не блистала числомъ: сила ея основывалась только на рѣдкихъ парламентскихъ качествахъ ея вождя, съумѣвшаго при незначительной собственной арміи занять роль оратора, часто вождя всей оппозиціи; въ т. наз. большіе дни рейхстага Евгеній Рихтеръ имѣлъ за собою не кучку вѣрныхъ солдатъ, но всю независимую часть общественнаго мнѣнія и представительство отъ центра до крайней лѣвой, и я не думаю, чтобы въ этомъ отношеніи что-нибудь измѣнилось въ будущемъ рейхстагѣ. Упреки въ деспотическихъ пріемахъ, которые

дѣлаютъ Рихтеру въ его собственномъ лагерѣ, имѣютъ основаніе, но и при большей терпимости къ чужому мнѣнію, расколъ въ свободомыслящей партіи былъ неизбѣженъ. Онъ, конечно, содѣйствовалъ увеличенію индифферентизма въ либеральномъ бюргерствѣ. Многіе разсуждали, что вмѣсто того, чтобы ломать себѣ голову, надъ вопросомъ, подавать-ли голоса за Рихтера или Рикерта? лучше вовсе воздержаться отъ голосованія. Но какъ же убѣжденному и честному демократу было идти съ людьми, которые дискредитировали либерализмъ измѣною основнымъ требованіямъ либеральной доктрины? Это было бы со стороны послѣдовательныхъ свободомыслящихъ нравственнымъ самоубійствомъ. Чѣмъ Рихтеръ и его приверженцы, будучи манчестерцами, противниками серьезныхъ соціальныхъ реформъ, могли импонировать народу? Тѣмъ, что смѣло выступали противъ властныхъ словъ и попытокъ, боролись противъ милитаризма и маринизма, не смущаясь, что ихъ за то могутъ причислить къ Vaterlandlose Gesellen, однимъ словомъ, тѣмъ, что совѣсть ихъ была незапятнана компромиссами въ вопросахъ политической свободы. Въ дѣйствительности, болѣе малодушные свободомыслящіе фракціи Риккерта, почти потеряли всякое значеніе и въ будущемъ рейхстагѣ у нихъ не будетъ и 15 членовъ, которыхъ по уставу рейхстага нужно для образованія самостоятельной партіи. Неудача постигла также милѣйшихъ швабовъ изъ южной Volkspartei, получившихъ только 80 тысячъ голосовъ вмѣсто прежнихъ 100. Они попали въ перебаллотировку въ 8 округахъ, тогда какъ до сихъ поръ у нихъ было 11 мандатовъ. Причина пораженія швабовъ отчасти общаго свойства—усиленіе фабричной промышленности и вмѣстѣ съ нимъ и соціалъ-демократіи; однако, были и частью мѣстныя, вюртембергскія, и личныя основанія неудачи южныхъ демократовъ.

Гораздо сложнѣе другой вопросъ: нужна-ли, умна-ли была борьба въ два фронта, которую велъ на этихъ выборахъ германскій либерализмъ? Для гражданской, какъ и для рабочей демократіи ближайшія задачи парламентской дѣятельности почти одинаковы и сводятся къ формулѣ: противъ юнкера. Въ ней заключается и огражденіе политическихъ правъ народа отъ посягательствъ феодальныхъ и фабричныхъ бароновъ, и защита интересовъ массъ отъ хищныхъ проектовъ á la Kanitz. Между тѣмъ, если бы вы, не зная истиннаго отношенія партій, присутствовали въ Германіи только во время выборовъ, вы вынесли бы впечатлѣніе, что съ точки зрѣнія рабочей партіи злѣйшій врагъ—либеральное бюргерство; на взглядъ же бюргера опасность предстоящаго переворота такъ близка, что нужно спрятаться за спину сильной власти. Я говорю, конечно, о впечатлѣніи, которое создавалось по рѣчамъ и афишамъ въ тѣхъ округахъ, въ которыхъ, какъ въ Берлинѣ, Франкфуртѣ и многихъ другихъ большихъ городахъ, либералы и соціалъ-демократы были ближайшіе соперники; но изъ большихъ городовъ

управляютъ выборнымъ движеніемъ, тамъ центральное управленіе и руководящая печать партій, такъ что и въ остальной странѣ создавалось ложное представленіе относительно взаимныхъ отношеній и интересовъ. На перебаллотировкахъ, конечно, сразу наступаетъ другая тактика, если только нѣтъ ближайшей конкуренціи. Однако, нужна большая партійная дисциплина, чтобы послѣ того, какъ буржуа вчера еще изображали въ качествѣ упитаннаго лакея реакціи, тысячи рабочихъ завтра подавали за него голоса, радовались его побѣдѣ, словно это родной братъ. Правда, и рабочіе знаютъ выраженіе одного остроумнаго своего соотечественника, что никогда столько не лгутъ, какъ *во время* войны, *послѣ* охоты *и до* выборовъ.

Я этимъ ничуть, разумѣется, не хочу отрицать, что между основными воззрѣніями въ программахъ обѣихъ партій дѣйствительно есть рѣзкій контрастъ, вполнѣ естественный въ виду ихъ различныхъ точекъ отправленія, отношенія къ личности и государству и т. п.

Программа партій, однако, разсчитана на продолжительный періодъ, она—ея profession de foi, заключающая въ себѣ не только ближайшія практическія задачи, но и болѣе отдаленные идеалы. Идеи и направленіе каждой партіи, безспорно, лучше отражаются въ ея выборныхъ манифестахъ, отмѣчающихъ, что она считаетъ желательнымъ въ ближайшемъ будущемъ. Если это справедливо по отношенію ко всѣмъ партіямъ, то еще болѣе интереса представляетъ сравненіе воззванія и программы рабочей партіи. Будь она представительницей непримиримой борьбы со всѣмъ остальнымъ обществомъ, объ отличіи ея воззванія отъ программы не могло бы быть рѣчи. Однако, каррикатурное изображеніе соціалъ-демократіи, какъ носительницы государства будущаго, имѣющаго быть осуществленнымъ на другой день послѣ побѣды пролетаріата, совершенно исчезаетъ для того, кто внимательно вчитается въ ея выборный манифестъ. Отнестись же внимательно ко всему, что исходитъ отъ этой партіи, долгъ благоразумія и со стороны всего отстального общества, не привыкшаго придерживаться тактики страуса въ серьезной борьбѣ. Насквозь консервативный политикъ, какъ Каприви, могъ однажды замѣтить при всеобщемъ одобреніи рейхстага, что при каждомъ новомъ проектѣ, при каждой крупной государственной мѣрѣ онъ прежде всего задается вопросомъ, какое вліяніе это окажетъ на соціалъ-демократію! Вспомнимъ также слова Бисмарка, сказанныя въ засѣданіи рейхстага отъ 14 ноября 1884 г., когда со стороны либераловъ ему сдѣланъ былъ упрекъ, что онъ своимъ государственнымъ соціализмомъ содѣйствуетъ росту рабочей партіи: «Еслибъ,—отвѣтилъ Бисмаркъ,—у насъ не было соціалъ-демократовъ и массы людей, которые ихъ боятся, то не существовало бы даже тѣхъ умѣренныхъ успѣховъ, которыхъ мы достигли въ области соціальной реформы».

«Судьба Германіи, насколько она зависитъ отъ дѣятельности рейхстага, должна быть теперь рѣшена на 5 лѣтъ, а въ наше быстроживущее время это очень большой промежутокъ»,—читаемъ мы въ манифестѣ, подписанномъ всѣми депутатами рабочей партіи. За что же они предлагаютъ своимъ сторонникамъ бороться? Въ чемъ, на ихъ взглядъ, состоятъ тѣ пріобрѣтенія и тѣ нужды нѣмецкаго народа, отстаивать или удовлетворять которыя они обѣщаютъ въ будущемъ рейхстагѣ? На первомъ мѣстѣ стоитъ защита всеобщаго избирательнаго права, находящагося въ опасности въ случаѣ консервативнаго состава рейхстага. Никто, конечно, не скажетъ, чтобы въ этомъ требованіи сохраненія существующаго заключалось что-нибудь революціонное: если понимать консерватизмъ въ его истинномъ смыслѣ, то въ данномъ случаѣ соціалъ-демократы — истинные консерваторы. Не менѣе консервативно, въ сущности, требованіе, выражаемое манифестомъ, о сохраненіи существующей теперь торговой политики, основанной на трактатахъ съ Россіей и другими европейскими странами: «Устойчивая торговая политика, основанная на трактатахъ со всѣми народами, участвующими въ современномъ торговомъ оборотѣ, въ высокой степени содѣйствуетъ мирному соперничеству во всѣхъ областяхъ культуры. Это—политика, которая въ состояніи повести къ спокойному развитію нашихъ промышленныхъ и торговыхъ отношеній и оградить рабочаго, насколько это вообще возможно при существующемъ порядкѣ, отъ слишкомъ большихъ колебаній въ оцѣнкѣ его рабочей силы... Эта политика подвергается нападкамъ со стороны аграріевъ и нѣкоторой части протекціонистовъ-промышленниковъ». Нѣмецкіе рабочіе категорически выступаютъ противъ усиленія милитаризма и маринизма, но въ этомъ случаѣ они встрѣчаются съ значительной частью гражданской демократіи, подобно имъ голосовавшей въ предыдущемъ рейхстагѣ, какъ противъ усиленія арміи, такъ и противъ увеличенія флота. Въ вопросахъ о расширеніи права союзовъ и собраній, какъ и устраненіи препятствій существующихъ еще въ Германіи для развитіи тредъюніоннизма, требованія манифеста не идутъ много дальше того, что высказано по тѣмъ же поводамъ свободомыслящими и даже клерикалами.

Только въ самомъ концѣ манифеста заключается нѣсколько словъ, указывающихъ на то, что предъ нами партія, экономическіе идеалы которой не совпадаютъ съ идеями гражданской демократіи. Основная тенденція воззванія, однако, не столько борьба противъ существующаго порядка, основаннаго на публичномъ правѣ, сколько требованія реформъ и огражденіе политическихъ пріобрѣтеній народа отъ покушеній юнкерства и попытокъ возвращенія къ феодализму. Не даромъ, поэтому, Евгеній Рихтеръ послѣ обнародованія воззванія соціалъ-демократіи замѣтилъ, что онъ готовъ подписаться подъ $^{5}/_{6}$ всѣхъ ея требованій; Рихтеръ же, какъ извѣстно, непри-

миримый противникъ стремленій, направленныхъ противъ существующаго экономическаго порядка.

Въ книгѣ, спеціально изданной для нынѣшнихъ выборовъ и имѣющей своимъ назначеніемъ дать агитаторамъ партіи возможность отвѣчать на вопросы сомнѣвающихся и на возраженія противниковъ, соціалъ-демократія формулируетъ свое отношеніе къ цѣлому ряду другихъ экономическихъ и политическихъ вопросовъ современности. Мы остановимся на тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ наиболѣе ярко выражается переложеніе программы въ конкретныя формы. На упреки противниковъ въ отсутствіи патріотизма, по этой инструкціи слѣдуетъ отвѣчать: Идею братства народовъ мы считаемъ конечной цѣлью развитія человѣчества, совпадающей съ ученіемъ христіанства. Ее, однако, не надо понимать въ томъ смыслѣ, что мы готовы отдать Германію французамъ или русскимъ; наоборотъ, каждая попытка этого рода, каждое покушеніе на малѣйшую часть нашей территоріи встрѣтятъ съ нашей стороны энергическое сопротивленіе. Защищая неприкосновенность отечества, мы, однако, враги шовинизма, національнаго самомнѣнія, заключающаго въ себѣ враждебное отношеніе къ другимъ народамъ. Мы защищаемъ всякую мѣру, способную смягчить антагонизмъ между народами. Къ такимъ мѣрамъ принадлежатъ торговые трактаты, международное фабричное законодательство, международные правовые институты, всѣ научныя стремленія, выходящія за предѣлы одной націи, и всѣ попытки къ созданію примирительныхъ органовъ для разрѣшенія споровъ между народами. Точно также соціалъ-демократія категорически отрицаетъ, будто она стремится уничтожить религію. Наша программа,—заявляетъ она,—на этотъ счетъ даетъ прямой отвѣтъ: религія дѣло частной совѣсти. Современное государство не стоитъ больше на точкѣ зрѣнія церковнаго единства, въ немъ нѣтъ господствующей религіи. Лучшимъ выраженіемъ нашихъ взглядовъ на религіозные вопросы служитъ отношеніе нашихъ парламентскихъ представителей къ культуръ-кампфу, къ изгнанію іезуитовъ, къ попыткамъ ограничить гражданскія права нехристіанъ. Іезуиты, напримѣръ, — непримиримые противники соціалъ демократіи, но это насъ не удержало отъ того, чтобы голосовать за предложеніе клерикаловъ о возвращеніи іезуитовъ въ Германію. Чего мы не допускаемъ,—это принужденія и ханжества. Предполагать же, что мы собираемся упразднить существующія религіи, такое же безуміе, какъ если бы намъ предписывали намѣреніе декретировать новую религію: религія — продуктъ культурнаго развитія человѣчества. Въ представленіи о цѣли экономическаго развитія,—читаемъ мы дальше въ той же книгѣ,—легко ошибиться относительно продолжительности времени, въ которое цѣль уже можетъ быть достигнута: заранѣе нельзя предвидѣть, когда совершатся всѣ фазисы развитія и какъ велики будутъ препятствія, стоящія на пути къ ея осуществленію. Чѣмъ выше и прекраснѣе идеалъ, тѣмъ

сильнѣе воодушевленіе бойцовъ. Только оптимисты могутъ завоевать міръ... Это значитъ, другими словами, что идеала не осуществляютъ декретами и что путь, который придется пройти, еще очень далекъ, хотя этого и не слѣдуетъ постоянно подчеркивать, чтобы не вызвать пессимизма. Для тѣхъ, кто издавна присматривался къ рабочему движенію въ Германіи, это, конечно, не новыя мысли, но ихъ не мѣшаетъ повторить именно теперь, когда новая побѣда соціалъ-демократіи вызываетъ, понятный интересъ къ нѣмецкимъ внутреннимъ условіямъ далеко за предѣлами Германіи.

Въ Берлинѣ послѣ опубликованія результатовъ голосованія въ столичныхъ округахъ легко можно было подумать, что опасенія противниковъ соціализма были преувеличены. Правда, за соціалъ-демократовъ насчитали 155 изъ 161 тысячи поданныхъ голосовъ, но за 5 лѣтъ число соціалистическихъ голосовъ увеличилось лишь на 4,276, тогда какъ число избирателей за этотъ періодъ увеличилось съ 373,930 до 395,484 чел. По отдѣльнымъ берлинскимъ округамъ увеличеніе соціалъ-демократическихъ избирателей произошло въ 5-мъ и 6-мъ вмѣстѣ на 7½ тысячъ, тогда какъ въ первыхъ четырехъ округахъ произошло даже уменьшеніе голосовъ, поданныхъ за рабочихъ кандидатовъ. Если свободомыслящіе, отчасти и консерваторы могутъ приписать индифферентизмъ населенія (голосовали лишь 66% всѣхъ избирателей) тому, что въ двухъ большихъ округахъ побѣда Либкнехта и Зингера была внѣ всякаго сомнѣнія, то для соціалъ-демократіи такого объясненія быть не можетъ: кто за нее, тотъ не воздерживается отъ голосованія. Слѣдовательно, берлинскіе выборы дѣйствительно обнаружили, что въ столицѣ ростъ рабочей партіи почти прекратился. Впрочемъ, какъ указываетъ и органъ министра Микеля Berliner Politische Nachrichten, это, быть можетъ объясняется тѣмъ, что благодаря дешевизнѣ проѣзда по городской и круговой жел. дор. тысячи рабочихъ переселились между 1893 и 1898 г. за черту города и выбираютъ не въ столичныхъ выборныхъ участкахъ.

За то результаты въ остальной Германіи не оставляютъ никакого сомнѣнія, что соціалъ-демократія за эти 5 лѣтъ сдѣлала огромныя пріобрѣтенія. Во всѣхъ большихъ городахъ, за соціалъ-демократовъ (въ круглыхъ цифрахъ) подано всего 709,000 голосовъ, противъ 589,000 на предыдущихъ выборахъ, что составляетъ приростъ въ 120,000 голосовъ или слишкомъ въ 20 процентовъ. За кандидатовъ другихъ оппозиціонныхъ партій, къ которымъ, если понимать оппозицію въ смыслѣ несогласія съ реакціонной политикой въ вопросахъ политическаго равенства и свободы, надо причислить свободомыслящихъ, центръ, націоналъ-соціаловъ и либеральныхъ «дикихъ», подано было въ 1893 г. 285,000, на нынѣшнихъ же выборахъ—304,000: это плюсъ въ 29,000 или 10%. Наоборотъ, консерваторы, націоналъ-либералы и примыкающія къ нимъ группы правой въ нынѣшній разъ получили 294 противъ 307 тысячъ 5 лѣтъ тому

назадъ, или менѣе на 13,000 голосовъ. Изъ меньшихъ городовъ и сельскихъ округовъ пока имѣются только приблизительныя цифры. На выборахъ 1893 г. въ первой баллотировкѣ выбрано было 24 кандидата соціалъ-демократической партіи и 20 прошли на перебаллотировкѣ, теперь выбраны 32 и 101 подлежатъ перебаллотировкѣ, изъ которыхъ въ худшемъ для нихъ случаѣ, если-бы всѣ остальныя партіи заключили союзъ противъ нея, 20—25 кандидатовъ, имѣющихъ значительное большинство, все же будутъ избраны. Такъ какъ, однако, очень многіе свободомыслящіе и не мало клерикаловъ (послѣдніе вопреки оффиціальному паролю своей партіи) предпочтутъ соціалъ-демократа аграрію, то весьма вѣроятно, что въ будущемъ рейхстагѣ соціалъ-демократія уступитъ по числу мѣстъ только центру.

Подъ впечатлѣніемъ этихъ фактовъ правительство черезъ «Norddeutsche Allg. Z.» обратилось съ горячимъ призывомъ ко всѣмъ патріотамъ и сторонникамъ существующаго порядка, приглашая подавить всѣ непріязненныя чувства къ либераламъ и голосовать за нихъ на перебаллотировкахъ, особенно въ Берлинѣ: «помните только, что въ настоящую минуту важно не то, за кого вы подаете свои голоса, а *отъ* кого всѣмъ гражданамъ надо защищать основы порядка и монархіи. Мы открыто зовемъ васъ поддержать свободомыслящихъ и такъ какъ вы руководствуетесь только любовью къ родинѣ, то вашъ образъ дѣйствій не зависитъ отъ того, отвѣтятъ ли намъ либералы такимъ же поведеніемъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы стоимъ въ перебаллотировкѣ съ соціалъ-демократами». Главный органъ юнкерства дружно поддержалъ «Nordd. Allg. Z.», пароль теперь только одинъ—противъ соціалъ-демократіи. Однако въ тотъ же вечеръ «Kreuzzeitung» уже стала гораздо сдержаннѣе и нашла, что даромъ на свѣтѣ никто себя не утруждаетъ; если свободомыслящіе получатъ нѣсколько полномочій при помощи правой, то послѣдняя вправѣ требовать, чтобы лозунгъ былъ общій. Легкомысленный берлинскій «Tageblatt», мнящій себя руководящимъ органомъ либерализма, пришелъ въ такое уныніе, что сталъ жалобно просить, нельзя ли найти компромиссъ? Рихтеръ, однако, отвѣтилъ категорически, что о поворотѣ фронта съ его стороны не можетъ быть рѣчи: онъ не идетъ брататься съ соціалъ-демократами, но кто приглашаетъ заключать компромиссы съ реакціонерами, тотъ имѣетъ слишкомъ низкое мнѣніе о либерализмѣ.

Отношеніе соціалъ-демократіи во всѣхъ многочисленныхъ округахъ, въ которыхъ отъ нея зависитъ исходъ баллотировки, не подлежитъ теперь сомнѣнію: вездѣ, гдѣ свободомыслящій борется съ кандидатомъ другихъ партій, она будетъ за перваго. Она приглашаетъ своихъ сторонниковъ поддерживать того изъ кандидатовъ, который выскажется: за сохраненіе всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права; за огражденіе бюджетнаго права рейхстага, свободы собраній и союзовъ, противъ исключительныхъ законовъ, ухудшенія законодатательства о печати и фабричныхъ зако-

новъ, противъ увеличенія арміи и флота, противъ новыхъ косвенныхъ налоговъ и пошлинъ на хлѣбъ и другіе предметы потребленія массъ. Требованія такъ формулированы, что ни одинъ свободомыслящій не откажется подъ ними подписаться, и это, очевидно, входило въ намѣренія Ауэра и Бебеля, отъ имени своей партіи обѣщающихъ теперь свою поддержку Рихтеру. То, что они, предъявляя такія условія, могутъ сослаться на постановленія своего гамбургскаго конгресса, ясно доказываетъ, что въ основныхъ политическихъ взглядахъ гражданская демократія и рабочая партія имѣютъ столько еще общаго, что ослабленіе одной не можетъ быть выигрышемъ въ глазахъ другой.

При другой тактикѣ обѣихъ названныхъ партій на перебаллотировкахъ, особенно выиграли бы аграріи. Союзъ сельскихъ хозяевъ только въ исключительныхъ случаяхъ выставлялъ кандидатовъ подъ собственнымъ флагомъ, такъ что нисколько не удивительно, что только 1 членъ союза выбранъ и 7 стоятъ въ перебаллотировкахъ. Вы бы, однако, получили ложное представленіе о силѣ союза аграріевъ, если бы по этимъ даннымъ сдѣлали заключеніе объ его участіи на выборахъ: въ дѣйствительности почти всѣ консерваторы, всѣ антисемиты и добрая половина націоналъ-либераловъ—кандидаты Bund der Landwirthe. Въ Берлинѣ, однако, ожидали еще гораздо большихъ успѣховъ аграрнаго движенія. Если перебаллотировки не приведутъ къ совершеннымъ сюрпризамъ, то будущій рейхстагъ въ вопросахъ торговой политики и въ отношеніи къ требованіямъ землевладѣльцевъ не будетъ отличаться отъ прошлаго: лѣвая, нѣсколько рѣзче еще, чѣмъ до сихъ поръ, станетъ отстаивать трактаты, бороться противъ новыхъ пошлинъ на хлѣбъ и привилегій землевладѣльцамъ; правая, въ томъ же почти количествѣ, какъ до сихъ поръ, но уже насквозь аграрная, будетъ придерживаться правила: wir wollen schreien, schreien! Но сколько бы она ни кричала, на призывъ ея откликнутся лишь ея данники изъ націоналъ-либераловъ, которыхъ въ новомъ рейхстагѣ будетъ очень мало. У правительства тоже не будетъ особеннаго импульса угождать аграріямъ больше, чѣмъ это допускаютъ приличіе и международныя соображенія, въ особенности если оно склонится на сторону Гогенлоэ и Бюлова: нынѣшнее пораженіе правительства, по ихъ убѣжденію, является продуктомъ слишкомъ большой уступчивости аграрно-юнкерскимъ требованіямъ, вызвавшей будто бы отпоръ населенія въ наиболѣе рѣзкой формѣ—подачѣ голосовъ за соціалъ-демократію, какъ самую рѣшительную представительницу протеста. Что касается клерикаловъ, то, не будучи такими же противниками аграрнаго движенія въ духѣ Каница, какъ соціалъ-демократы и свободомыслящіе, они, какъ представители средняго круга мѣщанства и значительной части рабочихъ, далеки отъ крайностей протекціонизма и ни въ какомъ случаѣ не станутъ легкомысленно рвать торговые договоры.

Значеніе центра въ новомъ рейхстагѣ составляетъ явленіе, которое послѣ успѣховъ соціалъ-демократіи наиболѣе обращаетъ на себя вниманіе. «Высокая башня центра», какъ любятъ картинно выражаться нѣмецкіе клерикалы, говоря о своей партіи, не только не поколебалась, но стоитъ прочнѣе, чѣмъ когда-либо. Угроза Бебеля, что соціалъ-демократія послѣ измѣны центра въ вопросѣ о маринизмѣ постарается раскрыть глаза католическому народу, до сихъ поръ не оправдалась. Въ одной изъ своихъ рѣчей предъ избирателями вождь центра, Либеръ, спокойно по этому поводу замѣтилъ: «Насъ называютъ правительственной партіей, но въ названіи есть маленькая неточность: мы не *правительственная*, а *правящая* партія («keine Regierungs,—sondern eine regierende Partei»)». Въ этомъ гордомъ сознаніи собственной силы нѣтъ преувеличенія: безъ центра правительство не въ состояніи провести ни одного закона, ни одной мѣры во внутреннемъ управленіи, въ экономической политикѣ, и столь рѣшающее значеніе клерикаловъ дѣйствительно связано съ независимостью по отношенію ихъ къ власти. Имъ нечего думать о карьерѣ сыновей или о приглашеніи женъ на придворные балы. Аристократическіе элементы, когда-то игравшіе роль въ центрѣ, отступили на задній планъ: вождями и ораторами партіи состоятъ интеллигентные люди средняго круга—судьи, адвокаты, профессора, журналисты. Центръ вообще не представитель одного сословія и ряды его пополняются какъ мѣщанами, и крестьянами, такъ и заводскими и фабричными рабочими. Въ виду этого онъ не можетъ пойти за правительствомъ или прусскимъ юнкерствомъ, если возникнутъ попытки ограничить политическую свободу. Реакціонный характеръ этой партіи выражается лишь въ одной области, въ которой она дѣйствительно можетъ стать угрозой развитію Германіи, — въ школѣ. Свободу собраній, союзовъ, вѣротерпимость и многія другія пріобрѣтенія послѣдней половины вѣка нѣмецкіе клерикалы будутъ защищать уже въ силу того, что сами они были жертвами произвола Бисмарка. Отъ эпохи культуръ-кампфа теперь остались только слабые слѣды, да и тѣ, вѣроятно, скоро вовсе исчезнутъ (напримѣръ, запрещеніе ордена іезуитовъ), но тѣмъ не менѣе католики еще живо помнятъ преслѣдованія. Либеръ только недавно вспоминалъ въ рейхстагѣ, когда зашла рѣчь о суровомъ обращеніи въ тюрьмѣ съ редакторомъ радикальной газеты, что точно также обращались съ кельнскимъ архіепископомъ, Мельхерсомъ. Какъ сами вожди центра судятъ о настроеніи въ преданныхъ имъ кругахъ народа, объ этомъ можно заключить по тому, что главнымъ ихъ паролемъ на выборахъ было—сохраненіе всеобщаго избирательнаго права. Слухи о покушеніи на это драгоцѣнное пріобрѣтеніе народа, такъ упорно повторявшіеся въ послѣднее время, что правительство дважды сочло нужнымъ опровергать ихъ въ «Reichsanzeiger»'ѣ, основывались на заявленіяхъ Мюллера-Фульда и Бахема, двухъ видныхъ депутатовъ

центра. Если присоединить къ тому, что германскіе клерикалы энергично отстаиваютъ соціальныя реформы въ интересахъ труда, то васъ не должно удивить, что побѣда этой партіи содѣйствуетъ при настоящихъ условіяхъ Германіи къ успокоенію той части общества, которая опасалась самовольныхъ поступковъ сверху, означающихъ измѣненіе существующаго общественнаго строя.

Третья интересная черта въ германскихъ выборахъ—это судьба антисемитизма.

Объ антисемитической партіи едва ли можно дать лучшее представленіе, какъ отмѣтивъ отношеніе ея депутатовъ къ главнѣйшимъ вопросамъ, поставленнымъ на голосованіе въ предыдущемъ рейхстагѣ. Съ 4 іюля 1893 г. до 31 марта 1898 г. въ рейхстагѣ произошло 78 поименныхъ голосованій, въ которыхъ изъ 16 антисемитовъ рейхстага въ среднемъ принимали участіе лишь 8: другіе 8 отсутствовали. Присутствующіе антисемиты представляютъ картину хаоса, какой нельзя найти ни въ какой другой фракціи, не исключая даже національ-либераловъ. При голосованіи предложенія центра объ отмѣнѣ закона противъ іезуитовъ 1 высказался за, 2—противъ, 3 воздержались отъ голосованія и 10 отсутствовали; при баллотировкѣ консервативнаго предложенія объ отмѣнѣ обязательнаго гражданскаго брака 4 подали голоса за, 2 противъ, 10 отсутствовали; за законъ объ обложеніи сахара были 3 антисемита, противъ—4, 9 отсутствовали; въ дебатахъ о флотѣ 11 были за правительственный проектъ, 3 противъ, 2 отсутствовали; во время борьбы противъ правительственной Umsturzvorlage антисемиты высказывались противъ нея, но отъ имени ихъ въ рейхстагѣ выступилъ Либерманъ фонъ Зонненбергъ съ горячей филиппикой за проектъ! Такихъ примѣровъ можно бы привести еще десятокъ, но зачѣмъ черпать характеристику антисемитизма изъ враждебныхъ ему, хотя въ данномъ случаѣ и основывающихся на оффиціальныхъ протоколахъ, показаній, если у насъ имѣется столь компетентный съ антисемитической точки зрѣнія судья, какъ депутатъ-антисемитъ Ферстеръ, слѣдующимъ образомъ рисующій своихъ единомышленниковъ: «Мы не перестаемъ повторять о защитѣ интересовъ средняго круга (Mittelstand, т. е. ремесленниковъ и мѣщанъ), но ясно ли для насъ самихъ, что мы подъ этимъ понимаемъ, чего желаемъ и чего не желаемъ? Въ самыхъ важныхъ вопросахъ каждый высказывается по собственному вдохновенію. У насъ или полное отсутствіе жизни, или поверхностная болтовня съ громкими, но истасканными фразами». Ферстеръ, вслѣдствіе этого, предсказывалъ еще полгода тому назадъ, что антисемитическое движеніе больше не будетъ имѣть успѣха въ странѣ. Дѣйствительно, народное голосованіе было достойнымъ отвѣтамъ избирателей представителямъ, такъ мало оправдавшимъ ихъ довѣріе. Изъ 16 антисемитовъ, именующихъ себя членами партіи реформъ, выбраны только 5, еще 6 попали въ перебаллотировку, такъ что въ лучшемъ случаѣ ихъ будетъ только 11. Городское насе-

леніе отъ нихъ совсѣмъ отвернулось: въ Берлинѣ они играютъ жалкую роль; въ Дрезденѣ, завоеванномъ антисемитами въ прошлый разъ при содѣйствіи консерваторовъ, за ихъ кандидата Циммермана подано было втрое меньше голосовъ, чѣмъ за соціалъ-демократа; въ Гамбургѣ, Бреславлѣ, Франкфуртѣ процентное отношеніе антисемитовъ къ другимъ партіямъ ничтожно. Слабымъ утѣшеніемъ для разгромленной партіи «соціализма глупцовъ» можетъ служить развѣ то, что значительной дозой антисемитизма пропитана консервативная партія, что, однако, не мѣшаетъ сыновьямъ прусскихъ аристократовъ позолачивать вывѣтрившіеся гербы приданымъ дочерей евреевъ-банкировъ. Въ округѣ Арнсвальде Альвардтъ, впрочемъ, попалъ въ перебаллотировку съ консерваторомъ и, такимъ образомъ, у любителей грубыхъ зрѣлищъ еще есть надежда, что этотъ шутъ будетъ украшать рейхстагъ. Впрочемъ, въ какомъ парламентѣ нѣтъ шутовъ, въ той или иной формѣ напоминающихъ, что политическое воспитаніе народа еще не стоитъ на идеальной высотѣ? Въ цѣломъ, однако, участь антисемитовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что фразами и патріотическимъ эгоизмомъ, спекулирующимъ на дурные инстинкты, нельзя надолго морочить нѣмецкій народъ.

Къ числу маленькихъ партій, которыя обнаружили на этихъ выборахъ замѣтную дѣятельность и стремились привлечь на свою сторону какъ интеллигенцію, такъ и массы, принадлежитъ группа, которая прежде именовала себя христіанскими соціалистами и теперь приняла названіе національно-соціальнаго союза. Во главѣ ея стоятъ пасторы Науманъ и Гере и извѣстный лейпцигскій профессоръ Зомъ. Для характеристики этой группы достаточно привести наиболѣе существенныя мѣста изъ выпущеннаго ею избирательнаго воззванія. «Мы національны и желаемъ могущества и славы Германіи, поэтому мы высказываемся за сильное войско и сильный флотъ. Мы за монархію, потому что хотимъ, чтобы Германія была гарантирована отъ внѣшнихъ и внутреннихъ колебаній, и оттого, что сильная монархія лучшая союзница стремящихся впередъ народныхъ массъ. Мы соціальны, потому что, по нашему убѣжденію, безъ поднятія положенія народа немыслимы силы и развитіе націи. Мы стоимъ за свободу, потому что безъ сознательнаго участія всѣхъ элементовъ народа въ общественной жизни невозможно улучшеніе быта массъ. Германія противъ подавленія общихъ и народныхъ интересовъ вліяніемъ крупнаго землевладѣнія. Точно также мы высказываемся противъ консервативно-націоналъ-либеральной «политики соединенія», Politik der Sammlung, которая не что иное, какъ новое изданіе стараго картеля, имѣющее цѣлью подавить либеральныя учрежденія, дать просторъ аграрной политикѣ и преслѣдовать соціалъ-демократію механическими средствами, которыя ведутъ лишь къ усиленію революціонной опасности!» Въ области рабочаго вопроса національно-соціальная группа высказывается за свободу союзовъ, широкое фабричное законодательство и свободу коали-

ціи. Въ крестьянскомъ вопросѣ она—сторонница мелкаго землевладѣнія; въ ремесленномъ—противъ цеховъ, въ торговой политикѣ—за трактаты. Съ рабочей партіей «національ-соціаловъ» связываетъ одинаковое стремленіе къ реформамъ, ведущимъ къ сокращенію труда и увеличенію заработковъ; съ либерализмомъ у нихъ много общаго въ защитѣ свободы печати, собраній, свободы передвиженія и всеобщаго избирательнаго права. Въ выборной агитаціи противники обыкновенно рѣзче подчеркиваютъ недостатки своего соперника, и поэтому неудивительно, что національ-соціаловъ на собраніяхъ и въ печати соціалъ-демократіи представляли шовинистами, ультра-національными идеологами, способными лишь на полумѣры, неотзывчивыми на народную нужду, тогда какъ свободомыслящіе третировали ихъ, какъ незрѣлыхъ юношей, въ своей программѣ пытающихся соединить несоединимое: соціалистическіе христіане—писалъ на дняхъ руководящій органъ либерализма—составили свою программу исключительно изъ изюминъ другихъ партій, не замѣчая, что предлагаемый ими пирогъ совершенно не переваримъ. Консерваторы и піетисты, очевидно, преувеличивая опасность новой группы обрушились на нее съ такими же пріемами, съ какими Штуммъ и его прислужники пытались уничтожить катедеръ-соціалистовъ берлинскаго университета. Въ одномъ изъ выборныхъ летучихъ листковъ, разосланныхъ лейпцигскимъ картелемъ порядка, новая группа охарактеризована шуткой, заимствованной изъ юмористическихъ журналовъ: національ-соціалы—это люди, поющіе Wacht am Rhein на мотивъ марсельезы. Науманъ, Зомъ, Герлахъ и другіе кандидаты и агитаторы національно-соціальной группы не оставались въ долгу у своихъ противниковъ, но нужно отдать имъ справедливость: при самыхъ жаркихъ схваткахъ они оставались вполнѣ порядочными людьми, никогда не переносившими спора на почву личныхъ инсинуацій, постоянно помнившими, что этическое содержаніе ихъ стремленій не соединимо съ клеветой на дѣятелей другого лагеря. Критикуя утопичность государствъ будущаго, Науманъ сознавалъ, однако, что положительныя реформы были бы невозможны безъ существованія сильной рабочей партіи, во главѣ которой стоятъ вожди, съ чьими идеями онъ, какъ монархистъ и пасторъ, во многомъ не можетъ соглашаться, но въ чистотѣ намѣреній которыхъ онъ всегда былъ убѣжденъ.

Вы можете поэтому услышать теперь отъ лицъ почти всѣхъ партій искреннее сожалѣніе по поводу того, что ни одному изъ этихъ молодыхъ христіанскихъ и національныхъ соціалистовъ не удалось попасть въ рейхстагъ. Науманъ или Герлахъ были бы тамъ незаурядными фигурами. Почти всѣ національ-соціалы производятъ впечатлѣніе людей, не гоняющихся за карьерой, искренно убѣжденныхъ и отзывчивыхъ на народную нужду. Безъ политической организаціи, безъ собственныхъ газетъ, они, однако, оказались безсильными, тѣмъ болѣе, что массамъ они не могли дать ничего

конкретнаго, чего бы не предлагали, въ разныхъ дозахъ и съ другими приправами, старыя, хорошо организованныя партіи.

Гервегъ когда-то увѣрялъ, что даже древніе боги воевали подъ щитомъ партіи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ маленькія, слабыя группы, такъ и политическіе дѣятели въ одиночку, на свой собственный страхъ и рискъ, меньше всего могутъ разсчитывать на успѣхъ во время выборовъ. Нужны совершенно исключительныя условія и упорная предварительная работа въ теченіе долгаго періода, чтобы такіе вольные стрѣлки могли завоевать округъ. Это не удалось, напр., извѣстному проповѣднику «единаго христіанства», Эгиди, усердно агитировавшему въ Эльберфельдѣ; хотя его горячо поддерживали такіе же идеалисты, какъ онъ самъ, но это не помѣшало ему потерпѣть полное пораженіе. Самостоятельный, безукоризненно честный человѣкъ, формулирующій свою программу въ словахъ: Я не знаю невѣрующихъ и вредно-мыслящихъ, для меня существуютъ только иначе мыслящіе и иначе вѣрующіе, былъ бы отраднымъ явленіемъ во всякомъ парламентѣ. Къ сожалѣнію, такіе люди возможны лишь въ болѣе мирныя эпохи, чѣмъ нынѣшняя, полная борьбы и страстей.

Изъ другихъ эпизодовъ на выборахъ заслуживаетъ вниманія еще пораженіе Круппа въ округѣ Эссенъ, гдѣ находятся его знаменитые заводы: избиратели предпочли королю пушекъ клерикала Штецпеля, вождя католическаго союза рудокоповъ. Штуммъ, не смотря на то, что сторонники его распустили слухи, будто онъ выставляетъ свою кандидатуру только по желанію самого императора, не получилъ большинства, но попалъ въ перебаллотировку, тоже съ клерикаломъ. Въ Страсбургѣ, представителемъ котораго въ прежнемъ рейхстагѣ былъ Бебель, соціалъ-демократія потерпѣла пораженіе. Въ другихъ эльзасскихъ округахъ очень замѣтно уменьшилось вліяніе партіи протеста. Несомнѣнно, что болѣе благопріятное для правительства настроеніе въ эльзасскомъ населеніи объясняется прекращеніемъ суроваго гнета прусскихъ германизаторовъ. Незадолго до выборовъ правительство согласилось отмѣнить господствовавшій до сихъ поръ произволъ по отношенію къ печати, замѣнивъ его законными гарантіями, существующими для печатнаго слова въ остальной Германіи. Я, можетъ быть, еще вернусь къ выборамъ, когда окончательно установлена будетъ физіономія новаго рейхстага, теперь же обращусь къ предмету, менѣе громкому, но играющему выдающуюся роль въ исторіи нѣмецкой культуры: къ нѣмецкой школѣ.

III.

Болѣе 3000 народныхъ учителей Германіи воспользовались праздниками Троицы, чтобы принять участіе въ конгрессѣ, состоявшемся въ Бреславлѣ. Періодическіе съѣзды народныхъ учителей

устраиваются по инициативѣ всеобщаго союза, Deutscher Lehrerverein, въ которомъ каждый нѣмецкій учитель находитъ защиту своихъ матеріальныхъ интересовъ, поддержку своимъ идеальнымъ стремленіямъ и возможность ознакомленія съ новыми педагогическими идеями. Какъ высоко въ Германіи цѣнятъ эти собранія, можно судить по тому, что задолго до открытія нынѣшняго съѣзда въ Бреславлѣ образовался комитетъ изъ наиболѣе уважаемыхъ мѣстныхъ гражданъ, къ которому принадлежали ректоръ университета, крупные чины администраціи, адвокаты и другіе представители интеллигенціи. Въ обращеніи къ населенію комитетъ напоминалъ, что городу Бреславлю «выпала честь» принять въ своихъ стѣнахъ дѣятелей народнаго образованія, скромно трудящихся надъ созданіемъ величія отечества и заслуживающихъ, чтобы ихъ встрѣтили съ почетомъ, какой оказываютъ людямъ, работающимъ для общаго блага. Оберъ-бургомистръ Бреславля привѣтствовалъ собравшихся отъ имени города, самоуправленіе котораго не знаетъ болѣе высокой задачи, какъ развитіе народнаго образованія. Представители правительства и университета, явившись въ первое собраніе съѣзда, обратились къ учителямъ съ рѣчами: первый указалъ на связь между требованіями школы и потребностями жизни, второй заявилъ, что если высшее образованіе даетъ школѣ идеи, то университеты, въ свою очередь, обязаны дѣятелямъ народной школы распространеніемъ знанія въ массахъ и правильной постановкой первоначальнаго образованія, которое большинство студентовъ выноситъ изъ народный школы. «Безъ борьбы нѣтъ истины, и потому очень естественно, что и въ этомъ собраніи мы ждемъ свободнаго выраженія мнѣній»,—прибавилъ третій ораторъ, директоръ народныхъ училищъ.

Была однако пора,—и многіе изъ участвующихъ на конгрессахъ учителей знаютъ о ней не понаслышкѣ,—когда народнымъ учителямъ, пытавшимся въ союзѣ другъ съ другомъ осуществить идеальныя задачи школы, приходилось встрѣчать иное отношеніе. Одинъ изъ старыхъ дѣятелей конгрессовъ напомнилъ въ первомъ же рефератѣ, прочитанномъ въ Бреславлѣ, съ какими трудностями приходилось бороться въ теченіе 50 лѣтъ, прошедшихъ теперь съ основанія перваго всеобщаго союза нѣмецкихъ учителей. Это было дитя бурнаго 48-го года. На собраніяхъ въ Дрезденѣ и Эйзенахѣ возникла мысль объединить всѣхъ учителей нѣмецкаго народа, отъ профессора университета до послѣдняго деревенскаго учителя. Это была пора, когда наиболѣе чистыя нѣмецкія души,—а среди нихъ, какъ извѣстно, нѣмецкій учитель занимаетъ не послѣднее мѣсто—мечтали о братствѣ людей и привѣтствовали начинающуюся весну народовъ. Дѣйствительность, къ сожалѣнію, скоро отрезвила ихъ, и братство не пошло дальше объединенія только народныхъ учителей въ нѣмецкомъ Lehrerverein'ѣ. Послѣднему тоже не суждена была долгая жизнь: «Er starb am Stickstoff der Reaction», замѣ-

тилъ референтъ при одобреніи всего собранія. Періодическіе съѣзды въ Пруссіи были запрещены, но хорошее учрежденіе и въ этотъ разъ, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, спаслось, благодаря раздробленности тогдашней Германіи. Въ Баденѣ, Веймарѣ и другихъ мелкихъ государствахъ съѣзды учителей находили пріютъ въ продолженіи почти 20 лѣтъ, пока, наконецъ, въ 1867 г. они могли состояться и въ Пруссіи. Послѣ побѣдъ 1866 и 70 гг. къ школьному учителю стали относиться съ почтеніемъ, и правительство, какъ и политическія партіи, добиваются его содѣйствія. Основанный въ 1871 г. Deutscher Lehrerverein, преемникъ Lehrerverein'а 48-го года, однако остался вѣренъ идеямъ, одушевлявшимъ «отцовъ». «Въ наше время религіозныхъ распрей и борьбы матеріальныхъ интересовъ,—воскликнулъ учитель Гертнеръ—мы, труженики народной школы, находили укрѣпленіе и ободреніе, оставаясь вѣрными путямъ, указаннымъ намъ на этихъ же собраніяхъ Дистервегомъ и Диттесомъ. Въ нашихъ вѣрныхъ сердцахъ имена ихъ записаны золотыми буквами... На упреки въ отсутствіи патріотизма мы можемъ отвѣтить, что нѣмецкое единство находило въ учителѣ опору въ то время, когда объ объединеніи Германіи опасно было говорить». На упреки же клерикаловъ и піэтистовъ учителя Германіи возражаютъ, что, воспитывая дѣтей въ духѣ истинной религіозности, въ страхѣ Божіемъ и любви къ человѣку, они не хотятъ вносить въ молодыя сердца догматическія распри, отдѣляющія нѣмца отъ нѣмца. Точно также союзъ учителей требуетъ, при организаціи школы, чтобы не смѣшивались вопросы церкви и педагогіи. Школа серьезное и трудное дѣло, не допускающее дилетантизма. Далеко не всѣ требованія, выдвинутыя до сихъ поръ союзомъ учителей, уже осуществлены: не достигнута еще, напримѣръ, общность первоначальнаго образованія для всѣхъ дѣтей безъ различія общественнаго положенія. «Исторія нѣмецкой народной школы,—такъ закончилъ референтъ,—даетъ намъ право быть убѣжденными, что будущее принесетъ дальнѣйшее усовершенствованіе, большее углубленіе знанія, большее соотвѣтствіе школьныхъ программъ съ требованіями массъ. Условіемъ для достиженія этого является дѣятельность самого учителя, рѣшительная, энергичная, опирающаяся на прочную организацію союза товарищей». Какихъ результатовъ организація достигла до сихъ поръ, объ этомъ ясно говорятъ школьныя условія въ нѣмецкихъ городахъ, матеріальное положеніе учителя, улучшившееся даже въ прусскихъ деревняхъ. Lehrerverein и въ глазахъ правительства—сила: 80000 членовъ учительскаго союза, разбросанные по всей Германіи и почти всегда пользующіеся вліяніемъ,—это такая армія интеллигенціи, которая должна внушить къ себѣ почтеніе. Внѣ союза остаются только клерикалы, хотя среди членовъ союза тоже не мало католиковъ. Страннымъ образомъ, внѣ союза остаются также учительницы, имѣющія, правда, свои самостоятельныя общества, также собирающіяся на

съѣзды. «Verein Preussischer Volksschullehrerinnen» насчитываетъ, напр., болѣе 3000 членовъ, и въ то время, какъ нѣмецкіе народные учителя засѣдали въ Бреславлѣ, прусскія учительницы дебатировали на съѣздѣ въ Ганноверѣ «задачи народной учительницы въ призрѣніи сиротъ».

Одной изъ главныхъ темъ на бреславльскомъ конгрессѣ былъ вопросъ о вліяніи промысловыхъ занятій дѣтей на ихъ школьныя занятія. Фабричное законодательство Германіи запрещаетъ дѣтямъ школьнаго возраста работать на фабрикахъ и заводахъ. Но десятки и сотни тысячъ дѣтей, не достигшихъ 14 лѣтъ (въ Баваріи—13 лѣтъ), кромѣ занятій въ школѣ, обременяются еще работами въ ремесленныхъ и домашнихъ производствахъ, въ сельскомъ хозяйствѣ, употребляются для посылокъ, прислуживаютъ и т. п. Школа, которой фабричныя дѣти обязаны въ значительной мѣрѣ своимъ освобожденіемъ, обратила вниманіе и на вредное вліяніе другихъ видовъ дѣтскаго труда. Берлинскій учитель Агадъ и нѣкоторые изъ его товарищей побудили союзъ учителей предпринять изслѣдованіе о распространенности дѣтскаго труда и поставить вопросъ о его вліяніи на задачи школы въ очередной списокъ нынѣшняго съѣзда.

Референтомъ по этому вопросу въ Бреславлѣ выступилъ берлинскій учитель Фехнеръ, замѣтившій въ началѣ своего доклада, что борьба съ изнуреніемъ дѣтей не имѣетъ ничего общаго со взглядами партіи, а составляетъ одну изъ жизненныхъ задачъ школы. Изъ 428 тысячъ опрошенныхъ дѣтей 13% работали въ промысловыхъ занятіяхъ за наемную плату; въ сельскихъ занятіяхъ процентъ школьниковъ, работающихъ по найму, достигаетъ 25%. «Мы едва ли ошибемся,—прибавляетъ Фехнеръ,—если скажемъ, что изъ *8 милліоновъ нѣмецкихъ школьниковъ* милліонъ обремененъ занятіями, безусловно мѣшающими дѣтямъ удовлетворять требованіямъ школы, притупляющими дѣтскія головы и изнуряющими дѣтей физически». Можно было бы спросить, какимъ образомъ въ странѣ, гордящейся блестящимъ экономическимъ подъемомъ, правительство и общество до сихъ поръ не сознали своей обязанности въ столь великомъ вопросѣ? Нѣмецкій учитель не въ состояніи бороться съ экономическими условіями, создавшими злоупотребленіе дѣтскими силами, но онъ вправѣ разъяснить законодательству, что школа никогда не будетъ воспитательницей народа, пока дѣти будутъ являться въ нее изнуренными и притупленными. Учитель обязанъ сказать обществу: вы основываете ферейны для покровительства животнымъ и забываете о покровительствѣ дѣтямъ. Какъ ни трудна настоящая задача, но она должна быть разрѣшена; дѣтскій трудъ долженъ исчезнуть въ цивилизованной странѣ, и тѣ, которые упразднятъ его, будутъ истинными героями въ современномъ духѣ». Референтомъ и его товарищемъ Агадомъ представлены были конгрессу обширные тезисы, принятые почти единогласно. Главныя положенія слѣдую-

щія: внимательное наблюденіе и статистическое изслѣдованіе подтвердили, что дѣтскій трудъ въ сельскомъ хозяйствѣ и промышленности пользуется еще очень большимъ распространеніемъ. Многократно доказано, что, вслѣдствіе физическаго переутомленія, работы при непогодѣ или въ гигіенически дурныхъ помѣщеніяхъ, дѣти задерживаются въ своемъ развитіи и подвергаются опасности для здоровья. Нѣкоторыя занятія, какъ напр., пастушескія, участіе на охотахъ, разносная торговля, прислуживанье при трактирахъ и т. п., вслѣдствіе недостаточности надзора, ведутъ къ серьезному нравственному ущербу. Дѣти, изнуренныя работами, дѣлаютъ въ школѣ поразительно малые успѣхи и, будучи тяжелымъ бременемъ для учителя, дурно вліяютъ на умственное и нравственное развитіе всей школы. Самъ по себѣ физическій трудъ дѣтей, при разумномъ руководствѣ и правильномъ выборѣ занятій, могъ бы быть даже воспитательнымъ средствомъ, но при условіи, чтобы онъ не сталъ источникомъ заработка. *Наемный* трудъ дѣтей, въ особенности, связанъ съ эксплоатаціей дѣтской силы. Школа обязана стремиться къ полному прекращенію промысловыхъ занятій дѣтей. До тѣхъ поръ однако, пока это требованіе, вслѣдствіе соціальныхъ отношеній и нуждъ многочисленныхъ семействъ, считается радикальнымъ, необходимо, по крайней мѣрѣ, стремиться къ широкимъ ограниченіямъ. Безусловно необходимо въ этомъ направленіи: вовсе воспретить промысловыя занятія дѣтей моложе 12 лѣтъ, а также работу всѣхъ школьниковъ (до 14 лѣтъ) по утрамъ, до начала ученія, вечеромъ, послѣ 6 час., и по воскресеньямъ. Должна быть также запрещена сдѣльная работа дѣтей, разносная торговля и дѣтская работа въ трактирахъ, отеляхъ, театрахъ, циркахъ и на псовыхъ охотахъ. Работы дѣтей старше 12 лѣтъ должны быть ограничены закономъ, и контроль, по образцу фабричной инспекціи, необходимъ также въ сельскомъ хозяйствѣ и домашнихъ промыслахъ. Школа ни въ какомъ случаѣ не должна быть принуждена сокращать время ученія въ интересахъ промысловаго занятія дѣтей (какъ это чаще всего бываетъ въ сельскихъ школахъ). Наконецъ, конгрессъ высказываетъ живѣйшее пожеланіе, чтобы предпринятое недавно правительствомъ изслѣдованіе о промысловыхъ занятіяхъ дѣтей повторялось періодически и было распространено на школьниковъ, работающихъ въ сельскомъ хозяйствѣ.

Стремясь къ поднятію школы, насколько это зависитъ отъ условій жизни дѣтей, нѣмецкіе народные учителя хорошо, однако, сознаютъ, что и къ нимъ самимъ жизнь предъявляетъ все большія требованія. По ихъ просьбѣ, іенскій проф. Райнъ (Rein) представилъ докладъ на тему, какова теперь должна быть подготовка народнаго учителя. Внѣшнимъ образомъ,—замѣтилъ референтъ,—школьное устройство за послѣднюю четверть вѣка стало лучше, программы обширнѣе, учебники толковѣе; къ сожалѣнію, съ 1872 г. наступило затишье въ развитіи педагогическихъ семинарій, стоящее въ рѣзкомъ контрастѣ

съ поднятіемъ благосостоянія и съ политическимъ образованіемъ народа, для котораго всеобщее избирательное право было великимъ педагогическимъ факторомъ. Школьное устройство, по своему внутреннему содержанію, прежде всего зависитъ отъ знаній и соціальнаго положенія учителя. Въ сравненіи съ требованіями нынѣшняго нѣмецкаго народа, образованіе, получаемое учителемъ въ семинаріяхъ (т. н. Präparandenanstalten), слишкомъ недостаточно: курсъ ихъ черезчуръ кратокъ, въ нихъ недостаетъ много свѣдѣній по положительнымъ наукамъ и иностранныхъ языковъ. Несомнѣнно, что многіе учителя самообразованіемъ дополняютъ свѣдѣнія, вынесенныя изъ семинаріи, но такое состояніе не можетъ быть названо нормальнымъ. Въ Саксоніи уже сдѣланъ шагъ впередъ допущеніемъ лучшихъ питомцевъ учительскихъ семинарій къ слушанію лекцій въ университетѣ. По мнѣнію референта, поднятіе образованія народнаго учителя можетъ быть достигнуто расширеніемъ спеціальныхъ педагогическихъ школъ и сближеніемъ ихъ съ университетомъ, при помощи обязательнаго посѣщенія послѣдняго молодыми учителями, прошедшими курсъ семинаріи и получившими въ теченіе двухъ- или трехлѣтней практики ясное представленіе о тѣхъ предметахъ, въ которыхъ они недостаточно еще подготовлены для своего призванія. Отъ этого,—замѣчаетъ Райнъ,—выиграютъ не только народныя школы, но и сами университеты, которые получаютъ возможность стать въ болѣе близкую связь съ народною жизнью. Референтъ резюмируетъ свои идеи, относящіяся, какъ онъ категорически прибавляетъ, лишь къ практически достижимому («болѣе широкія требованія предоставимъ будущимъ поколѣніямъ»), въ слѣдующихъ 5 тезисахъ: Народное образованіе и образованіе учителя стоятъ въ тѣснѣйшей внутренней связи. Усилившаяся потребность въ знаніи нуждается для своего удовлетворенія въ усовершенствованіи состава учителей, общее образованіе и спеціальная педагогическая подготовка которыхъ должны быть отдѣлены другъ отъ друга. Общее образованіе учителя должно быть шире и глубже, чѣмъ до сихъ поръ, и притомъ воспитаніе будущаго учителя, прежде чѣмъ онъ посвятилъ себя педагогической подготовкѣ, лучше всего предоставить среднеучебнымъ заведеніямъ (напримѣръ, реальной школѣ). Учительская семинарія, предполагая, что юноша вступитъ въ нее съ большей подготовкой, чѣмъ до сихъ поръ, можетъ носить характеръ спеціальной педагогической школы. Наконецъ, для дополненія какъ общихъ, такъ и педагогическихъ свѣдѣній, народнымъ учителямъ должны быть открыты двери университета. Въ обстоятельныхъ дебатахъ, вызванныхъ рефератомъ, значительнѣйшее большинство учителей стало на сторону референта. Берлинскій учитель Тэвсъ идетъ еще далѣе проф. Райна, высказывая убѣжденіе, что народная школа лишь тогда станетъ на требуемую высоту, когда для народныхъ учителей настанетъ обязательная подготовка къ своей профессіи въ университетахъ. По предложенію Тэвса,

конгрессъ единогласно выражаетъ прискорбіе по поводу новѣйшихъ мѣръ прусскаго министра народнаго просвѣщенія, составляющихъ шагъ къ пониженію, а не къ повышенію образованія народныхъ учителей. Что конгрессъ очень далекъ отъ мысли, будто такое отношеніе къ подготовкѣ учителей—вина одной личности, видно изъ того, что, вслѣдъ за тѣмъ, тому же прусскому министру выражены были благодарность за поддержку, оказанную имъ санаторіи для народныхъ учителей, и за щедрую субсидію центральной педагогической библіотекѣ союза народныхъ учителей въ Лейпцигѣ, насчитывающей теперь болѣе 80,000 томовъ.

Изъ другихъ вопросовъ, обсуждавшихся на бреславльскомъ конгрессѣ, отмѣтимъ еще содержательный рефератъ учителя Шпитцнера: «Научное и практическое значеніе патологіи для школьной педагогики». Педагогическая патологія, или ученіе объ аномальныхъ явленіяхъ въ развитіи дѣтей, должны дать учителю пониманіе многочисленныхъ отклоненій отъ нормы въ дѣтской натурѣ и повести къ разумной терапіи и гигіенѣ воспитанія. Періодическія изслѣдованія и постоянныя наблюденія надъ школьниками должны быть, конечно, поручены врачамъ, но учитель обязанъ понимать отклоненія, отмѣченныя въ отдѣльныхъ случаяхъ врачемъ, и сообразаться съ ними въ своихъ школьныхъ требованіяхъ. Ошибка нынѣшней школы состоитъ въ томъ, что она, во-первыхъ, вообще мало индивидуализируетъ и, во-вторыхъ, даже тогда, когда она считается съ индивидуальностью ребенка, отъ нея ускользаютъ патологическія причины отклоненій, и, вслѣдствіе того, она мало содѣйствуетъ исправленію ошибокъ ребенка. Конгрессъ постановилъ послѣ продолжительныхъ преній: пригласить общество учителей не упускать изъ виду вопросовъ педагогической патологіи и обнародовать въ своихъ изданіяхъ наиболѣе важныя наблюденія изъ этой области. Мы далеко не исчерпали содержанія этого интереснаго съѣзда, но и по приведеннымъ образцамъ очевидно, что президентъ съѣзда вправѣ былъ сказать въ своей заключительной рѣчи: «Школа вынесетъ много полезнаго и изъ этого нашего собранія, девизомъ котораго, какъ и всѣхъ прежнихъ, было Macht die Köpfe hell und die Herzen warm—просвѣтите головы и согрѣйте сердца».

Въ заключеніе я хотѣлъ бы отмѣтить, что происходившія у насъ чествованія памяти В. Г. Бѣлинскаго не прошли незамѣченными и въ нѣмецкой печати. Для огромнаго большинства даже образованнаго нѣмецкаго общества имя Бѣлинскаго звучитъ совершенно чуждымъ, и очень многіе съ удивленіемъ узнали о томъ, что въ 30-хъ и 40-хъ годахъ у насъ возможны были кружки интеллигентной молодежи, проводившіе ночи напролетъ надъ изученіемъ философіи Гегеля и спорами объ идеяхъ общественной справедливости, волновавшими въ то время западно-европейское общество. Довольно обстоятельный очеркъ дѣятельности и литературныхъ произведеній

нашего критика, «русскаго Лессинга», какъ называютъ Бѣлинскаго и въ европейской печати, появилось въ научномъ приложеніи къ мюнхенской «Allgemeine Zeitung» и принадлежитъ перу В. Генкеля. Отмѣтивъ главные періоды въ скорбной жизни и блестящей дѣятельности Бѣлинскаго, авторъ останавливается на измѣненіяхъ въ міросозерцаніи и направленіи писателя, изъ проповѣдника абсолютной морали ставшаго почитателемъ не только необходимости, но и разумности всего существующаго, чтобы въ третій и послѣдній фазисъ своей жизни снова вернуться къ морали, но уже какъ къ идеалу *общественной* справедливости, требующей реформы дѣйствительности. Въ каждомъ періодѣ своего развитія Бѣлинскій остается искренней натурой, которая не въ состояніи сопротивляться истинѣ, какъ онъ ее понимаетъ; но только въ 40-хъ годахъ,—прибавляетъ нѣмецкій авторъ,—Бѣлинскій становится духовно просвѣтленнымъ, могучимъ бойцомъ, строго и увѣренно отличающимъ добро отъ зла. О Бѣлинскомъ,—справедливо прибавляетъ Генкель,—трудно говорить, какъ о покойникѣ: его мысли и идеалы еще достояніе лучшей части современнаго русскаго поколѣнія. Подобно Руссо, желавшему предстать предъ страшнымъ судомъ съ Confession въ рукахъ, Бѣлинскій можетъ спокойно указать на свои труды, написанные, какъ онъ думалъ и жилъ. «Въ этой абсолютной искренности лежитъ его нравственная заслуга. Какъ писатель, онъ училъ мыслить; какъ человѣкъ—любить мышленіе и довѣряться міру идей». Мнѣ кажется, что въ такой характеристикѣ западно-европейскій писатель съумѣлъ оцѣнить свѣтлую личность нашего замѣчательнаго критика.

Гр. Бр—въ.

Политика.

Испано-американская война.—Текущія событія.

I.

Испанію и Соединенные Штаты мы оставили въ апрѣльской нашей хроникѣ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда окончательно состоялся дипломатическій разрывъ, и американцы объявили блокаду нѣкоторыхъ пунктовъ на Кубѣ и захватили нѣсколько торговыхъ испанскихъ судовъ. Война объявлена не была, но американцы ее уже начали. Оффиціальное объявленіе войны состоялось 13 (25) апрѣля, причемъ въ посланіи президента и въ резолюціяхъ конгресса заявляется, что открытіе военныхъ дѣйствій должно считаться съ 9 (29) апрѣля, день возвращенія Испаніей паспортовъ американскому посланнику въ Мадридѣ генералу Вудфорду.

Два мѣсяца прошло уже со дня открытія военныхъ дѣйствій, но только въ самое послѣднее время положеніе дѣлъ начинаетъ нѣсколько выясняться, хотя и теперь предсказывать ходъ событій было бы очень затруднительно и смѣло. Для европейской публики, привыкшей въ послѣднее время къ быстрому ходу военныхъ событій, это медленное развитіе испано-американской войны является и неожиданнымъ, и мало понятнымъ. Если въ 1866 году въ двѣ недѣли Австрія была разгромлена и принуждена была просить мира; если въ 1870 году черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ 2 августа произошла первая перестрѣлка при Сеербрюкинѣ, императоръ Наполеонъ уже отдавалъ 2 сентября свою шпагу прусскому королю; если немного болѣе понадобилось времени японцамъ, чтобы въ 1894 году расправиться съ Китаемъ, а въ 1897 году туркамъ было довольно одного мѣсяца, чтобы покончить съ греками, то два мѣсяца испано-американской войны безъ видимаго и осязательнаго торжества одной изъ сторонъ представляются изнервившейся и нетерпѣливой публикѣ нашего времени явленіемъ необычнымъ, необъяснимымъ, изъ рукъ вонъ страннымъ... Начинаютъ сомнѣваться, точно ли это серьезная война? И не кроется ли тутъ какой-либо мистификаціи? Ходятъ даже слухи о мирѣ и переговорахъ, точно это возможно въ настоящемъ фазисѣ переживаемаго міромъ событія...! При всемъ добромъ желаніи, ни американцы, не испанцы не могли бы въ настоящее время заключить миръ. Испанія не можетъ уступить, если не желаетъ революціи. Еще менѣе можетъ уступить Америка послѣ того, какъ все же одержала нѣкоторые успѣхи. Le vin est tiré, il feut le boire... И обѣ стороны это сознаютъ и добросовѣстно, съ самоотверженіемъ и мужествомъ исполняютъ свой долгъ, этотъ печальный долгъ, если не безславной, то безполезной и ненужной доблести, достойной лучшей задачи.

Медленность развитія военныхъ дѣйствій тоже неосновательно принимать за несерьезность и вялость. Съ одной стороны, обѣ воюющія стороны были не готовы къ войнѣ, а съ другой стороны, такая медленность является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ того факта, что одна сторона сильнѣе на сушѣ, а другая—на морѣ. Если бы Россіи пришлось воевать съ Англіей, дѣло тоже не скоро рѣшилось бы, и міръ долго съ нервнымъ безпокойствомъ слѣдилъ бы за медленнымъ развитіемъ военныхъ событій. То же самое, только въ неизмѣримо меньшемъ масштабѣ, наблюдаемъ мы и теперь, слѣдя за перипетіями этого рокового поединка... Однако, и эти перипетіи вовсе не такъ ужъ ничтожны и незначительны. Изъ мелочей слагается постепенно эта сложная драка и ихъ совокупность уже теперь представляютъ цѣлый, почти законченный актъ кровавой пьесы, столь непредвидѣнно обагрившей конецъ XIX вѣка. Мы выше сказали, что военныя событія этихъ первыхъ двухъ мѣсяцевъ испанс-американской войны составляютъ уже почти закончен-

ный первый актъ исторической драмы, разыгрываемой на волнахъ Атлантическаго и Тихаго океановъ. Сказали это мы въ томъ смыслѣ, что почитаемъ первый періодъ войны уже почти завершившимся, періодъ подготовленія американскаго наступленія. Разскажемъ теперь исторію этого періода.

7 (19) апрѣля вашингтонскій конгрессъ утвердилъ въ окончательной формѣ резолюцію, по которой Куба должна быть очищена испанцами, и президентъ Соединеныхъ Штатовъ уполномочивается привести эту резолюцію въ исполненіе, употребивъ для того, если понадобится, всѣ военно-морскія и военно-сухопутныя силы республики. 8 (20) апрѣля поутру президентъ Макъ-Кинлей подписалъ эту резолюцію, послѣ чего она стала закономъ, обязательнымъ къ исполненію. Того же 8 апрѣля копія этой резолюціи была сообщена американскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Шерманомъ испанскому посланнику въ Вашингтонѣ, Бернабэ, а Вудфорду, американскому послу въ Мадридѣ, было послано приказаніе предъявить мадридскому правительству эту резолюцію вмѣстѣ съ ультиматумомъ, приглашающимъ Испанію очистить Кубу и отказаться отъ власти надъ нею, причемъ отвѣтъ долженъ быть данъ не позже 11 (23) апрѣля; въ противномъ случаѣ президентъ угрожаетъ немедленно приступить къ выполненію резолюціи конгресса. Между тѣмъ, Барнабэ, получивъ копію резолюціи, немедленно потребовалъ вѣрительныя грамоты и въ тотъ же день къ вечеру со всѣмъ составомъ посольства выбылъ изъ Вашингтона; покровительство испанскихъ подданныхъ въ Штатахъ взяли на себя Франція и Австрія. Барнабэ, конечно, немедленно по телеграфу сообщилъ обо всемъ происшедшемъ въ Мадридъ, гдѣ не захотѣли ждать ультиматума Вудформа и сами немедля возвратили ему его кредитивы, увѣдомивъ, что считаютъ себя въ дипломатическомъ разрывѣ съ Соединенными Штатами и ни въ какія непосредственныя сношенія съ ихъ правительствомъ и представителями болѣе не входятъ. Этимъ генералъ Вудфордъ былъ поставленъ въ невозможность вручить свой ультиматумъ, а испанское правительство избавлено было отъ необходимости отвѣчать на оскорбительное требованіе, предоставивъ Штатамъ печальное право объявить войну. Вудфорду оставалось только, получивъ свои вѣрительныя грамоты, выѣхать изъ Испаніи. Онъ передалъ охрану американскихъ подданныхъ англійскому посольству и вечеромъ 9 (21) апрѣля выбылъ, со всѣмъ составомъ посольства, по направленію къ французской границѣ. Оскорбительное для Испаніи поведеніе Штатовъ производило сильное возбужденіе среди населенія, и правительство благоразумно приняло обширныя мѣры предосторожности для охраны отбывающихъ американцевъ. Тѣмъ не менѣе въ Вальэдолидѣ и Толозѣ дѣло чуть не кончилось довольно серьезно. Поѣздъ, въ которомъ ѣхало американское посольство, проходилъ Вальэдолидъ (древнюю историческую столицу Кастиліи, своего рода испанскую Москву) ночью; тѣмъ не менѣе много-

тысячная толпа народа ждала проѣзда на полотнѣ дороги и на станціи. Только войскамъ удалось очистить подступы къ поѣзду и предохранить американцевъ отъ враждебной демонстраціи, если не отъ худшаго еще. Въ Толозѣ дѣло произошло изъ за того, что открылось, будто одинъ изъ секретарей посольства природный испанецъ. Толпа не хотѣла отпускать поѣздъ и требовала выдачи секретаря. Властямъ съ трудомъ удалось уговорить народъ, увѣривъ, что секретарь, хотя испанскаго происхожденія, но иностранноподданный. Утромъ 11 (23) апрѣля, безъ дальнѣйшихъ приключеній, ген. Вудфордъ прибылъ въ Байону, во Франціи, чтобы здѣсь получить изъ Вашингтона выговоръ за промедленіе въ предъявленіи ультиматума,—промедленіе, поставившее вашингтонское правительство въ нѣсколько комическое и затрудительное положеніе. Впрочемъ, въ Вашингтонѣ изъ затрудненія вышли очень скоро и, не стѣсняясь никакими droits des gens, выдуманными европейцами, открыли военныя дѣйствія безъ всякаго формальнаго объявленія войны и предварительнаго увѣдомленія. Уже 10 (22) апрѣля, когда еще ген. Вудфордъ находился на испанской территоріи, а срокъ предполагавшагося ультиматума истекалъ еще черезъ сутки, президентъ издалъ прокламацію объ установленіи блокады нѣкоторыхъ частей берега Кубы.

Блокада Кубы, установленная прокламаціей Макъ-Кинлея отъ 10 апрѣля, относилась къ сѣверному побережью отъ Карденьяса до Багіа-Гонда и къ порту *Сіенфуэгосъ* на южномъ берегу. Сіенфуэгосъ—значительный торговый центръ, хорошая гавань, единственная на южномъ берегу, соединенная съ сѣвернымъ берегомъ и съ самой Гаваной желѣзною дорогою. Блокада Гаваны безъ блокады Сіенфуэгоса не достигала бы поэтому цѣли всякой блокады прервать морскія сообщенія блокируемой мѣстности. Что касается сѣвернаго побережья, объявленнаго въ блокадѣ, то это вся западная его половина, гдѣ лежатъ два главные порта - острова Гавана и Матанзасъ. Къ западу отъ первой и къ востоку отъ второго включено въ блокаду ровно столько, сколько необходимо, по состоянію путей сообщенія, для указанной цѣли. Изъ сколько нибудь значительныхъ портовъ Кубы оставленъ былъ внѣ блокады только Сантъ-Яго, который лежитъ въ юго-восточной части острова, далеко отъ Гаваны, Метанзаса и Суенфуэгоса, не связанъ съ ними никакими культурными сообщеніями, кромѣ моря, отдѣленъ отъ нихъ высокими горами, находящимися во власти инсургентовъ; даже телеграфъ, связывающій Сантъ-Яго съ западной частью острова, проложенъ не по сушѣ, а по дну моря. Этотъ кабель американцы имѣли въ виду перерѣзать, послѣ чего С.-Яго терялъ уже важное значеніе для борьбы, которую предполагалось сосредоточить въ западной части острова. С.-Яго еще связанъ кабелемъ съ Ямайкой и черезъ нее съ Европою, но, разобщивъ Сантъ-Яго съ остальною Кубою, американцы отнимали значеніе у этого обстоятельства.

Слишкомъ изолированный, хотя и важный пунктъ, Сантъ-Яго долженъ былъ самъ собою достаться побѣдителю. Его и оставляли внѣ принятаго плана наступленія. Ходъ событій, однако, судилъ иначе, и главная рѣшительная борьба теперь сосредоточивается именно у Сантъ-Яго. Поэтому мы и остановились подробнѣе на его положеніи. Въ свое время мы еще возвратимся къ Сантъ-Яго. Вначалѣ онъ оставался въ сторонѣ.

Хотя прокламація о блокадѣ и была издана Макъ-Кинлеемъ 10 апрѣля, но приказы, очевидно, были посланы раньше, вмѣстѣ съ ультиматумомъ. Это видно изъ того, что на зарѣ того же 10 апрѣля американскій флотъ уже выступилъ изъ Ки-Веста къ кубинскимъ берегамъ для блокады. Ки-Вестъ—небольшой американскій островъ, лежащій въ проливѣ, отдѣляющемъ полуостровъ Флориду отъ Кубы. Проливъ этотъ 230 километровъ ширины, Ки-Вестъ лежитъ приблизительно на $^1/_3$ разстоянія отъ американскаго берега, т. е. 150—160 километровъ отъ Кубы, около 90 морскихъ миль. Для современныхъ быстроходныхъ крейсеровъ этотъ переходъ около $4^1/_2$ часовъ, для эскадренныхъ броненосцевъ—около шести. Ки-Вестъ имѣетъ прекрасную гавань, прекрасный морской арсеналъ, большіе склады угля и провизіи, хорошо укрѣпленъ, являясь такимъ образомъ прекрасною базою для дѣйствій американскаго флота противъ Кубы. Такое состояніе Ки-Веста, мало для чего другого пригоднаго, не обнаруживаетъ ли давнишнихъ видовъ вашингтонскаго правительства? Опорный базисъ для морской войны именно съ Испаніей (можетъ пригодиться еще только развѣ въ случаѣ войны съ Мексикой) былъ хорошо приготовленъ заранѣе и теперь приноситъ американцамъ всю необходимую и въ высшей степени важную помощь.

Мы уже упомянули, что на зарѣ 10 апрѣля американскій флотъ отплылъ изъ порта Ки-Веста по направленію къ Кубѣ. Это была сильная эскадра подъ флагомъ контръ-адмирала Сампсона, подраздѣленная на двѣ дивизіи. Въ первой дивизіи состояли: флагманское судно броненосный крейсеръ 1 ранга *Нью-Іоркъ* и два гиганта эскадреннаго боя, броненосцы *Айова* и *Индіана*. Во второй дивизіи находились двухбашенный мониторъ (броненосецъ береговой обороны) *Амфитрита*, крейсеры 2 ранга полуброненосные (protagés) *Нашвиль*, *Детройтъ*, *Вильмингтонъ* и *Елена*, крейсеры 2 ранга не броненосные *Мингровъ* и *Ньюпортъ* и миноносцы *Портэръ* и *Эриксонъ*. По дорогѣ къ Кубѣ американцы захватили три торговыхъ спанскихъ судна, мирно шедшихъ отъ американскихъ портовъ и ни мало не подозрѣвавшихъ объ открытіи враждебныхъ дѣйствій. Суда были отведены въ Ки-Вестъ. Къ вечеру только, употребивъ около девяти часовъ на переходъ, нападающіе показались у береговъ Кубы и на закатѣ солнца обмѣнялись съ фортами Гаваны первыми взаимно безвредными выстрѣлами. Нѣсколько горячѣе, но тоже безъ видимаго взаимнаго вреда

произошла тѣмъ же вечеромъ перестрѣлка между возвращавшеюся въ гавань испанскою канонеркою *Лижирой* и американскимъ миноносцемъ *Эриксономъ*.

На слѣдующее утро 11 апрѣля и въ ближайшіе дни этой первой недѣли американцы постепенно усиливали эскадру контръ-адмирала Сампсона. Одно за другимъ подходили военныя суда, броненосцы береговой обороны *Пуританинъ*, *Міартономохъ* и *Терроръ*, крейсеры 2 ранга, полуброненосные, *Марблыгедъ*, *Монгомери*, неброненосные *Кастинъ*, *Дельфинъ*, миноносцы и канонерки. Коммерческіе пароходы, быстро вооруженные легкими орудіями, такъ называемые вспомогательные крейсеры, въ значительномъ числѣ дополняли собою наблюдательныя средства контръ-адмирала Сампсона. Негодные для битвы съ военными судами, эти вспомогательные крейсеры, при ихъ быстромъ ходѣ, неоцѣненны для того, чтобы сторожить торговыя суда, и являются чрезвычайно полезными членами блокирующей эскадры. Такимъ образомъ, американскій адмиралъ располагалъ совершенно достаточными, даже изобильными средствами для тѣсной блокады указаннаго ему побережья между Карденьясомъ и Богіа-Гонда. Для Сіенфуэгоса онъ послалъ полуброненосные крейсеры *Марблыгедъ* и *Нашвиль*, неброненосный *Эль* и нѣсколько вспомогательныхъ. Съ 11 апрѣля можно считать уже вполнѣ установленною блокаду Гаваны, Матанзаса и сѣвернаго побережья, а съ 13 (25) апрѣля былъ запертъ и Сіенфуэгосъ. Съ тѣми ничтожными силами, которыми испанцы располагали въ водахъ Вестъ-Индіи, они были совершенно безсильны противъ контръ-адмирала Сампсона. Въ день открытія враждебныхъ дѣйствій, спанцы располагали двумя крейсерами неброненосными 2 ранга *Альфонсъ XII* (въ Гаванѣ) и *Королева Мерседесъ* (въ Сантъ-Яго), однимъ неброненоснымъ крейсеромъ 3 ранга *Венодино* и 14 канонерками, старыми суденышками, вооруженными старыми, несовременнаго типа орудіями. Изъ нихъ только одна *Нуова Еспанья* въ 600 тонъ, остальныя 200—300 тоннъ. Миноносцевъ совсѣмъ не было. При такомъ соотношеніи силъ и при нахожденіи всего испанскаго флота по ту сторону океана, американцы были полными хозяевами положенія.

Кромѣ установленія блокады, объявленной въ прокламаціи президента, американскому адмиралу предстояло по возможности лучше ознакомиться съ состояніемъ обороны береговъ Кубы, со средствами, которыми здѣсь располагаютъ испанцы, съ силою ихъ артиллеріи, расположеніемъ батарей, удобствами для дессанта и аттаки. На эти рекогносцировки и ушли всѣ первые дни по открытіи военныхъ дѣйствій. Флагманскій *Нью-Іоркъ*, въ сопровожденіи двухъ миноносцевъ, обходилъ берегъ, приближаясь къ населеннымъ пунктамъ, заходя въ малоизвѣстныя бухты. Кое-гдѣ приходилось обмѣниваться выстрѣлами. Въ бухтѣ *Кабанасъ* перестрѣлка вышла даже довольно живая. Американцы могли быть

довольны результатами этой рекогносцировки, длившейся нѣсколько дней. Во-первыхъ, они убѣдились, что облюбованный ими островъ въ самомъ дѣлѣ своего рода рѣдкая жемчужина. Чудная растительность, манящіе роскошью и красотою берега, обиліе великолѣпныхъ бухтъ не оставляютъ ничего желать. Во-вторыхъ, они убѣдились также въ относительной слабости обороны. Въ полудюжинѣ прекрасныхъ бухтъ, посѣщенныхъ американскимъ адмираломъ, онъ не нашелъ торпедъ; очевидно, ими испанцы не богаты. Батареи обнаружены всюду, но артиллерія старая, не годна для борьбы съ новѣйшимъ вооруженіемъ. Дѣло въ томъ, что въ прошедшіе вѣка испанцамъ приходилось не однажды отстаивать Кубу противъ англичанъ, голландцевъ, французовъ. Поэтому, она была для того времени прекрасно укрѣплена и вооружена. Эти укрѣпленія и эти нѣкогда грозныя старинныя орудія сохранились на Кубѣ въ большомъ числѣ, но их снаряды не долетаютъ до аттакующаго въ то время, какъ онъ уже громитъ самымъ дѣйствительнымъ образомъ. При этихъ условіяхъ дессантъ, подъ прикрытіемъ хорошей эскадры, не затруднителенъ. Надо только выбрать мѣсто берега, удобное для операціи и удаленное отъ пунктовъ, гдѣ испанцы успѣли возвести новѣйшія укрѣпленія, и вооружить ихъ современными дальнобойными орудіями. Такихъ удобныхъ мѣстъ на блокируемомъ побережьѣ оказалось немало и высадиться можно и западнѣе, и восточнѣе, гдѣ желаютъ. Затѣмъ надо удержаться на берегу, но это уже дѣло сухопутныхъ генераловъ. Близость инсургентовъ должна, конечно, облегчить эту задачу. Поэтому, было обращено особенное вниманіе на восточную часть блокируемаго побережья. Здѣсь лежитъ второй по населенности и значенію городъ острова, портъ Матанзасъ. До послѣдняго времени это былъ открытый портъ, вовсе не укрѣпленный. По слухамъ, его испанцы укрѣпляли. Надлежало удостовѣриться. Здѣсь, конечно, простого осмотра было бы недостаточно. Надлежало обнаружить всѣ средства морской обороны. 17 (29) апрѣля американская эскадра явилась передъ Матанзасомъ и, подойдя на орудійный выстрѣлъ, открыла бомбардировку. Въ Европѣ принято предупреждать о бомбардировкѣ, чтобы дать возможность мирнымъ жителямъ укрыться, иностраннымъ судамъ выйти изъ гавани, обозначить флагомъ краснаго креста госпиталь и т. п. Американцы, однако, и въ этомъ случаѣ не сочли нужнымъ соблюдать международное право, выработанное старою Европою. Они открыли огонь, не пославъ принятаго предувѣдомленія. Испанцы отвѣчали, демаскируя тѣмъ свои батареи. Послѣ нѣсколькихъ часовъ оживленной перестрѣлки, американцы отошли, убивъ одного мула и повредивъ нѣсколько частныхъ строеній въ городѣ. Незначительныя аваріи одного вспомогательнаго крейсера—это все, что они получили въ обмѣнъ. Перестрѣлка происходила на слишкомъ почтительномъ разстояніи, чтобы могли получиться иные результаты

этого перваго боя. Впрочемъ, американцы достигли всего, что имъ было нужно. Они узнали силу и расположеніе обороны Матанзаса. Кажется, они ожидали ее найти слабѣе. Одновременно съ Матанзасомъ два американскихъ судна, того же 17 апрѣля, обстрѣливали Кохимеру къ востоку отъ Матанзаса, но и здѣсь, обнаруживъ батареи, удалились. То обстоятельство, что одновременно съ бомбардировкою Матанзаса и Кохимеры отрядъ инсургентовъ, спустившись съ горъ у послѣдняго пункта, пытался съ суши аттаковать испанцевъ, показываетъ, что у американцевъ были болѣе широкіе планы, если бы они нашли испанцевъ не готовыми. Аттака инсургентовъ была отбита. Этимъ рекогносцировочнымъ дѣломъ подъ Матанзасомъ заканчивается первая недѣля военныхъ дѣйствій у Кубы. Установлена блокада, произведены тщательныя рекогносцировки, установлено согласованіе дѣйствій съ инсургентами, захвачено около дюжины торговыхъ испанскихъ судовъ и въ заключеніе бомбардировка Матанзаса, взаимно безвредная, но не безрезультатная. Испанцы разстроили планъ комбинированной аттаки; американцы дополнили свои свѣдѣнія о состояніи обороны береговъ острова.

Одновременно съ блокадною эскадрою контръ-адмирала Сампсона была сформирована и сосредоточена на рейдѣ Гамптонъ-Рода вторая эскадра подъ флагомъ коммодора Шлея. Коммодоръ—чинъ, уже упраздненный въ европейскихъ флотахъ, но сохраненный американцами. Онъ соотвѣтствуетъ сухопутному бригадиру, тоже упраздненному въ Европѣ и тоже сохраненному въ Америкѣ. Гамптонъ-Родъ—военный портъ на виргинскомъ берегу Атлантическаго океана, нѣсколько южнѣе входа въ заливъ, гдѣ лежитъ Бальтимора. Эскадра коммодора Шлея, получившая названіе «летучей», была предназначена для выслѣживанія непріятельскаго флота и покровительства атлантическому побережью Штатовъ. Первоначально въ ея составъ входили: броненосецъ эскадреннаго боя *Массачузетсъ*, броненосные крейсеры 1 ранга *Бруклинъ* (подъ флагомъ коммодора Шлея), *Минеаполисъ* и *Колумбія* и нѣсколько вспомогательныхъ крейсеровъ. Должны были вскорѣ къ нимъ присоединиться—броненосецъ эскадреннаго боя *Техасъ* (по выходѣ изъ нью-іоркскаго дока) и полуброненосный крейсеръ 2 ранга *Нью-Орлеанъ* (по приходѣ изъ Англіи, гдѣ достраивался и вооружался). Въ разсматриваемую первую недѣлю войны эскадра эта бездѣйствовала въ ожиданіи извѣстій о движеніи испанскихъ эскадръ.

Первая дѣйствующая испанская эскадра въ составѣ четырехъ броненосныхъ крейсеровъ 1 ранга, трехъ контръ-миноносцевъ и трехъ миноносцевъ, подъ флагомъ контръ-адмирала Сервера, еще до объявленія войны вышла изъ Кадикса и, пройдя благополучно Канарскіе острова, успѣла прибыть въ портъ Сенъ-Винцентъ въ архипелагъ острововъ Зеленаго Мыса (португальская колонія), гдѣ

ее и застало открытіе военныхъ дѣйствій. Это небольшая, но сильная и опасная эскадра. Всѣ четыре крейсера, входящіе въ ея составъ (*Инфанта, Марія-Тереза, Адмиралъ Оквендо, Бискайя и Кристобаль Колонъ*), броненосцы новѣйшаго типа, хорошо защищенные, имѣющіе 20 узловъ хода, вооруженные новѣйшею дальнобойною артиллеріею. Превосходная миноносная флотилія дополняла силы адмирала Серверы, и естественно, что американцы живо интересовались, гдѣ находится эта эскадра, но испанцы искусно скрывали ея мѣстопребываніе. Другая эскадра подъ флагомъ контръадмирала Камары вооружалась между тѣмъ въ Кадиксѣ и со дня на день ожидался ея выходъ въ море. Не мудрено, если американцы принимали самыя дѣятельныя мѣры для защиты своихъ береговъ, а эскадру коммодора Шлея удерживали съ той же цѣлью вдали отъ водъ Вестъ-Индіи, этого главнаго театра военныхъ дѣйствій.

На побочномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, въ Тихомъ океанѣ, первая недѣля прошла спокойно. Здѣсь расположены испанскія колоніи на островахъ Филиппинскихъ, Маріанскихъ и Каролинскихъ. Боевыхъ судовъ, сколько-нибудь достойныхъ этого имени, у испанцевъ здѣсь вовсе не было, тогда какъ недавнія осложненія въ Китаѣ побудили американцевъ сосредоточить въ китайскихъ водахъ, въ непосредственной близости испанскихъ колоній, довольно значительную эскадру, для усиленія острова вооружались еще другія суда въ Санъ-Франциско. Коммодоръ Девей, флагманъ американской тихо-океанской эскадры, находился въ Гонъ-Конгѣ, когда возгорѣлась война. Подъ его начальствомъ въ это время было сосредоточено пять боевыхъ судовъ: броненосный крейсеръ 1 ранга *Олимпія*, полуброненосные крейсера 2 ранга *Ралей* и *Бостонъ*, неброненосный крейсеръ 3 ранга *Петрель* и канонерка *Монкаси*. Изъ вооружавшихся для него въ Санъ-Франциско судовъ, броненосецъ эскадреннаго боя *Орегонъ* и полуброненосный крейсеръ *Маріетта* направлены были поспѣшно въ Атлантическій океанъ, двухбашенные мониторы *Монтеросъ* и *Монандихъ* и два миноносца (№№ 12 и 13) оставлены для защиты тихо-океанскаго побережья Штатовъ, полуброненосный крейсеръ *Бенингтонъ* былъ назначенъ на Гавайскіе острова, полуброненосный крейсеръ *Чарльстонъ* еще не вышелъ тогда изъ дока, но два полуброненосные крейсера *Бальтимора* и *Конкордъ* и три неброненосныхъ крейсера *Зафоро, Макъ-Куллонъ* и *Напшанъ* спѣшили въ Гонъ-Конгъ. Ихъ поджидалъ коммодоръ Девей, чтобы вѣрнѣе нанести приготовляемый ударъ.

II.

Медленно, но правильно развивались военныя событія. Стороны считали и обслѣдовали силы другъ друга и приготовлялись къ рѣшительной борьбѣ. Считать силы, однако, недостаточно, нужно ихъ

поддерживать, питать и развивать. Въ этомъ отношеніи шансы обѣихъ сторонъ несоизмѣримо неодинаковы...

Вмѣстѣ съ утвержденіемъ билля объ объявленіи войны, вашингтонскій конгрессъ приступилъ къ обсужденію билля о чрезвычайныхъ расходахъ на военныя цѣли и о средствахъ, изъ которыхъ должны пополняться эти чрезвычайные расходы. 14 (26) апрѣля палата утвердила билль о новыхъ налогахъ, которые должны дать въ теченіе года не менѣе 100 мильоновъ долларовъ (полъ мильярда франковъ), и другой билль о выпускѣ 3% государственнаго займа на сумму 500 милліоновъ долларовъ ($2^1/_2$ мильярда франковъ), итого 3 мильярда франковъ! Испанскіе кортесы въ то же время вотировали выпускъ займа въ 200 милліоновъ франковъ; 2 противъ 30—таковы денежныя средства, съ которыми обѣ стороны начинаютъ борьбу!

Правда, испанцы имѣютъ прекрасную готовую армію, но ей ничего не остается, какъ сидѣть дома и безучастно наблюдать событія. Испанцы благоразумно даже не мобилизовали сухопутную армію, усиливъ ее призывомъ всего 30 тысячъ резервистовъ. Мобилизованныя части отправлены на Канарскіе и Балеарскіе острова и придвинуты къ морскимъ крѣпостямъ. Остальныя приблизительно $^9/_{10}$ испанской арміи оставлены на мирномъ положеніи. Совсѣмъ въ другомъ положеніи дѣла по другую сторону океана. Здѣсь, напротивъ, армію необходимо создать и 120 милліоновъ долларовъ (600 милліоновъ франковъ, т. е. въ 3 раза больше, нежели всѣ средства Испаніи) ассигновано для этого до 19 Іюня (1 Іюля).

Мнѣ уже случилось сообщить на этихъ страницахъ (апрѣльская книжка этого года), что регулярная армія Штатовъ имѣетъ численность не болѣе 30 тысячъ (въ дѣйствительности, не штатный, а списочный ея составъ въ моментъ объявленія войны былъ даже меньше, именно $27^1/_2$ тыс. комбанантовъ). Это прекрасно обученная, вооруженная и снаряженная армія, но для завоеванія Кубы ея болѣе, чѣмъ мало. Кромѣ регулярной арміи, республика еще содержитъ такъ называемыя милиціи. Прежде это были въ самомъ дѣлѣ милиціи, т. е. ополченія гражданъ, собиравшихся въ извѣстные сроки для ученія. Для нихъ содержались кадры и заготовлялись вооруженія. Какъ мѣстныя ополченія, эти милиціи зависѣли не отъ федеральнаго правительства, а отъ правительствъ отдѣльныхъ штатовъ, на спеціальныя средства которыхъ относились и расходы. Многое изъ этого теперь измѣнилось. Теперь эти такъ называемыя милиціи отнюдь не ополченіе гражданъ, а такія же наемныя войска, какъ и регулярная армія, только содержимыя отдѣльными штатами и ихъ отдѣльнымъ правительствамъ подчиненныя.

Эти войска отдѣльныхъ штатовъ очень не равноцѣнны. Есть и порядочно обученные, есть и прямо сбродъ всякой всячины. Мѣстныя правительства ревниво оберегаютъ ихъ отъ вмѣшатель-

ства федеральной власти. По закону, милиціи не могутъ быть употребляемы для наступательной войны, а единственно для обороны республики. Такъ какъ милиціонеры нанимаются именно на этихъ условіяхъ, то даже съ согласія штатовъ они не могли бы быть утилизованы для нападенія на Кубу. Однако, правительства штатовъ могутъ имъ разрѣшить перечисляться въ волонтеры или въ солдаты регулярной федеральной арміи. Нѣкоторые изъ внутреннихъ штатовъ и дали уже это разрѣшеніе. Въ газетахъ было сообщеніе, что 4 тысячи милиціонеровъ Иллинейса такимъ способомъ зачислены въ федеральное войско, приготовляемое для нападенія на Кубу. Южные штаты, гдѣ преобладаетъ демократическая партія, не сочувствовавшая войнѣ, большею частью воздерживаются отъ такого же разрѣшенія или оставляютъ за собой командованіе такими контингентами. Приморскіе штаты, южные и сѣверные, удерживаютъ силы милиціи для обороны береговъ. Штаты Массечузетсъ, Мэнъ и Родъ-Айландъ парламентскими постановленіями 13 и 14 (25 и 26) апрѣля разрѣшали необходимые кредиты для мобилизаціи и усиленія своихъ милицій и организація съ ихъ помощью береговой обороны. Эти средства и силы штатовъ являются еще новымъ и немаловажнымъ дополненіемъ къ федеральнымъ средствамъ и силамъ. Они значительно облегчаютъ федеральному правительству заботу о безопасности береговъ. Однако, вести войну надо всетаки не милиціями, а регулярной арміи для этого совершенно недостаточно. Армія волонтеровъ призвана подъ знамена для этой цѣли. Съ этой цѣлью уже 10 апрѣля конгрессъ вотировалъ билль о сформированіи армія волонтеровъ изъ 125 тысячъ комбатантовъ. Въ тотъ же день президентъ подписалъ этотъ билль, а на утро издалъ прокламацію о призывѣ подъ знамена указаннаго числа волонтеровъ.

Арміи волонтеровъ существуютъ временно, только во время войны, и расформировываются по ея окончаніи. Однако, для возможности приступать къ ихъ сформированію регулярная армія имѣетъ кадры офицеровъ, гораздо болѣе многочисленные, нежели то ей самой необходимо. Эти офицеры отчисляются, при сформированіи армія волонтеровъ, въ эту послѣднюю, причемъ штабъ-офицеры регулярной арміи назначаются генералами въ армію волонтеровъ, а оберъ-офицеры — штабъ-офицерами. Что касается оберъ-офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, то они избираются солдатами ротъ, эскадроновъ и батарей съ одобренія ближайшихъ начальниковъ. Эти чины, импровизованные для арміи волонтеровъ, не признаются дѣйствительными для регулярной арміи, и офицеры, перечисленные въ волонтеры генералами, могутъ возвратиться въ регулярную армію только прежними чинами. Отставные сохраняютъ въ видѣ почетнаго отличія чины, пріобрѣтенные въ арміи волонтеровъ. Оттого послѣ междоусобной войны въ Америкѣ оказалось такое громадное число отставныхъ генераловъ и полковниковъ.

Такимъ способомъ формируется корпусъ офицеровъ. Солдаты вербуются желающіе, если они, по своимъ физическимъ качествамъ, годятся для военной службы. Они подписываютъ обязательство прослужить опредѣленный срокъ, послѣ котораго могутъ оставить службу, хотя бы наканунѣ генеральнаго сраженія. Уклоняющіеся отъ службы раньше договорнаго срока отвѣчаютъ, какъ дезертиры. За службу волонтеры получаютъ хорошее жалованье, вступную премію и обезпеченіе государственной пенсіей въ случаѣ увѣчья или смерти на войнѣ. Прокламація Макъ-Кинлея призываетъ волонтеровъ на два года. Названіе волонтеровъ осталось отъ того времени, когда эти войны пополнялись патріотами, поступавшими не ради вступной преміи и жалованья. Теперь же и армія волонтеровъ есть, въ сущности, армія наемниковъ. Конечно, въ случаѣ опасности для территоріи самихъ Штатовъ, явятся граждане ее защищать, но для нападенія на Кубу вербуются разные бездомные и безпріютные элементы, въ значительномъ числѣ даже европейскіе эмигранты. Организація такой арміи должна представлять не мало затрудненій и, дѣйствительно, по всѣмъ свѣдѣніямъ, дѣло подвигается довольно туго.

Приготовляясь къ рѣшительной борьбѣ, стороны именно въ первое время послѣ начала войны, должны были озаботиться выясненіемъ своихъ отношеній къ нейтральнымъ націямъ. Особенно одинъ пунктъ подлежалъ выясненію, именно тѣ правила, которыхъ намѣреваются придерживаться воюющія державы въ морской войнѣ по отношенію къ нейтральнымъ державамъ. Международное право въ этомъ отношеніи не можетъ почитаться достаточно яснымъ и общепринятымъ. До 1856 года дѣло обстояло иначе и существенныхъ разногласій не возбуждали никакіе вопросы. Право блокады было безусловное. Столь же безусловно признавалось право захвата непріятельской собственности на морѣ. Для такого захвата можно было употреблять не только военныя суда, но и даровать его частнымъ судохозяевамъ, получавшимъ для этого каперскія свидѣтельства (lettres de marque). Такой режимъ наносилъ существенный вредъ не только непріятелю, но и нейтральнымъ державамъ, ихъ мореходству и торговлѣ. Въ виду этого на парижскомъ конгрессѣ въ 1856 году французскіе уполномоченные возбудили вопросъ объ измѣненіи указанныхъ обычаевъ морской войны. Семь европейскихъ державъ, участвовавшихъ въ парижскомъ конгрессѣ, пришли по этимъ вопросамъ къ соглашенію, которое и выразилось въ четырехъ пунктахъ извѣстной парижской деклараціи 1856 года. Семь державъ, именно: Англія, Франція, Россія, Австрія, Пруссія (нынѣ Германія), Сардинія (нынѣ Италія) и Турція, признали: 1) отмѣну безусловнаго права блокады, установивъ, что для объявленія блокады (иначе говоря, для воспрещенія нейтральнымъ судамъ входить въ непріятельскій портъ) она должна быть дѣйствительною (affectif), т. е. поддержана достаточнымъ числомъ военныхъ

судовъ для задержанія всякаго судна, которое пожелало бы войти въ блокируемый портъ; 2) отмѣну безусловнаго права на непріятельскую собственность, признавъ, что нейтральный флагъ прикрываетъ непріятельскую собственность; 3) болѣе полную охрану нейтральной собственности, признавъ, что даже на непріятельскомъ суднѣ нейтральный грузъ остается неприкосновеннымъ, и 4) отмѣну каперства, т. е. права уполномочивать частныхъ судохозяевъ на охоту за непріятельскими торговыми судами. Декларація эта, конечно, обязательна только для семи державъ, ее подписавшихъ, и для тѣхъ, которыя впослѣдствіи къ ней формально пристали. Въ ихъ числѣ не было ни Соединенныхъ Штатовъ, ни Испаніи, которые въ свое время формально отказались признать новыя постановленія международнаго права. Соединенные Штаты свой отказъ сопроводили даже нотою, подробно мотивировавшею ихъ отказъ. Они указывали, что декларація дѣлаетъ лишь полпути. Вмѣсто того, чтобы признать, что и на морѣ, какъ и на сушѣ, частная собственность во время войны неприкосновенна, декларація лишь передаетъ право морского разбоя въ руки однихъ военныхъ судовъ, иначе говоря, лишаетъ этого права сторону болѣе слабую и законно уполномочиваетъ болѣе сильную. Если неприкосновенность частной собственности уже признана въ войнѣ сухопутной и грабежъ отвергнутъ всѣми цивилизованными государствами, то какое же можетъ быть препятствіе для такого же признанія тѣхъ же началъ и на морѣ, если только не желаніе первенствующихъ морскихъ державъ сохранить для себя право морского разбоя, но лишить его болѣе слабыя на морѣ націи?.. Американская нота въ заключеніе предлагала четыре пункта деклараціи замѣнить двумя, именно о блокадѣ, какъ она редактирована въ деклараціи, и другимъ, который прямо и категорически признавалъ бы неприкосновенность всякой частной собственности на морѣ, кромѣ военной контрабанды (которая арестуется и на сушѣ). Англія не пожелала такого измѣненія, и Штаты не признали парижской деклараціи. Мы упомянули, что Испанія стала на ту же точку зрѣнія и тоже отклонила эту декларацію. Теперь, послѣ объявленія войны, представляли большой интересъ для всѣхъ нейтральныхъ намѣренія воюющихъ сторонъ по этимъ вопросамъ.

Первою объявила свою декларацію Америка. Она заявила, что, не предрѣшая будущаго на случай другой морской войны, въ теченіе настоящей она будетъ придерживаться всѣхъ четырехъ пунктовъ парижской деклараціи. Въ этомъ не было ни малѣйшаго противорѣчія съ политикою Штатовъ въ 1856 году и съ ея исторической нотою, выше изложенною. Эта нота признавала, что декларація невыгодна болѣе слабой сторонѣ и очень выгодна сильнѣйшей. Но Америка теперь и есть сильнѣйшая. Ей декларація, стало быть, только выгодна. Она ее и признала, но только для даннаго случая. Извѣстныя рыцарскія чувства испанцевъ заставили ихъ

немедленно одобрить такое поведеніе, хотя именно имъ оно могло бы быть невыгодно. Испанія три первые пункта парижской декларации признала безъ оговорки и сдѣлала ее только относительно каперства, удержавъ за собою это право на будущее время. Впрочемъ, при настоящемъ состояніи торговаго мореходства еще сомнительно, много ли можно нанести ущерба противнику при помощи каперовъ. Вѣроятно, что немного, и что эта форма морского разбоя дѣйствительно отжила свое время, такъ что парижская декларація, повидимому, осудила уже мертваго подсудимаго.

Получивъ нотификацію о нейтралитетѣ и сообщивъ свое временное присоединеніе къ постановленіямъ парижской декларации, Штаты совершили все, что считали нужнымъ по отношенію къ нейтральнымъ. Испанія, какъ старая европейская нація, какъ необходимый членъ европейской исторической группы, не могла ограничиться такимъ внѣшнимъ, изолирующимъ себя отношеніемъ. Испанскій кабинетъ обратился къ другимъ европейскимъ кабинетамъ съ циркулярною нотою, въ которой счелъ нужнымъ оправдать и объяснить свое поведеніе и сложить съ себя отвѣтственность за кровопролитіе. Въ этомъ сдержанномъ, но ясномъ и доказательномъ изложеніи фактовъ, выясняющихъ аггрессивность американской политики и приведенныхъ нами въ апрѣльской нашей хроникѣ, достойно отмѣтки извлеченіе изъ одного ранѣе неизвѣстнаго дипломатическаго документа, именно изъ одного сообщенія бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ Штатовъ Ольнея испанскому послу въ Вашингтонѣ. Не болѣе полутора года тому назадъ, именно по поводу настоящаго кубинскаго возстанія, Ольней выразился о нежелательности и опасности кубинской независимости, которая означала бы истребленіе одной изъ расъ, населяющихъ Кубу. Только въ разумной автономіи при охранѣ порядка испанцами американскій министръ видѣлъ правильный исходъ. Американцы, однако, вооружились именно сейчасъ послѣ того, какъ дана была автономія. Затѣмъ циркуляръ указываетъ на безпрерывное нарушеніе американцами нейтралитета и на систематическую поддержку инсуррекціи. Все это справедливо, конечно. Но справедливо также, что les gros batalliers ont toujours raison. Не менѣе справедливо, что старыя раны не залѣчиваются одними добрыми намѣреніями и что за старые грѣхи не только индивиды, но и цѣлыя націи рано или поздно жестоко расплачиваются. Впрочемъ, теперь аргументировать поздно. Надо воевать. Вернемся же къ дальнѣйшему ходу военныхъ событій.

III.

Вторая недѣля войны ознаменовалась рѣшительными дѣйствіями въ Тихомъ океанѣ. Мы говорили выше о составѣ тихо-океанской эскадры коммодора Девея. Она оставила 14 (26) апрѣля Гонъ-

12*

Конгъ, дождавшись всѣхъ подходившихъ подкрѣпленій, и въ составѣ девяти боевыхъ судовъ, 16 апрѣля она достигла Филиппинскихъ острововъ, но дня два держались въ морѣ, изучая противника. Филиппинскій архипелагъ состоитъ изъ двухъ очень большихъ острововъ, Люсона и Минденао, самаго сѣвернаго и самого южнаго, и массы мелкихъ, наполняющихъ промежутокъ между Люсономъ и Минденао. На западномъ берегу Люсона лежитъ громадная манильская бухта, у которой расположены города Кавитъ и Манила (Manila); послѣдня—главный городъ всѣхъ Филиппинъ, а Кавитъ—морской арсеналъ. Манильская бухта имѣетъ въ длину и въ ширину по 30 морскихъ миль (свыше 50 верстъ), входъ—шириною около 17—18 верстъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ. Этотъ входъ, который, конечно, нельзя запереть береговыми батареями, имѣетъ по срединѣ, нѣсколько ближе къ южному берегу, небольшой островъ Коррежидоръ. Проходъ между сѣвернымъ берегомъ и островомъ очень скалистъ и мало доступенъ; южный проходъ (7—8 верстъ шириною), напротивъ, очень глубокъ. Хорошія батареи на южномъ берегу и на островѣ, въ связи съ минными загражденіями, могли бы запретить входъ непріятелю. Испанцы, однако, не имѣли вовсе минъ, а батареи были вооружены пушками, едва-ли не тѣми, что привезены были Магелланомъ, открывшимъ пять вѣковъ тому назадъ эти острова. Внутри бухтъ у Кавита стояло то, что испанцы называли своимъ флотомъ. Это былъ *одинъ* неброненосный крейсеръ 2 ранга—*Королева Христина* (3,000 тоннъ водоизмѣщенія), *четыре* неброненосныхъ крейсерка 3 ранга—*Донъ-Хуанъ*, *Донъ-Уллоа*, *Исла де-Куба* и *Исла де Люсонъ* (по 1,000 тоннъ), *одно* вѣстовое судно *Минданао* (тоннъ 300), *одинъ* старый деревянный корветъ *Кастилія* и *одна* канонерка. Еще одно вѣстовое судно *Каллао* отсутствовало. Кавитъ, у котораго стояли испанскія суда, расположенъ на косѣ, вдающейся въ заливъ и раздѣляющей его на двѣ части. На берегахъ второй задней бухты лежитъ Манила. Кавитъ и Манила укрѣплены тоже старыми, нынѣ непригодными орудіями.

Въ ночь съ 30 апрѣля на 1 мая передъ свѣтомъ коммодоръ Девей вошелъ въ южный каналъ, ведущій въ бухту. Было темно. Огни на судахъ были погашены и сохранены только кормовые, не видные съ боковъ, но необходимые для идущихъ вслѣдъ судовъ. Не смотря на совершенную темноту и принятыя мѣры, американцы были замѣчены съ батарей острова. Батареи открыли огонь, совершенно безвредный для американцевъ. Ширина канала, темнота ночи, слабость орудій, быстрое движеніе американцевъ и хорошая броневая защита ихъ судовъ,—все соединилось, чтобы сдѣлать этотъ огонь совершенно безвреднымъ. Выстрѣлы, однако, предупредили испанцевъ объ опасности, и ихъ суда начали разводить пары. Развести ихъ они, однако, не успѣли, когда при первыхъ лучахъ солнца увидѣли передъ собою восемь судовъ коммодора Девея, которыя немедленно открыли убійственный огонь. Испанцы отвѣчали своими

легкими орудіями. Старинныя орудія фортовъ Кавита тоже открыли огонь. Эта битва при Кавита обнаружила, что самая легендарная доблесть безсильна противъ культуры.

Вскорѣ послѣ начала сраженія *Королева Христина* (подъ флагомъ контръ-адмирала Монтахо) успѣла развести пары и смѣло двинулась прямо на американскую эскадру съ очевидною цѣлью абордировать ближайшее судно. При томъ подавляющемъ перевѣсѣ силъ, которыми располагали американцы, этотъ отчаянный маневръ былъ единственнымъ, способнымъ нанести наибольше вреда безпощадному противнику. Тогда, по командѣ съ *Олимпіи* (флагъ коммодора Девея), всѣ восемь судовъ направили сосредоточенный огонь на *Королеву Христину*. Въ нѣсколько минутъ она была превращена въ рѣшето. Одинъ снарядъ двѣнадцати-дюймоваго орудія пронизалъ *Христину* во всю длину отъ носа до кормы. Сто сорокъ человѣкъ экипажа были выбиты изъ строя первымъ же залпомъ американцевъ въ томъ числѣ командиръ судна, которое загорѣлось въ нѣсколькихъ мѣстахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ быстро погружаясь въ воду. Небольшая часть экипажа съ адмираломъ Монтахо во главѣ спаслись на подоспѣвшую *Кастилію* въ то время, какъ *Христина* пошла ко дну. Теперь на *Кастиліи* сосредоточился огонь американцевъ. *Донъ-Уллоа* и *Донъ-Хуанъ* поспѣшили къ аттакованному корвету, чтобы раздѣлить его участь. Одинъ за другимъ они скоро были пущены ко дну. *Донъ-Уллоа* подошелъ первый. Разстрѣливаемое тяжелою артиллеріей американцевъ, это небольшое, ничѣмъ не защищенное судно, скоро начало погружаться въ воду. Это не остановило боя. Огонь съ *Донъ-Уллоа* продолжался и тогда, когда уже половина его скрылась подъ водою. Носовыя орудія продолжали стрѣлять, когда корма уже погрузилась. Экипажъ былъ весь на палубѣ, поддерживая ружейный огонь. Никто не спасся изъ этого геройскаго экипажа, сражавшагося до совершеннаго погруженія въ воду. За *Донъ-Уллоа* та же участь постигла и *Донъ-Хуана*. Деревянная *Кастилія* продолжала еще держаться нѣкоторое время, а когда стала тонуть, то выбросилась на мель и продолжала огонь. Наконецъ, снаряды американцевъ ее зажгли... Въ это время съ двухъ еще не потопленныхъ крейсерковъ, опоздавшихъ разведеніемъ паровъ, сдѣлана была геройская, хотя и безнадежно напрасная попытка нанести ударъ американцамъ. Они спустили по катеру, и десятка два героевъ рѣшились съ ручными минами, при полномъ блескѣ дня, аттаковать самое *Олимпію*. Конечно, они всѣ погибли, но одинъ катеръ уже почти у борта *Олимпіи*. Эта отчаянная аттака отвлекла на время вниманіе американцевъ и дала возможность *Исль-де-Куба* подойти къ пылающей *Кастиліи* и снять уцѣлѣвшую часть экипажа, въ томъ числѣ раненаго адмирала, который поднялъ здѣсь свой флагъ и готовился продолжать дѣло съ тремя еще уцѣлѣвшими суденышками. Четвертое, небольшая старая канонерка, было отрѣзано и прижато къ берегу. Оно разстрѣляло всѣ свои сна-

ряды. Американцы потребовали сдачи, но экипажъ самъ зажегъ свое суденышко и вплавь отправился къ берегу... Битва уже продолжалась два часа и коммодоръ Девей далъ сигналъ къ отдыху. Американская эскадра отошла за иностранныя нейтральныя суда, чтобы закрыться отъ огня береговыхъ батарей. Испанцы отошли къ Манилѣ. Когда черезъ нѣсколько часовъ американцы возобновили бой, адмиралъ Монтахо потопилъ оставшіяся у него суда и высадилъ уцѣлѣвшіе экипажи на берегъ, гдѣ эти храбрые люди могли еще пригодиться для испанскаго дѣла. Коммодоръ Девей продолжалъ разстрѣливать форты Кавита и скоро совершенно разрушилъ эти старинные верки и демонтировалъ ихъ древнія орудія. Арсеналъ былъ сожженъ. Остатки гарнизона отступили къ Манилѣ и къ вечеру отрядъ морской пѣхоты, высаженный Девеемъ, могъ водрузить американское знамя на руинахъ крѣпости, выстроенной задолго до того времени, когда это знамя впервые увидѣло свѣтъ. Американцы потребовали затѣмъ сдачи и Манилы, угрожая въ противномъ случаѣ бомбардировать городъ. Генералъ Аугустинъ, генералъ-губернаторъ колоніи и командующій войсками, отказался капитулировать. Девей, однако, оставилъ идею бомбардировать Манилу послѣ того, какъ убѣдился, что на батареяхъ этого города установлено нѣсколько дальнобойныхъ орудій современнаго типа.

Потери американцевъ въ этомъ сраженіи заключались въ нѣсколькихъ убитыхъ, нѣсколькихъ десятковъ раненыхъ и контуженныхъ, въ незначительныхъ аваріяхъ на большинствѣ судовъ и въ болѣе серьезныхъ поврежденіяхъ *Бальтиморы* и *Петраля*. О *Бальтиморѣ* даже сообщали, будто американцы ее потопили за полною негодностью, распредѣливъ экипажъ на остальныя суда. По другимъ свѣдѣніямъ, повидимому, болѣе достовѣрнымъ, *Бальтимору* пришлось приткнуть къ мели. Во всякомъ случаѣ, она выведена изъ строя. Это полуброненосный крейсеръ 2 ранга—4,400 тоннъ водоизмѣщенія, 10 тяжелыхъ дальнобойныхъ орудій, 10 тысячъ паровыхъ силъ, 20 узловъ хода. *Петраль*—неброненосное судно 3 ранга съ легкою артиллеріею, но хорошимъ ходомъ. *Петраль* пострадалъ меньше. Коммодоръ Девей за битву при Кавитѣ произведенъ въ въ контръ-адмиралы. Розданы и другія награды участвовавшимъ въ сраженіи. Въ Америкѣ эта блистательная побѣда вызвала общую радость и доставила большое удовлетвореніе. О несоизмѣримомъ перевѣсѣ морскихъ американскихъ силъ въ Тихомъ океанѣ знали, конечно, всѣ, но никто не ожидалъ, что такая важная колонія совершенно беззащитна. Нельзя было надѣяться и на такую удачу, какъ накрыть всю эскадру контръ-адмирала Монтахо въ одномъ мѣстѣ и безъ всякой возможности какому бы то ни было изъ ея судовъ скрыться и уйти отъ погибели. Если бы эти семь судовъ, какъ ни слабы они были сами по себѣ, не находились въ манильской западнѣ, а скрывались бы въ архипелагѣ между Люсономъ и Минданао, въ этомъ лабиринтѣ проливовъ между сотнями остро-

вовъ и островковъ, среди скалъ и мелей, въ водахъ, неизвѣстныхъ американцамъ, то эти суда не только могли бы всѣ спастись, но и служили постоянною угрозою американцамъ и ихъ обширной торговлѣ на Тихомъ океанѣ. Имъ пришлось стеречь и недавно присоединенныя Гаваи, и все собственное побережье Тихаго океана, и линіи сообщенія, и кабели... Теперь же однимъ ударомъ американцы окончили морскую кампанію на Тихомъ океанѣ.

На островѣ Люсонѣ, гдѣ расположена Манила, въ горахъ внутренней части острова обитаетъ малайское племя тагалы, находящееся въ состояніи хронической инсуррекціи. Эти тагалы въ своихъ отношеніяхъ къ испанцамъ очень напоминаютъ нашихъ кавказскихъ горцевъ въ ихъ отношеніяхъ къ русскимъ до плѣненія Шамиля и выселенія правофланговыхъ черкесовъ въ Турцію. Разница развѣ въ томъ, что тагалы—дикари, отличающіеся всею виртуозною жестокостью, свойственной цвѣтнымъ расамъ. Недавно, около года тому назадъ, бывшему губернатору Филиппинъ маршалу Риверѣ удалось заключить съ тагалами мирное соглашеніе. Имъ оставлена полная внутренняя автономія и утверждена королевой. Взамѣнъ этого, они выдали оружіе и наиболѣе дерзкихъ и непримиримыхъ разбойниковъ съ нѣкіимъ Агвинальдо во главѣ. Дѣянія этихъ молодцовъ вели ихъ на висѣлицу и, конечно, не съ другою цѣлью ихъ выдавали и ихъ соплеменники. Испанцы, однако, пожелали быть великодушными и, довольные умиротвореніемъ острова, отпустили Агвинальдо и его соратниковъ на свободу—на честное слово не поднимать болѣе оружія противъ Испаніи. Агвинальдо съ тѣхъ поръ и до послѣдняго времени проживалъ въ Гонгъ-Конгѣ. Отправляясь въ свою экспедицію противъ Филиппинъ, Девей взялъ на бортъ своихъ судовъ Агвинальдо и его шайку съ цѣлью снова возбудить тагаловъ. Послѣ кавитской побѣды Агвинальдо съ своей шайкой въ самомъ дѣлѣ высадился и черезъ своихъ эмиссаровъ поднялъ малайскихъ горцевъ. Оружіе и снаряды привезли американцы.

На Атлантическомъ театрѣ военныхъ дѣйствій вторая недѣля войны, столь богатая событіями на Тихомъ океанѣ, прошла относительно спокойно. 29 апрѣля испанская эскадра контръ-адмирала Серверы въ составѣ 4 броненосныхъ крейсеровъ 1 ранга и 3 контръ-миноносцевъ (Terror, Furor, Pluton) отплыла изъ Санъ-Винцента, направляясь въ Вестъ-Индію и отправивъ три миноносца, входившихъ въ ея составъ, на Канарскіе острова. Сосредоточивали свои силы и американцы. 2 мая прибыли въ Ріо-Жанейро по пути въ Вестъ-Индію изъ Тихаго океана эскадренный броненосецъ *Орегонъ* и крейсеръ *Маріетта*. Къ нимъ здѣсь присоединился купленный у Бразиліи крейсеръ *Беффель*. 4 мая всѣ трое отбыли по назначенію. На Кубѣ американцы сдѣлали три попытки небольшихъ дессантовъ у Санта-Клары, Маріеля и Саледо, но всѣ попытки были отбиты испанцами, которые 4 мая торжественно от-

крыли въ Гаванѣ автономный парламентъ, единодушно вотировавшій резолюцію о неразрывномъ единеніи съ метрополіей. Такъ же единодушно были вотированы кредиты на войну и оборону. Къ инсургентамъ парламентъ обратился съ воззваніемъ о единеніи и мирѣ.

Американцевъ, конечно, мало смущали эти манифестаціи гаванскаго парламента. За то среди радости и торжества по поводу кавитской побѣды ихъ не мало смущали смѣлыя, можно сказать, дерзкія покушенія испанскихъ агентовъ на самой территоріи Штатовъ. 29 апрѣля былъ взорванъ въ Истонѣ, въ Пенсильваніи, складъ динамита, причемъ убито 12 человѣкъ, множество ранено. 30 апрѣля такой же взрывъ склада динамита былъ подготовленъ, но своевременно предупрежденъ въ Нью-Джерси; два человѣка арестовано. Того же 30 апрѣля въ Портландѣ арестовано нѣсколько человѣкъ за попытку подвести подъ стоявшіе здѣсь два миноносца подводныя торпеды. Въ самомъ Нью-Іоркѣ въ одно прекрасное утро американцы увидѣли, что проволоки, проведенныя къ минамъ, защищающимъ входъ въ портъ, всѣ перерѣзаны.

Совсѣмъ другого рода тревоги волновали въ это время Испанію. Пораженіе при Кавитѣ и обнаружившееся болѣе, нежели плачевное состояніе обороны колоніи, произвели удручающее впечатлѣніе на испанскій народъ. Дѣло было одно время такъ серьезно, что можно было опасаться революціи. Самыя серьезныя демонстраціи, нерѣдко переходившія въ открытое столкновеніе съ полиціей и даже войсками, произошли 2—6 мая въ Валенсіи, Талаверѣ, Гихонѣ, Касересѣ, Овіэдо, Велахо (убитые и раненые), Базѣ (убитые и раненые), Вальядолидѣ, Кордовѣ, Аликанте, Логроньо, Мурсіи (убитые и раненые), Линерасѣ, Мартосѣ и другихъ мѣстахъ. Въ Мадридѣ опасались военнаго пронунціаменто въ пользу генерала Вейлера. Были приняты обширныя мѣры предосторожности и объявлено осадное положеніе въ Мадридѣ, Овіедо и Мурсіи.

Тотъ же характеръ сохраняютъ событія и въ теченіе третьей недѣли войны (6—14 мая). Испанская эскадра плыветъ черезъ океанъ, американцы пробуютъ воспользоваться этимъ срокомъ для своихъ операцій. Покушеніе на Порто-Рико составляетъ главное событіе обозрѣваемой недѣли. Непредвидѣнно быстрый успѣхъ контръ-адмирала Девея противъ Манилы, совершенная беззащитность этой важной колоніи, возможность опереться на цвѣтное населеніе для истребленія бѣлыхъ, все поощряло предпріимчивость контръ-адмирала Сампсона. Куба была сравнительно всетаки защищена. Можно было ожидать, что Порто-Рико находится, пожалуй, въ состояніи, не болѣе защищенномъ, чѣмъ Филиппины. Оставивъ легкія суда для блокады Кубы, контръ-адмиралъ Сампсонъ съ эскадрою изъ девяти боевыхъ судовъ, не считая вспомогательныхъ крейсеровъ, появился утромъ 30 апр. (12 мая) передъ Санъ-Хуаномъ, главнымъ городомъ и портомъ острова Порто-Рико. Какъ

передъ Матанзасомъ 29 апрѣля, такъ и теперь, черезъ двѣ недѣли передъ Санъ-Хуаномъ, американскій адмиралъ началъ бомбардировку города безъ предварительнаго увѣдомленія. Испанцы отвѣчали съ фортовъ, которые оказались, однако, въ исправности и даже не безъ орудій новѣйшаго дальнобойнаго типа. Послѣ трехчасовой перестрѣлки американцы отплыли, очевидно, обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ. Одинъ вспомогательный крейсеръ нѣсколько пострадалъ. Нѣсколько убитыхъ и раненыхъ съ обѣихъ сторонъ.

Убѣдившись, что Порто-Рико не беззащитенъ и что здѣсь нельзя повторить блистательнаго сюрприза кавитской битвы, контръ-адмиралъ Сампсонъ возвратился съ своей эскадрой къ Кубѣ, чтобы продолжать дѣло постепенной подготовки нападенія. Мы уже указывали, что американцы сосредоточивали преимущественное вниманіе на восточномъ концѣ блокируемаго сѣвернаго побережья, на сегментѣ между Матанзасомъ и Корденьясомъ и въ ближайшемъ сосѣдствѣ къ востоку. Здѣсь, въ бухтѣ Корденьяса 8, 11 и 13 мая происходили небольшія морскія дѣла, мало, однако, подвинувшія впередъ задачу наступающаго флота. 8 мая крейсеръ 2 ранга *Вильмингтонъ* и миноносецъ *Винелоу* приблизились къ Корденьясу и пытались войти въ бухту. Испанскія канонерки *Лопесъ*, *Лижера* и *Алерта* оказались въ бухтѣ и открыли огонь по американскимъ судамъ, которыя послѣ полуторачасовой перестрѣлки отступили. 11 мая американцы снова возобновляютъ свою попытку. Тѣ же *Вильмингтонъ* (полуброн. кр.) и *Винслоу* были усилены неброн. крейсеромъ *Гудеономъ*. Канонерокъ въ бухтѣ они не застали, но входъ оказался загражденъ минами, а батареи открыли огонь. Перестрѣлка продолжалась часъ. *Винслоу* былъ пробитъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. *Вильмингтонъ* взялъ его на буксиръ и отвелъ за морской островокъ въ виду Карденьяса и тамъ поставилъ на мель, чтобы не затонулъ. Американцы потеряли убитыми 1 офицера и 4 нижнихъ чиновъ, и десятокъ раненыхъ. Потеря испанцевъ— 1 убитъ и 5 раненыхъ. 1 (13) мая американцы опять приблизились къ Корденьясу и спустили нѣсколько катеровъ съ цѣлью вынуть мины, заложенныя при входѣ въ бухту, но первый катеръ, подошедшій къ устью бухты, былъ взорванъ, причемъ погибло десять человѣкъ. Остальные катера возвратились на свои суда, которыя ушли. Американцы продолжали и опыты мелкихъ дессантовъ для поддержанія инсургентовъ. 13 мая были сдѣланы такія попытки у Акуа и Селадо, но были испанцами отбиты. Инсургенты съ своей стороны пробовали выйти на встрѣчу дессантамъ, но генералъ Родригецъ ихъ настигъ 13 мая, когда они вышли на равнину. Произошло сраженіе, въ которомъ инсургенты были разбиты, оставивъ на полѣ битвы свыше двухсотъ труповъ, въ томъ числѣ командира Эмиліо Ковассо. Тогда же въ провинціи Санто-Кларо испанцы аттаковали лагерь инсургентовъ, тоже вышедшихъ изъ горъ ради американцевъ. Лагерь былъ взятъ приступомъ,

остатки отряда скрылись въ горахъ. Въ лагерѣ захвачено характерное воззваніе, въ которомъ инсургенты заявляютъ, что немедленно послѣ достиженія независимости всѣ испанцы будутъ изгнаны съ острова, а гверильясы будутъ разстрѣляны. Гверильясы—это волонтеры изъ туземныхъ испанцевъ. Бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ Штатовъ Ольней былъ, очевидно, не дурно освѣдомленъ относительно послѣдствій кубинской независимости...

На южномъ побережьи Кубы тоже происходили военно-морскія столкновенія. Здѣсь американцы задались цѣлью перерѣзать кабель, соединяющій Сантъ-Яго съ Сіенфуэгосомъ. 11 мая полуброненосные крейсеры 2 ранга *Марблъгедъ* и *Нашвиль* и вспомогательный крейсеръ *Виндомъ* приблизились къ берегу и спустили катера, чтобы найти и перерѣзать кабель. Испанская артиллерія открыла огонь, потопила одинъ изъ катеровъ (причемъ погибло шесть человѣкъ) и принудила остальные отступить. На *Марблъгедѣ* тоже одинъ убитъ и нѣсколько ранено. 12 мая американцы возобновляютъ попытку, неудавшуюся наканунѣ. Они открываютъ бомбардировку Сіенфуэгоса (тоже безъ предупрежденія) и, отвлекая этимъ вниманіе испанцевъ, отправляютъ катера къ кабелямъ. Во время бомбардировки крейсеръ *Нашвиль* потерпѣлъ довольно серьезныя поврежденія отъ огня сіенфуэгоскихъ батарей. Командиръ *Нашвиля* тяжело раненъ. Убитыхъ на крейсерѣ два, нѣсколько раненыхъ. Въ это время *Виндомъ* съ катерами успѣваютъ выловить и перерѣзать кабель, послѣ чего американцы прекращаютъ бой подъ Сіенфуэгосомъ и отходятъ въ море. Они полагали, что достигли намѣченной цѣли. Вскорѣ, однако, обнаружилось, что *Виндомъ* ошибся и перерѣзалъ какой то старый брошенный кабель. Сообщеніе же Сантъ-Яго съ Сіенфуэгосомъ прервано не было.

Такъ развивались событія на водахъ Вестъ-Индіи, когда прибытіе испанской эскадры контръ-адмирала Серверы внесло существенное измѣненіе въ ходъ событій. 12 мая, когда контръ-адмиралъ Сампсонъ сражался подъ Санъ-Хуаномъ на Порто-Рико, а подъ Сіенфуэгосомъ американская эскадра перестрѣливалась съ испанскими фортами, въ это самое время на рейдѣ Форъ-де-Франса на французскомъ островѣ Мартиникѣ показалась эскадра контръ-адмирала Серверы. Взявъ, согласно международному праву, запасъ угля, по разсчету до ближайшаго порта, и возобновивъ запасъ провизіи, адмиралъ Сервера 2 (14) мая утромъ отплылъ изъ Форъ-де-Франса по неизвѣстному назначенію. Онъ ушелъ съ четырьмя броненосными крейсерами и двумя контръ-миноносцами. Контръ-миноносецъ *Терроръ*, не совсѣмъ исправный послѣ перехода океана, остался во французскомъ портѣ починяться и исправляться.

Извѣстіе о приходѣ испанской эскадры заставило подтянуться американцевъ. Контръ-адмиралъ Сампсонъ поспѣшно вернулся изъ Порто-Рико. Коммодору Шлею приказано тоже отправиться въ воды Вестъ-Индіи. Изъ его эскадры была выдѣлена *Колумбія* для крей-

серства у атлантическихъ береговъ Америки. За то 9 мая прибывшій изъ Англіи крейсеръ *Нью-Орлеанъ* вошелъ въ составъ эскадры коммодора Шлея. Въ эту же эскадру вошелъ и эскадренный броненосецъ *Техасъ*, только что вышедшій изъ дока. Эскадренный броненосецъ *Орегонъ* тоже успѣлъ къ этому сроку прибыть изъ Тихаго океана. 9 мая онъ вмѣстѣ съ крейсерами *Маріетта* и *Беффаль* прибылъ въ Ки-Вестъ. Значительный перевѣсъ на морѣ все же оставался на сторонѣ американцевъ, но быть сильнѣе противника или вовсе его не имѣть на морѣ—это такая разница, которую американцы могли оцѣнить послѣ прибытія эскадры к.-адм. Серверы въ вестъ-индскія воды.

Конецъ перваго мѣсяца войны (14—20 мая) является наиболѣе бѣднымъ событіями. Американцы, въ виду присутствія по близости непріятельской эскадры, сосредоточиваютъ свои силы. Обѣ эскадры соединяются у Ки-Веста, возобновляютъ свои запасы, чистятся и починяются въ ожиданіи генеральной битвы. У Кубы остаются только вспомогательные крейсеры. У Гаваны 14 и 18 мая испанскія канонерки заставляютъ ихъ отступить. Блокада временно становится фиктивною. Съ Сіенфуэгоса она фактически снята. Попытки мелкихъ дессантовъ, однако, продолжаются и 6 (18) мая, наконецъ, увѣнчиваются успѣхомъ. Отрядъ въ четыреста человѣкъ благополучно высаживается, не замѣченный испанцами. Отрядъ успѣваетъ соединиться съ инсургентами. Они встрѣтили дессантъ въ составѣ около 1,200 человѣкъ въ крайней нуждѣ. Имъ доставлено 6,000 ружей, много снарядовъ, изобильно провизіи, 30 лошадей и 75 муловъ. Это значительно поддержало инсургентовъ, доведенныхъ было, до крайности.

7 (19) мая эскадра к.-адм. Серверы прибыла въ Сантъ-Яго, а 8 мая была отмѣнена изъ Вашингтона посадка на суда дессантной экспедиціи. Къ этому сроку въ Тампѣ было сосредоточено тридцать транспортовъ для посадки тридцати-тысячной арміи (большею частью, регулярной). Появленіе эскадры Серверы заставило отсрочить экспедицію. Прокламація президента призвала между тѣмъ подъ знамена еще 75 тыс. волонтеровъ. Этимъ событіемъ и заканчивается первый мѣсяцъ войны. На атлантическомъ театрѣ военныхъ дѣйствій этотъ мѣсяцъ, несомнѣнно, былъ благопріятнѣе испанцамъ, нежели американцамъ, располагавшимъ значительнымъ матеріальнымъ преимуществомъ.

Начало второго мѣсяца войны проходитъ въ совершенномъ бездѣйствіи съ обѣихъ сторонъ. Сервера чистится и починяется въ Сантъ-Яго. Американцы сосредоточиваются и приготовляются въ Ки-Вестѣ, нервно ожидая появленія испанцевъ здѣсь и тамъ. Наконецъ, 14 (26) мая эскадра коммодора Шлея покидаетъ Ки-Вестъ и направляется къ Сантъ-Яго. Въ составъ эскадры входятъ эскадренные броненосцы *Айова Массачузетсъ* и *Техасъ*, броненосные крейсеры 1 ранга *Бруклинъ* и *Минесполисъ*, полуброненосный крей-

серъ 2 ранга *Нью-Орлеанъ* и нѣсколько вспомогательныхъ крейсеровъ. На другой день, 15 мая, вслѣдъ Шлею выступаетъ и к.-адм. Сампсонъ съ эскадрою изъ 2 эскадренныхъ броненосцевъ *Индіана* и *Орегонъ*, броненоснаго крейсера 1 ранга *Нью-Іоркъ*, полуброненоснаго крейсера *Марбльгедъ*, неброненосныхъ крейсеровъ *Гарвардъ*, *Эль* и *Яли*, миннаго крейсера *Везувій* и миноносцевъ *Скорпіонъ* и *Портеръ*. Обѣ эскадры направлялись къ Сантъ-Яго, но комм. Шлей огибаетъ Кубу съ востока, а к.-адм. Сампсонъ—съ запада. Ихъ задача найти к.-адм. Серверу, если онъ вышелъ въ море, или запереть его, если онѣ еще въ Сантъ-Яго. (29) 17 мая утромъ Шлей появился въ виду фортовъ Сантъ Яго. Въ ночь съ 17 на 18 мая испанскіе контръ-миноносцы *Плутонъ* и *Фуроръ* пробовали аттаковать американцевъ, но были во время замѣчены съ *Техаса* и принуждены были возвратиться. 19 мая утромъ коммодоръ Шлей въ свою очередь попробовалъ аттаковать Сантъ-Яго. Онъ открылъ огонь по фортамъ. Ему отвѣчали не только береговыя батареи, но и броненосный крейсеръ *Кристобаль Колонъ*, вышедшій для того изъ гавани. Перестрѣлка была взаимно безрезультатная, но ночная аттака *Плутона* и *Фурора* и участіе въ бою *Кристобаль Колона* обнаружило, что эскадра к.-адм. Серверы не ушла изъ Сантъ-Яго и теперь заперта въ этомъ изолированномъ портѣ. Это была большая удача для американцевъ, потому что ищи вѣтра въ полѣ, если онъ тамъ гуляетъ. 19 мая коммодоръ Шлей снова бомбардировалъ, тоже съ почтительнаго разстоянія. Испанцы ему не отвѣчали. Дѣло въ томъ, что ихъ форты вооружены не дальнобойными орудіями, а эскадра не вышла изъ гавани. 20 мая прибыла подъ Сантъ-Яго эскадра к.-адм. Сампсона, который и принялъ общее начальство надъ соединенными силами Штатовъ.

Во время этихъ дѣйствій американскаго флота инсургенты тоже приблизились къ Сантъ-Яго. Главная квартира ихъ главнокомандующаго южнаго района Калокато Гарсіа расположилась въ сорока миляхъ отъ Сантъ-Яго, а авангардъ подъ командою Кастильо даже только въ двадцати пяти миляхъ (43 версты). Серьезныхъ столкновеній, однако, съ этой стороны не было. Гарсіа выжидалъ успѣховъ американцевъ, а испанцамъ было неудобно ослаблять себя въ эту минуту. Сантъ-Яго совершенно отрѣзанъ отъ другихъ кубинскихъ центровъ и долженъ полагаться на готовыя свои силы.

Окончательно запереть эскадру к.-адм. Серверы и затѣмъ взять Сантъ-Яго съ суши при помощи серьезнаго дессанта, причемъ Серверѣ останется или потопить свои суда, или капитулировать,—такова ближайшая задача американцевъ, сама собою выяснившаяся въ началѣ іюня по н. ст. И въ самомъ дѣлѣ, сдѣлать дессантъ у Матанзаса или Гаваны, какъ собирались въ Вашингтонѣ, у американцевъ еще не хватило бы силъ. Генералъ Бланко располагаетъ въ тѣхъ мѣстахъ свыше ста двадцати тысячами комбатантовъ на мѣстности, изрѣзанной желѣзными дорогами. Здѣсь же на юго-

востокѣ у испанцевъ едва-ли наберется даже 20 тыс. войска, а прибыть подкрѣпленія могутъ очень не скоро. Къ тому же здѣсь и главныя силы инсургентовъ, и возможность уничтожить чуть не половину непріятельскаго флота. Такимъ образомъ, американцы обрѣли опредѣленный и вполнѣ цѣлесообразный и достижимый объективъ для своихъ дѣйствій, до тѣхъ поръ не отличавшихся ни большою цѣлесообразностью, ни постоянствомъ плана.

Запереть к.-адм. Серверу—первая задача, предстоявшая американцамъ. Они ее выполнили блистательно. Сантъ-Яго обладаетъ превосходною гаванью, глубокою и обширною бухтою, соединенною съ океаномъ узкимъ извилистымъ проливомъ, обставленнымъ высокими берегами. Форсировать такой входъ, какъ Девей форсировалъ входъ въ манильскую бухту, конечно, невозможно. Морской инженеръ-лейтенантъ Гобсонъ представилъ к.-адм. Сампсону другой планъ, который и былъ одобренъ. Приведенъ въ исполненіе онъ былъ самимъ Гобсономъ. Его задача была войти въ проливъ на большомъ суднѣ и достигнуть самаго узкаго мѣста фарватера, повернуть свое судно поперекъ и затопить. Фарватеръ такъ узокъ, что этого вполнѣ достаточно для прегражденія всякаго движенія по проливу. На извѣстный, довольно продолжительный срокъ испанскій флотъ будетъ герметически запертъ, и американцы получатъ необходимую свободу дѣйствія. Для этой опасной операціи Гобсонъ желалъ имѣть всего 6 человѣкъ экипажа. Ему дали эти шесть человѣкъ охотниковъ и старый, но громадныхъ размѣровъ транспортъ *Меримакъ*. Самъ Гобсонъ такъ изложилъ свой планъ: «Съ четырьмя человѣками я буду на палубѣ, двое будутъ у машины. Больше мнѣ никого не надо. Кромѣ меня, всѣ будутъ только въ бѣльѣ, со спасательнымъ поясомъ вокругъ поясницы. Въ трюмѣ будутъ установлены мины, проволоки отъ которыхъ будутъ около меня на палубѣ. На буксирѣ у насъ будетъ шлюпка со всѣми спасательными снарядами. Когда мы достигнемъ необходимаго пункта, по моему знаку одинъ изъ моихъ людей отпуститъ буксиръ и выпрыгнетъ черезъ бортъ, чтобы вплавь достигнуть освобожденной шлюпки. Вскочивъ въ нее, онъ подведетъ ее противъ праваго борта. Мы сдѣлаемъ поворотъ поперекъ фарватера, механикъ застопоритъ машину и откроетъ люки, затѣмъ всѣ, кромѣ меня, выпрыгнутъ за бортъ и, когда благополучно достигнутъ шлюпки, я надавлю пуговку, и *Меримакъ* будетъ взорванъ и затонетъ, заградивъ выходъ».

— А вы же какимъ образомъ надѣетесь спастись?—спросили лейтенанта.

— Тамъ будетъ виднѣе...

Утромъ 21 мая (3 іюня) лейтенантъ Гобсонъ въ точности выполнилъ намѣченную программу. Онъ благополучно прошелъ подъ огнемъ фортовъ, повернулъ и затопилъ свое судно тамъ, гдѣ слѣдовало, въ самомъ узкомъ мѣстѣ. *Меримакъ* затонулъ такъ, что мачты торчали изъ воды. Онъ вполнѣ закупорилъ бухту. Гобсонъ

успѣлъ послѣ взрыва выпрыгнуть за бортъ и благополучно достигнуть шлюпки, гдѣ уже собрались всѣ шесть товарищей его подвига. Шлюпка сдалась испанцамъ и адм. Сервера съ почетомъ встрѣтилъ доблестнаго лейтенанта и его храбрыхъ сподвижниковъ. Онъ немедленно отправилъ къ адм. Сампсону парламентерскій катеръ, увѣдомляющій, что герои *Меримака* всѣ спаслись и, при случаѣ, могутъ быть обмѣнены на испанскихъ плѣнныхъ. На первыхъ порахъ испанцы думали, что это была смѣлая аттака и что судно погибло, наткнувшись на ихъ подводную ударную торпеду. Они также надѣялись, что остается мѣсто для прохода. Въ этомъ смыслѣ были сообщенія въ Мадридѣ. Но это было полезно, чтобы удерживать связанными морскія силы американцевъ. Есть свѣдѣнія, что испанцы приступили къ освобожденію канала. На это потребуется немало времени, да и постоянныя бомбардировки мѣшаютъ работамъ. Этимъ и надо объяснять эти повторительныя бомбардировки, которымъ предаются американцы. По пути, однако, они достигли и другой цѣли. Входные форты сильно повреждены. Ихъ огонь мало дѣйствителенъ, а хорошо вооруженные броненосные крейсеры закупорены въ этой роковой бутылкѣ.

Другая задача к.-адм. Сампсона—подготовить возможность десанта. И эта задача въ значительной степени уже выполнена. Въ 60 миляхъ къ востоку отъ Сантъ-Яго лежитъ прекрасная бухта Гвантанамо съ городкомъ того же имени. Она имѣла старыя укрѣпленія. Сюда явилась американская эскадра и скоро заставила замолчать орудія, отлитыя еще въ эпоху великой армады. Подъ прикрытіемъ артиллеріи эскадры было высажено 850 человѣкъ морской пѣхоты. Отрядъ занялъ городокъ и гавань, но попытка утвердиться на сосѣднихъ высотахъ не удалась. Для эскадры к.-адм. Сампсона пріобрѣтеніе Гвантанамо—очень важно, какъ отличная стоянка во время бури, для нагрузки угля, чистки, мелкаго ремонта. Для операцій арміи Гвантанамо все еще нѣсколько далеко отъ Сантъ-Яго. Послѣднія телеграммы, полученныя, когда мы заканчиваемъ эту лѣтопись войны, гласятъ, что американскій десантъ подъ командою ген. Шафтера уже прибылъ къ Сантъ-Яго. Этимъ, какъ мы выше сказали, завершается первый періодъ войны, время подготовки.

IV.

Насъ настолько заняла испано-американская война, что остается очень мало мѣста для исторіи остальныхъ народовъ за отчетный мѣсяцъ.

Происходили 4 (16) іюня законодательные выборы въ Германіи, но мы еще не имѣемъ достаточно полнаго отчета о нихъ. Къ тому же около половины избраній не состоялось и перебаллотировка, предстоящая 18 (30) іюня будетъ имѣть не меньшее значеніе, не-

жели сами выборы. Не выяснилось еще достаточно и новое политическое положеніе во Франціи. Въ минуту, когда мы пишемъ эти строки, министерскій кризисъ еще не получилъ окончательнаго разрѣшенія. Но и послѣ этого еще пройдетъ нѣкоторый срокъ прежде, нежели можно будетъ составить точное понятіе о новой палатѣ и ея курсѣ. Разразился министерскій кризисъ и въ Италіи при самыхъ серьезныхъ обстоятельствахъ. Разрѣшенія его тоже надобно еще подождать. Всѣ эти важныя дѣла сами собою относятся къ заботамъ нашей будущей бесѣды.

Въ Бельгіи закончились законодательные выборы. Надежда, что на перебаллотировкѣ либералы и соціалисты соединятся, чтобы ослабить господство клерикаловъ, не осуществилась. Даже совершенно наоборотъ, эти двѣ антиклерикальныя группы настолько разошлись, что скорѣе вотировали за клерикаловъ, чѣмъ за либераловъ или соціалистовъ, по принадлежности. Благодаря этому, клерикальное большинство въ брюссельскомъ парламентѣ не только не ослабѣло, какъ на то можно было надѣяться по результатамъ выборовъ 10 (22) мая, но по результатамъ перебаллотировки 5 іюня даже увеличилось на два голоса. Валлонская Бельгія выбираетъ преимущественно соціалистовъ, фламандская—преимущественно клерикаловъ. Либералы одинаково слабы въ обѣихъ половинахъ страны. Вслѣдъ за законодательными выборами происходили провинціальные выборы съ результатами приблизительно тѣми же.

Въ отчетномъ мѣсяцѣ происходили частные континентальные выборы и въ Швейцаріи. Выбирали свои законодательныя собранія шесть кантоновъ. Ури, Швицъ, Цугъ и Аппенцель оставили свое прежнее представительство, характеръ котораго имѣетъ лишь мѣстное значеніе. Ожесточенная борьба происходила въ Вернѣ и Женевѣ, гдѣ соціалисты выступили съ большими надеждами. Въ Бернѣ имъ удалось отвоевать себѣ три новыхъ мѣста. Въ Женевѣ издавна тамъ господствующая радикальная партія удержала большинство.

Чтобы не уходить изъ живописной Гельвеціи, отмѣтимъ, что на собраніи представителей реформатской швейцарской церкви, состоявшемся въ маѣ мѣсяцѣ въ Лондонѣ, принято предложеніе, по которому прихожанкамъ предоставлено наравнѣ съ прихожанами мужского пола участіе въ выборахъ священниковъ. Безучастіе прихожанъ мужчинъ къ приходскимъ выборамъ послужило стимуломъ этой интересной реформы.

Происходили еще выборы въ Сербіи, но это было простое назначеніе отъ министерства, руководимаго бывшимъ королемъ Миланомъ. Разбирать и анализировать эти выборы было бы, конечно, напрасною тратою времени. Они не выражаютъ мнѣнія сербскаго народа.

Въ Австріи парламентскій кризисъ дошелъ до зенита. Уже дважды собирало рейхсратъ министерство гр. Туна и дважды, послѣ ряда безрезультатныхъ засѣданій, отсрочивало сессію император-

скимъ указомъ. Послѣдній разъ въ отчетномъ мѣсяцѣ гр. Тунъ полагалъ, что онъ нашелъ геніальное средство для выхода изъ кризиса. Онъ предложилъ рейхсрату выбрать коммиссію по вопросу о языкахъ и думалъ, покуда коммиссія будетъ занята своимъ дѣломъ, провести настоятельно необходимыя мѣропріятія, бюджетъ, временное соглашеніе съ Венгріей и пр. Въ бюджетъ внесено очень популярное предложеніе объ отмѣнѣ штемпельнаго сбора съ газетъ... Всѣ эти ходы и контръ-ходы не повели, однако, ни къ чему, благодаря исторіи, разыгравшейся въ Грацѣ. Хоры музыки славянскихъ полковъ, расположенныхъ въ этомъ главномъ городѣ Штиріи, играли въ общественномъ саду славянскія пѣсни и возбудили тѣмъ грубыя демонстраціи со стороны нѣмцевъ. Нѣмецкій муниципалитетъ города принялъ сторону демонстрантовъ. Эти политическія страсти, готовыя заразить и войско, испугали правительство. Армія — единственный элементъ, еще охраняющій единство имперіи. Впутывать армію въ политическую борьбу было бы опасно дозволить. Манифестанты были наказаны, грацкій муниципалитетъ распущенъ. Deinde irae et lacrimae и вся стратагема гр. Туна разсыпалась въ прахъ. Пришлось снова отсрочить сессію и управлять страною безъ парламента. Шумныя празднества въ Прагѣ, при открытіи памятника чешскому историку Палацкому, способны только подлить масла въ огонь. Рѣчь старика Ригера особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи... Объ австрійскихъ дѣлахъ намъ скоро придется говорить подробнѣе, какъ только они продвинутся настолько, чтобы составить новую главу къ длинной нашей бесѣдѣ въ мартовской книжкѣ этого года.

Изъ другихъ событій настоящаго мѣсяца имѣетъ немаловажное значеніе англо-французское соглашеніе въ бассейнѣ Нигера и озера Чада. Въ 1890 году состоялось между англичанами и французами первое соглашеніе объ этихъ мѣстностяхъ. Французскія и британскія колоніи по берегу Атлантическаго океана здѣсь чередуются одна за другою. Французская Сенегамбія, англійскій Золотой Берегъ, французскій берегъ Слоновой Кости, англійскій Невольничій Бергегъ (Лагосъ и устье Нигера), французское Конго. Между ними вкраплены германскія колоніи Того и Камерунъ. Всѣ три державы пришли къ удовлетворительному соглашенію о границахъ отъ океаническаго берега до горъ, окаймляющихъ на нѣкоторомъ разстояніи берегъ и отдѣляющихъ прибрежную и языческую и чисто-негритянскую Гвинею, отъ лежащаго за горами магометанскаго и полухамитскаго Судана. Западная часть этого Судана прорѣзывается съ сѣвера на югъ Нигеромъ. Онъ вытекаетъ съ внутренняго суданскаго склона прибрежнаго хребта и большую часть своего теченія слѣдуетъ его направленію, потомъ поворачиваетъ на юго-западъ, прорываетъ хребетъ и впадаетъ въ океанъ. Англичане основались на его устьѣ и медленно поднимались вверхъ. Французы между тѣмъ изъ Сенегамбіи вышли на верхній Нигеръ и начали спускаться на встрѣчу

на себя трудъ разсылать книгу, почему и допустилъ поставить на обложкѣ свою фамилiю, зная, что повѣсть «пропущена цензурой» и «была помѣщена въ передовомъ журналѣ». Послѣднее не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ въ 1866 году «Отеч. Записки» не перешли еще подъ редакцiю Некрасова, при которомъ, безъ сомнѣнiя, повѣсти, подобныя «Кузькѣ, мордовскому богу», не могли бы найти мѣста въ журналѣ. Во всякомъ случаѣ, однако, мы охотно заимствуемъ изъ «Нижегор. Листка» это объясненiе г-на Грацiанова, изъ котораго ясно, что заключенiя рецензiи о характерѣ издательской стороны дѣла рѣшительно опровергаются, и личное участiе г-на Грацiанова въ изданiи совершенно лишено того характера, какой ему приписанъ. Мы очень жалѣемъ, что умолчанiе объ издателѣ и не совсѣмъ обычная форма, въ которой появилось имя г-на Грацiанова на обложкѣ изданiя, подали поводъ къ разъясненному теперь недоразумѣнiю.

PS. Замѣтка эта была уже въ наборѣ, когда г. Грацiановъ прислалъ намъ письмо тождественнаго содержанiя. Прибавимъ, что, по словамъ г. Грацiанова, сборъ съ книги авторомъ назначался для какихъ-то благотворительныхъ цѣлей. Это новое обстоятельство, касающееся опять издательской стороны, нимало не измѣняетъ нашего мнѣнiя о литературной сторонѣ предпрiятiя, такъ какъ содержанiе книги, взводящей свирѣпыя небылицы на цѣлое племя и завѣдомо искажающей истину, не можетъ быть оправдываемо никакими сторонними соображенiями.

Ред.

Издатели: **Вл. Короленко.** Редакторы: **П. Быковъ.**
Н. К. Михайловскiй. **С. Поповъ.**

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Подписавшіеся на журналъ съ доставкой—въ Московскомъ отдѣленіи конторы «Русскаго Богатства» или черезъ книжные магазины — съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

2) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи **не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.**

3) При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ бандероли** или сообщать его №.

4) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

5) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногородняго на городской—50 к.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 10 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

Редакторы: П. Быковъ, С. Поповъ.

U of Chicago
35733816